Лудовикъ Исидоръ Дюперре
род. въ 1780.

Фридерикъ Вильямъ Бичи
род. въ 1796.

ПУТЕШЕСТВІЕ
ВОКРУГЪ СВѢТА,

СОСТАВЛЕННОЕ

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ОТКРЫТІЙ

МАГЕЛАНА, ТАСМАНА, ДАМПІЕРА, АНСОНА, БАЙРОНА, ВАЛЛИСА, КАРТЕРЕ, БУГЕНВИЛЛЯ, КУКА, ЛАПЕРУЗА, БЛЕЙГА, ВАНКУВЕРА, ДАНТРКАСТО, ВИЛЬСОНА, БОДЕНА, ФЛИНДЕРСА, КРУЗЕНШТЕРНА, ГОЛОВНИНА, ПОРТЕРА, КОЦЕБУ, ФРЕЙСИНЕ, БЕЛЛИНГСГАУЗЕНА, ГАЛЛЯ, ДЮПЕРРЕ, ПОЛЬДИНГА, БИЧИ, ДЮМОНЪ-ДЮРВИЛЯ, ЛИТКЕ, ДИЛЛОНА, ЛАПЛАСА, МОРЕЛЯ, И ПР.

ИЗДАНО ПОДЪ РУКОВОДСТВОМЪ

ДЮМОНЪ-ДЮРВИЛЯ,

Капитана Французскаго Королевскаго Флота.

СЪ КАРТАМИ И МНОГОЧИСЛЕННЫМЪ СОБРАНІЕМЪ ИЗОБРАЖЕНІЙ, ГРАВИРОВАННЫХЪ НА МѢДИ, СЪ РИСУНКОВЪ ИЗВѢСТНАГО СЕНСОНА, РИСОВАЛЬЩИКА, СОВЕРШИВШАГО ПУТЕШЕСТВІЕ СЪ ДЮМОНЪ-ДЮРВИЛЕМЪ, НА АСТРОЛЯБІИ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Изданіе ***А. Плюшара.***

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Издателя Энциклопедическаго Лексикона, А. А. Плюшара.

1837.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатанiи, до выпуска изъ Типографiи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Iюля 4 дня 1837.

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВОКРУГЪ СВѢТА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Океанія. — Острова Вавиту. — Манжія. — Вайтутаки. — Тубуэ, и проч. — Переѣздъ отъ острововъ Таити къ островамъ Тонга.

Буря, застигнувшая насъ 29 Апрѣля ввечеру между островами Таити, была слабѣе той которую мы терпѣли прежде: по истеченіи сорока восьми часовъ N. W. вѣтеръ стихъ и *Океанія* могла держаться, ожидая возвращенія попутнаго S. O. Пендлетонъ не хотѣлъ утомлять судна и шелъ прямо на высоту острова Вавиту; тутъ вѣтеръ переходя съ галса на галсъ, дозволилъ намъ взять направленіе къ Тонгѣ. Когда я совершенно узналъ Пендлетона, ознакомился съ его фатализмомъ, въ который вмѣшивались набожныя и высокія мысли, я не удивлялся болѣе непостоянству его предпріятій и порывамъ неизъяснимымъ для Филипса и для всякаго, кто не постигалъ причины его поступковъ. Экипажъ, не смотря на неограниченную довѣренность къ своему капитану, первому владыкѣ послѣ Бога, самъ экипажъ, говорю я, не довѣрялъ иногда ему: «Капитанъ нашъ великій геній или великій простякъ,» говорили матросы; «великій геній, потому что онъ никогда попустякамъ не становится у берега; великій простякъ, потому что никогда не выходитъ на берегъ во время.»

И могли ли эти необразованные люди говорить иначе, когда выраженіе лица Пендлетона было всегда въ противуположности съ впечатлѣніями здраваго разсудка? На этотъ разъ, напримѣръ, когда дулъ вѣтеръ N. W., Пендлетонъ казался довольнымъ, и вдругъ нахмурился, когда поднялся попутный для насъ S. O. Могъ ли онъ сказать матросамъ: «Тамъ, подъ 31° 25' юж: шир: и 132° 10' зап. долг., говорятъ, находится группа острововъ, означенная на нѣкоторыхъ Американскихъ картахъ; капитанъ Ж. Митчель увѣряетъ, что видѣлъ ихъ въ 1823 году, и что они имѣютъ сорокъ восемь миль протяженія отъ запада къ востоку. Но я, Пендлетонъ, сомнѣваюсь въ существованіи этихъ острововъ, и хотѣлъ бы убѣдиться въ справедливости моего сомнѣнія.» Пендлетонъ могъ думать все это, но не могъ сказать.

Не одно это сомнѣніе было причиною сожалѣній капитана: въ томъ же направленіи

находятся группа островов Бассъ и остр. Рапа.

Группа островов Бассъ (Bass) состоитъ изъ четырехъ островковъ, лежащихъ подъ 27° 40' юж. шир. и 145° 50' зап. долг. Они были открыты въ 1803 году мореплавателемъ, который назвалъ ихъ своимъ именемъ, и были вторично видѣны Паульдингомъ (Paulding); болѣе ничего не извѣстно объ нихъ. Бассъ и нѣкоторые географы приняли ихъ за острова Коронадосъ (Coronados) Квироса; но вѣроподобнѣе, что этимъ именемъ назывались острова Глочестеръ въ архипелагѣ Помоту.

Островъ Рапа гораздо значительнѣе островов Бассъ. Онъ замѣченъ въ первый разъ Ванкуверомъ, 22 Декабря 1791 года. Жители этого острова сначала были очень боязливы и недовѣрчивы въ сношеніяхъ съ мореплавателемъ, но вскорѣ сдѣлались смѣлѣе, и непреодолимая склонность къ воровству, свойственная всѣмъ Океанійскимъ поколѣніямъ, вполнѣ обнаружилась въ нихъ. Наиболѣе ихъ прельщало желѣзо; они старались красть даже гвозди корабля. Ванкуверъ нашелъ въ жителяхъ Рапа большое сходство съ жителями острововъ Тонга. По догадкамъ его, начальникъ острова назывался Корай, а островъ Опаро. Этимъ именемъ островъ Рапа долго былъ означаемъ на картахъ. Почва состояла изъ песчаныхъ прибрежій, опушенныхъ зеленью, и безплодныхъ холмовъ, надъ которыми нависли скалы. Ванкуверъ принялъ эти скалы за села: ему казалось, что онѣ, подобно Ново-Зеландскимъ ущельямъ, были укрѣплены. Островъ имѣлъ флотилію: до тридцати лодокъ собрались вокругъ корабля. на нихъ находилось 300 человѣкъ. Народонаселеніе Рапа полагали въ 1,500 чел. Островитяне были средняго роста, весьма дородны, но стройнаго сложенія, веселой и пріятной наружности, съ бритыми головами и почти совершенно нагіе. Нѣкоторые изъ важнѣйшихъ лицъ носили поясы изъ древесныхъ листьевъ.

Послѣ Ванкувера, вѣроятно многіе подходили къ Рапа, но никто не оставилъ свѣдѣній объ этомъ островѣ. Двадцать лѣтъ спустя, объ немъ упоминаетъ Эллисъ. По преданію этого миссіонера, въ 1814 году, капитанъ Пауель, застигнутый тишью близъ этихъ береговъ, сдѣлался предметомъ довольно страннаго покушенія жителей Рапа. Имъ не дозволяли взойти на корабль; они схватились за веревку, висѣвшую у кормы, и устроивъ родъ морской упряжи, изъ 50 человѣкъ, стали тянуть корабль къ берегу. Однѣ угрозы заставили ихъ оставить предпріятіе.

Эллисъ подошелъ къ островамъ Рапа въ 1817 году Января 26. Когда завидѣли его корабль, онъ тотчасъ былъ окруженъ двадцатью лодками. Жители были тѣ же, которыхъ видѣлъ Ванкуверъ; смуглые, стройные, черты лица ихъ были правильны, волосы черные и кудрявые, тѣло нагое, не испещренное рисунками, но прикрытое только поясомъ изъ драцены. Взойдя на корабль, они до того сдѣлались смѣлы, что нужно было употребить противъ нихъ силу. Они крали не только вещи, но и людей. Одинъ изъ нихъ, плотный и высокій мужчина, схватилъ подъ руку маленькаго матроса, и бросился бы съ нимъ въ море, если бъ бѣдный мальчикъ не успѣлъ увернуться; одинъ изъ прислужниковъ былъ отъ нихъ избавленъ подоспѣвшими людьми. На палубѣ происходили странныя сцены. Находившійся на кораблѣ догъ, огромная, смѣлая и дикая собака, привязанная на цѣпи, увидя незнакомыхъ, оробѣла до того, что не только не лаяла и не бросалась, но спряталась въ будку и дрожала всѣмъ тѣломъ. Страхъ собаки еще увеличился, когда одинъ изъ дикихъ, подошедъ къ ней, схватилъ ее и хотѣлъ броситься съ нею въ море. Но собака была на цѣпи, цѣпь была прикрѣплена къ будкѣ, а будка къ палубѣ. Сначала дикарь, казалось, все хотѣлъ унести съ собою; но видя, что усилія его будутъ тщетны, онъ отказался отъ этой добычи, бросился на кошку, схватилъ ее, кинулся въ воду, и доплылъ до лодки, гдѣ кошка привела всѣхъ въ удивленіе. Въ слѣдствіе столь явныхъ насилій, надо было прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Капитанъ былъ вынужденъ велѣть очистить палубу; это приказаніе было медленно и съ большимъ трудомъ исполнено матросами. Догъ, ободрившись отъ страха, началъ лаять и тѣмъ способствовалъ къ исполненію повеленія капитана. Наконецъ, освобожденный отъ своихъ посѣтителей, корабль поплылъ къ Таити. Эллисъ удостовѣрился, что настоящее имя острова есть *Рапа*. Въ 1825 году подходилъ къ Рапа Таитскій кутеръ, отвозившій въ Таити двухъ жителей этого острова. Ласково принятые миссіонерами, эти дикіе полюбили Христіанскіе обычаи и научились

читать. Когда ихъ нашли довольно свѣдущими, то отправили на родимый островъ съ двумя Таитянами, воспитанными миссіонерами. Прибытіе ихъ на Рапа было причиною настоящаго торжества. Жители подняли на руки лодку, въ которой находились пріѣзжіе, и принесли ихъ такимъ образомъ на берегъ. Дружескія сношенія водворились съ жителями; вымѣняли нѣсколько сандальнаго дерева на съѣстные припасы, и просили капитана этого кутера возвратиться къ ихъ берегамъ. Онъ это исполнилъ. Въ слѣдующемъ Январѣ Таитскіе миссіонеры прибыли въ Рапа, съ тѣмъ, чтобы тамъ поселиться. Съ ними были ихъ жены и двое изъ ихъ соотечественниковъ; съ запасомъ Таитскихъ книгъ и Евангельскихъ поученій, они привезли земледѣльческія орудія, сѣмена и строевой лѣсъ, для построенія часовни. Г. Девисъ (M. Davies), одинъ изъ первыхъ Англійскихъ миссіонеровъ на Таити, не смотря на отвращеніе нѣкоторыхъ, учредилъ миссію, труды коей въ послѣдствіи были не безъуспѣшны. Уже многіе обратились къ Христіанской вѣрѣ, когда Дольфинъ присталъ къ берегу этого острова, въ Іюнѣ 1826 года. Со времени Ванкувера, мѣстоположеніе и нравы жителей мало измѣнились: 2,000 человѣкъ жили въ жалкихъ хижинахъ и питались рыбою и таро. Послѣ Паульднига никто изъ извѣстныхъ мореплавателей не приставалъ къ остр. Рапа; одни Таитскіе миссіонеры имѣли нѣкоторыя сношенія съ жителями, которые нынѣ всѣ обращены къ Христіанской вѣрѣ. Отъ нихъ извѣстно намъ, что ужасная зараза истребила большую часть народонаселенія: изъ 2,000 чел. едва ли осталось 500! Рапа лежитъ подъ 27° 36' юж. шир. и 146° 32' запад. долг. Мѣстоположеніе острова гористое, возвышенное; окружность его отъ десяти до двѣнадцати миль. Остроконечныя горы, вышиною отъ двухъ до трехъ сотъ туазовъ, составляютъ внутреннюю часть острова. Издалека ихъ легко можно принять за укрѣпленныя селенія, что и привело Ванкувера въ заблужденіе. Эта гористая часть острова вовсе необитаема. Всѣ жители поселены на восточномъ берегу, близъ рейда; тутъ они засѣваютъ таро, которымъ прокармливается вся колонія. Заливецъ, называемый Аурай, вдается въ землю на нѣсколько миль; входъ въ него довольно труденъ, но просторъ и глубина дозволяютъ кораблю удобно становиться; недалеко отъ этого мѣста есть хорошая прѣсная вода. Деревья и кустарники, рѣдко разбросанные по хребтамъ горъ, суть единственныя произведенія растительности острова. Подъ этою широтою находятся уже растенія, свойственныя умѣренному поясу.

Къ W. N. W. отъ Рапа, на разстояніе сорока миль, на Американскихъ картахъ подъ 27° 2' юж. шир. и 148° 47' зап. долг. показана подводная скала въ десять миль протяженія, открытая въ 1830 году Уиксомъ (Weeks) капитаномъ корабля Нью-Бедфордъ, и названная имъ Ланкастеръ. До новѣйшихъ изслѣдованій можно сомнѣваться въ существованіи этого опаснаго мѣста. Подобному же сомнѣнію подлежитъ и островъ, открытый въ 1824 году капитаномъ Кемпъ, подъ 26° юж. шир. и 153° 19' запад. долг. Этотъ мнимый островъ, какъ и многіе другіе, которые мы выбрасываемъ изъ картъ, можетъ быть, былъ не что иное какъ облако.

За этими островами и подводными скалами, къ которымъ Пендлетонъ, къ великому своему сожалѣнію, не могъ подойти для обозрѣнія, слѣдовали острова Вавиту, ясно видимые съ *Океаніи*. Издалека островъ показался намъ средней величины, плодородный, лѣсистый, покрытый растительностію въ родѣ Таитской. Съ четверть часа мы шли вдоль южной его оконечности, какъ вдругъ подъѣхала лодка съ тремя туземцами, изъ коихъ одинъ, вѣроятно, былъ старшина. По скромному и ловкому обхожденію, по уваженію этихъ людей къ предметамъ разбросаннымъ на палубѣ, ясно было, что миссіонеры успѣли образовать ихъ и внушить имъ нѣкоторыя правила. Дѣйствительно, всѣ жители Вавиту обращены въ Христіанство. Посланные желали, чтобы *Океанія* остановилась у ихъ острова; но Пендлетонъ не полагалъ его довольно любопытнымъ, и потому не хотѣлъ оставлять прямаго своего пути. Къ тому же въ народѣ царствовала заразительная болѣзнь, которая изъ 3,000 жителей оставила только 700 душъ. Мы подарили кое какія бездѣлушки нашимъ посѣтителямъ и пошли подъ всѣми парусами къ Тубуэ, гдѣ должны были остановиться.

Вавиту, или какъ его обыкновенно называютъ, Райвавай, открытъ Испанцемъ Гайянгосомъ (Gayangos) 5 Февраля 1775 года. Жители этого острова показались ему буйными и склонными къ воровству. Они не татуиро-

вали тѣла; одежда была сдѣлана изъ растенія, въ родѣ папируса, какъ у жителей Таити. Лодки были весьма красивы, оружіе хорошо выработано. Въ 1791 году Брутонъ осматривалъ этотъ островъ, а въ 1811 онъ былъ замѣченъ капитаномъ Генри, который полагалъ, что онъ первый его нашелъ. Послѣ него многіе купеческіе корабли приставали къ Вавиту. Но только въ 1822 году обращенные въ Христіанство Таитяне выстроили тамъ часовню, для распространенія истинной вѣры, и вскорѣ совершенно успѣли въ этомъ. Вавиту лежитъ подъ 23° 50' юж. шир. и 150° 12' зап. долг. и имѣетъ отъ двѣнадцати до пятнадцати миль въ окружности.

Вскорѣ Вавиту совершенно скрылся изъ виду, и 4 Мая утромъ мы завидѣли островъ Тубуэ; въ то же утро *Океанія* бросила якорь на глубинѣ въ пять брассовъ, между подводными скалами западнаго берега. На этомъ берегу поселились всѣ жители острова, до 300 душъ. Они живутъ въ двухъ небольшихъ селеніяхъ; между хижинами есть каменные оштукатуренные домики, наподобіе, тѣхъ которые мы видѣли на островахъ Таити; эти жилья менѣе удобны, нежели красивы, менѣе здоровы и безопасны, нежели первобытныя хижины дикихъ. Только что мы стали на якорь, тотчасъ бросились въ лодку и отправились къ берегу, гдѣ вышли, окруженные жителями острова. Они наперерывъ изъявляли намъ дружественное расположеніе, разговаривали съ нами на своемъ Полинезійскомъ нарѣчіи, которое было мнѣ совершенно извѣстено. Многіе предлагали намъ проводить насъ въ селеніе, весьма незанимательное. Хижины походили на хижины жителей Нука-гивы. Но не смотря на предупрежденія Пендлетона, я осмотрѣлъ внутренность острова. «По крайней мѣрѣ попросите одного изъ старшинъ служить вамъ проводникомъ.» сказалъ мнѣ капитанъ. Мнѣ указали значительнѣйшаго изъ всѣхъ, короля Тубуэ. Его велъ: взгромоздившись на одинъ изъ подводныхъ камней съ опущенными въ воду ногами, удилъ рыбу для своего обѣда. На вопросъ мой, угодно ли ему будетъ служить мнѣ провожатымъ, онъ покачалъ головою, указывая мнѣ на трепещущую въ рукахъ его удочку. Я понялъ, и вынувъ изъ кармана хорошенькій перочинный ножичекъ, просилъ принять его въ вознагражденіе. Это произвело удивительное дѣйствіе: онъ бросилъ удочку и пошелъ передо мною, повторяя увѣренія въ дружбѣ и говоря, что онъ мой истинный пріятель.

И такъ мой новый пріятель, король дикихъ, прежде всего повелъ меня къ болотистому мѣсту; приближаясь, онъ сталъ на колѣна, какъ дромадеръ, и знаками приглашалъ меня взлѣсть къ нему на спину. Волею или неволею я долженъ былъ воспользоваться этимъ самоотверженіемъ и сѣсть верхомъ на спину моего друга; такимъ образомъ мы прошли триста туазовъ въ самой нечистой болотной водѣ. Мѣсто было скользкое, ноша довольно тяжелая, и бѣдный мой другъ прибылъ на другой берегъ, запыхавшись, весь въ грязи и въ черной вонючей тинѣ. Онъ сейчасъ обмылся у ближайшаго водопадца; туалетъ его не могъ ни мало пострадать, ибо онъ былъ совершенно нагой. За болотомъ находилась большая долина, покрытая кокосовыми, хлѣбными и панаевыми деревьями; изрѣдка являлись развалившіяся хижины, давно уже необитаемыя. Впрочемъ эта лѣсистая долина представляла довольно пріятное зрѣлище. Мы гуляли по ней почти уже три четверти часа, какъ товарищъ мой закричалъ такимъ пронзительнымъ голосомъ, что я невольно содрогнулся: я подумалъ, что Пендлетонъ не безъ причины совѣтовалъ мнѣ быть осторожнымъ. Но страхъ мой былъ тщетенъ. На вызовъ короля показался вдали одинъ изъ жителей, который какъ привидѣніе выскочилъ изъ гущи кустарниковъ; вмѣсто непріязненныхъ намѣреній, онъ, по другому знаку своего начальника, взлѣзъ на вершину кокосоваго дерева, снялъ нѣсколько орѣховъ и бросилъ ихъ намъ. Я съ удовольствіемъ высосалъ молоко; чтобъ довершить угощеніе, мой другъ, король, пригласилъ меня войти въ хижину; тамъ подали намъ сушенаго тѣста и плодовъ хлѣбнаго дерева. Не смотря на желаніе воспользоваться гостепріимствомъ туземцевъ, я не могъ проглотить ни куска.

Отдохнувъ, мы возвратились къ берегу, по другой дорогѣ, усаженной дикимъ сахарнымъ тростникомъ. При входѣ въ селеніе было кладбище; на могилахъ стояли двѣ или три статуи грубой работы. Выйдя на берегъ, я хотѣлъ тотчасъ же отправиться на корабль, но король удержалъ меня обѣдать, желая, говоритъ онъ, вознаградить меня за

худое угощеніе во время прогулки. Тутъ съѣстные припасы были лучше и разнообразнѣе. То же самое тѣсто, необходимое блюдо во всѣхъ обѣдахъ, явилось, но съ рыбою, наловленною королевскими руками; жареныя курицы, таро, плоды хлѣбнаго дерева и другіе не менѣе вкусные фрукты, были поданы въ заключеніе обѣда. Всѣ кушанья были обвернуты банановыми листьями и симметрически разложены на соломяныхъ цыновкахъ, лежавшихъ на землѣ; вокругъ хижины стояла многочисленная прислуга, готовая исполнять приказанія амфитріона; нѣсколько гостей, конечно начальники, хотя и подчиненные моему другу, столпясь въ кружекъ, пили и ѣли съ нами. Король прислуживалъ мнѣ самъ, и никому кромѣ меня не оказывалъ подобной вѣжливости. Желая изъявить признательность за его вниманіе, я предложилъ ему мою флягу съ ромомъ; мы пили изъ нее вмѣстѣ. Замѣтя, что онъ слишкомъ часто обращается къ фляжкѣ, и не зная какого онъ нрава въ пьяномъ видѣ, я предложилъ ему поподчивать гостей этимъ напиткомъ, указавъ ему на двухъ, по видимому, старшихъ послѣ него. Это предложеніе разсердило короля; онъ схватилъ фляжку, спряталъ ее между ногъ и съ грознымъ видомъ сказалъ: «Нѣтъ, нѣтъ, я ничего имъ не дамъ, это слишкомъ хорошо для нихъ.» Впрочемъ это легкое облако неудовольствія нисколько не затмило дружбы нашей. Когда я не напоминалъ больше объ ромѣ, король опять сдѣлался также ласковъ, предъупредителенъ и вѣжливъ какъ прежде. Онъ готовъ былъ все уступить мнѣ, домъ, жену и подданыхъ. Подарокъ мой тронулъ его до глубины души. Если бы мнѣ пришло тогда въ мысль быть королемъ острова, то нѣтъ сомнѣнія, что я успѣлъ бы въ этомъ. Мой пріятель вѣрно отказался бы для меня отъ престола; ромъ сдѣлалъ его необыкновенно откровеннымъ и нѣжнымъ. Когда Пендлетонъ хотѣлъ меня освободить изъ его объятій, я долженъ былъ поцѣловаться съ нимъ носомъ разъ пять или шесть; онъ плакалъ какъ ребенокъ и бросился за мною вплавь, когда лодка отвалила отъ берега. Посѣщеніе мое было вѣрно эпохою въ его жизни; на островѣ Тубуэ малѣйшее происшествіе составляетъ эпоху.

Тубуэ открытъ Кукомъ въ Августѣ 1777 года. Онъ не останавливался здѣсь, но имѣлъ сношенія съ жителями подъѣхавшими къ нему на лодкахъ длиною въ 30 футовъ; на каждой изъ нихъ было по семи или восьми человѣкъ. То были люди мужественнаго вида, съ кожею желтовато-смуглаго цвѣта, съ черными, гладко причесанными волосами, съ круглыми, полными лицами, но жестокаго нрава. Пріѣхавшіе къ Куку, были нагіе, но изъ оставшихся на берегу нѣкоторые были прикрыты чѣмъ то бѣлымъ. На груди ихъ висѣли перламутровыя раковины.

Послѣ Кука явились въ Тубуэ бунтовщики съ Боунти, которые, какъ мы уже видѣли, тщетно желали неоднократно тамъ поселиться. Потомъ въ 1801 году, прибыли миссіонеры, успѣвшіе, не смотря на довольно сильное сопротивленіе островитянъ, частію волею, частію неволею, водворить между ними вѣру Христіанскую. Когда въ 1826 году Паульдингъ посѣтилъ этотъ островъ, то вѣроисповѣданіе частію было уже Христіанское, частію же владычествовало идолопоклонство: теперь, кажется, оно совершенно уничтожено.

Тубуэ не имѣлъ болѣе пяти или шести миль въ ширину, вмѣстѣ съ бурунами, которые окружаютъ его; не менѣе того, высокіе и лѣсистые холмы покрываютъ островъ. Равнины и крутые берега усѣяны растеніями, доказывающими плодородность почвы. Со времени открытія острова, на немъ были свиньи, дворовыя птицы и вообще всѣ произведенія земель, подъ тропиками лежащихъ. Народонаселеніе въ Тубуэ, какъ и въ смежныхъ съ нимъ островахъ, постепенно уменьшается. Сперва считали до 1,000 жителей; теперь не болѣе трехъ сотъ. Островъ лежитъ подъ 23° 24' юж. шир. и подъ 150° 41' зап. долготы.

Направляясь къ Римстара, мы видѣли издалека Руруту, иначе называемый Огитероа, островъ, открытый Кукомъ въ 1767 году, и найденный безплоднымъ и почти ненаселеннымъ. Жители были стройны, мужественной наружности, татуированы только подъ мышками и на лядвеяхъ. Одежда ихъ была сдѣлана изъ хорошо выработанной и окрашенной матеріи; оружіе изъ крѣпкаго дерева, хорошо выдѣлано; лодки съ мелкою рѣзьбою были украшены перьями на носу и кормѣ. Этотъ островъ, совершенно забытый съ 1811 года, былъ посѣщенъ въ 1822 году Таитскими миссіонерами. Нынѣ всѣ жители его обращены въ Хри-

стіанство. Онъ лежитъ подъ 23° 27' юж. шир. и 153° 6' зап. дол.; окружность его отъ двѣнадцати до тринадцати миль.

Океанія стала противъ Риметара и тотчасъ спустила въ море лодку, ибо одинъ изъ соотечественниковъ Пендлетона, пріятель его, съ которымъ онъ велъ переписку, находился на островѣ. Пендлетонъ одинъ вышелъ на берегъ, чтобы переговорить съ нимъ, и не болѣе трехъ часовъ употребилъ на это посѣщеніе. *Океанія* между тѣмъ держалась въ нѣкоторомъ отдаленіи, потому что крутые берега острова были опасны и вредны для здоровья. Этотъ клочекъ земли обратилъ на себя вниманіе своею плодородностію. Тамъ поселились Христіанскіе миссіонеры, служившіе средоточіемъ всѣмъ окрестнымъ группамъ. Риметара, открытый въ 1811 году К. Генри, до прибытія туда въ 1821 году миссіонеровъ, былъ совершенно забытъ. Паульдингъ, посѣтившій островъ сей въ 1826 году, нашелъ на немъ до трехъ сотъ жителей, помѣщавшихся въ маленькихъ хижинахъ вокругъ большаго оштукатуреннаго дома, въ которомъ жили пасторы ихъ, властители и проповѣдники острова. Поля были засѣяны картофелемъ, табакомъ, манною и таро. Островъ изобиловалъ съѣстными припасами: въ нѣсколько часовъ Англійскій мореплаватель успѣлъ снабдить свой экипажъ тридцатью свиньями и большимъ количествомъ разныхъ овощей. Идолопоклонство было совершенно истребленно; обломки колоннъ, бывшихъ нѣкогда вышиною въ 60 футъ, одни означали мѣсто прежняго морая. Зданіе это было разрушено по приказанію миссіонеровъ. Островъ плоскій, длина его до трехъ миль, ширина не болѣе; онъ окруженъ подводными скалами и лежитъ подъ 22° 38' юж. шир. и 154° 22' зап. долготы.

За Риметара подъ 21° 48' юж. шир. и 157° 14' зап. дол. *Океанія* прошла мимо маленькаго кораллового островка, окруженнаго подводными скалами. Поверхность его была усѣяна кустарникомъ. Онъ открытъ капитаномъ Паульдингомъ (1) въ 1826 году который не нашелъ на немъ ничего кромѣ морскихъ птицъ. Они владычествовали, и ни мало не тревожились видя матросовъ. Прибрежье было совершенно покрыто ихъ яйцами.

Плаваніе наше отъ острова къ острову продолжалось еще нѣсколько дней. Прошедъ мимо рифа, открытаго Паульдингомъ, *Океанія* направилась къ сѣверу, и проходила мимо Маути, Мити-аро, Ватіу, Мануэ и Ваиту-таки. Всѣ эти острова, покрытые зеленью, принадлежатъ къ группѣ, извѣстной въ запискахъ миссіонеровъ подъ наименованіемъ острововъ Гервея (Harvey). *Океанія* видѣла ихъ только изъ дали, и не подходила къ нимъ; но вотъ что о нихъ извѣстно.

Самый южный изъ этихъ острововъ есть остр. Манжія; онъ былъ открытъ въ 1777 году Кукомъ, у котораго на кораблѣ находился въ то время дикій Май, взятый имъ изъ Таитскаго архипелага. Май служилъ толмачемъ Англійскому капитану. Онъ уговорилъ островитянъ, подъѣхавшихъ къ нимъ на лодкахъ, взойти на палубу. Сначала они боялись, но потомъ ободрившись, взошли. Эти туземцы были красивы собою, мужественнаго вида, небольшаго роста, но хорошо сложены, пріятной наружности и веселаго нрава. Черные волосы ихъ были подняты вверхъ и связаны кусочкомъ матеріи. Они носили бороды; руки ихъ и другія части тѣла были татуированы. Въ длинныя отверзтія, сдѣланныя въ нижней части ушей, они привѣшивали разныя украшенія и вещицы. Кукъ подарилъ одному изъ нихъ перочинный ножикъ; онъ тотчасъ положилъ его въ ухо, какъ въ футляръ. (Рис. I. ф. 1.) Другіе привѣшивали стеклянныя бусы или кусочки ткани, сдѣланной изъ коры бруссонетіи, блестящей, глянцовитой и сходствовавшей съ матеріею, выдѣлываемою на островѣ Тонга. Хорошо построенныя лодки ихъ сзади оканчивались развилиною. Кукъ недолго стоялъ здѣсь; онъ хотѣлъ было выйти на берегъ, но недоброжелательство и угрозы жителей, собравшихся на берегу, заставили его перемѣнить намѣреніе. Таитскіе миссіонеры были настоятельнѣе и счастливѣе; они поселились тамъ въ 1823 году, и, не смотря на всѣ сопротивленія, обратили жителей къ Христіанской вѣрѣ. Мѣстоположеніе Манжія или Манайя довольно возвышено; онъ имѣетъ въ окружности около пяти миль. Растительность мѣстами низка, густа и цвѣта темнаго, мѣстами рѣдка и свѣтлѣе. Нѣкоторые холмы, красноватаго цвѣта, безплодны и покрыты папоротникомъ. Въ 1823 году, жителей на островѣ считали 1,500 чел. Вершина острова находится подъ 21° 55' юж. шир. и подъ 160° 18' зап. дол. Въ тридцати шести миляхъ отъ Манжія къ N¼ N O лежитъ островъ Маути, открытый

только въ 1821 году, въ то время, когда проповѣдники Таитскіе прибыли туда для распространенія Евангельскаго ученія въ архипелагѣ, мало до того посѣщаемомъ. Капитанъ Байронъ въ 1825 году подходилъ къ Маути, и былъ восхищенъ гостепріимствомъ жителей; ни какая страна, по мнѣнію его, не представляетъ видовъ богаче и красивѣе; ни въ какомъ народѣ нѣтъ лучшихъ нравовъ, болѣе приличія и скромности. Маути теперь совершенный рай, особливо со времени обращенія его въ Христіанскую вѣру; подробности обращенія дикарей въ Христіанство очень любопытны.

Въ 1821 году этотъ островъ былъ подъ властію короля острова Ватіу, который самъ принявъ недавно Христіанскую вѣру, хотѣлъ способствовать къ обращенію жителей Маути. Подъѣхавъ къ острову съ двумя миссіонерами, онъ сошелъ на берегъ, былъ окруженъ толпою островитянъ и началъ говорить имъ такъ: «До сего времени вы поклонялись безчувственнымъ, безсловеснымъ кускамъ дерева, идоламъ, которыхъ вы сами дѣлали. Вы были въ заблужденіи; теперь узнаете истиннаго Бога; люди эти, пріѣхавшіе со мною, научатъ васъ познавать его.» Послѣ этой короткой рѣчи, онъ повелѣлъ низвергнуть идоловъ; что было немедленно исполнено. Такимъ образомъ идолопоклонство, царствовавшее въ Маути во всей силѣ еще утромъ, къ вечеру уже не существовало. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, весь островъ исповѣдывалъ вѣру Христіанскую. Плодородный и лѣсистый островъ Маути имѣетъ восемь миль въ окружности; жителей на немъ считается до 200. Онъ лежитъ подъ 20° 6' юж. шир. и 159° 35' зап. долготы.

Въ двадцати пяти миляхъ къ сѣверу отъ Маути, лежитъ Мити-аро, другой плоскій, лѣсистый островъ; жителей на немъ не болѣе ста душъ, и тѣ съ трудомъ получаютъ необходимую пищу съ безплодной почвы. Онъ также находился подъ властію короля острова Ватіу; открытіе и обращеніе въ Христіанство здѣсь совершились такъ же какъ на Маути. Мити-аро лежитъ подъ 19° 54' юж. шир. и 160° 4' зап. долг. Онъ имѣетъ три или четыре мили длины и одну ширины.

Островъ Ватіу, называемый миссіонерами Атуи, лежитъ въ двадцати восьми миляхъ къ Ю. З. отъ Мити-аро. Онъ открытъ въ 1777 году Кукомъ, который отправилъ на землю трехъ офицеровъ своего экипажа, въ сопутствіи Таитянина *Маи*. Островитяне приняли сначала иностранцевъ съ нѣкоторою вѣжливостію; пригласили ихъ на представленіе и подчивали разными яствами. Но это доброе расположеніе не долго продолжалось; привычка къ воровству взяла верхъ: они обокрали своихъ гостей и даже хотѣли задержать ихъ въ плѣну. Если бы Маи не угрозилъ имъ пушками фрегата и не познакомилъ ихъ, посредствомъ маленькихъ фейерверковъ, съ смертоносною силою пороха, то вѣроятно плѣнные были бы подвержены большой опасности и долговременнѣйшему заключенію. Маи нашелъ на Ватіу трехъ соотечественниковъ своихъ, оставшихся живыми изъ двадцати человѣкъ, которые опрокинулись съ лодкою среди моря. Эти Таитяне жили уже восемьнадцать лѣтъ на Ватіу; довольные обращеніемъ туземцевъ они не хотѣли возвратиться въ отечество на Англійскихъ корабляхъ. Послѣ Кука никто не былъ на островѣ Ватіу, до миссіонеровъ, прибывшихъ туда въ 1821 году, для проповѣдыванія Христіанской вѣры. Успѣхи обращенія сначала были весьма слабы, но теперь весь островъ исповѣдуетъ Христіанскую вѣру. Островъ не высокъ; онъ имѣетъ шесть миль въ окружности, и опоясанъ со всѣхъ сторонъ подводными скалами; жителей нѣсколько сотъ душъ. Вершина его лежитъ подъ 29° 3' юж. шир. и 160° 28' зап. долготы.

Въ десяти миляхъ къ С. З. отъ Ватіу лежитъ островокъ Фенуа-ити называемый Окатутайя Кукомъ, открывшимъ его въ 1777 году; онъ плосокъ, берега бѣло-песчанные но во внутренности довольно лѣсу. Кукъ не нашелъ жителей на островѣ, но видѣлъ ихъ полуразвалившіяся хижины, могилы и обнесенные оградами земли. Миссіонеры не упоминаютъ объ этомъ островѣ, въ запискахъ своихъ объ островахъ Гарвей; вѣроятно по необитаемости, онъ не обратилъ на себя ихъ вниманіе. Онъ лежитъ подъ 19° 51' юж. шир. и 160° 38' зап. долготы.

Въ двадцати верстахъ къ С. З. отъ Ватіу лежитъ островъ Мануа, замѣченный Кукомъ въ 1773 году и названный имъ островомъ Гарвей. Въ первое свое путешествіе Кукъ счелъ его необитаемымъ; но подошедъ къ нему въ 1777 году, нашелъ на немъ жителей

дикихъ, недоступныхъ, не позволившихъ ему выйти на берегъ. Островитяне лицемъ и обращеніемъ сходствуютъ съ жителями Новой Зеландіи, однако же они не татуируютъ тѣла. По ихъ намекамъ должно было понять, что на островѣ нѣтъ ни свиней, ни банановъ, ни хлѣбныхъ деревьевъ. Мануэ, казалось, зависѣлъ отъ короля остр. Ватіу; можно предполагать, что онъ, по примѣру другихъ острововъ, былъ обращенъ въ Христіанскую вѣру; но миссіонеры нигдѣ не упоминаютъ объ этомъ ясно. Опустѣлъ ли этотъ островъ или остался преданнымъ идолопоклонничеству, не извѣстно. Онъ состоитъ изъ трехъ или четырехъ небольшихъ островковъ, низменныхъ, окруженныхъ подводными скалами, и имѣетъ шесть миль въ окружности. Южная оконечность лежитъ подъ 19° 23' юж. шир. и 161° 18' зап. долготы.

Въ двадцати миляхъ отъ него къ С. З. находится островъ Вайту-таки, иначе называемый миссіонерами Анту-таки. Блей открылъ его въ Апрѣлѣ 1789 года. Онъ имѣлъ сношеніе съ туземцами, въ обхожденіи которыхъ проявлялись откровенность и довѣріе. Блей узналъ отъ нихъ, что на островѣ нѣтъ ни свиней, ни собакъ, ни ямса, ни таро, но множество кокосовъ, дворовыхъ птицъ, хлѣбныхъ и банановыхъ деревъ. Не смотря на убѣжденія, капитанъ не могъ сойти на землю, но подарилъ имъ одного борова, одну свинью и нѣсколько другихъ предметовъ. Эти дикари казались вѣжливѣе и обходительнѣе сосѣдей своихъ, жителей Мануэ; не все ихъ тѣло, какъ у Таитянъ, но однѣ ноги и руки были татуированы. Послѣ Блея чрезъ два года, сюда заходилъ Эдвардсъ; потомъ островъ былъ забытъ до 1821 года, когда прибылъ миссіонеръ Вильямсъ, который оставилъ тутъ двухъ Таитскихъ проповѣдниковъ. Предпріятіе ихъ имѣло скорый и счастливый успѣхъ; король Таматоа сдѣлался ревностнымъ Христіаниномъ, и подданные послѣдовали его примѣру. Миссіонеръ Барнсъ, бывшій на этомъ островѣ въ 1825 году, описываетъ плѣнительнымъ образомъ мѣсто и нравъ жителей. «Церковь, говоритъ онъ, окончена; островитяне выстроили изъ большихъ глыбъ коралла площадь въ 600 футъ длины и 8 ширины; вдоль берега тянутся 114 домовъ, всѣ оштукатуренные; во многихъ изъ нихъ находятся кушетки и диваны; 600 душъ обращены уже въ Христіанскую вѣру.» Народонаселеніе простиралось тогда до 1,500 чел. Вайту-таки состоитъ изъ группы небольшихъ плоскихъ островковъ; въ центрѣ которыхъ одинъ значительно возвышается надъ другими. Цѣпь подводныхъ скалъ, въ тридцать или сорокъ миль окружности, тянется вокругъ него по всѣмъ направленіямъ. Сѣверная оконечность лежитъ подъ 18° 47' юж. шир. и 162° 8' зап. долготы.

За нимъ слѣдуетъ островъ Раро-тонга, самый значительный въ этомъ архипелагѣ; онъ открытъ только въ 1814 году небольшимъ судномъ миссіонеровъ. Въ 1823 году король острова Ватіу направилъ туда миссіонеровъ; они оставили тамъ двухъ проповѣдниковъ родомъ изъ Таити, поручивъ имъ заняться обращеніемъ жителей въ Христіанство; успѣхъ увѣнчалъ ихъ труды; менѣе нежели черезъ годъ, Король Макеа, семейство его и главнѣйшіе члены правленія, читали уже первоначальныя Таитскія книги; болѣе 1,500 жителей были окрещены. Успѣхи по части земледѣлія подвигались столь же быстро, и весь островъ покрывался обильными плантаціями. Народонаселеніе простиралось тогда почти до 7,000 чел., число равное съ населеніемъ Таити. Важность этого мѣста рѣшила одного Англійскаго миссіонера поселиться тамъ въ 1827 году. Въ прежнія времена власть раздѣлялась между тремя начальниками, находившимися въ безпрестанной враждѣ, но съ тѣхъ поръ какъ ввелось Христіанство, Макеа былъ признанъ самодержавнымъ властителемъ. По географическому положенію своему Раро-тонга мало извѣстенъ; знаютъ только, что онъ лежитъ подъ 21° 11' юж. шир. и 162° 33' зап. долготы.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ Раро-тонга, на картахъ показаны еще три острова: Рокебургъ, открытый Уайтомъ, капитаномъ корабля *Medway*; островъ довольно возвышенный простирающійся на двадцать миль отъ востока къ западу подъ 21° 39' юж. шир. и 163° 0' зап. долг; Армстронгъ, показанный въ другомъ спискѣ подъ 21° 22' юж. шир. и 163° 23' зап. дол. и наконецъ Рурути, небольшой островокъ, открытый капитаномъ Генри въ 1811 году, и лежащій подъ 20° 20' юж. шир. и 162° 20' зап. долг. Объ островахъ сихъ нѣтъ ни какихъ подробныхъ свѣдѣній; даже существованіе ихъ не совсѣмъ достовѣрно. Миссіонеры, часто плававшіе

въ этихъ водахъ, не упоминаютъ объ островахъ въ описаніи островов Гарвей.

Океанія съ помощію попутнаго Ю. В. вѣтра прошла мимо всей этой цѣпи островковъ и островковъ, и 10 Мая утромъ была уже въ виду группы Пальмерстонъ, низменныхъ и лѣсистыхъ утесовъ, которые Помаре въ послѣдній годъ своего царствованія хотѣлъ обратить въ Ботани-бей Таитскихъ островов; смерть его помѣшала ему исполнить намѣреніе, и острова Пальмерстонъ остались, какъ прежде, необитаемы. Кукъ видѣлъ ихъ два раза, въ Іюнѣ 1714 года и въ Апрѣлѣ 1777. Онъ запасся здѣсь кокосовыми орѣхами, пальмовою капустой, сердцевиною молодыхъ кокосовъ, мягкими вѣтвями панлануса, рыбою и птичьими яйцами. Имъ открыто, что эта группа состоитъ изъ девяти или десяти невысокихъ и узкихъ островов, болѣе или менѣе покрытыхъ лѣсомъ и лежащихъ на кругломъ подводномъ утесѣ, простирающемся отъ сѣвера къ югу на шесть миль. Большой лагунъ занимаетъ середину. Пальмерстонъ былъ необитаемъ: одни только обломки челнока и весло, найденные на берегу, свидѣтельствовали, что здѣсь были какіе нибудь рыбаки съ сосѣднихъ островов. Въ 1791 году эти острова видѣлъ Эдвардсъ; а потомъ и другіе новѣйшіе мореплаватели. Группа Пальмерстонъ лежитъ подъ 18° 4' юж. шир. и 165° 30' зап. долготы.

Прямой путь отъ Пальмерстона къ островамъ Тонга, обѣщалъ намъ весьма незначительныя открытія; Бевериджскія и Никольсонскія подводныя скалы, которыхъ существованіе сомнительно; потомъ островъ Саважъ, покинутый, забытый всѣми мореплавателями, послѣ пріема которымъ жители встрѣтили Кука. Открывъ эту землю, онъ хотѣлъ осмотрѣть берегъ. Два раза и съ двухъ сторонъ пытался пристать; но оба раза жители сопротивлялись съ неимовѣрною лютостію и остервененіемъ. Однако нѣсколько залповъ заставили ихъ отступить и скрыться въ сосѣднихъ лѣсахъ, откуда Кукъ не смѣлъ ихъ выгнать. Онъ не углублялся во внутренность острова, ибо мѣстоположеніе было въ пользу его противникамъ. Островитяне были нагіе, голову и поясницу обвертывали простою бѣлою тканію и испещряли узорами тѣло. Оружіе ихъ состояло изъ копій, дубинъ и дротиковъ. Рѣзьба, которою были украшены лодки, свидѣтельствовала о ихъ искусствѣ. Островъ съ той стороны гдѣ вышли на берегъ, былъ немного возвышенъ и усѣянъ мелкимъ кустарникомъ. Вертикальные обрывы наподобіе стѣнъ, вышиною въ сорокъ футовъ, составляли берегъ, основаніе котораго подмывали волны. Форстеръ полагалъ, что внутренность острова, въ прежнія времена покрытая водою, превратилась въ плодородную долину, въ слѣдствіе волканическаго взрыва. Это предположеніе не было ни опровергнуто, ни подтверждено. Окружность острова Саважа, по мнѣнію Кука, въ одиннадцать миль. Капитанъ Дюперре, шедшій въ 1823 году въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этого острова, опредѣлилъ его протяженіе отъ 18° 59' до 19° 10' юж. шир., и отъ 172°.2' до 172° 14' зап. долготы.

Но мы не должны были видѣть ни острова Саважъ, ни Бевериджскихъ, ни Никольсонскихъ мелей. Путь на сѣверъ былъ гораздо богаче предметами и любопытнѣе; Пендлетонъ предпочелъ его: онъ хотѣлъ обратиться къ островамъ Тонга, уже послѣ островов Гамоа, до сего времени столь кратко и неопредѣлительно описанныхъ. И такъ, *Океанія* пройдя островъ Пальмерстонъ, направилась къ С. З.; вѣтръ былъ благопріятенъ, а море до того тихо, что этотъ маленькій обходъ ни мало не задержалъ насъ. Впрочемъ Филиппсъ ворчалъ менѣе обыкновеннаго: изъ чего я заключалъ, что онъ чувствовалъ нѣкоторое влеченіе къ островамъ Гамоа, потому что то былъ дикій архипелагъ, а Филиппсъ боялся, что уже болѣе не встрѣтитъ этого въ цѣлой Океаніи.

Признаюсь, я тоже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ приближался къ странамъ, которыхъ Христіанство не пріучило еще къ кротости и гостепріимству. Океанія производила двоякое впечатлѣніе: она дарила тихія, пріятныя ощущенія, съ которыми мы должны были скоро разстаться, чтобъ приготовиться къ другимъ, къ ощущеніямъ драматическимъ, къ несчастнымъ случаямъ и бѣдствіямъ всякаго рода, до заповѣднаго рубежа которыхъ мы уже почти достигли. Острова Гамоа и Тонга находились еще въ Полинезіи, но были смежны съ Меланезіею, въ правахъ, въ обычаяхъ и въ образѣ жизни туземцевъ, это сосѣдство было весьма ощутительно. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ находился архипелагъ Вити, населенный угрюмыми и не-

миролюбивыми племенами. Путешествіе нашедо сего времени тихо, спокойно совершавшееся среди народа полуобразованнаго, могло быть, обратиться въ какую нибудь кровавую драму. По крайней мѣрѣ, видъ мѣстности и людей должны были измѣниться. Я былъ въ восхищеніи. Всякой день раскрывая карту, я дѣлалъ и передѣлывалъ сто разъ мореходныя вычисленія. Какъ воспитанникъ Пендлетона, который гордился моими успѣхами, я сдѣлался довольно порядочнымъ географомъ, и не переставалъ умножать замѣчаніями и опытами теоретическія свои познанія. «Капитанъ», спросилъ я его, когда Океанія открылась передъ нами, «и такъ мы ихъ не увидимъ?» Я указывалъ между тѣмъ на множество Полинезійскихъ островковъ, разсѣянныхъ между архипелагомъ Гаваи и островами Гамоа, на пространствѣ почти 700 миль. «Конечно», отвѣчалъ онъ; «но какое намъ до нихъ дѣло! Всѣ они не что иное, какъ ничтожные клочки земли, необитаемые по большей части и сомнительные для многихъ. Имянной списокъ ихъ не длиненъ, и весьма незанимателенъ; его можно сдѣлать въ нѣсколькихъ словахъ.» — «Слушаю», сказалъ я. — Капитанъ продолжалъ, указывая на картѣ каждый островъ.

«Вотъ утесъ Мануэль-Родригезъ, который только по привычкѣ копируютъ съ старинныхъ Испанскихъ картъ. Въ наши времена никто еще не встрѣчалъ его на своемъ пути, и я полагаю, что въ скоромъ времени его уничтожатъ. Кажется, придется также вычеркнуть предполагаемый островъ Малленъ, указанный какимъ-то Американцемъ, равно какъ и эти два утеса и островъ, полагаемый на югѣ отъ островов Смита. По крайней мѣрѣ достовѣрно, что острова Смитъ, точно существуютъ. Они были открыты въ 1807 году Джонсономъ, капитаномъ Англійскаго фрегата Корнвалисъ, и видѣны вторично въ 1815 году Дайотомъ, капитаномъ Испанскаго корабля Фернандо. Эта группа необитаемыхъ островов, коралловаго свойства, покрыта тощими растеніями. Окружность ее до девяти миль отъ С. З. къ Ю. В. Она лежитъ подъ 16° 53' с. шир., и 171° 52' зап. долготы.

«Далѣе, еще весьма сомнительные острова Санъ-Педро и Баркеръ, равно какъ и двѣ или три мели возлѣ экватора, полагаемыя къ востоку не въ дальнемъ разстояніи отъ Жильбертовыхъ островов. Нью-Нантукетъ, открытый въ 1824 или 1825 году китоловнымъ судномъ Лопeромъ и показанный подъ 0° 11' с. шир., и 176° 40' зап. долг., долженъ быть встрѣченъ кѣмъ нибудь вторично, чтобъ имѣть право находиться на картахъ.

«Существованіе Пальмиры гораздо вѣрнѣе. Этотъ островъ, первоначально открытый Американцемъ Фаннингомъ; нѣсколько лѣтъ спустя, вторично найденъ капитаномъ Макай. Пальмира, островъ низкій, простирающійся на три мили; онъ имѣетъ два лагуна въ срединѣ, и много выдающихся скалъ, изъ коихъ одна, со стороны запада, простирается въ море почти на три мили. На сѣверѣ есть мѣсто удобное для якорной стоянки, глубиною въ восемьнадцать брассовъ. Имя его дано ему капитаномъ Сауле Пальмиры, который опять увидѣлъ его въ 1802 году. Онъ необитаемъ и лежитъ подъ 5° 50' с. шир. и подъ 164° 45' зап. дол. Въ четырехъ или пяти миляхъ, къ северу, находится опасный рифъ, открытый и разсмотрѣнный капитаномъ Фаннингомъ. Онъ имѣетъ видъ четверти мѣсяца и занимаетъ почти шесть миль отъ сѣвера къ югу.

«Открытіемъ Вашингтонова острова, показаннаго на картахъ Арроусмита подъ названіемъ Нью-Иръ, мы также обязаны Фаннингу. Эта возвышенная земля покрыта зеленью, но необитаема и окружена скалами. Ост. лежитъ подъ 4° 45' с. шир. и 162° 28' зап. дол. Ближе къ экватору находится группа островов Фаннингъ, названная по имени открывшаго ихъ. Она состоитъ изъ трехъ небольшихъ островковъ, лѣсистыхъ и окруженныхъ подводными камнями, между которыми есть весьма удобное якорное мѣсто. Два островка, находящіеся на сѣверѣ, простираются каждый на девять миль; третій островокъ, на востокѣ, не болѣе шести миль въ длину. Въ то время, когда Фаннингъ находился здѣсь, островъ былъ покрытъ морскими птицами, до такой степени смѣлыми, что ихъ безъ всякаго сопротивленія можно было брать руками. Фаннингъ нашелъ островъ необитаемымъ, и полагалъ, что онъ никогда не былъ населенъ. Однакожъ Макай, приставшій къ нему, нѣсколько лѣтъ спустя, съ тѣмъ чтобы запастись голотуріями и черепахами, нашелъ правильно обтесанные камни, и, разрывъ въ одномъ мѣстѣ землю на два фута, открылъ подземелье, выложенное камнемъ и наполненное пепломъ, остатками человѣческихъ костей,

и разными орудіями изъ камня, раковинъ, кости, также украшеніями, копьями и стрѣлами. Въ свою очередь, Г. Ле-Гоарантъ останавливался тутъ въ 1828 году, и встрѣтилъ двадцать пять судовъ, занятыхъ ловлею голотурій. Островъ Фаннингъ лежитъ подъ 3° 48' с. шир. и 161° 25' зап. долг. Это тотъ самый, ост. который многіе мореплаватели называютъ *Америка*.

«Ближе къ югу лежитъ островъ Христмасъ, открытый Кукомъ въ Декабрѣ 1777 года. Онъ нѣсколько дней стоялъ тутъ на якорѣ и запасся черепахами и рыбою. Это лѣсистый, низкій и необитаемый островъ, имѣющій около пятнадцати миль въ окружности и мѣсто, довольно удобное для якорной стоянки, на западной сторонѣ, гдѣ берегъ такъ глубоко вырѣзанъ, что выгибается въ видѣ полумѣсяца. Онъ лежитъ подъ 1° 59' с. шир. и 159° 50' зап. долготы.

«Объ островѣ Джервисъ, по словамъ Арроусмита извѣстно только то, что онъ открытъ капитаномъ Броуномъ, и въ 1822 году опять замѣченъ капитаномъ Локомъ. Его ставятъ подъ 0° 30' юж. шир. и 162° 18' зап. долг. Островъ *Брокс*, положенный на Американской картѣ къ юго-востоку, не въ дальнемъ разстояніи отъ острова Джервиса, можетъ быть, есть тотъ же самый островъ, но показанный въ двухъ различныхъ мѣстахъ.

Островъ Малденъ открытъ капитаномъ Байрономъ 29 Іюля 1825 года. Онъ низменъ, лѣсистъ и на двѣнадцати или пятнадцати миляхъ окружности своей окруженъ подводными скалами. Въ то время онъ былъ необитаемъ, но многіе признаки доказывали, что островъ былъ прежде населенъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны были обширныя четырехъугольныя платформы, изъ обтесанныхъ коралловыхъ глыбъ. Онѣ были ровно складены, на серединѣ возвышался одинъ камень, служившій вѣроятно алтаремъ. (Рис. I. ф. 2.) Наружностію онѣ походили на мораи жителей Нука-гивы и Таити. Островъ лежитъ подъ 4° юж. шир., и 157° 20' зап. долг. На одной изъ Американскихъ картъ, на половинѣ пути отъ Малдена до Нука-гива, отмѣченъ еще одинъ островъ, существованіе котораго сомнительно.

«Обратимся теперь къ острову Старбуку, открытому въ 1823 году капитаномъ того же имени, въ то время какъ онъ перевозилъ въ Европу короля Ріо-ріо съ его супругою. Байронъ вторично видѣлъ этотъ островъ въ 1825 году. Онъ нашелъ его гораздо безплоднѣе острова Малдена, увѣряютъ, что на мадрепорическомъ его грунтѣ нѣтъ ни одного дерева. Старбукъ лежитъ подъ 5° 58' юж. шир. и 157° 26' зап. долготы.

«Островокъ *Каролина* открытъ Братономъ въ 1795 году и, по словамъ Арроусмита, нѣсколько лѣтъ послѣ того опять замѣченъ Бассомъ; но Паульдингъ, останавливавшійся здѣсь въ 1825 году, описалъ его подробнѣе другихъ. Островъ *Каролина*, низменный, окруженный со всѣхъ сторонъ подводными скалами, длиною отъ шести до семи миль и шириною въ половину. На немъ есть нѣсколько большихъ деревъ, но болѣе кустарника. Онъ необитаемъ, но видны нѣкоторые слѣды промышлености дикихъ. Онъ лежитъ подъ 9° 55' юж. шир. и 152° 20' зап. долг. Китоловы видѣли этотъ островъ и назвали его *Торнтонъ*.

«Объ островѣ *Флинтъ* мы имѣемъ только то свѣдѣніе, что онъ открытъ, какъ полагаетъ Крузенштернъ, въ 1801 году; этотъ мореходецъ ставитъ его подъ 11° 30' юж. шир., и 154° 30' зап. долг. Нѣкоторые географы думаютъ, что это древній Перигрино Квироса.

«Острова Пенринъ въ первый разъ замѣчены были издалека *Северомъ*, капитаномъ корабля Леди-Пенринъ; но Коцебу посѣтилъ ихъ въ 1816 году и входилъ въ сношенія съ жителями. Они похожи на уроженцевъ Нука-гивы: тѣло ихъ не татуировано, но покрыто правильно рубцами. Они ходили нагіе, за исключеніемъ весьма немногихъ, носившихъ поясы изъ грубой ткани. Тамъ отращаютъ чрезвычайно длинные ногти, въ особенности начальники: у многихъ ногти были на три дюйма длиннѣе пальцевъ. Сношенія Коцебу съ дикими не всегда были миролюбивы. Сначала робкіе, туземцы постепенно ободрялись, и съ удивительною дерзостію начали хватать и красть все; когда ихъ останавливали, они прибѣгали къ угрозамъ. Видя, что надо попугать этихъ воровъ, Коцебу велѣлъ выстрѣлить изъ ружья; шумъ этотъ привелъ ихъ въ ужасъ: они всѣ бросились въ воду; потомъ, достигнувъ лодокъ, опять окружили корабль. Но знакъ для снятія съ якоря былъ уже данъ. Судно, готовое къ отъѣзду, пустилось въ море и опрокинуло нѣсколько лодокъ, стоявшихъ на пути. Группа Пенринъ состоитъ изъ нѣсколькихъ низкихъ острововъ, покрытыхъ кокосовыми

и другими деревьями; грунтъ вездѣ коралловаго свойства. Центръ ихъ лежитъ подъ 9° 2' юж. шир. 159° 55' зап. долготы.

«За ними слѣдуетъ островъ Пескадо, сохраненный Арроусмитомъ, но весьма сомнительный; далѣе лежатъ острова Гумфри и Рирсонъ, которые вѣроятно были смѣшаны съ первымъ островомъ. Рирсонъ и Гумфри открыты Патриксономъ въ 1822 году; онъ описалъ ихъ низкими и населенными островами, подъ 10° 32' юж. шир., и 163° 10' зап. долг.; за ними слѣдуютъ острова Суворова, названные лейтенантомъ Лазаревымъ именемъ корабля его; это группа нѣсколькихъ маленькихъ острововъ подъ 13° 2' юж. шир., и 165° 5' зап. долг. Что же касается до острововъ Денджеръ, открытыхъ Байрономъ въ 1765 году, кажется, они были видѣны Менданою въ 1595 году и названы имъ Солитарiа. По словамъ Байрона, они составляютъ группу изъ трехъ низкихъ острововъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, населенныхъ и окруженныхъ со всѣхъ сторонъ опасными рифами, простирающимися къ западу болѣе нежели на четыре мили отъ берега. Байронъ видѣлъ тамъ челнокъ, но не могъ войти въ сношенiя съ жителями. Положенiе ихъ опредѣляется подъ 10° 15' с. шир. и 168° 18' зап. долг.; но это не вѣрно.

«Свѣдѣнiя объ островѣ Кларенсѣ гораздо вѣрнѣе; капитанъ Эдвардсъ открылъ его въ 1791 году, но не останавливался здѣсь; въ 1825 году прибылъ Паульдингъ; Долфинъ легъ въ дрейфъ въ виду острова, и вскорѣ былъ окруженъ множествомъ лодокъ, въ которыхъ было отъ четырехъ до восьми человѣкъ въ каждой. Когда одна изъ нихъ подошла довольно близко, ей бросили съ корабля веревку, чтобъ она могла стать къ борту. Дикiе схватили конецъ веревки, но вмѣсто того, чтобы употребить ее какъ слѣдовало, вытянули какъ можно длиннѣе, и потомъ отрѣзали. Первое дѣйствiе ихъ уже было наглое воровство. Ни мало не заботясь о слѣдствiяхъ этого поступка, они продолжали грести къ судну, прося новой веревки; и такъ какъ имъ рѣшительно отказывали, то одинъ изъ дикихъ, сильный и плечистый мужчина, взлѣзъ на палубу. Его окружили, хотѣли съ нимъ говорить, но онъ, ни о чемъ не заботясь, шелъ прямо къ своей цѣли, какъ будто бы на кораблѣ никого не было, остановившись на кормѣ онъ сдѣлалъ знакъ лодкѣ, чтобъ она подошла ближе; потомъ, хватая все, что попалось, клѣтки, веревки, посуду, желѣзо, съѣстные припасы, орудiя, бросалъ ихъ безъ церемонiи товарищамъ, которые подбирали и устанавливали въ лодкѣ. Нѣкоторые изъ моряковъ хотѣли остановить дерзкаго вора, но онъ такъ разсердился, что покраснѣлъ до ушей, и продолжалъ еще съ большею дѣятельностiю свою работу. Тогда Паульдингъ счелъ нужнымъ вмѣшаться въ дѣло; онъ слегка ударилъ ружьемъ отважнаго островитянина, но тотъ ни сколько не смутившись, схватилъ ружье за стволъ, и, какъ Паульдингъ сопротивлялся, то онъ обхватилъ его обѣими руками, и бросилъ бы въ море ружье и самаго капитана, если бы экипажъ не помогъ во время. Воръ ускользнулъ; онъ бросился въ воду и достигъ лодки, въ которой съ торжествомъ сѣлъ на свою добычу.

«Примѣръ этотъ сманилъ и другихъ островитянъ. Начались самыя наглыя мошенничества. Однажды дикари утащили съ одной лодки руль: капитанъ съ трудомъ отнялъ его и положилъ возлѣ себя, но въ ту минуту, какъ онъ поворотилъ голову, одинъ изъ жителей опять укралъ его; и бросился съ добычею въ море. Въ другой разъ они хотѣли унести лотъ, который иногда бросали изъ предосторожности. Ни угрозы, ни просьбы не помогали; надо было измѣрять глубину воды съ опасенiемъ потерять всякой разъ свинецъ и веревку.

«Подобный надзоръ и непрiязненыя дѣйствiя продолжались цѣлое утро. Около ста челноковъ постоянно окружали судно; находившiеся въ нихъ островитяне изрѣдка бросали на корабль камни, дубины, кокосовые орѣхи, съ пронзительными и буйными криками. Одинъ тяжелый орѣхъ попалъ въ голову лекаря: только шляпа спасла его отъ тяжелой раны. Толпа осаждавшихъ уменьшилась на часъ времени; одну изъ лодокъ отправили съ корабля въ море, чтобъ узнать въ окружности глубину и найти мѣсто, удобное для положенiя якоря; при видѣ этой лодки, дикари побросались въ разныя стороны; приказанiе было исполнено. Но когда лодка возвращалась къ корвету, въ одно мгновенiе матросы были окружены челноками, весла были вырваны изъ ихъ рукъ, и дикiе грозили имъ дубинами. Затруднительное положенiе было прервано выстрѣломъ изъ пистолета, ранившимъ одно-

го ранило въ руку, другіе были разсѣяны звукомъ выстрѣла.

Не смотря на это происшествіе, довѣренность возстановилась. Челноки опять появились; раненый влѣзъ на палубу, гдѣ его перевязали и осыпали подарками. Тогда между ними завелись маленькія торговыя сношенія. Дикіе обмѣнили хорошо выработанныя цыновки, удочки, разныя украшенія изъ раковинъ и кости, на кусочки желѣза и старые гвозди. Но честность не всегда присутствовала при этихъ сдѣлкахъ, и многіе изъ дикихъ имѣли случаи показать свое искусство въ воровствѣ.

«Почти всѣ жители этого острова были вооружены, одни длинными копьями, другіе оружіемъ, немного выгнутымъ наподобіе сабли. Копья были отъ восьми до двѣнадцати футовъ длины; иныя имѣли двѣ или три оконечности, съ насаженными на нихъ, въ разстояніи двухъ футовъ, рядами зубовъ акулы, крѣпко привязанныхъ плетешками изъ кокосовыхъ волоконъ. Сабли были точно также унизаны; отъ чего раны, нанесенныя ими, становились чрезвычайно опасными и часто смертельными. Нѣкоторые изъ дикихъ носили на головахъ вѣнки изъ сухихъ кокосовыхъ листьевъ. Вся одежда состояла изъ кушака, сплетеннаго изъ листьевъ, и передничка въ два или три фута ширины и четыре длины. Этотъ передникъ оканчивался бахрамою, служившею украшеніемъ и вмѣстѣ защитою отъ москитовъ, которыми острова изобиловали. Сильные, красивые складомъ, съ кожею бронзоваго цвѣта, покрытою рубцами, доказывавшими, что копья и сабли у нихъ были очень часто въ дѣйствіи, они сплетали волосы очень некрасиво въ длинныя косы, и носили короткія и не густыя бороды.

«Кларенсъ, по словамъ Паульдинга, состоитъ изъ низкихъ и лѣсистыхъ островковъ, лежащихъ на подводныхъ скалахъ, по видимому, простирающихся очень далеко. Паульдингъ говоритъ, что приставая къ острову, который былъ уже отъ него въ самомъ близкомъ разстояніи, онъ едва могъ разсмотрѣть отдаленнѣйшіе изъ нихъ. Група эта находится подъ 9° 12' юж: шир: и 173° 50' зап: долг.

«Въ сорока миляхъ отъ ост. Кларенса на С. В. лежитъ островъ Іоркъ, открытый Байрономъ въ 1765 году. Этотъ мореплаватель нашелъ его необитаемымъ и запасся тутъ кокосами. Послѣ Байрона, Едвардсъ видѣлъ его въ 1791 году, а Паульдингъ въ 1825. Островъ былъ тогда населенъ народомъ одного происхожденія съ жителями Кларенса, но они были не такъ смѣлы, лѣнивѣе, несравненно бѣднѣе и болѣе ихъ подвержены болѣзнямъ. Група эта есть нѣчто иное какъ цѣпь низкихъ и лѣсистыхъ островковъ, обозначенныхъ одиѣми подводными скалами на пространствѣ тридцати миль въ окружности. Она лежитъ подъ 8° 33' юж. шир. и 174° 20' зап. долг.

«Мы приближаемся къ концу этого описанія» сказалъ Пендлетонъ; «этотъ продолжительный урокъ уже измучилъ меня. —Остр. Сидней, открытый въ 1823 году Эммантомъ, по словамъ Парди, и вновь видѣнный ле Гоарантомъ въ 1828 году, низменъ и необитаемъ: онъ лежитъ подъ 4° 27' юж: шир. и 173° 4' зап. долг; за нимъ слѣдуетъ Бирни, по словамъ Парди, открытый въ то же время тѣмъ же мореплавателемъ; онъ лежитъ подъ 3° 21' юж: шир. и 173° 50' зап. дол.; наконецъ ост. Мари, недавно открытый кораблемъ того же имени; это група островковъ въ 20 миль въ окружности, съ лагуномъ внутри, лежитъ подъ 2° 48' юж. шир. и 174° 30' зап. долг.; остаются только остр. Гардперъ и Артюръ; ихъ полагаютъ, первый подъ 4° 30' юж. шир. и 176° 42' зап. дол.; а другой подъ 3° 33' юж. шир. и 178° 20' зап. дол. Но существованіе ихъ весьма сомнительно.

ГЛАВА II.

Переѣздъ изъ Таити на острова Тонга. — Острова Гамоа.

Въ то время какъ Пендлетонъ открывалъ мнѣ сокровища географическихъ своихъ познаній, легкое судно не дремало на *океанѣ*; *Океанія* неслась къ групѣ острововъ Гамоа; ни малѣйшее измѣненіе вѣтра не тревожило парусовъ; судно было такъ спокойно въ быстромъ бѣгѣ своемъ, что казалось неподвижно: однако, оно шло по девяти и десяти узловъ. Съ вечера 13 Мая стаи чаекъ и водорѣзовъ возвѣстили намъ близость земли. Съ разсвѣтомъ она открылась. Мы приближались къ острову, со всѣхъ сторонъ окруженному, на пространствѣ шести миль, подводными камнями, посрединѣ пока-

вывался скудный кустарникъ;» Это островъ Розы, «сказалъ мнѣ Пендлетонъ,» единственное открытіе вашего соотечественника, капитана Фрейсине; онъ назвалъ его именемъ жены, которая сопровождала его въ путешествіи вокругъ свѣта.» Однако островъ Розы ни мало не возбуждаетъ веселыхъ мыслей; этотъ скудный и угрюмый утесъ, населенный морскими птицами, лежитъ подъ 14° 33' южной широты и 170° 26' западной долготы. Коцебу видѣлъ его въ 1824 году.

Обогнувъ островъ съ сѣверной его стороны, мы увидѣли вершину острова Опунъ, и шли мимо южнаго берега въ продолженіе дня. Онъ перпендикулярно возвышается почти на 200 туазовъ, и до самой вершины покрытъ прекрасными деревьями, надъ которыми возвышаются кокосовыя рощи. Какъ бы въ противоположность другимъ островамъ океана, на которыхъ селенія всегда бываютъ расположены по берегамъ, здѣсь села кажутся какъ будто повисшими среди горъ, въ пестрыхъ шахматныхъ посѣвахъ ямса и пататовъ. Когда мы были уже въ виду острова, нѣсколько челноковъ отдѣлились отъ берега, чтобъ съѣхаться съ нами, но мы неслись такъ быстро, и притомъ находились въ столь далекомъ разстояніи, что они могли насъ догнать. — Послѣ Опуна мы завидѣли острова Леонъ и Фанфу, которые низменны и несравненно меньше.

Мы шли тогда прямо къ Мауну, гдѣ бѣдный нашъ капитанъ Делангль, товарищъ Лаперуза, былъ такъ безжалостно умерщвленъ со всѣми своими матросами. На слѣдующій день съ стѣсненнымъ сердцемъ я увидѣлъ эту роковую землю. *Океанія* была отъ нее на 4 или на 5 миль, и обогнувъ сѣверную оконечность, прошла вдоль берега не болѣе какъ на двѣ мили разстоянія. Съ палубы можно было разсмотрѣть длинный рядъ подводныхъ камней; волны, разбиваясь на нихъ, покрывали море бѣлою пѣной. — Кое гдѣ цѣпь этихъ подводныхъ скалъ раздѣлялась и образовывала небольшіе заливы, служившіе убѣжищемъ челнокамъ жителей той земли. Страна безпрерывно представляла самыя очаровательныя мѣстоположенія: то являлся густой дремучій боръ, то красивыя группы деревъ, разбросанныя по полямъ; здѣсь лощина, тамъ деревушка подъ тѣнію густой зелени, далѣе потоки, катившіеся въ море, или каскадъ, который пѣнистымъ дождемъ стремился съ вершины крутыхъ береговъ; вездѣ обнаруживались слѣды благоденствія и населенности, вездѣ были деревни, челноки, пашни, огороды въ полномъ цвѣтѣ, и хорошо выстроенныя жилища. Насладившись въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ этимъ пріятнымъ зрѣлищемъ, мы приплыли къ самому заливу, который столь уже извѣстенъ трагическою смертію Делангля и его товарищей (Рис. II.)

Предъ нами разстилалась равнина на отлогомъ морскомъ прибрежьѣ, совершенно схожая съ тою, мимо которой мы только что прошли; она была такъ уединенна, такъ тиха, что съ открытаго моря можно было почесть ее еще необитаемою. За куполомъ густой зелени не видно было ни легкаго дыму трубъ, ни челнока, который бы качался на поверхности залива или лежалъ на пескѣ. По этой тишинѣ и уединенію трудно было узнать страну, гдѣ Лаперузъ былъ такъ внезапно окруженъ безчисленнымъ множествомъ лодокъ, нагруженныхъ разными съѣстными припасами. — *Океанія* легла въ дрейфъ противъ самаго залива, и мы ждали весьма долгое время прежде, чѣмъ могли кого либо увидѣть. Наконецъ небольшой челнокъ, въ которомъ сидѣли три человѣка, вышелъ изъ бухты, и люди начали грести направляясь къ намъ. Когда они вплоть подошли къ шлюпу, одинъ изъ нихъ взлѣзъ на палубу, боязливо, съ недовѣрчивостію, безпрестанно оглядываясь, какъ будто страшась внезапнаго нападенія. Не смѣя перелѣзть за сѣтки по бортамъ, онъ изъ за нихъ подавалъ намъ нѣсколько кокосовыхъ орѣховъ, въ замѣнъ коихъ ему дали кусочекъ желѣза, который онъ въ знакъ благодарности приложилъ ко лбу. — Послѣ этого обмѣна, сдѣланнаго довольно охотно, недовѣрчивость его возобновилась; онъ съ подозрѣніемъ осмотрѣлъ палубу; казалось, собирался съ духомъ, и вдругъ, какъ будто уступая какому то внезапному порыву краснорѣчія, началъ длинную рѣчь, которая мало по малу сдѣлалась чрезвычайно выразительною. Въ нѣкоторыхъ періодахъ тѣлодвиженія помогали голосу. Ораторствующій указывалъ намъ попеременно то землю, то *Океанію*, предлагая вѣроятно морякамъ испытать гостепріимство туземцевъ. Мы слушали съ вниманіемъ, но ничего не понимали; даже познанія Пендлетона, довольно обширныя

по части Полинезійскихъ нарѣчій, были недостаточны; онъ едва могъ, кое гдѣ, схватить смыслъ нѣсколькихъ словъ. Ораторъ съ своей стороны, видя, что собраніе было безмолвно и внимательно, продолжалъ разсказъ, сопровождаемый разными тѣлодвиженіями, и вѣроятно долго бы еще говорилъ и махалъ руками, если бы другія пріѣхавшія лодки не помѣшали ему.

Тогда *Океанія* была окружена посѣтителями, сначала робкими, но потомъ сдѣлавшимися наглыми, шумливыми и безстыдными ворами.—Безъ мѣръ, которыя Пендлетонъ приказалъ взять, эти бѣсенята приступомъ взяли бы нашъ шлюпъ. Дерзость ихъ дошла до того, что многія предосторожности сдѣлались недостаточными. Надо было разставить кругомъ всего корабля матросовъ, вооруженныхъ пиками, и не смотря на это, дикари все еще пробирались. Лишь только они взлѣзали на палубу, какъ тотчасъ же подобно хищнымъ звѣрямъ бросались на все, что только могли достать, и если бы цѣлый экипажъ не употребилъ усилій, чтобъ вытолкать дикарей, они конечно разграбили бы судно до послѣдняго гвоздя.

Посѣтители не имѣли однако съ собой ничего для обмѣна. Челноки ихъ были наполнены одними кокосовыми орѣхами; и когда у нихъ просили другихъ какихъ нибудь припасовъ, то они указывали на землю, и знаками выражали, что тамъ можно найти съѣстные припасы въ изобиліи. Обращеніе ихъ съ нами не могло успокоить Пендлетона на счетъ участи, которая ожидала его при сходѣ на берегъ, хотя вокругъ *Океаніи* ихъ было весьма немного, но, казалось, что шлюпъ сдѣлался ихъ собственностію; вмѣсто того чтобы радоваться и съ благодарностію принимать незначущіе подарки наши, они грубо вырывали ихъ изъ рукъ. Тѣ изъ этихъ людей, которые успѣвали протолкаться на палубу, и выпросить или украдкою похитить гвоздь, топоръ или какую нибудь стеклянную вещицу, изъ далека показывали ее своимъ товарищамъ, сидѣвшимъ въ челнокахъ, которые отъ злобы, ревности и неудачи скрежетали зубами, грозили копьями на матросовъ, какъ бы требуя, чтобъ и ихъ впустили на палубу, или по крайней мѣрѣ дали имъ подарки. Выраженіе всѣхъ этихъ лицъ было отвратительное, звѣрское; одинъ только изъ десяти, которые находились на ютѣ шлюпа, человѣкъ молодой, вѣроятно начальникъ, или сынъ старшины, отличался отъ прочихъ благовидностію и пріятнымъ выраженіемъ лица. Одинъ онъ обращался съ Англичанами вѣжливо: вмѣсто того чтобъ бросаться и вырывать изъ рукъ подарки, которые ему давали, онъ бралъ ихъ вѣжливо и ловко, и нѣсколько разъ прикладывалъ ко лбу. Когда же обращался къ пріятелямъ своимъ, сидѣвшимъ въ челнокахъ, то дѣлалъ имъ на счетъ всего, что видѣлъ, веселыя и колкія замѣчанія, которыя возбуждали всеобщій и продолжительный смѣхъ; однимъ словомъ, по видимому, онъ былъ добрый и веселый малый. — Но товарищи его, или равные ему, не имѣли въ обращеніи своемъ ничего человѣческаго. Они ревѣли какъ звѣри, и подобно имъ, повиновались скорѣе какому то врожденному влеченію, нежели разсудку. Одинъ изъ нихъ увидѣвъ голую руку матроса, сдѣлалъ ужасное тѣлодвиженіе, выражавшее, что ему бы было пріятно отвѣдать кусокъ столь вкуснаго на видъ мяса. Это нескрытое людоѣдство заставило насъ всѣхъ содрогнуться. Что касается до меня, я чувствовалъ, что былъ излѣченъ отъ любопытства, и въ этотъ разъ уже не говорилъ ни слова о поѣздкѣ на землю.

Всѣ жители острова высоки, красивосложены и удивительно мускуловаты. Выраженіе ихъ черныхъ лицъ сурово, но черты правильны. Щегольство состояло въ прическѣ. У иныхъ длинные, гладкіе, черные волосы свободно развивались по шеѣ и плечамъ; у другихъ были связаны, завиты или густо взбиты, образуя на головѣ родъ шара, который часто былъ выкрашенъ чѣмъ то желтымъ. Другіе, красили волосы въ красную краску и завивали длинными пуклями, отъ чего ихъ прическа сходствовала съ парикомъ. Надо полагать, что эта часть ихъ убранства стоила имъ большихъ трудовъ. Одежда состояла изъ фартуха, который прикрывалъ имъ животъ и половину лядвей; матерія была выдѣлана изъ какого то туземнаго произведенія. На иныхъ вмѣсто передничка надѣты были панталоны, подвязанныя на брюхѣ и оканчивавшіяся у колѣнъ. На груди немногихъ висѣли стеклянные бусы. Кожа ихъ была весьма мало разрисована, но многочисленные рубцы свидѣтельствовали, что войны въ той странѣ были нерѣдки и не очень милостивы; женщинъ было весьма мало въ

ладьяхъ, и тѣ очень не красивыя; можетъ быть, на землѣ были и хорошенькія: главнѣйшіе старшины острова, жены ихъ и дѣти, не отважились бы выѣхать въ открытое море для обозрѣнія Европейскаго корабля.

Число челноковъ часъ отъ часу умножалось, и не взирая на самый строжайшій присмотръ, палуба наполнялась посѣтителями, прокрадывавшимися какъ контрабанда. Смѣлость возрастала съ числомъ. Наши гости дѣлались безстыдными ворами, а товарищи ихъ безпрестанно намъ угрожали. Съ одной ладьи на другую перелетали продолжительныя рѣчи, походившія на воинскіе переговоры. Дикіе пальцами указывали на корабль, считая его, по видимому, легкою и вѣрною добычею. Наконецъ, по данному знаку, всѣ внезапно схватили оружіе и грозили намъ копьями. «Ого!» сказалъ Пендлетонъ, «вотъ кризисъ. Эти люди употребляютъ во зло наше терпѣніе; пора развязаться съ ними.» По командѣ капитана начали освобождать палубу отъ посѣтителей съ помощію копій и веревокъ, это было скоро сдѣлано. «Перейдемъ черезъ эту дрянь!» сказалъ Пендлетонъ! Принялись за работу; легкое судно повернуло по вѣтру, округлившіеся паруса возвратили ему привычный ходъ, и это безчисленное множество челноковъ въ безпорядкѣ внезапно очутилось подъ килемъ и боками *Океаніи*; шлюпъ, не сворачивая съ пути, прошелъ черезъ триста лодокъ, заслонявшихъ ему дорогу. Пятьдесятъ были опрокинуты и потоплены; множество другихъ претерпѣли сильную порчу. Можетъ быть, флотилія эта полагала заслонить намъ дорогу, но это притязаніе было жестоко наказано. Море представляло видъ ужаснаго крушенія. Весла, мачты, реи, трещали со всѣхъ сторонъ, поверхность воды была усѣяна человѣческими головами и обломками челноковъ.

Въ первыя минуты смятенія, дикари начали было спасать опрокинутыя ладьи, разставлять мачты, исправлять уроны, и не имѣя средствъ къ отомщенію, болѣе дѣйствительному, толпа эта начала вопить, произнося ужасныя ругательства и угрозы противъ нашего шлюпа, который летѣлъ уже на всѣхъ парусахъ, презирая этотъ безсильный гнѣвъ. Нѣкоторые изъ нихъ, болѣе раздраженные, цѣплялись за нижнія части корабля, стараясь оттуда вскарабкаться на палубу: но одинъ-два удара шестомъ повергали ихъ въ море, и шлюпъ съ торжествомъ продолжалъ путь свой.

Въ теченіе ночи *Океанія* прошла разстояніе, отдѣляющее Мауну отъ Ойолавы. 14 Мая съ разсвѣтомъ мы были уже на разстояніи двухъ миль отъ небольшаго островка, находящагося возлѣ восточной оконечности Ойолава. Тутъ нѣсколько челноковъ подъѣхали къ намъ; люди казались гораздо дружелюбнѣе тѣхъ, съ которыми мы разстались наканунѣ; можетъ быть и отъ того что число ихъ было несравненно менѣе. Мы сочли ихъ за рыболововъ и обмѣняли рыбу на разныя бездѣлки. Однако *Океанія* не останавливалась; мы продолжали путь мимо южнаго берега Ойолавы; земля отъ нижней части береговъ до вершины горъ казалась плодосна и имѣла пріятную наружность. Ни одна страна *океана* ни даже прелестный островъ Таити не представляли глазамъ нашимъ красивѣйшаго амфитеатра зелени, столь безконечной цѣпи очаровательныхъ мѣстоположеній. Къ сожалѣнію, не могли мы найти мѣста у этого острова, гдѣ бы можно было становиться на якорь; онъ до сего времени весьма малоизвѣстенъ, потому что Европейскія суда не имѣли возможности оставаться здѣсь долго.

Проходя вдоль берега, мы видѣли, какъ челночки, одинъ за другимъ отдѣлялись отъ земли и приближались къ *Океаніи*. Однако Пендлетонъ не хотѣлъ ихъ дожидаться и легъ только въ дрейфъ противъ острова Плата, который находится противъ западной оконечности острова Ойолавы и соединяется съ нею мелью въ ровень съ поверхностью воды.

Островъ Платъ, можетъ быть названъ перлою острововъ Гамоа, этой групы, столь щедро награжденной дарами природы; это низкій островокъ, на срединѣ котораго есть небольшое возвышеніе съ совершенно плоскою вершиною. Судя по множеству судовъ, выходившихъ намъ на встрѣчу, надо полагать, что земля эта очень многолюдна. Внезапно изъ всѣхъ челноковъ образовался какъ бы плывучій городъ или пространный базаръ, усѣянный плодами, овощами и поросятами: все это покачивалось на волнахъ на подобіе Китайскаго рынка на Бэй-цзянъ. Море исчезло подъ безчисленнымъ множествомъ челноковъ и человѣческихъ головъ. Обращеніе этихъ людей было ни дерзко, ни сурово. Они не угрожали намъ, не обкрадывали,

какъ жители острова Мауны; но напротивъ того, обходились дружески, прилично, и весьма честно. Веселье и безпрестанный хохотъ ихъ были иногда даже слишкомъ шумливы. но за исключенiемъ этого, ихъ не въ чемъ было упрекать. Когда имъ запрещали взлѣзать на палубу, они повиновались, привязывали товары свои къ снастямъ, и съ радостью принимали все, что имъ давали въ обмѣнъ. Одинъ изъ предметовъ, именно связка обручей съ боченковъ, была не ловко брошена и упала въ море; тутъ представилось зрѣлище чрезвычайно странное: море въ этомъ мѣстѣ было весьма глубоко, однако десять дикихъ бросились въ воду и поймали обручи, прежде нежели они дошли ко дну; они боролись въ водѣ, какъ рыбы, и долго оспоривали другъ у друга кусочки желѣза. Ни одинъ гвоздь не пропалъ.

Вотъ торговля, на которую надѣялся Филипсъ. За вещи цѣною въ два пiастра, за кусочки дряннаго желѣза, за обломки стекла или дюжину старыхъ гвоздей, онъ получилъ пятьдесятъ свиней, безчисленное множество дворовыхъ птицъ, фруктовъ и кореньевъ. Стеклянныя бусы голубаго цвѣта были оцѣнены выше всѣхъ прочихъ товаровъ, и предлагаемые за нихъ овощи, плоды и коренья были несравненно лучше другихъ; многiе были намъ даже совершенно не извѣстны. Глядя на это безчисленное множество съѣстныхъ припасовъ, нагруженныхъ на челнокахъ усыпавшихъ море, нельзя было понять, какъ на этомъ маленькомъ островкѣ могло произрастать въ такомъ изобилiи столько разнородныхъ произведенiй. Это было почти невѣроятно.

Обмѣны наши все еще продолжались, когда внезапное появленiе какойто огромной ладьи, прекратило ихъ. «*Эгуи iа егуи*» Начальникъ! начальникъ! закричали владѣльцы челноковъ, окружавшихъ шлюпъ, и въ одно мгновенiе всѣ они раздвинулись и очистили дорогу. Ладья пристала. Она была обширна, разукрашена жемчужными раковинами и управляема десятью человѣками, которые подвигали ее пагаями. На головѣ старшины, правившаго рулемъ, какъ и на гребцахъ, надѣты были вѣнки изъ зеленыхъ вѣтвей, означавшiе дружеское съ ихъ стороны расположенiе. На кормовой оконечности лодки, на подмосткахъ покрытыхъ цыновками, стоялъ скорчившись пожилой, человѣкъ держа надъ собою раскрытый зонтикъ Европейскаго издѣлья. Эта вещь видимо служила украшенiемъ, ибо тѣло его уже не могло бояться дѣйствiя солнечныхъ лучей. Тонкая ткань была накинута на его плеча, матерчатый кушакъ обвивалъ станъ, а на головѣ надѣта была чалма. Когда онъ былъ такъ близко, что голосъ его могъ быть услышанъ, то закричавъ что-то гребцамъ, которые немедлено очистили ему дорогу, онъ схватился за трапъ и съ тремя изъ своихъ людей быстро взлѣзъ къ намъ на палубу.

Человѣкъ этотъ былъ ростомъ въ пять футъ шесть дюймовъ, худощавый, но еще бодрый и весьма проворный. Въ чертахъ лица его не было ничего отвратительнаго; выраженiе ихъ было суровое, но необыкновенно умное. На всемъ тѣлѣ не было ни малѣйшей разрисовки. Войдя на палубу, онъ спросилъ начальника (*эгуи*). Филипсъ, встрѣтившiй его, показалъ ему капитана, сидѣвшаго на вахтенной скамьѣ. Тогда онъ подошелъ къ нему, наклонилъ голову, произнесъ нѣсколько словъ на природномъ нарѣчiи и схвативъ локти Пендлетона, приподнялъ ихъ два или три раза, произнося по Англiйски: *Very good* (очень хорошо). Послѣ этого полудикаго, полу-Европейскаго привѣтствiя, онъ растолковалъ ему, что былъ король острова Платы, и приказалъ подданнымъ своимъ положить къ ногамъ Пендлетона назначенные для него дары. Они состояли изъ ямса и трехъ прекрасныхъ свиней, называемыхъ имъ *боака*; въ обмѣнъ этихъ подарковъ. Пендлетонъ далъ ему топоръ, два ожерелья изъ голубыхъ стеклянныхъ бусъ и шелковый цвѣтной платокъ, который капитанъ самъ обвязялъ вокругъ его чалмы; изумленный такимъ богатствомъ, дикiй, казалось, не хотѣлъ вѣрить, что все это ему принадлежитъ, и потому недовѣрчивая и скромная благодарность его выразилась только нѣсколькими *very good*, произнесенными въ полголоса. Наконецъ онъ осмѣлился спросить, точно ли все это его собственность; точно ли этотъ топоръ, платокъ, а наиболѣе бусы, принадлежатъ ему? Когда его въ томъ удостовѣрили, тогда радость его сдѣлалась безпредѣльною: забывъ скромность, приличную его царскому достоинству, онъ съ восхищенiемъ расхаживалъ по палубѣ, стараясь, какъ казалось, угадать дѣйствiе, произведенное платкомъ на его головѣ; игралъ беспрестанно ожерельемъ, радуясь какъ дитя яркому от-

ливу бусъ; скакалъ какъ ребенокъ, которому подарили гремушку, и кричалъ безпрерывно: *very good*, *very good*. Онъ ходилъ взадъ и впередъ, гладилъ локти Пендлетона и постукивалъ своимъ носомъ о носъ Филипса, который съ большею готовностію обошелся бы безъ столь частыхъ и близкихъ знаковъ его признательности. Видя своего властелина до такой степени довольнымъ, подданные не могли оставаться равнодушными, и потому вслѣдъ за нимъ, и подражая всѣмъ его тѣлодвиженіямъ, ходилъ, запыхавшись, его секретарь, или казначей, толстый молодой человѣкъ, походившій складомъ на гипопотама; потъ лилъ съ него градомъ; онъ не успѣвалъ выдѣлывать всѣ выразительныя тѣлодвиженія, возложенныя на него его ролью, заставлявшею непремѣнно подражать во всемъ королю. Наконецъ восторгъ этихъ людей утихъ; всѣ подарки были осторожно уложены въ корзину, и оба начальника, т. е. начальникъ острова и корабля объявили желаніе говорить другъ съ другомъ.

Владѣлецъ острова Платы вѣроятно видалъ уже Европейцевъ, судя по его шелковому зонтику и двумъ или тремъ піастрамъ, сохраняемымъ имъ съ величайшимъ тщаніемъ. Когда Пендлетонъ началъ распрашивать его объ этомъ, онъ разсказалъ намъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, посѣщая въ ладьѣ весьма отдаленный островъ, на югѣ, онъ встрѣтился съ начальникомъ кокого то корабля, который подарилъ ему зонтикъ и піастры. Желая вѣрнѣе доказать справедливость своего разсказа, онъ пальцемъ дотронулся до одной изъ пушекъ *Океаніи*, и подражая звуку выстрѣловъ, показалъ, что точно слышалъ ихъ; потомъ изъяснилъ произведенное ими дѣйствіе: закрывъ глаза, онъ какъ мертвецъ повѣсилъ на сторону голову; пантомима эта была такъ хорошо выражена, что товарищи его съ почтеніемъ и страхомъ отступили отъ пушекъ. Между тѣмъ какъ это происходило, нѣсколько дикихъ, посмѣлѣе другихъ, начали устрашать вахтенныхъ. «Стрѣляйте въ нихъ изъ *пуасъ* (пушекъ),» сказалъ намъ *егуи*. Откровенно ли онъ это говорилъ, мы не знали.

Подзорная труба капитана всего болѣе поразила его. Онъ сперва принялъ ее за маленькую пушечку, и, казалось, страшился становиться противъ трубки. Замѣтивъ страхъ его, Пендлетонъ показалъ ему, чтобы онъ приложилъ глазъ къ стеклу. Онъ послѣдовалъ его совѣту, но оптическій феноменъ былъ для него такъ страненъ и неожиданъ, что онъ кинулъ трубу, и она конечно бы разбилась, если бъ Пендлетонъ не поймалъ ее на лету. Капитанъ началъ успокоивать его, нарочно самъ нѣсколько разъ смотря въ трубу, но всѣ старанія остались тщетны. Владѣлецъ острова Платъ принялъ за чародѣйство дѣйствіе этой чудесной машины, которая показала ему родныхъ и друзей его, стоявшихъ въ разстояніи двухъ миль, такъ близко, что можно было ихъ тронуть рукою; могъ ли онъ изъяснить это чудо?

Впрочемъ король былъ чрезвычайно благосклоненъ и къ *Океаніи* и къ ея капитану. Видно было, что ему весьма хотѣлось приманить насъ къ себѣ на землю, гдѣ обращеніе его вѣроятно перемѣнилось бы; для достиженія желаемой цѣли, онъ не щадилъ ничего: ласки, предложенія, обѣщанія снабдить насъ мясомъ, плодами, кортофелемъ, поросятами, сколько кому будетъ угодно, были щедро расточаемы; онъ расхваливалъ свой великолѣпный домъ, цыновки, лодки, скотный дворъ. Но Пендлетонъ оставался непоколебимъ; онъ боялся довѣриться ему; наконецъ дикій прибѣгнулъ къ послѣднему убѣжденію: онъ подвелъ его къ челнокамъ, тѣснившимся вокругъ корвета, и указавъ на женщинъ, которыхъ онъ называлъ на своемъ нарѣчіи *вараки*, онъ съ презрѣніемъ покачалъ головою, говоря: *no good* (не хороши). Полагая, что умыселъ его уже поняли, онъ обратился къ острову, и протянувъ руку въ ту сторону, льстивымъ голосомъ, какъ продавецъ выхваляющій свой товаръ, произнесъ нѣсколько разъ, *very good* вараки (очень хорошія женщины). Онъ сопровождалъ эти предложенія такими движеніями, что Пендлетонъ не могъ удержаться отъ смѣха. «Филипсъ,» закричалъ онъ, «это до тебя касается. Старикъ вѣрно уже сманилъ этимъ какихъ нибудь мореходцевъ, онъ, кажется, слишкомъ опытенъ въ убѣжденіяхъ.» Не смотря на свои подозрѣнія, капитанъ вышелъ бы на берегъ, если бы нашлось удобное мѣсто, чтобъ положить якорь; но плыть къ землѣ въ небольшой шлюпкѣ было бы слишкомъ неосторожно. Притомъ штиль и теченіе сносили *Океанію* прямо къ подводнымъ скаламъ, и отплытіе отъ острова становилось необходимо. Паруса были усилены и при звукѣ, тихой, томной, прощальной пѣсни дикихъ, легкій

корветъ нашъ, постепенно освобождаясь отъ окружавшихъ его лодокъ, пустился въ море смѣло и быстро. Еще прощаясь съ нами *егуи* повторялъ: *маруа, маруа*! и толпа подданныхъ его съ челноковъ, долгое время преслѣдовала насъ тѣми же восклицаніями: *маруа, маруа*.

На слѣдующій день мы шли вдоль южнаго берега обширнаго и прекраснаго острова Полы. Густыя облака скрывали его вершину; но по бокамъ холмовъ, возвышающихся на подобіе амфитеатра, видны были селенія, окруженныя богатыми плантаціями. Эта земля есть безъ сомнѣнія красивѣйшая обильнѣйшая, и наиболѣе населенная изъ всѣхъ острововъ. Съ палубы мы могли различить тысячи людей, стремившихся къ берегу, чтобъ взглянуть на корветъ. Въ утро подошли къ намъ еще около сорока лодокъ, но палуба и пространство между деками были уже завалены съѣстными припасами, притомъ же нельзя было терять времени: поднявшійся попутный восточный вѣтръ обѣщалъ многимъ сократить нашъ путь къ островамъ Тонга. 12 Мая, въ 6 часовъ вечера, послѣ этого краткаго и любопытнаго обозрѣнія группы острововъ Гамоа, *Океанія* пошла направляясь къ югу.

ГЛАВА III.

Острова Гамоа. Исторія и Географія.

Цѣпь острововъ Гамоа занимаетъ около ста миль пространства, съ востока на западъ подъ 14° юж. шир. Западные острова суть самые большіе; средній островъ Мауна не такъ великъ, а три восточные суть наименьшіе; островъ Роза есть не что иное какъ скала.

Опунъ, Леонъ и Фанфу, отдѣленные другъ отъ друга небольшими проливцами, возвышены, покрыты лѣсами, которые изъ далека представляютъ какъ бы одинъ островъ. Они находятся подъ 14° 13' юж. шир. и 171° 42' и 172° 2' зап. долготы.

Мауна, гористый, покрытый лѣсомъ и плодородный островъ, тянется на 7 миль съ O. N. O. на W. S. W; ширина его отъ шести до семи миль. Близъ него лежатъ и два небольшіе островка на В. З.; зап. оконечность лежитъ подъ 14° 21' ю. шир. и 173° 7' з. долготы.

Ойолова, пріятно расположенный и еще плодороднѣйшій островъ, имѣетъ не менѣе 40 миль въ длину и 10 въ самомъ широкомъ мѣстѣ. Нѣсколько маленькихъ островковъ прикрываютъ его съ востока и запада. Въ числѣ ихъ находится многолюдный и плодородный остр. Плата. Оконечность острова Платы лежитъ подъ 13° 53' юж. шир. и 174° 25' зап. долготы.

Пола, прекрасный островъ, есть послѣдній на западѣ. Удивительные разсказы Лаперуза и Коцебу заставляютъ насъ сожалѣть, что онъ не былъ подробнѣе обозрѣнъ. По красотѣ его мѣстъ и неоспоримой плодородности земли, его можно бы назвать Океанійскимъ Елизіумомъ. Весь островъ имѣетъ видъ огромнаго конуса, который Коцебу сравниваетъ съ конусомъ Муна-роа въ Гаваи, а вышину съ вышиною горы Тенерифъ. Островъ этотъ, имѣющій не менѣе ста миль въ окружности, простирается отъ 13° 26' до 13° 48' юж. шир. и отъ 174° 30' до 175° 8' зап. долготы.

По всѣмъ вѣроятностямъ, острова Гамоа, суть тотъ же самый архипелагъ, который открытъ Голландцемъ Роггевейномъ въ 1772 году и названъ островами Боуманъ. «Подъ 12 градусомъ юж. шир.,» говоритъ этотъ мореплаватель, «открыли нѣсколько острововъ весьма пріятной наружности, покрытыхъ фруктовыми деревьями и овощами. Земли были пересѣкаемы горами и долинами; нѣкоторые имѣли 10, 15 и до 20 миль въ окружности. Каждое семейство, казалось, имѣло особое правленіе, и племена раздѣлялись на различныя степени, какъ на островѣ Пасхи.

Островитяне вышли въ открытое море къ Голландцамъ, и предлагали имъ рыбу, кокосовые орѣхи, бананы и множество превосходныхъ плодовъ, за которые имъ платили различными Европейскими желѣзными мелочами. Судя по многочисленности мужчинъ и женщинъ, прибѣгавшихъ на берегъ, полагали, что эти острова весьма населены. Мужчины были бѣлые, и отличались отъ Европейцевъ только тѣмъ, что кожа ихъ сильно загорѣла отъ солнца. Тѣло ихъ было исписано различными красками; оружіе состояло изъ лука и стрѣлъ. Искусно выдѣланная ткань съ бахрамою прикрывала ихъ съ пояса до пятокъ; шляпы были изъ той же самой ткани, а на шеѣ висѣли гирлянды цвѣтовъ. Они одарены кроткою и привѣтливою наружностію, остроумны и веселы. — «Народъ этотъ», прибавляетъ повѣствованіе,

«честнѣе и образованнѣе всѣхъ жителей Южнаго Океана; насъ приняли за боговъ, и плакали когда мы уѣхали.»

Вотъ разсказъ Роггевейна, збивчивый, какъ всѣ повѣствованія его путешествій, и перепутанный еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ ученый Флеріё сдѣлался его коментаторомъ. Невѣрность въ географическомъ означеніи береговъ, ошибки и недоразумѣнія въ замѣченныхъ происшествіяхъ, поставили подробности этого путешествія въ число извѣстій, весьма недостовѣрныхъ, и потому мало уважаемыхъ.

Изъ этого послѣдовало, что открыватель, по праву, хотя и не по дѣлу, острововъ Гамоа, былъ Бугенвиль. Онъ въ 1768 году наткнулся на эти острова; нѣсколько дней, послѣ отбытія изъ Таити, осмотрѣлъ Опунъ, Леонъ, Фанфу, а наиболѣе Мауну, видѣлъ издалека Ойлаву, но не могъ замѣтить *Пола*. Бугенвиль имѣлъ сношенія съ жителями; но описаніе, имъ оставленное, ни мало не сходствуетъ съ описаніемъ Роггевейна.—«Люди эти,» говоритъ онъ, «не такъ благонравны какъ жители Таити: лица ихъ выражаютъ болѣе дикости; они лукавы, хитры, и беспрестанно старались обмануть насъ въ обмѣнахъ. Примѣчательнѣе всего въ этомъ народѣ, искусство въ мореплаваніи. Лодки ихъ лучше устроенныя, нежели у другихъ жителей Океанійскихъ земель, стремятся по водѣ съ чрезвычайною быстротою. По этой именно причинѣ, Бугенвиль назвалъ группу сихъ острововъ островами Мореплавателей (Iles des navigateurs), названіе, которое долго сохранялось на картахъ, но должно быть уничтожено и замѣнено природнымъ названіемъ острововъ Гамоа.

Цѣлью путешествія Лаперуза было подробное обозрѣніе этихъ острововъ, обозрѣніе начертанное Бугенвилемъ. Декабря 6 1787 года онъ явился и провелъ здѣсь десять дней, въ теченіе которыхъ несчастное приключеніе лишило экспедицію одного изъ лучшихъ ея офицеровъ.

Въ первые дни Лаперузъ имѣлъ съ жителями восточныхъ острововъ мирныя, хотя незначительныя сношенія. 9 Декабря онъ бросилъ якорь предъ Мауною, на мѣстѣ глубиною въ 30 брассовъ. Въ тотъ же вечеръ, капитанъ Делангль отправился съ нѣсколькими офицерами на трехъ вооруженныхъ гребныхъ судахъ, для обозрѣнія многолюднаго селенія, гдѣ они дружески были приняты. Было уже довольно поздно и темно; жители разложили большой огонь, чтобъ освѣтить посѣтителямъ дорогу. Все обошлось мирно, и суда благополучно возвратились къ кораблямъ.

На другой день при разсвѣтѣ все было также тихо. Островитяне пріѣхали къ кораблю торговать; они промѣнивали съѣстные припасы на разныя желѣзныя вещи, а болѣе на мелкій стеклянный товаръ, чрезвычайно прельщавшій ихъ; шлюбки отправились между тѣмъ на берегъ за прѣсною водою, а за ними и оба капитана фрегатовъ, въ своихъ шлюбкахъ. Сношенія въ этотъ день были не столь спокойны. Матросы, посланные для охраненія мѣста, гдѣ запасаются прѣсною водою, допустили себя до разврата съ женщинами, и одинъ изъ дикихъ забравшись украдкою въ судно, ударилъ матроса дубиною. Вмѣсто того чтобы наказать зачинщика, Лаперузъ велѣлъ бросить его въ воду. Нужно было употребить болѣе строгости съ народомъ дикимъ, сильнымъ и слишкомъ надѣявшимся на преимущество своей тѣлесной силы; нужно было доказать могущество Французовъ и дѣйствіе огнестрѣльнаго оружія, не убивая на лету однаго или двухъ голубей, но иначе.

Однако Лаперузъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ вооруженныхъ людей, отправился осмотрѣть селеніе, прикрытое лѣскомъ плодовыхъ деревъ. Хижины были расположены вокругъ прекрасной поляны въ 50 саженъ въ діаметрѣ. Стоя у дверей хижинъ своихъ, дикіе, мужчины, женщины, старцы и дѣти умоляли Лаперуза осчастливить ихъ посѣщеніемъ. Онъ входилъ въ нѣсколько хижинъ. Во всѣхъ полъ былъ выстланъ выбраннымъ мелкимъ камнемъ, поднятъ на два фута отъ земли и обитъ соломяною цыновкою. Всѣ почти эти жилья были эллиптической формы: ни поддерживали крышу устланную кокосовыми листьями. Во внутренности царствовала вездѣ чистота и щегольство. Чтобъ умѣрить зной жаркихъ дней, во многихъ хижинахъ развѣшены были цыновки, которыя подымались и опускались на подобіе нашихъ сторъ. Затѣи роскоши: молоденькіе голубки или маленькіе попугаи, воспитанные дома, дополняли имущества этихъ жилищъ. Все, казалось, могло бы служить доказательствомъ счастія, благонравія и спокойствія народа; но глубокія раны, заживленныя, или еще не зажившія, обнару-

живали буйныя привычки и воинственный духъ этихъ людей.

На фрегатахъ во время отсутствія начальниковъ, отважность ихъ проявлялась яснѣе. Не смотря на бдительность часовыхъ, нѣсколько дикихъ взобравшись на палубу, накрали различныхъ вещей; нужно было для огражденія дѣйствовать силою. Худощавость и сравнительно малый ростъ Французовъ не внушали этимъ геркулесамъ ни какого уваженія. Нужно было бы доказать имъ наше превосходство, употребивъ средства кровавыя. Этого не сдѣлали. Лаперузу надлежало пріобрѣсть знаніе обращатся опытностію и отблагодарить за наставленіе; но фрегатамъ это дорого обошлось.

Впрочемъ судьба, казалось, гнала капитана Делангля къ злополучію. 10 числа онъ обозрѣлъ красивое селеніе въ сосѣднемъ небольшомъ заливѣ. На другой день, не смотря на сопротивленіе Лаперуза, онъ хотѣлъ возвратиться туда. 11-го, около полудня, обѣ шлюбки фрегатовъ и обѣ большія гребныя лодки отправились на мѣсто снабженія прѣсною водою. Суда были вооружены фальконетами, а матросы ружьями и саблями. Прибывъ къ мѣсту, куда онъ наканунѣ приставалъ, Делангль, вмѣсто безподобнаго бассейна, который ожидалъ увидѣть, нашелъ только груду кораловъ и узкій извилистый каналъ. Дѣйствіе прилива и отлива мѣняло видъ этого мѣста. Капитанъ острова хотѣлъ воротиться, чтобъ найти ближайшее мѣсто для пріобрѣтенія прѣсной воды, но доброе расположеніе жителей успокоило его. Онъ остался. Выкатили на берегъ бочки, разставили солдатъ для охраненія работающихъ, и спокойно принялись за дѣло. Сначала, число жителей было не свыше 200. Делацглю съ его оборонительными средствами не было ни какой опасности, но мало по малу со всѣхъ сторонъ сходились цѣлые караваны лодокъ, и вскорѣ болѣе 1500 островитянъ покрыли берегъ и загромоздили небольшой заливъ. Тогда начались смятенія и безпорядки. Чтобы прекратить ихъ, Делангль, на бѣду, вздумалъ раздавать подарки людямъ, которыхъ онъ принималъ за начальниковъ. Это не понравилось ни тѣмъ, кого дарили, ни тѣмъ, которые ничего не получали; послѣдніе сдѣлались завистливы до бѣшенства, и тутъ уже сраженіе казалось не набѣжнымъ.

Делангль приказалъ вернуться къ шлюбкамъ; дикіе не препятствовали, но вошли въ воду и слѣдовали за Французами, которые также принуждены были итти въ водѣ, чтобъ добраться до судовъ. Во время этой переправы ружья и патроны были подмочены. Все было еще спокойно, до приказанія сняться, чтобъ пуститься въ путь; но въ эту минуту нѣсколько камней было брошено. Делангль отвѣчалъ выстрѣломъ изъ ружья на воздухъ, это было знакомъ общаго нападенія островитянъ.

Делангль былъ тогда на одной изъ лодокъ; едва успѣлъ онъ раза два выстрѣлить, какъ 50 дикихъ напали на него, и сбили его съ ногъ палицами, а вновь набѣжавшіе умертвили его. Убитый уже, онъ получилъ еще 200 ударовъ; потомъ разъяренные дикари привязали тѣло его къ шлюбкѣ. Подлѣ начальника пали, въ ту же минуту, натуралистъ Ламанонъ, капитанъ Таленъ и нѣсколько матросовъ. Дикіе стекались со всѣхъ сторонъ, разсыпались тамъ и сямъ, и потому почти не подвергались дѣйствію фальконетовъ и ружей. Экипажи осажденные справа и слѣва, сзади и спереди, не знали кому повиноваться и какъ обороняться. Битва была ужасная; въ этой кровавой стычкѣ, выгода положенія должна была взять верхъ надъ преимуществомъ оружія и уничтожить его. (Рис. II).

Нельзя было въ одно и то же время защищаться отъ нападенія и сталкивать сѣвшія на мель шлюбки; и такъ ихъ бросили и уже кое какъ добрались до гребныхъ судовъ, стоявшихъ благополучно подалѣе въ морѣ. Это движеніе было полезнымъ отводомъ. Дикіе, по врожденной страсти къ грабежу, бросились на оставленныя имъ шлюбки, какъ стая хищныхъ птицъ на мертвое тѣло, отнимая другъ у друга малѣйшія бездѣлицы. Въ нѣсколько минутъ шлюбки были разбиты, и отплывали обломками; лавки, весла, снасти, гвозди, все было похищаемо. Занявшись этимъ истребленіемъ, дикари забыли объ убѣгавшемъ экипажѣ, который добравшись до гребныхъ судовъ своихъ, сбросилъ въ море всѣ бочки съ водою, чтобъ облегчить грузъ и очистить мѣсто, и направился въ открытое море. Однако же, въ самомъ узкомъ мѣстѣ фарватера, нечаянный случай едва не подвергъ снова опасности этихъ несчастныхъ. Лодка съ Астролябіи сѣла на мель; положеніе было чрезвычайно опасно; съ обѣихъ сторонъ этого прохода

оставалось не болѣе 10 футовъ: цѣпь подводныхъ камней легко позволяла островитянамъ сдѣлать новое нападеніе на убѣгающихъ.

Впрочемъ грабежъ шлюбокъ уже былъ окончёнъ, и разъяренная толпа, упоенная первымъ успѣхомъ, оставалась совершенно въ бездѣйствіи. Была минута, когда дикари бросились было съ ужасными криками на суда, полагая найти новую добычу и надѣясь помѣшать отступленію Французовъ, но нѣсколько выстрѣловъ, произведенныхъ во время, спасли моряковъ отъ вторичнаго несчастія. Суда освободились, и достигли счастливо до фрегатовъ. Бѣгство было поистинѣ благополучно. Если бы островитяне не занялись грабежемъ шлюбокъ, экипажъ, лишенный начальниковъ, съ судами заваленными и худо вооруженными, можетъ быть, погибъ бы до послѣдняго человѣка. Когда увидѣли приближавшіяся лодки, наполненныя ранеными, когда узнали о смерти капитана Делангля и его товарищей, крикъ ужаса раздался на фрегатахъ. Въ ту же минуту хотѣли отмстить за погибшихъ. Около ста лодокъ, наполненныхъ мужчинами, женщинами и дѣтьми, собравшись вокругъ кораблей, стоявшихъ на якорѣ, могли бы служить достойною жертвою памяти Делангля. Экипажъ горѣлъ местію, и, можетъ быть, рѣшительная мѣра въ ту минуту была бы благоразумною. Должно было бы потребовать тѣла Французовъ, которые этими людоѣдами были оставлены, вѣроятно для своихъ пиршествъ. Но Лаперузъ почелъ за нужное воспротивиться влеченію моряковъ; онъ умѣрилъ гнѣвъ ихъ, употребивъ всю свою власть, и холостымъ пушечнымъ выстрѣломъ разогналъ флотилію. Конечно, не легко было капитану казаться столь милосердымъ и не платить за смерть друга мщеніемъ, равнымъ его горести. Но это несчастное приключеніе послужило ему по крайней мѣрѣ урокомъ, и впредь уже въ обхожденіи съ дикими онъ не былъ такъ снисходителенъ.

На другой день, не смотря на предшествовавшее кровопролитіе, нѣсколько лодокъ опять столпились вокругъ кораблей Лаперуза. Экипажи были раздражены; капитанъ самъ едва удерживался: если бы онъ могъ найти вѣрное якорное мѣсто, то разрушилъ и сжегъ бы селенія, расположенныя на берегу, но онъ предпочелъ оставить эти несчастныя воды. Приказано было сняться съ якоря, и 14 Декабря Лаперузъ обогнулъ острова Ойолаву, гдѣ опять встрѣтился съ другими лодками островитянъ. Эти дикари были совершенно похожи на жителей острова Мауны; но въ обхожденіи были гораздо скромнѣе и ласковѣе. Жены и дѣти сопровождали ихъ. Ввечеру фрегаты легли въ дрейфъ въ виду прекраснаго селенія. «То было», говоритъ Лаперузъ, «большое пространство, покрытое жилищами съ вершины горъ до самаго берега моря. Горы находятся почти въ срединѣ острова, и легкая покатость ихъ представляетъ видъ амфитеатра, покрытаго деревьями, домами и зеленью; дымъ подымался изъ средины селенья, какъ изъ огромнаго города, а море было усѣяно безчисленнымъ множествомъ лодокъ привлеченныхъ отчасти однимъ любопытствомъ, отчасти желаніемъ что либо вымѣнять.»

Осмотрѣвъ еще разъ островъ Полу, Лаперузъ оставилъ этотъ архипелагъ. Въ 1791 году Англичанинъ Эдвардсъ снова посѣтилъ его, и далъ ему другое названіе. До 1824 года никто изъ извѣстныхъ мореплавателей не былъ тамъ. Но этотъ годъ ознаменованъ открытіями капитана Коцебу; онъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ подтвердилъ, въ другихъ исправлялъ то, что говорилъ Лаперузъ. Изъ показаній его должно заключать, что жители западныхъ острововъ Ойолава, острова Плата и Пола гораздо скромнѣе и обходительнѣе жителей Мауны. Отъ чего же происходитъ это несходство между двумя сосѣдними народами: отъ коренныхъ ли обычаевъ? Отъ нѣкоторой ли разности въ образѣ правленія, которое на западныхъ островахъ приняло видъ болѣе правильный, между тѣмъ какъ на восточныхъ—болѣе безначальный? Тамъ власть правителей уважается; здѣсь же ее вовсе нѣтъ; народъ самовластенъ, и не признаетъ другаго закона, кромѣ своей воли!

Впрочемъ племя, населяющее острова Гамоа неоспоримо принадлежитъ Полинезійскому семейству, хотя оно и измѣнилось отъ сосѣдства съ Малаизійцами. По словамъ Лаперуза, обыкновенный ростъ мужчины, пять футовъ, десять дюймовъ, члены тѣла колоссальны и соразмѣрны. Нагіе, прикрытые листьями, ниспадающими до колѣнъ, эти люди, казалось, были одѣты въ разрисованное платье. Всклоченные длинные волосы придавали имъ видъ еще болѣе свирѣпый. Женщины имѣли

тѣже самыя преимущества, какъ и мужчины. Высокія, легкія, стройныя, часто хорошенькія собой, онѣ въ пріемахъ и тѣлодвиженіяхъ своихъ позволяли себѣ отвратительныя своевольства. Чувства скромности и стыдливости были имъ вовсе чужды. Въ кратковременное пребываніе Французкихъ экипажей, всѣ онѣ были готовы къ ихъ услугамъ; старухи *услужницы* устроивали эти любовныя сдѣлки.

Жители были свѣдущи въ рукодѣльяхъ; они весьма искусно обдѣлывали дерево твердыми базальтовыми топорами, дѣлали блюда или подносы на трехъ ножкахъ и строили лодки, весьма удобныя подъ парусами. Кромѣ тканей, изъ растеній подобныхъ папирусу, и обыкновенныхъ на островахъ, здѣсь выдѣлываютъ мягкія и шелковистыя матеріи, въ родѣ тѣхъ, которыя жители Новой Зеландіи выработаваютъ изъ формiума (phormium). Неизвѣстно изъ какихъ растеній обитатели острововъ Гамоа дѣлаютъ свои ткани.

Народонаселеніе этихъ острововъ въ точности не опредѣлено. Однако еслибы захотѣли сдѣлать исчисленіе, руководствуясь повѣствованіями Лаперуза и Коцебу, гдѣ они означаютъ многолюдныя селенія, открытыя ими, и множество лодокъ, должно полагать, что жителей на всемъ архипелагѣ Гамоа по крайней мѣрѣ до 50,000. Слѣдовательно это самый значительный пунктъ Океанійской географіи. Будемъ надѣяться, что нынѣшнія свѣдѣнія опредѣлительнѣе познакомятъ насъ съ нимъ.

Свершивъ священныя обязанности свои въ восточной Полинезіи, миссіонеры обратятся вѣроятно къ западнымъ странамъ, болѣе дикимъ, конечно, но богатѣйшимъ. Обращеніе ихъ въ Христіанство будетъ подвигомъ важнымъ. Тамъ, можетъ, нѣкоторые пострадаютъ за Христа, но дѣло, единожды исполненное, будетъ полезнѣе и принесетъ имъ болѣе чести. Имъ предоставлена еще слава, объяснить важные географическіе вопросы, которые для рѣшенія требуютъ и вѣры апостола и добросовѣстности ученаго. Да постигнутъ они всю важность этой миссіи, содѣлывающей ихъ достойными наградъ небесныхъ и земныхъ.

ГЛАВА IV.

Переѣздъ отъ острововъ Гамоа къ островамъ Тонга. — Ніуга. — Острова Тонга.

13 Мая явилась новая земля. То была группа острововъ *Ніуга*, находившихся у насъ подъ вѣтромъ. Они открыты Шутеномъ; онъ бросилъ противъ нихъ якорь 11 Мая 1616 года. Островитяне выѣхали на встрѣчу въ легкихъ маленькихъ челнокахъ, изъ дерева похожаго на красное. Они обмѣняли коренья и плоды на гвозди и мелкія стекляныя вещи. Все шло хорошо до тѣхъ поръ, пока шлюбка не отдѣлилась отъ корабля, чтобы осмотрѣть, нѣтъ ли удобнаго якорнаго мѣста. Думая легко съ нею справиться, около двадцати челноковъ окружили ее, грозя матросамъ копьями. Надо было прибѣгнуть къ оружію; одинъ изъ дикихъ палъ, пораженный пулею. Товарищи его хотѣли завлечь жителей всего острова къ отмщенію; но тѣ изъ нихъ, которые приставали къ кораблю, бывъ довольны сдѣланнымъ имъ пріемомъ, не желали вмѣшаться въ дѣло, которое могло худо для нихъ окончиться.

Островитяне эти, подобно жителямъ острововъ Гамоа, были безсовѣстные воры: они кидались на все, какъ на добычу, и унося что нибудь бросались въ море; многіе пытались украсть даже гвозди и болты корабля. Сильные и рослые, они ходили нагіе, за исключеніемъ небольшаго пояса, на подобіе маро; тѣло ихъ было татуировано, бороды сбриты, а надрѣзанная нижняя мочка уха висѣла до плеча. Волосы, какъ у жителей острововъ Гамоа, были причесаны съ искусствомъ и всклокочены пучками. На шеѣ носили ожерелья изъ раковинъ, зубовъ и птичьихъ перьевъ. На парусахъ ихъ лодокъ нарисовано было изображеніе пѣтуха. Хижины, выстроеныя въ линію вдоль берега, казались весьма населенными.

Шутенъ остался нѣсколько дней передъ островами Ніуга, къ величайшему удовольствію удивленныхъ дикарей. Они не могли довольно наглядѣться на корабль и чтобъ удостовѣриться въ его прочности, подплывали подъ подводную часть его и тамъ бросали въ нее каменьями. Всегда готовые къ обмѣнамъ, они заваливали палубу свиньями, дворовыми птицами, зеленью, плодами, и удалялись до-

вольствуясь весьма малымъ. Вскорѣ Голландскій мореплаватель принялъ подарки и посѣщеніе короля, или *лату*, одного изъ сосѣднихъ острововъ. Онъ ѣхалъ въ большой лодкѣ, сопровождаемой толпою маленькихъ. Его привѣтствовали звуками трубъ и барабаннымъ боемъ; этотъ шумный пріемъ, казалось, привелъ его въ восхищеніе; король началъ говорить; произнесенная имъ рѣчь была повторяема всѣми присутствовавшими; она показалась Голландцамъ весьма доброжелательною и учтивою; за этимъ король послалъ на палубу трехъ человѣкъ, которымъ поручилъ поднесть капитану въ подарокъ отъ него, прекрасную цыновку. Депутаты исполнили возложенное на нихъ порученіе съ почтительностію, стоя на колѣнахъ. Шутенъ въ замѣнъ цыновки далъ имъ старый топоръ, нѣсколько стеклянныхъ мелочей, старыхъ гвоздей и кусокъ полотна, подарки, отъ которыхъ король пришелъ въ совершенное восхищеніе. Казалось, что подданные охотно повиновались власти этого монарха. Нѣсколько челноковъ остановились въ положеніи непріятномъ для Голландцевъ; они сказали о томъ его дикому величеству, который тотчасъ же закричалъ: *фану! фану!* и лодки удалились. Не смотря на убѣжденія капитана, король не хотѣлъ войти на корабль, а послалъ сына своего, который съ своей стороны упрашивалъ Голландцевъ сойти на берегъ.

Этотъ миролюбиво проведенный день нисколько не позволялъ предвидѣть того, что должно было произойти въ слѣдующій. Благосклонный пріемъ и ласковое обхожденіе, были конечно не что иное, какъ хитрость, имѣющая цѣлью заманить Европейцевъ на берегъ. Но видя, что уловка эта имъ не удавалась, островитяне прибѣгнули къ силѣ. Утромъ 13 Мая, цѣлая флотилія окружила корабль. Она состояла изъ 23 двойныхъ лодокъ, въ которыхъ находилось около двадцати человѣкъ въ каждой, и изъ 45 простыхъ лодокъ, по пяти человѣкъ въ лодкѣ. Самъ король, пріѣхавшій въ двойной лодкѣ, началъ осматривать положеніе корабля; потомъ, когда онъ удостовѣрился въ силѣ своего флота, одинъ изъ жителей ударилъ въ нѣчто похожее на барабанъ, и всѣ отвѣчали на этотъ призывъ пронзительнымъ крикомъ. То былъ сигналъ сраженія. Двойная лодка, въ которой сидѣлъ король, первая вступила въ дѣло; она плыла прямо къ кораблю, побуждаемая всею силою гребцевъ; но вмѣсто того чтобы разбить его, сама расшиблась, и его дикое величество долженъ былъ достичь берега вплавь. Остальные продолжали упорствовать и бросать каменьями, до тѣхъ поръ, пока пальба съ борта и огонь нѣсколькихъ фалконетовъ, заряженныхъ пулями и старыми гвоздями, не разсѣялъ это сборище. «Безъ сомнѣнія,» говоритъ историкъ этой экспедиціи, «нѣкоторые изъ нихъ были убиты и ранены; дикари удалились, совсѣмъ не ожидая подобныхъ залповъ, которые для нихъ такимъ непонятнымъ и страннымъ образомъ погубили нѣкоторыхъ изъ ихъ людей. Должно думать, что для этого предпріятія король собиралъ силы свои; ибо тутъ было болѣе 1,000 челов., между коими одинъ совершенно бѣлый.» На другой день Шутенъ удалился отъ острововъ, давъ имъ названіе острововъ Cocos и Verader (Измѣнниковъ).

Валлисъ видѣлъ ихъ опять въ 1767 году, но не останавливался, ибо не нашелъ удобнаго якорнаго мѣста. Одни только гребные суда его имѣли сношеніе съ низменными островами. Мореплаватель нашелъ въ жителяхъ нѣкоторое сходство съ Таитянами, и замѣтилъ, что у всѣхъ первый суставъ мизинца былъ отрѣзанъ. Тутъ Голландское названіе острововъ было перемѣнено на имена *Боскавенъ* и *Кеппель* (Bascawen et Keppel). Потомъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1781 года прибылъ въ эти мѣста Испанецъ Морель; изнуренный, нуждаясь во всемъ, онъ запасся здѣсь жизненными припасами, и по этой причинѣ назвалъ островами *Утѣшенія* (Consolation). Морель утверждаетъ, что туземцы говорятъ тѣмъ же самымъ нарѣчіемъ, которое употребляютъ жители Вавао. Они обошлись съ Испанцами честно и привѣтливо. Послѣ Мореля явился въ 1787 году Лаперузъ, который видѣлъ одинъ только высокій островъ, названный Шутеномъ *Вѣроломнымъ*. Онъ вошелъ въ торговое сношеніе съ обитателями его, которые, по его словамъ, имѣли большое сходство съ жителями Гамоа. Лаперузъ подтверждаетъ, что у нихъ одинъ или два сустава пальца отрѣзаны. Послѣ Лаперуза никто въ подробности не осматривалъ острововъ Ніуга, о которыхъ однако упоминаетъ въ своихъ приключеніяхъ Меринеръ, этотъ отчетливый и точный историкъ острововъ Тонга.

По словамъ Лаперуза, небольшая группа острововъ Ніуга состоитъ изъ двухъ остров-

ковъ, раздѣляемыхъ проливомъ шириною въ три мили. Сѣверный представляетъ видъ сахарной головы, покрытой лѣсомъ съ низу до верху; онъ имѣетъ въ поперечникѣ около трехъ миль. Другой, есть низкая и плоская земля съ возвышеніемъ на срединѣ. Проливъ, шириною въ полтораста саженъ; разсѣкаетъ его на двѣ части; длина его до трехъ миль съ половиною, а ширина не болѣе двухъ. Съ южной его стороны подводные камни вѣтвятся довольно далеко и образуютъ мѣсто глубиною въ двадцать и двадцать пять брассовъ, удобное для якорной стоянки. Сѣверный островъ лежитъ подъ 15° 50' ю. шир: и 176° 25' зап. долг:

Пендлетонъ, съ самаго отъѣзда изъ Гамоа велѣлъ сколь можно болѣе держаться къ вѣтру; предосторожность его была оправдана послѣдствіями. *Океанію* снесло стремленіемъ почти на тридцать миль въ направленіи къ западу. На слѣдующій день мы могли только пройти между островами Амаргура и Вавао, въ трехъ или четырехъ миляхъ отъ послѣдняго. Наконецъ 15 числа пройдя съ разсвѣтомъ мимо низкихъ острововъ Гапаи, и оставя съ правой стороны волканическія вершины Као и Тофуа, мы до полудня стали на рейдѣ у сѣверной стороны острова Намука.

Появленіе наше вскорѣ привело въ движеніе небольшую бухту, казавшуюся необитаемою. Изъ-за всѣхъ утесовъ, изъ-за всѣхъ выдающихся въ море песчаныхъ мысовъ, изъ всѣхъ бухтъ, однимъ словомъ, со всѣхъ точекъ острова явились лодки нагруженныя разными припасами: свиньями, кореньями и плодами. Легкія и красныя, эти лодки вмѣщали въ себѣ отъ сорока до пятидесяти человѣкъ. Черезъ часъ по пріѣздѣ нашемъ, ихъ собралось уже около ста вокругъ *Океаніи*. «Осторожнѣе!» кричалъ Пендлетонъ боцману. «Не надо впускать весь этотъ народъ на корабль. Джонъ! приготовить сѣтки и разставить вездѣ часовыхъ?» Лишь только приказанія капитана были выполнены, какъ ужасный шумъ обратилъ общее вниманіе. «Капитанъ,» сказалъ боцманъ. «одинъ изъ дикихъ хочетъ войти на палубу; онъ не слушаетъ приказаній и выдаетъ себя за старшину, за егуи, или короля.

«О! если онъ король, то надо обходиться съ должнымъ его сану почтеніемъ!» отвѣчалъ Пендлетонъ смѣясь: «мы будемъ по крайней мѣрѣ вести переговоры съ равнымъ.» Прежнія приказанія нарушили: Мнимый король вошелъ на корабль, но за нимъ потянулось такое множество подданныхъ, что надо было опять прибѣгнуть къ строгости: Болѣе шестидесяти островитянъ вошли уже; пора было подумать о предосторожности.

Хотя жизненные припасы находились въ изобиліи на *Океаніи*, но жители отдавали свои такъ дешево, что вскорѣ палуба была завалена свиньями и грудами мяса. Матросы въ замѣнъ давали туземцамъ разныя желѣзныя вещи и синія стеклянныя ожерелья, которыя дикіе цѣнили выше всего. Стеклянныя вещи другаго цвѣта не имѣли уже той цѣны и не были у нихъ въ такомъ уваженіи. Впрочемъ жители съ перваго взгляда казались обходительнѣе всѣхъ Полинезійцевъ, которыхъ я до того времени видѣлъ. И точно, въ нихъ не было ни того торговаго фанфаронства, которое начинаетъ вводиться между Гавайцами, ни тѣхъ уловокъ дѣтской простоты и корыстолюбивой лести, которыя такъ хорошо обрисовываютъ характеръ Таитянъ; но обнаруживалось болѣе смышлености, болѣе сознанія собственнаго достоинства и болѣе совѣсти. Скромные въ обхожденіи, они замѣтно боялись быть въ тягость; сохраняли какую то степенность и не казались ни докучливыми просителями, ни безсовѣстными ворами. Я былъ отъ нихъ въ восхищеніи. «Вотъ по крайней мѣрѣ люди, съ которыми можно имѣть сношенія,» сказалъ я Пендлетону. Да, отвѣчалъ капитанъ, только въ продолженіе одного или двухъ дней. Они обманули даже Кука, который назвалъ острова эти островами Друзей. Но съ тѣхъ поръ многіе другіе расказы вовсе не оправдали это прекрасное названіе. Мы теперь уже знаемъ, какъ принимать первыя изъявленія дружбы дикарей. Англичанинъ Маринеръ и капитаны Дюрвиль и Диллонъ открыли намъ, что тутъ было болѣе дипломатическихъ, нежели душевныхъ порывовъ, болѣе расчетливости, нежели правды. Дикіе приходятъ къ вамъ съ оливковою вѣтвью въ рукѣ, а за поясомъ у нихъ кинжалъ. Они ласкаютъ и льстятъ, чтобъ лучше разсмотрѣть мѣсто куда ударить. Теперь они честны, предупредительны, даже нѣжны, ибо увѣрены, что мы сильнѣе ихъ; но если бы насъ бурею выбросило на ихъ берегъ, они на насъ не оставили бы и рубахи. Честность ихъ просто коварство: они болѣе хитры, нежели

длы. Никогда еще не видали, чтобъ они прибѣгали къ насилію, не увѣрившись въ пользѣ и умѣстности. О! нѣтъ! не надо полагаться на этихъ людей: у нихъ когти какъ у сосѣдей ихъ въ Вити; только они скрываютъ ихъ.

Пендлетонъ разочаровалъ меня; это противодѣйствіе было такъ сильно, что перемѣнило даже физическія впечатлѣнія. Въ лицахъ жителей, на которыхъ я до тѣхъ поръ видѣлъ только доброжелательство и скромность, вдругъ проявились вѣроломство и коварство; я замѣчалъ косвенные взгляды, которые старались казаться дружескими; въ кроткихъ и воздержныхъ движеньяхъ я предугадывалъ скрытное шпіонство: столь могущественны бываютъ предубѣжденія, и такъ велико вліяніе ихъ на наши сужденія.

Пендлетонъ съ своей стороны не довольствовался одною умственною недовѣрчивостію къ островитянамъ. Ему нужно было наполнить бочки водою, а въ Намукѣ было для того удобное мѣсто. Но приключеніе Делангля и его товарищей, было еще слишкомъ свѣже въ памяти, чтобъ отважиться зайти на землю, не взявъ всѣхъ возможныхъ предосторожностей. Подойдя къ начальнику, онъ спросилъ его: согласенъ ли онъ остаться заложникомъ на *Океаніи*, пока лодки будутъ у берега его острова. Вопросъ этотъ былъ сдѣланъ посредствомъ Англійскаго дезертера, поселившагося въ Намукѣ. Выслушавъ его, начальникъ улыбнулся, потомъ принявъ важный видъ: «Скажите Европейскому начальнику,» отвѣчалъ онъ чрезъ переводчика; «да, скажите начальнику, командующему этимъ судномъ, что уже годъ какъ жители Гапаи приняли Христіанскую вѣру, и что они не сдѣлаютъ собратьямъ своимъ ни какаго зла.» Пендлетонъ удивился: онъ не зналъ внезапнаго ихъ обращенія, и не хотѣлъ вѣрить: «Христіяне или нѣтъ, все равно, я спрашиваю, согласны ли они остаться заложниками?» — «Конечно согласны,» отвѣчалъ король, «если это пріятно нашимъ братьямъ Европейцамъ.» И такъ короля дикихъ заперли въ комнату съ пятью или шестью изъ его офицеровъ, и чтобъ доставить имъ какое нибудь развлеченіе, Пендлетонъ велѣлъ подчивать ихъ лучшими кушаньями и винами; плѣнъ показался нашимъ аманатамъ очень пріятнымъ.

Между тѣмъ шлюбка отправилась подъ начальствомъ младшаго лейтенанта. Пендлетонъ и Филипсъ остались на *Океаніи*: первый изъ предосторожности, второй въ слѣдствіе всегда перемежающагося болѣзненнаго состоянія. Что касается до меня, то я не могъ пріучить себя видѣть отправляющееся безъ меня судно. Я выпросился на берегъ; Пендлетонъ не могъ мнѣ отказывать ни въ чемъ. Мы плыли къ берегу, сопровождаемые множествомъ лодокъ на парусахъ и веслахъ. На берегу ожидала насъ многочисленная толпа (Рис. IV ф. 1).; но вмѣсто шумнаго и докучливаго пріема, которымъ насъ вездѣ встрѣчали, туземцы обошлись съ нами съ честностію и приличіемъ; Среди народа прохаживались нѣсколько человѣкъ степеннѣе и порядочнѣе другихъ, родъ наставниковъ, которымъ, казалось, порученъ былъ надзоръ, и которые въ тотъ день вѣроятно напоминали народу о вѣжливости и вниманіи къ чужестранцамъ. Я узналъ въ нихъ природныхъ пастырей, церковнослужителей, образованныхъ миссіонерами въ странахъ гдѣ они проповѣдывали Христіанскую вѣру.

Между тѣмъ матросы наполняли бочки водою изъ пруда, находящагося на прибрежьѣ и имѣющаго до шестидесяти саженей длины и отъ двадцати до тридцати ширины. Вода оказалась солоновата и не такъ хороша, какъ полагалъ Пендлетонъ, и потому офицеръ не считая нужнымъ сдѣлать полный запасъ, оставилъ нѣсколько пустыхъ бочекъ. Пока занимались этою работою, я осматривалъ островъ, сперва съ осторожностью, не слишкомъ удаляясь отъ матросовъ, потомъ постепенно ободренный, успокоенный мыслію объ аманатахъ и побуждаемый предложеніями одного изъ помощниковъ миссіонеровъ, изъявившаго желаніе быть моимъ вожатымъ, я отважился итти въ средину острова, не предупредивъ даже о томъ лейтенанта.

Прежде всего меня поразилъ странный видъ обыкновенныхъ жилищъ. Они едва ли имѣли восемь или девять футъ вышины; но тростниковыя стѣны, вмѣсто того чтобъ быть вертикальными, какъ въ другихъ архипелагахъ, расходились постепенно въ наружу, а крыша оканчивалась остріемъ или шпицомъ. Все вмѣстѣ представляло видъ пятиугольника, составленнаго изъ древѣсныхъ вѣтвей. Самые большіе изъ домовъ имѣли двадцать или тридцать футовъ длины и восемь или девять ширины; отверзтіе, величиною въ два квад-

ратные фута, на вышинѣ 18 дюймовъ отъ земли находилось съ одной изъ большихъ сторонъ. По огромнымъ грудамъ ямса, которыми завалена была внутренность этихъ строеній, можно было принять ихъ за простые магазины, если бы цыновки и деревянныя изголовья, разбросанныя кое гдѣ, не обнаруживали, что это жилья и спальныя. Въ числѣ домовъ нѣкоторые были красивѣе и роскошнѣе по наружности: они состояли изъ крышъ, поддерживаемыхъ столбами, между которыми проходилъ со всѣхъ сторонъ воздухъ; полъ былъ весь покрытъ цыновками. Сначала я принялъ ихъ за жилища старшинъ; но то были просто убѣжища жителей во время дня. Другія служили имъ только ночью.

Вокругъ жилищъ, то по нѣскольку вмѣстѣ, то порознь, находились прекраснѣйшія поля, лучшія изъ видѣнныхъ нами въ этомъ поясѣ земли, плантаціи ямса, таро и кава, были въ особенности хорошо содержимы. Земля была взборонена и очищена отъ сорныхъ травъ; каждое поле было огорожено и защищено, отъ бродящихъ вокругъ людей и животныхъ, красивымъ и прочнымъ палисадникомъ изъ камыша или сахарнаго тростника. Я шелъ, восхищенный этими доказательствами плодородія и изобилія; предубѣжденія мои исчезли: на такой хорошой землѣ люди не могутъ быть дурны. Инстинктъ плотоядія сроденъ только звѣрямъ, побуждаемымъ къ нему голодомъ; но разъ насытившись, даже самыя хищныя животныя остаются смирны. Притомъ, какъ очаровательна здѣсь природа! какими красивыми сводами зелени, какими разнообразными и пышными узорами, изгибала она передо мною свою свѣжую и блестящую растительность!

Погулявъ полчаса, я пришелъ къ берегу небольшаго озера, длинною въ три мили, а шириною около мили, отдѣляемаго отъ моря узкимъ языкомъ земли. Три маленькіе островка, осѣненные густою тѣнью, казалось, покоились глубокимъ сномъ среди волнъ озера; какъ оазисы среди Океана песчаныхъ степей. Они глядѣлись въ прозрачное и чистое зеркало его водъ, едва смущаемое на мигъ полетомъ морской птицы.

Съ возвышенной поляны, поросшей травою и кустарникомъ, я могъ обнять вдругъ все это мѣстоположеніе, эту восхитительную, хотя неполную картину острова Намука, къ которому натуралистъ Форстеръ такъ основательно пристрастился. Оттуда обозрѣвалъ я всѣ измѣненія этой земли, то плоской, то лѣсистой, перерываемой холмами, изрѣзанной изгородами и кустарникомъ, и разсѣянными по мѣстамъ купами кокосовыхъ деревъ и казуаринъ; въ центрѣ острова возвышалась гора, въ составѣ которой было видно присутствіе базальта, тогда какъ остальной грунтъ неоспоримо былъ мадрепорическій. Если бы отъ общаго обозрѣнія я перешелъ къ подробностямъ, то сколько бы открылось восхитительныхъ гармоническихъ видовъ, сколько новыхъ цвѣтовъ; какія яркія краски, сколько птицъ съ блестящими перьями, какіе голуби, попугаи, коростели, не считая мелкихъ породъ, между коими есть тысячи различныхъ видовъ и оттѣнковъ!

Восклицаніе мое было прервано голосами нѣсколькихъ людей, которые, казалось, довольно горячо спорили съ моимъ проводникомъ. Сначала мнѣ вздумалось, что дѣло шло о томъ, кому я достанусь, и, я невольно схватился за пистолеты. При этомъ движеніи одинъ изъ подходящихъ подбѣжалъ ко мнѣ, и подозрѣнія Пендлетона возродились въ памяти моей съ полною силой. Я готовъ былъ вступить съ ними въ бой. Къ счастію, дѣло окончилось одними опасеньями. Новопришедшіе оспоривали только у проводника моего честь водить меня, бывъ почти увѣрены въ томъ, что труды ихъ будутъ вознаграждены подаркомъ какихъ нибудь Европейскихъ вещей. Я прекратилъ споръ, позволивъ всѣмъ быть моими проводниками, и пошелъ обратно, по той же дорогѣ, къ мѣсту, гдѣ люди запасались прѣсною водою, все еще опасаясь, чтобы живописное мое похожденіе не окончилось драматическою развязкою. Впрочемъ новые тѣлохранители вели себя самымъ пристойнымъ образомъ. Они съ благодарностью принимали то, что я имъ давалъ, но сами ничего не выпрашивали. Помощникъ миссіонера, знавшій нѣсколько Англійскихъ словъ, былъ толмачемъ моимъ. Въ сношеніяхъ съ этими людьми, я могъ уже замѣтить, что народный языкъ ихъ, хотя и былъ въ основаніи общій всѣмъ жителямъ Полинезіи, но между нарѣчіями обитателей островов Таити и Тонга существовала почти такая же разница, какъ между Италіянскимъ и Испанскимъ. Два слова, чаще другихъ употребляемыя ими въ разговорѣ съ Европейцами, два слова, которыми они изображали качество предметовъ, которые хотѣли купить или про-

дать, определяли нѣкоторымъ образомъ предварительные пункты торга. два слова, *хорошо* и *худо*, выражались у Таитянъ словами *майтаи* и *гино*, а у жителей Тонга словами *лейлей* и *кови*. Изъ этого видно какъ велика разница.

Разговаривая съ проводниками, я дошелъ до берега, гдѣ уже не нашелъ шлюбки. Соскучившись ждать меня, лейтенантъ Раймбоу уѣхалъ; но онъ сидѣлъ на кормѣ, направя подзорную трубу на берегъ, и казалось, стерегъ минуту моего возвращенія, чтобы подъѣхать къ берегу. Опасенія мои не долго продолжались, однако по таинственному шептанью между жителями, по скрытнымъ любостяжательнымъ ужимкамъ, которыя замѣнили сохраняемый ими дотолѣ откровенный и пріятный видъ, я понялъ, какъ было бы ужасно мое положеніе, въ случаѣ, если бы меня покинули. «Какъ вы неосторожны,» сказалъ мнѣ Раймбоу: сигнальный флагъ къ отъѣзду уже цѣлый часъ какъ поднятъ на мачтѣ; я мѣшкалъ сколько могъ. Пендлетонъ будетъ сердиться. Онъ Катонъ для дисциплины.» — Я молчалъ, ибо чувствовалъ себя виноватымъ; взойдя прежде всѣхъ на *Океанію*, я самъ разсказалъ все капитану, который побранилъ меня. Но такимъ образомъ я отвратилъ грозившую бурю; доброму лейтенанту ничего не досталось. Многаго стоило Пендлетону это воздержаніе.

Въ тотъ же вечеръ мы оставили рейдъ Намуки; на другой день, 16 Мая, стоя рано утромъ на палубѣ, я увидѣлъ передъ нами, не въ дальнемъ разстояніи одна отъ другой, двѣ ужаснѣйшія массы, двѣ недоступныя, по видимому, крутыя, чернѣющіяся скалы, каждая въ полмили шириною. «Вотъ лучшіе лоцманы,» сказалъ мнѣ Пендлетонъ, «прекрасныя вѣхи, поставленныя природою среди моря, чтобъ указывать вѣрный путь судамъ въ извилистыхъ проходахъ Тонга-табу.» Едва слова эти были произнесены, какъ раздался на марсѣ крикъ. «Хорошо!» продолжалъ капитанъ; и снялъ на картѣ обѣ скалы Гунга-тонга и Гунга-гапаи; потомъ велѣлъ наблюдать новую землю на ю. зап. То былъ островъ Атата; чрезъ полчаса, когда онъ былъ уже въ виду, Пендлетонъ отдалъ приказаніе, и весь экипажъ сталъ на мѣста: одни на марсахъ, другіе на палубѣ; самъ капитанъ неподвижно стоялъ у руля. *Океанія* должна была пройти въ узкомъ проходѣ, по обѣимъ сторонамъ котораго находились подводныя скалы; съ шумомъ и пѣною волновавшія надъ собою море; за этимъ узкимъ проходомъ открылось мѣсто, казавшееся, судя по наружности, тихимъ, но въ сущности гораздо опаснѣйшее. Дно было усѣяно подводными кораллами различныхъ яркихъ цвѣтовъ; одни виднѣлись поверхъ воды, другіе, скрытые подъ водою на различной глубинѣ, какъ бы подводные кинжалы, ежеминутно могли вонзить острія свои въ бока корвета, разорвать его и, разбитаго, изнуреннаго, выбросить на утесъ. Въ эту торжественную минуту безмолвная тишина воцарилась на палубѣ; чело капитана, подернутое глубокими морщинами доказывало возможность опасности; на марсахъ, на бугспритѣ, вездѣ сверкали глаза, которые, казалось хотѣли врѣзаться въ море; всѣ старались измѣрить глубину его, узнать число подводныхъ камней, мѣста гдѣ находились пропасти, всѣ хотѣли найти удобный для судна проходъ и какъ бы вырыть мѣсто, достаточное для помѣщенія его киля.

Для благороднаго шлюпа земля была смертію. Корабль то же, что рыба; когда мало воды, онъ ложится на бокъ и умираетъ. Земля есть величайшій врагъ корабля, созданнаго для пространнаго и глубокаго моря; завидя землю, къ которой онъ стремится, корабль чувствуетъ опасенія и недовѣріе. Ни одна изъ опасностей, которыхъ имя пугаетъ наше воображеніе, не можетъ для корабля быть ужаснѣе опасности происходящей отъ близости земли. Корабль перенесетъ Антильскіе ураганы, дафонъ китайскаго моря, бури мыса Доброй Надежды, и шквалы Ледовитаго моря; пусть молнія разгромитъ его мачту, сифонъ наводнитъ его палубу, вѣтеръ разнесетъ клочьями паруса, не пріятельскія ядра сокрушатъ бока и ребры, — онъ выдержитъ все; онъ перенесетъ долгое и трудное крейсированіе, нуждаясь въ водѣ и въ хлѣбѣ, рука въ руку со скорбутомъ и желтою лихорадкою; дней двадцать сряду онъ будетъ выкачивать воду, будто въ водяной болѣзни; онъ не умретъ отъ всѣхъ этихъ бѣдствій; его введутъ въ верфь, и онъ спасенъ, излеченъ, перерожденъ; ему дадутъ новые члены, новый и блестящій поясъ, мачты, красивѣе прежнихъ, паруса крѣпче тѣхъ, которыхъ онъ лишился; онъ осуществитъ басню Феникса, онъ возродится. Но если онъ разобьется у береговъ; если онъ ударится о

коралловыя отмели, что останется отъ него? Безобразныя развалины; обломки, которыя гордое море съ пренебреженіемъ выброситъ бурею на берегъ!

Тамъ, гдѣ мы находились, все это было во сто разъ страшнѣе. Если крушеніе выброситъ васъ на Европейскій берегъ, вамъ грозитъ бѣда только отъ таможенной стражи, которая строго соблюдая свои постановленія, не хочетъ ничего знать кромѣ тарифа и циркулярныхъ предписаній; но если вы прошли таможенную цѣпь, вы свободно можете дышать, вы внѣ опасности. Мы были совершенно въ другомъ положеніи: въ случаѣ крушенія, намъ пришлось бы спасаться на новую Тавриду, гдѣ путешественника, настигнутаго несчастіемъ, принесли бы въ жертву; предъ нами находились дикія племена, о которыхъ столько различныхъ мнѣній; племена подозрительныя, жестокія по расчету, если не по природнымъ склонностямъ. Было страшно, могу сказать безъ зазрѣнія совѣсти: да, было страшно, за то матросы, офицеры, пассажиры, всякій въ свою очередь отправлялся смотрѣть кранбалки.

Былъ моментъ, когда мнѣ показалось, что мы тронули килемъ землю. Корабль потерялъ ходъ, и былъ объятъ дрожью; онъ встрепенулся, будто китъ, который хочетъ стряхнуть съ себя багоръ. Если бы можно было освидѣтельствовать бока *Океаніи*, мы бы увидѣли на нихъ длинную царапину: остріе коралловой глыбы провело ее по обшивкѣ, какъ алмазъ проводитъ черту по стеклу. Но это продолжалось не долго; только лишняя морщина появилась на лбу Пендлетона; онъ поднялъ было рупоръ, но опять опустилъ его, не отдавъ приказанія. Самыя опасныя мѣста были пройдены; Тонга-табу поочередно открывалъ нашимъ взорамъ свои чудеса: почву, покрытую ковромъ роскошнаго прозябенія, уединенныя жилища, деревни и файтоки, расположенныя этажами. Мы приближались къ гавани; мы были внѣ опасности. Къ двумъ часамъ якорь былъ уже брошенъ у островка Пангай-моду, гдѣ предпочтительно становятся Европейскія суда.

Здѣсь привычное стеченіе жителей встрѣтило насъ. Еще убирались паруса, а уже до шестидесяти байдаръ было кругомъ шлюпа. Островитяне совершенно сходствовали съ тѣми, которыхъ мы видѣли наканунѣ. Пендлетонъ приказалъ брать тѣ же предосторожности въ сношеніяхъ съ ними. Между тѣмъ три байдары, побольше и по красивѣе другихъ, открыли себѣ дорогу между простыми байдарами. На нихъ находились три начальника острова, три великіе эгуи. Мы приняли ихъ, съ ихъ свитою. Вмѣстѣ съ ними въ качествѣ посланника и переводчика былъ Англичанинъ, по имени Синглетонъ, матросъ, избѣгшій участи своихъ товарищей при несчастіи корабля Портъ-о-Пренса, захваченнаго островитянами въ 1804 г. Еще два Англичанина, Джонъ-Ридъ и Ритчетъ, поселившіеся на этихъ островахъ, сопровождали благородныхъ гостей.

Намъ разсказали исторію этихъ вождей. Тонга-табу признавалъ въ прежнее время надъ собою власть одного только Туи-тонги, но переворотъ заставилъ этого царя бѣжать въ Вавао, и власть досталась главнѣйшимъ вождямъ, въ числѣ которыхъ находились наши гости: Тагофа начальникъ Беи, Палу начальникъ Муа, и богатый помѣщикъ Лавака; упоминали еще о многихъ другихъ вождяхъ: Готая, который управлялъ округомъ Гифо, гдѣ долго имѣли свое пребываніе миссіонеры; Тубо, который принявъ Христіанскую вѣру потерялъ уваженіе своихъ подданныхъ; Аваи-матуа, Гула-кай, Мафу, Вейгала, Огила и проч.

Впрочемъ владычество надъ этою частію острова болѣе принадлежало, кажется, нашимъ посѣтителямъ. Лавака, человѣкъ глупый и обыкновенный, не имѣлъ другаго права на уваженіе, кромѣ богатыхъ своихъ помѣстій. Тагофа и Палу были самые могущественные вожди въ этой странѣ: первый былъ храбръ какъ Ахиллъ, другой хитеръ и краснорѣчивъ какъ Улиссъ; сила перваго состояла въ оружіи, сила другаго въ словѣ.

Тагофа былъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти; ростомъ не болѣе пяти футъ и трехъ дюймовъ, но чрезвычайно крѣпкаго сложенія. Физіономія его имѣла нѣчто важное и благородное: широкое чело выражало умъ, глаза живые и смѣлые, уста тонкія и розовыя, волоса рѣдкіе, завитые и темные: при первомъ на него взглядѣ, вы бы не угадали въ немъ этой предпріимчивой храбрости; въ его пріемахъ не было ничего жестокаго и суроваго. Онъ былъ въ одно время воинъ и дипломатъ; полководецъ двухъ тысячь солдатъ, войска весьма значительнаго въ Тонга-табу, и хитрый политикъ, успѣвшій

исполнить свое намѣреніе въ усыновленіи своего сына, Тун-тонга-фафиною. Одежда его ничѣмъ не отличалась отъ одежды прочихъ островитянъ; онъ носилъ только широкую юбку изъ гибискуса, и ходилъ босой и съ открытою головою (Рис. IV. ф. 2).

Палу имѣлъ видъ вздутой массы, натертой масломъ и едва двигавшейся; впрочемъ въ его физіономіи, довольно пріятной и спокойной, нѣсколько выражались тонкость и важность. Волосы его были короткіе и гладкіе, лице круглое и полное, шея жирная, лобъ широкій (Рис. IV. ф. 3). Краснорѣчивый и смѣтливый отъ природы, онъ одинъ изъ всѣхъ островитянъ могъ понимать и кое какъ говорить по Англійски. Синглетонъ и Джонъ-Ридъ находились въ его службѣ, и были его учителями; и они то научили его коверкать довольно бѣгло ихъ языкъ. Онъ впрочемъ былъ самъ страстнымъ Англоманомъ; щеголялъ Европейскимъ обхожденіемъ, кушалъ по Англійски, пилъ ромъ по Англійски и предлагалъ тосты одинъ за-другимъ — точно Англичанинъ.

Каждый изъ вождей имѣлъ съ собою свой дворъ, или лучше сказать, отрядъ тѣлохранителей. Тѣлохранители эти называются *мата-булеями*; число ихъ не опредѣлено, и потому возрастаетъ вмѣстѣ съ богатствомъ и знатностію вождя. Палу, Тагофа и Лавака привели съ собою толпу мата-булеевъ, которыми были наполнены байдары. Не всѣхъ пустили на палубу, но все-таки ихъ набралось до пятидесяти человѣкъ.

Пендлетонъ рѣшился съ перваго дня постановить правила для сношеній съ жителями; онъ объявилъ переводчику Синглетону, что иначе нельзя начать мѣны между экипажемъ и островитянами, какъ по заключеніи условій съ начальниками. Онъ требовалъ, чтобы одинъ изъ нихъ оставался постоянно на кораблѣ заложникомъ, для безопасности шлюбокъ, отправлявшихся на берегъ. Когда Синглетонъ объяснилъ это требованіе Американскаго капитана, три властелина изъявили удивленіе, искреннее или притворное, не знаю. Тагофа нахмурилъ брови, Палу закусилъ губы, одинъ Лавака оставался неподвижнымъ: врядъ ли онъ понялъ въ чемъ дѣло. Палу рѣшился отклонить это предложеніе: онъ около четверти часа ораторствовалъ съ важностію и довольно пріятно. Его слова казались трогательны и сильны, но переводчики не умѣли, кажется, передать намъ ихъ достойнымъ образомъ. «Ужели,» говорилъ онъ» вы намъ не довѣряете? намъ, лучшимъ друзьямъ Европейцевъ? Можемъ ли мы васъ обидѣть? Вы доставляете намъ вещи любимыя нами: желѣзо, полотно и ожерелья изъ голубаго стекла. Если мы васъ обидимъ, вы уже не воротитесь къ намъ; у вашихъ матросовъ есть ружья, если даже и недостаточно тѣхъ, которыя съ вами, то вашъ великій царь имѣетъ другія, и можетъ уничтожить Тонга-табу. Чего вамъ бояться? Пріѣзжайте на берегъ; эгуи защитятъ васъ: ввѣрьтесь нашимъ обѣщаніямъ.» — Когда Пендлетону было передано содержаніе рѣчи, онъ не далъ переводчикамъ докончить. «Какъ же,» — сказалъ онъ; «знаемъ мы ваши уловки. Слышали мы о вашихъ поступкахъ съ капитанами Дюрвилемъ и Диллономъ. Сперва пріязнь, потомъ измѣна! Ихъ примѣры служатъ намъ урокомъ. Скажите вашимъ вождямъ, и, это мой ультиматумъ: одинъ изъ нихъ останется на кораблѣ; не то *Океанія* снимается съ якоря, и оставляетъ рейдъ Пангай-моду.» Дикіе вожди, видя твердость и рѣшимость Пендлетона, должны были уступить. Палу согласился остаться съ нѣкоторыми изъ своихъ мата-булеевъ. Тагофа и Лавака обѣщали пріѣхать къ нему на смѣну, когда ему понадобится быть на берегу.

По заключеніи этого трактата, начались мѣны. Болѣе тридцати посѣтителей не позволено было пускать на корабль; остальные представляли свои произведенія и получали за нихъ наши товары. Предметы потяжелѣе поднимались на блокахъ. Байдары были нагружены свиньями, птицами, овощами и плодами. Все можно было имѣть за безцѣнокъ; но голубой стеклярусъ болѣе всего цѣнились между дикарями. Страсть къ нему въ Тонгѣ была столько же сильна, какъ въ Таити страсть къ галунамъ. За пять бусинокъ можно было имѣть курицу; за пятьдесятъ, свинью. Мнѣ достался почти цѣлый кабинетъ естественной исторіи: раковины, кораллы, мадрепоры, за двадцать стеклушекъ; и полный музеумъ оружія, употребляемаго у островитянъ: кинжалъ, булава, копье, щитъ, за пятьдесятъ бусинокъ. Другія Европейскія произведенія требовались также, но не съ такимъ жаромъ. Ножи, ножницы, перстни, зеркала, находили покупателей. Желѣзо не столько требовалось. Го-

раздо выгоднѣе можно было бы сбыть ружья и порохъ. Къ несчастію этихъ дикихъ торговцевъ, на нашемъ кораблѣ было изобиліе всего; уже съ недѣлю матросы кушали по царски, свѣжую свинину каждый день, съ двумя штуками дворовыхъ птицъ на брата; палуба была завалена бананами, ямсомъ, арбузами. Островитянамъ пришлось имѣть дѣло съ людьми, которыхъ нужда не заставляла быть сговорчивыми. Матросы покупали не изъ надобности, а по обжорству; за то они болѣе торговались, и островитяне поневолѣ дѣлались уступчивѣе. Не смотря на то, что они должны были отдавать свои вещи за безцѣнокъ, *Океанія* представляла съ утра до вечера видъ ярмарки. Нѣсколько сотъ продавцевъ, мужчинъ и женщинъ, повисли къ русленямъ, желая взлѣзть на палубу; они шумѣли, болтали, кривлялись, но въ существѣ были добрые и честные люди, совѣстливые въ своихъ торгахъ, и боялись докучать намъ. Гавайцы, Нука-гивцы и Таитійцы были не столь обходительны.

Въ первый день три вождя остались на кораблѣ; они съ нами откушали, и провели ночь въ нашихъ каютахъ. По Океанійскому обычаю, каждый изъ нихъ выбралъ себѣ одного *офа*, пріятеля, что соотвѣтствуетъ званію *таіо* въ Таити, и ограждалось тѣми же правами и обязанностями. Пендлетонъ долженъ былъ сдѣлаться офою Палу; Тагофа былъ моимъ; Лавака достался Филипсу; главнѣйшіе мата-булеи выбрали друзей между офицерами и боцманами; остальные должны были довольствоваться простыми матросами. Каждая чета передала другъ другу свои имена, и дружба еще лучше запечатлѣлась нѣсколькими стаканами грока.

Пендлетонъ долженъ былъ на другой день съѣхать на берегъ. Обезпечивши свою безопасность взятыми впередъ мѣрами, онъ хотѣлъ навѣстить Гифскаго вождя, Гата, который въ непродолжительномъ своемъ визитѣ обѣщалъ ему доставить двухъ лоцмановъ для облегченія его плаванія по архипелагу Вити. Начальство надъ *Океаніею* было ввѣрено Филипсу, съ строгимъ приказаніемъ: остерегаться байдаръ. Шлюпка съ капитаномъ и десятью вооруженными матросами поѣхала на берегъ. Въ этотъ разъ, какъ и всегда, я сопутствовалъ Пендлетону. Мы отправились на самомъ разсвѣтѣ: Гифо былъ отъ насъ въ пятнадцати миляхъ; въ продолженіе всего пути должно было грести, чтобъ достигнуть западной оконечности острова промежъ коралловыхъ отмелей. Мы кос какъ прошли это трудное пространство; нѣсколько разъ матросы бросались въ море, чтобы освободить шлюбку отъ подводныхъ камней. Пришлось наконецъ посадить шлюбку на мель, и пѣшкомъ пробраться, иногда погружаясь въ воду по самыя плеча, довольно далеко до берега, по коралламъ, о которые дробился бурунъ.

Мокрые и изнуренные, мы вышли на сухой песчаный берегъ. Видъ этого мѣста утѣшилъ насъ послѣ утомительнаго переѣзда. Со всѣхъ сторонъ представились взорамъ восхитительные домики, подъ тѣнію густыхъ деревъ, окруженные палисадами. Свѣжая зелень, видъ изобилія и счастія, вся эта природа, солнце, воды, лѣса, все заставило насъ позабыть скуку и труды; я не видалъ долины, за исключеніемъ Памукской, столь плодородной и хорошо обработанной. Посѣвы кавы были настоящіе сады, содержимые съ удивительнымъ стараніемъ, порядкомъ и изысканностію. Вы бы въ нихъ не нашли ни одной сорной травки.

Пройдя около ста шаговъ по берегу, нашъ маленькій караванъ достигнулъ Гифо. Деревня эта имѣла что то подобное укрѣпленію; заборы довольно прочной постройки и каналы наполненные водою, безъ сомнѣнія служили защитою во время прежнихъ войнъ. Сотня домиковъ, то разсыпанныхъ по лѣсу, то собранныхъ группами, открылась нашимъ взорамъ. Всѣ они сохраняли видъ дикой постройки, за исключеніемъ одного дома, имѣвшаго форму Европейскую, столь обыкновенную въ Таити. Этотъ домикъ былъ въ два этажа, деревянный, выкрашенный зеленою краскою и съ четырьмя окошками по фасаду. (Рис. V. ф. 1.); къ нему примыкалъ садикъ съ палисадомъ. Здѣсь жили прежде Англійскіе миссіонеры, посланные изъ Тонга-табу, Гг. Томасъ, Гутчинсонъ и другіе; но во время нашего посѣщенія домикъ былъ уже пустъ. Миссіонеры послѣ долгихъ усилій потеряли надежду обратить Гатая, начальника Гифо; ихъ преемники, вмѣсто того чтобы безплодно проповѣдывать здѣсь, поселились въ Ніуку-лафа, столицѣ благочестиваго Тубо.

Гата, хотя и остался непреклоннымъ въ своемъ язычествѣ, не хотѣлъ однако показаться намъ суровымъ дикаремъ. Онъ даже далъ намъ замѣтить, что охотнѣе склонится

на преобразованіе политическое, нежели на религіозное. Онъ былъ почти философъ. Пріемъ, сдѣланный намъ, имѣлъ видъ торжества. Эгуи этого семейства, мата-булеи и слуги собрались въ кружокъ на малаѣ (площади) предъ домомъ. Народъ, стоя съ скромнымъ и внимательнымъ видомъ, ожидалъ пришествія вождя. Когда онъ показался, его легко можно было узнать по великолѣпному ожерелью изъ кашелотовыхъ зубовъ, отличительному знаку его званія, генералиссимуса. (Рис. V. ф. 2.). Онъ приблизился къ кружку эгуевъ, и только что увидѣлъ насъ, подалъ намъ руку, и посадилъ подлѣ себя; потомъ онъ сдѣлалъ знакъ для открытія кавы, весьма важнаго обряда въ Океаніи, родъ возліянія, то религіознаго, то чисто гражданскаго, то имѣющаго все торжество священнаго таинства, то обращеннаго въ простой обрядъ семейнаго чая, или пунша, въ обрядъ вѣжливости или въ оргію между островитянами. На этотъ разъ кава былъ устроенъ въ честь намъ; Гата приготовилъ его изъ пріязни къ посѣтителямъ.

По данному знаку, одинъ изъ главнѣйшихъ мата-булеевъ, сидѣвшій на другомъ концѣ круга, взялъ широкое блюдо, родъ треножника, внутренность котораго, лоснившаяся отъ осадковъ жидкости, свидѣтельствовала многократное и долгое его употребленіе. Взявъ тогда изъ рукъ одного островитянина огромную связку кава, предназначеннаго для употребленія этого дня, Гата роздалъ по одному корню стоявшему кругомъ народу, выбирая мужчинъ помоложе, и женщинъ посвѣжѣе. Они должны были исправлять должность тисковъ, и жевать кава, какъ жуютъ солодковой корень, чтобы вода скорѣе и лучше упиталась послѣ хмѣльнымъ веществомъ, содержавшимся въ корняхъ. Въ пять минутъ это жеваніе совершилось: всякій представилъ свою порцію истертаго на зубахъ корня. Мата-булей собралъ все въ вазу; и въ то время, какъ наливали воду на корни, онъ ихъ мѣшалъ, давилъ, чтобы извлечь весь сокъ. Наконецъ собравши все въ довольно рѣдкую сѣтку, онъ произвелъ послѣднюю и рѣшительную операцію, выдавилъ изъ корней всю жидкость; то, что оставалось, было уже одно волокнистое вещество, безъ всякаго вкуса: иначе кава не былъ бы довольно крѣпокъ. Мата-булей, который приготовляетъ кава, долженъ быть увѣренъ въ своемъ искусствѣ. Если кава не будетъ сдѣланъ удачно въ торжественномъ случаѣ, операторъ покрывается стыдомъ.

Кава въ этотъ разъ удался отлично. Мата-булей считался мастеромъ этого дѣла въ своемъ племени. Каждый заблаговременно приготовилъ свой стаканъ. Стаканы дѣлаются изъ кокосовыхъ листьевъ, и служатъ на одинъ только разъ: выпивши кава, ихъ бросаютъ. Они были разставлены кругомъ большой вазы, и мата-булей наполнилъ ихъ. При каждомъ изъ нихъ Гата говорилъ: «подай такому-то,» слѣдуя іерархическому порядку племени въ этомъ угощеніи, и начиная съ самыхъ знатныхъ вождей. Въ этотъ разъ пріѣзжимъ были отданы наивозможныя почести: намъ подали кава первымъ. По мѣрѣ того какъ Гата называлъ по имени кого либо изъ присутствовавшихъ, тотъ хлопалъ руками, чтобы показать, гдѣ онъ сидитъ, важно глоталъ свой кава и бросалъ стаканъ далеко отъ себя. Угощеніе не простиралось далѣе круга созванныхъ гостей; народъ, стоявшій далѣе, не былъ удостоенъ этой чести: но я осчастливилъ одного дикаря; не имѣя возможности выпить до конца мою порцію, ибо ѣдкій и крѣпкій напитокъ жегъ мнѣ горло, я передалъ ее островитянину; онъ съ восторгомъ выпилъ. Пендлетонъ, привыкшій уже къ кава, глоталъ его какъ ромъ

Это угощеніе, хотя приготовленное съ нѣкоторымъ церемоніяломъ, не имѣло однако всей важности большихъ народныхъ кава, собраній политическихъ или религіозныхъ; на которыя сходятся самые знатные вожди острова, и на которыхъ часто происходятъ драки за старшинство мѣстъ. Англичанинъ Мернеръ первый разсказалъ эту церемонію со всѣми подробностями обрядовъ и этикета.

Въ эти чрезвычайные случаи, вождь предсѣдающій въ кава — самый знатный между всѣми — садится на два или на три шага отъ стѣны дома, на цыновкѣ, покрывающей полъ, обратясь лицемъ къ малаю, гдѣ засѣдаетъ кругъ гостей. По сторонамъ президента исправляютъ должность церемоніймейстеровъ два мата-булея. Затѣмъ сидятъ вожди по старшинству, потомъ мата-булеи, наконецъ муаи, если приглашены лица изъ этого низшаго класса. Иногда гости садятся не по чинамъ, но по очереди, кто послѣ кого пришелъ; этикетъ въ этомъ не такъ строгъ

какъ въ самомъ угощеніи. Посреди круга и противъ председателя, сидитъ приготовитель кава, обыкновенно мата-булей, или муа, или туа, или даже иногда эгуи (Рис. VI. ф. 1).

Кругъ кава можно раздѣлить на двѣ части: высшую, составленную изъ знати, на краю которой сидитъ президентъ, и низшую, въ которой засѣдаютъ младшіе вожди и прочіе гости. Кругомъ послѣдней стоитъ народъ, составляя такимъ образомъ другой внѣшній кругъ.

Это раздѣленіе не есть произвольное; оно служитъ основаніемъ новыхъ категорій. Такимъ образомъ никто, какого бы ни былъ званія, не можетъ сѣсть въ высшій кругъ, если его отецъ или кто другой изъ родственниковъ старѣе его сидитъ въ томъ кругѣ, какъ бы то ни было далеко. Если же онъ сидитъ когда входитъ отецъ, то сынъ тотчасъ долженъ удалиться въ низшій кругъ.

Когда всѣ находятся на мѣстахъ, одинъ изъ церемоніймейстеровъ зоветъ слугу, который входитъ въ средину круга. По данному ему приказанію, онъ приноситъ назначенное количество кавы и кладетъ къ ногамъ председателя; потомъ по другому знаку передаетъ каву приготовителю. Тогда начинается работа послѣдняго: онъ разламываетъ каву на мелкіе куски, очищаетъ его посредствомъ заостренныхъ раковинъ, и раздаетъ жевателямъ. Совершенное молчаніе, царствовавшее до этого времени, прерывается; лишь только операторъ вручитъ своимъ сосѣдямъ нѣсколько кусковъ кава, со всѣхъ сторонъ раздаются восклицанія: *май ма кава! май, май ма кава! май э кава!* (дай мнѣ кава! дай мнѣ кава!) Для занятія, о которомъ мы говоримъ, выбираются лучшія въ цѣломъ обществѣ челюсти, зубы самые здоровые и молодые. Кава жуется разомъ цѣлою этой толпою и откладывается въ банановые листы, откуда бросаютъ корень въ общую чашу. По окончаніи этой работы глубочайшая тишина снова воцаряется.

Тогда операторъ наклоняетъ нѣсколько чашу и показываетъ ее председателю, говоря: *коэ кава, гени гуа ма* (вотъ изжеванный кава); если тотъ найдетъ количество достаточнымъ, то отвѣчаетъ: *палу* (мѣшай). Два помощника тотчасъ присоединяются къ оператору: одинъ наливаетъ воды, другой отгоняетъ мухъ. Мата-булей, сидящій подлѣ президента въ должности церемоніймейстера, командуетъ при работѣ, точно какъ командуютъ солдатамъ для заряжанія ружей въ двѣнадцать темповъ: *лингви а ваи!* (лей воды); *мау э ваи* (довольно воды); *палу гуэръ тамау, беи фака мау!* (мѣшай вездѣ ровно и разомъ). Всѣ эти приказанія исполняются. Наконецъ, когда вода довольно настоялась, мата-булей говоритъ: *ай э фу* (клади въ фу). Фу, сѣтка, о которой мы говорили; она дѣлается изъ волокнистой коры гибискуса. Ее приносятъ въ такомъ количествѣ, чтобы покрыть весь настой, надъ которымъ она плаваетъ. Тогда начинается самая трудная работа, которая должна прославить или покрыть стыдомъ оператора; все количество кава должно быть собрано въ сѣтку, и потомъ изъ нее должна быть выжата вся жидкость въ чашу. Сила, ловкость, пріемы оператора, обращаютъ на себя вниманіе всѣхъ присутствующихъ. Всѣ замѣчаютъ малѣйшія его движенія, принимая безпокойное участіе въ его работѣ.

Наконецъ кава готовъ, и волокнистые остатки корня выброшены вонъ; наскоро дѣлаются стаканы изъ банановыхъ листьевъ; операторъ произноситъ: *гуа маэ кава меи* (кава готовъ). Мата-булей отвѣчаетъ: *факатау* (наливай). Тогда нѣсколько человѣкъ выходятъ изъ низшаго круга съ множествомъ стакановъ. Операторъ опускаетъ въ жидкость кусокъ фу, завернутаго въ связку, и это служитъ ему вмѣсто губки, изъ которой онъ выжимаетъ потомъ жидкость въ стаканы. Всякая порція равняется почти трети пинты. Слуга кричитъ: *кава гуа-гека* (кава налитъ). Мата-булей отвѣчаетъ: *ан-гуи ма* (подай тому то.....), называя по имени старѣйшаго вождя, и слуга подходитъ къ означенному лицу со стаканомъ; то же повторяется для всѣхъ другихъ.

За этимъ важнымъ церемоніяломъ наблюдаетъ мата-булей; обыкновенно начальникъ и председатель круга получаетъ первый или третій стаканъ, чаще третій, потому что первый посылается отъ мата-булея его собрату, сидящему по другой сторонѣ вождя. Это правило имѣетъ впрочемъ свои исключенія. Иногда пріѣзжій вождь, или посѣтитель изъ сосѣдняго острова, получаютъ первый стаканъ. Въ обыкновенномъ кава, тотъ, кто подаетъ корни, хотя и младше другихъ вождей, получаетъ прежде всѣхъ свою порцію. Но всегда почти председатель по-

лучаетъ первый или третій стаканъ, а товарищъ мата-булея распорядителя—второй или четвертый. Потомъ стаканы подаются по старшинству.

Въ большіе кава, гдѣ засѣдаетъ нѣсколько сотъ почетныхъ лицъ, не считая народа, который толпится кругомъ, нѣтъ возможности, чтобы каждый получилъ порцію; тогда угощаютъ только особъ высшаго круга и ихъ родственниковъ, сидящихъ въ низшемъ кругу, соблюдая по возможности чинопочитаніе. По осушеніи перваго сосуда предсѣдатель приказываетъ иногда подать другой, третій, даже четвертый. Тотъ же церемоніялъ соблюдается каждый разъ. Были примѣры, что вожди высшаго круга сами подавали корни, замѣняя такимъ образомъ амфитріона. Но никогда старшій вождь не принимаетъ участія въ кава младшаго, и, если даже это случится, младшій выходитъ изъ круга и предоставляетъ предсѣдательство старшему. Въ религіозныхъ кава соблюдаются тѣ же обряды, съ тою только разницею, что тамъ предсѣдаетъ жрецъ, и всѣ хранятъ глубокое молчаніе.

Маленькій не столь важный кава, которымъ насъ угостилъ начальникъ Гифо, далъ намъ понятіе объ этихъ обрядахъ. Въ этотъ же день еще другое зрѣлище ожидало насъ: едва окончился кава, два служителя съ торжественною важностью представили вождю живую свинью. Гата произнесъ нѣсколько словъ; они немедленно отправились приготовлять свинью для нашего угощенія. Я нѣсколько разъ слышалъ отличныя похвалы поваренному искусству островитянъ, и не могъ упустить случая удостовѣриться въ этомъ собственнымъ наблюденіемъ. Пендлетонъ вызвался мнѣ сопутствовать, и самъ Гата повелъ насъ.

По убіеніи животнаго, его натерли сокомъ банановаго отрубка, потомъ обдали пламенемъ горящихъ камышей, обрили острыми раковинами и обмыли. Послѣ этихъ приготовленій сдѣлали круглое отверзтіе въ нижней части брюха и вынули кишки, желудокъ и печень. Чтобы ни какая нечистота не попала въ тѣло животнаго изъ его внутренности, были взяты всѣ предосторожности; связали даже заднепроходную кишку. Изъ трехъ предметовъ, вынутыхъ изъ животнаго, только печень была обмыта и вложена назадъ; желудокъ и кишки должны были изжариться отдѣльно на горячихъ угляхъ (Рис. VI. ф. 2.).

Между тѣмъ вытопили печь, которая была не что иное, какъ кругообразная яма, вырытая въ землѣ, глубиною въ два фута. Часть ея наполняется каменьями, которые сохраняютъ въ ней жаръ; потомъ зажигается большой огонь. Когда камни достаточно раскалятся выбираютъ вонъ головни, оставляя только угли и золу, окружаютъ ихъ смоченными вѣтвями, и покрываютъ слоемъ зеленыхъ листьевъ. Животное начиняется внутри раскаленными каменьями, окутывается листьями хлѣбнаго дерева, сдѣланныя въ немъ отверзтія затыкаются пробками изъ листьевъ; наконецъ оно кладется въ печь, окруженное со всѣхъ сторонъ банановыми листьями; возлѣ кладутъ печень, ямсъ и картофель, которые должны быть испечены вмѣстѣ съ нимъ. Все это покрывается достаточнымъ слоемъ земли, чтобы не испарилось. Такимъ образомъ свинья средней величины выпечена въ часъ времени; если животное слишкомъ велико, его рѣжутъ на части.

Когда свинья была готова, слуги подали ее съ большимъ церемоніяломъ въ домъ Гата. Сѣли за столъ: островитяне сложа ноги, мы на сумки, которыя взяли съ собою. Испеченная такимъ образомъ свинья была по истинѣ превосходнымъ блюдомъ. Отъ качества ли мяса, или отъ способа приготовленія, она показалась намъ несравненно вкуснѣе Европейскаго кушанья этого рода. Она не такъ жирна, не такъ тяжела для желудка и гораздо нѣжнѣе. Можетъ быть, этому много способствуютъ листы банановаго и хлѣбнаго дерева.

Послѣ обѣда занялись дѣлами. Пендлетонъ долженъ былъ условиться съ Гата на счетъ обѣщанныхъ ему лоцмановъ; онъ хотѣлъ также отобрать нѣкоторыя коммерческія свѣдѣнія, весьма для него важныя, но вовсе не занимательныя для меня. Я оставилъ его съ вождемъ и съ переводчикомъ Синглетономъ, а самъ отправился съ другимъ Англичаниномъ осмотрѣть окрестности. Мы углубились подъ свѣжіе и темные своды ближнихъ лѣсовъ, гдѣ каждое изъ этихъ необыкновенно красивыхъ деревъ возбуждало наше удивленіе. Здѣсь возвышалось бананове дерево, изящное въ своихъ формахъ и доставляющее островитянамъ множество предметовъ: превосходный плодъ,

большія столовыя салфетки, стаканы для кава и для умыванія послѣ пиршествъ, наконецъ прозрачную воду, которая вытекаетъ изъ открытыхъ его жилъ; далѣе росли: панан, дерево съ плодами ароматическими и яркими цвѣтомъ; латаны, изъ котораго дѣлаютъ опахала для вождей; вакуа, простой и сложный, соединяющій сто деревъ въ одномъ деревѣ; слабый и полезный гибискусъ, изъ клейкой коры котораго дѣлаютъ хорошую ткань; красивые папоротники изящно разбрасывались по этому прозябенію; какъ гордые вожди поднимались легкія и смѣлыя кокосовыя деревья, то прямыя, то слегка сгорбленныя, благодѣтельныя для этихъ острововъ, годныя на все, дающія двадцать разныхъ предметовъ для употребленія жителей: орѣхи или молоко для пищи или для питья, масло для туалета, строевой лѣсъ, солому для крышъ, веревки для байдаръ и пр.

Мѣстами, среди лѣсовъ показывались часовни, посвященныя духамъ, окруженныя правильными рядами деревъ; молельни, содержимыя весьма хорошо, и еще чаще файтока, надгробные памятники, особенно почитаемые здѣсь. Въ Гифо эти памятники не столь огромны и великолѣпны, какъ въ Муа. Вмѣсто огромныхъ камней, наставленныхъ правильными рядами, мы видѣли только холмики, покрытые дерномъ, съ небольшимъ сараемъ на вершинѣ, гдѣ обитаетъ духъ (Рис. VII. ф. 1). Деревья, осѣняющія эти гробницы, обыкновенно казуарины, столь же священныя, какъ и самыя гробницы. На ихъ вѣтвяхъ сидятъ сотнями огромные чеканчики. Сцѣпляясь когтями, эти животныя располагаются одно надъ другимъ, такъ, что ихъ примешь за черныя и продолговатыя кисти плодовъ, висящія на вѣтвяхъ. Путешественникъ легко обманется; но стоитъ только бросить камень на дерево, чтобы пояснить явленіе: цѣлая туча чудовищныхъ летучихъ мышей съ крикомъ улетаетъ, потомъ отвратительныя животныя возвращаются одно за другимъ и сцѣпляются по прежнему на вѣтвяхъ. Кромѣ этихъ летучихъ мышей, довольно безобразныхъ, мы видѣли въ здѣшнихъ лѣсахъ прекрасныхъ горлицъ, съ зелеными перьями и пунцовою головою, блестящихъ зимородковъ, переливчатыхъ разноцвѣтныхъ попугайчиковъ, параклитокъ и красивыхъ филедоновъ.

Вечеръ наступалъ; Пендлетонъ распростился съ Гата и мы отправились къ лодкѣ. На взморьѣ Сингльтонъ указалъ капитану на пространныя и правильныя ямы среди кораловъ. «Отсюда», говорилъ онъ, «взяли островитяне огромные камни для своихъ построекъ въ Муа. Нѣкоторые изъ этихъ камней имѣютъ двѣнадцать футъ длины, при соразмѣрной толщинѣ. Ихъ извлекали при пониженіи воды, потомъ ставили на деревянные катки и толкали въ море сколько можно было далѣе; когда вода поднималась, приходили байдары для нагруженія. Иногда впрочемъ эти камни доставлялись изъ другихъ мѣстъ, гораздо отдаленнѣйшихъ, съ острововъ Гапайскихъ или изъ Вавао.»

Благодаря искусству нашихъ гребцовъ, мы въ этотъ разъ не были принуждены ходить по самый поясъ въ водѣ. Вскорѣ мы свободно плыли среди рыбачьихъ байдаръ, изъ которыхъ однѣ шли подъ парусами, другія на веслахъ. Многія изъ нихъ держались довольно близко отъ насъ, будто наши сторожевыя шлюбки. Экипажи пѣли и стройно ударяли веслами въ ладъ: пѣсня была рифмованная, пріятная, распѣвалась медленно, ее легко можно было разслушать. Я тогда же записалъ ее, но послѣ мнѣ не удалось узнать ея смыслъ. Англичане, которые совершенно владѣли Тонгайскимъ языкомъ, сказывали, что эта пѣсня состояла изъ словъ непереводимыхъ, что встрѣчается въ каждомъ языкѣ:

Иго коіа
Оту вуай мабуна;
Ан-ги-га-ге,
Оту вуай таффе.

Часть гребцевъ пѣла первый стихъ: *Иго-коіа*, другіе отвѣчали: *Оту вуай мабуна*; первые пѣли опять *Ан-ги-га ге*, вторые оканчивали стихомъ: *Оту вуай таффе*. Такимъ образомъ они очередовались по цѣлымъ часамъ, по цѣлымъ днямъ.

Это пѣніе сопровождало насъ до самаго корабля. На кораблѣ все было благополучно. Палу съ Филипсомъ свели тѣсную дружбу; они для препровожденія времени осушили по бутылкѣ рому, и выкурили нѣсколько трубокъ. Мѣны продолжались между экипажемъ и островитянами безъ всякой непріятности; люди, впущенные на корабль, вели себя весьма скромно. Не было ни какого повода къ ссорѣ, и мы не могли имѣть ни малѣйшаго подозрѣнія измѣны, чтобы принять новыя мѣры предосторожности. Пен-

длетонъ, хотя и успокоенный, рѣшился однако же на другой день остаться самъ на шлюпѣ. Я одинъ поѣхалъ въ Ніуку-лафа, настоящее мѣстопребываніе вождя Тубо, принявшаго Христіанскую вѣру. Это мѣсто прославилось въ войнахъ Тонга-табу и почиталось священнымъ, но иначе нежели Мафанга.

Ніуку-лафа отстоитъ на двѣ мили отъ рейда Пангай-моду; чрезъ полчаса я былъ тамъ вмѣстѣ съ Синглстономъ, моимъ необходимымъ проводникомъ. Лишь только мы вышли на берегъ, онъ повелъ меня къ двумъ байдарамъ, встащеннымъ на прибрежье подъ навѣсами. Онѣ были самыхъ колоссальныхъ размѣровъ: одна имѣла въ длину 86 футъ съ платформою въ 41 футъ въ длину и 18 въ ширину. Въ ней могло помѣститься до двухъ сотъ человѣкъ. Другая была только футомъ короче. Обѣ казались стары, изгнившія онѣ были не способны къ плаванію. Ихъ хранили какъ образцы, какъ благоговѣйныя воспоминанія старины. Островитяне разсказывали чудеса о подвигахъ этихъ двухъ судовъ, о ихъ быстротѣ на ходу и крѣпости въ битвахъ. Байдары меньшаго размѣра, формъ болѣе легкихъ и по виду болѣе ловкія, были побѣждены этими старухами. Теперь уже болѣе не строятъ подобныхъ, самыя большія байдары имѣютъ не болѣе 60 футъ въ длину.

По тропинкамъ, по сторонамъ которыхъ росли великолѣпныя деревья, мы пошли въ церковь этого округа, небольшое зданіе, содержимое опрятно и построенное по образцу Таитскихъ церквей. Оно дѣйствительно было построено двумя Тайтійцами, по имени Тафета и Гапа, и женщиною Таи: только эти три проповѣдника могли предпринять съ успѣхомъ дѣло, въ которомъ многіе миссіонеры не успѣли. Это было въ 1826 году; они оставили свое отечество, чтобы отправиться въ Вити, и только проѣздомъ были въ Тонга-табу. Но здѣсь Тубо такъ хорошо принялъ ихъ, такъ убѣждалъ ихъ остаться при немъ, показалъ такое усердіе къ Христіанству, что они рѣшились отказаться отъ своего намѣренія и поселились въ Ніуку-лафа. Они были счастливы въ проповѣдываніи: почти всѣ родственники вождя, его друзья и часть подданныхъ обратились въ Христіанство; можно было думать, что весь островъ послѣдуетъ ихъ примѣру. Ничего не бывало. Миссіонеры Томасъ и Гутчинсонъ не имѣли успѣха, какъ мы видѣли, въ Гифо, и Тубо обращеніемъ своимъ потерялъ часть своего вліянія на страну. Впрочемъ не задолго до насъ метрополія послала вспоможеніе въ Тонга-табу: Гг. Тарнеръ, Уаткинсъ и Упъ прибыли въ Ніуку-лафа и съ помощію эгуи Тубо хотѣли распространить въ странѣ свѣтъ Христіанства. Синглетонъ, разсказавшій мнѣ всѣ эти подробности, повелъ меня къ жилищу этихъ пастырей. Мы не застали никого: они поѣхали навѣстить Пендлетона, вмѣстѣ съ своимъ неразлучнымъ Тубо.

Ничто не удерживало меня болѣе въ Ніуку-лафа, между тѣмъ было рано. «Пойдемте въ Мафанга,»—сказалъ мнѣ Синглетонъ; «это мѣсто священное для идолопоклонниковъ, уважается даже тогда когда кипитъ междоусобная война.» Мы отправились, проходя подъ сводами густой зелени; Тонга-табу представляетъ видъ безконечнаго сада, почти однообразно ровный, съ площадкою посреди, составленною изъ растительныхъ веществъ, медленно скопившихся на коралловомъ основаніи. Чѣмъ ближе мы подходили къ Мафангѣ, тѣмъ болѣе великолѣпія и богатства замѣчали въ домахъ, въ садахъ, въ часовняхъ и въ малаяхъ. То была священная полоса острова; мѣсто табу въ высшей степени; здѣсь находились наиболѣе уважаемые храмы, самые благородные фай-тока, самыя знаменитыя гробницы. На этой землѣ всякая вражда прекращалась; непримиримые враги должны были взаимно уважать другъ друга: пролить кровь въ Мафангѣ, значило-осквернить цѣлый островъ. Синглетонъ, объясняя мнѣ это, разсказывалъ гораздо занимательнѣйшимъ образомъ, нежели я то дѣлаю, привиллегіи мѣста, по которому мы шли, потомъ прибавлялъ: Вы, сударь, Французъ; да будетъ же вамъ извѣстно, что одинъ Французскій капитанъ осмѣлился стрѣлять изъ пушекъ по этому мѣсту, и былъ, ей богу, правъ. Безъ его рѣшимости, шесть матросовъ корвета остались бы на вѣчно въ Тонга-табу, гдѣ ихъ задержалъ вѣроломный Тагофа. Нѣсколько негодяевъ съ корабля подали ему мысль къ этому поступку: экипажъ одной шлюбки былъ схваченъ; одинъ изъ людей, посланныхъ для отысканія гребцевъ, былъ убитъ..... О! тогда надо было видѣть командира *Астролябіи*! Онъ поставилъ свой корветъ здѣсь, на одинъ кабельтовъ отъ коралловыхъ мелей, съ ежеми-

нутною опасностію наскочить на нихъ, и сталъ стрѣлять по священному мѣсту, по Мафангѣ, окруженной палисадомъ и рвомъ; онъ оставался пять дней въ этомъ гибельномъ положеніи, пока не возвратили людей. Капитанъ Дюрвиль въ этомъ случаѣ поступилъ весьма хорошо; мысль его стрѣлять по Мафангѣ была особенно счастлива: то было, можетъ быть, единственное средство образумить цѣлый островъ. Тагофа хотѣлъ настоять на своемъ, но другіе вожди не согласились. Не много народу было убито пушками, три или четыре человѣка; но ядра разрушали фай-токаи и часовни *готуаевъ* (боговъ). Жители, во что бы то ни стало, должны были остановить подобное оскверненіе святыни.»

Четыре года прошло съ того времени, а еще были видны на нашей дорогѣ слѣды этой войны: кокосовыя деревья, перерѣзанныя или разщепленныя ядрами, и кровли, пробитыя насквозь, свидѣтельствовали о мщеніи *Астролябіи*.

Разговаривая съ моимъ проводникомъ, я дошелъ до жилища храбраго Фака-фануа, верховнаго стража и правителя священнаго мѣста. Старикъ принялъ насъ весьма радушно; онъ самъ повелъ меня въ часовни готуаевъ, и особенно хотѣлъ, чтобы я осмотрѣлъ внимательнѣе молельню Туи-фака-пуи, которую онъ, кажется, чрезвычайно уважалъ. Можетъ быть, въ ней пребывалъ его семейный богъ, или великій богъ, заступникъ Мафанги.

Всѣ эти часовни, молельни, Фай-токаи имѣли тотъ же характеръ, какъ зданія этого рода въ Гифо. Они однако же были великолѣпнѣе и въ большемъ размѣрѣ, сообразно со святостію мѣста. Домы, сады, огороды, были также опрятнѣе на видъ. Я входилъ въ нѣкоторыя жилища и видѣлъ въ нихъ только куски тканей, веревки и сосуды, которые показались мнѣ обѣтованными приношеніями. Въ одномъ изъ этихъ домовъ я видѣлъ нѣсколько человѣческихъ поясныхъ изваяній, грубо вырѣзанныхъ изъ дерева. Я ихъ взялъ въ руки, и Фана-фануа нисколько тому не противился, что заставило меня думать, что они не имѣли ни какого религіознаго значенія.

Мы пришли на малай или публичную площадь Мафанги (Рис. VII. ф. 2)., обсаженную прекрасными деревьями, подъ которыми въ большіе праздники собирается все народонаселеніе Тонга-табу. Когда *Астролябія* стрѣляла по Мафангѣ, на этомъ малаѣ была главная квартира Тагофы: лучшіе его воины расположились подъ чудовищнымъ фиговымъ деревомъ, но первое ядро съ корабля сорвало огромную вѣтвь и воины съ крикомъ разбѣжались.

Осмотрѣвъ Мафангу я распростился съ Фака-фануа, отблагодаривъ его за вниманіе нѣсколькими бездѣлками, и послѣдовалъ за Синглетономъ, который хотѣлъ еще показать мнѣ деревню Нугу-нугу, мѣстопребываніе старухи Туи-тонга-фафины. То же прозябеніе, тѣ же своды зелени представились и на этой дорогѣ. Въ самой гущѣ лѣса Синглетонъ остановясь сказалъ мнѣ: «Здѣсь былъ убитъ Французъ съ корвета Астролябіи, о которомъ я говорилъ вамъ; согласитесь, что дѣло было не совсѣмъ благоразумно; девятнадцать человѣкъ должны ли были углубляться въ подобную глушь, гдѣ могли стеречь ихъ человѣкъ 500 въ засадѣ! Если бы островитяне были немножко проворнѣе, они перебили бы тогда многихъ изъ вашихъ соотечественниковъ.»

Деревня Нугу-нугу также сохраняла воспоминанія *Астролябіи*. Французы сожгли ее въ отмщеніе за обиду. Съ того времени она обновлена и перестроена: видъ ея обнаруживалъ особенное благосостояніе. Безъ сомнѣнія, пребываніе старой Туитонгафафины способствовало этому. Отъ времени до времени хитрый Тагофа навѣщалъ эту женщину, единственную наслѣдницу духовной власти Туи-тонгаевъ. Онъ успѣлъ даже склонить ее усыновить его сына, дитя семи или восьми лѣтъ, чтобы вполнѣ передать своему роду власть Туи-тонгаевъ.

Когда Синглетонъ повелъ меня къ старухѣ, дитя было при ней; я увидѣлъ мальчика хорошенькаго собою и одѣтаго въ кусокъ полотна, съ обнаженными плечами, безъ другаго убора, кромѣ ожерелья изъ голубыхъ стеколъ, съ бритою головою, по обычаю тонгаевъ, и съ висящими по сторонамъ ея завитыми волосами, которые лоснились отъ кокосоваго масла (Рис. VIII. ф. 2). Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ меня вошелъ Тагофа. Физіономія моего пріятеля была не такъ благосклонна, какъ въ тотъ день, когда мы промѣнялись съ нимъ именами. Онъ вошелъ съ многими мата-булеями, едва посмотрѣлъ на меня, подошелъ прямо къ своему сыну, распростерся предъ нимъ ницъ, взялъ ногу

дитяти, поставилъ ее себѣ на затылокъ, и нѣсколько минутъ оставался въ этомъ положеніи. Таковъ обрядъ *моэ-моэ*, или цѣлованіе ноги, почесть, воздаваемая только Туи-тонгаю. Когда эгуи окончилъ его, мата-булеи послѣдовали его примѣру, и долго безпокоили дитя своимъ почтеніемъ.

Но того требовала политика Тагофы; онъ первый подчинялся обряду, чтобы освятить его въ глазахъ другихъ. Тагофа, Наполеонъ своего острова, могущественнѣйшій воинъ, окруженный всеобщимъ уваженіемъ, подчинялся этому смѣшному и унизительному обряду, зная, что подобныя продѣлки имѣютъ великое вліяніе на чернь, и служатъ важнѣйшими инвеститурами. Всѣ должны были подражать ему, за исключеніемъ одной только Туи-тонга-фафины, которая усыновила дитя и была, по званію своему, старше его. Настоящая мать, дочь Палу и супруга Тагофы, тоже должна была поклоняться своему ребенку. Она вошла нѣсколько послѣ своего мужа и охотно исполнила обрядъ. Она была весьма не дурна собою; волосы лоснились отъ кокосоваго масла; плеча, грудь до пояса, были обнажены; ниже она была обвязана широкимъ передникомъ. (Рис. VIII. ф.1).

Намѣреніе Тагофа было очевидно; онъ хотѣлъ замѣнить въ своемъ отечествѣ республиканскій федерализмъ духовнымъ самодержавіемъ; онъ хотѣлъ возстановить Туи-тонга, котораго власть могла бы обуздывать мелкія притязанія вождей и возвратить единство правительству, утратившему его. Дитя, Туи-тонга-фафина, мата-булеи, жена, воины, въ глазахъ Тагофа были только орудіями, съ помощію которыхъ онъ шелъ къ своей цѣли, медленно, но прямо и вѣрно. Онъ все расчиталъ, все предусмотрѣлъ. Чтобы обезоружить Палу, самаго сильнаго изъ своихъ соперниковъ, онъ женился на его дочери: съ того времени ихъ частныя выгоды стали общими. Глупый Гавака и робкій Тубо не имѣли средствъ противиться. Одинъ только Гата, начальникъ Гифо, храбрый воинъ и искусный политикъ, могъ противустать; но онъ царствовалъ на другомъ концѣ острова, спокойный, довольный тѣмъ, что самъ былъ независимъ и не простиралъ взоровъ далѣе своего округа; къ тому же онъ былъ слишкомъ старъ, и желалъ только, чтобы все оставалось по прежнему. Тагофа все это понималъ, и потому не спѣшилъ; что же касается до другихъ вождей, то они не имѣли ни какого вліянія.

Такимъ образомъ должно надѣяться, что чрезъ нѣсколько лѣтъ молодой Тагофа, благодаря постояннымъ усиліямъ своего отца, пріобрѣтетъ высокое званіе Туи-тонга, съ которымъ соединено столько привилегій. Ничто, кажется, не можетъ противиться этому ходу дѣлъ, развѣ только постепенное распространеніе Христіанства; когда Тонга обратится въ Христіанскую вѣру, какъ обратился Таити, тогда званіе великаго жреца, обрядъ моэ-моэ, часовни и нынѣшнее политическое образованіе страны, все исчезнетъ, все измѣнится, все приметъ другое направленіе, другой видъ. Это возвышеніе своего семейства, замышленное Тагофой, медленно имъ пріуготовленное, замѣнится тогда полудикимъ, полухристіанскимъ образомъ правленія, владычествующимъ въ архипелагахъ восточной Полинезіи. Тагофа опасается этого переворота и силится предупредить его; онъ сдѣлался самымъ дѣятельнымъ преслѣдователемъ новой вѣры; онъ не принимаетъ ни какихъ предложеній миссіонеровъ, и если бы смѣлъ, то преслѣдовалъ бы ихъ открыто. Впрочемъ, если Тонгайскіе проповѣдники понимаютъ настоящимъ образомъ свое положеніе относительно этого вождя, то они должны скорѣе всего обратиться къ честолюбивому инстинкту Тагофы: этимъ только можно склонить его; по расчету, онъ приметъ Христіанскую вѣру, по убѣжденію—никогда.

Такъ прошелъ этотъ день. Вода понижалась; я шелъ въ водѣ по колѣна на островъ Онеата, оттуда перешелъ на Манима, наконецъ на Пангай-моду, куда пріѣхала за мною шлюбка. Мы обѣдали на корветѣ, съ Синглетономъ, моимъ проводникомъ и товарищемъ.

Пендлетонъ былъ въ большихъ хлопотахъ во время моего отсутствія. Весь день онъ былъ занятъ визитомъ миссіонеровъ и приготовленіемъ чрезвычайнаго пира для его *офал* или пріятеля, Палу. Эгуи былъ въ такомъ восторгѣ, что на другой день хотѣлъ отплатить тѣмъ же. Я былъ приглашенъ; онъ обѣщалъ намъ всѣхъ родовъ удовольствія и увеселенія. Лейтенантъ Рембовъ долженъ былъ ѣхать съ нами; но Филипсу надо было оставаться на кораблѣ. Пендлетонъ все боялся еще измѣны. Палу вызвался насъ угощать, и потому на мѣсто его долженъ былъ

поступитъ въ свою очередь заложникомъ Тагофа.

Въ девятомъ часу утра мы отправились въ Муа на катерѣ. Обогнувъ Пангай-моду съ сѣверной стороны, мы вошли въ пространный заливъ, которымъ раздвоенъ сѣверный берегъ Тонга-табу. Мы наслаждались спокойнымъ и пріятнымъ плаваніемъ въ этомъ бассейнѣ, усѣянномъ зелеными островами и обтянутомъ полосою кокосовыхъ деревъ. Катеръ присталъ къ дому, гдѣ долго жилъ миссіонеръ Лоури, по близости огромнаго фиговаго дерева, подъ навѣсомъ котораго укрылись байдары и Англійская шлюбка, принадлежащая Палу (Рис. VIII ф. 3).

Палу принялъ насъ важно у дверей своего дома, окруженный своими мута-булеями. Тотчасъ подали неизбѣжный кава; потомъ мы были свободны до пиршества. «Пойдемъ смотрѣть фай-тока,» сказалъ мнѣ Пендлетонъ; «здѣшніе почитаются лучшими на островѣ.» Синглетонъ повелъ насъ. Первый фай-тока, видѣнный нами, принадлежалъ славному Финау, о которомъ упоминается въ повѣствованіяхъ Кука. Это прямоугольный памятникъ изъ камней, сложенныхъ плашмя и окруженныхъ дерномъ; посреди его виднѣлись развалины часовни. Другой фай-тока служилъ семейнымъ мавзолеемъ, въ которомъ хранились остатки Тугу Аго, брата его Тубо-малоги, и его сына Тубо-тоа; далѣе возвышался гробъ Тафоа, дѣда Мумуія, и его сестры Фучи-пала. Здѣсь была погребена вся знать: подъ этими зданіями лежала вся исторія страны. Не смотря на то, что это мѣсто весьма тщательно содержится, прозябеніе съ каждымъ днемъ прокрадывается на зданія; кустарники покрываютъ ихъ. Въ нѣкоторыхъ гробахъ были статуйки изъ дерева, но какъ я уже замѣтилъ, имъ не оказывали ни какого особеннаго почтенія.

Далѣе мы видѣли фаи-тока фата-фаіевъ, древнихъ духовныхъ владыкъ острова. Прежде они содержались весьма хорошо, были обсажены прекрасными деревьями и покрыты лучшимъ дерномъ, но запущены съ того времени, какъ Туи-тонга оставилъ Тонга-табу. Всѣ домы, окружавшіе гробы, пришли въ ветхость, а сады заросли дикою травой и кустами. Нѣкоторые памятники совершенно покрылись хворостомъ, другіе едва замѣтны; нельзя разсмотрѣть настоящей формы ихъ. Одинъ изъ тѣхъ, которые лучше сохранились, представляетъ еще прямоугольную постройку изъ камней въ нѣсколько ярусовъ и оканчивается маленькою впадиною, гдѣ пребываетъ душа Туи-тонги (Рис. IX. ф. 1); камни, изъ которыхъ построенъ этотъ могильный алтарь, имѣютъ до двадцати футъ въ длину и отъ шести до восьми въ ширину. Внутренность наполнена землею и каменьями. Самые высокіе изъ этихъ памятниковъ имѣютъ пять рядовъ ступеней, и до двадцати футъ въ высоту. Я измѣрилъ одинъ файтока, составлявшій прямоугольникъ въ сто восемьдесятъ футъ въ длину и сто двадцать въ ширину. Выдолбленный камень на вершинѣ служилъ, говорятъ, престоломъ, на которомъ сидѣла Туи-тонга-фафина во время погребенія Туи-тонгая. Иные гробы меньшаго размѣра имѣли форму овальную или эллиптическую.

Эти огромныя постройки, для которыхъ были необходимы значительныя понятія въ статикѣ, Механикѣ и Архитектурѣ, служатъ неоспоримымъ свидѣтельствомъ весьма древняго образованія. Даже со времени построенія этихъ гробницъ, народы эти пришли въ упадокъ. Потерянъ ли между ними вкусъ къ искусствамъ, погасъ ли религіозный энтузіасмъ, послѣ отбытія отсюда духовныхъ главъ, все равно, но уже болѣе не строятся подобные фаи-тока. Послѣдній въ родѣ Финау перенесъ, говорятъ, въ Вавао, царскія гробницы; въ слѣдствіе повелѣній его были воздвигнуты два монумента, одинъ для умершаго Туи-тонга, другой для его отца. Но въ Тонга-табу уже миновало время этихъ построекъ; самымъ знатнымъ вождямъ воздвигаются нынѣ маленькіе курганы, или большіе прямоугольники изъ дерну, окруженные глыбами коралла.

Послѣ прогулки мы возвратились въ домъ Палу. Пиръ былъ изготовленъ; вскорѣ всѣ усѣлись кругомъ стола; жареная свинья, какъ и всегда, служила основою обѣда; мы ѣли съ аппетитомъ, который всегда возбуждается утреннею прогулкою, употребляя вмѣсто хлѣба ямсъ и печеные бананы. Но Палу приготовилъ намъ особенный сюрпризъ: самый искусный поваръ былъ званъ и стряпалъ обѣдъ, достойный Туи-тонгая. Всѣ соусы, всѣ приправы, извѣстныя островитянамъ, были поданы. Сперва *ваи-уфи*, ямсъ, вареный и растертый въ молокѣ изъ кокосовыхъ орѣховъ; потомъ *ваи-чи*, родъ желе изъ *ма* и сока корня *чи*; *бобои*, другое блюдо изъ тѣхъ же веществъ; потомъ

лу-лои, лу-эффеніу, листья таро, парные и кипяченые съ сокомъ кокосоваго орѣха; *тао-гуту*, родъ пирога изъ корня магоа и кокосоваго орѣха; *ве-гало*, молодые кокосовые орѣхи, варепые въ своемъ молокѣ; наконецъ *аутай*, внутренность молодыхъ кокосовыхъ орѣховъ, и сокъ изъ корня чи, смѣшанные съ кокосовымъ молокомъ, и проч. и проч.

Всѣ эти блюда были поданы на банановыхъ листьяхъ. Каждый бралъ свою порцію и ѣлъ, не подчуя другихъ; слуги подавали ковши съ водою или съ кокосовымъ молокомъ. Чтобы лучше угостить насъ, Палу велѣлъ подать бутылку стараго рому, полученную вѣроятно въ подарокъ отъ какого нибудь Европейца: на этотъ напитокъ щедрость его не простиралась далѣе меня и Пендлетона.

Палу оставилъ насъ послѣ обѣда; по желанію Пендлетона, мы пошли навѣстить Тамагу, сестру изгнаннаго Тун-тонга, которая впрочемъ почиталась въ числѣ первыхъ лицъ на островѣ. Она одна была представительницею благороднаго и могущественнаго семейства Фата-фаи. Она именовалась Фака-кана, и обитала въ прекрасномъ домѣ на берегу моря, въ небольшой деревнѣ Палеа-магу. Тамагу приняла насъ, окруженная женщинами и родственниками; ея физіономія имѣла выраженіе пріятное, благородное и радушное (Рис. IX. ф. 2). Ей было лѣтъ за шестьдесятъ; она видѣла всѣхъ мореплавателей посѣтившихъ эти берега; помнила Кука, Валлиса, Лаперуза, Блейя и д'Антркасто; за три года предъ тѣмъ ее навѣстилъ Дюрвиль, который изъ сообщенныхъ ею любопытныхъ свѣдѣній узналъ, что Лаперузъ прежде крушенія въ Ваникоро, и нѣсколько дней спустя послѣ своего отправленія изъ Ботанибея, становился на якорь въ Намукѣ; старуха подтвердила намъ это, присовокупивъ разсказъ о дракѣ Французовъ съ островитянами; она приписывала смерть Француза тому, что онъ поступилъ безчестно при мѣновой сдѣлкѣ съ островитянами; здѣсь всѣ этого мнѣнія.

Подлѣ Тамаги находились два ея младшіе брата и молодой человѣкъ, по имени Лату, сынъ старшей ея сестры. Онъ имѣлъ первенство надъ своими дядьями, которые должны были воздавать ему почесть моэ-моэ, не смотря на то, что были старѣе его лѣтами.

На возвратномъ пути изъ дома Тамаги, недалеко отъ Тун-тонгайскаго источника, мы видѣли чудовищное дерево, именуемое здѣсь *меа* и принадлежащее къ роду смоковницъ. Оно ростетъ на самомъ берегу моря; часть его вѣтвей распростерта надъ нимъ, и тѣнь отъ нихъ ложится далеко по водѣ. Этотъ колоссальный *меа* составляетъ одинъ почти цѣлую рощу; онъ не такъ высокъ, но кажется составленнымъ изъ множества разныхъ стволовъ, постепенно соединенныхъ въ одно. Цѣльный ли онъ или составной, но имѣетъ не менѣе 100 футъ въ окружности, по измѣренію капитана Дюрвиля. Высота его около 120 футъ; одна изъ вѣтвей, нависшихъ надъ моремъ, имѣетъ въ окружности 18 футъ. Это послѣднее обстоятельство доказываетъ, что стволъ его есть одно дерево (Рис. X. ф. 1).

Это дерево въ особенности посвящено Тун-тонгаю, и огромностію своего кажется достойно его обширной духовной власти. Послѣ своего вѣнчанія, этотъ сановникъ садился подъ его тѣнь. Окруженный приближенными, онъ исполнялъ здѣсь предписанный обрядъ, между тѣмъ какъ Тун-тонга-фафина совершала очистительныя омовенія въ ближнемъ источникѣ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ своихъ женщинъ. Всякому другому было подъ смертною казнію запрещено умываться въ этомъ источникѣ. Теперь источникъ оскверненъ; его не охраняетъ болѣе Тун-тонга.

По возвращеніи въ деревню Муа, мы осмотрѣли домы, гдѣ группы женщинъ были заняты тканьемъ полотенъ. Однѣ искусно снимали кору съ молодыхъ тростей *брусонеціи* и счищали ее раковинами; другія гнули ее противъ природнаго уклона и обмакивали въ воду. Въ другомъ мѣстѣ ее растягивали на бревнѣ, которое служило станкомъ, и колотили небольшимъ молотомъ призматической формы, гладкимъ или съ нарѣзками. Отъ времени до времени полотно опять складывалось на станкѣ, чтобы снова колотить и растягивать его; потомъ, когда оно получало нужную тонкость и крѣпость, его сушили. Обыкновенная его длина пять или шесть футъ, ширина въ половину менѣе; но дѣлаютъ полотно гораздо большаго размѣра. Натуральный его цвѣтъ бѣлый; для лакированія и крашенія употребляются другія процессы. Его растягиваютъ на широкую доску, покрытую слоемъ весьма плотныхъ жилистыхъ веществъ. Работница опускаетъ тряпку въ

краску изъ коры кока, и проводитъ ее по полотну, которое отъ того получаетъ темный и блестящій цвѣтъ. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока весь кусокъ будетъ окрашенъ: обыкновенно оставляются каймы на двухъ сторонахъ, и другія, шире, на двухъ концахъ, неокрашенныя. Для полученія чернаго цвѣта мѣшаютъ съ сокомъ кока сажу, добываемую изъ маслянистаго орѣха *тутуи* (*aleurites triloba*). Подобныя ткани и по цвѣту и по прочности несравненно превосходнѣе Таитійскихъ. Англичане во время путешествій Кука брали ихъ для мѣновой торговли съ другими островами Полинезіи.

Я ходилъ изъ дому въ домъ, чтобы подсмотрѣть нравы этого народа, его обычаи, домашнюю жизнь и промышленость. Вездѣ меня поражали какія нибудь особенности; здѣсь, мать брила голову своему ребенку зубомъ акулы такъ же хорошо, какъ Азіятскій брадобрей своею бритвою; тамъ, семейство сидѣло за своимъ кава; тутъ вели войну съ крысами, или изготовляли сѣти для рыбной ловли; вездѣ явленія были любопытны и достопримѣчательны. Вообще женщины показались мнѣ скромнѣе и честнѣе, нежели на другихъ посѣщенныхъ мною архипелагахъ. Безъ сомнѣнія, онѣ бы не устояли предъ искушеніемъ подарка Европейскою вещицею, но по крайней мѣрѣ не приступали къ мужчинамъ сами. Къ тому же спасительный страхъ удерживалъ ихъ; онѣ по опыту знали, какой гибельный ядъ принесли съ собою Европейскіе моряки въ Полинезію; онѣ не довѣряли уже имъ и пугались страшныхъ послѣдствій связи.

Путешественники справедливо замѣтили, что жители этихъ острововъ почти всѣ лишены одного или двухъ составовъ на мизинцѣ. Операція эта, весьма обыкновенная здѣсь, называется *туту-нима*. Она совершается по случаю болѣзни близкаго родственника: ею утишаютъ гнѣвъ божества и даруютъ исцѣленіе. Я былъ свидѣтелемъ подобнаго жертвоприношенія, въ домѣ, гдѣ лежалъ больной. Дѣти кругомъ плакали; дѣвушка лѣтъ семи подозвала къ себѣ молодаго человѣка, который стоялъ недалеко съ топоромъ въ рукѣ; она хотѣла отрубить себѣ составъ пальца, чтобы спасти жизнь отца. Операторъ положилъ ея руку на колоду и однимъ ударомъ отсѣкъ первый составъ. Дитя даже не закричало; но чтобы остановить кровь, приставило палецъ къ парамъ какой то зажженной травы. Обыкновенно раны залечиваются этимъ способомъ въ два дня.

Подобныя жертвоприношенія могутъ возобновляться каждый разъ въ тяжкую болѣзнь близкаго родственника. Послѣ двухъ первыхъ составовъ мизинца можно жертвовать суставами слѣдующихъ пальцевъ. Это вещь самая обыкновенная между островитянами: они теряютъ по одному свои составы, безъ всякой жалобы. Когда у нихъ еще не было стали, они употребляли для совершенія этой операціи камень или заостренную раковину.

Далѣе на Муайскомъ малаѣ я видѣлъ двухъ эгуевъ, которые съ жаромъ играли въ *леагви*, любимое развлеченіе вождей; важный Палу былъ страстнымъ охотникомъ до этой игры. Когда мы его держали заложникомъ на кораблѣ, онъ съ утра до вечера сражался съ своимъ мата-булеемъ; два игрока становятся одинъ противъ другаго, каждый съ тремя деревянными брусочками въ рукѣ. Начинающій дѣлаетъ свободною рукою одно изъ трехъ слѣдующихъ движеній: поднимаетъ руку открытую или сжавъ кулакъ, или наконецъ сжавъ, но вытянувъ указательный палецъ. Другой долженъ тотчасъ же повторить то движеніе. Если ошибется, онъ теряетъ одну ставку; если не ошибется, то начинаетъ въ свою очередь. При каждой проигранной ставкѣ онъ отдаетъ выигравшему одинъ брусочекъ. Всѣ пять брусочковъ составляютъ партію. Иногда *леагви* играется въ четверомъ; тогда становятся точно такъ, какъ садятся въ вистѣ. Эта игра напоминаетъ *мурру* Неаполитанцевъ и жителей Прованса.

Впрочемъ не одно это сходство встрѣчается въ обычаяхъ Тонгайцевъ и жителей южной Франціи. *Фана-калай* есть родъ охоты съ ручными птицами, привязанными за ногу. Тонгайскій охотникъ становится съ своимъ живымъ оружіемъ подъ искусственнымъ навѣсомъ изъ вѣтвей, сквозь которыя онъ засматриваетъ прилетающихъ птицъ; надъ нимъ, на вѣтвяхъ, привязанъ самецъ птицы *калай*, которая есть родъ канкромы. Она шумно бьетъ крыльями, а самка въ клѣткѣ, стоящей въ вѣтвяхъ, отвѣчаетъ. На знакомые звуки прилетаютъ другіе калаи, и охотникъ убиваетъ ихъ изъ лука или изъ ружья.

Въ то время какъ я продолжалъ въ деревнѣ наблюденія свои, Палу приготовилъ намъ праздникъ во всей формѣ. Многочисленная

толпа была собрана на малаѣ, и мнѣ было предложено самое почетное мѣсто.

Игры начались чѣмъ-то воинственнымъ. До тридцати воиновъ съ булавами вышли на площадку; они дѣлали разныя эволюціи проворно и въ порядкѣ; потомъ раздѣлились и стали по обѣимъ сторонамъ сцены. Тогда изъ одного изъ этихъ двухъ лагерей выступилъ воинъ вызывая на бой противниковъ; къ нему вышелъ другой, и между ними началась драка. Вскорѣ всѣ воины, одинъ за другимъ, стали драться попарно. Каждый разъ побѣдитель простирался ницъ предъ Палу, потомъ вставалъ и отходилъ въ сторону. Старцы, въ родѣ судей на турнирахъ, провозглашали побѣду, и собраніе съ шумомъ и восклицаніями повторяло имена побѣдителей.

Междудѣйствія турнира были заняты кулачнымъ боемъ и борьбою, весьма не продолжительными и служившими только къ развлеченію зрителей. Наиболѣе забавляла въ этомъ веселость бойцевъ. Они смѣялись; отъ времени до времени однако раздавались тяжеловѣсные удары и выходили изъ боя люди окровавленные, но все смѣющіеся. Побѣдители не хвастались, были скромны въ побѣдѣ и никогда чрезъ мѣру не гордились ею.

Другое зрѣлище, менѣе забавное, представилось намъ, когда двѣ бабы стали драться, имѣя родъ кистеня въ рукахъ (Рис. X. ф. 2). Это продолжалось не долго; чрезъ минуту одна изъ нихъ признала себя побѣжденною, и радостныя восклицанія толпы привѣтствовали другую.

Послѣ борьбы начались пляски. Палу приказалъ, чтобъ намъ проплясали *гейва*. Поле драки обратилось въ танцовальный залъ. Предстали двадцать музыкантовъ, не имѣвшіе другихъ инструментовъ, кромѣ бамбуковыхъ тростей. Музыка состояла въ томъ, что тростями били по землѣ тактъ, и чѣмъ длиннѣе была трость, тѣмъ звуки были ниже. Для контраста, другіе три музыканта съ живостію стучали по своимъ *нафа*, которые издавали высокіе, острые звуки. Нафа, родъ барабана изъ одного обрубка, длиною отъ двухъ до четырехъ футъ и соразмѣрной толщины, съ выдолбленнымъ отверзтіемъ на двухъ третяхъ его длины. По этимъ инструментамъ бьютъ двумя цилиндрическими палочками изъ крѣпкаго дерева длиною въ два фута. Изъ двадцати музыкантовъ, десять только имѣли бамбуковыя трости и *нафа*; остальные пѣли.

Пляска началась. Четыре группы, каждая изъ двѣнадцати человѣкъ, вышли на сцену; танцоры держали въ рукѣ лопаточки изъ тонкаго и легкаго дерева, и съ ними дѣлали странныя, но красивыя фигуры: они, то обращали ихъ вправо и влѣво, наклоняясь въ томъ же направленіи, то отбрасывали ихъ въ другую сторону, или съ удивительною быстротою перебрасывали изъ руки въ руку. Пляска, сперва тихая и степенная, понемногу оживилась: плясуны начали пѣть, и хоръ музыкантовъ вторилъ ихъ речитативы; наконецъ, актеры, музыканты и зрители начали ревѣть въ одинъ голосъ. Эта музыка оглушила меня.

Четыре группы танцоровъ сдѣлали еще кое-какія фигуры, то вмѣстѣ, то отдѣльно; смѣшивались, перемѣнялись мѣстами, снова раздѣлялись, приближались одни къ другимъ, расходились опять и окончили общею пляскою.

Во второй пляскѣ оркестръ былъ составленъ изъ двухъ барабановъ и двадцати музыкантовъ. Актеры въ этотъ разъ стали въ два ряда: въ одномъ человѣкъ тринадцать, въ другомъ не болѣе пяти. Старшій сынъ Палу, прекрасный собою молодой человѣкъ, по имени Канонъ-гата, занималъ средину первой линіи, какъ самое почетное мѣсто. Эта новая труппа плясала и пѣла около четверти часа. Движенія каждую минуту измѣнялись; тактъ былъ то медленный и важный, то быстрый и шумный. Плясуны наблюдали его съ такою точностію, что казалось одна воля управляла всѣми. Послѣ этой труппы вышла третья, которая раздѣлилась на три линіи. Одинъ изъ актеровъ произнесъ прологъ, на который отвѣчали другіе, какъ въ интермедіяхъ Греческаго театра. Потомъ вся труппа стала очередоваться съ оркестромъ, припѣвая строфы въ кадансъ. Иногда пѣвцы съ пріятностію и быстротою махали лопатками. Зрители отвѣчали имъ при этомъ *мали! мали! фаи-фоги*! (хорошо! хорошо! еще!) Послѣ нѣкоторыхъ новыхъ эволюцій актеры вмѣшались въ ряды зрителей.

Всѣ эти пляски называются общимъ именемъ *мей-тау-паги*, потому что въ нихъ держатъ лопатки, называемыя *паги*. Меринеръ говоритъ, что онѣ заимствованы съ острововъ Піуга. По Тонга-табу имѣетъ собствен-

ныя свои пляски, не менѣе славныя и разнородныя. Намъ еще оставалось видѣть *бу-меи*, или ночныя пляски, которыя принадлежать собственно преданіямъ здѣшняго племени. Было восемь часовъ пополудни, и вскорѣ по всѣмъ угламъ малая засвѣтились факелы.

Оркестръ заигралъ, и, какъ всегда, тихіе и медленные звуки бамбуковыхъ тростей соединились съ острыми нотами нафа; отъ этого контраста породилась странная и дикая гармонія. Вышли двадцать молодыхъ дѣвушекъ, хорошенькія собою, полунагія, съ Китайскими розами и другими яркими цвѣтами въ волосахъ, съ гирландами изъ листьевъ на головѣ и по всему тѣлу. Онѣ выстроились кругомъ музыкантовъ и пропѣли меланхолическую нѣжную пѣсень, сопровождая ее стройными движеніями, то поднимая руки надъ головою, то опуская ихъ на нагую грудь. Иногда онѣ выскакивали впередъ на одной ногѣ, потомъ отступали медленно, какъ бы подражая движенію волнъ. Потомъ онѣ обратились къ зрителямъ, пошли къ намъ мѣрными шагами, и остановились въ нѣкоторомъ разстояніи. Двѣ изъ нихъ отдѣлились отъ другихъ, и пошли въ противную сторону, кругомъ сцены, до группы своихъ подругъ. Другія слѣдовали ихъ примѣру потомъ всѣ собрались опять кругомъ музыкантовъ. Тогда фигуры стали живѣе. Тѣ, которыя предводительствовали хорами, дѣлали пируэты, хлопали въ ладоши, щелкали пальцами и пѣли. Пѣніе впрочемъ утихало по мѣрѣ того, какъ движенія становились быстрѣе и живѣе. Наконецъ тѣлодвиженія, до того времени скромныя, начали принимать характеръ довольно неблагопристойный. Такова ночная пляска *бу-меи*, совершенно подобная той, которую видѣлъ и описалъ Кукъ (Рис. XI).

Послѣ этихъ баядерокъ явились мужчины, человѣкъ пятнадцать, одни молодые, другіе уже зрѣлыхъ лѣтъ, но ловкіе и здоровые, какъ юноши. Новая труппа повторила тѣ же движенія, что и женщины, раздѣлившись на два хора кругомъ оркестра, такъ, что одни были обращены лицемъ вправо, другіе влѣво. Пѣсни, движенія, все повторялось съ большою выразительностію. Пляска сдѣлалась подъ конецъ до того быстрою, что мы, зрители, не могли почти перевести духа.

Этимъ не кончились еще зрѣлища. Палу хотѣлъ непремѣнно показать намъ всѣ народныя увеселенія. Послѣ бала настала комедія. Вышли на сцену двѣнадцать человѣкъ; изъ нихъ одинъ, главный актеръ, другіе хористы; первый начиналъ пѣть, другіе отвѣчали. Потомъ мы видѣли сцену довольно странную. Девять женщинъ сѣли напротивъ насъ: одинъ мужчина всталъ съ мѣста и обоими кулаками ударилъ первую женщину, за тѣмъ вторую и третью; четвертую онъ ударилъ въ грудь; одинъ изъ зрителей, увидѣвши это, бросился съ булавою на него и нанесъ ему такой ударъ по головѣ, что тотъ безъ чувствъ упалъ. Его спокойно унесли, и другой островитянинъ сталъ продолжать побои, но наносилъ удары уже по спинамъ женщинъ. Послѣ этой исправительной мѣры, онѣ начали плясать; но, по видимому, довольно дурно, ибо ихъ заставили начать снова.

Эта странная и варварская сцена была прервана приходомъ шута, который развеселилъ зрителей своими проказами. Судя по слову *ю-руни*, которое онъ часто повторялъ, и по жестамъ, наиболѣе обращаемымъ въ нашу сторону, легко было понять, что мы служили предметомъ его колкостей и что толпа забавлялась на нашъ счетъ.

Я не буду входить въ безконечныя подробности объ этихъ плясках; не буду говорить, какъ актеры и актрисы составляли правильные и концентрическіе круги, сцѣплялись, расходились, гнулись въ кольца, какъ змѣи, и всегда съ порядкомъ и согласіемъ оканчивали свои фигуры. Но я не могу не обратить вниманіе читателя на послѣднюю пляску, пляску аристократическую, въ которой удостоилъ принять участіе самъ Палу съ своими мата-булеями и бывшими тамъ эгуями. Расположеніе фигуръ было почти то же, но дѣйствующія лица были уже не тѣ. Искусство ихъ и ловкость были чрезвычайны; они съ такою гибкостію раскачивали головы отъ одного плеча до другаго, что вы бы подумали, что ихъ составы вывихнуты, какъ у нашихъ фигляровъ. За ними вышелъ актеръ, припѣвая речитативъ, съ жестами еще болѣе искусными; онъ принималъ положенія необыкновенно выразительныя: не трудно было узнать въ его особѣ перваго виртуоза на островѣ; благородные фигуранты съ своей стороны обладали несравненно высшимъ талантомъ, нежели ихъ простонародные собратья. Вся эта пляска была крайнимъ выраженіемъ Тонгайскаго искусства, пѣніемъ и пляскою образцовыми. Дюжій Палу плясалъ

вмѣстѣ со всѣми; весь въ поту, но съ оживленнымъ взглядомъ, едва дыша, онъ, казалось, не боялся соперничества самыхъ молодыхъ и ловкихъ плясуновъ. Собраніе единодушными рукоплесканіями привѣтствовало достойнаго эгуя.

Былъ двѣнадцатый часъ ночи. Пендлетонъ уже уѣхалъ; праздникъ не могъ заставить его забыть шлюпъ. Мы ужинали вдвоемъ съ Палу, и я расположился переночевать у него на цыновкѣ, подложивъ подъ голову суму вмѣсто деревяннаго изголовья, употребляемаго у островитянъ. Ночь была тиха; не смотря на усталость и безпокойства, причиняемыя неотвязчивыми мошками, я спалъ точно на моемъ рундукѣ на шлюпѣ; подлѣ меня храпѣли тѣлохранители Палу. Самъ эгуи спалъ въ своемъ гаремѣ, отъ котораго насъ отдѣляла ширма изъ цыновокъ.

На другой день на разсвѣтѣ я долженъ былъ еще разъ приняться за кава; послѣ чего Палу приказалъ приготовить байдару, чтобы отвезти меня на корабль. Приказанія его исполнялись медленно и вяло; гребцы искали, казалось, предлоговъ не торопиться. Напрасно просилъ я Синглетона и Палу, чтобы меня скорѣе отправить; ничего не дѣлалось. Я дотолѣ вовсе не безпокоился; потому что Пендлетонъ располагалъ сняться не ранѣе, какъ на другой день, но я терялъ терпѣніе и досадовалъ. Между тѣмъ нельзя было не замѣтить необыкновеннаго стеченія островитянъ. Вчерашній балъ могъ быть причиною присутствія множества мужчинъ и женщинъ; но я видѣлъ воиновъ, которые шли толпами и въ нѣкоторомъ порядкѣ, почти всѣ вооруженные булавами. Въ скоромъ времени Муайскій заливъ покрылся байдарами, которыя выходили въ открытое море.

Тогда только я сталъ опасаться измѣны. Воображенію моему представились и прежнее поведеніе островитянъ, и частыя ихъ перемѣны и неожиданныя нападенія на корабли, стоявшіе у ихъ береговъ, и недавняя еще война *Астролябіи*. Нужно было дѣйствовать рѣшительно. Я схватилъ за воротъ Синглетона и грозно спросилъ его: «ты не измѣнникъ?»—Я, сударь, избави меня Богъ! «Если такъ,» прибавилъ я; то что ты думаешь объ этомъ движеніи воиновъ?»—Странно, отвѣчалъ онъ; клянусь я ничего не понимаю; весьма можетъ быть, что здѣсь въ самомъ дѣлѣ кроется измѣна. «Хорошо же: пойдемъ къ Палу, и ты переведешь ему мои слова.» Эгуи шелъ на взморье: я сталъ съ нимъ говорить такимъ тономъ, что онъ былъ принужденъ уступить; байдара была приготовлена, и мы поплыли. Была пора ѣхать; съ *Океаніи* уже раздался призывный выстрѣлъ, и вооруженная шлюбка была отправлена за мною; самъ Филипсъ ѣхалъ на ней.

Приготовлялись сниматься. Это было рѣшено въ то же утро. Тагофа, бывшій заложникомъ, бѣжалъ. Онъ бросился въ плавь еще до разсвѣта; между тѣмъ изъ всѣхъ заливцевъ выходили въ море большія байдары въ военномъ вооруженіи; безъ сомнѣнія затѣмъ чтобы напасть на насъ; всѣ они, казалось, стремились къ одной цѣли. Палу, по приказанію Беайскаго вождя, долженъ былъ задержать меня; но онъ посовѣстился, сдалъ меня Филипсу и удалился безъ всякихъ объясненій. Синглетонъ, прощаясь со мною, промолвилъ: «Слава Богу, что такъ кончилось!»

Мы прибыли къ кораблю въ молчаніи. Шлюбка была тотчасъ поднята, и вскорѣ судно снялось съ якоря. На ловкомъ нашемъ шлюпѣ, съ такимъ бодрымъ экипажемъ, мы не имѣли даже надобности употребить силу противу островитянъ. Мы вышли изъ канала прежде, нежели союзныя байдары успѣли соединиться. Тагофа могъ глазами слѣдить *Океанію* которая развернувъ паруса свободному дуновенію S. O., будто волшебствомъ улетѣла отъ окружавшей ее безсильной измѣны.

ГЛАВА V.

Архипелагъ Тонга. — Географія.

Если считать всѣ острова и островки Тонгайскаго архипелага, то ихъ наберется до ста, на пространствѣ двухъ сотъ миль отъ С. на Ю; и отъ пяти до шестидесяти отъ В. на зап. т: е: отъ 18° до 20° ю. шир. и отъ 176° до 178° зап. долг.

Но этотъ обширный архипелагъ долженъ дѣлиться на три группы: въ южной сторонѣ остр. Тонга, собственно такъ называемые; въ центрѣ острова Гапаи; на сѣверѣ острова Гафулу-гу; кромѣ того другіе, разсѣянные около нихъ.

Самый южный въ архипелагѣ островъ *Эоа*, открытъ въ 1643 году Тасманомъ, который далъ ему названіе Миддельбурга. Это земля средней высоты, довольно населенная, въ

двѣнадцать миль протяженіемъ отъ N. N. W. къ S. S. O и въ шесть или семь миль шириною. Форстеръ, осмотрѣвшій этотъ островъ въ 1773 г., представляетъ восхитительную картину гостепріимныхъ нравовъ его жителей.

Здѣсь нѣтъ хорошихъ якорныхъ мѣстъ, и потому мало мореплавателей заходили сюда послѣ Кука. Эоа прежде зависѣлъ отъ Тун-тонгая; но съ того времени, какъ эта власть рушилась, онъ повинуется особенному царьку. Вершина острова лежитъ подъ 21° 25' ю. шир. и 175° 17' вос. долг. Въ нѣсколькихъ миляхъ на S. W. лежитъ островокъ Катао.

Тонга-табу, главный островъ архипелага, плодороденъ, не весьма высокъ и покрытъ богатымъ прозябеніемъ. Тасманъ первый открылъ его и назвалъ *Амстердамомъ*. Тонга-табу имѣетъ восемнадцать миль протяженія отъ O къ W. и двѣнадцать миль въ ширину. Обширный проливъ врѣзывается въ него съ сѣверной стороны и даетъ ему форму неправильнаго полумѣсяца. Вдоль сѣвернаго берега тянется гряда подводныхъ камней, между которыми, подъ покровомъ зелени, покоятся маленькіе островки. Примѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Атата, Пангай-моду, Онеата, Нугу-нугу, Фафаа, Малиноа, Оневан, Ногу и Тау. Здѣсь есть довольно безопасныя и якорныя мѣста, но входъ труденъ и опасенъ. Противъ западнаго устья пролива лежитъ небольшой низменный островокъ Эоа-чи, имѣющій милю или двѣ въ длину.

На этомъ низменномъ островѣ прѣсной воды мало; но если копать на нѣкоторую глубину, можно найти воду, годную для питья. Флора богата; въ ней много общаго съ Малайзіею, находятся виды, которыхъ нѣтъ въ восточной Полинезіи.

Островъ прежде раздѣлялся на округи: Гифо въ западной сторонѣ, Муа въ центрѣ, Гагви на востокѣ, и Лего, который занималъ всю южную сторону, безлюдную и менѣе населенную. Со времени уничтоженія Тун-тонгая, это древнее раздѣленіе уже не существуетъ. Каждый маленькій округъ имѣетъ своего начальника, и всѣ начальники сносятся между собою, чтобы жить въ мирѣ и дружбѣ. Мнѣнія не согласны на счетъ народонаселенія. Англичанинъ Синглетонъ полагалъ около 20,000 душъ; капитанъ Дюрвиль до 15,000; капитанъ Вальдсгравъ до 12,000; миссіонеры считаютъ 4000 въ одномъ округѣ Гифо. Вѣрно то, что Тонга-табу можетъ выставить пять тысячъ войска. Якорное мѣсто Пангай-моду лежитъ подъ 21° 8' ю. шир. и 177° 33' зап. долг.

Въ двадцати пяти миляхъ на сѣверъ отъ Тонга-табу лежатъ двѣ скалы, Гунга-тонга и Гунга-гапай, въ двухъ миляхъ одна отъ другой; онѣ будто маяки, указываютъ мѣстоположеніе большаго острова, но не приступны, высоки какъ орлиныя гнѣзда и увѣнчаны терновникомъ. Подобно вулканическимъ островамъ *Као* и *Тофуа*, эти скалы служатъ полезными указателями для плаванія въ этомъ морѣ. Та изъ нихъ, которая южнѣе, лежитъ подъ 20° 36' ю. шир. и 177° 44' зап. долг.

Гапайская группа имѣетъ шестьдесятъ миль протяженія отъ N. N. O. къ S. S. W. и отъ двадцати пяти до тридцати миль ширины. Она составлена изъ низменныхъ острововъ, связанныхъ между собою непрерывными грядами подводныхъ камней. Всѣ острова признавали надъ собою власть Тун-тонгая; теперь каждый имѣетъ своего царя и особенное правленіе. Говорятъ, Христіанство въ нихъ дѣлаетъ успѣхи; они лѣсисты, плодородны и многолюдны. Между ними примѣчательны:

Лефука, главный островъ въ группѣ, столица царства Финау I, имѣющая шесть миль протяженія отъ N. N. O. къ S. S. W. и три мили въ ширину. Лежитъ подъ 19° 50' ю. шир. 176° 49' зап. долг.

Намука, открытая въ 1643 году, Тасманомъ, и прозванная имъ *островомъ Роттердамъ*. Мы уже говорили, какъ она богата прекрасными мѣстоположеніями. Окружность ея отъ десяти до двѣнадцати миль. Ю. шир. 20° 15' и зап. дол. 177° 19'.

За тѣмъ слѣдуетъ *Фоа*, *Вига*, *Гаано*, *Нипива* и *Футуна*, лѣсистые и низменные островки, имѣющіе въ окружности отъ 4 до 7 миль. Остальные острова маловажны.

Нельзя съ точностію опредѣлить народонаселенія Гапайской группы; но судя по силѣ войска, съ которымъ Финау I отправился на покореніе Тонга-табу, можно предполагать до 10,000 душъ. Въ этой группѣ должно замѣтить:

Тофуа, островъ, открытый въ 1774 году Кукомъ, видѣнный имъ опять въ 1777 году, вновь открытый Морелемъ въ 1781 году и

названный имъ Санъ-Кристоваль, и потомъ посѣщенный Лаперузомъ, Блеемъ и Эдвардсомъ. Этотъ островъ высокъ, лѣсистъ, многолюденъ, и увѣнчанъ волканическою вершиною. Весь архипелагъ получалъ отсюда базальты и агаты, изъ которыхъ дикіе дѣлали свои топоры. Тофуа была мѣстомъ священнымъ, столицею морскихъ боговъ. Жители вѣрили, что акулы не нападали на тѣхъ, которые купались у его береговъ. Меринеръ посѣтилъ волканъ острова, и даетъ ему тридцать футъ въ діаметрѣ. Изверженія бываютъ три раза въ недѣлю, а иногда два раза въ мѣсяцъ. Подняться на вершину волкана трудно отъ испепеленныхъ камней, покрывающимъ его бока.

Къ этому острову приставалъ Блей съ своею шлюпкою, когда на его кораблѣ возгорѣлся бунтъ. Островитяне, вмѣсто того чтобы снабдить его живностями, были расположены употребить противъ него насиліе. Они хотѣли задержать его и его людей; онъ едва спасся, оставивъ во власти туземцевъ одного изъ своихъ матросовъ, котораго тутъ же умертвили, и потащили въ ближній малай, чтобы предать землѣ. Потомъ, когда Меринеръ посѣтилъ островъ, ему показали мѣсто, гдѣ совершилось злодѣяніе. Островитяне говорили, что по всему пространству, гдѣ тащили тѣло Англичанина, трава высохла и уже болѣе не произрастала. Туфуа имѣетъ 12 миль въ окружности; и лежитъ подъ 19º 46' юж. шир. и 177º 33' зап. дол.

Као, открытый въ 1774 Кукомъ, былъ видѣнъ имъ опять въ 1777; потомъ въ 1781 Морелемъ, который назвалъ его Монте-Гермозо, и Лаперузомъ въ 1787. Это весьма высокій островъ, многолюдный и имѣющій въ окружности девять миль. Лежитъ подъ 19º 42' юж. шир. 177º 3' зап. долготы.

Латай, открытый Морелемъ въ 1781, обозрѣнъ Лаперузомъ въ 1787, и потомъ въ 1791 г. Эдвардсомъ, который назвалъ его *островомъ Бикертонъ*. Это также островъ высокій, многолюдный, почти кругообразный въ шесть или семь миль въ окружности. Лежитъ 18º 47' юж. шир. 177º 30' зап. дол.

Послѣдняя группа въ этомъ архипелагѣ есть Гафулу-гу; она составлена изъ двухъ большихъ острововъ, Вавао и Пангай-моду, и около десяти островковъ, лежащихъ кругомъ ихъ.

Вавао открытъ въ 1781 Морелемъ, и получилъ отъ него названіе *Маіорги*; его видѣли потомъ Лаперузъ, Эдвардсъ, назвавшій его *островомъ Говъ*, и Малеспина. Это самый большой островъ въ архипелагѣ; протяженіе его до двадцати миль отъ N. N. O. къ S. S. W, ширина отъ 10 до 12 миль. Здѣсь, какъ и въ Тонга-Табу, море составляетъ заливъ, въ которомъ есть хорошія якорныя мѣста. Почва имѣетъ нѣкоторыя неровности и представляетъ прекрасные виды; но во внутренности, по словамъ капитана Вальдеграва, который посѣтилъ его, есть много мѣстъ совершенно дикихъ, покрытыхъ только пнями, дикими травами, ямсомъ и плющами. Поэтому то онъ менѣе населенъ, нежели Тонга-табу. Основаніе острова мадрепорическое, хотя и замѣтны въ немъ слѣды волканическаго дѣйствія. На немъ были прежде особенные владѣтели, которые признавали надъ собою власть Тунтонги; но въ началѣ нынѣшняго вѣка, онъ былъ завоеванъ Финау 1, и присоединенъ къ его Гапайскому царству. Финау 11, сынъ завоевателя, отказался отъ этихъ острововъ и довольствовался островомъ Вавао. Въ 1830 г. Вальдегравъ нашелъ самовластнаго царя, по имени Финау, лѣтъ тридцати, безъ сомненія сына или племянника Финау 11. Вальдегравъ полагаетъ на Вавао до 6,000 душъ; другіе думаютъ, что населеніе значительнѣе. Средина острова лежитъ подъ 18º 41' юж. шир. и 176º 20' зап. долготы.

Пангай-моду имѣетъ въ длину отъ 7 до 8 миль, но весьма узокъ, и отдѣленъ отъ Вавао тѣснымъ проливомъ, гдѣ есть хорошія якорныя мѣста.

Между окружными островами примѣчательнѣе *Таонга*, *Лека-лека*, и въ особенности *Гунга*, прославленный тѣмъ, что нѣкогда онъ служилъ убѣжищемъ любовной четѣ отъ преслѣдованій какого то тирана. Мѣсто, гдѣ любовники скрывались, была пещера въ 40 футъ въ вышину и почти такой же ширины, въ которую нѣтъ другаго входа кромѣ тѣснаго отверзтія въ 8 или девять футъ въ длину, и на нѣсколько футъ ниже уровня моря. Она служитъ теперь для большихъ кава.

На N. W. отъ Вавао не въ далекѣ лежитъ Амаргура, послѣдній изъ острововъ Тонгайскаго архипелага. Онъ не занимаетъ большаго пространства, но высокъ и населенъ. Это имя далъ ему Испанецъ Морель, открывшій его въ 1781 г.; Эдвардсъ въ 1791 назвалъ его *Гердиеромъ*. Настоящее же его

названіе не извѣстно. Онъ лежитъ подъ 17° 57' юж. шир. и 177° 20' зап. долготы.

Нѣкоторые географы причисляли къ Тонгайскому архипелагу и островокъ Пильстартъ, лежащій въ тридцати слишкомъ лигахъ южнѣе отъ Тонга-табу, высокій и лѣсистый, имѣющій въ окружности отъ 3 до 4 миль. Его открылъ Тасманъ въ 1643; потомъ видѣлъ Кукъ въ 1773, а Морель въ 1781 далъ ему имя *ла Сола*. Его почитали необитаемымъ до 1819 г., когда Фрейсинє, придерживавшись довольно близко, увидѣлъ у береговъ людей и байдары. Безъ сомнѣнія, люди эти принадлежатъ Тонгайскому племени; можетъ статься, они приходили на рыбный промыселъ отъ другихъ острововъ, или были мореходы, занесенные сюда противными вѣтрами. Островъ лежитъ подъ 22° 30' юж. шир. и 178° 21' зап. долготы.

Тонгайскій архипелагъ составляетъ западную оконечность Полинезіи. Въ нѣкоторомъ разстояніи западнѣе лежитъ группа Вити, первая земля Милазіи. Впрочемъ и тамъ встрѣчается Полинезійскій типъ, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи на нѣкоторыхъ изъ Ново-Гебридскихъ острововъ, на маленькихъ островахъ Ротума, Тикопія, Дафъ и др. Впрочемъ это примѣчается только въ небольшихъ племенахъ и со всѣми признаками очевиднаго переселенія. Главное племя въ этой полосѣ, Полинезійское, занимающее всѣ большіе западные острова, до появленія Малайскаго. Тонгайскіе острова скорѣе могли передать свое племя Меланезійскимъ, нежели получить отъ нихъ; они образовали нѣсколько этихъ варваровъ, но сами не заразились отъ нихъ варварствомъ; Тонгайскій типъ пересилилъ типъ Витійскій.

Тонгайскій архипелагъ, и въ особенности островъ Тонга-табу, хотя и лежитъ подъ самымъ тропикомъ, имѣетъ температуру постоянно умѣренную. Въ Апрѣлѣ и Маѣ термометръ на *Астролябіи* показывалъ отъ 23° до 26°, и періодическіе вѣтры значительно умѣряли жаръ. По словамъ миссіонеровъ, воздухъ на островѣ здоровъ и чистъ; зимою, когда дуютъ южные вѣтры, климатъ становится почти холоденъ.

Періодическіе вѣтры здѣшнихъ морей суть S. S. O. и O. S. O. Впрочемъ въ Февралѣ, Мартѣ и Апрѣлѣ, иногда господствуютъ N. W. и W., и производятъ бури и дожди съ сильными шквалами. Въ это время года Лаперузъ и Дюрвиль терпѣли здѣсь штормы. Почти всегда зыбь съ S. W., происходящая отъ бурь Южнаго моря, причиняетъ большой бурунъ на южномъ берегу Тонга-табу. Землетрясенія должны быть часты на этихъ островахъ, потому что первые миссіонеры, поселившіеся здѣсь въ 1797 г., свидѣтельствуютъ, что въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ было три землетрясенія. Безъ сомнѣнія, одною изъ причинъ этихъ явленій должно быть сосѣдство огнедышущей горы Тофуа.

ГЛАВА VI.

Архипелагъ Тонга — Исторія.

Голландецъ Тасманъ открылъ эти острова 19 Января 1643 г. Онъ завидѣлъ сперва островъ Пильстартъ, а на другой день Эоа, потомъ Тонга-табу, названные имъ *Миддельбургомъ* и *Амстердамомъ*. Якорь былъ брошенъ въ открытомъ заливѣ Гифо (называемомъ Голландцами *бухта Марія*); островитяне навѣстили Тасмана на своихъ байдарахъ. Дикари эти были безоружные, и обошлись съ нимъ дружелюбно и честно. Естьли бы не страсть ихъ къ воровству, то поведеніе ихъ можно было бы назвать прекраснымъ. Старый вождь, по видимому, облеченный верховною властію, часто бывалъ на кораблѣ; онъ оказывалъ Европейцамъ большое вниманіе, дружбу и уваженіе, и съ живѣйшею благодарностію принялъ сдѣланные ему подарки. Въ числѣ подарковъ находилось деревянное блюдо, которое было потомъ сохранено, какъ драгоцѣнность, владѣтелями острова, и получило странное назначеніе: оно сперва служило для испытанія преступниковъ въ судѣ; затѣмъ удостоилось еще высшей почести: сдѣлалось намѣстникомъ Туи-тонги въ его отсутствіе; ему оказывали то же почтеніе, какъ и самому духовному главѣ. Можетъ быть, этому то обстоятельству должно приписать то, что здѣсь сохранилось воспоминаніе о первыхъ Голландцахъ, посѣтившихъ островъ. Когда Кукъ присталъ сюда въ 1774 г., островитяне говорили ему о посѣщеніи Тасмана, и чтобы опредѣлить эпоху этого происшествія, они присовокупили, что тогдашній Туи-тонга, Пулаго, былъ пятымъ преемникомъ Фата-файя 1645 года.

Отъ Тонга-табу Тасманъ отправился къ острову На-мука, который назвалъ *Роттердамомъ*. «Жители Роттердама, говоритъ его повѣствованіе, походятъ на жителей Амстердама (Тонга-табу). Они нрава кроткаго, безоружны, но большіе воры. Здѣсь мы налились водою и достали свѣжей провизіи. Осмотрѣвъ островъ, мы видѣли на немъ множество кокосовыхъ деревъ, разсаженныхъ съ большею правильностію, и прекрасно расположенные сады съ множествомъ фруктовыхъ деревъ въ прямыхъ линіяхъ, что было весьма красиво на видъ. Послѣ Роттердама мы открыли нѣсколько другихъ острововъ.»

Этотъ простой разсказъ писанъ рукою самаго Тасмана; онъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что и теперь мы находимъ эти острова въ такомъ точно видѣ, въ какомъ описалъ ихъ Голландскій мореходецъ за двѣсти лѣтъ предъ симъ. Описанія Тасмана, Кука и Дюрвиля сходны между собою, съ тою только разницею, что описаніе перваго быстро и поверхностно, тогда какъ два послѣдніе болѣе углубились въ свой предметъ и дополнили извѣстія, оставленныя ихъ предшественникомъ.

Кукъ бросилъ якорь у береговъ Эоа въ Октябрѣ 1773. Островитяне обошлись съ нимъ дружелюбно. Въ особенности одинъ изъ вождей, по имени Тап—онъ, оказалъ самую искреннюю дружбу, повелъ Англичанъ въ свою деревушку, угостилъ ихъ чѣмъ могъ, даже музыкою и кавою. Естествоиспытатель Форстеръ былъ вмѣстѣ съ Кукомъ; онъ отлучился, чтобы осмотрѣть страну, и на пути нашелъ вездѣ привѣтливый пріемъ. «Старики и молодые,» говоритъ онъ, «мужчины и женщины, всѣ насъ ласкали, цѣловали наши руки съ самою живою привязанностію; клали наши руки на свои сердца, и смотрѣли на насъ съ умилительною нѣжностію.» Не смотря на этотъ ласковый пріемъ, почти всѣ островитяне были вооружены булавами всевозможныхъ формъ, луками, копьями и стрѣлами. Это оружіе вѣрно не всегда было у нихъ безъ употребленія.

Впрочемъ ни чѣмъ не было нарушено доброе согласіе между жителями и ихъ гостями. Форстеръ осмотрѣлъ окрестности того мѣста, гдѣ корабль Кука стоялъ на якорѣ. Что бы осмотрѣть внутренность острова, говоритъ этотъ натуралистъ, мы взобрались на холмъ промежъ цвѣтущихъ садовъ, окруженныхъ плетнемъ изъ бамбуковыхъ тростей и живыми изгородами изъ *erythrina corallodendron*: затѣмъ мы вышли на тропинку, промежъ двухъ оградъ; по обѣимъ сторонамъ были разсажены съ такимъ же порядкомъ, какъ и въ нашихъ садахъ, ямсъ и банановыя деревья. Тропинка вела къ широкой полянѣ, покрытой богатыми жатвами; за поляною была восхитительная прогулка, подъ кокосовыми деревьями, разсажеными въ четыре ряда на пространствѣ одной мили, до другой тропинки, по обѣимъ сторонамъ которой были правильныя плантаціи, обсаженныя кругомъ пампельмусами. Тропинка эта вела къ воздѣланной долинѣ, куда сходились многія дорожки. Здѣсь мы вышли на красивую поляну, покрытую нѣжнымъ и свѣжимъ дерномъ, и окруженную тѣнистыми деревьями. На одной ея сторонѣ былъ пустой домъ; хозяева вѣроятно находились на прибрежьи. Г. Годжъ срисовалъ съ натуры этотъ восхитительный пейзажъ. Мы дышали легкимъ ароматическимъ воздухомъ; морской вѣтеръ освѣжалъ атмосферу; пѣніе тысячи птицъ и воркованіе горлицъ звучали надъ нами. Корни дерева, подъ которымъ мы сидѣли, были весьма любопытны; они возвышались на восемь футъ отъ земли; а стручья на деревѣ были длиною въ аршинъ и толщиною въ два или три дюйма. Это плодородное и уединенное мѣсто осуществляло для насъ тѣ чудесные пейзажи, которые создаетъ воображеніе романистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно было найти уголокъ, который бы болѣе благопріятствовалъ уединенію, если бы здѣсь былъ источникъ свѣжей воды, или ручеекъ; къ несчастію, на островѣ нѣтъ воды. Влѣво я видѣлъ крытую аллею, оканчивавшуюся у другой поляны, на концѣ которой находился холмъ съ двумя хижинами на вершинѣ. Кругомъ холма были посажены бамбуковыя трости, и предъ ними рядъ казуариновъ. Островитяне, сопровождавшіе насъ не хотѣли приблизиться къ этому мѣсту; мы пошли одни; намъ съ большимъ трудомъ удалось заглянуть во внутренность хижинъ, потому что крыша спускалась на поларшина почти отъ земли. Въ одной изъ хижинъ находился недавно принесенный трупъ; другая была пуста.»

На слѣдующій день Кукъ положилъ якорь у округа Гифо предъ островомъ Тонга-Табу. Жители съ радостію пріѣзжали на го-

рабль, и промѣнивали свѣжія провизіи на самыя пустыя Европейскія вещицы. Одинъ изъ вождей этого мѣста, котораго Кукъ называетъ *Аттаго*, а Форстеръ *Аттаха*, но настоящее имя котораго было Тага, особенно подружился съ великимъ мореходцемъ, (Рис. XII. ф. 1)., и оказывалъ ему большое вниманіе и почтеніе.

Первое мѣсто, которое посѣтилъ Кукъ, было главный Фан-тока, курганъ съ часовнею на вершинѣ. Изъ часовни вышли три старца и произнесли рѣчь или родъ молитвы чужеземному посѣтителю. По всему острову были подобные памятники. Тага повелъ своихъ гостей во внутреннюю часть острова, гдѣ они видѣли другой Фан-тока, гораздо больше и значительнѣе перваго. Въ смежномъ домѣ жилъ старый вождь, пригласившій путешественниковъ отдохнуть у него, и раздѣлить съ нимъ завтракъ, состоявшій изъ ямса и другихъ плодовъ. Рѣчи были вѣроятно неизбѣжнымъ церемоніяломъ при посѣщеніи этихъ священныхъ мѣстъ, потому что старшій изъ жрецовъ началъ тоже рѣчь, обращаясь то къ божествамъ Фан-тока, то къ Куку, доколѣ Кукъ не сдѣлалъ головою знака, что онъ соглашается. Ораторъ, по видимому, былъ не довольно силенъ въ своемъ дѣлѣ, онъ часто прерывалъ свое слово и, казалось, спрашивалъ конца фразы у стоявшаго подлѣ жреца. Кукъ ничего не понялъ изъ этой длинной рѣчи. Народъ, собравшійся кругомъ, спокойно смотрѣлъ на Англичанъ, занятый ими гораздо болѣе, нежели церемоніею.

Послѣ непродолжительнаго отдыха Кукъ и Тага вмѣстѣ возвратились на корабль. Былъ часъ обѣденный; островитянина посадили за капитанскій столъ; но въ это время пріѣхалъ на корабль полуслѣпой старикъ, эгуи того округа. Каково было удивленіе зрителей, когда Тага всталъ и отошелъ въ сторону, чтобъ не быть замѣченнымъ новымъ гостемъ. Тага былъ вождь второстепенный, а слѣпой старикъ былъ изъ важнѣйшихъ духовныхъ лицъ на островѣ. Обѣдать за однимъ столомъ, съ такою важною особою, было бы святотатство со стороны Тага. Впрочемъ благородный и столько уважаемый эгуи, по истинѣ, не могъ внушить большаго уваженія. По словамъ Кука, онъ самъ до того оглупѣлъ отъ старости, что не понималъ ни мало своей важности; капитанъ просилъ его назначить ему свиданіе, и разсказываетъ объ этомъ слѣдующее: «Я нашелъ эгуя, сидящаго, съ такою глупою и мрачною важностью, что не смотря на все, что мнѣ объ немъ сказывали, я счелъ его полуумнымъ и уважаемымъ народомъ по какимъ нибудь суевѣрнымъ понятіямъ. Я поклонился ему и сталъ говорить; но онъ не только не отвѣчалъ, даже не смотрѣлъ на меня. Физіономія его постоянно сохраняла свое спокойное выраженіе. Я сбирался выйти, когда молодой и понятливый островитянинъ сталъ мнѣ толковать и убѣдительно доказывать, что онъ былъ царемъ или главнымъ лицемъ на островѣ. Я поднесъ ему подарки: рубаху, топоръ, кусокъ красной ткани, зеркало, нѣсколько гвоздей и стеклярусу. Онъ принялъ, или лучше сказать, позволилъ, чтобы эти вещи были положены на него и кругомъ его, нисколько не измѣняя своей важности, не говоря ни слова и не обращая лица ни вправо ни влѣво. Онъ все время былъ неподвиженъ какъ истуканъ, и оставался въ томъ же положеніи, когда я отправился на корабль. Но едва я прибылъ на корабль, какъ получилъ извѣстіе, что эгуи послалъ къ морскому берегу множество провизій. За ними отправилась шлюбка, привезшая до двадцати корзинъ жареныхъ банановъ, ямса, плодовъ, хлѣбнаго дерева и жареную свинью въ двадцать фунтовъ вѣсомъ. Г. Эджекомбъ и матросы, отъѣзжая на корабль, извѣстились отъ островитянъ, что это подарокъ отъ *арики* или царя острова, корабельному *арики*. Важность приношенія убѣдила меня въ важности значенія глупаго вождя.

Впослѣдствіи это таинственное лице сдѣлалось болѣе извѣстнымъ. Имя его Лалулибулу; онъ принадлежалъ къ божественному семейству Фата-фаи, которому, по его происхожденію, воздавались большія почести, хотя власть его въ существѣ часто была весьма ограничена.

Первое пребываніе Кука у береговъ Тонга-табу не было ознаменовано ни какимъ непріятнымъ явленіемъ. Кромѣ немногихъ дерзкихъ покражъ, все обошлось благополучно. Воровъ преслѣдовали; но частныя наказанія не причиняли общаго раздора. Одинъ изъ этихъ удалыхъ дикарей, укравъ куртку матроса, бросился въ море, достигъ берега, не смотря на то, что по немъ сдѣлали восемь выстрѣловъ, и уже на берегу былъ схваченъ матросами. Другой прокрался въ каюту боцмана, укралъ книги и другія вещи и бросился съ борта. Его замѣтили и погнались въ шлюпкѣ. Поймать дикаря было мудрено: онъ

только изрѣдка выказывалъ голову и нырялъ какъ рыба, когда къ нему подъѣзжали. Матросъ со шлюбки, въ одной изъ этихъ эволюцій, забросилъ на него крюкъ и потащилъ его къ кораблю; однако жъ онъ, не смотря на боль и потерю крови, успѣлъ вырвать крюкъ изъ своего бока и продолжалъ плыть къ берегу; за нимъ опять погнались. Тогда страдалецъ по отчаянному вдохновенію нырнулъ подъ шлюбку и выбилъ руль; этимъ онъ спасся, потому что не было средства продолжать погоню.

Не смотря на частыя стычки, островитяне не нарушали мира съ кораблемъ Кука. Они разстались друзьями, и даже трогательнымъ образомъ. Старый Латулибулу не выходилъ изъ своего онѣмѣнія, но добрый Тага горько плакалъ. Онъ умолялъ Кука скорѣе возвратиться и привезти ему полную одежду подобную своей. Въ замѣнъ онъ обѣщалъ ему полный грузъ свиней, дичи, корней и плодовъ.

Въ слѣдующемъ году Кукъ зашелъ опять въ этотъ архипелагъ, и сталъ на якорь на сѣверной сторонѣ Намукаи. Бывшіе съ нимъ естествоиспытатели обозрѣли внутренность острова; они говорятъ, что мѣстности представляютъ восхитительныя картины; дружеское расположеніе и радушіе жителей постоянно охраняли всѣхъ Европейцевъ на островѣ; одинъ только хирургъ корабля былъ менѣе другихъ счастливъ: онъ находился на берегу, когда на него напали дикари толпою, отняли у него ружье, галстухъ и носовой платокъ; грабители хотѣли продолжать и не оставили бы на немъ ничего, но онъ вздумалъ схватить футляръ отъ ружья и прицѣлиться на самыхъ дерзкихъ. Это движеніе перепугало было дикихъ; вскорѣ однако же они оправились, и были готовы опять на него напасть, когда явилась молодая дѣвушка съ длинными вьющимися волосами, прекрасная какъ ангелъ; она взяла Англичанина подъ свое покровительство, защитила его противу всѣхъ; для утоленія его жажды, подала ему нѣсколько кусковъ пампельмуса, и стерегла его, доколѣ не прибыла за нимъ шлюбка.

Покражи отъ времени до времени нарушали миръ, то на кораблѣ, то на берегу. Кукъ не любилъ прощать подобныхъ дерзостей и строго наказывалъ воровъ. По случаю покражи оружій, онъ приказалъ взять съ берега двѣ большія двойныя байдары; одинъ изъ островитянъ вздумалъ противиться и Кукъ велѣлъ стрѣлять по немъ весьма близко дробью. Несчастный, почти нагой, былъ приведенъ въ ужасное положеніе; плачъ и крики его тронули даже непреклоннаго капитана. Позвали хирурга, чтобы перевязать его раны. Хирургъ хотѣлъ тотчасъ приложить катаплаемъ изъ банановъ, но островитяне принесли сахарнаго тростника, извлекли изъ него мякоть и предложили употребить ее, какъ надежнѣйшее лекарство. Когда была сдѣлана перевязка, островитяне стали ласковѣе къ Европейцамъ. Форстеръ, свидѣтель этой сцены, описываетъ ее такъ: «Женщины, присутствовавшія при перевязкѣ раненаго, показывали особенное желаніе возстановить миръ; робкіе взоры ихъ выражали укоризну. Болѣе пятидесяти женщинъ, сѣвъ на цвѣтущую поляну, приглашали насъ сѣсть возлѣ нихъ и изъявляли какъ могли дружбу и нѣжность. Особенно ласкова была подруга хирурга; одна изъ первыхъ красавицъ на островѣ, она была прекрасно сложена; черты ея лица совершенно правильныя, одушевлялись выраженіемъ необыкновенной нѣжности; большіе и черные глаза были исполнены огня; цвѣтъ лица ея былъ гораздо бѣлѣе, нежели у другихъ. Туалетъ ея состоялъ изъ куска матеріи темнаго цвѣта, стянутаго подъ грудью и широко распущеннаго внизу: это платье на ней было милѣе самой изящной Европейской одежды.

Вскорѣ Кукъ открылъ на сѣверѣ отъ Намуки Гапайскіе острова; онъ прошелъ между Као и Тофуа, и удостовѣрился въ томъ, что на послѣднемъ изъ нихъ было огнедышущее жерло. Когда суда были подъ вѣтромъ, пошелъ дождь, и можно было замѣтить, что дождевая вода имѣла терпкій и острый вкусъ; капля, попадавшая въ глаза, причиняла боль. Безъ сомнѣнія въ ней были асфальтическіе элементы. Въ это второе путешествіе, Кукъ назвалъ группу Тонгайскихъ островов *архипелагомъ Друзей;* но вскорѣ названіе это было замѣнено настоящимъ ихъ именемъ.

Третье путешествіе Кука, въ 1777 г., было несравненно важнѣе другихъ. Едва онъ бросилъ якорь на Намукскомъ рейдѣ, на корабль прибылъ вождь, по имени Тубо; три дня спустя явился изъ Тонга-табу эгуи, несравненно могущественнѣе, Финау, человѣкъ высокаго роста, съ тонкимъ станомъ, физіономіею, довольно похожій на Европейца: онъ называлъ себя царемъ всѣхъ Тонгайскихъ

острововъ, и въ самомъ дѣлѣ, по гордому и смѣлому его виду, по самовластнымъ пріемамъ, а болѣе всего по глубокому уваженію, которое ему оказывали его единоземцы, его можно было считать настоящимъ владѣтелемъ. Подходя къ нему, всѣ падали ницъ и прикладывали руки съ обѣихъ сторонъ къ ступнямъ его ногъ. За малѣйшее отступленіе отъ этого обряда, виновники обрекались жестокимъ толчкамъ и палочнымъ ударамъ. Финау объявилъ себя другомъ Кука; онъ каждый день пріѣзжалъ на корабль обѣдать и этимъ избавилъ Англійскаго капитана отъ другихъ посѣтителей, недостойныхъ сидѣть съ нимъ за однимъ столомъ. Онъ освободилъ корабль вмѣстѣ съ тѣмъ отъ воровъ, а слѣдовательно отъ хлопотъ, преслѣдованій и наказаній. Кукъ не всегда смѣлъ употреблять ружье противъ преступниковъ; онъ прибѣгалъ къ ударамъ плетью или налагалъ тяжелыя контрибуціи живностію и провизіями; наконецъ, видя, что всѣ эти наказанія не могли унять воровства, онъ вздумалъ брить голову преступникамъ, и стыдъ обуздалъ страсть островитянъ къ кражѣ.

Изъ Намука Кукъ хотѣлъ отправиться въ Тонга-табу; но это не нравилось Финау. Онъ такъ убѣдительно просилъ мореплавателя зайти прежде на Гапайскіе острова, что Кукъ согласился. 17 Мая корабли его стали на якорь у острова Лефуга, и были немедленно окружены множествомъ байдаръ, съ которыхъ дикіе предлагали всякаго рода провизію за Европейскіе товары. По приглашенію Финау, Кукъ съѣхалъ на берегъ, гдѣ онъ былъ принятъ съ большими почестями; для него устроены были зрѣлища, балы, и концерты. Среди празднества ему поднесли подарокъ истинно царскій: двѣ огромныя пирамиды были устроены на прибережьѣ: шесть свиней и двѣ черепахи составляли вершину одной; двѣ свиньи и шесть домашнихъ птицъ вершину другой, основанія состояли изъ ямса, картофеля, фруктовъ и овощей; онѣ были сложены самымъ живописнымъ образомъ. На эти учтивости Кукъ отвѣчалъ салютами изъ своихъ орудій и фейерверками. Сцена происходила на берегу моря, подъ деревьями, въ присутствіи четырехъ или пяти тысячъ зрителей. По наступленіи ночи берегъ былъ освѣщенъ факелами. Между тѣмъ среди этихъ торжественныхъ изъявленій дружбы составился ужасный заговоръ, не достигшій впрочемъ своей цѣли, и только въ послѣдствіи открытый Меринеру. Если вѣрить его повѣствованію, то Финау и Гапайскіе вожди намѣревались умертвить Кука и бывшихъ съ нимъ офицеровъ на *бу-меи* (ночной пляскѣ), и потомъ захватить корабли. Всѣ вожди согласились на это злодѣйство; но между ними одни полагали, что ночное время болѣе благопріятствовало исполненію предпріятія; тогда какъ другіе, въ томъ числѣ и Финау, хотѣли дѣйствовать днемъ. Это разногласіе спасло Европейцевъ.

Между тѣмъ приближалось время, когда хитрый Финау долженъ былъ сложить съ себя ложное титло верховнаго властителя. Это чуть-чуть не случилось при появленіи вождя Латулибулу, котораго Кукъ въ прежнее путешествіе счелъ царемъ острововъ. Какъ духовный глава, онъ былъ старше Финау; послѣдній умѣлъ въ этомъ случаѣ уклониться отъ опасности; когда Лату пріѣхалъ на корабль, онъ былъ глупѣе и неповоротливѣе прежняго; Финау представился, будто не замѣчаетъ его, и безтолковый эгуи не обратилъ на это вниманія.

Но вскорѣ явился настоящій Туи-тонга, царь этихъ острововъ. Его звали Пулаго-фата-фаи. Извѣщенный о скоромъ его прибытіи, Финау заблагоразсудилъ избѣгнуть первой встрѣчи; онъ уѣхалъ въ Вавао, а какъ Кукъ изъявилъ желаніе посѣтить этотъ островъ, то онъ отклонилъ его отъ намѣренія, увѣряя, что тамъ нѣтъ якорнаго мѣста; все это были плутни.

Пулаго прибылъ на Гапайскіе острова, когда Кукъ находился еще на рейдѣ Гуа-лева; объ немъ сказали, что онъ верховный владѣтель Тонгая. Кукъ сперва не вѣрилъ, впрочемъ принялъ новое лице съ почестью. То былъ человѣкъ маленькаго роста, весьма дородный, лѣтъ сорока, съ гладкими волосами, съ пріятною физіономіею, выражавшею важность и умъ (Рис. XII. ф. 2). Онъ проворно взошелъ на палубу, внимательно осмотрѣлъ корабль, сдѣлалъ Куку весьма разсудительные вопросы, и настоятельно спрашивалъ, зачѣмъ онъ прибылъ? Послѣ вѣжливаго пріема на палубѣ, Кукъ просилъ царя сойти въ каюту; но этому воспротивились островитяне царской свиты; они объявили, что особа царя была священна, табу, и что никто не могъ *ходить надъ его головою*. Эта трудность была устранена; матросамъ было приказано не ходить по шканцамъ. Впрочемъ самъ Пулаго былъ не такъ

щекотливъ, какъ его дворъ; онъ сошелъ внизъ, отобѣдалъ съ Кукомъ, ѣлъ и пилъ воздержно, и настоятельно требовалъ, чтобы его признали истиннымъ владѣтелемъ Тонги. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было въ этомъ сомнѣваться. На берегу никто при немъ не смѣлъ пикнуть; придворные, входившіе къ нему, клали голову подъ пяту монарха, и никто рѣшительно не исключался изъ этого обряда.

Еще болѣе удостовѣрились въ званіи Пулаго недѣлю спустя, когда Кукъ отправился въ Намука, куда и онъ послѣдовалъ за нимъ въ своей байдарѣ. Тамъ находился въ это время Финау, который еще недавно такъ важничалъ, выдавалъ себя за царя, затѣвалъ заговоры въ Гапаѣ, а теперь не зналъ какъ выпутаться изъ своихъ проказъ. Встрѣча съ Пулаго на Англійскихъ корабляхъ крайне смутила его; прошептавъ своему государю нѣсколько словъ на ухо, онъ, казалось, успокоился. Въ тотъ же день публично было признано его ничтожество: онъ не могъ сѣсть за капитанскій столъ вмѣстѣ съ Пулаго, и предъ отправленіемъ, долженъ былъ исполнить обрядъ моэ-моэ предъ Туи-тонгаемъ. Пулаго былъ въ самомъ дѣлѣ верховымъ владѣтелемъ острововъ, но во времена Кука можно было легко въ этомъ ошибиться, потому что политическое образованіе острововъ было темно и запутано до крайности. Только недавнія изслѣдованія капитана Дюрвиля, собравшаго всѣ прежнія свѣдѣнія, и дополнившаго ихъ собственными наблюденіями, объяснили этотъ вопросъ.

Главою Тонгайскаго общества былъ съ незапамятныхъ временъ туи-тонга, котораго званіе объясняется отъ самаго его имени (*туи* значитъ господинъ). Онъ былъ облеченъ духовною властію, вліяніе которой простиралось по всему архипелагу и далѣе, такъ напримѣръ на острова Ніуга, Гамоа и Вити; хотя свѣтская его власть была нѣсколько ограничена, однако же все дѣлалось отъ его имени, и ни одинъ эгуи, какъ бы онъ ни былъ силенъ, не могъ избѣгнуть обряда моэ-моэ. Великія почести и преимущества были присвоены званію духовнаго главы; онъ не былъ обязанъ татуировать тѣло и подвергаться обрѣзанію; о немъ иначе нельзя было говорить какъ особеннымъ нарѣчіемъ; особенные обряды соблюдались при его женитьбѣ, похоронахъ и въ траурѣ послѣ его смерти. Наконецъ было особенное торжество, называемое *натчi*, тогда со всего архипелага приносили къ стопамъ его первинки всѣхъ произведеній земли, бывшихъ дотолѣ *табу*.

Достоинство это было наслѣдственное. Оно переходило отъ старшаго брата къ младшему и потомъ опять къ дѣтямъ старшаго. Одно только семейство Фата-фай могло давать туи-тонгаевъ, что подтверждается, какъ преданіями, такъ и древними и обширными *фаи-такаями* (гробами) этого семейства. *Туи-тонга* хотя и окруженный всеобщимъ уваженіемъ, былъ самъ обязанъ простираться ницъ предъ старшими сестрами своего отца и дѣда, и даже предъ ихъ дѣтьми и внуками, которые принимали иногда титло *тамага*.

За Туи-тонгаемъ слѣдовали первоклассные его сановники: Туи-гата-калава, Туи-канакаболо и Гата. Первые два были гражданскіе, третій военный. Власть этихъ сановниковъ была впрочемъ весьма не опредѣленна и почти всегда зависѣла отъ личныхъ ихъ достоинствъ.

Еще за долго до переворота, изгнавшаго туи-тонгая изъ Тонга-табу, званіе Туи-гата-калавая впало почти въ забвеніе. Глава семейства Финау, котораго видѣлъ Кукъ, нося титло туа-кана-каболо, соединилъ понемногу въ свои руки всю власть, которую и передалъ своимъ преемникамъ Му-муи и Тугуаго. Такъ продолжалось до общаго возстанія, когда всѣ вожди провозгласили себя независимыми.

Почти наравнѣ съ семействомъ Фата-фай было семейство Тубо, потому что званіе туи-гата-калавая и туи-кана-каболо давались только его членамъ. Въ наше время, если-бы эти званія были возстановлены, робкій Тубо, этотъ усердный Христіанинъ, и его двоюродные братья Гула-кай и Огила, были бы законными кандидатами.

Расчетливая политика заставляла эти два семейства посредствомъ кровныхъ связей соединять свои выгоды. Первая жена туи-тонгая выбиралась обыкновенно изъ семейства Тубо. Впрочемъ честолюбіе и зависть брали иногда верхъ надъ родствомъ, и эти страсти мало по малу подрыли могущество обоихъ семействъ.

Когда Кукъ былъ въ третій разъ на этихъ островахъ, въ 1777 г., царствовавшій тогда туи-тонга, Пулаго, женился на дочери Мари-вагвія, главы дома Тубо. Мари-вагви получилъ по наслѣдству званіе туи-гата-кала-

вая, послѣ своего брата Тубо-лагія, а сынъ Тубо-лагія, честолюбивый Финау, былъ облеченъ властію туи-кана-каболо. Туи-тонга по женѣ былъ двоюродный братъ Финау.

Пребываніе Кука у береговъ Тонга-табу длилось болѣе мѣсяца, и было цѣпью непрерывныхъ празднествъ. Всѣ вожди усердно честили своего гостя. Пулаго, Мари-вагви, младшій его братъ Му-муи, и Финау, каждый въ свою очередь угощали капитана и его офицеровъ. Борьбы, театральныя представленія, битвы, пляски, пѣнія, пиршества, одно блистательнѣе другаго, безпрерывно были устраиваемы для Англичанъ. (Рис. XIII). Мы уже описали эти потѣхи островитянъ; но особенно замѣчательно въ этомъ путешествіи великое торжество *натчи*, котораго никто не видѣлъ послѣ Кука, и которое вѣроятно не возобновится.

Праздникъ этотъ былъ данъ 8 Іюля въ Муа. Кукъ и его товарищи съѣхали поутру на берегъ, и застали Пулаго предсѣдающимъ въ кава, въ оградѣ не весьма опрятной. Въ исходѣ десятаго часа отправились къ великому малаю. За ними по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ на эту площадь, шли толпы людей, вооруженныхъ копьями и булавами; они выстроились на малаѣ и пропѣли хоромъ жалобную и тихую пѣснь. Остальные островитяне проходили между тѣмъ предъ ними одинъ за другимъ, каждый съ корнемъ ямса на дубинѣ, и клали плоды у ногъ пѣвцовъ. Туи-тонга и двѣнадцати-лѣтній его сынъ пришли въ свою очередь и сѣли на траву. Тогда Англичанъ просили сѣсть возлѣ этихъ знатныхъ особъ, но съ тѣмъ чтобы они сняли башмаки и развязали бы волосы изъ уваженія къ вождямъ. Когда все количество ямса было принесено, каждая дубина была положена на плеча двухъ человѣкъ, всѣ эти люди устроились церемоніяльнымъ порядкомъ, и группами въ десять или двѣнадцать человѣкъ прошли по малаю скорымъ шагомъ. Предъ каждымъ отрядомъ шелъ воинъ, вооруженный булавою и сопровождаемый другими воинами. Вся процессія состояла изъ 250 человѣкъ; за нею слѣдовалъ островитянинъ съ живымъ голубемъ на палкѣ, покрытой узорами. Они отправились къ ближнему фай-токаю, гдѣ ямсъ былъ сложенъ въ двѣ груды.

По окончаніи этихъ пріуготовительныхъ обрядовъ, Пулаго сказалъ Куку, чтобы матросы его оставались на шлюпкахъ, потому что тотчасъ весь островъ долженъ былъ подвергнуться торжественному табу; и что каждый, кто бы ни попался, чужой или туземецъ, будетъ, *матъ* т. е. убитъ. Капитанъ настоятельно просилъ, чтобы ему позволили, одному или съ небольшою свитою, присутствовать при этомъ обрядѣ. Туи-тонга не соглашался, уклонялся всѣми средствами, и наконецъ послѣ большихъ усилій со стороны Европейцевъ и долгихъ сопротивленій со стороны островитянъ, Куку удалось остаться въ такомъ мѣстѣ, откуда онъ могъ видѣть въ подробности всю сцену фай-токая.

За оградой находилось уже множество островитянъ. Они шли процессіею, неся шесты, къ которымъ были привѣшены деревянныя изображенія ямса, и представляли видъ людей, обремененныхъ этою ношею. Такъ они прошли мимо Англичанъ, направляясь къ большему дому Пулаго. Здѣсь Англичанъ встрѣтило новое строгое запрещеніе присутствовать. Имъ удалось однако же получить мѣсто за высокимъ деревяннымъ заборомъ, въ которомъ они сдѣлали ножами дыры, чтобы смотрѣть на происходившее.

Площадь малая и ведущія къ ней дороги были покрыты народными толпами, посреди которыхъ пробирались люди съ небольшими палками и съ кокосовыми листьями. На встрѣчу къ нимъ вышелъ старикъ; онъ сѣлъ посреди дороги, съ важностію произнесъ продолжительную рѣчь и отошелъ. Новопришедшіе построили тогда наскоро небольшой сарай посреди малая, присѣли на одну минуту по окончаніи работы, потомъ смѣшались съ толпою. Сынъ Пулаго, предшествуемый четырьмя или пятью островитянами, пошелъ въ свою очередь посидѣть у сарая; двѣнадцать женщинъ высокаго званія подступили къ нему попарно; каждая пара держала въ рукахъ кусокъ бѣлаго полотна фута въ три длиною, развернутаго въ промежуткахъ каждой пары. Это имѣло видъ безконечной движущейся ткани. Женщины присѣли подлѣ молодаго принца, окутали его нѣсколькими кусками полотна, потомъ отошли въ сторону и тоже смѣшались съ толпою.

Тогда вышелъ Пулаго; предъ нимъ шли четыре человѣка; онъ сѣлъ по лѣвой сторонѣ своего сына, что заставило молодаго князя встать съ мѣста и соединиться съ вождями свиты его отца, подъ навѣсомъ ближняго сарая. Это движеніе подало поводъ къ страннымъ маневрамъ: нѣкоторые изъ островитянъ

тянъ пробѣжали чрезъ площадь; потомъ воротились; другіе устремились къ принцу, неся зеленыя вѣтви, и послѣ разныхъ движеній и остановокъ, заняли опять свои мѣста. Въ эту минуту появилась большая процессія, пришедшая изъ фай-токая, не прямою дорогою, но послѣ долгихъ изворотовъ. Она направилась къ правой сторонѣ сарая, гдѣ стоялъ молодой принцъ, люди простерлись ницъ, положили на землю свои деревянные ямсы, съ почтеніемъ отошли въ сторону и усѣлись по краямъ малая. Во время этого церемоніяльнаго хода, три человѣка, сидѣвшіе подлѣ властителя, произносили медленнымъ и ровнымъ голосомъ какое-то заклинаніе или молитву. Наступила опять тишина; потомъ вышелъ ораторъ; ставъ на краю площади, онъ произнесъ продолжительную рѣчь, которую отъ времени до времени прерывалъ, чтобъ подходить къ тому мѣсту, гдѣ были оставлены палочки, принесенныя процессіею, и ломать ихъ. По окончаніи рѣчи, или молитвы, Пулаго и его свита встали, прошли между двухъ рядовъ зрителей и дѣйствующихъ и скрылись. Затѣмъ толпа разошлась; переломанныя палочки остались на малаѣ: этимъ окончился первый день праздника *натчи.*

На другой день рано поутру церемоніи начались опять, и не смотря на сопротивленіе островитянъ, Кукъ снова присутствовалъ. Когда онъ пришелъ, толпа была уже многочисленна, и на землѣ лежали тамъ и сямъ связки кокосовыхъ листьевъ, привязанныя къ палочкамъ. Капитанъ узналъ только, что эти связки были табу. Мало по малу толпа увеличивалась; особо назначенный сановникъ; произносилъ каждой новоприходившей группѣ рѣчь, въ которой часто повторялось слово *арики.*

Когда наступилъ торжественный часъ, Кука хотѣли опять удалить; онъ устоялъ однако же въ намѣреніи съ своимъ обыкновеннымъ упорствомъ: ему позволили остаться, съ тѣмъ, чтобы онъ обнажилъ свои плеча подобно островитянамъ. Кукъ согласился на этотъ обрядъ, и полу-нагой остался смотрѣть церемонію. Когда прибыли на малай принцъ, женщины и царь, начались вчерашніе обряды: ходъ женщинъ съ полотнами, бѣганья и молитвы; въ то время какъ процессія шла въ двухъ или трехъ шагахъ отъ Кука, его заставляли опускать взоры и принимать скромный и стыдливый видъ, какъ будто молодую дѣвушку. Это было безъ сомнѣнія не весьма легко для суроваго лица и гордаго взгляда Англійскаго мореходца.

Ходъ процессіи былъ тотъ же, что и наканунѣ, съ тою разницею, что вмѣсто деревяннаго или настоящаго ямса, островитяне несли на палкахъ по кокосовому листу. Лишь только эти палки были положены на землю, явилась другая группа: каждая пара держала корзинку изъ пальмовыхъ листьевъ; потомъ третья съ рыбками, привѣшенными къ кривымъ палочкамъ. Корзинки были поставлены къ ногамъ старика, который бралъ ихъ въ руки и ставилъ на землю, бормоча какую-то молитву. Рыбокъ отдавали двумъ островитянамъ, державшимъ въ рукахъ зеленыя вѣтви: первая рыбка клалась на правую сторону, вторая на лѣвую. Все это дѣлалось весьма чинно; но когда дошла очередь до третьей рыбки, человѣкъ, сидѣвшій сзади тѣхъ, которые принимали это приношеніе, бросился схватить ее; они начали отнимать, и такимъ образомъ рыбка была разорвана на многія части. Зачинщикъ спора бросалъ позади себя кусочки, которые ему удавалось схватить; другіе два продолжали класть подлѣ себя свои кусочки. Эта забавная сцена продолжалась до тѣхъ поръ пока зачинщику не удалось схватить цѣлую рыбку; тогда собраніе стало рукоплескать, восклицая: *мали! мали!* (хорошо! хорошо!) Послѣ этого эпизода размѣщеніе рыбъ продолжалось безъ помѣхи.

По окончаніи дѣйствія были произнесены молитвы, для приготовленія къ главнѣйшему обряду праздника, къ обряду, состоявшему въ томъ, что царь оказывалъ необыкновенную милость своему сыну, съѣдалъ вмѣстѣ съ нимъ кусокъ поджареннаго ямса, подаваемаго въ одно время тому и другому. Въ эту торжественную минуту Кука заставили оборотиться спиною, чтобы онъ не могъ ничего видѣть. Капитанъ украдкою посматривалъ; но сцена была заслонена отъ него толпою островитянъ; ему не удалось ничего разглядѣть.

Новыя эволюціи и шествія, то въ ту, то въ другую сторону, иногда молчаливыя, иногда сопровождаемыя шумнымъ пѣніемъ, движеніемъ рукъ и ногъ, слѣдовали за этимъ обрядомъ *натчи*, между отцомъ и сыномъ. Праздникъ заключился представленіемъ сраженій, единоборствъ и кулачнымъ боемъ, необходимою принадлежностію всѣхъ народныхъ увеселеній.

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ натчи, не имѣв-

щій ни какого смысла для зрителя Европейца; заключалъ какое нибудь аллегорическое значеніе. Ямсы настоящіе и деревянные, кокосовые листья, шесты, молитвы, бой, шествія, обряды, вкушеніе пищи сына съ отцемъ, все это составляло религіозныя эмблемы народныхъ миѳовъ. Въ этомъ нельзя усомниться, судя по благоговѣйному виду собранія, по важности обрядовъ, по выбору свидѣтелей и дѣйствующихъ лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ сословіямъ, и по строгому этикету, которому подчинили даже Европейцевъ. Англичане для удовлетворенія своего любопытства должны были раздѣться до самаго пояса, распустить волосы по плечамъ, сѣсть поджавъ ноги и принять видъ уничиженія и скромности. Впрочемъ этотъ *натчи*, по словамъ островитянъ, былъ не изъ самыхъ важныхъ. Куку сказали, что чрезъ три мѣсяца Тонга-табу будетъ праздновать другой *натчи*, на которой соберутся жители всего острова, и жители Ганая и Вавао, съ приношеніями всякаго рода, и что эту великую и страшную церемонію ознаменуютъ человѣческими жертвоприношеніями.

10 Іюля 1777 г. Кукъ оставилъ Тонга-табу, подвергаясь нѣкоторымъ опасностямъ среди подводныхъ камней восточнаго берега; онъ положилъ якорь у острова Эоа, гдѣ его принялъ вождь Тагофа, названный Тайона во второмъ путешествіи Кука. Англичане узнали, что Эоа почти весь принадлежалъ великимъ эгуямъ Тонга-табу, и что сюда приходили ихъ суда, чтобъ собирать произведенія острова. Въ кратковременное пребываніе Англичанъ, не случилось ничего достопримѣчательнаго, кромѣ наказанія одного островитянина, который нарушилъ законъ табу, относительно женщины; и былъ схваченъ въ минуту преступленія; приведя его на круглую площадку, ему булавою разбили черепъ и сломали одну ногу. Безъ заступничества Англичанъ, его бы убили до смерти. Сопричастница любовныхъ проказъ получила только нѣсколько палочныхъ ударовъ, потому что она была гораздо знатнѣйшаго рода.

Наконецъ 17 Іюля 1777 г. Кукъ отплылъ изъ архипелага, осмотрѣвъ и описавъ въ немъ все, кромѣ острова Вавао и прилежащихъ скалъ.

Честь эта была предоставлена Испанцу Морелю, командовавшему фрегатомъ *la Princea*. Этотъ мореплаватель терпѣлъ крайній недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, когда 26 Февраля 1781 г. увидѣлъ островъ *Амаргура*; онъ проходилъ въ разстояніи отъ него не болѣе двухъ миль; и зашелъ бы сюда, если бы берега не были такъ неприступны, и видъ острова такъ безлюденъ. Продолжая плаваніе къ югу, Морель открылъ на другой день землю, которая оканчивалась возвышенною площадкою. Самая вершина казалась погорѣлою, но свѣжее и богатое прозябеніе раскидывалось по бокамъ. На разстояніе одной лиги отъ острова къ кораблю вышли байдары, нагруженныя бананами и кокосовыми орѣхами; капитанъ купилъ ихъ для своего экипажа. Одинъ изъ вождей взошелъ на корабль, и пригласилъ Мореля зайти къ этому острову, который онъ называлъ Латай. Морель отказался, не видя якорнаго мѣста, и болѣе еще потому, что на восточной сторонѣ онъ открылъ земли, обширнѣйшія, и безъ сомнѣнія, во всѣхъ отношеніяхъ значительнѣйшія.

Четыре дня спустя, онъ достигъ Вавао, и положилъ якорь въ безопасномъ заливѣ, названномъ имъ *портомъ Убѣжища*.

Здѣсь изобиліе замѣнило голодъ на его корабле; матросамъ было всего въ волю, свиней, куръ, кореньевъ и плодовъ. На корабль пріѣзжалъ эгуи, котораго Испанецъ называетъ Тюбу, безъ сомнѣнія тотъ самый, который названъ Кукомъ Тубо, родной братъ туи-гата-калавая Маризагуя и дядя Финау, человѣкъ преклонныхъ лѣтъ и весьма дородный; его почти подняли на таляхъ на палубу. Съ нимъ была его жена, молоденькая, милая и до того хорошенькая женщина, что Морель уподобляетъ ее самымъ красивымъ Европейкамъ. Взойдя на палубу, благородные посѣтители усѣлись на рундукахъ, а сопровождавшіе ихъ островитяне тотчасъ подошли цѣловать имъ ноги. Послѣ этого обряда начались взаимныя привѣтствія. Тубо поднесъ въ подарокъ капитану байдару, нагруженную пататами, за что Морель отблагодарилъ прекрасными подарками. Гостей повели по фрегату, показали имъ каюты, баттареи, всѣ части и закаулки; они уѣхали весьма довольные, и приглашая Мореля навѣстить ихъ на островѣ. Капитанъ, принявъ приглашеніе, съѣхалъ на берегъ 7 Марта съ вооруженнымъ отрядомъ, и удостоился почести кава, который онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ, не зная впрочемъ, сколь важенъ этотъ обрядъ.

«Тюбо,» говоритъ онъ, «чрезвычайно меня обласкалъ, и цѣловалъ болѣе ста разъ. Свита его усѣлась въ кружокъ, въ томъ самомъ порядкѣ какъ пришла. Принесли два коврика изъ пальмовыхъ листьевъ; на одинъ изъ нихъ сѣлъ царь, а на другой посадили меня, по правую его сторону. Всѣ хранили глубокое молчаніе; только тѣ, которые сидѣли подлѣ Тюбо и которые, судя по ихъ лѣтамъ, казались наиболѣе почитаемы, съ точностію повторяли всѣ его слова; въ скоромъ времени принесли корней, изъ которыхъ сдѣлали въ ушатахъ особеннаго рода напитокъ, весьма горькій на вкусъ, судя по гримасамъ кушавшихъ этотъ нектаръ. Напитокъ былъ поданъ въ чашкахъ, сдѣланныхъ изъ банановыхъ листьевъ. Три или четыре молодые Индійца разносили его; мнѣ и Тюбо подали первымъ; я не могъ даже отвѣдать питья: одинъ видъ его былъ мнѣ противенъ. Островитянинъ, сидѣвшій подлѣ Тюбо, показывалъ, кому подавать: я замѣтилъ, что многимъ вовсе не подавали. Послѣ этого предо мною положили жареные пататы и совершенно зрѣлые бананы; я отвѣдалъ ихъ. Немного спустя, большое количество этихъ плодовъ было доставлено на лодкахъ, для раздачи моимъ солдатамъ.»

Морель навѣстилъ Тюбо въ собственномъ его жилищѣ. Царица прибыла на аудіэнцію, сопровождаемая восемью или десятью молодыми служанками отъ 16 до 18 лѣтъ. Однѣ отгоняли отъ нея мухъ; другія поддерживали царицу, которая была такъ закутана, что насилу могла ходить. Увидѣвъ Испанскаго капитана, она улыбнулась и привѣтно повторила: *леле! леле!* (хорошо! хорошо!)

Тюбо обласкалъ своего гостя и безпрерывно угощалъ его праздниками, которые такъ простодушно описаны Морелемъ, что мы приводимъ здѣсь собственный его разсказъ, тѣмъ болѣе, что этотъ Испанецъ наблюдалъ столь же хорошо, какъ всѣ другіе мореплаватели.

«Царь пригласилъ меня» говоритъ Морель, «на праздникъ, нарочно для моего пріѣзда устроенный. Съѣхавъ на берегъ 12 числа, въ густомъ лѣсу, прилежащемъ къ порту, я увидѣлъ круглое довольно большое пространство, въ которомъ деревья были срублены до самыхъ корней. Вскорѣ Индійцы попарно потянулись къ дому Тюбю, неся на плечахъ длинные шесты, къ которымъ были привѣшены пататы, бананы, кокосы и рыбы. Тюбу приказалъ отнести эти провизіи къ очищенному отъ деревъ пространству, гдѣ ихъ склали въ груду кубической формы, вышиною въ двѣ вары.

«Эгуи и почтенные старцы пришли за Тюбо, который взялъ меня за руку, и повелъ къ кругу, гдѣ насъ ожидали болѣе 2000 Индійцевъ. Мы усѣлись на плетенки изъ пальмовыхъ листьевъ, нарочно для насъ принесенныя; народъ усѣлся также; но различіе кастъ и семействъ было строго соблюдаемо: одни не смѣшивались съ другими.

«Царь предложилъ мнѣ тогда принять всѣ эти плоды, и тотчасъ приказалъ отнести ихъ на шлюбку, которая почти совершенно была нагружена ими. Когда посыльщики возвратились, толпа смолкла и царь началъ говорить; люди, по лѣтамъ и званію, имѣвшіе право сидѣть возлѣ него, повторяли его слова.

«Я не понималъ, къ чему все это клонилось, и потому, на всякій случай, приказалъ солдатамъ, находившимся подъ командою штурмана, быть въ готовности стрѣлять изъ ружей и пистолетовъ при первомъ непріязненномъ дѣйствіи островитянъ.

«Изъ толпы вышелъ молодой человѣкъ крѣпкаго сложенія; онъ держалъ лѣвую руру на груди, а правою билъ себя по локтю. Проходя кругомъ площади, онъ дѣлалъ множество прыжковъ предъ группами островитянъ не его племени; вскорѣ предсталъ передъ нимъ соперникъ изъ числа послѣднихъ; онъ дѣлалъ тоже; потомъ они стали бороться грудь съ грудью, и съ такимъ ожесточеніемъ, что всѣ ихъ жилы и мускулы вздулись. Наконецъ одинъ изъ нихъ упалъ съ такою силою, что я думалъ, что онъ уже не встанетъ. Впрочемъ онъ поднялся, покрытый пылью, и удалился не смѣя оглянуться. Побѣдитель поклонился царю, а одноплеменники его запѣли пѣсню, не знаю, въ честь ли побѣдителя, или въ посмѣяніе побѣжденнаго.

«Единоборства возобновились и продолжались нѣсколько часовъ; одинъ изъ бойцевъ сломалъ себѣ руку; другіе получали ужаснѣйшіе удары. Между тѣмъ представились бойцы другаго рода: руки и кисти ихъ были опутаны толстыми веревками; новый бой былъ несравненно ужаснѣе прежней борьбы; удары наносились въ лобъ, въ брови, вообще въ лице. Получивъ сильный ударъ, боецъ разгарался большею яростію. Многіе падали съ перваго удара. Зрители смотрѣли на это

съ нѣкоторымъ уваженіемъ, и не всѣмъ дозволялось принимать участіе въ боѣ.»

Въ числѣ зрителей были и женщины, въ особенности прислужницы царицы. Онѣ показались мнѣ вовсе не такими, какъ прежде. Тогда я нашелъ ихъ весьма дурными; но въ этотъ день, наряженныя въ лучшіе уборы, съ плащами, красиво застегнутыми большимъ узломъ близъ лѣваго бока, съ огромными бусами на шеѣ, съ волосами искусно причесанными, натертыми масломъ довольно пріятнаго запаха, эти женщины, умытыя такъ чисто, что не было ни пылинки на нагомъ ихъ тѣлѣ, обратили на себя все мое вниманіе; я нашелъ ихъ очень красивыми.

«Царь приказалъ женщинамъ показать искусство свое въ кулачномъ боѣ. Онѣ такъ усердно принялись за это, что вѣроятно остались бы всѣ безъ зубовъ, если бы отъ времени до времени ихъ не разнимали. Это зрѣлище тронуло меня до того, что я просилъ царя повелѣть прекратить бой; онъ уважилъ мою просьбу; состраданіе мое къ дамамъ сдѣлалось предметомъ всеобщихъ похвалъ.

Тюбу приказалъ пѣть старухѣ, у которой на груди была привѣшена мѣдная чаша; она пѣла около получаса съ движеніями и жестами, какъ актриса, декламирующая на сценѣ.

По окончаніи всѣхъ представленій, мы возвратились въ царскій домъ. Царица приняла меня съ обыкновенными изъявленіями своей благосклонности: на вопросъ, отъ чего она не была на праздникѣ, царица отвѣчала, что не любитъ подобныхъ увеселеній.

Мы до того подружились съ Тюбу, что онъ называлъ меня своимъ *гоха*. т. е. сыномъ (вѣроятно *офа*, что значитъ другъ). Простясь съ нимъ и съ царицею, я отправился на корабль. Берегъ былъ покрытъ Индійцами, которые всячески ласкали моихъ моряковъ, за то, что они удостоили присутствовать на ихъ праздникѣ.

«Побѣдители на играхъ донесли меня до шлюбки на рукахъ. Тюбу изъ дома смотрѣвшій на эту толпу и знавшій, что мнѣ было весьма непріятно, когда Индійцы слишкомъ сближались съ моими людьми, приказалъ своимъ офицерамъ разогнать островитянъ, и даже разсердился на нихъ до того, что самъ вышелъ съ толстою палкою въ рукѣ и сталъ бить каждаго, кто ему попадался. Всѣ убѣжали въ лѣсъ; только двое, которымъ крѣпко досталось отъ царской палки, упали безъ чувствъ наземлю; незнаю, оправились ли они потомъ.»

Вотъ повѣствованіе *Мореля*; простое, трогательное, почти пастушеское. Среди этихъ праздниковъ и дружескихъ увѣреній, попытки воровства обнаруживали однако же иногда обыкновенный инстинктъ островитянъ. Испанцы были принуждены стрѣлять въ одного изъ нихъ, который два раза пытался снять цѣпь съ руля. Впрочемъ это не произвело размолвки, и островитяне провожали Мореля съ изъявленіями грусти.

Морель далъ этой группѣ острововъ названіе Донъ-Мартинъ-де-Маіорга; на нашей картѣ она названа Гафулу-гу; главный ея островъ есть Вавао. Испанскій капитанъ, находясь подъ парусами, видѣлъ послѣ Гапайскіе острова, и принялъ на палубѣ вождя, который называлъ себя царемъ сорока восьми острововъ. Плывя далѣе къ югу, онъ видѣлъ островъ Тофуа, названный имъ Санъ-Кристоваль; скалы Гунга-тонга и Гунга-гапай, которыя онъ назвалъ Ласъ-колубрасъ, островъ Пильстартъ, названный имъ Ла-сола, наконецъ, какой то островъВаскезъ, котораго никто послѣ его не видѣлъ. Достигши 30° ю. ш., онъ направился къ сѣверу, намѣреваясь зайти опять въ Вавао; но вѣтры и теченія, отнесли его въ сторону, заставили продолжать прямое плаваніе къ островамъ Маріанскимъ.

Лаперузъ прибылъ къ этимъ островамъ въ исходѣ Декабря 1787, онъ видѣлъ одинъ за другимъ острова Вавао, Амаргура, Латай, Као, Тофуа, и скалы Гунга-тонга и Гунга-гапай. 31 числа, когда онъ шелъ мимо скалъ Тонга-табу, къ нему пристали семь или восемь байдаръ; одинъ изъ находившихся на нихъ островитянъ называлъ себя сыномъ Финау. Кратковременныя сношенія Лаперуза съ этими людьми были весьма дружелюбны; затѣмъ онъ видѣлъ островъ Пильстартъ и продолжалъ плаваніе въ Ботани-бей. По мнѣнію капитановъ Дюрвиля и Диллона, основанному на свѣдѣніяхъ, собранныхъ при самыхъ источникахъ, Лаперузъ оставивъ эту колонію, опять посѣтилъ Тонгайскій архипелагъ, предъ крушеніемъ своимъ у скалъ Ваникоро. Мнѣнія двухъ капитановъ различествуютъ въ одномъ только: Дюрвиль, основываясь на разсказѣ самой Тамаги, слышанномъ при свиданіи съ нею въ Тонга-табу, говоритъ, что Лаперузъ провелъ десять дней въ Намукѣ, и что островитяне сохранили воспоминаніе о немъ подъ названіемъ *Луаджи*, такъ же какъ они

сохранили воспоминаніе объ д'Антркасто, подъ наименованіемъ *Селенари*. По мнѣнію Англійскаго капитана, Лаперузъ не бросалъ здѣсь вовсе якоря, а только крейсировалъ предъ островомъ одни сутки.

Въ Апрѣлѣ 1789 года капитанъ Блей явился въ Тонгайскомъ архипелагѣ. Онъ провелъ три дня въ Намукѣ, гдѣ нашелъ двухъ вождей, по имени Тубо и третьяго Тайпа. По ихъ сказанію, Пулаго, Финау и Тубо были еще живы. Два дня послѣ отплытія отсюда, на корабль Боунти сдѣлалось возмущеніе, въ слѣдствіе чего Блей съ нѣсколькими матросами, которые оставались ему вѣрны, былъ покинутъ на произволъ моря въ шлюбкѣ. Объ этомъ несчастіи мы уже говорили. Блей прибылъ въ Тофуа, гдѣ жители сперва обошлись съ нимъ дружелюбно, но послѣ силою хотѣли задержать его; завязалась драка на приморьѣ, и одинъ изъ матросовъ, отставшій отъ своихъ, былъ изрубленъ дикими. Шлюбкѣ удалось отчалить, но за нею погнались байдары, и если бы Англичане не бросили въ море кое-какихъ пожитковъ, то не спаслись бы отъ свирѣпыхъ своихъ гонителей.

Послѣ Блея капитанъ Эдвардсъ два раза заходилъ въ Намуку въ 1791 г., и удостовѣрился въ сильной страсти островитянъ къ воровству, которое неоднократно подавало поводъ къ дракамъ. Одинъ изъ воровъ былъ убитъ. Впрочемъ вожди оказали весьма дружеское расположеніе къ Европейцамъ; царь, котораго Эдвардсъ называетъ *Фетафи* (безъ сомнѣнія Фата-фаи), согласился сѣсть на корабль вмѣстѣ съ однимъ изъ Тубо, чтобы отправиться въ Тофуа. Былъ ли этотъ Фата-фаи самъ Пулаго, или его братъ, неизвѣстно; но должно думать, что около этого времени Пулаго умеръ, потому что д'Антркасто уже не засталъ его. По сказанію капитана Дюрвиля и его переводчика Синглетона, Пулаго умеръ и былъ похороненъ въ Вавао. Положительно извѣстно только то, что Финау уже не существовалъ во время пребыванія здѣсь Эдвардса.

Д' Антркасто зашелъ въ Тонга-табу 23 Марта 1793 года. Тогда верховная власть находилась въ рукахъ Тубо или Му-муя, младшаго брата Тубо-лаги и Мари-вагви, который наслѣдовалъ званіе туи-гата-калава. Двадцати-пяти-лѣтній Фата-фай, сынъ Пулаго, котораго собственное имя было Фуанунуи-гава, еще не носилъ титла туи-тонга. Его тетка Тина имѣла большое вліяніе; ей воздавались почести, присвоеныя только сану тамаги, или туи-тонги-фафины. Въ повѣствованіи д'Антркасто играетъ также значительную роль какой-то Финау, но не дознано, кто онъ: Финау-лука-лало, который умеръ во время первыхъ миссіонеровъ, или Финаутугу-аго, двоюродный братъ Финау, временъ Кука. Впрочемъ имя Финау часто встрѣчается въ семействѣ Тубо.

Первыя сношенія Французскихъ мореплавателей съ островитянами были ознаменованы кровопролитіями. Поводомъ къ нимъ было природное стремленіе дикихъ къ воровству. Въ одной изъ этихъ дракъ Французскій матросъ былъ тяжело раненъ; Финау отдалъ виновника въ руки капитана, прося убить его; но д'Антркасто довольствовался наказать его плетьми.

Для Французскаго капитана были также даны праздники, не столь впрочемъ великолѣпные и важные, какъ тѣ, которыми честили прежде Кука. 30 Марта д'Антркасто былъ на одномъ изъ нихъ по приглашенію Тубо; все здѣсь было мелочно, грязно и безвкусно. Щедрый капитанъ сдѣлалъ подарки, которые были приняты довольно холодно. На его вопросы отвѣчали принужденно; всѣ уклонялись и казались смущенными. Туи-тонга, эгуи, народъ, всѣ имѣли видъ недовѣрчивости, всѣ искали предлоговъ къ удаленію отъ Европейцевъ. Замѣтивъ это, д'Антркасто покинулъ праздникъ, не дождавшись окончанія, и возвратился на корабль.

Если вѣрить тому, что послѣ сказывали капитану Дюрвилю, поспѣшный отъѣздъ спасъ д'Антркасто и его товарищей. Втайнѣ былъ составленъ заговоръ; праздникъ служилъ только прикрытіемъ измѣны; къ счастію, Европейцы удалились въ то время, когда заговорщики не совсѣмъ еще были готовы къ совершенію злодѣянія. Синглетонъ часто слышалъ разсказы объ этомъ случаѣ отъ стараго своего покровителя Веа, который не одобрялъ заговора, но не имѣлъ силъ отвратить его.

Какъ бы то ни было, д'Антркасто понялъ наконецъ, что ласки не всегда были лучшимъ средствомъ, чтобы внушить дикарямъ уваженіе къ Европейцамъ. Кражи продолжались, дикари не слушали жалобъ, и д'Антркасто приказалъ наконецъ стрѣлять картечью по самымъ дерзкимъ; троихъ убили. Этотъ урокъ не помѣшалъ однако жъ другимъ возвратиться въ слѣдующій день на своихъ байдарахъ

для обыкновенныхъ мѣнъ съ моряками. Надо впрочемъ замѣтить, что воры принадлежали къ низшему разряду народа; вожди не только не жалѣли объ нихъ, и не думали мстить, но были, кажется, готовы сами убить ихъ. Они, можетъ быть, любили воровство въ большомъ видѣ; мелочное же казалось имъ преступленіемъ, достойнымъ наказанія.

Тамага-тина переѣхала на островъ Пангай-моду, и поселилась въ виду кораблей, чтобы нѣсколько дней угощать Европейцевъ. 3 Апрѣля она дала Французскимъ офицерамъ праздникъ, который состоялъ преимущественно изъ дневныхъ плясокъ. «Музыка,» говоритъ д'Антркасто,» была то медленна, то быстра; она придавала пляскѣ особенную живость и производила прекрасный эффектъ. Въ этихъ балетахъ есть какое-то общее согласіе, столь же строгое, какъ въ нашихъ лучшихъ спектакляхъ; я не сомнѣваюсь, что они весьма понравились бы даже на сценѣ Парижской Оперы.»

Д'Антркасто нѣсколько разъ имѣлъ случай замѣтить, что глубокое уваженіе жителей къ нѣкоторымъ членамъ священнаго семейства вовсе не было признакомъ высокой власти послѣднихъ. Онъ приводитъ въ примѣръ любопытное происшествіе, случившееся, на самомъ кораблѣ. Фата-фай вмѣстѣ съ своимъ тестемъ находился въ каютѣ капитана, отъ котораго получилъ какіе то подарки, въ то самое время, когда вошелъ братъ вождя Тубо; Фата-фай поспѣшилъ спрятать полученныя имъ вещи, какъ будто боясь, чтобы у него не отняли ихъ. Но предосторожность ни къ чему не послужила. Новый посѣтитель увидѣвъ подарки, подошелъ къ царю, вырвалъ ихъ у него изъ за пояса. Фата-фай не противорѣча уступилъ; но когда они вмѣстѣ вышли, Фата-фай остановился у порога, протянулъ назадъ ногу, и братъ Тубо униженно совершилъ обрядъ моэ-моэ. Такимъ образомъ преемникъ туи-тонгаевъ имѣлъ право давать цѣловать свою ногу каждый часъ и каждую минуту, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ защитить свою собственность отъ родственника, который его грабилъ. Странное и необъяснимое противурѣчіе!

Пробывъ здѣсь двѣ недѣли, д'Антркасто оставилъ Тонга-табу 9 Апрѣля. Островитяне сохранили воспоминаніе его пребыванія подъ названіемъ *Селенари*; кажется, это есть испорченное слово *général* (генералъ), ибо такъ большею частію называли этого капитана.

Послѣ него на Намукскій рейдъ заходилъ Американскій корабль, съ котораго бѣжали шесть матросовъ, первые Европейцы поселившіеся на этихъ островахъ. Четверо изъ нихъ не долго тамъ оставались: но другіе два, Конелли и Емблеръ, переѣхали въ Тонга-табу, гдѣ навсегда поселились. Оба они были негодяи, отъ которыхъ островитяне не могли научиться ничему доброму.

Въ Апрѣлѣ 1797 г. прибылъ капитанъ Вильсонъ, командиръ корабля *Duff*, отправленнаго съ миссіонерами. Званіе туи-тонга принадлежало тогда Фуа-нупун-гава, котораго Вильсонъ называетъ общимъ именемъ Фата-фая. Старый Тубо-му-муй еще держалъ въ своихъ рукахъ свѣтскую власть; удрученный лѣтами, онъ ввѣрилъ правленіе сыну своему Финау-тугу-аго, храброму, но жестокому и буйному человѣку, успѣвшему уже изгнать изъ Тонга-табу вдову Пулаго и ея приверженцевъ.

Лишь только корабль сталъ на якорь, капитанъ Вильсонъ съѣхалъ на берегъ, чтобы узнать расположеніе вождей; на первыя его предложенія они отвѣчали, что будутъ рады, если между ними поселятся нѣкоторые Европейцы. Въ слѣдствіе этого увѣренія, десять миссіонеровъ вышли на островъ Гифо и поселились тамъ подъ особеннымъ покровительствомъ Тугу-аго. Они выбрали его менѣе по довѣренности, которую онъ внушалъ, нежели по страху, который къ нему всѣ питали. По описанію Вильсона, онъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока, мрачный, задумчивый; говорилъ мало, но когда сердился, ревѣлъ какъ левъ; Фата-фай, напротивъ того, былъ мужчина здоровый и хорошо сложенный, одних съ нимъ лѣтъ, но отличавшійся пріятностію обхожденія и кротостію нрава; поступь его была благородная и величественная; все въ немъ показывало понятливость, умъ и желаніе образовать себя.

Среди этихъ переговоровъ касательно поселенія Европейцевъ на островѣ, собралась неожиданная гроза. Однажды, безъ всякихъ предварительныхъ угрозъ, корабль Даффъ былъ вдругъ окруженъ сотнями байдаръ, на коихъ находилось до 3,000 вооруженныхъ островитянъ. Эмблеръ, одинъ изъ Американцевъ, поселенныхъ на островѣ, предувѣдомилъ Вильсона что противъ него составленъ заговоръ, зачинщикомъ котораго былъ какой

то Финау, и что флотилія островитянъ, по видимому, мирная, готовилась захватить его судно. Тотчасъ были сдѣланы приготовленія къ защитѣ. Когда байдары подошли къ кораблю, на палубу пускали только начальниковъ, чтобъ взять ихъ заложниками; за другими присматривали. Зачинщикъ Финау замѣтилъ, что Европейцы приняли всѣ мѣры осторожности, и долженъ былъ отказаться отъ своихъ намѣреній; онъ тотчасъ сталъ увѣрять всѣхъ въ своемъ дружескомъ расположеніи.

Нѣсколько дней спустя, въ бурную ночь, часу въ двѣнадцатомъ, замѣтили съ корабля байдару, которая осторожно подбиралась подъ бушпритъ. Нетрудно было догадаться, что дикіе хотѣли отрубить канатъ, чтобы корабль, гонимый господствовавшимъ тогда вѣтромъ, сѣлъ на коралловыя мели у береговъ. Часовой выстрѣлилъ изъ ружья по шлюбкѣ, и сидѣвшіе въ ней спаслись вплавь.

15 Апрѣля Даффъ вступилъ подъ паруса, оставивъ миссіонеровъ на произволъ островитянъ. Положеніе проповѣдниковъ было сперва довольно пріятно; имъ оказывали уваженіе, ихъ снабжали всѣмъ необходимымъ, они могли, кажется, надѣяться, что предпріятіе будетъ успѣшно.

Между тѣмъ старикъ Му-муи опасно занемогъ. Для исцѣленія должно было, по древнему обычаю, принести въ жертву одного изъ членовъ его семейства. Тугу-аго избралъ для этого своего младшаго брата Коли-лало. Его заманили въ засаду въ Ніукалафѣ; юноша отчаянно защищался; вырвался изъ рукъ убійцъ, но наконецъ былъ задушенъ тремя Витійцами, ободряемыми родною его сестрою. Братоубійца Тугу-аго похоронилъ жертву со всѣми почестями и часто самъ приходилъ плакать надъ его гробомъ; оперши съ локтями о колѣни, закрывъ лице руками, онъ въ продолженіе цѣлыхъ часовъ оставался въ этомъ положеніи, потомъ удалялся печальный.

Это убійство не спасло однако жизни Мумуя. Его готовились хоронить съ обыкновеннымъ церемоніяломъ; многіе раздирали себѣ тѣло и размозжали черепъ. Говорили даже, что двѣ изъ женъ покойника хотѣли принести себя въ жертву на фай-токаѣ. Площадка, гдѣ лежало тѣло, каждый день покрывалась приношеніями разнаго рода. Наконецъ 2 Мая наступили похороны: въ нихъ предсѣдали Тун-тонга, Фа-фина и Фата-фай. Съ разсвѣтомъ четыре тысячи народа собралось кругомъ фай-тока. При дикомъ звукѣ трубъ и восклицаніяхъ толпы, сто человѣкъ, вооруженные копьями и булавами, вышли на фай-тока. Они стали жестоко драться, рѣзались, кололись, разбивали другъ другу черепы; удары, наносимые булавами, раздавались въ воздухѣ на разстояніе пятнадцати и двадцати саженъ; поляна обратилась въ кровавое болото! Одни въ изступленіи бросались сами на копья и вонзали ихъ себѣ въ тѣло, другіе пробивали себѣ насквозь лядвеи и руки; все это сопровождалось самыми трогательными словами, самыми нѣжными прощаніями, обращенными къ покойнику. Одинъ изъ жителей Вити, слуга покойника, намазалъ себѣ темя и волосы масломъ и зажегъ ихъ. Онъ важно ходилъ по площади съ пылающею головою. Послѣ этой первой партіи страдальцевъ, появилась вторая, потомъ третья, и каждая изъ нихъ силилась превзойти своими неистовствами предшествовавшую; каждый старался выдумать себѣ истязаніе, до высшей степени ужасное.

Заунывныя и нѣжныя пѣсни замѣнили эти жестокія дѣйствія; около ста сорока женщинъ вышли, одна за другую, въ одну линію, каждая съ корзиною, наполненною пескомъ; за ними шли восемьдесять мужчинъ, держа по корзинѣ въ каждой рукѣ; они пѣли: «*вотъ благословеніе усопшихъ!*» Женщины повторяли ихъ слова. Потомъ явилась другая толпа женщинъ съ множествомъ кусковъ ткани, повторяя тотъ же печальный припѣвъ. Эти группы вмѣстѣ пошли къ гробу, покрывая на пути прекрасными цыновками и драгоцѣнными полотнами все пространство поляны между хижиною, тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежало тѣло, и могилою. Вскорѣ при звукѣ трубъ, сдѣланныхъ изъ раковинъ, и при жалобныхъ напѣвахъ толпы, тѣло было вынесено въ фай-тока, на огромной связкѣ изъ черныхъ полотенъ. Снова начались приношенія: гробъ покрыли полотнами, великолѣпными цыновками и разными драгоцѣнными предметами. Каждый островитянинъ, каждый вождь несъ подарокъ, соразмѣрный своему званію и состоянію. Туго-аго прислалъ тридцать пять тюковъ полотна, на тридцати пяти носилкахъ. Между тѣмъ истязанія продолжались: одни давали себѣ рубить по составу отъ пальцевъ, другіе изувѣчивали и царапали себѣ лице ко-

косовыми скорлупами, привязанными къ пальцамъ. Родственники и слуги покойника наиболѣе отличались неистовою ревностію въ изъявленіи грусти.

Тѣло было положено въ гробъ, т. е. въ углубленіе въ верхней части фай-тока, покрытое каменною плитою въ восемь футъ длины, въ четыре ширины и въ одинъ футъ толщиною. Чтобы поднять этотъ камень, дѣйствовали двумя толстыми веревками, устроили точку опоры и употребили силу ста пятидесяти человѣкъ. Когда тѣло было опущено въ яму, могилу закрыли медленно, а женщины и дѣти горько плакали, восклицая: «*мой отецъ! мой отецъ! о лучшій изъ вождей!*» Въ то время какъ камень спускался надъ могилою, въ отверстіе бросали еще полотна и циновки; иные въ порывѣ бѣшенства спѣшили терзать себя, какъ будто боясь потерять послѣднюю минуту. Наконецъ неистовство утишилось. Когда веревки были сняты, съ вершины могильнаго бугра раздался продолжительный крикъ, на который отвѣчали всѣ присутствовавшіе, разрывая гирланды изъ листьевъ драцены, висѣвшія у каждаго на шеѣ. Такъ прошелъ первый день траура. Трауръ продолжался еще около мѣсяца, но уже съ меньшимъ неистовствомъ, и 28 Мая кровавыя похороны заключились огромнымъ бу-меи.

Таковъ былъ народъ, среди котораго жили миссіонеры, принужденные быть свидѣтелями этихъ языческихъ обрядовъ, почти не предвидя возможности уничтожить ихъ; къ тому же положеніе ихъ вовсе не улучшалось. Американскіе дезертиры Конелли и Емблеръ, къ которымъ присоединился товарищъ ихъ Морганъ, дѣлали имъ множество непріятностей. Хотя Тугу-аго не вѣрилъ этимъ злымъ людямъ и продолжалъ оказывать покровительство миссіонерамъ, но они заблагоразсудили не оставаться долѣе подъ защитою одного только вождя и разсѣялись по всему острову. Только двое остались при немъ; другіе избрали себѣ покровителями четырехъ эгуевъ, самыхъ сильныхъ послѣ Тугу-аго. 14 Мая Тугу-аго принялъ торжественно званіе туи-кана-каболо, и перемѣнилъ свое имя Финау-тугу въ Талай-табу, названіе божества его семейства. Подъ опасеніемъ смертной казни надо было называть его этимъ именемъ: Тугу не любилъ шутить съ тѣми, кто провинился. Гости его, миссіонеры, не однократно имѣли случай видѣть примѣры его неумолимой строгости. Кто имѣлъ несчастіе не понравиться ему, тому, безъ причины, безъ суда, онъ приказывалъ отрубить руку. Однажды разгнѣвавшись на какого то бѣдняка, онъ повелѣлъ схватить его, связать руки надъ головою, и въ этомъ положеніи жечь ему подмышки раскаленными головнями. Миссіонеры насилу выпросили страдальцу помилованіе.

Около этого времени Тонга-табу претерпѣлъ сильные удары землетрясенія, которые нѣсколько разъ возобновлялись и привели въ ужасъ все народонаселеніе. Жители приписывали бѣдствіе гнѣву готуаевъ и употребляли противу нихъ заклинанія, пѣсни и приношенія. Удары были часты; ихъ почти можно было предчувствовать; нѣкоторые были такъ сильны, что разрушали строенія и выворачивали деревья съ корнями.

Корабль Даффъ заходилъ еще разъ въ Тонга-табу и отплылъ въ Европу 7 Сентября 1797 г., препоручивъ миссіонеровъ покровительству Бога. Послѣ этой эпохи, тридцать лѣтъ сряду ни одинъ извѣстный мореплаватель не посѣщалъ эти мѣста, ни одна Христіанская миссія не была сюда посылана; развѣ случайно приставали къ берегамъ какіе нибудь искатели приключеній, и тѣ почти всѣ погибали. Исторія этого періода осталась бы совершенно не извѣстною, если бы Англичанинъ Мериеръ, претерпѣвшій кораблекрушеніе *въ Принцевомъ портѣ*, не собралъ отъ жителей нѣкоторыхъ свѣдѣній и не передалъ ихъ намъ.

Верховнымъ владѣтелемъ и тираномъ страны былъ тогда Туго-аго, или Талай-табу. Онъ царствовалъ какъ палачь: рубилъ, изувѣчивалъ свой народъ, какъ Турецкій паша. Для препровожденія времени, въ одномъ собраніи кава онъ велѣлъ отрубить лѣвыя руки двѣнадцати изъ своихъ слугъ. Когда ему не нравилось чье либо лице, онъ приказывалъ отрѣзать носъ или ухо, или выколоть глазъ: таковы были его царскія забавы.

Жестокость его, доходившая до безумства, вывела наконецъ изъ терпѣнія другихъ вождей, и въ томъ числѣ могущественнаго эгуя, по имени Тубо-ніуга. Вмѣстѣ съ братомъ своимъ Финау, владѣтелемъ всѣхъ Гапайскихъ островковъ, платившихъ дань Тугоаго, они рѣшились освободить архипелагъ отъ неистоваго изверга. Для исполненія этого предпріятія, они въ одинъ вечеръ, кажется, въ Маѣ 1799 г., соединились съ

своими товарищами въ Гифо, гдѣ Туго-аго имѣлъ пребываніе, подъ предлогомъ поклоненія и принесенія ему даровъ. Поздній часъ вечера не позволялъ имъ явиться къ нему, и потому ихъ пригласили переночевать. Когда всѣ заснули, заговорщики встали: Финау долженъ былъ съ своими людьми стеречь выходы изъ царскаго дома, а Тубо-ніуга взялъ на себя проникнуть внутрь дома и умертвить тирана собственною рукою. Смѣлый заговорщикъ настигъ свою жертву, и чтобы Туго-аго зналъ, чья рука несетъ ему смерть, онъ разбудилъ его, говоря: «гляди, это я, Тубо-ніуга;» потомъ ударомъ булавы умертвилъ его на мѣстѣ. За этимъ убійствомъ послѣдовало ужасное кровопролитіе; все семейство *гу* погибло, за исключеніемъ трехлѣтняго мальчика, котораго Тубо-ніуга усыновилъ и спасъ отъ смерти.

Эта горсть людей счастливо совершила свое предпріятіе, но не имѣла довольно силы, чтобъ тутъ же противустать мстительному нападенію друзей и родственниковъ жертвы. Тубо-ніуга и Финау удалились въ округъ Гагви, для наблюденія за движеніями противниковъ. При извѣстіи о случившемся, весь островъ Тонга-табу встрепенулся. Призывный голосъ военной трубы раздался съ конца на конецъ; открылось поголовное вооруженіе противу убійцъ. Они съ своей стороны соединили всѣ свои силы морскія и сухопутныя, разбили непріятельскій флотъ, вышли на берегъ въ Гифо и завязали дѣло съ находившимся тамъ войскомъ. Послѣ упорнаго сраженія, Финау и его братъ принуждены были уступить; они возвратились въ Гагви, гдѣ случай доставилъ имъ могущественнаго союзника. То былъ Тупгала-фатай, побѣдитель острововъ Вити, знаменитѣйшій воинъ Тонгайскихъ острововъ. Собравъ подобныхъ себѣ бродягъ, онъ два года воевалъ съ храбрыми и жестокими племенами Вити, опустошилъ ихъ земли и жилища, истребилъ обитателей, и упоенный успѣхами и грабежемъ, возвратился въ Тонга-табу въ то самое время, когда Финау былъ принужденъ уступить превосходству противныхъ силъ. Какова была радость побѣжденныхъ, когда имъ пришли предложить свой союзъ люди, дышавшіе только войною и радовавшіеся случаю воевать на родной землѣ. Неугомонный предводитель бродягъ страдалъ смертельною болѣзнію; ему оставался еще день жизни; онъ рѣшился воспользоваться имъ по сердцу.

Непріятельскія дѣйствія начались на другой же день, 29 Мая. Туп-гала-фатай, Финау и Тубо-ніуга двинулись къ округу Гифо; противники ихъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали боя, что встрѣтили ихъ на половинѣ пути. Сойдясь, оба войска остановились для отдыха, будто по общему согласію; но Туп-гала-фатай, потерявъ терпѣніе, бросился съ своими воинами на непріятельскій отрядъ. Битва сдѣлалась общею; обѣ стороны дрались съ неистовымъ мужествомъ; кровопролитіе было ужасно. Три военачальника, Туп-гала-фатай, Тубо-ніуга и Финау, оказали чудеса храбрости. Первый, чувствуя, что болѣзнь должна скоро прекратить его жизнь, искалъ смерти геройской; онъ приготовилъ себѣ ложе изъ груды непріятельскихъ тѣлъ и палъ подъ двадцатью ударами. Тубо-Ніуга, одаренный большею силою, стоялъ еще окруженный трупами сорока непріятелей, сраженныхъ его булавою; Финау, соединяя благоразуміе съ храбростію, былъ осторожнѣе ихъ, и не бросался слѣпо въ опасности. Одушевленные тремя вождями, воины дрались какъ львы; непріятель былъ разбитъ. Но побѣда стоила дорого Финау и не обезпечивала его отъ новыхъ нападеній со стороны приверженцевъ умерщвленнаго *гу*. Онъ удалился въ свои владѣнія, въ Гапай, дважды побѣдилъ въ Намукѣ своихъ противниковъ, и тѣмъ утвердилъ свою власть надъ всѣмъ архипелагомъ. Не обошлось безъ преслѣдованій и казней; ужасная месть постигла многихъ эгуевъ и мата-булеевъ. Однихъ кучами бросали въ байдары, которыя были потомъ пробиваемы или пускались въ открытое море; другихъ привязывали къ шестамъ, воткнутымъ въ землю, и морили голодомъ. Островитяне увѣряютъ, что и донынѣ въ шумѣ волнъ слышны стоны этихъ жертвъ.

По утвержденіи своей власти, Финау и Тубо-ніуга замыслили покорить Вавао. Владѣтельный князь этихъ острововъ, находившійся въ зависимости отъ Туго-аго, сопротивляясь воителямъ, хотѣлъ истомить ихъ ежедневными стычками; но эта партизанская война длилась не болѣе двухъ недѣль, и Финау остался наконецъ владѣтелемъ большаго острова. Онъ ввѣрилъ правленіе его брату своему Тубо-ніуга, а самъ возвратил-

ся въ Гапай, для приготовленія похода на Тонга-табу.

Въ Тонга-табу царствовало тогда самое плачевное безначаліе. Отъ Туго-аго не осталось прямаго наслѣдника, и потому множество искателей имѣли притязаніе на верховную власть. Островъ былъ раздѣленъ на двадцать партій, между коими дробилась правительственная сила. Вмѣсто одного царя, ихъ было двадцать, и каждый сидѣлъ запершись въ своей крѣпости; они нападали одинъ на другаго, грозили другъ другу, дрались, но вопросъ, кто будетъ первенствовать оставался не рѣшеннымъ. Миссіонеры находились въ самомъ критическомъ положеніи между этими мелкими и не постоянными царьками, изъ которыхъ многіе угнетали ихъ и весьма немногіе оказывали имъ слабое покровительство. Три миссіонера были умерщвлены въ 1799 г. по разбитіи покровителя ихъ вождя Веа-тчи. Пятеро найдены и спасены кораблемъ, который, къ ихъ счастію, зашелъ въ Тонга-табу въ Январѣ 1800. Наконецъ послѣдній, пасторъ Визонъ, жившій съ нѣкотораго времени въ Вавао, имѣлъ счастіе спастись на кораблѣ, находившемся въ виду береговъ, въ то время, когда уже было дано повелѣніе умертвить его.

По удаленіи миссіонеровъ безначаліе въ Тонга-табу еще усилилось. Туи-тонга, для сохраненія своей жизни, долженъ былъ удалиться въ Вавао, куда съѣзжались отъ времени до времени, для поклоненія, островитяне со всѣхъ другихъ острововъ. Финау торжествовалъ; пребываніе при немъ духовнаго главы Тонга освящало его права; онъ громогласно хвалился этимъ, и называлъ своихъ соперниковъ бунтовщиками и нечестивцами.

Островъ, раздираемый междоусобіями, былъ неприступенъ для Европейцевъ. Не долго спустя по убіеніи миссіонеровъ, экипажъ корабля *Аргосъ*, претерпѣвшаго крушеніе у группы острововъ Вити, искалъ спасенія на Тонгайскихъ островахъ и весь погибъ въ битвахъ съ дикими, за исключеніемъ одного только человѣка, который успѣлъ спастись на шедшій мимо корабль. Вскорѣ на этихъ берегахъ совершилось новаго рода злодѣйство: до того времени дикіе имѣли дѣло только съ военными судами, и потому ихъ коварные умыслы не могли имѣть успѣха; но съ купеческими кораблями имъ гораздо легче было управиться. Первою ихъ добычею былъ корабль *Duke-of-Portland*, капитанъ Милонъ. Измѣною одного Малайца и Американскаго дезертира, по имени Дойля, вся команда была умерщвлена, за исключеніемъ хилаго старика, четырехъ юнговъ и мулатки, по имени Элизы Мозей. Дикари пощадили ихъ на время, ради возраста, желая употребить этихъ людей для сгруженія и разрушенія судна, съ тѣмъ, чтобы потомъ умертвить ихъ также, дабы не оставалось ни какихъ слѣдовъ злодѣянія. Дойль управлялъ всѣмъ и былъ душею этого злодѣйства. Уже нѣсколько дней сряду корабль разгружали, когда въ одно утро старикъ съ юнгами напали въ расплохъ на измѣнника, убили его, согнали съ корабля дикарей, и перерубивъ канаты, вышли въ море, оставляя на островѣ Элизу Мозей. О судьбѣ ихъ ничего неизвѣстно; нѣтъ почти сомнѣнія, что они погибли гдѣ нибудь у другихъ береговъ.

Ню-Іоркскій корабль *Союзъ*, капитанъ Исаакъ Пендлетонъ, испыталъ въ свою очередь ужасное бѣдствіе. 1 Октября 1804 года онъ зашелъ въ Тонга-табу; капитанъ, суперкаргъ и нѣсколько матросовъ съѣхали на шлюбкѣ на берегъ. День прошелъ, прошла и ночь, они не возвращались. На другой день старшій по капитанѣ офицеръ, Рейтъ, сильно безпокоился о судьбѣ своихъ товарищей, тѣмъ болѣе, что въ этотъ день, какъ и наканунѣ, ни одна байдара съ берегу не подходила къ кораблю. Тонгайцы только знаками требовали, чтобы другая шлюбка была отправлена, стараясь дать понять, что капитанъ купилъ свиней и припасы, для перевоза которыхъ одной шлюбки было не достаточно. Рейту это показалось странно, тѣмъ болѣе, что военныя байдары стали мало по малу окружать судно, и что дикари, вооруженные булавами, видимо готовились къ абордажу. Чтобъ унять ихъ нѣсколько, выставили орудія, готовыя къ дѣлу; дикіе удалились и оставались въ нѣкоторомъ разстояніи. Между тѣмъ большая байдара, отчаливъ отъ берега, поспѣшно гребла къ кораблю, пробираясь между флотиліей байдаръ; на бакѣ стояла женщина; съ корабля легко узнали, что она не принадлежала къ племени дикихъ. Американцы были удивлены этимъ явленіемъ, особенно, когда женщина, съ живостію переговоривъ нѣсколько словъ съ эгуемъ байдары, вдругъ бросилась

въ море, чтобы въ плавь спастись на корабль. Съ моря она кричала офицеру «остерегитесь! дикіе убили на берегу капитана и его людей.» Тотчасъ стали стрѣлять по байдарѣ, чтобы спасти женщину, которую приняли на корабль; островитяне, видя, что они теряютъ свою добычу, внезапно со всѣхъ сторонъ устремились на корабль. Ядра картечь, ружейный огонь, ничто не могло остановить ихъ. Море было покрыто труппами и обломками байдаръ; стоны раненыхъ и умирающихъ оглашали воздухъ, но дикари все съ большимъ остервененіемъ цѣплялись къ кораблю, рѣшась, по видимому, овладѣть имъ, или погибнуть. Они бы достигли своей цѣли, если бы Рейгъ не отрубилъ канатовъ. Когда, развернувъ паруса, корабль получилъ ходъ и растоптавъ килемъ байдары, вырвался изъ рукъ дикарей, тогда раздались ихъ свирѣпыя восклицанія, какъ ревъ тигра, выпустившаго свою добычу.

Легко угадать, что женщина, которую взяли на корабль, была Элиза Мозей, спасшаяся отъ бѣдствія корабля *Duke-af-Portland*. Она разсказала, какимъ образомъ дикіе успѣли притворною дружбою заманить капитана и его товарищей во внутренность острова, и тамъ умертвили ихъ. Они хотѣли заманить еще другую шлюбку, чтобъ тоже сдѣлать съ ея экипажемъ. Но Элиза рѣшилась спасти несчастныхъ. Она предложила дикимъ свои услуги: увѣряя, что будетъ содѣйствовать обману и просила чтобы ее отправили къ кораблю уговорить офицера послать на берегъ другую шлюбку. Между тѣмъ тайное намѣреніе ее состояло въ томъ, чтобъ открыть истину и спастись на кораблѣ. Рѣшимость этой женщины была увѣнчана успѣхомъ. Корабль плылъ свободно по океану, чудомъ спасенный отъ дикарей Тонга-табу. Но роковая гибель ожидала его далѣе; нѣсколько дней спустя онъ разбился у островов Вити, гдѣ дикари изжарили и съѣли несчастныхъ моряковъ.

Послѣ этого бѣдствія весьма немногіе купеческіе корабли заходили въ Тонга-табу. Капитанъ Тарнбулъ прошелъ въ 1803 году близъ Эоа не останавливаясь; Кембль, на кораблѣ Гаррингтонъ, зашелъ въ Тонга-табу въ 1809 г., и предвидя нападеніе, вышелъ въ море, не имѣвъ сообщеній съ берегомъ; напротивъ того, Броунъ, капитанъ корабля *Port-au-Prince* сдѣлался жертвою своей неосторожности.

Port-au-Prince былъ превосходный корабль; экипажъ его состоялъ изъ ста человѣкъ; двадцать четыре 12 фунт. пушки и восемь каронадъ того же калибра представляли вѣрныя средства защиты; онъ зашелъ на Гапайскіе острова, въ Лефуга, 29 Ноября 1806 г. Обманутый дружескими пріемами островитянъ, капитанъ Броунъ съѣхалъ на берегъ 1 Декабря, и чрезъ полчаса была рѣшена судьба его и его судна. Броуна умертвили на берегу вмѣстѣ съ его товарищами, а между тѣмъ эгуи Тубо-тоа овладѣлъ кораблемъ. Изъ 62 Европейцевъ 36 были убиты, 26 удержаны въ плѣну. Въ числѣ послѣднихъ находился и Меринеръ (Рис. XIV. ф. 1), о которомъ мы уже нѣсколько разъ упоминали, и которому мы обязаны самыми любопытными подробностями этой исторіи. Меринеръ, умный и хорошо воспитанный молодой человѣкъ, былъ въ самомъ жалкомъ состояніи, когда царь Финау принялъ въ немъ участіе: онъ взялъ его къ себѣ и почти усыновилъ. Меринеръ сдѣлался настоящимъ Тонгаемъ; онъ принялъ нравы и одежду островитянъ, и приноровился къ ихъ обычаямъ. Другой Европеецъ, Синглетонъ, претерпѣвшій кораблекрушеніе въ томъ же году, подобно Меринеру, покорился своей судьбѣ, и жилъ въ Тонга-табу еще въ 1831 г., когда туда заходилъ капитанъ Вальдегравъ.

Добыча такого корабля, каковъ *Port-au-Prince*, была весьма важна въ политическомъ отношеніи для царя Финау; ему достались пушки, военные снаряды, реи, мачты, веревки, желѣзо. Онъ такъ дорожилъ всѣми этими вещами, что безъ милосердія казнилъ смертію всякаго, кто осмѣливался похитить что нибудь, говоря, что жизнь такого бездѣльника была не нужна обществу.

Чтобы легче и скорѣе добыть желѣзо изъ корабельнаго корпуса, Финау приказалъ сжечь корабль до самой ватерлиніи; такимъ образомъ подводная часть всплыла и была вытащена на берегъ, гдѣ ее сломали и разобрали. Сами Англичане должны были работать при этомъ; они показали дикимъ механическія средства свести пушки на берегъ, научили ихъ употребленію пушекъ, и сами сдѣлались артиллеристами Финау. При этомъ было много явленій забавныхъ и любопытныхъ. Большая часть вещей на кораблѣ были совершенно новы для дикарей; они не знали, какъ и куда употреблять

ихъ, и удивлялись всему, что имъ показывали. Такъ напримѣръ часы, безпрестанный ихъ шумъ и незамѣтное движеніе, привели этихъ людей въ совершенное смущеніе; они брали ихъ въ руки, поворачивали во всѣ стороны, съ испугомъ отбрасывали и опять приступали къ нимъ. Сперва они сочли ихъ животнымъ, потомъ думали, что это растеніе. Наконецъ обратились къ Мерінеру, который растолковалъ имъ, сколько могъ, механизмъ часовъ; когда они поняли нѣсколько, то всѣ кричали: *фонуа-бото* (какая умная страна!).

Ободренный новопріобрѣтеннымъ оружіемъ и Европейцами, которые были въ его службѣ, Финау замыслилъ снова покорить Тонга-табу. Онъ образовалъ свое войско и артиллерію, состоявшую изъ Англичанъ съ четырью походными каронадами, собралъ всѣ свои силы въ Намука, сдѣлалъ имъ смотръ на малаѣ, посадилъ на 170 байдаръ и на другой же день присталъ къ Пангаймоду. Отъ Мафанга, мѣста священнаго, которое обѣ воюющія стороны должны были уважать, были посланы подарки къ Гапайскому царю, и онъ вмѣстѣ съ своими матабулеями отправился туда для совершенія обряда *тогви* на гробѣ своего отца. Онъ снялъ съ себя обыкновенныя свои одежды изъ крашеныхъ полотенъ, покрылся простыми цыновками, и въ знакъ смиренія надѣлъ на шею гирлянды изъ листьевъ *ифи*; сановники его сдѣлали тоже: они всѣ сѣли по восточному предъ гробомъ, поджавъ ноги; около минуты били себя кулаками по щекамъ, не произнося ни одного слова, ни одной жалобы; засимъ одинъ изъ главныхъ мата-булеевъ произнесъ слѣдующее воззваніе къ духу отца Финау. «Узри», говорилъ онъ, «сего вождя, пришедшаго въ Тонга на пораженіе враговъ; будь къ нему благодатенъ; даруй ему твое покровительство: онъ идетъ на войну, убѣжденный въ правотѣ своего дѣла; онъ всегда оказывалъ глубокое уваженіе къ туи-тонгаю, и тщательно исполнялъ всѣ священные обряды.»—Послѣ этой молитвы были положены на фай-токаѣ стебли кава, и Финау удалился вмѣстѣ съ своими людьми.

Военныя дѣйствія открылись въ тотъ же день. Финау подвинулся къ крѣпости или *коло* Ніуку-лафая, одному изъ самыхъ неприступныхъ мѣстъ на островѣ. Это цитадель круглой фигуры, занимающая пространство отъ четырехъ до пяти акръ, во ста саженяхъ отъ берега. Она была ограждена двойнымъ рядомъ палисадовъ вышиною въ девять футовъ и рвами глубиною въ двѣнадцать футовъ. Чрезъ каждые пятнадцать саженъ находились платформы въ девять квадратныхъ футовъ, откуда осажденные могли метать камни и бревна. Кромѣ многихъ небольшихъ выходовъ, крѣпость имѣла четверо воротъ, которыя внутри закрѣплялись толстыми перекладинами изъ кокосоваго дерева. Для обыкновеннаго образа войны островитянъ, крѣпость эта была неприступна; но она не устояла противу артиллеріи Финау. Сперва ружейнымъ огнемъ были очищены платформы; потомъ пушки начали свое дѣло. Финау, сидя на креслѣ, доставшемся ему съ корабля, смотрѣлъ на дѣйствіе артиллеріи. Онъ не могъ видѣть вреда, который былъ наносимъ непріятелю, и потому сперва разгнѣвался; но чрезъ нѣсколько часовъ войдя въ крѣпость, изъ которой гарнизонъ удалился, онъ увидѣлъ до четырехъ сотъ убитыхъ и раненыхъ, поздравилъ Мерінера и его товарищей съ ихъ искусствомъ, благодарилъ за содѣйствіе, и съ тѣхъ поръ сталъ обходиться съ ними гораздо лучше.

Въ упоеніи побѣды, крѣпость Ніуку-лафая была сожжена; но нѣсколько дней спустя, жрецы начали утверждать, что боги ихъ требовали выстроить крѣпость снова; войско Финау было употреблено на эту работу.

Война приняла однако же оборотъ, котораго не ожидалъ Гапайскій царь. Непріятель избѣгалъ общей встрѣчи, гдѣ артиллерія пересиливала и храбрость и превосходство войска, ставилъ засады, истреблялъ цѣлые отряды, дрался изъ-за кустовъ, изъ-за ущелій. Въ одной изъ этихъ стычекъ, Мерінеръ упалъ въ яму и неминуемо погибъ бы, если бы не былъ спасенъ храбростью четырехъ преданныхъ ему товарищей. Тридцать Гапайцевъ пали кругомъ его, послѣ упорнаго сопротивленія. Въ этомъ дѣлѣ наиболѣе удивило нашего Европейца единоборство одного Гапайскаго вождя съ Тонгайскимъ. При первомъ ударѣ, булавы ихъ сломались; они вступили въ кулачный бой, затѣмъ стали бороться грудь съ грудью; изнеможенные, полумертвые отъ усталости, они упали на землю одинъ возлѣ другаго, щипались, кусали другъ друга, пока въ нихъ была сила, потомъ остались совершенно недвижные отъ изнуренія. Оправившись мало

по малу, они не рѣшились начать снова борьбу, и по обоюдному согласію удалились каждый къ своей крѣпости.

Война, обратившаяся такимъ образомъ въ частныя стычки, породила ужасныя бѣдствія. Поля остались не засѣянными; сдѣлался голодъ; стали убивать, жарить и ѣсть плѣнниковъ. Одни ѣли человѣческое мясо по вкусу, другіе по нуждѣ, третьи изъ чести. Когда плѣнники были съѣдены, воины одной партіи стали убивать другъ друга и своихъ ближнихъ для пропитанія. Мернеръ говоритъ, между прочимъ, что два брата заманили къ себѣ свою тетку, обѣщавъ дать ей ямса, умертвили ее и раздѣлили между собою тѣло. Въ Тонгайскомъ войскѣ также свирѣпствовалъ голодъ. Двѣ дочери Нугунугуйскаго эгуя пригласили двухъ молодыхъ вождей сыграть партію *лафо*; ставка была со стороны дѣвушекъ корень ямса, который онѣ обязывались раздѣлить съ ними безъ всякаго себѣ возмездія, въ случаѣ проигрыша; но въ случаѣ выигрыша, молодые люди должны были также получить половину ямса, съ тѣмъ однако же, чтобы въ награжденіе поставить человѣческое тѣло и раздѣлить его пополамъ съ дѣвушками. Дѣвушки выиграли, и молодые люди, сѣвъ въ засаду у непріятельской крѣпости, поставили имъ, для исполненія своего обязательства, половину пойманнаго непріятеля.

Финау видѣлъ необходимость возвратиться въ свои владѣнія послѣ столь долгой отлучки; онъ искалъ только удобнаго предлога кончить кровопролитную и безплодную войну. Смерть туи-тонгая представила ему благовидную причину. Онъ хотѣлъ быть на похоронахъ этого духовнаго главы, умершаго за нѣсколько мѣсяцевъ. Однако жъ не желая утратить плодовъ своихъ подвиговъ, онъ уступилъ крѣпость Ніуку-лафа Бейскому вождю Таркаю, одному изъ лучшихъ воиновъ Тонга-табу, принявшему его сторону и признавшему его *гу* или царемъ всего архипелага. Все это было только притворствомъ съ его стороны, и прежде нежели Финау сѣлъ на суда, крѣпость была предана огню. Еслибъ не жрецы, заставлявшіе его спѣшить отъѣздомъ, то Финау отмстилъ бы за измѣну, и вѣроятно Таркай и его семейство были бы истреблены, но политическая месть должна была уступить религіозному обряду. Финау возвратился въ Намука, потомъ въ Лефуга, гдѣ совершался тогда обрядъ торжественнаго снятія табу, наложеннаго на всѣ произведенія почвы. Новый туи-тонга предсѣдалъ на этомъ торжествѣ, и пять дней спустя женился на одной изъ дочерей Финау, дѣвушкѣ лѣтъ восемнадцати; туи-тонгаю было лѣтъ около сорока; кажется, онъ былъ младшій братъ своего предшественника.

Другая война вспыхнула нѣсколько времени спустя. Одинъ изъ сыновей Тубо-аго, по имени Туба-тоа, поклялся отомстить за смерть своего отца его убійцѣ Тубо-ніуга. Онъ далъ обѣтъ не пить кокосоваго молока, доколѣ не совершитъ мщенія. Съ твердостію стремясь къ цѣли, онъ вкрался въ пріязнь къ Финау, сталъ очернять Тубо-ніуга и представлять его опаснымъ соперникомъ. Эти намѣки подѣйствовали на умъ Финау; онъ началъ завидовать брату за сильное вліяніе его въ Вавао, и даже далъ замѣтить, что желалъ бы отъ него отдѣлаться.

Для Тубо-тоа было довольно. Рѣшившись на смертоубійство, онъ подстерегъ минуту, когда Тубо-ніуга былъ въ Лефугѣ, и подослалъ четырехъ убійцъ, которые умертвили его предъ глазами Финау. Финау не оказалъ ни какого сопротивленія, но потомъ публично протестовалъ. Тѣло убитаго было похоронено съ величайшими почестями и со всѣмъ церемоніаломъ, присвоеннымъ его сану, въ могилѣ его предковъ.

Чтобы лучше держать подъ своею властію далекую страну, Финау назначилъ въ это время правительницею Вавао тетку свою, Туи-уму. Вожди присягнули въ вѣрности Гапайскому царю надъ чашею священнаго кава; но чрезъ три недѣли Вавао и его правительница возстали противъ Финау, обвиняя его въ соучастіи въ убіеніи Тубо-ніуга. Весь островъ провозгласилъ свою независимость, и въ Фель-тоа начали строить крѣпость.

Новая война отвлекла вниманіе Гапайскаго царя отъ замысловъ на Тонга-табу. Для него гораздо важнѣе было покореніе Вавао. Финау немедленно переѣхалъ въ Ганао, одинъ изъ Гапайскихъ острововъ, съ 4000 войска, и оттуда, на трехъ байдарахъ, съ авангардомъ своимъ поплылъ въ Вавао. Онъ вышелъ на берегъ въ Най-афу, мѣсто священное на этомъ островѣ, такъ же какъ Мафанга въ Тонга-табу. Отсюда Финау подвинулся къ самой цитадели бунтовщиковъ, и открылъ предъ нею переговоры. Вавао-

скіе вожди не уклонялись отъ переговоровъ; они соглашались признать Финау своимъ царемъ, но съ тѣмъ что бы онъ поселился на ихъ островѣ, и удержалъ бы при себѣ только небольшое число Гапайцевъ; въ случаѣ же нежеланія его оставаться постоянно въ Вавао, они предлагали ему платить ежегодную подать и управляться сами собою, а не намѣстниками изъ Гапайцевъ. «Мы утомлены войною,» говорили они; «желаемъ прочнаго и спокойнаго мира.»

Финау съ гнѣвомъ принялъ это предложеніе; онъ сѣлъ на байдары съ угрозами; возвратясь въ Ганао, собралъ весь свой флотъ и отправился противу бунтовщиковъ съ 5,000 войска, на 150 байдарахъ. Англійскіе артиллеристы находились при немъ съ двумя пушками. На слѣдующій день они вышли на берегъ въ Най-афу, и на третій день грозныя ихъ силы находились уже предъ крѣпостью.

Осажденные не упали духомъ. Они встрѣтили непріятеля тучею стрѣлъ. Финау не отвѣчалъ и потребовалъ краткаго перемирія, чтобы родственники и друзья, находившіеся въ двухъ воюющихъ сторонахъ, могли свидѣться и проститься. Это произвело трогательное явленіе; съ той и съ другой стороны было пролито много слезъ; дикіе съ нѣжностію обнимались, горюя о тяжкой необходимости войны. Можетъ быть, все окончилось бы миролюбно; но одинъ изъ осажденныхъ пустилъ стрѣлу въ Мернера, который стоялъ въ первыхъ рядахъ; онъ не попалъ въ него; Англичанинъ выстрѣлилъ изъ ружья и убилъ зачинщика. Это было знакомъ общей кровопролитной битвы, которая кипѣла цѣлый день. Почти всѣ убійцы Тубо-ніуги лишились жизни; жена Тубо-тоа попалась въ плѣнъ. Но осажденнымъ дорого стоили ихъ успѣхи; пушки опустошали ряды ихъ и не оставляли имъ другой надежды кромѣ геройской смерти. Впрочемъ громоносныя жерла не устрашали смѣлыхъ дикарей; многіе приступали къ нимъ отчаянно, даже ругались надъ ними. Одинъ изъ осажденныхъ, чтобы ободрить своихъ, вышелъ на единоборство съ пушкою. Когда хотѣли изъ нее стрѣлять, онъ приступилъ прямо къ той пушкѣ, которою управлялъ Мернеръ. Англичанинъ навелъ на него жерло, но въ то мгновеніе, когда выпалили, дикарь упалъ на землю и спасся отъ ядра; потомъ всталъ, ругаясь надъ пушкою, и пустилъ въ нее свое копье. Мернеръ прицѣлился въ него изъ ружья, но и въ этотъ разъ пущенная изъ крѣпости стрѣла отвратила выстрѣлъ, и безстрашный витязь съ торжественнымъ восклицаніемъ возвратился въ крѣпость. Съ того времени его прозвали *Фанафануа*, что на ихъ языкѣ значитъ пушка (*фана* лукъ и *фануа* земля.)

Битва упорно продолжалась до самой ночи. Крѣпость устояла противу всѣхъ усилій Финау. Неудача заставила его отступить въ Най-афу, гдѣ онъ съ своей стороны долженъ былъ укрѣпиться. Тогда война обратилась въ вылазки и частныя стычки, на которыхъ побѣда оставалась то на той, то на другой сторонѣ. И эта война была ознаменована геройскими подвигами, похищеніемъ женъ, человѣческими жертвами, эпизодами воинственными и религіозными, вызовами, единоборствами, точно Гомерическая эпопея.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ послѣ долгихъ и безплодныхъ усилій, Финау, видя, что насильственныя средства не помогали, обратился къ мирнымъ переговорамъ. Онъ имѣлъ нѣсколько свиданій съ Вавайскими вождями, и успѣлъ склонить ихъ признать его своимъ царемъ. Онъ обѣщалъ имъ тогда поселиться въ Вавао съ небольшимъ числомъ мата-булеевъ, и отправить остальное войско на Ганайскіе острова, правленіе которыхъ ввѣрялъ Тубо-тоаю. На другой же день онъ вышелъ въ крѣпость съ главными офицерами своего войска; поклонился царицѣ Тунуму, и окончательно заключилъ миръ. Но едва совершивъ это, онъ тотчасъ же нарушилъ условія, предалъ огню крѣпость Фель-тоа и удержалъ за собою Най-афу. Обезоруживая своихъ непріятелей, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сильно возбудилъ ихъ опасенія; они рѣшились присоединиться къ Таркаю и къ недовольнымъ Тонгатабу, вмѣсто того чтобы ожидать на островѣ рѣшенія своей судьбы. Послѣдствія оправдали ихъ опасенія.

Около того времени (1807-1808) корабль изъ Портъ-Джаксона доставилъ обратно на эти острова Тонга-табуйскаго вождя и жену его Фата-фай, которые провели два года въ Англійской колоніи Сиднеѣ. Финау видѣлся съ эмигрантами, описавшими ему не весьма пріятными красками образъ жизни и гостепріимство Европейцевъ. Они разсказали, что въ городахъ, видѣнныхъ ими, можно было умереть съ голоду предъ лавкою, наби-

тою съѣстными припасами; что тамъ только деньги дѣлали людей эгуями, и что несчастные жители съ утра до вечера работали, для добыванія денегъ.

Слово деньги произвело глубокое впечатлѣніе на умъ Финау. Онъ спрашивалъ объ этомъ предметѣ поясненій у Мернера и у всѣхъ Англичанъ. «Что такое деньги?», говорилъ онъ; «изъ чего онѣ сдѣланы? Не желѣзо ли это? Можно ли изъ нихъ дѣлать оружіе, или какіе полезные инструменты? Гдѣ ихъ достаютъ? Если ихъ можно дѣлать, отчего каждый не займется этою работою, чтобы потомъ ихъ мѣнять на нужныя ему вещи?» Въ отвѣтъ на это, Мернеръ объяснилъ, какъ только могъ, монетную систему Европы, употребленіе денегъ, достоинство драгоцѣнныхъ металловъ, ихъ рѣдкость и пользу, какъ предметовъ роскоши, привиллегію, присвоенную царямъ чеканить изъ нихъ монету съ своимъ гербомъ, служащую необходимымъ средствомъ всѣхъ оборотовъ. Финау съ трудомъ постигалъ все это; другой бывшій тутъ вождь Фили-моэ-ату лучше понималъ дѣло. «Да», говорилъ онъ, «понимаю; вотъ какъ это дѣлается: деньги удобнѣе хранить у себя, нежели другое имущество; можно отдавать свое имущество за деньги, потому что, какъ только что понадобится, то можно за деньги достать все необходимое. Имущество, въ особенности съѣстное, можетъ испортиться; деньги не портятся. Къ тому же, хотя деньги не имѣютъ сами по себѣ ни какой цѣны, имѣютъ однако ту цѣну, что ихъ иначе достать нельзя, какъ за какую нибудь вещь; слѣдовательно, онѣ будутъ имѣть свою цѣну до тѣхъ поръ, пока ихъ будутъ принимать въ замѣнъ припасовъ.»—Такъ говорилъ Фили-моэ-ату, человѣкъ весьма понятливый между своими единоземцами; онъ постигалъ съ рѣдкимъ остроуміемъ полезную сторону нашей монетной системы: но Финау не склонялся на его доводы. «Нѣтъ», говорилъ онъ, «это не такъ; безумно будетъ приписывать такую цѣнность металлу, не имѣющему существеннаго достоинства. Если бы это было желѣзо, дѣло другое: изъ него можно дѣлать ножницы, ножи, топоры; а серебро, на что оно годится? Когда у васъ лишній ямсъ, вы промѣняете его на полотно. Правда, серебро удобнѣе можно хранить, оно не портится; но что изъ этого выходитъ? Всякій станетъ его копить у себя, вмѣсто того чтобы дѣлиться съ друзьями и сосѣдями, какъ слѣдуетъ благородному эгую. Люди сдѣлаются скупцами и себялюбцами. Съ припасами этого не будетъ: всякій сбудетъ ихъ за вещи полезныя, или подаритъ сосѣдямъ, слугамъ, родственникамъ. О! «прибавилъ Финау,» теперь я понимаю отчего *Папа-Лангви* (Европейцы) такіе эгоисты! деньги тому причиною!»

Впрочемъ Финау, при всей своей философіи, сталъ сожалѣть, что приказалъ сжечь съ кораблемъ боченки талеровъ, цѣну которыхъ теперь понялъ. Сперва онъ счелъ ихъ за *паанга*, родъ каменныхъ дисковъ, которыми островитяне играютъ. «Теперь я понимаю», говорилъ онъ Мернеру, «всю важность этого приза; донынѣ я думалъ, что вашъ корабль принадлежалъ какому нибудь бѣдняку, какому нибудь повару короля Георга, потому что на кораблѣ капитана Кука, принадлежавшемъ королю, было множество ожерельевъ, топоровъ, зеркалъ, а на вашемъ были только желѣзные крючки, масло, кожи и двѣнадцать тысячъ паангъ, какъ я тогда думалъ. Но такъ какъ эти паанги были деньги, то я понимаю, что вашъ корабль припринадлежалъ знатному человѣку.

Покореніе Вавао было послѣднимъ военнымъ подвигомъ Гапайскаго царя. Умерщвленіе нѣкоторыхъ Вавайскихъ вождей и дипломатическіе переговоры заняли время, свободное отъ удовольствій; но главнымъ его занятіемъ были рыбная ловля и охота. Мернеръ жилъ спокойно въ Вавао, и отдыхалъ отъ трудовъ войны въ прекрасномъ имѣніи, пожалованномъ ему царемъ. Онъ былъ счастливъ, сколько можно быть счастливымъ на этихъ островахъ; но онъ грустилъ о родинѣ; получивъ наконецъ отъ царя позволеніе сѣсть на Нью-Іоркскій корабль *Норе*, капитанъ Чезъ, на которомъ отправлялись трое изъ его товарищей, онъ видѣлъ приближеніе желанной минуты, но его не приняли, потому что на кораблѣ было уже слишкомъ много народу и мало провизіи; Мернеръ долженъ былъ остаться и ждать лучшаго случая.

Финау, равно искусный политикъ и храбрый воинъ, старался всегда привлекать на свою сторону людей сильныхъ. Ку-муала, Тонга-табуйскій мата-булей, возвращавшійся изъ экспедиціи на Витійскіе острова, былъ имъ принятъ, и получилъ отъ него пособіе. Вождь, который защищалъ противъ его войска крѣпость Ніуку-лафа, по имени Тубо-

малоги, братъ Тубо-тоа, утомленный войною и осадою, выдержанною имъ въ Гифо вмѣстѣ съ вождемъ Гатаемъ, былъ имъ также принятъ весьма почетно, когда онъ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ переселился на успокоеніе въ Гапайскій архипелагъ.

Но Финау не долго жилъ; его молодая дочь Со-омай-лангуи (небомъ данная), скончалась послѣ шестинедѣльной болѣзни, и на другой день послѣ ея похоронъ, совершенныхъ съ большими почестями, самъ Финау опасно заболѣлъ; вотще принесли въ жертву одного изъ его сыновей для умилостивленія боговъ; вотще переносили самаго Финау изъ капища въ капище, изъ кумирни въ кумирню и даже въ самый домъ туи-тонгая. Болѣзнь усиливалась, и Финау скончался на малаѣ своего дома въ Най-афу.

По смерти его должно было опасаться, что разные вожди: Тубо-тоа, Вуна-лаги и Финау-фиджи, станутъ оспаривать владѣніе островомъ Вавао у его сына Муэ-нгонго. Но молодой князь, подкрѣпляемый совѣтами своего благороднаго дяди, Финау-фиджи, твердою рукою взялъ бразды правленія. Разсудивъ, что раздѣленіе власти можетъ ослабить ее, онъ отказался отъ всѣхъ своихъ правъ надъ Гапайскими островами, и объявилъ: что довольствуется только правленіемъ группы Гафулу-гу. Онъ провелъ нѣсколько лѣтъ своей юности въ Гамоа, и взялъ себѣ на этомъ островѣ двухъ женъ. По его возвращеніи оттуда, двѣ дочери Гапайскихъ вождей вступили также въ его гаремъ.

Рѣшившись на раздѣленіе своихъ владѣній, котораго требовала здравая политика, Вавайскій царь принялъ имя Финау II и созвалъ подданныхъ на малаѣ Най-афу, гдѣ послѣ торжественнаго кава, произнесъ слѣдующую рѣчь, которая можетъ служить образцемъ Тонгайскаго краснорѣчія.

«Услышьте меня, вожди и воины!

«Кто изъ васъ недоволенъ нынѣшнимъ положеніемъ дѣлъ въ Вавао, тотъ теперь же можетъ отправиться въ Гапай.

«Ибо никто не долженъ остаться въ Гафулу-гу съ недовольнымъ духомъ и съ желаніемъ другаго мѣстопребыванія.

«Моя душа удручена горестію при воспоминаніи тѣхъ бѣдствій, которыя были причинены непрерывными войнами вождя, почивающаго нынѣ въ малаѣ.

«Многое мы совершили, но что изъ этого? страна опустошена, поля заросли дикою травою, и нѣтъ рукъ для воздѣланія земли. Если бы мы были всегда въ мирѣ, островъ былъ бы населенъ.

«Главныхъ вождей и воиновъ уже нѣтъ, и мы должны довольствоваться обществомъ людей ничтожныхъ. Не безумно ли воевать!

«Развѣ жизнь не слишкомъ уже кратка!...

«Развѣ человѣкъ, живущій въ покоѣ и довольный своею судьбою, не доказываетъ этимъ благородства души?

«Безумно сокращать то, что само по себѣ не долговѣчно.

«Кто изъ васъ можетъ сказать: желаю смерти; жизнь мнѣ надоѣла?

«Посудите! не безумно ли вы себя вели?

«Мы искали предмета, который насъ лишилъ всего, что намъ было существенно необходимо.

«Я не скажу вамъ: откажитесь отъ всякаго желанія воевать.

«Если война приблизится къ нашимъ землямъ, если непріятель придетъ на опустошеніе нашихъ владѣній, мы тѣмъ храбрѣе, тѣмъ удобнѣе отразимъ его, что наши владѣнія будутъ лучше процвѣтать.

«Обратимъ все наше вниманіе на земледѣліе, потому что оно только можетъ спасти нашу страну.

«Зачѣмъ искать распространенія владѣній?

«Развѣ они недостаточны для нашего пропитанія? ихъ произведенія превышаютъ всѣ наши нужды...

«Можетъ быть, рѣчи мои неблагоразумны... Старики мата-булеи сидятъ подлѣ меня: прошу ихъ сказать, правъ ли я?

«Я еще молодъ, знаю это; будетъ не разумно съ моей стороны, по примѣру моего предшественника, управлять только по собственнымъ мыслямъ, и не слушать совѣта стариковъ.

«Примите мою благодарность за любовь и вѣрность вашу къ нему.

«Финау-фиджи и присутствующіе здѣсь мата-булеи знаютъ, какое стараніе приложилъ я къ изученію того, что полезно нашему правленію.

«Не говорите себѣ: зачѣмъ слушаться намъ легкомысленныхъ рѣчей мальчика.

«Вспомните, что слова мои только отголосокъ мнѣній Туи-уму, Улу-валу, Афу, Футу, Ало и всѣхъ вождей и мата-булеевъ Вавао.

«Послушайте! напоминаю вамъ, если кто изъ васъ предпочитаетъ другую страну,

если кто недоволенъ нынѣшнимъ порядкомъ вещей, тотъ пусть пользуется теперь единственнымъ случаемъ уѣхать съ острова: послѣ онъ уже никогда не будетъ имѣть сообщеній съ Гапайскими островами.

«Изберите себѣ мѣстопребываніе; можете переселиться въ Фиджи, въ Гамоа, въ Гапай, въ Фатуна, въ Лотума.

«Только тотъ, кто желаетъ постояннаго мира, долженъ остаться въ Гафулу-гу.

«Чье сердце жаждетъ войны, того не удерживаю.

«Земли Тонга и Фиджи кипятъ войною; отправьтесь на любой изъ этихъ острововъ, чтобы насытить вашу воинственную отвагу.

«Встаньте! ступайте каждый въ свой домъ, и подумайте о томъ, что завтра же байдары отправляются въ Гапай.»

Какъ все важно въ этой рѣчи! сколько благородства мыслей, сколько здраваго ума, краснорѣчія и политики! Безъ сомнѣнія молодой Финау не самъ собою составилъ эту програму царствованія. Дядя его Финау-Фиджи, храбрый и благоразумный человѣкъ, и самые мудрые изъ Вавайскихъ эгуевъ, конечно участвовали въ сочиненіи этого манифеста. Онъ превосходенъ, кто бы ни былъ сочинителемъ. Онъ служитъ поясненіемъ рѣшенія Финау отказаться отъ Гапая; онъ явно осуждалъ предшествовавшее царствованіе, и предсказывалъ перемѣну политики. Если бы могъ встать изъ гроба старикъ Финау, который возвысился войною и дипломаціею, но которому не достало времени и средствъ для достиженія несравненно высшихъ цѣлей, онъ бы отвергъ миролюбивыя рѣчи сына. Какая разница между этими двумя царями и ихъ системами! Пожираемый жаждою къ завоеваніямъ, Финау I часто роптал предъ Меринеромъ на недостатокъ своихъ средствъ; онъ досадовалъ, что архипелагъ недовольно обширенъ для его видовъ. «О! для чего боги,» говорилъ онъ, «не сдѣлали меня царемъ Англіи! нѣтъ въ цѣломъ мірѣ ни одного острова, какъ бы онъ малъ ни былъ, котораго бы я не покорилъ. Англійскій царь недостоинъ владѣть такою силою. У него столько огромныхъ кораблей, и онъ терпитъ оскорбленія его подданныхъ отъ такихъ незначущихъ острововъ, какъ Тонга. Будь я на его мѣстѣ, я не послалъ бы такъ миролюбно просить свиней и ямса; нѣтъ! я пришелъ бы съ *воинственнымъ челомъ* и съ громомъ *болотаніи* (Великобританія) и показалъ бы имъ, кто достоинъ быть властелиномъ. Только люди съ предпріимчивымъ духомъ достойны имѣть у себя пушки; они одни должны управлять міромъ; а тѣ, которые даютъ себя въ обиду и не мстятъ, созданы быть рабами.»

По принятіи правленія, Финау сдержалъ свои обѣщанія; онъ отпустилъ воиновъ въ ихъ домы, и далъ новое развитіе земледѣлію и полезнымъ ремесламъ. Онъ возобновилъ крѣпость Фель-тоа, чтобы обезопасить островъ отъ нашествія соседей, и запретилъ пускать въ свои владѣнія кого бы то ни было изъ Гапайцевъ и Тонга-табуйцевъ. Только Тубо-тою, Гапайскому царю, было дозволено пріѣзжать въ Вавао, каждый годъ, въ праздцество большаго натчи, для исполненія религіозныхъ обрядовъ надъ гробомъ умершаго *гу*. Даже при этомъ посѣщеніи Вавaоскій царь принялъ всѣ мѣры для отвращенія всякаго покушенія съ его стороны на спокойствіе острова. Предосторожность его простерлась до того, что онъ отказался отъ ежегодной подати, которую Тубо-тоа хотѣлъ платить ему, какъ преемнику Финау I. Сначала онъ не могъ не позволить, чтобы одна байдара, принадлежавшая Тонга-манаю, члену семейства туи-тонга, пріѣзжала разъ въ годъ, съ приношеніями верховному первосвященнику по случаю празднованія натчи; но лишь только умеръ туи-тонга, онъ поспѣшилъ уничтожить этотъ санъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ всякій предлогъ къ сообщеніямъ между двумя группами. Духовная власть была такъ малозначуща въ политическомъ отношеніи, что для уничтоженія ея достаточно было самой простой причины: «Обитатели Тонги живутъ безъ туи-тонгая, слѣдовательно и островъ Вавао также можетъ безъ него обойтись.» Вотъ какимъ образомъ уничтожилось званіе первосвященника и вмѣстѣ съ нимъ обрядъ натчи.

Эта мѣра обезпечила миръ острова Вавао. Въ то время какъ на другихъ островахъ свирѣпствовала война, въ областяхъ Финау думали только о внутреннихъ улучшеніяхъ. Спокойствіе и благоденствіе продолжались тамъ еще до того времени, когда Меринеръ нашелъ Европейскаго капитана, который согласился взять его къ себѣ на корабль. Онъ со слезами распростился съ Финау, съ своими пріятелями на Вавао, и сѣлъ на Портъ-Джаксонскій корабль *Favorite*, (капитанъ Фискъ), отправленный на жемчужный про-

мысель. Финау проводилъ Англичанина на корабль; удивленный и привлеченный всѣмъ, что онъ на немъ видѣлъ, Финау хотѣлъ было отправиться вмѣстѣ съ Европейцами, но капитанъ отказался взять его, зная, что онъ обманется въ ожиданіяхъ. *Фаворитъ* придержался потомъ между островов Гаано и Лефуга, чтобы взять оттуда остальныхъ моряковъ корабля *Port-au-prince*.

Со времени отправленія Мериера (1810 г.) прекращается точная исторія этого архипелага. Кажется, что послѣ долгихъ и кровавыхъ междоусобій, война окончилась только отъ всеобщаго утомленія. Тонга-табу раздѣлился тогда между разными вождями, независимыми одинъ отъ другаго. Гата остался владѣтелемъ Гифо; Таркай, владѣтель Беа, оставилъ по своей смерти этотъ округъ брату своему Тагофа, какъ и онъ храброму и хитрому; отецъ Палу, имя его не извѣстно, утвердился въ области Муа, принадлежавшей древнимъ Фата-фалмъ, а наслѣдникамъ ихъ Веа-тчи и женщинѣ Тамагѣ предоставилъ только права на пустыя почести. Преемникъ древняго и могущественнаго Тубо, остался въ уничиженіи въ Ніуку-лафа. Наконецъ самъ туи-тонга, котораго еще въ дѣтствѣ Финау свергнулъ съ престола, этотъ богъ, изгнанный изъ своего Олимпа, кумиръ, опрокинутый съ подножія, жилъ въ неизвѣстности въ Вавао, почти забытый и принужденный ограничиться небольшимъ наслѣдственнымъ имѣніемъ. Финау II умеръ вскорѣ послѣ отправленія Мериера, и доныне не узнано, кто ему наслѣдовалъ.

Въ теченіе этого времени весьма немногія суда заходили въ архипелагъ. Описанные нами три несчастные случая, и множество покушеній, отъ которыхъ съ трудомъ отдѣлались Европейскіе корабли, заставили мореходцевъ считать эту землю гибельною. Они удалялись отъ нея, или съ трепетомъ къ ней подходили. Наконецъ въ 1822 году миссіонеры показали болѣе смѣлости. Проповѣдническая ревность сдѣлала то, чего страшилась меркантильная предпріимчивость. Веслейское Общество рѣшилось послать миссію въ этотъ архипелагъ. Вальтеръ Лаури, его жена и два ремесленика, Тилли и Тиндаль, прибыли въ Тонга-табу 16 Августа на кораблѣ *Св. Михаила*. Царь Палу принялъ ихъ ласково и поселилъ въ Муа, гдѣ они построили домъ весьма удобный, освѣжаемый прекраснымъ воздухомъ, на берегу моря (Рис. XIV. ф. 2). Они немедленно стали заниматься улучшеніями по части земледѣлія, и проповѣдываніемъ религіи. Но оба предпріятія не сдѣлали ни какихъ успѣховъ въ продолженіе 14 мѣсяцевъ, когда здоровье госпожи Лаури заставило искать перемѣны климата. Миссіонеръ съ женою возвратился въ Портъ-Джаксонъ; ремесленники хотѣли остаться; но вскорѣ потомъ опасенія со стороны островитянъ, и даже приказаніе самаго Палу, заставили ихъ покинуть домъ миссіи. Одинъ изъ нихъ, Тилли, сѣлъ на корабль, а товарищъ его, Тиндалъ, пошелъ искать покровительства у Гатая, Гифскаго вождя.

Два миссіонера, Томасъ и Гутчинсонъ, прибывшіе нѣсколько лѣтъ спустя на этотъ архипелагъ, нашли въ Іюнѣ 1826 года Англичанина Тиндаля въ округѣ Гифо.

Они сами поселились тутъ и начали трудиться надъ обращеніемъ дикихъ въ Христіанство. Но и въ этотъ разъ труды миссіонеровъ были безуспѣшны. Гата не только не хотѣлъ самъ подать примѣръ обращенія, но съ неудовольствіемъ глядѣлъ на усилія миссіонеровъ. Два Таитійца, Христіане и проповѣдники, были счастливѣе при Ніуку-лафскомъ вождѣ Тубо; они крестили его съ семействомъ, и многихъ его подданныхъ. Этотъ примѣръ нисколько не подѣйствовалъ однако же на упрямство другихъ вождей; даже Тубо потерялъ остатокъ своего вліянія, уже и до того ослабленнаго природною его робостію.

Въ такомъ состояніи находились острова Тонга-табу, когда сюда зашелъ корветъ *Астролябія* въ Апрѣлѣ 1827. Капитанъ Дюрвиль располагалъ остаться весьма недолго, чтобы только провѣрить свои хронометры и запастись провизіею; но судьба опредѣлила иначе: 9 Апрѣля корветъ былъ у острова Эоа и на другой день хотѣлъ положить якорь у Пангай-моду; сильная буря съ N. W. заставила его уклониться отъ своего пути. Цѣлые десять дней *Астролябія* должна была бороться съ вѣтрами и теченіями. Наконецъ, 20 числа, въ полдень, послѣ бѣшенаго шквала вѣтеръ перешелъ къ S. O., и корвету удалось войти въ проливъ съ восточной стороны. Чрезъ часъ или два, онъ достигалъ якорнаго мѣста; но вѣтеръ совершенно стихъ, оставивъ корабль на произволъ теченій въ узкомъ каналѣ, среди множества подводныхъ камней. Теченіемъ понесло *Астролябію* въ самый бурунъ сѣверной стороны пролива.

Она освободилась быстрымъ маневромъ; но вѣтеръ поворотилъ къ S. S. O., и прижалъ корветъ къ подводной коралловой стѣнѣ, возвышающейся вертикально изъ глубины моря, такъ, что предъ нею на 80 саженяхъ глубины не находили дна.

Положеніе корабля было самое критическое; капитанъ Дюрвиль сдѣлалъ все, что было человѣчески возможно для отвращенія опасности. Онъ занесъ шпринги; но острія коралловъ перерѣзали канаты, и верпы потерялись. Только двѣ цѣпи держали корабль трое сутокъ. Оторвись одно ихъ звено, и *Астролябія*, ударясь о скалы, сдѣлалась бы легкою добычею для островитянъ; весь экипажъ остался бы въ рукахъ этихъ людей, дружба которыхъ была весьма сомнительна. Вотъ чѣмъ окончились бы всѣ труды, всѣ свѣдѣнія, драгоцѣнныя для науки и собранныя съ такими опасностями! Экспедиція столь важная для ученаго міра и для мореплаванія, погибла бы безъ вѣсти на Тонга-табуйской скалѣ! Каково было положеніе капитана? Онъ самъ столько же страдалъ въ душѣ, сколько красивый его корабль былъ мучимъ волнами. Въ то самое время, когда *Астролябія* находилась въ этомъ несчастномъ положеніи, къ ней явились посѣтители. Первые были три Англичанина, поселенные на островѣ, Синглетонъ, старый поселенецъ Тонга-табу, и Ридъ и Ритчетъ. Всѣ они, въ особенности первый, предложили свои услуги Французскому капитану; они были ему полезны какъ переводчики и посредники въ переговорахъ съ островитянами. За ними пріѣхалъ Палу съ другими вождями. Чтобы обезпечить себя сколько нибудь отъ измѣны, капитанъ потребовалъ, чтобы этотъ эгуи остался заложникомъ на кораблѣ, и такъ какъ онъ охотно согласился, то капитанъ уступилъ ему собственную свою каюту. Вождь Тагофа только на другой день навѣстилъ корветъ.

Уже двадцать четыре часа корветъ находился въ этомъ опасномъ положеніи, и чѣмъ болѣе оно длилось, тѣмъ было ужаснѣе; цѣпи не выдержали, и корабль, раскачиваемый высокою зыбью, подобно маятнику былъ не далѣе какъ на пять футъ отъ коралловой стѣны. Три или четыре удара объ эту стѣну могли обратить его въ дребезги; даже рангоутъ не устоялъ бы отъ подобнаго потрясенія. (Рис. XV. ф. 1). Случись это несчастіе ночью, не многимъ бы удалось спасти свою жизнь. Капитанъ Дюрвиль все предвидѣлъ: онъ хотѣлъ взять мѣры для спасенія по крайней мѣрѣ одной части экипажа. Основываясь на дружескихъ увѣреніяхъ вождей и на разсказахъ Англичанъ, онъ рѣшился перевести большую половину своихъ людей на островъ Пангай-моду, гдѣ бы они оставались подъ покровительствомъ Тагофа, а самъ желалъ остаться на кораблѣ вмѣстѣ съ Палу и съ другими моряками. Нельзя было думать объ общемъ спасеніи; должно было оставаться въ бездѣйствіи, и молить только Бога, чтобы якори устояли до перемѣны вѣтра, которая бы дозволила вступить подъ паруса.

Часть экипажа, назначенная къ высадкѣ, уже приготовила свой багажъ, когда пріѣхалъ на корабль ремесленникъ, бывшій при миссіонерахъ. Онъ спросилъ, куда они ѣдутъ, и узнавъ объ ихъ предназначеніи, сказалъ капитану: «Вы погубите своихъ людей; пока ихъ дикіе не ограбятъ до чиста, ихъ жизнь будетъ въ большой опасности.» Капитанъ отвѣчалъ ему, что онъ полагался на дружеское расположеніе Тагофа и Палу и на увѣренія Англичанъ. «Не вѣрьте имъ,» возразилъ ремесленникъ; «островитяне и ихъ вожди мошенники, и Англичане не лучше ихъ. Да хотя бы Тагофа и Палу въ самомъ дѣлѣ были искренни въ своихъ обѣщаніяхъ, они не въ силахъ защитить васъ отъ народа. Васъ ограбятъ, и если станете защищаться, то убьютъ. Слова эти заставили капитана призадуматься. Къ тому же, при видѣ вещей, которыя сгружались на шлюбку, островитяне, спокойные до того, стали гласно роптать. Они хищнически смотрѣли на эти богатства, и самая опасность не устрашала ихъ при надеждѣ на добрую добычу. Капитанъ не могъ болѣе колебаться; онъ далъ приказаніе матросамъ остаться и взять обратно вещи со шлюбки. Весь экипажъ *Астролябіи* долженъ былъ нераздѣльно подвергнуться одной участи. На всякій случай, чтобы спасти отъ угрожавшей погибели ученые труды экспедиціи, капитанъ приказалъ сложить въ жестяной ящикъ бумаги, журналы, и всякаго рода ученые документы, и препоручилъ одному изъ матросовъ и агенту миссіонеровъ, который впрочемъ съ трудомъ согласился на это, перевезти этотъ ящикъ на гичкѣ въ Гифо и сдать Гг. Томасу и Гутчинсону. Этимъ онъ спасалъ по крайней мѣрѣ ученые плоды своего путешествія, гичка же была бы ему совершенно безполезна въ случаѣ крушенія.

Только гичка отчалила, вѣтеръ усилился и зыбь увеличилась. *Астролябія* представляла самое плачевное зрѣлище: матросы до того времени не теряли бодрости и искали развлеченія въ мѣнѣ вещей съ дикими; но наконецъ они поняли всю опасность своего положенія. Ночь прошла въ трепетномъ безпокойствѣ. Капитанъ продолжалъ брать всѣ мѣры предосторожности. Къ вечеру спустили въ ялик хронометры, нѣкоторые инструменты, оффиціальныя инструкціи, рекомендательныя письма разныхъ правительствъ, и все это съ офицеромъ было отправлено къ миссіонерамъ. Въ то же время, для предупрежденія безпорядка, который бы могъ случиться, если бы ночью народъ сталъ спускаться въ гребныя суда, было приказано половинѣ экипажа оставаться въ нихъ. Словомъ, всѣ приготовленія были сдѣланы, всѣ приказанія были отданы на случай несчастія.

Ночь прошла; насталъ день; положеніе корвета не измѣнилось. Между тѣмъ Тагофа и Палу оставались все время на кораблѣ; ихъ угощали наилучшимъ образомъ и подчивали капитанскимъ виномъ и ромомъ. Судьба корвета не занимала ихъ вовсе; они были равнодушными зрителями смертной борьбы прекраснаго корабля. Для нихъ, какъ и для другихъ вождей, которые не умѣли скрыть своей тайной радости, погибель корабля представляла желанный случай грабежа и обогащенія. Но они не обнаруживали ни какого признака боязни или нетерпѣнія; напротивъ того, оказывали постоянную дружбу и благосклонность, и отгоняли прочь единоземцевъ, которые хотѣли пристать къ кораблю. Пріѣхалъ еще третій вождь, Лавака, о которомъ Англичане сказали, что онъ самый могущественный вождь на всемъ островѣ, и который показалъ еще большее безстрастіе; то былъ самый пустой человѣкъ, и вліяніемъ своимъ былъ обязанъ единственно своему богатству.

22 числа пріѣхалъ на корабль миссіонеръ Томасъ вмѣстѣ съ Тубо, единственнымъ Христіанскимъ эгуемъ. Тубо не любилъ другихъ вождей, и представлялъ ихъ людьми опасными; но наружно обходился съ ними весьма осторожно. Капитанъ Дюрвиль разсудилъ, что если ему удастся привязать къ себѣ одного изъ Тонга-табуйскихъ вождей, то въ случаѣ крушенія онъ поддержитъ его своими людьми, огнестрѣльнымъ оружіемъ, и побѣдитъ другихъ или обезпечитъ себя отъ ихъ насилій. Онъ предложилъ Тубо наступательный и оборонительный союзъ; вызвался содѣйствовать ему въ возстановленіи его правъ и званія туи-кана-каболо и дать ему первенство надъ соперниками. При этихъ предложеніяхъ, Тубо и миссіонеръ, его пріятель, съ удивленіемъ и страхомъ сказали: «Не думайте объ этомъ; Тагофа и Палу слишкомъ сильны, чтобы вступать съ ними въ борьбу. Мы погубимъ себя и не спасемъ васъ.» Но, возразилъ капитанъ, въ случаѣ крушенія, что намъ дѣлать? — *Keep your ship*! (берегите свой корабль) отвѣчалъ миссіонеръ. Всѣ ихъ совѣты состояли въ словахъ: *Keep your ship.* Капитану ничего болѣе не оставалось ожидать; онъ принялъ спокойный видъ, чтобы ободрить свой экипажъ, и сталъ заниматься съ натуралистами, бывшими на кораблѣ, приведеніемъ въ порядокъ ихъ коллекцій, точно какъ въ кабинетѣ естествоиспытателя.

Впрочемъ 22 числа, между тремя и четырьмя часами, вѣтеръ сталъ видимо измѣняться, и корветъ поставилъ немедленно всѣ паруса; шлюбки начали буксировать; цѣпи были выпущены изъ клюзовъ; экипажъ предался радости, при надеждѣ освободиться изъ мелей; но каковъ былъ его ужасъ, когда минутъ черезъ десять, корабль ударился о мель! подъ гальюномъ было неболѣе четырехъ футовъ воды! гибель была неотвратима; капитану оставалось только принудить эгуевъ къ рѣшительному объясненію. Онъ призвалъ въ свою каюту Палу, Тагофа и Лавака; объяснилъ имъ опасность, въ которой находился корабль, спросилъ, что они намѣрены дѣлать, и сталъ ихъ заклинать, чтобы они защитили людей, которыхъ враждебныя силы природы выбрасывали на ихъ берегъ. Онъ обѣщалъ добровольно уступить имъ бывшія на кораблѣ вещи, съ тѣмъ чтобы они оставили ему и его морякамъ то, что необходимо для возвращенія на родину. Эгуи внимательно выслушали; послѣ чего ораторъ тріумвирата, Палу, отъ лица всѣхъ принялъ предложеніе капитана, но далъ замѣтить, что къ этому его побуждала болѣе собственная благосклонность, нежели желаніе добычи, и что онъ скорѣе погибнетъ, чѣмъ дастъ въ обиду своихъ друзей Французовъ. Дѣйствительно, въ ту минуту, когда корветъ ударился о мель, къ нему бросилась было стая байдаръ, будто на легкую добычу, но Палу вышелъ на палубу и грознымъ голосомъ далъ имъ повелѣніе удалиться.

Къ счастію, положеніе корвета вскорѣ пе-

ремѣнилось, и благорасположеніе вождей не было подвержено продолжительному испытанію. Пока еще длились ихъ совѣщанія съ капитаномъ, удалось достать концы выпущенныхъ цѣпей, и когда Дюрвиль вышелъ на палубу, корветъ былъ въ томъ же положеніи, какъ до снятія съ якоря, все въ большой опасности, но уже не въ такой крайности. Экипажъ ободрился. *Астролябія* спасена была чудеснымъ образомъ отъ погибели; ей предназначено было довершить свою полезную и тяжкую кампанію.

Впродолженіе ночи опасность не увеличилась; на слѣдующій день, 23 числа, удалось отодвинуться на нѣсколько саженъ отъ мелей; наконецъ 24 числа при перемѣнчивыхъ дуновеніяхъ съ N. O. съ помощію буксировки, корветъ освободился отъ роковой стоянки и медленно поплылъ къ якорному мѣсту. Во внутренности пролива онъ еще разъ тронулся о мель, но опасность была не столь велика; онъ послѣ еще два или три раза пріостанавливался, и наконецъ 26 числа къ вечеру положилъ якорь у островка Пангай-моду.

Впродолженіе опасности, три эгуя, бывшіе на кораблѣ, постоянно оказывали дружеское расположеніе. Мы видѣли ихъ поведеніе въ минуту крайности; когда все окончилось благополучно, ихъ радость казалась непритворною. Нѣсколько подарковъ, сдѣланныхъ весьма кстати, еще болѣе привязали ихъ къ капитану. Между экипажемъ и островитянами также царствовало доброе согласіе; мѣны производились честно и безъ ссоры. Нѣсколько разъ офицеры и натуралисты съѣзжали на берегъ; они провели тамъ даже ночь, и не было ни малѣйшаго признака измѣны. Капитанъ продолжалъ однако же систему предосторожностей; всѣ мѣры были приняты, часовые регулярно смѣнялись, строго соблюдая приказаніе не допускать никого къ кораблю.

Обезпеченный съ этой стороны, Дюрвиль обратился къ занятіямъ другаго рода. Онъ желалъ какъ можно скорѣе оставить эти острова; но верны, закинутые въ первое время опасности, были невознаградимою потерею для корвета; ему хотѣлось попытаться достать хотя нѣкоторые изъ нихъ. Нѣсколько дней сряду шлюбки безуспѣшно трудились. Другія шлюбки были заняты географическою описью береговъ или доставленіемъ припасовъ на корветъ.

Въ продолженіе первой недѣли только офицеры и натуралисты съѣзжали на берегъ, гдѣ ихъ принимали весьма хорошо. Капитанъ постоянно оставался на кораблѣ, для точнѣйшаго соблюденія принятой имъ системы. Наконецъ, 4 Мая, онъ поѣхалъ на китоловномъ суднѣ навѣстить миссіонеровъ въ Гифо. Дорога была долгая и утомительная; онъ нашелся въ необходимости сдѣлать часть пути пѣшкомъ, въ водѣ почти на футъ. Миссіонеры приняли его учтиво и привѣтливо; они повели его въ Пангай, прекрасный и большой общественный домъ, въ Му-муйскій файтока и въ молельни готуаевъ. Въ этотъ день онъ имѣлъ также свиданіе съ Гатаемъ, начальникомъ округа. Въ слѣдующіе дни капитанъ посѣтилъ Шуку-лафа, Мафанга и Муа. Послѣдняя его поѣздка сопровождалась нѣкоторымъ церемоніяломъ. Вождь Палу нѣсколько разъ изъявилъ желаніе принять у себя Французскаго мореплавателя; и сдѣлалъ для этой аудіенціи торжественныя приготовленія. Капитанъ и офицеры въ мундирахъ поѣхали 9 Мая на катерѣ; но вмѣсто того чтобы встрѣтить толпу народа, собравшагося для ихъ пріѣзда, веселаго и радушнаго хозяина, игры, пиршества, пляски, праздники, Французы видѣли только не многихъ людей изъ простаго народа, женщинъ и дѣтей. Палу принялъ ихъ съ видомъ принужденнымъ и угрюмымъ; онъ угостилъ ихъ бѣднымъ кава, между тѣмъ какъ ихъ желудки ожидали чего нибудь посущественнѣе. Палу, дотолѣ откровенный и радушный, казался недовѣрчивымъ. Переводчикъ сказалъ капитану, что вождь недавно лишился одного изъ своихъ дѣтей, и другое было въ опасности. Это поясненіе, истинное или ложное, успокоило капитана; онъ продолжалъ свои наблюденія; посѣтилъ надгробные памятники Финау, Тубо-агон и Тафоа, которые содержались довольно дурно, и заросли дикимъ кустарникомъ. Впрочемъ памятники были, точно такіе какъ въ Гифо, и поѣздка капитана не представила ничего особенно любопытнаго, кромѣ посѣщенія имъ Тамаги. Мы выписываемъ здѣсь его разсказъ.

«Оттуда,» говоритъ онъ, «меня повели къ Тамагѣ; домъ ея находится въ прекрасномъ мѣстоположеніи, на берегу моря, въ деревушкѣ Палеа-магу. Собственное имя Тамаги Фана-кана; она приняла меня привѣтливо, въ кругу своихъ женщинъ. Ей между пятидесяти и шестидесяти лѣтъ; она сохраняетъ

еще слѣды прежней красоты; правильныя черты лица, пріятное обхожденіе, и даже нѣкоторая любезность, благородство и приличіе, весьма замѣчательны въ этой дочери дикаго племени (Рис. IX. ф. 2). Я надѣялся получить отъ нея самыя любопытныя свѣдѣнія, и не былъ обманутъ въ ожиданіи. Тамага съ удовольствіемъ вспоминала о корабляхъ Дантркасто, на которые ѣздила вмѣстѣ съ своею матерью вдовою туи-тонгая Пулаго. Старшую сестру Пулаго, занимавшаго тогда первое мѣсто въ Тонга, Дантркасто называетъ Тинъ; по этого имени не знала ни Тамага, ни кто другой изъ присутствовавшихъ. Можетъ быть, это Тиней-такала, которая тогда была туи-тонга-фафинною.

«Тамага сохраняла весьма неясное воспоминаніе о корабляхъ Кука; и немудрено: тогда ей было восемь или девять лѣтъ. Она объяснила мнѣ это, показывая дѣвочку этихъ лѣтъ.

«Я сталъ распрашивать, были ли другіе Европейцы въ Тонга, въ промежуткѣ времени отъ Кука до Дантркасто. Подумавши нѣсколько минутъ, она отвѣчала, что незадолго до прибытія Дантркасто, два большіе корабля, такіе же какъ и его корабли, съ пушками и множествомъ Европейцевъ, заходили въ Намука, и оставались тамъ десять дней. Они имѣли флагъ совершенно бѣлый, и не такой какъ у Англичанъ. Гости были весьма дружны съ островитянами; имъ дали домъ на берегу, гдѣ они производили мѣну своихъ вещей. Одинъ изъ островитянъ уступилъ офицеру съ корабля деревянную скамейку за ножъ; получивши ножъ, онъ хотѣлъ унести проданную вещь, и офицеръ убилъ его. Впрочемъ это не нарушило мира, потому что островитянинъ былъ виноватъ. Жители называли корабли Лаперуза *Луаджи*, такъ какъ корабли Дантркасто — *Селенари*.

«Не оставалось ни какого сомнѣнія, что Лаперузъ заходилъ въ Намука на возвратномъ пути изъ Ботани-бея, какъ онъ и располагалъ.»

Между тѣмъ, какъ капитанъ Дюрвиль собиралъ эти свѣдѣнія на берегу, офицеры, натуралисты, хирургъ и рисовальщикъ корвета, занимались работами, каждый по своей части. Они проводили по нѣскольку часовъ въ день на островѣ, и даже нерѣдко ночевали у своихъ *офа* или друзей; сперва не было причинъ каяться въ этой довѣрчивости; но *Астролябіи* не было суждено оставить эти острова безъ кровопролитія. Слѣдуя только природному влеченію, островитяне выдержали бы, можетъ быть, до конца свое подозрительно-дружеское обхожденіе съ Французами, и послѣ трехъ-недѣльнаго пребыванія у ихъ береговъ, корветъ распростился бы съ ними съ благодарностію за ихъ ласки; но измѣна на самомъ корветѣ вмѣшалась въ дѣло и вооружила ихъ противу Французовъ.

Для поясненія этого обстоятельства, должно знать, что въ экипажѣ корвета, поспѣшно собранномъ въ Тулонѣ, было нѣсколько негодяевъ, взятыхъ изъ тюремъ и осужденныхъ кончить срокъ своего заключенія въ экспедиціи, предназначенной для открытій. Къ несчастію и къ стыду экспедиціи, здѣсь были люди, рѣшившіеся измѣнить ей въ пользу дикихъ, чтобы съ дикими вмѣстѣ ограбить свой корабль. Капитанъ Дюрвиль зналъ это; онъ старался по возможности препятствовать слишкомъ близкимъ сношеніямъ своихъ моряковъ съ островитянами; болѣе всего онъ желалъ сократить время своего пребыванія у островов, чтобы злые замыслы не успѣли созрѣть; но претерпѣнное имъ несчастіе, остановка для отысканія верповъ и недостатокъ живности, слишкомъ продлили его пребываніе на рейдѣ Пангай-моду; дезертиры и измѣнники воспользовались этимъ.

Составился заговоръ, вѣтви котораго до того распространились по острову, что капитанъ былъ предувѣдомленъ объ этомъ миссіонерами. 12 числа онъ получилъ извѣстіе и тотчасъ же рѣшился сняться 13, а не 14 числа, какъ сперва располагалъ. Въ то же время онъ приказалъ строжайше наблюдать, чтобы никто не съѣзжалъ съ корабля. 13 поутру все было готово къ снятію съ якоря. Оставалось только послать на берегъ гичку за рулевымъ, который былъ на островѣ, и за нѣсколькими мѣшками песку. Отправивши шлюбку, капитанъ распростился съ вождями, которые по обыкновенію пріѣхали на корабль, и далъ имъ на прощаніе кое-какіе подарки. Разставаясь друзьями, вожди, казалось, сожалѣли объ отъѣздѣ Французовъ, но ничто не обнаруживало, чтобы они хотѣли силою ихъ удержать.

Въ девять часовъ послышался шумъ на берегу. Островитяне напали на гичку и хотѣли схватить находившихся въ ней матросовъ. Матросы принуждены были уступить превосходству силъ (Рис. XV. ф. 2). Капитанъ тотчасъ приказалъ вооружить барказъ: въ немъ сѣли 23 человѣка подъ начальствомъ

офицеровъ Грессіена и Пари. Хирургъ Гемаръ вызвался имъ сопутствовать. Старанія этого маленькаго отряда, отрѣзать дорогу похитителямъ, были тщетны. Дикіе удалились съ своими плѣнниками. Къ тому же по мелководью баркасъ не могъ пристать къ берегу. Онъ остановился въ нѣкоторомъ разстояніи; экипажъ бросился въ воду, и оттуда сталъ стрѣлять въ дикарей (Рис. XVI. ф. 1). Когда отрядъ вышелъ на берегъ, дикіе пропали изъ виду вмѣстѣ съ Европейцами, находившимися въ ихъ власти. Удалось только спасти трехъ человѣкъ, рулеваго, гардемарина Дюдмена, который провелъ ночь у своего *офа*, и молодаго матроса, по имени Каппака. Сколь быстро ни происходило все это, но уже сдѣлалось ясно, что самъ Тагофа участвовалъ въ заговорѣ. Встрѣтя гардемарина Дюдмена, онъ сильно ударилъ его кулакомъ. Съ Каппакомъ онъ обошелся не такъ жестоко, и вѣроятно сжалясь надъ его молодостію, позволилъ ему спастись къ своимъ. Такимъ образомъ оставалось въ плѣну девять человѣкъ: гардемаринъ Фарагс и восемь матросовъ.

Этотъ поступокъ островитянъ былъ бы загадкою для Французовъ, если бы не замѣтили на корветѣ, что одинъ изъ матросовъ, негодяй, по имени Симонетъ, бѣжалъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ потомъ капитаномъ Диллономъ, Симонетъ давно замыслилъ свой побѣгъ, и 12 числа поутру потихоньку спустился въ одну изъ байдаръ Тагофы; одинъ изъ гичечныхъ гребцовъ, по имени Ребуль, послѣдовалъ его примѣру. Такимъ образомъ Тагофа пріобрѣлъ въ свою службу двухъ Европейцевъ, что между дикими было немаловажнымъ преимуществомъ. Другіе вожди стали этому завидовать; они рѣшились захватить силою гичечныхъ матросовъ. Такъ говорили по крайней мѣрѣ они потомъ въ свое оправданіе Англійскому капитану. Что касается до Симонета, онъ нисколько не скрывалъ своего побѣга; и Дюдменъ видѣлъ его вмѣстѣ съ дикими, въ платьѣ и съ оружіемъ, тогда какъ другіе матросы были совершенно ограблены.

Экипажъ баркаса сжегъ жилища дикихъ въ Пангай-моду и въ Манима, и въ половинѣ четвертаго часа возвратился къ кораблю. Немедленно на немъ былъ отправленъ новый отрядъ изъ офицеровъ, боцмановъ и людей надежныхъ. Двадцать человѣкъ хорошо вооруженныхъ должны были по возможности преслѣдовать Тагофа въ его крѣпости Беа; итти вдоль берега, сожигать домы и байдары, убивать всѣхъ, кто окажетъ сопротивленіе и щадить только стариковъ и женщинъ. Цѣль капитана Дюрвиля состояла въ томъ, чтобъ страхомъ принудить дикихъ къ выдачѣ плѣнниковъ.

Экспедиція исполнила свое дѣло весьма благоразумно. Деревни Нугу-нугу и Олева были преданы огню; пять прекрасныхъ байдаръ были также сожжены; затѣмъ отрядъ двинулся къ Мафангѣ. Но по мѣрѣ приближенія его къ священному мѣсту, дикіе, убѣгавшіе дотолѣ, собрались и оказывали сопротивленіе. Одинъ изъ Французовъ, капралъ Ричардъ, погнавшись за дикаремъ, углубился въ лѣсъ, гдѣ напали на него восемь человѣкъ съ булавами и копьями и такъ изранили капрала, что онъ въ ту же ночь умеръ на кораблѣ, и на другой день былъ похороненъ на берегу въ Пангай-моду. Это заставило Французовъ быть осторожнѣе. Мѣстность препятствовала имъ отвѣчать на ружейный огонь непріятеля; къ тому же этотъ образъ войны ни къ чему не велъ. Сожженіе деревень было достаточно для устрашенія жителей. Для перваго дня это мщеніе было полезно; нужно было потомъ приступить къ дѣйствіямъ, болѣе рѣшительнымъ.

Капитанъ Дюрвиль зналъ, что Мафанга была священнымъ мѣстомъ на островѣ, и что въ случаѣ нападенія на Мафангу весь островъ Тонга-табу смутится такъ, что другіе вожди примутъ участіе въ дѣлѣ, въ которомъ дотолѣ былъ замѣшанъ только Тагофа, и что взаимная завсть и желаніе спасти святыню, принудятъ къ немедленной выдачѣ плѣнниковъ. Не смотря на опасный берегъ, обставленный рифами, капитанъ рѣшился дѣйствовать противу Мафанги.

Въ то время, какъ дѣлались приготовленія, пріѣхала на корабль байдара съ гардемариномъ Фарагетомъ и съ переводчикомъ Синглетономъ. Гардемаринъ былъ плѣнникомъ Палу, который, увидѣвъ, что не можетъ его склонить остаться при себѣ, послалъ его обратно на корветъ. Не оставалось уже ни какого сомнѣнія, что главою заговора былъ Тагофа вмѣстѣ съ своими мата-булеями. Синглетонъ говорилъ даже, что другіе вожди осуждали его поведеніе на утреннемъ совѣтѣ. Но Тагофа былъ Наполеономъ, Ахиллесомъ Тонгая; онъ одинъ предписывалъ всѣмъ законы. Впрочемъ, для возстановленія мира, Синглетонъ го-

ворилъ, что онъ уполномоченъ обѣщать, что всѣ Французы, которые не пожелаютъ остаться на островѣ, будутъ возвращены на корабль. Капитанъ счелъ недостойнымъ согласиться на предложеніе, въ которомъ было замѣтно ухищреніе Симонета, желавшаго личной себѣ капитуляціи «Ни одинъ изъ людей, ввѣренныхъ мнѣ отъ моего Короля,» сказалъ онъ Сингльтону, «не останется на островахъ. Если завтра же плѣнники не будутъ всѣ возвращены, я разрушу Мафангу.»

15-го числа корветъ сталъ на шпринги, и при пушечномъ выстрѣлѣ поднялъ большой флагъ. Островитяне въ отвѣтъ на это подняли много бѣлыхъ флаговъ на длинныхъ шестахъ. Полагая, что эти флаги могли быть сигналами мира, капитанъ послалъ на берегъ шлюбку; но островитяне выказали свое истинное расположеніе, выстрѣломъ изъ ружья, которымъ пробило насквозь шлюбку; Нельзя было медлить долѣе наказаніемъ ихъ вѣроломства.

16-го поутру, началась пальба. Тридцать выстрѣловъ было сдѣлано ядрами и картечью. Съ перваго выстрѣла оторвало вѣтвь большаго фиговаго дерева, подъ тѣнію котораго на малаѣ былъ расположенъ Тагофа съ своимъ войскомъ. Паденіе вѣтви было оглашено пронзительными криками, за которыми наступила глубокая тишина. Дикіе, укрывшись за песчанымъ валомъ или въ ямахъ, наскоро вырытыхъ, не только мало терпѣли отъ стрѣльбы, но даже искали ядеръ зарывшихся въ песокъ. (Рис. XVI. ф. 2.). Пополудни корветъ стоялъ такъ близко къ отмелямъ, что при отливѣ воды, дикіе могли подойти къ нему на двадцать саженъ.

Еще три дня *Астролябія* держалась въ этомъ опасномъ мѣстѣ. Погода до того времени хорошая, вдругъ сдѣлалась бурною, Порывы вѣтра грозили выбросить судно на мели, гдѣ море дробилось сильнымъ буруномъ. Опасность была нисколько не менѣе той, которой недавно еще избѣгли, а въ случаѣ крушенія, нельзя уже было ожидать пощады; война началась и, можетъ быть, на сторонѣ непріятеля были уже убитые, за которыхъ онъ готовился мстить. Волненіе было такъ сильно, что могло съ минуты на минуту сорвать корабль съ якорей и выбросить на подводные камни. Экипажъ безпокоился и унывалъ. Можетъ быть, многіе завидовали судьбѣ тѣхъ изъ товарищей, которые были въ плѣну у дикихъ, и которые отъ времени до времени показывались на берегу. Будущность не предвѣщала ничего хорошаго; война въ двухъ шагахъ отъ мелей; по временамъ залпы среди безмолвія на берегу и на кораблѣ; двойная опасность отъ моря и отъ дикихъ; упрямство Тонгайскихъ вождей, — все это наводило черныя предчувствія. На кораблѣ стали опасаться заговора между матросами, и капитанъ Дюрвиль готовился, можетъ быть, отказаться отъ своего плана, когда 19 числа отчалила отъ берега небольшая байдара, на которой матросъ по имени, Мартингъ, пріѣхалъ отъ имени Тагофы съ предложеніемъ выдать плѣнныхъ, если прекратятся военныя дѣйствія. Вечерняя заревая пушка, заряженная картечью, убила одного изъ вождей низшей степени, и это обстоятельство заставило дикихъ сдѣлать предложенія о мирѣ.

Дѣло было благополучно приведено къ окончанію. Одинъ изъ мата-булеевъ Тагофы по имени Вай-тотай (Рис. XVII. ф. 1.), пришелъ со страхомъ и трепетомъ объявить, что не было возможности выдать дезертировъ Симонета и Ребуля, которые бѣжали, но что остальные всѣ будутъ сданы. Нетерпѣливо желая оставить это опасное мѣсто, капитанъ согласился; онъ даже показалъ видъ, будто вовсе забылъ о вещахъ, похищенныхъ при ограбленіи гички. Шлюбка была послана за плѣнниками; они пріѣхали въ самомъ странномъ нарядѣ, покрытые лохмотьями, какъ и островитяне, полученными отъ Тагофы, когда ихъ ограбили. Наконецъ 21 Мая *Астролябія* оставила Тонга-табу, пробывъ здѣсь мѣсяцъ, среди опасностей крушенія, войны и бунта.

Три мѣсяца спустя, сюда зашелъ корабль Остъ-Индійской компаніи *Research*, которымъ командовалъ капитанъ Диллонъ. Онъ останавливался сперва у острова Эоа, но никто съ корабля не съѣзжалъ на берегъ. Капитанъ не довѣрялъ дикимъ. Къ счастію онъ былъ предупрежденъ объ одной ихъ хитрости, которая нѣсколько уже разъ вводила въ обманъ Европейцевъ: Эоайцы придумали заманивать къ себѣ шлюбки съ кораблей посредствомъ байдаръ, въ которыхъ садились лучшія ихъ красавицы. Эти сирены вертѣлись кругомъ корабля, доколѣ не удавалось имъ заманить обольщенныхъ матросовъ на берегъ. Тамъ бросалось на нихъ нѣ-

сколько сотъ человѣкъ, привязывали ихъ къ деревьямъ и не выдавали иначе, какъ заставивъ капитана заплатить выкупъ Европейскими товарами. Эта хитрость была безопаснѣе явныхъ насилій. Но Эоайцы не всегда довольствовались этимъ. Капитанъ Англійскаго корабля *Supply* имѣлъ неосторожность пустить слишкомъ много посѣтителей на палубу. Вдругъ дикіе напали на Европейцевъ, убили капитанскаго брата и одного матроса, и сбросили капитана за бортъ. Капитанъ упалъ однако не въ море, но въ шлюбку, стоявшую у борта, и къ счастію, нашелъ въ ней подзорную трубу; онъ всталъ, взялъ трубу и навелъ ее будто ружье на дикихъ. Это до того испугало ихъ, что они разбѣжались, и экипажъ, обѣдавшій въ то время въ жилой палубѣ, успѣлъ напасть на нихъ съ крюками и пиками, убилъ нѣкоторыхъ и выбросилъ остальныхъ въ море. Такимъ образомъ *Supply* былъ спасенъ.

Research избѣгнулъ этихъ опасностей и 15 Августа положилъ якорь въ Пангай-модусскомъ рейдѣ, гдѣ оставался до 26. Недавнія приключенія *Астролябіи* заставили капитана Дилона взять всевозможныя предосторожности, чтобы не подвергнуться подобной участи; онъ не съѣзжалъ на берегъ, заставилъ островитянъ снабдить его водою и дровами на байдарахъ, и строго приказалъ не пускать никого на корабль. При всемъ этомъ, дикіе въ ночь съ 19 на 20 число сдѣлали попытку овладѣть кораблемъ. Въ 3 часу утра, капитана разбудилъ шумъ подъ окнами его каюты. Онъ сталъ смотрѣть, и хотя ночь была темная, разглядѣлъ большую байдару, за которою слѣдовали другія. Онѣ, казалось, готовились вмѣстѣ напасть на корабль. Для предупрежденія подобнаго покушенія, капитанъ тотчасъ выстрѣлилъ по байдарѣ изъ пистолета, и чрезъ Тонгайскаго переводчика сказалъ, что если байдары не отдалятся, по нимъ станутъ стрѣлять изъ пушекъ. Дикіе принуждены были отступить. Пребываніе здѣсь Дилона не доставило ни какихъ новыхъ свѣдѣній объ этихъ народахъ. Онъ узналъ только, что островъ Ротума, хотя отстоящій отсюда на шестьсотъ миль, признаетъ надъ собою власть Тонга-табуйскихъ острововъ. Почтенный Фана-фануа, страхъ Мафанги, узнавъ, что *Research* долженъ былъ зайти въ Ротума, просилъ капитана Дилона взять на корабль его втораго сына, дочь 14 лѣтъ и одного изъ служителей. Эти депутаты должны были требовать подать, которую жрецы Ротума обыкновенно платили жрецамъ Тонга-табу. Уже прошло три года, какъ Фака-фануа послалъ туда своего старшаго сына, и казалось, пламенно желалъ получить извѣстіе объ этомъ юношѣ.

Мореплаватель послѣ всѣхъ посѣтившій архипелагъ Тонга, есть, сколько намъ извѣстно, Вальдегравъ, капитанъ военнаго шлюпа *Серингапатамъ*. Ставъ на якорѣ въ Пангай-моду, въ исходѣ Мая 1830, Вальдегравъ находился постоянно въ самыхъ миролюбивыхъ сношеніяхъ съ туземцами. По его словамъ, въ то время Туи-тонга снова появился на Тонга-табу, и хотя Тагофа все еще былъ сильнѣйшимъ старшиною острова, по вліянію своему на дѣла, и потому послушанію, которое ему оказывали жители, однако переворотъ совершился въ пользу Тубу, который не переставалъ быть искреннимъ и преданнымъ Христіаниномъ. Ему возвратили всѣ фамильныя права.

Подобно самымъ счастливымъ мореплавателямъ, Вальдеграву удалось присутствовать на нѣкоторыхъ празднествахъ, и между прочимъ на одномъ, которое давалъ одинъ старшина изъ Мори, по имени Партонъ, въ честь туи-тонга, по возвращеніи его съ острововъ Гапайскихъ.

«Въ 9-ть часовъ утра туи-тонга занялъ мѣсто подъ крышею обширнаго овальнаго зданія для кавы, со всѣхъ сторонъ открытаго. Чиновники его помѣстились по сторонамъ. По правую руку стала пожилая женщина, обязанная ему прислуживать. Противъ туи-тонга, въ разстояніи почти на 25 туазовъ, поставили на землю двѣ большія чаши съ кавою, и съ каждой стороны сѣли на корточкахъ, въ полукружіи, старшины и главныя особы. За ними стали всѣ остальные присутствовавшіе. Человѣкъ, въ родѣ главнаго кравчаго, стоявшій влѣво отъ Туи-тонга, возвѣщалъ громко имя особы, которой слѣдовало подносить чашу съ кавой, всегда доливаемую дополна, слуги подносили ее присѣдая до земли. Когда церемонія кавы окончилась, наступила игра между двумя отрядами старшинъ, изъ двадцати человѣкъ каждый. Туи-тонга находился въ одномъ изъ нихъ. Игра состояла въ томъ, чтобы втыкать перпендикулярно копье въ колъ, толщиною около фута, всаженный въ землю. Первый воткнулъ свое копье горизонтально, другіе

послѣдовали за нимъ, наровя, чтобы острія ихъ копій падали въ вертикальномъ направленіи. Это требовало большаго искусства: изъ двадцати копій, только пять, съ обѣихъ сторонъ были воткнуты какъ слѣдуетъ. Партія состояла изъ тридцати ударовъ, но ни въ томъ ни въ другомъ отрядѣ не достигли этого числа, хотя неоднократно перепачинали. Тун-тонга воткнулъ одно копье, а Партонъ два. Играющій становится въ пятнадцати шагахъ отъ мѣты и цѣлитъ въ столбъ такимъ образомъ, чтобы попасть перпендикулярно. По окончаніи игры, на поприще принесены были свиньи, которыхъ пересчитывали, и Тун-тонга самъ раздавалъ ихъ; на нашу долю пришлось четыре свиньи съ соразмѣрнымъ количествомъ ямса. Послѣ обѣда начались танцы: къ ночи всѣ снова сошлись на то же мѣсто, освѣщенное факелами. Дворъ, расположившійся въ центрѣ круга, состоялъ изъ тридцати или сорока человѣкъ. Распорядитель оркестра билъ по тремъ пустымъ бамбукамъ, лежавшимъ передъ нимъ на землѣ; для басовыхъ нотъ ударяли о землю другими бамбуками, у которыхъ нижняя часть была глухая; другіе хлопали въ ладоши, въ подражаніе цимбаламъ; а главный распорядитель тянулъ одну тенорную ноту, звукъ которой слышался не прерываясь. Напрасно старался я узнать, какъ это дѣлалось; мѣра соблюдалась какъ нельзя лучше; и голоса пѣли съ большимъ ладомъ. Въ продолженіе пяти часовъ хоръ перемѣнялся только два раза. Пляску начали женщины; онѣ стояли въ полукружіи лицемъ къ хору, наблюдая съ большимъ вниманіемъ мѣру и сопровождая пляску пѣніемъ. Въ безпрерывномъ движеніи рукъ и головы, эти женщины принимали самыя прелестныя положенія; онѣ то уклонялись въ сторону съ легкостью, то кружились съ чрезвычайною быстротою, или, не додѣлавъ круга, мгновенно обращались назадъ,—исполняя все это самымъ гармоническимъ образомъ. Восемьдесятъ женщинъ участвовали въ каждомъ танцѣ, и всѣ шевелились совершенно одинаковымъ образомъ и въ одну минуту. Мѣра, сначала тихая, стала постепенно оживляться, и наконецъ сдѣлалась чрезвычайно быстрою. Отъ головы до ногъ тѣло казалось въ судорожномъ движеніи; эта пляска окончилась всеобщимъ восклицаніемъ.

«Другой танецъ, исполняемый равнымъ числомъ женщинъ, заступилъ мѣсто прежняго и былъ сопровождаемъ четырьмя танцами мужскими. Разница состояла въ томъ, что мужчины часто двигали ногами, тогда какъ женщины едва отдѣляли ихъ отъ земли. Это составляло очаровательное зрѣлище. Одежда женщинъ ниспадала только отъ пояса до ногъ; но руки и грудь были обнажены; взоры зрителей могли свободно любоваться ихъ прекрасными формами. Нарядъ богатый и драпированный со вкусомъ состоялъ изъ кусковъ тапы, убранныхъ стеклярусомъ и цвѣтами. Намъ было очень пріятно присутствовать при ихъ туалетѣ и разсматривать украшенія, которыя имъ приносили. Мы восхищались ими, до той минуты, когда, въ заключеніе всѣхъ утонченностей туалета, принесли кокосовое масло надушенное сандальнымъ деревомъ, и стали обливать имъ голову, плеча и все тѣло. Эти женщины показались намъ скромными безъ неприступности. Дочь Партона занимала первое мѣсто въ одномъ изъ танцевъ, сестра ея въ другомъ, два прелестныя созданія лѣтъ около 15. Тун-тонга предводительствовалъ въ одномъ изъ мужскихъ танцевъ, сынъ его, одиннадцати-лѣтній ребенокъ, въ другомъ. Нужна большая сила, чтобы въ одно и то же время плясать и пѣть, особенно къ концу фигуръ; я пробовалъ акомпанировать пѣніе четверть часа и утомился, хотя пѣлъ сидя. Мужчины были одѣты однообразно, исключая начальниковъ партій; только одни руки ихъ были открыты; прочее же окутано матеріями. Около пояса было напутано такое множество тапы, что онъ выдавался впередъ на шесть вершковъ, и совершенно заслонялъ формы тѣла. Въ одиннадцать часовъ съ половиною, пляска кончилась.» . . . . .

Изъ Тонга-табу капитанъ Вальдегравъ направилъ путь на Вавао, чтобы узнать подробнѣе о судьбѣ двухъ китоловныхъ судовъ, на которыя недавно напали туземцы. *Серингапатнамъ* присталъ къ группѣ 4 Іюня вечеромъ, и на другой же день Вальдегравъ сошелъ на берегъ, потребовать отчета у старшинъ острова въ оскорбленіи, нанесенномъ Британскому флагу. Пусть разсказываетъ самъ капитанъ:

«Меня проводили, говоритъ онъ, въ большой домъ для кавы, гдѣ я нашелъ короля; онъ сидѣлъ, по лѣвую руку стоялъ Англичанинъ по имени Броунъ; съ каждой стороны становились по порядку главные старшины, а напротивъ ихъ тѣ, которые моло-

же чиномъ. Вокругъ дома, на лужайкѣ, между фан-тока покойнаго короля и домомъ кавы, толпились до 3000 народа. Король просилъ меня сѣсть. Стоя передъ нимъ съ шляпой на головѣ, также какъ и мои офицеры, я отвѣчалъ ему: «Король Георгъ прислалъ меня спросить тебя, Финау, зачѣмъ ты умертвилъ капитана *Елисаветы* и китоловов *Ремблера*; я не сяду, доколѣ не узнаю причину убійствъ?» При сихъ словахъ Финау задрожалъ отъ страха и гнѣва. Въ первый разъ еще его вопрошали такимъ образомъ передъ лицемъ его народа. «Вотъ священникъ (миссіонеръ), прибавилъ я; спроси его: онъ тебѣ скажетъ, что я пріѣхалъ не съ тѣмъ чтобъ наказывать, но только чтобъ узнать подробности происшествій». Тогда Финау объявилъ очень тихимъ голосомъ, что шхиперъ *Ремблеръ* и они торговали дружно, какъ вдругъ двое изъ его экипажа дезертировали. Вмѣсто того чтобы потребовать ихъ отъ короля острова, шхиперъ вздумалъ отнимать ихъ силою; и открылъ огонь по людямъ, стоявшимъ на берегу. Бѣглецы были выданы; но послѣ, когда капитанъ имѣлъ неосторожность сойти на землю, народъ возсталъ и убилъ его, не пощадивъ и экипажа его лодки. Что касается до *Елисаветы*, то, по словамъ Финау, первыя ея сношенія съ землею были столь дружелюбны, что восхищенный капитанъ обѣщалъ подарить ему ружье. Но въ минуту отъѣзда, отказалъ въ этомъ подаркѣ; тогда Финау принялся размышлять: *Елисавета*, какъ и *Ремблеръ*, подумалъ онъ просебя, станетъ стрѣлять въ народъ; лучше же ее предупредить; въ слѣдствіе этого разсужденія, онъ убилъ капитана и нѣсколькихъ матросовъ. Впрочемъ, онъ прибавилъ, что очень жалѣетъ, что поступилъ такимъ образомъ, и впередъ этого не сдѣлаетъ. Хорошо, возразилъ я на это объясненіе, я передамъ королю Георгу твои слова. — «А простишь ли ты?» и Финау сталъ настаивать о прощеніи. Я не имѣю права прощать; я пріѣхалъ только узнать о дѣлѣ. — «Станешь пить каву?» Я снялъ шляпу и присѣлъ подлѣ него. Народъ привѣтствовалъ эту минуту живымъ восклицаніемъ: кава была принесена и я выпилъ свою долю. Потомъ Финау пригласилъ меня остаться ночевать на берегу: я посовѣтовался съ офицерами и принялъ предложеніе.

«Послѣ кавы мы удалились въ казу, замѣчательную своею чистотой и опрятною наружностью: двойная плетенка изъ кокосовыхъ листьевъ покрывала полъ. Король просилъ меня велѣть офицерамъ выйти, и въ продолженіе трехъ часовъ разсказывалъ мнѣ всю исторію убійства, и снова изъявлялъ сожалѣніе. Послѣ обѣда онъ хотѣлъ показать мнѣ свою ловкость; взялъ ружье, далъ промахъ по всѣмъ птицамъ, въ которыхъ стрѣлялъ, и заключилъ убійствомъ несчастной курицы, которую въ ту минуту ощипали, изжарили и съѣли. Засимъ слѣдовалъ новый кава. Пока это продолжалось, Финау такъ настойчиво сталъ просить у меня шляпу, что я ему подарилъ ее. Вечеромъ была пляска въ большомъ домѣ для кавы; и послѣ двухъ новыхъ ужиновъ, мы возвратились наконецъ въ казу, гдѣ должны были ночевать. На другой день, позавтракавъ, я предложилъ ему ѣхать со мною на корабль; онъ согласился; но министръ его просилъ меня дать слово, что королю будетъ позволено возвратиться на землю. Я предложилъ залогъ и прибавилъ: «Мой хирургъ отправляется за четыре мили отсюда во внутренность острова, чтобы навѣстить вашего любимаго племянника; священникъ также за нимъ слѣдуетъ;—неужли вы думаете что я оставилъ бы ихъ въ вашихъ рукахъ, если бы имѣлъ намѣреніе васъ обидѣть? Король Георгъ повѣсилъ бы меня, если бъ я нанесъ вамъ хотя малѣйшій вредъ, обязавши себя словомъ. «Хорошо же, поѣдемъ» сказалъ онъ. Мы размѣстились въ двухъ лодкахъ, сопровождаемые 29 особами. Когда мы проѣзжали мимо байдаръ, туземцы подняли радостный крикъ. По прибытіи на корабль, Финау смотрѣлъ маневры морскихъ солдатъ, и два раза ему и старшинамъ его свиты подносили вино. Онъ обошелъ весь корабль, называлъ каждую вещь и пробовалъ дуть въ свистокъ боцмана. Слыша барабанъ, возвѣщавшій обѣдъ офицеровъ, онъ пошелъ за людьми и сѣлъ съ ними за одинъ столъ. Отобѣдавъ съ ними, онъ вошелъ въ мою каюту и присѣлъ къ моему обѣду. Морскіе солдаты снова маневрировали въ продолженіе получаса, и восхищенные туземцы изъявили радость свою новымъ крикомъ. Въ половинѣ четвертаго часа пополудни, Финау и его свита оставили корабль, и лодка, которая отвозила ихъ, возвратилась къ 9 часамъ, нагруженная лѣсомъ, который онъ послалъ намъ въ подарокъ.

Финау король неограниченный; приказанія его исполняются строго и немедленно; ему нѣтъ еще тридцати лѣтъ; онъ идолопоклонникъ, имѣетъ двухъ дѣтей и трехъ женъ. Жениться можетъ только на дочеряхъ знатныхъ старшинъ. Наслѣдникъ его есть плодъ той изъ его женъ, которая происходитъ отъ благороднѣйшей фамиліи. Наложницы короля многочисленны.»

Вотъ что сообщаетъ капитанъ Вальдегравъ, который впрочемъ видѣлъ эту страну мелькомъ. О дѣйствіяхъ миссіонеровъ извѣстно утвердительно только то, что поселившись въ Гифо, они убѣдились въ непреклонномъ упорствѣ Гаты, и потерявъ всякую надежду на успѣхъ, переѣхали въ 1830 г. на острова Гапайскіе, гдѣ обратили въ Христіанство короля и большую часть его народа. Въ слѣдующемъ году Вавао былъ свидѣтелемъ тѣхъ же успѣховъ. Наконецъ самый Тонгатабу, казалось, увлекся этимъ религіознымъ движеніемъ. Трое миссіонеровъ, живущихъ въ Ніуку-лафа, вмѣстѣ съ благочестивымъ Тубо каждый день пріобрѣтаютъ Христіанской вѣрѣ новыхъ послѣдователей. Желательно, чтобъ въ числѣ этихъ проповѣдниковъ нашелся хотя одинъ Эллисъ, для сохраненія памяти о правахъ и вѣрѣ, которые они стараются искоренить; только подобные труды, какъ вѣрные документы для всеобщей исторіи Земнаго Шара, могутъ оставить намъ любопытныя извѣстія о прежнемъ состояніи этой страны.

ГЛАВА VII.

Острова Тонга. — Нравы. — Обычаи. — Исповѣданіе.

Група Тонга, ближайшая къ архипелагу Вити, занимаемому племенами смуглаго цвѣта, принадлежитъ очевидно еще къ тому племени или къ той породѣ, которую мы означали именемъ Полинезійской; и по какой-то странности довольно трудно объясняемой, эта порода здѣсь благороднѣе, чище, правильнѣе, часто бѣлѣе нежели на нѣкоторыхъ островахъ гораздо болѣе удаленныхъ отъ Меланезіи. Наружность жителей Тонги пріятна; обращеніе ихъ важно и пристойно. Разсматривая черты ихъ лица, вы нерѣдко замѣтите орлиные носы, сжатыя губы и волосы по большой части гладкіе: Тонгайцы высоки и соразмѣрны въ складѣ тѣла. Прибавьте къ этому едва смуглый цвѣтъ кожи, въ особенности у женщинъ и у старшинъ, и тогда не трудно понять, сколько можетъ существовать соотношеній между этими людьми и населенцами южной Европы. Есть женщины, формы которыхъ столь прекрасны и чисты, что могли бы служить образцами нашимъ художникамъ. Можно замѣтить только одинъ недостатокъ: ноги и слѣды у нихъ чрезмѣрно толсты.

Живя въ климатѣ умѣренномъ, имѣя пищу обильную и добываемую безъ труда, туземцы вообще пользуются хорошимъ здоровьемъ. Однако они подвержены маразму, элефантіазису, простудамъ и особенной сыпи на разныхъ частяхъ тѣла. Старики здѣсь многочисленнѣе, нежели на другихъ Полинезійскихъ групахъ, за то они свѣжѣе, дѣятельнѣе и сильнѣе.

Мы видѣли, каковъ былъ характеръ этихъ народовъ; сначала мягкій, вкрадчивый и привлекательный въ обращеніи, но любящій выгоды и деньги, готовый всегда къ измѣнѣ и жестокій при случаѣ. Каждый мореплаватель смотрѣлъ на нихъ сквозь свою призму, — одинъ восхищаясь ими чрезъ мѣру, другой, можетъ быть, слишкомъ порицая ихъ. Гостепріимные хозяева и вмѣстѣ убійцы своихъ гостей; благосклонные и жестокіе; щедрые и скупые; глубоко-скрытные и храбрые прежде всего; важные, добрые между собою; умные, хитрые, созрѣлые для образованности — Тонгайцы соединяютъ въ себѣ эти противоположности, и отличаются собственно соединеніемъ ихъ. Общественныя связи здѣсь благородны и чужды соблазна; семейства управляются безъ насилія, жены не живутъ въ постыдномъ уничиженіи и табу не безсмысленно строгъ. Потому-то капитанъ Дюрвиль, не стѣсняясь, ставитъ жителей Тонги на одну черту съ обитателями Новой Зеландіи. Они одарены самыми высокими качествами и чрезвычайно сильною властію надъ собою, проистекающею только отъ ума твердаго и возвышеннаго.

Тонгайцы могутъ быть раздѣлены на пять разрядовъ: туи-тонга, эгуи, мата-булеи, муи и туи.

Мы уже достаточно объяснили, что такое туи-тонга и его семейство. Эгуи или благородные, составляли, по видимому, классъ поземельныхъ владѣльцевъ. Они занимали въ государствѣ первыя должности, назначали въ каждый округъ политическаго старшину,

почти независимаго отъ туи-тонга, и подчиненнаго ему только одними требованіями этикета. Эта независимость, кажется, едва ли существовала встарину; но въ наше время она сдѣлалась фактомъ достовѣрнымъ. Вокругъ самыхъ могущественныхъ эгуевъ, старшинъ округовъ, толпились другіе, подчиненные эгуи, которые шли за звѣздою патрона, какъ спутники за планетою. Чтобы означить владѣніе островомъ, округомъ или селеніемъ, они прибавляли къ слову *туи* (господинъ) названіе владѣнія. Отсюда происткаютъ туи-вавао, туи-ганап, туи-намука.

Однѣ женщины передавали благородство: если мать не была благородною, то и дѣти не могли быть благородны. Ни въ какомъ случаѣ фортуна, судьба и богатство не возвышали состоянія. Даже нынѣ, не смотря на переворотъ сокрушившій почти все старое на Тонга-табу, въ кавахъ и въ торжественныхъ собраніяхъ могущественный и грозный Тагофа принужденъ уступать дорогу робкому Тубо, ничтожному Лату и другимъ членамъ Фата-фасвъ, на которыхъ онъ едва смотритъ въ другое время.

За эгуями слѣдуютъ мата-булеи, умное и полезное учрежденіе, существенная мѣра для правленія феодальнаго. Мата-булеи суть опекуны эгуевъ и ихъ совѣтники съ дѣтства. На нихъ возложено управленіе землями, наблюденіе за церемоніями и сохраненіе преданій. Рѣдко, эгуи совершаютъ важное дѣло, не посовѣтовавшись съ своими мата-булеями. Мата-булеи суть естественные посредники между народомъ и знатными: это ступень отъ безземелья къ владѣнію.

Классъ муевъ, почти весь составленъ изъ родни мата-булеевъ. Имъ предоставлены такъ называемыя свободныя искусства, какъ-то построеніе байдаръ и большихъ казъ, обдѣлка китовыхъ усовъ и приготовленіе неводовъ. Другія ремесла принадлежатъ туямъ, послѣднему классу, который самъ подраздѣленъ на категоріи, смотря по цѣнности ремесла. Состоящіе въ послѣдней степени суть повара и земледѣльцы. Рабовъ же, собственно такъ называемыхъ, не существуетъ вовсе; попадавшихся въ плѣнъ на войнѣ, убивали, промѣнивали, возвращали, или вербовали въ войско побѣдителя.

Бывало, когда архипелагъ, покорный туитонгаю, находился подъ управленіемъ благоустроеннымъ и почтеннымъ, войны конечно были рѣдки, и то только частныя. Тѣ, которыхъ мучила любовь къ битвамъ, плыли на острова Вити, — гнѣздо ужасныхъ и долговременныхъ распрей. Бунтъ Финау измѣнилъ это мирное состояніе. Десять лѣтъ острова были добычею войны. Не разъ арміи числомъ отъ 2 до 3,000 человѣкъ сходились, и тогда вполнѣ обнаруживался предпріимчивый и воинственный духъ туземцевъ. Всякій, кто былъ въ силѣ носить оружіе, отдавался въ распоряженіе эгуя, и слѣдовалъ за нимъ въ его походахъ. Обыкновенно избѣгали правильныхъ сраженій; война состояла въ стычкахъ и нечаянностяхъ. Побѣжденные, или отдавались въ руки побѣдителя, или обращались въ бѣгство на пріятельскій островъ, увлекая на лодки женъ, дѣтей, старцевъ, словомъ, все, что могло быть для нихъ драгоцѣнно. Сколько подобныхъ беглѣцовъ поглотилъ океанъ, довершая дѣло побѣдителя.

Оружіемъ этихъ народовъ были копья и булавы разныхъ видовъ. Нынѣ у нихъ сверхъ того завелось небольшое количество ружей, и въ особенности множество штыковъ надѣтыхъ на длинныя рукояти (Рис. XVII. ф. 2).

Понятіе о преступленіи островитяне заключаютъ почти безъ изъятія въ нарушеніяхъ табу и въ неповиновеніи старшинамъ; двойное преступленіе весьма рѣдко. Палочные удары суть обыкновенное наказаніе; въ случаяхъ болѣе важныхъ, преступникъ казнится смертію. Поединокъ не извѣстенъ жителямъ Тонга. Когда между двумя эгуями существуетъ вражда, основанная на убѣдительныхъ доводахъ, тогда они нападаютъ другъ на друга. Иногда смерть одного изъ бойцевъ прекращаетъ единоборство; но чаще всего оно оканчивается непритворнымъ примиреніемъ.

Управленіе имуществами, игра, пляска, прелесть бесѣды, составляютъ главное препровожденіе времени эгуевъ и мата-булеевъ. Уже было разъ говорено о *леагви* и *фанакалаи*. Въ родѣ послѣдняго увеселенія есть еще *джіа-туба*, охота на приманку. *Фана-гума*, или охота на крысъ, есть забава еще болѣе благородная: одни знатные эгуи предаются ей. Предъ начатіемъ охоты, служители разсыпаютъ по землѣ притраву, и бросаютъ кое-гдѣ маленькіе куски дерева, чтобъ дать знать туямъ, что они должны очистить мѣсто для господъ. По окончаніи приготовленій, стекаются охотники, вооруженные луками и стрѣлами. Дружина, раздѣленная на двѣ

равныя части и предводимая двумя высшими по чину старшинами, должна отличаться напоказъ въ этомъ странномъ упражненіи. Стрѣлки становятся въ рядъ одинъ за другимъ, соблюдая притомъ, чтобы люди одной партіи очередовались съ людьми другой. Когда появляется крыса, передовой стрѣлокъ пускаетъ въ нее стрѣлу; убилъ ли онъ ее или далъ промахъ, во всякомъ случаѣ онъ становится уже позади другихъ. Такимъ образомъ каждый въ свою очередь принимаетъ участіе въ охотѣ; партія убившая десять крысъ, одерживаетъ побѣду.

Другія игры или упражненія суть: *ало*, ловля бонита; *толо*, метаніе копьемъ, о которомъ было говорено; *фанифо*, купанье въ бурунахъ; *фанга-туа*, бой булавами; *фугу*, кулачный бой; *таупапа*, метаніе копьями; *лафо*, родъ палета; *гифо* и *габо*, игры женскія, состоящія въ бросаніи на воздухъ шаровъ. Искусство играющей заключается въ томъ, чтобы постоянно держать въ воздухѣ пять шаровъ, перебрасывая ихъ сряду съ одной руки въ другую (Рис. XVIII. ф. 1).

Что касается до разговоровъ, то они всѣ почти вертятся на одномъ предметѣ о *Папа-лагвисахъ* или Европейцахъ. Нѣкоторые разскащики въ особенности обладаютъ талантомъ заинтересовытать слушателей или заставлять ихъ смѣяться, передавая то, что знаютъ о нашихъ нравахъ и обычаяхъ. Разумѣется, что въ этихъ разсказахъ не обходится безъ нелѣпыхъ преувеличеній и подробностей собственнаго изобрѣтенія; но эти-то басни дороже для слушателей всѣхъ достовѣрныхъ подробностей и точныхъ наблюденій.

Разнообразныя занятія жителей показываютъ, что промышленость между ними не въ младенчествѣ. Нельзя не упомянуть о построеніи байдаръ (*фа-кава*), въ которомъ племя Тонгаевъ превосходствуетъ; о дѣланіи ожерельевъ изъ кашалотовыхъ зубовъ (*фанна-ле*); о построеніи склеповъ для погребенія старшинъ *(то-фанга-та-жака)*; о дѣланіи неводовъ (*джіа-кобенга*); о рыбной ловлѣ неводомъ и удочкой *(то-фунга то-таи-ика)*; о построеніи казъ (*тонга-фале*); объ искусствѣ разрисовывать тѣло (*та-тату*); о рѣзьбѣ на булавахъ *(тонгуи-акао)*; о цирюльномъ промыслѣ (*фаи-кева*), производимомъ или посредствомъ заостренной раковины или съ помощію пемзы; наконецъ о поваренномъ искусствѣ (*фаи-уму*). Всѣ эти промыслы наслѣдственные; но есть другіе, случайные, какъ напр. производство хирургическихъ операцій, построеніе укрѣпленій, фабрикація веревокъ и оружій.

Крестьяне или *каи-фануи* обработываютъ землю деревяннымъ орудіемъ въ родѣ лопаты, называемымъ *гау*. Фабрикація матерій, плетенокъ и корзинъ обыкновенно находится въ рукахъ женщинъ. Въ первообразномъ видѣ матерія называется *тапа*; приготовленная и окрашенная, она принимаетъ названіе *гнату*.

Плетенки самыя тонкія (*гнафи-гнафи*) дѣлаются изъ листьевъ пандануса. Плетенки спальныя (*фула*) дѣлаются двойныя и бываютъ разной величины: иныя доходятъ до 10 футъ длины на 6 ширины. Плетенки для парусовъ (*ла*), столь же крѣпкія, сколько легкія; плетенки для ковровъ (*такапу*); плетенки, украшенныя рисунками (*татау*); наконецъ плетенки для крышъ (*баула*), — пополняютъ номенклатуру предметовъ этого рода промышлености. Корзинки бываютъ разныхъ родовъ, какъ и плетенки. Всѣ эти работы суть рукодѣлія женщинъ, также какъ фабрикація гребней изъ волоконъ кокосовыхъ и добываніе нитокъ изъ коры *олонга*.

Пища старшинъ Тонгаевъ состоитъ изъ завтрака, сопровождаемаго обычною кавою, изъ обѣда около полудня и изъ ужина при закатѣ солнца. На самыхъ большихъ обѣдахъ, передъ каждымъ становится его порція. Не существуетъ закона, запрещающаго женщинамъ быть за столомъ съ мужчинами; но низшему запрещается ѣсть или пить въ присутствіи высшаго. Никто не смѣлъ сѣсть при туи-тонгѣ, и по какому то странному закону онъ самъ не имѣлъ права ѣсть при старшихъ членахъ своей фамиліи.

Всякая не обрученная молодая дѣвушка, можетъ отдаться первому, кто ей понравится: Нареченныя, и это почти всегда случается съ дочерьми старшинъ, обязаны соблюдать вѣрность столь же строго, какъ жены. Впрочемъ женщины самыя вольныя въ поведеніи, не чужды нѣкоторой скромности. Имъ совѣстно часто перемѣнять обладателей своихъ.

Замужнія женщины обыкновенно бываютъ цѣломудренны и вѣрны. Въ случаѣ прелюбодѣйства законъ предаетъ обоихъ виновныхъ оскорбленному супругу: владѣя неограниченно женою, онъ можетъ безъ пощады убить ее; но чаще онъ ее отвергаетъ, и тогда она снова становится свободною и совершенно вольною въ своихъ дѣйствіяхъ. Эгуи могутъ

брать столько женъ, сколько имъ угодно; мѣста занимаютъ онѣ между собою по рожденію.

Церемонія супружества обходится безъ большаго этикета. Женихъ отправляется за своей невѣстой въ домъ ея родителей и даетъ столъ друзьямъ обѣихъ фамилій. Этимъ ограничиваются всѣ обряды гражданскіе и религіозные.

Туи-тонга, слишкомъ высока для того, чтобъ какая либо женщина могла сдѣлаться его женою и носить это званіе. Сей верховный жрецъ сбираетъ въ свой гаремъ дочерей самыхъ знатныхъ эгуевъ, которыя всегда очень довольны такимъ выборомъ, и наслѣдникомъ духовной власти бываетъ сынъ той изъ женъ, которая всѣхъ благороднѣе по крови. Нѣкоторыя женщины изъ фамиліи Фата-фаи, и между прочими Тамага, пользовались почти подобнымъ преимуществомъ. Онѣ не могли избирать себѣ супруга, но имъ позволялось имѣть нѣсколько любовниковъ, мѣнять ихъ, когда хотѣли, и ни одинъ изъ нихъ не могъ имѣть притязанія на какія бы то ни было права.

Въ странѣ, гдѣ одно рожденіе даетъ благородство, женщина, выходя замужъ, не теряетъ ни своего мѣста, ни правъ фамиліи. Если супруги неравныхъ состояній, то низшій изъ нихъ, прежде нежели приступитъ къ кушанью, долженъ подчиниться моэ-моэ, въ отношеніи къ старшему члену хозяйства, подъ опасеніемъ нарушить правило табу. Женщина, которая выходитъ за мужа высшаго званія, выигрываетъ въ личномъ уваженіи; но не такъ бываетъ съ мужемъ, который беретъ жену ниже его званіемъ.

Женщины, даже матери семействъ, часто усыновляютъ постороннихъ дѣтей, съ которыми онѣ обращаются какъ съ собственными. Эти усыновленія имѣютъ конечно политическую цѣль. Дѣти наслѣдуютъ званіе матерей; имъ принадлежатъ тѣ же почести, тѣже обряды этикета, хотя бы они были ребятишками. Мальчиковъ подвергаютъ чему-то похожему на обрѣзаніе. Разрисовка тѣла употребляется между людьми нѣсколько пожилыми; узоры отличаются разнообразіемъ и вкусомъ. У женщинъ разрисовывается одна только ладонь.

Домы имѣютъ обыкновенно фигуру овала, въ тридцать футовъ длины, въ 20 ширины и отъ 12 до 15 вышины. Они состоятъ только изъ крыши, поддерживаемой совокупленіемъ многихъ столбовъ и брусьевъ, хорошо прилаженныхъ и соединенныхъ связями. Полъ изъ убитой земли посыпанъ слоемъ сухой травы, сверхъ которой разложены плетенки изъ кокосовыхъ листьевъ. Внутренность можетъ быть раздѣлена на нѣсколько покоевъ посредствомъ разноштучныхъ плетенокъ. Другія плетенки, разложенныя по скату крыши, въ случаѣ нужды опускаются, дабы защитить казу отъ дождя, вѣтра или солнца (Рис. XVIII. ф. 2).

Одни хозяева дома имѣютъ особенную комнату; прочіе же члены семейства спятъ коекакъ въ большой залѣ. При этомъ не забываютъ однако отдѣлять оба пола. Служители имѣютъ маленькія прилегающія казы. Постели состоятъ изъ плетенокъ, а дневныя одежды суть единственныя покрывала для ночи. Утварь сихъ жилищъ не многочисленна: одинъ или два деревянные кувшина для кавы, высушенныя тыквы съ водою, кокосовые сосуды, наполненные масломъ для туалета, скамьи и подушки изъ дерева, вотъ почти все. Обведенные огородомъ, эти домики группируются небольшими селеніями. Селенія называются *кого*, когда они укрѣплены, и самое важное изъ всѣхъ принимаетъ титулъ *муа*. Это родъ столицы. Впрочемъ селенія содержаны прекрасно: ихъ пересѣкаютъ тропинки, окружаютъ изгороды и по мѣстамъ осѣняютъ рощи.

Пища островитянъ, здоровая и разнообразная, состоитъ изъ предметовъ общихъ цѣлой Полинезіи. Только поваренное искусство достигло въ архипелагѣ Тонга гораздо большей прихотливости, нежели въ прочихъ группахъ. Мерннеръ приводитъ до тридцати различныхъ блюдъ. Что касается до одеждъ, то онѣ состоятъ изъ тонкой плетенки или изъ куска матеріи, которою жители обвертываютъ тѣло, и опутавъ почти два раза вокругъ туловища, прикрѣпляютъ на поясницѣ. Женщины обыкновенно закрываютъ грудь; но мужчины ходятъ всегда съ открытою грудью. Простой народъ довольствуется часто однимъ передничкомъ изъ листьевъ и поясомъ, похожимъ на *маро* Таитянъ. Мальчики долго не надѣваютъ платья; но дѣвочки начинаютъ одѣваться гораздо ранѣе. Иногда туземцы носятъ на головѣ маленькія шапочки, или куски матеріи, свернутыя въ видѣ чалмы, или простыя забрала, сплетенныя изъ листьевъ кокосоваго дерева, и защищающія ихъ зрѣніе отъ палящихъ лучей солнца.

Уборка волосъ составляетъ самую существенную часть туалета. Нѣтъ общей моды, которая бы ее однообразила. Одни носятъ волосы длинные и распущенные, другіе стригутъ ихъ вплоть. Но есть еще такіе, которые посредствомъ ѣдкихъ составовъ окрашиваютъ ихъ въ цвѣта: бѣлый, красный, или самый свѣтлый, и потомъ завиваютъ съ большимъ стараніемъ. Нѣкоторые Тонган-денди боятся шевелить головой, отъ страха, чтобъ не разстроить громадной прически. Женщины, напротивъ, носятъ очень короткіе волосы. Но что отличаетъ оба пола, это та утонченная опрятность, въ которой они содержатъ свое тѣло. Употребленіе бань, соединенное съ втираніемъ кокосоваго масла, даетъ ихъ кожѣ мягкость и необыкновенную красоту. Когда женщины идутъ на праздникъ, такимъ образомъ вымытыя, намасленныя, благоухающія, съ ихъ многочисленными и разнообразными украшеніями, ихъ ожерельями изъ раковинъ, птичьихъ перьевъ, зубовъ акулы или изъ китовыхъ усовъ, то онѣ истинно плѣнительны, исполнены нѣги и прелестей. Плоды пандануса, или душистые цвѣты, то обвиваютъ ихъ нѣжныя головки, то въ гирляндахъ рисуются фестонами вокругъ ихъ красивыхъ плечей и груди. Въ мочки ушей, гдѣ уже приготовлены большія дыры, онѣ вдѣваютъ цилиндры трехъ вершковъ длины, и тростники, наполненныя желтымъ порошкомъ.

Мы говорили уже о музыкальныхъ ихъ инструментахъ: кромѣ *нафа*, родъ барабана, употребляются бамбуки разныхъ величинъ; *фанго-фанго*, родъ флейты, сдѣланной изъ бамбука, закрытой съ двухъ концевъ, и имѣющей шесть дырочекъ, въ которыя дуютъ ноздрями. На Тонга знаютъ также свирѣль-купана, состоящую изъ осьми или десяти постепенно укорачивающихся тростинокъ, параллельно прилегающихъ одна къ другой; звуки, извлекаемые изъ этого инструмента, довольно неправильны.

Подобно Таити и островамъ Гавайскимъ, Тонга-табу имѣетъ свои пѣсни, въ которыхъ или изображаются историческія событія первыхъ вѣковъ, или живописуются сцены вымышленныя, и наконецъ такія, которыя служатъ просто акомпаниментомъ для танцевъ. Мы видѣли, сколько эти танцы граціозны, красивы, благородны и разнообразны.

Тонган, сколько можно видѣть, не обожаютъ фетишей, коихъ твердо держатся въ восточной Полинезіи. Въ ихъ язычествѣ болѣе эмблематическаго, нежели существеннаго; оно состоитъ въ полномъ духовномъ поклоненіи *готуасамъ*, божествамъ отвлеченнымъ и довольно неопредѣлительнымъ. *Готуасъ* Тонгаевъ есть почти тоже, что *атуа* Таитянъ, хотя религіозная идея первыхъ, ихъ символъ, правила и обряды гораздо темнѣе и непонятнѣе Таитскихъ.

Готуасы бываютъ всѣхъ званій; они расположены въ іерархическомъ порядкѣ, не считая готуасовъ или духовъ эгуевъ и матабулеевъ, которые получаютъ эту честь послѣ ихъ смерти. *Готуасы-пу* суть духи тьмы, посланные въ міръ, чтобы терзать людей.

По словамъ Кука, между главными богами считаются:

Кала-футонга, творецъ большей части предметовъ; богъ женскаго пола, засѣдающій на небѣ, предводитель стихій и страшный въ своемъ гнѣвѣ (это *кала-фила-тонга* Вильсона).

Тали-аи-тубо, богъ войны, покровитель *гу* или короля Вавао, которому онъ даетъ непосредственно совѣты.

Туи-фуа-болоту, или старшина *Болоту*, достоинствомъ ниже предъидущаго, не смотря на пышность своего титла.

Гигулео, сильный богъ, уважаемый фамиліею туи-тонга.

Тубо-тотаи, буквально значитъ Тубо морской, богъ путешественниковъ, котораго призываютъ садясь въ байдару.

Алаи-валу, богъ хранитель фамиліи *гу*, которому поклоняются въ Офу.

Ало-ало, богъ стихій, призываемый владѣльцами земель.

Мави, который встрѣчается также на Тонга, гдѣ онъ считается какимъ-то Энкеладомъ или Атласомъ, носящимъ на своей спинѣ землю, и отъ малѣйшаго движенія котораго возникаютъ землетрясенія.

Потомъ слѣдуютъ *Гала-апи-апи* и *Туу-болоту*, боги подвластные, которые блюдутъ за моремъ и путешествіями; *Тогви-уку-меа* и *Тубо-бугу*, облечены почти въ тѣ же должности; *Танга-лоа*, богъ искуствъ и ремеслъ, который вытащилъ острова Тонга на поверхность моря, удя однажды рыбу.

Этотъ послѣдній, кажется, имѣетъ преимущество быть хранителемъ странныхъ и любопытныхъ преданій. Мерінеръ приводитъ одно изъ нихъ, служащее историческимъ до-

кументомъ и вмѣстѣ образчикомъ туземной литературы. Повторимъ его здѣсь:

«Богъ Тангалоа и его два сына пошли на житье въ Болоту.

«Долго жили они тамъ; однажды Тангалоа сталъ такъ говорить двумъ сыновьямъ своимъ:

«Возьмите вашихъ двухъ женъ и ступайте въ міръ обитать Тонгу.

«Раздѣлите землю пополамъ и живите отдѣльно. Они отправились.

«Имя старшаго было Тубо; имя младшаго Вапа-ако ули.

«Младшій былъ большой искусникъ. Онъ первый сталъ дѣлать топоры, стеклянныя ожерелья, матеріи изъ *папа-лангви* и зеркала.

«Тубо былъ не таковъ: онъ любилъ одну праздность.

«Онъ только гулялъ, спалъ, да завидовалъ трудамъ своего брата.

«Соскучивъ безпрестанно просить у него подарковъ, онъ задумалъ его убить, и спрятался для этого дурнаго дѣла.

«Однажды онъ повстрѣчалъ брата на прогулкѣ и убилъ его.

«Тогда ихъ отецъ прибылъ въ Болоту, пламенѣя отъ гнѣва.

«Онъ спросилъ сына: зачѣмъ ты убилъ твоего брата? развѣ ты не могъ трудиться подобно ему! бѣги, несчастный, бѣги!

«Скажи семейству Вапа-ако-ули, скажи, чтобъ оно пришло сюда.

«Они явились, и Танга-лоа отдалъ имъ слѣдующія приказанія:

«Ступайте и спустите эти байдары въ море; держите путь на западъ, къ великой землѣ и тамъ останьтесь.

«Ваша кожа сдѣлается бѣла какъ душа ваша, ибо душа ваша прекрасна.

«Вы получите всякія способности, будете дѣлать топоры, разнаго рода хорошія вещи и большія байдары.

«Между тѣмъ я велю вѣтру все дуть отъ вашей земли къ Тонгѣ.

«И имъ нельзя будетъ догнать васъ въ ихъ худыхъ байдарахъ.»

«Послѣ сего Танга-лоа сказалъ старшему брату:» ты будешь черенъ; ибо душа твоя дурна, ты будешь бѣденъ.

«У тебя нѣтъ хорошихъ вещей; тебѣ не бывать на землѣ твоего брата. Ты не можешь доѣхать до нея на твоихъ дурныхъ байдарахъ.

«Но братъ твой будетъ иногда навѣщать Тонгу, чтобъ торговать съ тобой.»

Довольно любопытно найти въ Океанической легендѣ исторію разсѣянія рода человѣческаго; противоположностей людскихъ породъ; отдѣленія добрыхъ отъ дурныхъ; убійства Авеля и наказаніе Каина.

За первообразными богами слѣдуетъ множество *готуасовъ*, духовъ скончавшихся эгуевъ и мата-булеевъ, которые имѣютъ власть вдохновлять жрецовъ и являться ихъ друзьямъ и родственникамъ. Ихъ призываютъ на фай-токаяхъ, составляющихъ предметъ глубокаго почтенія. Впрочемъ это почтеніе распространяется на всѣ божества безъ исключенія. Примѣры богоотступничества рѣдки, потому что съ строгимъ соблюденіемъ уставовъ богослуженія сопряжено нѣкоторое физическое благосостояніе. Всякое нарушеніе наказывается самими богами, которые посылаютъ виновнымъ тяжкую болѣзнь и даже смерть: общепринятая система временныхъ наказаній сильно содѣйствуетъ къ утвержденію покорности обрядамъ и вѣры въ преданія.

Боги обыкновенно изъявляютъ свое присутствіе какимъ то особеннымъ свистомъ; изъ уваженія къ божеству туземцы, стараются всѣми силами не свистать.

На островахъ Тонга, жрецы не составляютъ, такъ какъ въ другихъ Полинезійскихъ группахъ, привилегированной касты отличительнаго сословія. Жрецовъ дѣлаетъ природа, а не призваніе. Надобно, чтобъ жрецы имѣли способность вдохновенія, чтобъ ихъ, хоть изрѣдка посѣщалъ какой нибудь богъ. Тогда они становятся *фаге-геге*, т. е. необыкновенными, отдѣльными отъ другихъ людей, существами самыми чистѣйшими. Когда восторженность жреца окончилась, то съ нею вмѣстѣ онъ теряетъ и духовное свое значеніе; дѣлаясь существомъ простымъ, жрецъ снова вступаетъ въ отправленіе своего общественнаго чина, обыкновенно низкаго. Эгуи въ самомъ дѣлѣ бываютъ рѣдко жрецами, особенно тѣ, которые повыше званіемъ.

Этотъ родъ вдохновенія; конечно имѣетъ своихъ шарлатановъ и плутовъ; но Меринеръ заставляетъ вѣрить, что восторгъ вдохновеннаго, происходящій отъ большой раздражительности мозга, бываетъ иногда вовсе не поддѣльный и глубокій. Можетъ быть, Тонгайскіе жрецы въ самомъ дѣлѣ ощущаютъ въ себѣ тѣ же органическіе феномены, которые

древность замѣчала въ пиѳіяхъ и сибиллахъ, и которые новѣйшій магнетисмъ воспроизвелъ такъ убѣдительно, что обезоружилъ самыхъ невѣрующихъ. Жрецъ Тонга, подверженный вліянію божества, дѣлается сперва задумчивымъ и мрачнымъ; онъ кажется въ борьбѣ съ непреодолимою силою, которую ему хочется побѣдить; побѣжденный ею, онъ уступаетъ и начинаетъ говорить, сначала глухимъ голосомъ, какъ будто вынужденный, приневоленный силою; потомъ, возвышаясь мало по малу до судорожнаго состоянія, онъ торопится говорить, бросаетъ слово на слово; рѣчи его сталкиваются и сильно звучатъ; онъ самъ принимаетъ положеніе, знаменующее вызовъ и угрозу. Тогда начинается какое-то эпилептическое и нервическое сотрясеніе; потъ течетъ съ его чела, ротъ его въ безпрерывной дерготѣ, зубы щелкаютъ, губы дѣлаются черными. Онъ почти задыхается; пульсъ становится неровенъ; онъ бы вѣрно умеръ, еслибъ обильныя слезы не пролились изъ его глазъ. Эти слезы облегчаютъ жреца, который оправляется отъ страшнаго припадка и послѣ ѣстъ за четверыхъ голодныхъ.

Иногда боги нисходятъ съ Болоту не только къ жрецамъ, но и къ другимъ людямъ. Это оказывается также въ припадкахъ черной немочи, составляющихъ особый характеръ такого откровенія. Въ подобномъ случаѣ надобно изготовить большой кава и слѣдовать церемоніялу, предписанному для жрецовъ. Мернеръ разсказываетъ объ одномъ молодомъ и прекрасномъ эгуѣ, который находясь въ состояніи вдохновенія, не могъ отгадать, какой богъ его мучилъ. Его привели къ одному старому жрецу, который объявилъ ему, что женщина, умершая за два года и жившая въ Болоту, воспламенилась къ нему сильною страстію, и потому является. Жрецъ прибавилъ, что она желаетъ, чтобъ онъ поскорѣе умеръ, для того чтобъ вкусить отъ него наслажденіе, и что эта участь постигнетъ его чрезъ нѣсколько дней. Мернеръ не говоритъ оправдалось ли странное пророчество.

Съ жрецами совѣтуются также о больныхъ, которыхъ водятъ въ капища. Когда ребенокъ при смерти, тогда мать несетъ его къ жилью жреца, въ сопровожденіи подругъ и родственницъ, надѣвающихъ на шею гирлянды изъ листьевъ *тчи*; онѣ составляютъ кругъ, въ серединѣ котораго она садится накорточки и проситъ у жреца заклинаній для излеченія ребенка (Рис. XIX. ф 1.); жрецъ произноситъ ихъ и принимаетъ какой нибудь подарокъ, въ видѣ вознагражденія.

Табу, торжественный запретъ тяготѣющій надъ всею Полинезіею, имѣетъ свою особенную физіономію въ архипелагѣ Тонга. Мы уже видѣли, что къ женщинамъ этихъ острововъ онъ снисходительнѣе, нежели гдѣ либо. Но въ немъ замѣтны еще другія черты, которыя его рѣзко отличаютъ.

Прикасавшійся къ особѣ высшаго чина, чрезъ это одно дѣлался табу, и не смѣлъ болѣе употреблять своихъ рукъ. Чтобъ освободиться отъ запрещенія, ему нужно было сначала исполнить церемонію моэ-моэ, а потомъ умыть ноги старшему. Когда по близости не случилось воды, довольствовались сокомъ изъ сучка бананового дерева. Кто опасался, не тронулъ ли онъ, не замѣтивъ того, припасовъ, руками, объявленными табу, тотъ, для избѣжанія всякихъ гибельныхъ послѣдствій, бросался на колѣни передъ старшиною высшаго чина, и схвативъ его ногу, прижималъ ее къ своему животу. Этотъ обрядъ назывался *фата*. Чѣмъ выше достоинствомъ былъ старшина, тѣмъ обрядъ былъ дѣйствительнѣе. Потому то преимущественно обращались къ старшинамъ фамиліи *фата-фаи*. Въ отсутствіи тун-тонга, священный сосудъ, назначенный именно для сего предмета, былъ облекаемъ силою того же отпущенія, чрезъ простое прикосновеніе. Оловяный сосудъ, оставленный Кукомъ, долгое время отправлялъ эту важную службу. Одинъ кава былъ избавленъ отъ всякаго рода табу.

Церемонія *натчи*, уже описанная нами, влекла за собою такое потребленіе припасовъ, что на нѣкоторые изъ нихъ налагался потомъ временный табу, оканчивавшійся другою церемоніею, называемою *фака-лаги*. Она состояла въ выставкѣ множества припасовъ, жареныхъ свиней, ямса и пататовъ, приносимыхъ въ малаи короля, гдѣ ихъ раздавали эгуямъ, которые дѣлили ихъ между народомъ. Мернеръ разсказываетъ, что на томъ праздникѣ, который онъ видѣлъ, было не менѣе четырехъ сотъ свиней и безчисленное множество ямса.

Другой праздникъ, подобный натчи и называемый *тао-тао*, состоитъ въ приношеніяхъ *ало-ало*, богу стихій, для того чтобы онъ далъ землѣ плодородіе. Кулачный бой

служитъ дополненіемъ этого празднества, въ родѣ сатурналій, гдѣ всѣ чины смѣшаны, гдѣ самаго туи-тонга можетъ побить послѣдній изъ туевъ, не боясь быть наказаннымъ за оскорбленіе. Эту суматоху наиболѣе отличаетъ веселость бойцевъ, даже тѣхъ, которымъ всѣхъ больнѣе достается. Взбѣситься на человѣка, который сломалъ вамъ руку или ногу, значило бы поступить малодушно. По закрытіи поприща, совершается церемонія моэ-моэ, служащая какъ бы очищеніемъ праздника, въ которомъ забыто всякое чинопочитаніе.

Церемонія *науджіо* есть отвратительный обычай, повелѣвающій зарѣзать дитя, для испрошенія у боговъ выздоровленія больному старшинѣ. Науджіа необходимо употребляется еще, когда старшина оскорбилъ чѣмъ нибудь боговъ неумышленно. Нѣкогда, по смерти туи-тонга, въ торжественномъ науджіа закалывали его первую жену, чтобы похоронить въ одно время ихъ тѣла. Финау II уничтожилъ этотъ обычай. Впрочемъ, туземцы съ отвращеніемъ покоряются церемоніи науджіа: они плачутъ и горько сожалѣютъ о жертвѣ; но считаютъ закланіе необходимостію.

Обряды погребальные уже были описаны по случаю смерти одного члена фамиліи Фата-фаи. Погребеніе туи-тонга еще пышнѣе. По духовномъ владыкѣ носятъ трауръ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ. Табу, налагаемый на тѣхъ, которые коснулись его тѣла, продолжается по крайней мѣрѣ десять мѣсяцевъ и пятнадцать для его ближайшихъ родственниковъ. На цѣлый мѣсяцъ запрещено брить бороду и натираться масломъ въ продолженіе дня. Въ продолженіе двухъ мясяцевъ, траурныя женщины день и ночь стоятъ у фаи-тока, отлучаясь только затѣмъ, чтобы наскоро поѣсть въ сосѣднихъ хижинахъ.

Въ день похоронъ жители въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, одѣтые въ старыя платья, имѣли каждый съ собою по *тому* или факелу изъ кокосоваго дерева, и по куску *болата* (вѣтка банана), приходятъ и садятся въ сорока туазахъ отъ гробницы. Одна изъ траурныхъ женщинъ проситъ посѣтителей приблизиться. Тогда двое изъ людей, стоящихъ за фаи-тока, трубятъ въ раковину, а шесть другихъ совершаютъ кругообразное шествіе между народомъ и Фаи-тока. По окончаніи процессіи, зрители ломаютъ свои болата, всходятъ на надгробный холмъ и осыпаютъ его томами и болатами.

Наступаетъ ночь, и звуки раковинъ все еще раздаются, между тѣмъ какъ корифеи поютъ какой-то речитативъ, частію на языкѣ Гамоа, частію на неизвѣстномъ діалектѣ. Это есть предвѣстіе странной и неблагопристойной церемоніи, смыслъ которой разгадать трудно. Когда смолкнутъ раковины, одна изъ траурныхъ женщинъ садится впереди фаи-тока и говоритъ народу: «о люди! вы собраны здѣсь для исполненія возложенныхъ на васъ обязанностей; встаньте и постарайтесь исполнить ихъ вполнѣ.» Исполненіе обязанностей состоитъ во всеобщемъ испражненіи, которое вскорѣ покрываетъ и заражаетъ священный холмъ.

На другой день съ разсвѣтомъ, женщины перваго чина, супруги и дочери главныхъ старшинъ, являются въ процессіи, сопровождаемыя своими служанками. Онѣ несутъ корзинки и съ помощію широкихъ раковинъ, убираютъ нечистоту, оставленную наканунѣ. Мало найдется такихъ женщинъ, которыя дерзнули бы не принимать участія въ этомъ изъявленіи религіознаго смиренія. Четырнадцать ночей продолжаются эти странствія. Наконецъ на шестнадцатый день появляются тѣ же женщины, но на этотъ разъ украшенныя лучшими своими нарядами. Съ вѣнками изъ цвѣтовъ на головѣ, съ красивыми корзинками въ рукахъ, онѣ выражаютъ пантомимой тѣ противныя должности, которыя еще вчера онѣ дѣйствительно отправляли. По словамъ туземцевъ, этотъ символическій обрядъ означалъ, что нѣтъ отвратительнаго и низкаго служенія, когда дѣло касается духовнаго старшины.

Тугу-кава есть церемонія, также принадлежащая къ трауру. Она состоитъ въ принесеніи вѣтки кавы къ часовнѣ или гробницѣ, если кто хочетъ исполнить надъ собою обрядъ *тугви*, т. е. рѣзать себя и всячески уродовать. Тѣлесныя истязанія, о которыхъ мы говорили не рѣдки, ни легки. Они напоминаютъ какъ факиры и жоги въ Индіи умерщвляютъ свою плоть. Всякая молитва называется *лоту*.

Чары и предвѣщанія играютъ важную роль на этихъ островахъ. Сны, молнія, чиханіе, неожиданно пролетѣвшій зимородокъ, все обращается у нихъ въ знаменіе, а иногда служитъ поводомъ къ оставленію предпріятій уже доведенныхъ до половины. Главныя

чары суть *татао*, состоящая въ спрятаніи вещи въ фан-тока, для того чтобъ погубить ее хозяина; *кабе*, родъ вдохновенія, слѣдующаго извѣстнымъ правиламъ; наконецъ *та-ниу*, вертеніе кокосоваго орѣха на одномъ мѣстѣ и исканіе совѣта и знаменія въ положеніи, въ которомъ онъ остановится.

Врачебное искусство туземцевъ ограничивается чаще всего чарами, очистительными жертвами, молитвами и колдованіями. Однако они употребляютъ нѣкоторые соки растеній, принимая ихъ внутрь, но не имѣя къ нимъ особенной довѣренности.

Хирургическое искусство доведено гораздо выше. Въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, они бросаютъ родъ рожечной крови, посредствомъ острыхъ раковинъ, и называютъ эту операцію *тафа*. *Тапа* есть родъ моксы отъ медленныхъ и упорныхъ опухолей. Она производится прикладываніемъ зажженной тряпки, которая растравляетъ кожу и ускоряетъ нарѣваніе. *Каузо* есть открытіе на груди раны, для выпущенія неправильно застоявшейся крови, или для вынятія зубчатаго острія сломанной стрѣлы. Мерннеръ описываетъ одну изъ подобныхъ операцій, совершенную съ большимъ искусствомъ. Извлеченіе было совершено съ помощію куска бамбука и черепка отъ раковины; больной выздоровѣлъ чрезъ шесть недѣль, не смотря на то, что стрѣла вошла въ правый бокъ, между пятымъ и шестымъ ребрами, на вершокъ ниже сосца; она переломилась въ трехъ вершкахъ отъ оконечности, и даже нельзя было дощупать конца ее зондою. *Токо-лози*, заимствованный у Витійцевъ, есть родъ заволоки, пропускаемой черезъ мочевой проходъ и служащей для оттягиванія въ случаяхъ *гита* или тетаносовъ, часто бывающихъ на Тонга. Тотъ же способъ облегченія употребляется противъ ранъ въ животѣ и слабости въ цѣлой системѣ. Наконецъ туземцамъ извѣстна *бока* или кастрація; *туги-туги*, родъ втиранія простою смѣсью воды съ масломъ, употребляемаго отъ нѣкоторыхъ болей. Они лечатъ съ успѣхомъ отъ вывиховъ и переломовъ, а въ глазныхъ воспаленіяхъ даютъ вяжущій сокъ спондіа или горькій сокъ *буало*. Раны отъ огнестрѣльнаго оружія они оставляютъ открытыми, не только для того чтобъ легче вынуть пулю, но еще для того, чтобъ обратить фистульную рану въ живую, которую вылечить можно и скорѣе и легче.

Что касается до отвратительныхъ болѣзней, называемыхъ *каги* и *пала*, состоящихъ изъ гадкихъ и почти неизлечимыхъ вередовъ, то для смягченія ихъ они прикладываютъ какой то горькій сокъ изъ растеній. Но противъ *фуа* или элефантіазиса и противъ *момоко*, родъ чахотки, нѣтъ пособій.

Языкъ Тонга, скажемъ снова, есть идіомъ Полинезійскій. Онъ богаче, звучнѣе, нежели языкъ восточныхъ группъ, и имѣетъ больше буквъ и чиселъ. Онъ допускаетъ всѣ созвучія и чрезъ то получаетъ большую силу и разнообразіе. Рѣчь Финау, преданіе о Тонгалоа и его сыновьяхъ, служатъ свидѣтельствомъ тому, какъ важны, строги и сжаты его формы. Эти образчики литературы Тонгайской заставляютъ жалѣть, что изученіе страны сей еще такъ не полно и частно. Океанія есть рудникъ едва открытый; нѣсколько жилъ разработаны; но кто знаетъ, не скрываются ли еще въ безъизвѣстности самыя богатыя?

Произведенія Тонгайскаго архипелага вообще въ тѣсной связи сходства съ произведеденіями архипелаговъ Таити и Нука-гива. Впрочемъ здѣсь показываются нѣкоторыя растенія Азіятскихъ острововъ, которыхъ далѣе къ востоку, кажется, уже нѣтъ.

Въ числѣ произведеній царства растеній должно замѣтить. Зонтичную пальму (1);

---

1) * *Corypha umbraculifera*, зонтичная пальма; растеніе очень замѣчательное, изъ семейства настоящихъ пальмъ. Прямой, столбообразный стебель возвышается до 80 фут. безъ сучьевъ и вѣтвей; вершину его коронуетъ пукъ перистыхъ листьевъ, раскидывающихся во всѣ стороны, наподобіе парасоля. Эта пальма въ продолженіе многихъ лѣтъ (около 60—80), все ростетъ, увеличиваясь въ вышину и толщину, но не цвѣтя ни разу; достигши зрѣлости, она зацвѣтаетъ, въ первый и послѣдній разъ, продолжаясь стеблемъ въ цвѣтную ножку, развѣтвляющуюся по мѣрѣ возрастанія на многія простыя отрасли, покрытыя, какъ и она, чешуеобразными листочками; ножку съ ея вѣтвями самовидцы уподобляютъ канделабру исполинскаго размѣра, ибо она возрастаетъ до 30 футовъ; по мѣрѣ ея появленія и дальнѣйшаго развитія, пукъ листьевъ рѣдѣетъ, и почти совсѣмъ пропадаетъ. Цвѣтки выходятъ изъ-за чешуекъ; они весьма многочисленны; ягодистые плоды круглы, съ малое яблоко, гладки, зелены и сочны, съ орѣхомъ внутри, имѣющимъ крѣпкое ядро; плоды, въ неисчислимомъ множествѣ, выспѣваютъ цѣлые 14 мѣсяцевъ. Тутъ величественный столбъ разрушается; пальма начинаетъ пропадать, пуская отпрыски отъ корня. Она ростетъ въ Восточной Индіи, по Малабарскому Берегу и на Цейланѣ. Большіе листья ея употребляются на дѣло шалашей, зонтиковъ и на покрышку крышъ. Малайцы пишутъ на нихъ какъ встарину писывали на папирусѣ. Орѣхи отъ плода, обточенные, выполированные и покрашенные въ красный цвѣтъ, употребляются на ожерелья, подобныя корольковымъ. Цвѣточная покрышка содержитъ сокъ, который засыхая на солнцѣ, становится весьма сильнымъ рвотнымъ. — Должно замѣтить, что эта пальма не ростетъ на островахъ Тонга, и что сюда включена авторомъ, вѣроятно, по не досмотрѣнію.

Mussoenda frondosa (2); душистый пандань (3); *Hernandia ovigera* (4); казуарины (5); различные роды гибискуса (6); *Inocarpus edulis* (7); *фиги или смоквы* (8); *abrus precatarius* (9); *gossypium religiosum* (10); *melodinus scandens* (11); *Tacca pinnatifida* (12); *Saccharum spontaneum* (13); и пр.

За исключенiемъ свиньи и собаки, которая очень рѣдка, архипелагъ не имѣетъ четвероногихъ, кромѣ крысъ, и другихъ сосцепитаю-

---

2) * *Mussaenda frondosa*, изъ семейства *Rubiaceae*, въ которомъ находятся извѣстныя: марена, хина и проч.; кустъ до 9 фут. вышиною, природный Восточной Индiи. Цвѣтки его, мелкiе, не представляющiе ничего замѣчательнаго, расположены въ видѣ метелки, на которой бываетъ нѣсколько весьма красивыхъ листьевъ, не зеленыхъ, но цвѣтныхъ· обстоятельство, по которому Румеръ въ описанiи амбоинскихъ растенiй далъ этой муссендѣ названiе листа принцессина (*Folium principissae*).

3) * *Pandanus odoratissimus*. Родъ пандана объясненъ уже нами во второй части, гдѣ мы упомянули и объ этой породѣ, т. е. панданѣ душистомъ.

* 4) *Hernandia ovigera*, большое до 60 фут. вышиною дерево, растущее по водянистымъ мѣстамъ обѣихъ Индiй, съ тонкими ломкими вѣтвями; дерево очень мягко, и столь легко принимаетъ огонь, что жители Гвiяны пользуются имъ вмѣсто трута. Яйценосною (*ovigera*) названа эта гернандiя по яйцеобразнымъ красноватымъ плодамъ. Принадлежитъ семейству *Myristiceae* вмѣстѣ съ мускатнымъ орѣхомъ. Есть еще гернандiя шумливая (*Hernandia sonora*) изъ одного съ предыдущею отечества, замѣчательная по издаваемому ею при вѣтрѣ шуму, похожему на звукъ гремушекъ, и происходящему отъ косточекъ плода, свободно трясущихся въ засохшей оболочкѣ его.

* 5) *Casuarinas*, казуарины, деревья изъ семейства растенiй, которому они дали свое имя (*Casuarineae*), съ длинными, тонкими, бороздчатыми вѣтвями, вислыми или нѣтъ, сѣроватыми, вмѣсто всякихъ листьевъ имѣющими по мѣстамъ родъ чешуекъ; цвѣтутъ сережками. Этихъ породъ немного: разсѣяны по Индiи, Мадагаскару, новой Голландiи и другимъ островомъ Тихаго Океана, также на Вандименовой Землѣ. Это печальныя деревья, изъ весьма крѣпкой древесины которыхъ дикiе дѣлаютъ свои страшныя оружiя, наносящiя смерть, напоминаемую казуаринами, какъ бы ея памятниками и живыми эмблемами. Имя казуаринъ взято отъ сходства голыхъ прутьевъ ихъ вѣтвей съ голыми перьями крыльевъ казуара, птицы теплыхъ странъ, весьма большой, и вовсе не летающей.

* 6) *Hibiscus*; этотъ родъ растенiй объясненъ тамъ же во 2 части.

* 7) *Inocarpus edulis*, дерево острововъ Южнаго моря, особенно находимое на Таити, изъ семейства *Sapotcae*, растенiй вообще тропическихъ, съ вкусными плодами, и молоку подобнымъ безвреднымъ сокомъ, приносящее снѣдомый плодъ, похожiй вкусомъ на каштаны, хотя хуже ихъ и тверже. Клейкiй сокъ, получаемый изъ коры его, употребляется дикими для укрѣпленiя острiевъ въ древкахъ стрѣлъ. Цвѣты мелки; листы до 9 дюймовъ въ длину. Растенiе, замѣчательное болѣе по годности плодовъ въ пищу, нежели по другимъ какимъ отношенiямъ.

* 8) *Espèce de Ficus*, породы фигъ или смоквъ, которыхъ много, деревянистыхъ и кустарныхъ, но все изъ теплыхъ странъ принадлежа семейству *artocarpeae*, извѣстнаго хлѣбнаго дерева; вмѣстѣ съ нимъ, шелковицами и бруссонецiею, они замѣчательны цвѣтенiемъ: мелкiе цвѣтки скрыты внутри ягоды, которая выспѣвши даетъ то, что называется винными ягодами. Образованiю плодовитыхъ сѣменъ отъ цвѣтовъ, скрытыхъ внутри ягоды, и потому изъятыхъ отъ благотворнаго влiянiя воздуха, способствуютъ проникающiя туда насѣкомыя, которыя содѣйствуютъ и выспѣванiю вкусныхъ ягодъ. Разныя породы фигъ замѣчательны еще по другимъ отношенiямъ: *Ficus religiosa*, обожаемая въ Индiи и неприкосновенная; Бенгальская, разростающаяся легко въ цѣлые лѣса; сикоморовая, съ нетлѣннымъ деревомъ, изъ котораго Египтяне дѣлали гробы мумiямъ, и проч. — Самое большое дерево, замѣченное Дюрвилемъ на островѣ Муа, было также изъ рода фигъ; оно имѣло 100 футъ въ обхватѣ, и 120 футъ вышины; называется тамъ меа.

9) *Abrus precatorius*, Индiйское кустарное вьющееся растенiе изъ семейства *Papilionaceae*, — т. е. съ мотыльковыми цвѣтами и стручками, — близкое къ Турецкимъ бобамъ. Замѣчательно по родящимся въ короткихъ стручкахъ сѣменамъ, небольшимъ, круглымъ, яркаго краснаго цвѣта съ густымъ чернымъ пятномъ на каждомъ. Эти красивыя сѣмена употребляются въ Индiи и Америкѣ на ожерелья и браслеты; они употребляются еще и на четки, отъ чего и придано растенiю названiе *precatorius*, молитвенные. Листья; настоянные въ водѣ, даютъ ей очень замѣтную сладость; этотъ напитокъ называется въ Индiи вати. Американцы пользуются растенiемъ, какъ мы лакрицею или солодковымъ корнемъ.

10) *Gossypium religiosum*, одна, изъ породъ растенiй, дающихъ хлопчатую бумагу: растетъ деревцомъ аршинъ до 6 вышиною; съ желтыми цвѣтами. Хлопокъ имѣетъ вкрасна-желтый цвѣтъ, какъ Китайская нанка, приготовляемая изъ этой бумаги безъ покраски. Принадлежитъ Индiи и Китаю.

11) *Melodinus scandens* изъ семейства *Apocyneae*, большею частiю породъ своихъ принадлежащаго жаркому поясу, а меньшею умѣренному, кустарное растенiе съ цѣпляющимися стеблями, не представляющее неботанисту ничего замѣчательнаго, а ботанисту любопытное по видоизмѣненiю устройства цвѣтовъ и плодовъ, служащаго основанiемъ отдѣльному роду растенiй; принадлежитъ Новой Шотландiи.

12) *Tacca pinnatifida*, изъ семейства, *Tacceae* (которому родъ *Tacca* далъ имя), близкаго къ растенiямъ перечнымъ; съ толстыми шишковатыми корнями, изъ которыхъ выходятъ большiе листья на длинныхъ черешкахъ, разрѣзные; стебля нѣтъ; высокая прямая стрѣлка съ крупными цвѣтами выходитъ изъ средины листовъ; плодъ есть ягода неупотребляемая. Растетъ на Мадагаскарѣ, въ Остъ-Индiи, на островахъ Марiянскихъ, и на ост. Таити, гдѣ жители ѣдятъ корни его. Семейство *Taceae*, состоящее изъ 2 родовъ, съ одной породою въ каждомъ, замѣчательно между прочимъ весьма расширенными нитями пылевыхъ головокъ цвѣтка, принимающими видъ лепестковъ цвѣточныхъ, къ которымъ непосредственно прирастаютъ пылевыя головки. — Общiй наружный видъ такка напоминаетъ то же устройство, какое замѣчено было въ объясненiи о родѣ арумъ.

13) *Saccharum spontaneum*, порода сахарнаго тростника, растущая въ Малабарѣ и въ Индiи, вышиною до 6 фут. съ узкими, свернутыми листьями, ни къ чему не употребляемая. — Названiе *Spontaneum*, какъ бы самородный, дикiй, приданное Линнеемъ, въ противуположность обыкновенному, разводимому на дѣло сахара, даетъ мысль о двоякомъ сахарномъ тростникѣ, разводимомъ, и дикорастущемъ. Но и разводимый на дѣло сахара есть также дикорастущiй въ своемъ отечествѣ; съ другой же стороны, сахара (говоря ботанически) дикорастущаго, не употребляемаго на дѣло сахара, есть нѣсколько, родовъ даже и въ южной Европѣ. Такъ трудно быть отчетливу въ выборѣ именъ растенiямъ.

щихъ, кромѣ летучихъ собакъ (14); въ числѣ птицъ замѣчательны горлицы, дергачи (15), филедоны (16); маленькіе очень красивые попугайчики (17); зимородки (18); есть два или три рода змѣй, гидрофисъ (19); и маленькія ящерицы. Рыбы и слизняки безчисленны и разнообразы.

ГЛАВА VIII.

Архипелагъ Вити.

Я рѣшился наконецъ оставить эти Полинезійскія группы, съ ихъ нравами столь однообразными, такъ скоро смягчившимися подъ вліяніемъ Христіанской вѣры. Миновавъ фарватеры Тонга-табу, *Океанія* на всѣхъ парусахъ полетѣла прямо къ архипелагу Вити, гдѣ Пендлетонъ думалъ запастись сандальнымъ деревомъ. Послѣ Вити предположено было обозрѣть постепенно Новую Гебриду, Ваникоро, архипелагъ Соломоновъ, Новую Ирландію, новую Британію, страны, составляющія дикую Меланезію, которую такъ мало посѣщали.

Подобный маршрутъ былъ для меня сокровище. Жадный до всего неизвѣстнаго, я представлялъ себѣ, что найду на группахъ, къ которымъ мы стремились, новыя ощущенія, живыя, нечаянныя, не столь однообразныя; я мѣрялъ глазомъ на картѣ эти важныя земли, возлѣ которыхъ Таити, Тонга-табу казались микроскопическими, незначительными островками. «Что за приключенія, что за прогулки ожидаютъ насъ!» сказалъ я въ восторгѣ. Пендлетонъ слушалъ и смотрѣлъ на меня съ своею насмѣшливою и значительною улыбкою. «Да,» отвѣчалъ онъ, «прогулки славныя, и что важнѣе, продолжительныя, ибо съ нихъ рѣдко возвращаются. На этотъ разъ, однако, мой любезный товарищъ, вы будете гулять одни. На *Океаніи*, никто не имѣетъ желанія жертвовать себя на жаркое для какого нибудь Витійскаго величества. На этихъ островахъ вообще ѣдятъ любопытныхъ, и это вылечиваетъ тѣхъ, которые наиболѣе расположены къ сему грѣху.»— «Даже не пристаютъ къ берегу?»—«Какъ можно рѣже, потому что это всегда сопряжено съ опасностью. На этихъ группахъ вы не найдете болѣе людей подобныхъ тѣмъ, съ которыми мы разстались, иногда коварныхъ, корыстолюбивыхъ, непостоянныхъ, склонныхъ къ грабежу, но по крайней мѣрѣ пріятныхъ въ общежитіи и не чуждающихся гостепріимства. Нѣтъ, вы не найдете болѣе островитянъ, которые бы стали звать васъ осмотрѣть ихъ островъ, раздѣлить ихъ трапезу, а потомъ присутствовать при ихъ обрядахъ и праздникахъ; не найдете дикарей говорливыхъ и сообщительныхъ, которые все открываютъ, все показываютъ иностранцу, и казы, и мораи и жилища частныя, и духовныя святилища. Все это исчезло для насъ, пока не прибудемъ на Новую Зеландію. Здѣсь нѣтъ ничего подобнаго; люди почти равны съ животными; дикіе и свирѣпые, они избѣгаютъ Европейцевъ, и если даже ищутъ ихъ, то для того только чтобъ убить. Таковъ общій характеръ племенъ Меланезійскихъ. Вы не можете вообразить себѣ, въ какомъ состояніи варварства и униженія они еще находятся, какую ненависть питаютъ къ просвѣщенію, какая ужасная анархія ихъ пожираетъ и губитъ. Башисмены, Афрйны, Беды Цейлана, Негритосы Манильскіе, едва-ли ниже ихъ образованностью. Вы сами увидите! За то со времени открытія этихъ обширныхъ странъ, отъ Тасмана, который первый на-

14) *Rousette, pteropus vulgaris*, летучая собака, вампиръ, животное изъ семейства летучихъ мышей, съ тѣломъ не болѣе $8^1/_2$ дюймовъ, но въ ростянутыхъ крыльяхъ имѣющее три фута, и получившее названіе собаки отъ формы головы. Водятся на островахъ Тихаго моря, въ Африкѣ и на Мадагаскарѣ, питаясь плодами, и предпочтительно бананами; безвредное; держится тамъ повиснувъ на высокихъ деревьяхъ и пальмахъ, откуда вылетаетъ на промыселъ вечеромъ.

15) *Le Râle*, порода дергачей, птицы подъ симъ именемъ очень извѣстной, у нихъ водящейся по лугамъ, и трескучимъ крикомъ своимъ оживляющей сонное безмолвіе темныхъ лѣтнихъ ночей. Породъ дергача, свойственныхъ островамъ Тихаго моря, есть нѣсколько.

16) *Philedon*, родъ птицъ, изъ числа воробейныхъ или пѣвчихъ, близкій къ дроздамъ, красивый перьями; принадлежитъ жаркимъ странамъ, и питается насѣкомыми, медомъ цвѣтовъ, храбро оспориваемымъ у птицъ, которыя больше и сильнѣе, и особенно у попугаевъ. Крикъ ихъ большею частію рѣзокъ и непріятенъ; но иныя имѣютъ пѣніе, какъ разсказываютъ, удивительно пріятное; живутъ стаями, не удаляясь отъ людей.

17) *Perruche*, одно изъ названій, данныхъ породамъ попугаевъ съ длинными хвостами, на коихъ перья лежатъ уступами, и со щеками не голыми, но покрытыми перышками. Они всѣ принадлежатъ странамъ жаркаго пояса въ старомъ и новомъ свѣтѣ.

18) *Martin-pêcheur*, зимородокъ на Таити и островахъ Дружества; онъ называется эрооро и коато-о-оо; почитается священнымъ и неприкосновеннымъ.

19) *Hydrophis*, водяныя змѣи, зачислявшіяся Линнеемъ въ родъ мѣдяницъ, но послѣ отдѣлены оттуда въ особый родъ *Hydrophis*. Онѣ въ самомъ дѣлѣ проводятъ день спрятавшись въ водѣ; а ночью кусаютъ купающихся и плавающихъ; хвостъ сжатъ и тупъ; онъ служитъ имъ вмѣсто весла.

шелъ ихъ въ половинѣ шестнадцатаго вѣка, какъ мало мореплавателей осмѣливались къ нимъ приближаться; какъ кратки, несовершенны и противорѣчащи ихъ описанія! Правда, что для наблюденія было немного пищи, ибо физіологія дикаго человѣка не представляетъ ничего разнообразнаго и рѣзкаго; но если бы предметъ былъ точно любопытенъ, то какъ собрать вѣрныя свѣдѣнія о земляхъ столь недоступныхъ? Изыскатели самые смѣлые и осторожные не имѣли успѣха. Кукъ на Ново-гебридскихъ островахъ; не могъ ступить на землю безъ помощи пушекъ. Картере въ Санта-крузѣ, Бугенвиль и Сюрвиль на островахъ Соломоновыхъ и, еще недавно, капитанъ Морель, тяжкими опытами узнали неумолимое звѣрство этихъ племенъ. Ихъ истребятъ, но никогда не приведутъ къ просвѣщенію. Мѣдноцвѣтный типъ, уже свыкшійся въ обращеніи съ нашимъ Европейскимъ оружіемъ, когда нибудь завоюетъ эти земли и мало по малу поглотитъ типъ черный (негритянскій). Но до того времени, вдаваться во внутрь острововъ Меланезійскихъ будетъ всегда безполезною неосторожностью и опасностью безъ вознагражденія. Что касается до меня, то я никогда не видалъ этихъ людей иначе какъ съ корабля, стараясь кое какъ окончить мой размѣнъ, но избѣгая всячески вводить мой экипажъ въ частыя и прямыя съ ними сношенія.»

Такимъ образомъ Пендлетонъ безпощадно сокрушалъ лучшія мои мечтанія. Тонкимъ и осторожнымъ описаніемъ онъ сокращалъ маршрутъ, который я заранѣе обставилъ чудными приключеніями и случаями. Но что нужды! Я не переставалъ надѣяться; я думалъ, что случай, этотъ богъ, который превыше всѣхъ расчетовъ человѣческихъ, обманетъ на сей разъ предположенія моего достойнаго капитана: трудность предпріятія только болѣе возбуждала во мнѣ желаніе.

Посреди этихъ неудачъ и ожиданій, *Океанія* быстро подвигалась впередъ; въ тридцать шесть часовъ, она перелетѣла пространство, раздѣляющее острова Тонга отъ острововъ Вити. 27 Мая утромъ, мы оставили въ большомъ разстояніи низменныя земли острова Батоа; послѣ чего вошли въ проходъ, раздѣляющій острова Онгъ-геа и Булангъ-га, земли посредственной высоты, по видимому, необитаемыя и покрытыя лѣсомъ до самаго берега. Такимъ образомъ продолжая путь къ N. N. W, мы миновали послѣдовательно съ правой стороны Ангазу, Намуку, Комо, Голо-руа; а съ лѣвой Марамба, Камбара, Вангара и Табуне-сики. Наконецъ 28 пополудни, легли въ дрейфъ подъ вѣтромъ въ разстояніи полмили отъ Лагвемба. Въ Лагвемба, Пендлетонъ хотѣлъ взять одного или двухъ лоцмановъ, чтобъ дойти до Вануа-лебу и войти именно въ бухту сандальнаго дерева. Нашъ быстрый отъѣздъ изъ Панган-моду помѣшалъ двумъ знакомымъ съ этими мѣстами Тонгайскимъ морякамъ перейти на корабль, чтобы помочь намъ своею опытностью. И такъ, нужно было употребить природныхъ Витійцевъ, менѣе свѣдущихъ, и болѣе коварныхъ. Все искусство Европейскаго капитана съ трудомъ освободило бы его изъ лабиринта кораловъ, который раздѣляетъ два большіе острова этого архипелага: Вануа-лебу и Вити-леву.

Океанія едва успѣла показаться въ виду Лагвемба, какъ три байдары уже подошли къ ней; онѣ походили на Тонгайскія, хотя были менѣе, не столь красивы и управлялись съ меньшимъ искусствомъ. Ихъ экипажи состояли частію изъ Тонгайцевъ, частію изъ Витійцевъ, что опредѣляло еще яснѣе противуположность двухъ типовъ. Я былъ уже приготовленъ описаніями Пендлетона; но эти люди не производили во мнѣ непріятнаго чувства. Кожа ихъ дымнаго цвѣта, худощавые члены, взбитые волосы, плоское лице, мутные глаза, все составляло противуположность съ правильною, открытою и даже благородною физіономіею Полинезійцевъ. И тѣ и другіе взошли на корабль; но первымъ словамъ легко было замѣтить, что языкъ измѣнился вмѣстѣ съ наружностью людей. Самъ Пендлетонъ, лингвистъ весьма искусный, не понималъ ни слова Витійскаго діалекта, и безъ услужливаго содѣйствія переводчиковъ Тонгайскихъ, мы бы остались въ совершенномъ недоразумѣніи. Впрочемъ скоро новый помощникъ появился на палубѣ *Океаніи*. Этотъ человѣкъ былъ бѣлѣе другихъ; его черты и пріемы отличали его отъ дикой орды. Пріѣхавъ въ маленькой байдарѣ, онъ быстро взбѣжалъ по трапу и бросился къ ногамъ Пендлетона. Тогда посреди рыданій, перерывавшихъ его слова: «Господинъ капитанъ», сказалъ онъ по Испански, «заклинаю васъ Богоматерью и святыми, спасите меня изъ рукъ

этихъ людей; я такой же бѣлый и Христіанинъ, какъ вы. Богъ наградитъ васъ за ваше доброе дѣло и въ этомъ свѣтѣ и въ будущемъ.»—«Хорошо, хорошо», отвѣчалъ Пендлетонъ, поднимая его. «Кто ты и откуда?» Бѣднякъ оправился и разсказалъ свою исторію.

То былъ Манилецъ, по имени Гернандо, который за семь или восемь лѣтъ прибылъ на острова Вити съ Испанскимъ кораблемъ *la Concepcion*. Буря въ отмеляхъ, отдѣляющихъ оба большіе острова, выбросила его съ сорока соотечественниками на этотъ непріязненный берегъ. Одна часть экипажа потонула или досталась въ пищу Каннибаламъ; другая разсѣялась между различными племенами острова. Старшины составили себѣ изъ нихъ родъ почетной гвардіи или штаба мушкетеровъ; это званіе давало имъ нѣкоторыя преимущества, и потому они не могли жаловаться на свое положеніе. Но когда возникала брань между Витійскими корольками, то и они, подобно прочимъ, подвергались опасности попасться въ плѣнъ, быть изжаренными и съѣденными. Этотъ ужасный конецъ постигъ большое число. Гернандо избѣжалъ его какимъ-то чудомъ.

«Однако, четверо товарищей моего бѣдствія, прибавилъ Испанецъ», были недавно приняты въ виду Лагвембы судномъ, несшимъ бѣлый флагъ. Мнѣ это сказалъ Тумбуа-накаро, племянникъ великаго Оривo, старшины Имбао, моего господина и патрона. Съ тѣхъ поръ какъ я узналъ подробности этого счастливаго освобожденія, въ свою очередь я сталъ изыскивать удобнаго случая, я нарочно прибылъ на Лагвембу, и вотъ шесть мѣсяцевъ жду, чтобъ показалось какое нибудь Европейское судно. Когда я васъ завидѣлъ, то мысль о свободѣ заиграла во мнѣ; я употребилъ всѣ мольбы, чтобы склонить одного старшину взять меня на корабль въ качествѣ переводчика, обѣщая за то выпросить ему у васъ нѣсколько подарковъ. Именемъ Богородицы и святыхъ заклинаю васъ, не отвергните моленія, извлеките меня изъ ада, гдѣ рано или поздно меня сожрутъ эти демоны.» Пендлетонъ успокоилъ бѣднаго и согласился оставить его при себѣ. Привыкшій къ Витійскому языку, Гернандо могъ служить переводчикомъ при покупкѣ сандальнаго дерева; на этотъ разъ интересъ денежный какъ то поладилъ съ выгодами человѣчества. Старшинѣ, пріѣхавшему въ байдарѣ, дали родъ выкупа, состоявшаго изъ топора и небольшаго количества пороха. За эту плату Испанецъ былъ свободенъ. Нужно было видѣть тогда, съ какимъ шумомъ этотъ несчастный бросился изъявлять свою признательность. Съ трудомъ могли остановить его слезы; но еще труднѣе было умѣрить порывы его радости. Наконецъ пылъ прошелъ, и дабы съ перваго же дня быть полезнымъ, Гернандо избралъ между туземцами, подъѣзжавшими къ судну, двухъ самыхъ искусныхъ лоцмановъ. Они обѣщали направить шлюпъ къ Вануа-лебу. Окончивъ всѣ распоряженія, мы оставили Лагвембу.

Видимый на разстояніи нѣсколькихъ миль, этотъ островъ показался намъ весьма возвышеннымъ, красиво-неровнымъ, плодороднымъ и покрытымъ чудною растительностію. Кровли нѣкоторыхъ большихъ казъ выдавались надъ вершинами густыхъ деревъ, тѣсно растущихъ до самаго берега; на югѣ рядъ страшныхъ подводныхъ камней казалъ его неприступнымъ, хотя Гернандо и увѣрялъ, что между ними ходятъ байдары и малыя суда.

Едва потерявъ изъ виду Лагвембу, *Океанія* оставила за собою въ право Неау и Бату-бора, острова средней величины, менѣе лѣсистые, нежели предшествовавшіе, и довольно возвышенные. Послѣдній отличался особенно огромною скалою, возвышавшеюся надъ самымъ центромъ. Гранью своихъ сторонъ и вершиной плоскою какъ столъ, она походила на алмазъ. Благодаря этой странной горѣ, островокъ видится издалека и служитъ для судовъ драгоцѣннымъ путеводителемъ.

Однако мы приближались къ огромной цѣпи рифовъ, почти соединяющей Вануа-лебу съ Вити-леву. На горизонтѣ виднѣлась уже вершина высокаго острова Каро, который стоитъ при самомъ входѣ въ эти опасныя мели. Пендлетонъ хотѣлъ было пройти чрезъ нихъ, съ тѣмъ чтобы держать прямо на Вугіа, къ бухтѣ сандальнаго дерева (*Sandal's bay*), какъ вдругъ вѣтеръ, до того времени дувшій съ S. O., внезапно перекинулся на сѣверъ, съ жестокимъ, крутымъ шкваломъ. Капитанъ упорствовалъ два дня, не смотря на порывы и дождь; онъ держался вопреки темныхъ бурныхъ ночей и угрюмости волнистаго моря. Въ мѣстахъ, усѣянныхъ подводными камнями, которыхъ никто почти не знаетъ, посреди теченій, обманывающихъ са-

мыя точныя выкладки, *Океанія* съ часа на часъ могла погибнуть. Была минута, когда она находилась въ нѣсколькихъ брассахъ отъ опасныхъ островковъ Нугу-толу, тогда какъ всѣ считали, что до нихъ еще нѣсколько миль къ востоку. Наконецъ, видя, что погода не поправляется, Пендлетонъ перемѣнилъ путь. Дорога къ сѣверу была невозможна; онъ задумалъ обогнуть архипелагъ съ юга; не имѣя болѣе нужды въ двухъ лоцманахъ, которые были при немъ на кораблѣ, онъ рѣшился высадить ихъ проходя мимо Муала, гдѣ жизнь ихъ могла быть внѣ опасности, при себѣ же вознамѣрился оставить только Испанскаго скитальца. Приказанія были даны въ ту же минуту; крейсировка, полная опасностей, была оставлена для легчайшаго плаванія. Все удовольствіе мое въ этой двухдневной борьбѣ съ волнами и вѣтромъ, состояло въ томъ, что я первый замѣтилъ высокія иглы горъ, изъ коихъ нѣкоторыя принадлежали, казалось, Вануа-лебу, а другія большому острову Табе-уни. Табе-уни есть та земля, передъ которою бросилъ якорь неустрашимый Тасманъ, Колумбъ этой группы. Не такъ давно она была единственною частію ея, о существованіи которой знали достовѣрно.

Мы уже оставили съ лѣвой стороны высокія вершины Нао и приближались къ Муало, когда вахтенный завидѣлъ байдару, которая то взлетала на самый хребетъ волны, то исчезала подъ нею. Видя, что она приближается къ *Океаніи*, одинъ изъ нашихъ лоцмановъ, сохранявшій до того видъ безпокойный и озабоченный, вдругъ радостно крикнулъ. «Онъ узналъ друзей,» сказалъ намъ Гернандо: «теперь онъ не будетъ бояться попасть въ руки какого нибудь враждебнаго племени.» Въ самомъ дѣлѣ, байдара была изъ Муалы и, по видимому, направлялась къ Имбао. По мѣрѣ сокращенія разстоянія, можно было различать экипажъ этого легкаго судна; патронъ стоялъ на кормѣ. Сдѣлали окликъ, узнали другъ друга. Витійскій начальникъ былъ племянникъ сильнаго Ориво, старшины Имбао, тотъ самый Тумбуа-накаро, котораго капитанъ Дюрвиль принялъ разъ на свой корабль и который былъ нѣсколько дней пассажиромъ на *Астролябіи*. Тумбуа-накаро былъ для насъ тѣмъ же, чѣмъ и для Г. Дюрвиля: человѣкомъ отличнымъ отъ своего племени. Въ продолженіе часа, проведеннаго имъ на кораблѣ, онъ сохранялъ самый приличный тонъ, важность благородную и естественную; его пріемы и рѣчи нисколько не противорѣчили умной его физіономіи. Эта благосклонность, этотъ аристократизмъ, выражавшійся во всѣхъ движеніяхъ Витійца, казались намъ еще выше отъ бѣдности наряда; Тумбуа-накаро не имѣлъ на себѣ ничего, кромѣ матросскаго камзола, довольно поношеннаго, и маро, почти нисколько не покрывшаго его тѣло (Рис. XIX. ф. 2).

Ступивъ на *Океанію*, Тумбуа-накаро завелъ рѣчь съ капитаномъ. Онъ говорилъ, что возвращался изъ Муалы, гдѣ собиралъ дань для дяди своего Ориво, и что теперь ѣдетъ въ Нао. На распросы наши объ этомъ островѣ и другихъ земляхъ архипелага, онъ сообщилъ свѣдѣнія, довольно сбивчивыя; разсказывалъ, что еще прежде гостилъ на одномъ суднѣ, которое носило бѣлый флагъ (конечно *Астролябіи*), и спѣшилъ предупреждать наши малѣйшіе вопросы. Съ первыхъ словъ Пендлетона, онъ охотно согласился взять съ собою двухъ Витійскихъ кормщиковъ, увезенныхъ съ Лагвембы, тѣмъ болѣе, что они принадлежали къ его колѣну и что онъ ихъ весьма хорошо зналъ. Одинъ изъ нихъ въ особенности былъ изъ хорошей фамиліи; отсутствіе его изъ отечества, продолженное еще нѣсколько времени, подвергло бы женъ его неминуемой гибели: по прошествіи назначеннаго срока, ихъ принесли бы въ жертву. Но добравшись до Имбао, легко можно было перевезти ихъ на Лагвембу, или по крайней мѣрѣ извѣстить ихъ семейства о томъ, что они живы и скоро воротятся. Послѣ разговора оба пассажира вошли въ байдару къ Тумбуа-накаро, который продолжалъ свой путь, восхищенный полученными отъ насъ подарками.

Когда этотъ эпизодъ окончился, *Океанія* находилась въ небольшомъ разстояніи отъ Муалы; издали островъ показался намъ изобильнымъ и веселымъ; берега его, опоясанные зеленою каймою кокосовыхъ деревьевъ, выставляли ихъ, какъ будто хвастаясь. Широкій подводный камень, одѣвающій его съ западной стороны, вѣроятно представлялъ гдѣ нибудь хорошее якорное мѣсто, если только существуютъ проходы между его кораллами.

Вѣтеръ подулъ сильнѣе отъ S. O., нельзя было долѣе продолжать нашихъ наблюденій подъ парусами. Шлюпъ видѣлъ только, какъ мелькнули еще разъ на небоскло-

нѣ отвѣсныя горы Тотуа и Мотогу, и какъ вслѣдъ за ними Муала закатился въ разливѣ вечерней зари, на завтра новая земля открылась предъ нами. То былъ Кандабонъ, островъ значительнѣе предъидущихъ, но до такой степени гористый и неровный, что едва ли могъ быть многолюденъ. Близъ Ю. В. оконечности возвышался величественный пикъ съ крутыми ребрами, съ тупою вершиной. Этотъ конусъ вышиною около 600 туазовъ былъ сверху до низу покрытъ зеленью; здѣсь мѣстами посреди открытыхъ разрывовъ виднѣлись прелестныя долины, убранныя кокосовыми, банановыми и другими плодовыми деревьями (Рис. XX. ф. 1).

Отъ Кандабона мы потянулись къ Ватулеле, избѣгая близлежащихъ рифовъ недавно открытыхъ капитаномъ Дюрвилемъ. *Океанія* прошла въ двухъ миляхъ мимо западнаго берега этого острова. Съ этой точки Ватулеле казался изобильнымъ и многолюднымъ; тысячи островитянъ прибѣжали на берегъ; они прыгали при видѣ шлюпа и слѣдовали за его движеніями съ неутомимымъ любопытствомъ.

Наконецъ, послѣ долгаго странствованія въ Витійскомъ архипелагѣ, 4 Іюня, на разсвѣтѣ, мы находились менѣе нежели въ двухъ лигахъ отъ большаго острова Вити-леву. Отъ самыхъ Гавайскихъ островов я не видалъ еще другой земли столь замѣчательной. Вити-леву съ своими террасами, начинающимися съ морскаго берега и достигающими его внутреннихъ пиковъ, зеленѣющійся, прекрасный, покрытый плодами и цвѣтами, имѣлъ наружность болѣе веселую, нежели волканическій Гаваи съ своими безпрерывными разрывами и измученною почвой. Впрочемъ этотъ дальній видъ, который такъ предупреждаетъ въ пользу Витійскаго острова, составляетъ единственное географическое свѣдѣніе, какое только объ немъ существуетъ. *Астролябія* обозрѣвъ сей архипелагъ лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ, опредѣливъ положеніе его береговъ посредствомъ множества географическихъ съемокъ, не рѣшилась приставать къ Вити-леву. Самые выгодные результаты не стоятъ опасности, которой подвергаешься въ подобномъ предпріятіи.

Пендлстонъ поступилъ также осторожно. Застигнутый тихою погодою на Ю. В. отъ Вити-леву, онъ приказалъ лечь въ дрейфъ, твердо увѣренный, что байдары станутъ подъѣзжать къ нему на этомъ разстояніи. Дѣйствительно, вскорѣ мы увидѣли пять или шесть лодокъ, отплывавшихъ отъ берега. На одной изъ нихъ, самой большой, было тридцать туземцевъ, и на кормѣ сидѣлъ человѣкъ, пріемы и повелительный тонъ котораго обнаруживали въ немъ важную особу. Экипажъ его байдары и ближайшихъ къ ней, повиновались малѣйшимъ его знакамъ съ безпримѣрною уступчивостью. Когда лодки подошли къ шлюпу, на нихъ произошло минутное смятеніе, за которымъ послѣдовали шумъ и споры. Старшина спокойный и неподвижный на своемъ амвонѣ, произнесъ только одно слово, и все умолкло.

Однако Пендлстонъ, обезопасивъ себя нѣкоторыми мѣрами, уже явился на палубѣ корабля съ нашимъ новымъ посредникомъ Гернандо. Вошли въ переговоры, и старшина Вити-леву, обрадованный тѣмъ, что можетъ быть понятъ, просилъ позволенія взойти на корабль. Когда Пендлстонъ изъявилъ согласіе, онъ бросился по лѣстницѣ съ довѣрчивостью и твердостью, которыхъ невозможно описать, поклонился по своему капитану и офицерамъ, и съ важностью усѣлся. Онъ говорилъ, что съ этого возвышеннаго мѣста ему можно видѣть все, что дѣлается въ байдарахъ, и держать людей своихъ въ должномъ порядкѣ. Дѣйствительно, однимъ словомъ, однимъ движеніемъ онъ укрощалъ ихъ, и тѣмъ далъ намъ весьма высокое понятіе о власти и вліяніи, которыми пользовался. Вскорѣ завязался разговоръ, и мы узнали кто онъ.

Его звали Унунгъ-лебу; онъ предводительствовалъ колѣномъ Наиронгъ-га. Его ростъ, доходившій до 5 футъ 9 вер., его правильныя формы, лице истинно прекрасное, не смотря на смуглость, наружность благородная, и вмѣстѣ тихая, ласковая, дѣлала изъ него человѣка *порядочнаго*, который странно противорѣчилъ съ обществомъ Витійскихъ Каннибаловъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, я могъ убѣдиться, что аристократія Океанійская происходитъ отъ семействъ, наилучше надѣленныхъ въ отношеніи физическомъ и нравственномъ. Самые красивые, самые умные повелѣваютъ прочими; берутъ женъ изъ своего круга и упрочиваютъ такимъ образомъ въ своемъ родѣ двойное преимущество рожденія и чина. Унонгъ-лебу плѣнилъ насъ всѣхъ: онъ принялъ съ умѣренностью и достоинствомъ все, что ему было поднесено, но самъ ничего не просилъ, ни прямо, ни

косвенно. Байдары, прибывшія съ нимъ, содержали весьма небольшое количество припасовъ и Унунгъ-лебу казался въ отчаяніи. Онъ не могъ явить себя предъ нами столь великимъ и щедрымъ, какъ бы ему хотѣлось. За то надо было видѣть, какъ онъ упрашивалъ капитана при прощаніи пристать съ судномъ къ берегу его селенія. По его словамъ, тамъ можно было найти кучу чудесныхъ вещей и въ особенности *хорошенькихъ женщинъ*: это обстоятельство онъ выразилъ знакомъ весьма краснорѣчивымъ. Потомъ видя, что Пендлетонъ немного опасается этихъ сиренъ и ихъ представителя, Унунгъ-лебу прибавилъ, что если шлюпъ предпочитаетъ провести на этомъ мѣстѣ ночь, то онъ пришлетъ на другое утро, какъ можно ранѣе, лодки, нагруженныя свиньями и плодами. «Если тишь продолжится», отвѣчалъ Пендлетонъ, «то вы меня застанете еще здѣсь; если же подуетъ вѣтеръ, то я воспользуюсь имъ, чтобы продолжать путь.»

Во время этого свиданія, мы имѣли возможность дѣлать физіологическія наблюденія. Обитатели Вити-леву сохраняютъ типъ Меланезійскій, проявляющійся во всѣхъ своихъ видахъ. Лице плоское, носъ сплюснутый, губы толстыя, щеки выпуклыя, волосы курчавые, цвѣтъ кожи бронзовый или черный, вотъ ихъ главныя черты. У тѣхъ, которыхъ мы видѣли, нижняя мочка уха была вытянута и составляла кольце чрезмѣрной ширины; они носятъ ожерелья и браслеты изъ раковинъ; оружіе ихъ состоитъ изъ луковъ, стрѣлъ, копій и небольшихъ палицъ изъ твердаго дерева, длиною отъ 12 до 18 вершковъ, оканчивающихся весьма тяжелымъ яблокомъ, которое иногда бываетъ утыкано человѣческими зубами. Это опасное и страшное оружіе привѣшивается къ поясу. Въ числѣ утвари, находившейся на ладьяхъ, мы замѣтили нѣсколько грубой глиняной посуды, безъ сомнѣнія выдѣлываемой туземцами. Эту промышленость вѣроятно занесли къ нимъ народы западные, ибо Полинезійцы, опередившіе ихъ въ образованіи, и самые Тонгайцы, не знаютъ ее вовсе.

Хотя между нашими посѣтителями и было нѣсколько человѣкъ, имѣвшихъ что то похожее на проказу, но Витійцевъ вообще нельзя назвать неопрятными. Высокіе и хорошо сложенные, они носятъ волосы тщательно убранные, завитые, напомаженные и расцвѣченные бѣлой, красной, сѣрой или черной пудрой, по вкусу каждаго (Рис. XX. ф. 2). Тумбуа-накаро, старшина Имбао, имѣлъ ту особенность, что спереди его волосы были прекраснаго чернаго цвѣта, между тѣмъ какъ сзади они были темнокрасные, что придавало имъ видъ поддѣльный. Одежда островитянъ Вити-леву ограничивалась широкою полосой матеріи, которая походитъ покроемъ на маро. Однако мы видѣли, что они иногда надѣваютъ куски матеріи, весьма похожія на тѣ, которыя дѣлаются на Тонгѣ. При размѣнахъ они спрашивали прежде всего пороху и ружей, не скрывая ни мало, на какой предметъ: «убивать нашихъ непріятелей», говорили они, «и ѣсть ихъ мясо: вотъ чего намъ хочется.»

Впрочемъ сношенія наши съ жителями Вити-леву были весьма миролюбивы. Они честно обходились при продажѣ, были тихи и сговорчивы. На вопросы отвѣчали такъ ясно, какъ только умѣли, иногда затрудняясь и стараясь попасть въ новый кругъ идей, къ которому они не привыкли. Отъ нихъ мы узнали, что между Напронгъ-га и Имбао существовала въ то время война; Унунгъ-лебу объявилъ намъ даже, что Тумбуа-накаро злой человѣкъ *(tanata-tza)*, хотя и признавался, что онъ далъ пристанище *Папа-лангвисамъ* (бѣлымъ), потерпѣвшимъ крушеніе при берегахъ его области, и имѣлъ о нихъ попеченіе.

Къ десяти часамъ вечера вѣтеръ подулъ снова отъ S. O, и сколько ни весело было намъ проводить время съ Витійцами, но *Океанія* снялась, расправила паруса и пустилась въ море. 5 Іюня, при разсвѣтѣ дня, мы увидѣли цѣпь островов Малало, Битонга и Бивуа, образующихъ западную границу архипелага Вити. Пендлотонъ отказался отъ своихъ поисковъ сандальнаго дерева въ архипелагѣ; вѣтеръ, случай, свѣдѣнія полученныя имъ отъ Унунгъ-лебу, все побудило его къ этому. Онъ направилъ шлюпъ къ S. E. и мы поплыли къ южной части Новой Гебриды.

ГЛАВА IX.

Архипелагъ Вити. — Географія.

Заключенный между 16° и 20° ю. шир., 174° и 179° В. Д. по Париж. мерид., Архипелагъ Вити занимаетъ пространство 100 миль отъ сѣвера къ югу и 90 миль отъ востока къ западу. Онъ состоитъ изъ двухъ боль-

шихъ острововъ, двухъ нѣсколько меньшихъ, пятнадцати средней величины, и наконецъ изъ безчисленнаго множества островковъ, подводныхъ камней и рифовъ. Хотя послѣдніе труды капитана Дюрвиля значительно содѣйствовали къ опредѣленію настоящаго положенія сихъ странъ, но о большей части изъ нихъ существуютъ свѣдѣнія все еще не полныя. Вотъ однако на чемъ застаетъ ихъ новѣйшая Географія.

Архипелагъ Вити имѣетъ два большіе острова: Вити-леву и Вануа-лебу.

Вити-Леву, самый важный и самый большой изъ двухъ, имѣетъ 70 миль протяженія отъ востока къ западу и около 60 миль отъ сѣвера къ югу. Земли расположены весьма выгодно, и все доказываетъ, что онѣ должны быть плодородны. Диллонъ говоритъ, что Вити-леву раздѣляется на 4 округа: Рева, Таццара, Бреста и Имбао. Послѣдній есть важнѣйшій изъ всѣхъ; онъ занимаетъ восточную часть острова; старшина его Орива, принявшій титло *Абуни-валу*, покорилъ своей власти почти всѣ восточные острова. Вити-леву, по словамъ Диллона, имѣетъ сто тысячъ жителей, изъ нихъ половина принадлежитъ области Имбао. Географическія границы суть: къ югу 13^0 16^1 ю. шир.; къ востоку 176^0 12^1 вос. долг.; къ западу 174^0 46^1 вос. долг. Положеніе сѣвернаго берега не было еще съ точностію изслѣдовано.

Вануа-лебу, который, кажется, почти также обширенъ, какъ Вити-леву, еще очень мало извѣстенъ. Предполагаютъ, будто островъ имѣетъ округи: Пао, Дагонъ-робе, Така-нова и Буа. Говорятъ, что въ послѣднемъ находится бухта *Sandal-wood* (сандальнаго дерева) съ надежнымъ якорнымъ мѣстомъ, но не всегда доступная. Каждый изъ округовъ имѣетъ своего старшину. Эти начальники ведутъ между собою безпрерывную войну. Было время, когда сандальное дерево изобиловало на островѣ и преимущественно на западномъ берегу. Около первыхъ годовъ настоящаго столѣтія наѣхало множество бродягъ Испанскихъ, Американскихъ, Англійскихъ, которые увезли съ собой богатѣйшіе грузы. Съ тѣхъ поръ; хорошія деревья стали рѣже и добывать ихъ уже не такъ легко какъ прежде. По Крузенштерну, Вануа-лебу имѣетъ пятьдесятъ миль въ окружности и простирается отъ 16^0 18^1 до 17^0 ю. шир., и отъ 176^0 4^1 до 175^0 12^1 вос. долг. Все это требуетъ еще подтвержденій.

Между этими двумя островами существуетъ каналъ или проливъ, имѣющій отъ двѣнадцати до пятнадцати миль шир., опасный, мало посѣщаемый и усѣянный во всю длину подводными камнями. Другой каналъ, почти такой же какъ первый, отдѣляетъ Вити-леву отъ *Кандабона*, положеніе котораго было опредѣлено экспедиціею на *Астролябіи*; этотъ послѣдній островъ гористъ и оканчивается на ю. зап. пикомъ большой высоты. Протяженіе его около тридцати миль отъ O. N. O. къ W. S. W., ширина измѣняется отъ четырехъ до девяти миль. По словамъ Тумбуа-накаро, на немъ до десяти тысячъ жителей, что кажется нѣсколько преувеличено. Западный пикъ лежитъ подъ 19^0 6^1 ю. шир. и 175^0 30^1 в. долг.

Вотъ три главные острова архипелага Вити. Представляемъ теперь быстрый перечень прочимъ, начавъ съ юга и востока и оканчивая сѣверомъ и западомъ.

Оно, открытый въ 1819 г. Русскимъ мореплавателемъ Беллинсгаузеномъ, ост. высокій и населенный, имѣетъ пятнадцать миль въ окружности, коралловую отмель на S. W. и два малые необитаемые острова, каждый до мили въ окружности; вершина острова лежитъ подъ 20^0 39^1 ю. ш. и 178^0 55^1 вос. долг.

Батоа, открытъ въ 1773 Кукомъ, назвавшимъ его *островомъ Черепахъ*, потому что онъ здѣсь нашелъ множество этихъ животныхъ; д'Антркасто въ 1793, а Дюрвиль въ 1827 обозрѣвали его. Островъ мало возвышенъ, слабо населенъ, имѣетъ около четырехъ или пяти миль въ окружности, съ рифомъ, который простирается почти на двѣ мили отъ берега. Когда Кукъ сошелъ на землю, туземцы разбѣжались. Шесть или семь лѣтъ назадъ, одно Американское судно погибло въ этихъ рифахъ, и островитяне, найдя якорь, дотащили его до Лагвембы. Лежитъ подъ 19^0 48^1 ю. ш. и 179^0 21^1 в. дол. Въ четырехъ или пяти миляхъ на S. W. отъ острова находится опасный рифъ, въ четыре или пять лигъ въ окружности, усѣянный коралловыми вершинками на подобіе капителей. Кораллы возвышаются иногда на 15 ф. надъ поверхностью моря.

Онгеа-лебу, открытый и видѣнный издали Вильсономъ въ 1797, былъ снова узрѣнъ въ близи въ 1827. Земля возвышена и лѣси-

ста; окружность острова отъ шести до семи миль; съ нимъ смежны, другой островъ, также возвышенный, но не столь обширный, называемый Онгъ-геа-рики, и два песчаные островка, Нугу-шонгіа; все вмѣстѣ окружено рифомъ. Жители этихъ мѣстъ были перерѣзаны Тонгаями, которые обратили группу въ притонъ для своихъ войнъ. Ю. шир. 19° 8', в. дол. 179° 10'.

Булангъ-га, сколько извѣстно, былъ открытъ судами *Гаррингтономъ* и *Елисаветой*, которыя несправедливо назвали его *Лаквеба*. Въ 1797 г. Вильсонъ видѣлъ его издали, а въ 1827, Дюрвиль обозрѣлъ его подробно. Этотъ островъ возвышенъ, лѣсистъ и пріятнаго вида; длина его до 6 миль отъ N. N. W. къ S. S. O., ширина не болѣе трехъ миль; онъ окруженъ буруномъ. Жителей считаютъ до восьмидесяти. Ю. шир. 19° 8'; в. дол. 179° 1'.

Острова *Ангъ-газа*, были усмотрѣны въ первый разъ Блейемъ въ 1789, во второй разъ Вильсономъ въ 1797, и обозрѣны Дюрвилемъ въ 1827. Группа состоитъ изъ трехъ или четырехъ маленькихъ острововъ, возвышенныхъ и необитаемыхъ; главный имѣетъ не болѣе четырехъ или пяти миль въ окружности и лежитъ подъ 18° 57' ю. шир. и 179° 7' в. долг.

Намука, открытъ Блейемъ въ 1789, а въ 1797 усмотрѣнъ Вильсономъ, который назвалъ его *Neat's Tongue*; Дюрвиль обозрѣлъ его въ 1827. Это островъ возвышенный, имѣющій 4 мили отъ востока къ западу и одну милю въ ширину; онъ окруженъ обширнымъ рифомъ. Нѣкогда многолюдный, Намука едва имѣетъ нынѣ сто жителей: такъ истребительны были частыя войны между Имбао и Лагвембой. Онъ изобилуетъ свиньями и ямсомъ. Лежитъ подъ 18° 53' ю. шир. и 178° 55' в. долг.

Марамбо, обозрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827; маленькій, возвышенный островъ, лѣсистый, необитаемый, имѣющій отъ 3 до 4 миль въ окружности. Ю. шир. 19° 1', в. долг. 178° 48'.

Камбара, обозрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827; возвышенный островъ; отъ 9 до 10 миль въ окружности. Это *Аполло* Крузенштерна, открытый, по его словамъ, судами *Гаррингтономъ* и *Елисаветой*. На немъ считаютъ до ста жителей; они данники Короля Лагвембы и занимаются ловлей черепахъ и изготовленіемъ копій и байдаръ. Лежитъ подъ 18° 58' ю. шир. и 178° 39' в. долготы.

Вангара, обозрѣнный Дюрвилемъ въ 1827. Островъ возвышенный и необитаемый; протяженія его отъ N. N. O къ S. S. W до $2\frac{1}{2}$ миль. Этотъ островъ на картѣ Крузенштерна названъ *Фоокафа*. Ю. шир. 18° 53', в. долг. 178° 43'.

Мозе, открытый Блейемъ въ 1789, усмотрѣнъ Вильсономъ въ 1797 и названъ имъ *Danger*; Дюрвиль обозрѣлъ его въ 1827. Островъ возвышенный, имѣющій около 10 миль въ окружности и окруженный буруномъ. На немъ не болѣе сотни жителей. На широкомъ бурунѣ, на в. отъ острова, разбилось судно *Арго*, и самъ капитанъ Вильсонъ едва избавился отъ гибели. Ю. шир. 18° 41', в. дол. 179° 5'.

Комо, открытъ Блейемъ въ 1789 и обозрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827. Возвышенный островъ отъ 3 или 4 миль въ окружности; на немъ не болѣе 40 жителей. Ю. шир. 18° 44', в. долг. 178° 58'.

Голо-руа, открытъ Блейемъ въ 1789, обозрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827. Маленькій, возвышенный и необитаемый островокъ. Ю. шир. 18° 40', в. долг. 178° 51'.

Енгуа, усмотрѣнъ издали Вильсономъ въ 1797, а Дюрвилемъ въ 1827; островъ возвышенный и необитаемый; пространство его еще не опредѣлено въ точности. Ю. шир. 18° 19', в. долг. 178° 56'.

Лагвемба, открытый, по словамъ Крузенштерна, судами *Гаррингтономъ* и *Елисаветой*, которыя назвали его по ошибкѣ *Атакомбо*; капитанъ Дюрвиль обозрѣлъ его вблизи въ 1827; возвышенный островъ, пріятнаго вида, онъ тянется на пять миль отъ с. къ ю. и по крайней мѣрѣ на столько же отъ в. къ з.; окруженъ бурунами, которые широко облегаютъ его на в. Жителей не болѣе тысячи. Король Лагвембы беретъ дань со всѣхъ острововъ, лежащихъ на ю., но въ свою очередь, онъ данникъ Короля Имбао. Ю. шир. 18° 12', в. долг. 178°, 47'.

Табуне-сики или *Toboonacelly*, по картѣ Крузенштерна; въ 1827 г. его обозрѣвалъ Дюрвиль; маленькій, необитаемый островъ, отъ двухъ до трехъ миль въ окружности. Ю. шир. 18° 46', в. долг. 178° 33'.

Бануе-бату, или *Vanoo-Vadooa*, по картѣ Крузенштерна; обозрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827; возвышенный островъ съ пятидесятью

жителями, отъ 4 до 5 миль въ окружности. Ю. шир. 18° 22', в. долг. 178° 20'.

Неау, обозрѣнный Дюрвилемъ въ 1827, и на картѣ Крузенштерна названный *Odida* по смѣшенію съ слѣдующимъ; островъ возвышенный, отъ 7 до 8 миль окружности; на немъ до сотни жителей. Ю. шир. 17° 59', в. долг. 178° 31'.

Дзизія, на картѣ Крузенштерна, названный *Фаворитъ*, былъ обозрѣнъ въ 1827 г. Дюрвилемъ; островъ возвышенный, окружность его отъ девяти до десяти миль. Жителей до 1000. Ю. шир. 17° 59', в. долг. 178° 14'.

Бату-бара, обозрѣнный Дюрвилемъ въ 1827 г.; легко можетъ быть, тотъ самый островъ, который Вильсонъ видѣлъ въ 1797 и назвалъ *Гавейсъ*; онъ очень возвышенъ; имѣетъ не болѣе трехъ или четырехъ миль въ окружности, и не смотря на то, обитаемъ. Ю. шир. 17° 25', в. долг. 178°.

Азата, открытый въ 1797, Вильсономъ, который назвалъ его *Hamilton;* обозрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827; островъ возвышенный, обитаемый, имѣющій шесть миль въ окружности. Ю. шир. 17° 15', в. долг. 178° 3'. Къ W. S. W. отъ Азаты, лежатъ три лѣсистые и необитаемые островка, называемые Нугу-толу; они возвышаются надъ рифомъ, имѣющимъ до 3 миль въ длину.

Манго, открытъ Вильсономъ въ 1787 и названъ имъ *о. Коксъ*. Дюрвиль видѣлъ его издали въ 1827; островъ очень возвышенъ; имѣетъ 4 или 5 миль въ окружности и до 400 жителей. Ю. шир. 17° 24', в. дол. 178° 18'.

Каназеа, открытъ въ 1797 Вильсономъ, который назвалъ его *Симсъ*. Дюрвиль видѣлъ его издали въ 1827; островъ возвышенный, отъ 3 до 4 миль въ окружности; жителей около 100. Ю. шир. 17° 17', в. долг. 178° 18'.

Гадоу, открытъ Вильсономъ въ 1797; возвышенный островъ отъ 2 до 3 миль протяженіемъ съ с. къ ю., безъ сомнѣнія тотъ самый, что у туземцевъ называется *Муніа*; жителей 80. Ю. шир. 17° 16', в. дол. 178° 30'.

Скоттъ, открытъ Вильсономъ въ 1797; возвышенный островъ отъ 10 до 12 миль въ окружности; вѣроятно это *Бануанъ-балабу* туземцевъ: въ немъ 2000 жителей. Ю. шир. 17° 12', в. долг. 178° 26'.

Миддлетонъ, открытъ Вильсономъ въ 1797; островъ возвышенный, имѣющій 7 или 8 миль въ окружности. Ужъ не *Кабава* ли это туземцевъ? Ю. шир. 17° 6', в. долг. 178° 26'? Этотъ островъ вмѣстѣ съ предъидущимъ и еще третьимъ маленькимъ островомъ, который Вильсонъ назвалъ *Curling*, окружены однимъ общимъ рифомъ.

Ширдингъ, открытъ Вильсономъ въ 1797; возвышенъ, имѣетъ 5 или 6 миль окружности. Ю. шир. 17° 10', в. долг. 178° 38'.

Три-Брата, открыты въ 1797, Вильсономъ; три острова на одной и той же подводной скалѣ, занимающей пространство отъ 4 до 5 миль къ W. S. W. Можетъ быть, не это ли *Нугу-толу* туземцевъ? Ю. шир. 17°, в. дол. 178° 40'.

Скарсъ, открыты Вильсономъ въ 1797; тоже три островка, окруженные рифомъ въ 5 или 6 миль въ окружности. Не второй ли это *Нугу-толу?* Ю. шир. 17° 6', в. долг. 178° 21'.

Блафъ, открытъ въ 1797 Вильсономъ: маленькій, необитаемый островъ, окруженный рифомъ. Кажется, едва ли это не *Малима* туземцевъ. Ю. шир. 16° 56', в. дол. 178° 32?

Нента-умба, открытъ въ 1797, Вильсономъ, который назвалъ его *Direction*; обозрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827; возвышенный островъ, имѣющій 3 или 4 мили въ окружности; жителей не болѣе шестидесяти. Ю. шир. 18° 2', в. долг. 178° 18'?

Лау, открытъ Вильсономъ въ 1797; маленькій островъ, низменный и необитаемый, съ буруномъ, простирающимся на 6 или 8 миль отъ с. къ ю., у туземцевъ называется *Вабіуа*. Ю. шир. 16° 44', в. долг. 178° 24'.

Нугу-лаудзала, открытъ Вильсономъ въ 1797, обозрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827; маленькій островъ, низменный и необитаемый, съ буруномъ, простирающимся на 10 или 12 миль отъ с. къ ю.—Ю. шир. 16° 43', в. долг. 178° 3'.

Санди, открытъ въ 1643 Тасманомъ; усмотрѣнъ снова Вильсономъ въ 1797. Маленькій низменный островъ съ рифомъ отъ 12 до 15 миль отъ с. къ ю. и съ малымъ числомъ жителей. Вѣроятно это *Ненгвеле-лебу* туземцевъ. Ю. шир. 16° 20' в. дол. 178° 4'.

Огромные подводные камни, названные въ 1797 Вильсономъ Харибда и Сцила *(Charybd-Reef, and Scylla-Reef)*, соединяютъ эти острова почти вплоть съ слѣдующими:

Фаревель, открытый Тасманомъ въ 1643, снова усмотрѣнный Вильсономъ въ 1797. Ост-

ровъ возвышенный, имѣетъ три или четыре мили въ окружности и сотню жителей. Нѣтъ сомнѣнія, что это *Зигомбіа* туземцевъ.—Ю. шир. 15° 42, в. долг. 177° 42'.

Идудердсъ, открытый Тасманомъ въ 1643, вновь увидѣнный Вильсономъ въ 1797. Значительная и возвышенная земля, но очень дурно обозначенная. Ю. шир. 16° 16' в. дол. 177° 24'.

Іанудза, открытые въ 1643 Тасманомъ, снова увидѣнные въ 1797 Вильсономъ, который назвалъ ихъ *Clusters*; обозрѣнные въ 1827 Дюрвилемъ. Група изъ 4 или 5 возвышенныхъ, необитаемыхъ островковъ, занимающая пространство отъ 4 до 5 миль отъ с. къ ю.—Ю. шир. 16° 36', в. дол. 177° 51'.

Рембъ, открытый въ 1643 Тасманомъ, снова усмотрѣнный въ 1797 Вильсономъ, довольно издалека; онъ назвалъ его *Gillet* и *Tate*. Дюрвиль видѣлъ ихъ тоже издали въ 1827. Земля возвышенная и значительная; пространство ея еще не извѣстно въ точности. Не знаютъ даже, составляетъ ли она одинъ островъ или нѣсколько. На ней считаютъ до ста жителей. Ю. шир. 16° 33' в. дол. 177° 37'.

Табе-уни, открытъ въ 1643 Тасманомъ, вновь усмотрѣнъ въ 1797 Вильсономъ, который назвалъ его *Lamberts*; обозрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827. Земля чрезвычайно возвышенная, имѣющая по крайней мѣрѣ 22 мили протяженія, отъ с. в. къ ю. з. и отъ 10 до 12 миль ширины. Жителей считаютъ тысячу. Ю. шир. 17° 1', в. дол. 177° 28'. На с. в. оконечности есть маленькій островъ, называемый *Біумбани*. Кажется, что Табеуни раздѣляется отъ Вануа-лебу только узенькимъ каналомъ.

Онгомеа, открытъ въ 1643 Тасманомъ, усмотрѣнъ вновь въ 1797 Вильсономъ, который назвалъ его совокупно съ слѣдующимъ *Ross*; въ 1827 они обозрѣны Дюрвилемъ, засвидѣтельствовавшимъ, что они точно отдѣляются другъ отъ друга узенькимъ каналомъ. Островъ высокій и многолюдный; имѣетъ 6 миль протяженія отъ O. N. O. къ W. S. W. и 3 или 4 мили ширины. Ю. шир. 16° 48', в. долг. 177° 41'.

Лаудзала, открытъ въ 1643 Тасманомъ, видѣнъ въ 1797 Вильсономъ и обозрѣнъ въ 1827 Дюрвилемъ. Островъ возвышенный; имѣетъ около 5 или 6 миль въ окружности и сотню жителей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ байдара изъ Тонга потерпѣла крушеніе при этихъ берегахъ и Каннибалы убили и съѣли всѣхъ людей экипажа. Ю. шир. 16° 41', в. дол. 177° 53'.

Коро, видѣнный издали въ 1827 Дюрвилемъ. Очень высокій островъ, длиною по крайней мѣрѣ 12 миль отъ N. N. O. къ S. S. W. и отъ 4 до 5 миль шириною, съ буруномъ на восточной сторонѣ. Полагаютъ, что на немъ до 1000 жителей. На картѣ Крузенштерна онъ названъ *Гороо*. Не извѣстно, кто его открылъ. Ю. шир. отъ 17° 12' до 17° 26', восточной долготы 177°.

Неирай, открытъ Блейемъ въ 1789, обозрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827; островъ высокій; имѣетъ отъ 9 до 10 миль въ окружности и 1000 жителей. Ю. шир. 17° 50' в. долг. 176° 57'.

Нао, открытъ Блейемъ въ 1789, обозрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827; очень высокій островъ, имѣющій по крайней мѣрѣ 10 миль отъ N. N. W. къ S. S. O. и 4 или 5 миль ширины. Число его жителей полагаютъ до 5000. Ю. шир. 18° 2', в. долг. 176° 53'. На в. и ю. существуетъ бурунъ, гдѣ погибъ бригъ *Элиза*.

Муала, открытый въ 1827 Дюрвилемъ, высокій островъ въ 7 миль протяженія отъ O. N. O. къ W. S. W. и 5 миль отъ N. къ S. На немъ считаютъ 1000 жител. Окружающіе его подводные камни опасны. Это, можетъ быть, островъ *Мерла-Еавоо*, Крузенштерновой карты. Ю. шир. 18° 35', в. долг. 177° 27'.

Мотугу, открытъ въ 1827 Дюрвилемъ, который видѣлъ его издали; островъ высокій, имѣющій по крайней мѣрѣ 5 миль пространства и 1000 жител. Ю. шир. 18° 55' в. дол. 177° 45'.

Фотуа, открытъ въ 1827 Дюрвилемъ, который видѣлъ однѣ его вершины; высокій островъ имѣющій по крайней мѣрѣ 11 миль протяженія отъ в. къ з. и 1000 жител. Ю. шир. 18° 55', в. долг. 177° 45'.

Батигуи, открытъ Блеемъ въ 1789, обозрѣнъ въ 1827 Дюрвилемъ, который видѣлъ его издали; островъ высокій, имѣющій по крайней мѣрѣ 3 мили пространства. Жителей до 1000. Это безъ сомнѣнія тотъ островъ, что у Крузенштерна на картѣ показанъ подъ именемъ *Batega*. Ю. шир. 17° 48°, в. долг. 176° 42'.

Балау, или *Буллоо* по картѣ Крузенштерна; обозрѣнъ издали Дюрвилемъ въ 1827; островъ высокій; пространство не извѣстно; жителей до 1000 человѣкъ. Ю. шир. 17° 44', в. долг. 176° 22'.

Вакіа, по картѣ Крузенштерна, у туземцевъ *Вакаіа*, маленькій островъ съ сотнею жителей. Ю. шир. 17° 35', в. дол. 176° 40'.

Гуммокъ, (по картѣ Крузенштерна), можетъ быть, тотъ самый, который островитяне называютъ *Нингани*; онъ имѣетъ въ окружности одну или двѣ мили. Ю. шир. 17° 32', в. долг. 176° 20'.

Пасажъ на картахъ Крузенштерна, или Вату туземцевъ. Окружность его до двухъ миль. Юж. шир. 17° 24', зап. долг. 176° 22'.

Макани, на картахъ Крузенштерна, называемый островитянами Магунъ-гай. Двѣ или три мили въ окружности и жителей около 50. Лежитъ подъ 17° 28' ю. шир. и 176° 40' в. долготы.

Мату-рики, открытый Блейемъ въ 1789, осмотрѣнъ Дюрвилемъ въ 1827; онъ названъ Вератъ (*Verat*) на картѣ Крузенштерна, высокій островъ, простирающійся по крайней мѣрѣ на 4 мили; имѣющій до 1000 жителей. Лежитъ подъ 17° 48' ю. шир. и 176° 17' в. долготы.

Леле-убіа, два низменные и лѣсистые островка, открытые въ 1827 Дюрвилемъ, каждый не болѣе мили въ окружности; лежать подъ 17° 58' ю. шир. и 176° 19' вост. долготы.

Нугу-лаго и *Нугу-лебу*, два островка покрытые лѣсомъ, не возвышенные; каждый, по крайней мѣрѣ въ одну милю въ окружности. Они открыты Дюрвилемъ въ 1827; лежатъ подъ 18° 13' ю. шир. и 175° 51' в. долготы.

Умбенга, открытый Дюрвилемъ въ 1827; высокій островъ, имѣющій болѣе девяти или десяти миль въ окружности. Народонаселеніе простирается до двухъ тысячъ. Островъ этотъ отдѣленъ отъ Кандабона узкимъ проливомъ, и на сѣверѣ окруженъ бурунами и множествомъ маленькихъ островковъ, пространство которыхъ еще не опредѣлено. Онъ находится подъ 18° 55' ю. шир. и 176° 2' в. долготы.

Вату-леле, открытый Дюрвилемъ въ 1827; низменный лѣсистый островъ съ подводными камнями, тянущимися далеко на востокъ. Народонаселеніе около 2,000, душъ. Пространство отъ N. N. O. къ S. S. W., до девяти миль, ширина отъ 2 до 3 миль; лежитъ подъ 18° 33' ю. шир. и 175° 11' в. долг.

Малоло, открытый въ 1827 году Дюрвилемъ. Группа возвышенныхъ острововъ, окруженныхъ подводными рифами, самый большой имѣетъ отъ 7 до 8 миль въ окружности. Народонаселеніе до 1,000 душъ; большій лежитъ подъ 17° 45' ю. шир. и 174° 42'. в. долг.

Накаро, открытые Дюрвилемъ въ 1827. Группа составленная изъ 10 высокихъ населенныхъ островковъ; наибольшіе имѣютъ двѣ или три мили въ окружности. Сѣверн. островъ лежитъ подъ 17° 33' ю. шир. и 174° 37' в. долг.

Битонго, открытые Дюрвилемъ въ 1827; группа изъ двухъ большихъ и четырехъ маленькихъ высокихъ островковъ, между коими самые значительные имѣютъ двѣ или три мили въ окружности. Они лежатъ подъ 17° 26' ю. шир. и 174° 34' в. долг.

Бивуа, видѣнные издалека Дюрвилемъ въ 1827. Группа изъ трехъ или четырехъ острововъ, возвышенныхъ и населенныхъ; самой большой имѣетъ семь или восемь миль въ окружности. Острова эти, по видимому, образуютъ ю. з. часть острововъ, открытыхъ въ 1794 капитаномъ Берберомъ, и лежатъ подъ 17° 16' ю. шир. и 174° 38' в. долг.

Матагуа-лебу, *Сара-леву*, и *Сарарара*. По показаніямъ туземцевъ, такъ называются главнѣйшіе острова, открытые Берберомъ въ 1794, и не совсѣмъ опредѣлительно показанные на картахъ Крузенштерна. Самые большіе могутъ имѣть отъ 15 до 18 миль окружности. Впрочемъ вся эта группа столь мало извѣстна, что не знаютъ даже точнаго ея положенія. Надо отмѣтить ихъ почти между 16° 38' и 17° 4' ю. шир. съ одной стороны, а съ другой между 174° 40' и 175' в. долг.

Круглый, на картахъ Крузенштерна, въ три или четыре мили въ окружности; лежитъ подъ 16° 38' ю. шир. и 175° 10' в. долг.

Андуа, на картахъ Крузенштерна, въ четыре или пять миль въ окружности; лежитъ подъ 16° 50' ю. шир. и 175° 54' в. долг.

Сколь ни длиненъ этотъ списокъ, онъ вѣроятно еще не заключаетъ въ себѣ всѣхъ Витійскихъ острововъ. Туземцамъ извѣстны

многіе другіе: это явствуетъ изъ списка даннаго старшинами Тумбуа-накаро и Уноигъ-лебу, Г. Гемару, натуралисту находившемуся на *Астролябіи*. Списокъ былъ напечатанъ въ описаніи этой экспедиціи. До до собранія полнѣйшихъ документовъ, новыми наблюдателями, сказанное нами заключаетъ послѣднія и новѣйшія географическія свѣдѣнія объ архипелагѣ Вити.

ГЛАВА X.

Архипелагъ Вити.—Исторія.

Уже сказано было, что Тасманъ открылъ групу Вити. Онъ впрочемъ видѣлъ только часть сихъ обширныхъ и многочисленныхъ земель. Изъ записки его явствуетъ, что въ первыхъ числахъ Февраля 1643, суда зашли въ лабиринтъ острововъ, отвсюду опоясанныхъ подводными камнями, скалами и мелями, отъ коихъ они съ трудомъ могли удалиться. Тасманъ назвалъ эти земли островами принца Вильгельма и Гемскирскими мелями. (Ils des Prince Guillaume et bas fonds de Heemskerk). Въ наши времена наблюденія Г. Дюрвиля удостовѣрили, что острова, замѣченные Тасманомъ, были названны на новѣйшей картѣ Янудза, Рамбе, Табе-уни и Лаудзала.

Въ 1774, Кукъ открылъ островъ Батоа; въ 1777, во время третьяго путешествія своего, онъ собралъ въ Тонга-табу нѣсколько свѣдѣній объ островахъ Фиджи, называемыхъ Вити на Тонгайскомъ языкѣ. Блей проходилъ въ свою очередь между этими группами въ 1789, когда лишенный начальствованія кораблемъ, онъ бѣжалъ въ шлюпкѣ, ища гостепріимной страны. Полагаютъ, что онъ прошелъ тогда между большими островами Вити-леву и Вануа-лебу; но въ его положеніи подробное обозрѣніе было невозможно. Даже позже, возвращаясь изъ Таити на корабляхъ: *Providence* и *Assistance*, онъ шелъ вдоль всей южной части архипелага; но отъ забвенія ли, или отъ безпечности, ни одно изъ дѣйствій этого путешествія не было обнародовано. Въ 1793 д'Антркасто узналъ однако нѣкоторые подробности о земляхъ Витійскихъ, и видѣлъ мимоходомъ островъ Кука, Батоа. Вскорѣ послѣ того капитанъ Мейтландъ также прошелъ мимо нихъ и назвалъ ихъ *Землями вольности* (teres de liberté); за нимъ Берберъ, капитанъ корабля Артуръ, шелъ вдоль западной стороны; но ни тотъ, ни другой не передали намъ результата своихъ открытій. Капитанъ Вильсонъ, напротивъ того, составилъ карту путешествія своего въ с. в. части, гдѣ онъ неоднократно былъ близокъ къ гибели въ 1797. Показанія его, хотя и не совсѣмъ вѣрныя, открыли по крайней мѣрѣ средство отыскать эти видѣнные имъ острова. Въ теченіе первыхъ пятнадцати лѣтъ текущаго столѣтія, нѣсколько купеческихъ судовъ заходили, кажется, въ архипелагъ Вити. Торговля сандальнаго дерева привлекала туда купцевъ изъ Индійскихъ и Европейскихъ портовъ: область Имбао была средоточіемъ ихъ обмѣновъ. Тамъ находился рейдъ, которому Англійскіе и Американскіе путешественники дали названіе *Бухты Сандальнаго дерева*. Рѣдко случалось, чтобы три или четыре судна не останавливались тутъ каждый годъ, для нагрузки драгоцѣннымъ симъ деревомъ, которое они скоро и прибыльно сбывали на Китайскихъ рынкахъ. Нигдѣ сандальная эссенція не была лучше и свѣжѣе, и не одинъ стволъ, привезенный изъ Вити, послужилъ къ выдолбленію изъ него гроба богатому мандарину. Подобные куски дерева, тѣмъ драгоцѣннѣе, что жители небесной имперіи высоко чтутъ великолѣпіе жилищъ для смертныхъ остатковъ своихъ.

Множество купеческихъ судовъ останавливались въ Вити, въ первыхъ годахъ этого столѣтія; но одно изъ нихъ не открыло своего путешествія, напротивъ того, всѣ старались затемнить похожденія свои покровомъ таинственности, изъ опасенія возбудить открытіями своими соперничество. Они молчали; да если бы и разсказывали, то Европа отъ нихъ не узнала бы, вѣроятно, ничего, кромѣ подробностей ихъ неважной торговли. Такимъ образомъ ни встрѣченные ими на пути подводные камни, ни осмотрѣнные острова, ничто не было извѣстно. Потому то Крузенштернъ въ гидрографическомъ очеркѣ этого архипелага, въ 1824, долженъ былъ прибѣгнуть къ матеріяламъ не точнымъ и не пользующимся авторитетомъ.

Все, что узнали о сношеніяхъ нашихъ Европейскихъ купцевъ съ Витійцами, заключается въ томъ, что въ слѣдствіе раздоровъ, коихъ обстоятельства не взвѣшены, вдругъ послѣдовалъ кровавый разрывъ, и далъ поводъ ужаснымъ мщеніямъ со стороны тузем-

цевъ. Вотъ два изъ этихъ несчастныхъ случаевъ: одинъ заимствованъ нами изъ путешествія Тарибула, изданнаго въ 1813, другой изъ путешествія Диллона, которое не болѣе пяти лѣтъ тому назадъ сдѣлалось извѣстно публикѣ.

Первый отрывокъ относится къ кораблю *Фавориту*. Капитанъ Кембель, сталъ на якорь въ Октябрѣ 1809, въ бухтѣ Sandal Wood, 7-го того же мѣсяца помощникъ капитана этого судна, Томасъ Смитъ, и двое лейтенантовъ, Локерби и Греэмъ, на трехъ шлюпкахъ оставили корабль, съ тѣмъ чтобы посѣтить бухту Вайлеа и добыть тамъ красильнаго дерева. Прибывъ, они нашли жителей въ большомъ волненіи: съ минуты на минуту ожидали могущественнаго начальника области Вухіа, Булландама, объявившаго войну островитянамъ Тафейа или Тафера. Воины Вайлеа должны были участвовать въ этой борьбѣ. Случай не благопріятствовалъ *Фавориту*. Пріѣхавъ въ надеждѣ на мирную торговлю, онъ засталъ начало непріятельскихъ дѣйствій. Двѣ изъ шлюбокъ упорствовали въ достиженіи своей цѣли; третья, подъ начальствомъ Греэма, безъ малѣйшей опасности возвратилась къ кораблю. На слѣдующій день, когда другія хотѣли сдѣлать тоже, они встрѣтили препятствія.

И въ самомъ дѣлѣ, на пространствѣ, отдѣлявшемъ Вайлеа отъ корабля, Гг. Смитъ и Локерби встрѣтилъ флотъ Булландама, въ числѣ 140 байдаръ, приближавшихся длиннымъ полукругомъ. Избѣгнуть этой многочисленной флотиліи было невозможно. Г. Смитъ предпочелъ маневрировать, какъ будто ему нечего было опасаться; онъ направился къ центру. Подъѣхавъ на довольно близкое разстояніе, шлюбки получили вдругъ приказаніе итти прямо къ флоту; но лишь только хотѣли они исполнить это, какъ самая большая изъ непріятельскихъ байдаръ бросилась на китоловное судно, ударила его и разбила надвое. Локерби и люди его были тотчасъ взяты въ плѣнъ, между тѣмъ какъ съ другой стороны схватили карабельныхъ служителей на захваченной шлюбкѣ, на которой находился лейтенантъ Томасъ Смитъ съ товарищами.

Первыя минуты плѣненія были ознаменованы насильствомъ. Дикари готовы уже были растерзать плѣнныхъ, когда одинъ изъ начальниковъ воспрепятствовалъ имъ тому, убѣждая, что они должны быть неприкосновенными до особеннаго на то приказанія командира флота. И такъ они цѣлы и невредимы предстали предъ Булландамомъ. Этотъ вовсе не спѣшилъ избавиться отъ своихъ плѣнныхъ, напротивъ того, въ ту же минуту изъявилъ желаніе употребить ихъ въ свою пользу. Онъ просилъ Смита сопровождать его въ экспедиціи противъ островитянъ Тафере, въ надеждѣ, что ружья матросовъ облегчатъ ему побѣду. Къ несчастію, пороховые запасы были подмочены въ схваткѣ, и Смитъ долженъ былъ признаться, что оружія людей его были безполезны. Не смотря на это, Булландамъ щадилъ своихъ плѣнныхъ; онъ запретилъ малѣйшее противъ нихъ насиліе, а Смиту, какъ офицеру, оказывалъ особенное благорасположеніе. Онъ, казалось, гордился его товариществомъ, просилъ его всегда сопутствовать ему, когда онъ сходилъ на берегъ, и сдѣлалъ изъ него родъ своего тѣлохранителя. Впрочемъ, когда офицеръ казался безпокойнымъ на счетъ участи, которая его ожидала, онъ тотчасъ его успокоивалъ, оказывалъ ему самое дружеское расположеніе и увѣрялъ, что когда Тафере будетъ покоренъ, онъ не только возвратитъ ему свободу, но даже заставитъ солдатъ своихъ нагрузить корабль его сандальнымъ деревомъ.

Между тѣмъ силы, долженствовавшія итти на непріятельскій островъ, мало по малу собирались. 11-го Октября, соединенный флотъ оставилъ Вайлеа, и споря нѣкоторое время съ вѣтромъ, къ вечеру направился на с. в. часть страны, которую хотѣли завоевать. Булландамъ первый сошелъ на берегъ, взявъ съ собою Смита; подъ охраненіемъ стражи, состоявшей изъ 10 человѣкъ, вооруженныхъ копьями и стрѣлами, онъ расположился на берегу бивакомъ. На слѣдующій день, 12-го Октября, они вознамѣрились, чтобы прямо итти на Тафере. Лишь только Булландамъ показался въ виду селенія, какъ явилась флотилія, составлявшая непріятельскій авангардъ, готовая вступить съ нимъ въ бой.

Дѣло завязалось; тучи стрѣлъ открыли бой; потомъ, когда байдары столкнулись, копья и палицы употреблены были въ дѣло. Схватка была упорна и кровава, но Таферійцы были малочисленнѣе и очевидно должны были погибнуть. Чтобы избѣгнуть неминуемой смерти, они всѣ бросились въ воду и поплыли къ берегу. Тщет-

по Булландамъ искусными движеніемъ нѣкоторыхъ байдаръ хотѣлъ отрѣзать бѣгущимъ отступленіе. Маневръ этотъ отдалъ въ руки побѣдителей одни только пустые челноки, и въ одномъ изъ нихъ одного живаго человѣка, бѣднягу, который спрятался, вмѣсто того чтобы бѣжать. Война была безпощадна; плѣннаго убили передъ Европейцами, а тѣло отдали служителю съ приказаніемъ изжарить его для стола начальниковъ. Это варварство было только началомъ еще ужаснѣйшихъ жестокостей. Тафере былъ совершенно пустъ; мужчины бѣжали, но враги знали, что женщины, старики и дѣти были недалеко. Вся эта беззащитная часть населенія скрывалась вѣроятно въ сосѣдствѣ. Рѣшено было схватить и задушить ихъ. Одинъ челнокъ былъ отправленъ, съ тѣмъ чтобы рекогносцировать мѣсто и узнать, не было ли какой опасности; по условленному знаку, грозная орда устремилась къ берегу. Зажженная хижина ознаменовала начало разрушенія. Несчастные жители колоніи *Тафере* спряталась за густою оградою зелени. Полагая себя въ безопасности, или надѣясь на пощаду со стороны побѣдителей, они не пытались бѣгствомъ избѣгнуть гибели: заботливость о дѣтяхъ удержала матерей, дряхлость сковала ноги старцевъ. Бѣдныя существа, сокрытыя въ убѣжищѣ, которое должно бы остаться священнымъ для воиновъ, ожидали удаленія флотиліи отъ ихъ береговъ, чтобъ возвратиться въ жилища, и забыть разоренія войны. Но вдругъ ужасный крикъ послышался около ограды, крикъ тигра рыкающаго вокругъ добычи своей. Несчастныя жертвы поняли значеніе его и покорились судьбѣ. Со всѣхъ сторонъ внезапно явились убійцы; булавы поднялись на дѣтей, на женщинъ, на старцевъ, только стонавшихъ, плакавшихъ, но не имѣвшихъ возможности защищаться. Это мѣсто превратилось въ бойню; тѣла валились одно на другое, составляя пирамиду искаженныхъ труповъ, основаніе которой утопало въ крови. Когда кровопролитіе прекратилось, добычу потащили къ берегу. Горе тѣмъ, въ комъ осталась еще искра жизни, кто не былъ добитъ булавою; не внемля крика и стенаній, не обращая вниманія на предсмертныя муки, несчастныхъ тащили по утесамъ, по песку, по остреямъ подводныхъ каменьевъ, чтобы свалить ихъ, иныхъ еще живыхъ, въ огромную байдару, назначенную складочнымъ мѣстомъ для труповъ. Плѣнные Англичане видѣли, какъ таскали молодыхъ дѣвушекъ, отроковъ, женщинъ, грудныхъ дѣтей, дряхлыхъ стариковъ, и какъ побѣдители бросали ихъ въ это огромное пріемище тѣлъ. Переноска труповъ, казалось, была праздиествомъ для людоѣдовъ: огромное количество человѣческаго мяса для пожранія, было пріуготовленіемъ радостнаго пиршества лютому ихъ аппетиту. 42 трупа были отщитаны и особо положены на высокія подмостки челнока Булландама, гдѣ ихъ вытянули и разобрали; начальникъ замѣтивъ въ числѣ другихъ тѣло молодой дѣвушки, приказалъ отложить его для собственной своей кухни.

Тафере остался пустъ; здоровые и не совершенно еще изнуренные люди разбѣжались, остальные всѣ были перерѣзаны. — Булландамъ въ сопровожденіи Г. Смита овладѣлъ этою пустынею. Она представляла самыя очаровательныя изъ всѣхъ видѣнныхъ ими до того времени мѣстоположеній; прелестное селеніе состояло изъ сотни красивыхъ домиковъ, построенныхъ вдоль по пригорку, мѣстами перерѣзанному густыми группами кокосовыхъ и хлѣбныхъ деревьевъ; почти каждый домъ былъ обнесенъ каменною стѣною. Булландамъ велѣлъ сжечь всѣ эти жилища, распространяя гнѣвъ свой на существа одушевленныя, онъ довершалъ пожаромъ начатое убійство. Зрѣлище было неописанно-ужасное.

По окончаніи послѣдняго мщенія, побѣдоносные суда поплыли обратно къ большой землѣ, гдѣ побѣдители должны были пировать, пожирая человѣческое мясо. Получивъ отвращеніе отъ этихъ ужасныхъ зрѣлищъ, Смитъ ежедневно, ежечасно требовалъ исполненія обѣщаній Булландама: онъ просилъ, чтобы его и товарищей освободили изъ неволи, на что начальникъ отвѣчалъ, что сдержитъ данное слово, и что тотчасъ же по окончаніи главнаго пиршества ихъ отвезутъ на корабль. Наконецъ отвратительный пиръ былъ отпразднованъ; всѣ тѣла были разрублены на куски, и части, уже приготовленныя для жаренья, висѣли на прибрежныхъ деревьяхъ. Когда они были дожарены, ихъ стали раздавать. Кусокъ мясистой лядвеи былъ поднесенъ Смиту, который съ ужасомъ отъ него отказался, хотя уже въ продолженіе пяти дней ничего не ѣлъ. Дикари съ удивленіемъ спрашивали о

причинѣ этого отвращенія, и едва поняли, когда Смитъ сказалъ имъ, что человѣческое мясо будетъ для него ядомъ. Вся ночь прошла въ ужасномъ пиршествѣ. Куски, оставшіеся послѣ этой бойни, были полузажарены и уложены въ корзины, для сохраненія, какъ обыкновенно водится между дикими.

Неволя Смита продолжалась еще нѣсколько времени, если вѣрить ему, онъ провелъ среди людей сихъ цѣлые десять дней, совершенно безъ пищи. — Начальникъ челнока, взявшаго его въ плѣнъ, требовалъ обратно своей добычи, говоря, что хочетъ самъ везти ее на корабль, и взять за выкупъ три китовые уса и двѣнадцать топоровъ. Однако предложеніе это не имѣло ни какого послѣдствія. Наконецъ, 16 Октября, умертвивъ въ глазахъ Смита одного туземца, спасшагося какимъ то чудомъ изъ Таферской экспедиціи, его и шестерыхъ его товарищей отвезли на корабль при одномъ изъ начальниковъ, Непраѣ, которому поручено было вытребовать за него выкупъ; двое Европейцевъ, Г. Локерби и матросъ были возвращены позже; но благодаря неусыпнымъ стараніямъ капитана Кембеля, *Фаворитъ* вступилъ подъ паруса, не лишась ни одного человѣка изъ своего экипажа.

Дикари эти, прибавляетъ реляція, удивительно настойчивы въ исполненіи своихъ предпріятій; воля ихъ можетъ сравниться только съ злобною точностію воинскихъ ихъ распоряженій. Дѣйствія всегда приготовлены съ такою смышленостію, выполнены съ такимъ хладнокровіемъ и силою, что право могутъ удивить даже Европейцевъ. Съ тѣлесною силою они соединяютъ глубокое пренебреженіе опасностей и совершенную безпечность объ утратахъ и утомленіяхъ. Нынѣшній вождь ихъ, Булланданъ, сдѣлался грознымъ; онъ постоянно стремится къ властвованію всѣми островами.

Вотъ первое происшествіе, сообщенное со всѣми подробностями, самими дѣйствующими лицами. Разсказъ ихъ, за исключеніемъ девятидневнаго поста, кажется, довольно справедливъ; его можно принять за достовѣрный. Но слѣдующій за симъ отрывокъ не имѣетъ уже ни той простоты, ни того правдоподобія, не смотря на то, что онъ передайъ намъ Диллономъ, который былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Вотъ онъ, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, противу оригинала, гдѣ онъ носитъ печать необыкновенной странности и баснословія. Мы сообщаемъ его съ именемъ сочинителя, ибо на немъ лежитъ вся отвѣтственность.

Диллонъ былъ офицеромъ на кораблѣ *Hunter*, капитанъ котораго, Робсонъ, старый знакомецъ съ островами Вити, пріобрѣлъ тамъ нѣкоторую власть, вмѣшивался въ раздоры островитянъ, и участвовалъ въ ихъ войнахъ. Бонасаръ, главный правитель Вайлеа, былъ предпочтительно его другомъ. Февраля 19-го 1813 года, *Hunter* сталъ въ заливѣ Вайлеа, противъ маленькой рѣчки, изливавшейся въ селеніе, лежащее на полмили отъ берега, на возвышенномъ открытомъ мѣстѣ; прибрежная часть его опушена была лѣсомъ манговыхъ деревъ.

Когда Робсонъ помѣстился на рейдѣ, владѣтель острова, другъ его Бонасаръ, посѣтилъ его и разказалъ, какъ въ ихъ отсутствіи счастіе ему измѣнило, и какъ покоренныя имъ племена вновь возмутились, вызвавъ на помощь сильныя поколѣнія съ береговъ Наннакабъ, что произвело жестокую и разорительную войну. Бонасаръ надѣялся, что присутствіе друга его поможетъ ему устроить дѣла, и прибавилъ, по внутреннему влеченію, что подданнымъ его невозможно будетъ ходить на горы для рубки сандаловыхъ деревъ, доколѣ защита береговъ требуетъ ихъ присутствія, и что слѣдовательно его политическія выгоды связаны съ коммерческими выгодами капитана. Впрочемъ послѣ этого объясненія, обращеніе его не сдѣлалось ни менѣе радушнымъ, ни менѣе чистосердечнымъ.

Въ то время всякій Витійскій глава имѣлъ подъ властію своею нѣсколько Европейцевъ, бѣглыхъ или оставшихся послѣ кораблекрушенія; принятые ласково и хорошо содержимые, они сдѣлались постоянными жителями этой страны; нѣкоторые только изъ нихъ употребили во зло пріобрѣтенную воинскими ихъ заслугами власть и были преданы насильственной смерти жителями Бао, вѣроятно Имбао; впрочемъ этому жестокому мщенію были подвержены только трое. Король Бао, вступившись во время въ дѣло, спасъ другихъ отъ злобы своихъ подданныхъ.

Вотъ въ какомъ положеніи находились дѣла въ то время, какъ *Hunter* прибылъ. Робсону очень хотѣлось какими нибудь медлительными средствами отвѣчать на прямую и поспѣшную просьбу друга своего Бонасара

Онъ приступилъ съ переговорамъ, и старался длить ихъ сколько можно. Наступалъ уже конецъ Марта, а онъ еще ничего не успѣлъ сдѣлать. Тотъ же доводъ туземцевъ: «помогите намъ и мы вамъ поможемъ, старайтесь за насъ, и мы дадимъ вамъ всѣ лѣса, которые пожелаете,» былъ немедленно изложенъ и представленъ Робсону. Наконецъ капитанъ согласился, и перваго Апрѣля, далъ въ распоряженіе своимъ союзникамъ три судна, въ конхъ помѣщалось 20 вооруженныхъ солдатъ и маленькая пушка 2 фунт. калибра. Соединясь съ тремя или четырьмя тысячами дикихъ, отрядъ прямо поплылъ къ небольшому островку, называемому Нампакабъ; тамъ высадились, напали на жителей и огнестрѣльное оружіе въ скоромъ времени рѣшило побѣду. Жители покинули островъ Нанпокабъ, оставя въ добычу корыстнаго побѣдителя только 10 труповъ. Поплыли вверхъ по рѣкѣ, пожгли жилища и плантаціи и возвратились на берегъ, гдѣ устроили пиръ для пожранія труповъ побѣжденныхъ. «Тѣла непріятелей», говоритъ Диллонъ, были разложены на травѣ, и разрублены на куски ихъ священникомъ. Вотъ какъ обыкновенно дѣлается эта операція: сперва начинаютъ тѣмъ, что отрубляютъ ступню ноги, ляшки, бока, а потомъ кисть руки, локоть, плеча, и наконецъ отдѣляютъ отъ туловища голову и шею. Каждую отдѣльную часть человѣческаго тѣла тщательно завертываютъ въ зеленый банановый листъ, сажаютъ въ печь, и жарятъ вмѣстѣ съ корнями таро.

Робсонъ выполнилъ условія договора, но Бонасаръ не сдержалъ ихъ съ своей стороны. Въ Маѣ мѣсяцѣ, когда къ кораблю, стоявшему уже на якорѣ, присоединилось судно *Елизавета*, нагрузка лѣса еще продолжалась весьма медленно. Около этого времени, Европейцы, поселившіеся въ Бао, посѣтили капитана Робсона, который за нѣкоторую плату взялъ ихъ къ себѣ въ службу; однако же, не взирая на это, работы шли медленно, и въ Августѣ мѣсяцѣ едва было нагружено около 150 бочекъ сандальнаго дерева, то есть, третья часть того, что могло помѣститься.—Туземцы объявили, что не могутъ давать болѣе дерева, потому что лѣса были истощены. Страшась однако же гнѣва капитана Робсона, котораго они такъ долго обманывали, дикіе перестали ходить на суда, чтобъ не быть захвачеными въ плѣнъ или удержанными въ залогъ.

Робсонъ былъ взбѣшенъ; другъ его Бонасаръ смѣялся надъ нимъ: онъ пользовался помощію Европейцевъ, съ видимымъ намѣреніемъ не помогать имъ въ свою очередь. Эти хитрыя и неоткровенныя дѣйствія требовали мщенія. Робсонъ хотѣлъ сдѣлать его гласнымъ. Перешедъ на кутеръ, стоявшій въ 60 туазахъ отъ берега, онъ напалъ на флотилію Вайлеа и взялъ въ плѣнъ 14 лодокъ. Бывъ принужденъ повалить *Елизавету* для починки, онъ рѣшился не оставить туземцамъ ни одной байдары, чтобы отнять у нихъ до малѣйшей возможности ему вредить.

Для исполненія этого внезапнаго нападенія, онъ воспользовался двумя лодками съ 250 воинами, прибывшими изъ Бао для вытребованія Европейцевъ, находившихся въ службѣ ихъ короля. Завербовавъ суда, и вспомоществуемый Англичанами, Американцами и Испанцами, находившимися въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ его службѣ, онъ собралъ моряковъ, пришедшихъ на двухъ послѣднихъ судахъ, и почиталъ себя довольно сильнымъ, чтобы предпринять нападеніе. Декабря 6 сдѣлали дессантъ подъ главнымъ начальствомъ Г. Нормана, помощника капитана.

По выходѣ на землю, тотчасъ была сдѣлана важная ошибка. Вмѣсто того чтобъ итти вмѣстѣ, толпою, люди раздѣлились на маленькіе отряды, по три и четыре человѣка: это значило явно отдаться въ руки дикарей. Дикари поняли эту ошибку и хитро воспользовались ею. Они очистили берегъ, позволяя Англичанамъ и ихъ союзникамъ съ Бао углубляться все далѣе. Отряды вдались въ обманъ, подошли къ небольшой долинѣ, прикрытой косогоромъ. Нѣсколько частныхъ сопротивленій, преодолѣнныхъ первымъ выстрѣломъ, казалось, обѣщали войнѣ скорое и счастливое окончаніе, какъ вдругъ небольшой отрядъ, находившійся подъ начальствомъ Г. Нормана, услышалъ со всѣхъ сторонъ ужасные и продолжительные крики. То былъ знакъ общаго, неожиданнаго нападенія. Стоя въ засадѣ, дикіе всѣ въ одно время кинулись на отдаленныя толпы Европейцевъ и растерзали всѣхъ, за исключеніемъ двухъ человѣкъ, успѣвшихъ добѣжать до лодокъ. Отрядъ, находившійся подъ начальствомъ Гг. Нормана и Диллона, одинъ оставался невредимъ. Онъ состоялъ изъ 8 вооруженныхъ матросовъ, двухъ старшинъ и одного воина съ Бао. Послѣ этого совер-

шеннаго пораженія, оставалось только удалиться къ лодкамъ, стоявшимъ въ кучѣ, но долина была усѣяна дикими, вооруженными и въ ужасномъ изступленіи. Всякое покушеніе бѣгства было бы смертнымъ приговоромъ: одинъ изъ людей, попытавшійся бѣжать, былъ тотчасъ же окруженъ и зарѣзанъ. Г. Норманъ приказалъ ретироваться, до косогора; отступленіе было совершено счастливо, но тамъ явились островитяне и преградили дорогу отряду. Ихъ было нѣсколько сотень противъ 12 человѣкъ; чтобъ придать себѣ видъ еще болѣе ужасный, они вымазали лица кровью Европейцевъ, оставшихся на полѣ сраженія. Завязалась борьба, и Г. Норманъ палъ, пронзенный копьемъ; Диллонъ остался командиромъ отряда; ужасное и злополучное начальствованіе. Европейцы, окруженные со всѣхъ сторонъ, потеряли тогда всю надежду на отступленіе; имъ оставалось только дорого продать жизнь свою. Однако въ этомъ отчаянномъ положеніи, Г. Диллонъ замѣтилъ посреди долины утесъ, уединенный, почти неприступный, родъ крѣпости, какъ бы поставленной для его спасенія: стрѣлы едва могли долетать до вершины этого природнаго вала. Увидѣть его, показать товарищамъ и взобраться на это укрѣпленіе, было дѣломъ минутнымъ. Г. Диллонъ помѣстился въ этомъ гнѣздѣ съ четырьмя Европейцами, называемыми: *Севеджъ*, *Бучардъ*, *Дефни*, *Вильсонъ*, и съ Китайцемъ *Люисъ*. Прочіе въ отрядѣ находившіеся были убиты, какъ и старшина Бао. Дефни самъ былъ проколотъ пикою и носилъ въ себѣ четыре стрѣлы, вонзенныя въ его спину.

По счастію, утесъ, доступный съ одной только стороны, удобной для защищенія, былъ такъ высокъ, что все, бросаемое островитянами на него, не долетало до вершины. Сопротивленіе этихъ четырехъ отчаянныхъ, подавало надежду на нѣкоторый успѣхъ. Едва показывался дикій на узкомъ всходѣ къ вершинѣ утеса, ружейный выстрѣлъ останавливалъ его на пути. Отъ десяти до двѣнадцати осаждающихъ, являясь поочередно, пали простреленные пулями. Это навело страхъ на прочихъ, и заставило ихъ довольствоваться только удерживаніемъ моряковъ въ этой крѣпости. Съ этого маяка, воздымавшагося надъ моремъ и долиною, Диллонъ могъ видѣть, съ одной стороны, корабль спокойный, и лишенный возможности подать ему помощь; съ другой своихъ товарищей изрѣзанныхъ на куски, изжаренныхъ и съѣденныхъ въ его глазахъ; жалкое и горестное зрѣлище, напоминавшее Европейцамъ, оставшимся еще въ живыхъ, близкую участь, ожидавшую ихъ.

Однако неистовство дикихъ, казалось, немного успокоилось. Заговорили о перемиріи и мировыхъ сдѣлкахъ. Восемь плѣнныхъ, взятые Робсономъ, оставались на кораблѣ; въ числѣ ихъ былъ братъ *Намбео* или главнаго жреца Ван-теа. Диллонъ основалъ договоръ на этомъ условіи: ежели насъ убьютъ, говорилъ онъ, то плѣнные будутъ также убиты. Случилось, что Намбео былъ самъ между дикими, находившимися на равнинѣ. Онъ подошелъ парлементеромъ, распросилъ о братѣ, котораго полагалъ уже убитымъ, и объявилъ, что согласенъ на обмѣнъ плѣнныхъ на кораблѣ, съ людьми, которые находились на утесѣ. Надо было послать кого нибудь на корабль, чтобъ хорошенько окончить этотъ важный переговоръ. Дефни, раненый и неспособный къ войнѣ, былъ избранъ Диллономъ. Ему надлежало склонить ихъ къ обмѣну и предупредить капитана, чтобы онъ отпустилъ одну только половину своего залога, а другую оставилъ порукою на случай измѣны островитянъ. Дефни дѣйствительно отправился съ Намбео, и осажденные могли слѣдовать глазомъ за ихъ лодкою, пока они достигли корабля.

Во время миролюбивыхъ переговоровъ, начальники Витіянъ подошли къ утесу, завели разговоръ съ Диллономъ и его товарищами, стараясь въ особенности склонить ихъ оставить это недоступное убѣжище, и предаться имъ въ руки. Диллонъ не вѣрилъ ни знакамъ, ни обѣщаніямъ; онъ совѣтывалъ товарищамъ соблюдать ту же осторожность; однако одинъ изъ нихъ, Севеджъ, который уже около 5 лѣтъ жилъ на этихъ островахъ, положившись на искренность островитянъ, дерзнулъ сойти и присоединиться къ ихъ толпамъ. Его отвели къ Бонасару, который сначала принялъ его дружески. Ободренный этимъ примѣромъ, Китаецъ Люисъ также сошелъ и отдался подъ покровительство старшины, которому онъ оказывалъ уже разныя услуги. Полагая, что Диллонъ не воздержится послѣ двухъ этихъ предшествователей, начальники опять стали уговаривать его; но онъ отвѣчалъ, что дожидаетъ возвращенія на берегъ лодки, посланной къ кораблю. Ви-

дя; что всѣ увѣщанія безполезны, измѣнники перестали притворяться. Испустивъ ужасный крикъ, они схватили Саведжа, опустили его головою внизъ, въ ровъ, наполненный водою, и удушили; въ то же время, Витіянскій воинъ булавою размозжалъ черепъ Китайца. Искрошенные на части, и тотчасъ изжаренные трупы, были съѣдены въ глазахъ Диллона. Осторожность хорошо его вразумила.

Тогда оставались на утесѣ только Диллонъ, Бушартъ и Вильсонъ, трое противъ нѣсколькихъ тысячь осаждающихъ! Полагая, что завладѣть ими будетъ уже немногаго стоить, дикіе напали съ новымъ неистовствомъ, стараясь укрываться отъ ружейныхъ выстрѣловъ. Эта осторожность оправдывалась послѣдствіями прежняго нападенія. Искусный стрѣлокъ Бучартъ, по словамъ Диллона, сдѣлавъ 28 выстрѣловъ, убилъ 27 дикихъ. Самъ Диллонъ истребилъ также довольно большое число; Вильсонъ не стрѣлялъ, а только заряжалъ ружья. Такимъ образомъ доступъ къ цитадели былъ заваленъ трупами, и уже самые смѣлые не дерзали итти на смерть почти неизбѣжную. (Рис. XXI.) Утомленные этою безполезною битвою, дикіе перестали нападать; время было имъ союзникомъ. Темнота и голодъ, рано или поздно должны были предать имъ послѣднія ихъ жертвы.

Тогда возобновились въ глазахъ Европейцевъ явленія неистовой ярости этихъ людоѣдовъ; какъ бы въ насмѣшку имъ, дикіе вытащили мясо изъ печей раздѣлили и его между племенами, которыя съ звѣрскою жадностію пожирали эту яству. Прерывая на мигъ трапезы, старшины, держа въ рукахъ куски окровавленнаго тѣла, подходили къ Диллону и его товарищамъ, и уговаривали ихъ сойти.—«Вы избавите насъ такимъ образомъ отъ излишняго труда ночью васъ изжарить и разрѣзать на куски.» На подобные вызовы и ругательства, Диллонъ отвѣчалъ, что ежели убьютъ на берегу оставшихся Европейцевъ, всѣ островитяне на кораблѣ будутъ перерѣзаны. — «Ого!» возражали людоѣды; пусть капитанъ Робсонъ съѣстъ нашихъ, ежели это ему нравится, но мы хотимъ съѣсть васъ трехъ. Когда наступитъ ночь, вамъ нельзя будетъ въ насъ цѣлить; мы взлѣземъ, перережемъ васъ, и съѣдимъ!

Дѣйствительно, день угасалъ, положеніе осажденныхъ было едва стерпимо; у нихъ уже оставалось только 12 патроновъ, и при первомъ ночномъ нападеніи, имъ должно было бы сдѣлаться добычею этихъ безщадныхъ изверговъ. Ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ отдаться живой; они рѣшилися ночью убить другъ друга и прекратить жизнь, не выждавъ истязаній. Надежда на минуту ободрила ихъ. Лодка, посланная къ кораблю, отчаливала и плыла прямо къ берегу. Коково же было удивленіе и горесть Диллона, когда онъ увидѣлъ непростительную ошибку капитана, отпустившаго всѣхъ восьмерыхъ плѣнныхъ вдругъ! Послѣдняя надежда на спасеніе исчезла. Не страшась мщенія, какую бы выгоду имѣли дикіе щадить ихъ! Недовѣрчивость, измѣна, коварство—ничего имъ не стоили. И такъ Диллона и его храбрыхъ товарищей можно было считать погибшими. Какъ освободился онъ изъ этого вертепа? Пусть самъ разскажетъ.

«Чрезъ нѣсколько минутъ, по прибытіи на берегъ восьми плѣнныхъ, ихъ привели ко мнѣ обезоруженныхъ съ жрецомъ, который сказалъ, что капитанъ Робсонъ, отпустивъ ихъ всѣхъ, прислалъ ящикъ съ разнымъ стальнымъ и желѣзнымъ товаромъ, какъ плату за нашъ выкупъ, начальникамъ, и приказываетъ намъ, отдать имъ наше оружіе. Жрецъ прибавилъ, что въ случаѣ исполненія этого приказанія, онъ проведетъ насъ невредимо, до нашихъ судовъ. Я отвѣчалъ, что до послѣдней минуты жизни не отдамъ своего ружья, которое есть моя собственность, тѣмъ болѣе, что я увѣренъ, что съ товарищами и со мною поступятъ точно такъ, какъ съ Карломъ Севеджемъ и Луисомъ.

«Тогда жрецъ обратился къ Мартыну Бучарту, убѣжденіями стараясь заставить его согласиться на предложенія. Тутъ пришла мнѣ счастливая мысль, взять въ плѣнъ жреца и убить его, или исходатайствовать себѣ свободу, обѣщая отпустить его. Я привязалъ галстухомъ ружье Карла Севеджа къ поясу, а дуло своего приставилъ къ его лицу, объявляя, что убью его, ежели онъ осмѣлится попытаться бѣжать, или если кто либо изъ его собратій, сдѣлаетъ малѣйшее движеніе, чтобъ напасть на насъ или остановить наше отступленіе. Тутъ я велѣлъ ему итти прямо къ лодкамъ, грозя неизбѣжною смертью, въ случаѣ неповиновенія. Онъ повиновался и проходя сквозь толпу дикихъ, уговаривалъ ихъ сѣсть и не дѣлать ни какого вреда ни Петеру, ни товарищамъ его; «Въ

противномъ случаѣ, говорилъ онъ, меня убьютъ, и тогда сѣдящіе въ облакахъ боги, раздраженные неповиновеніемъ, взволнуютъ море, которое неминуемо поглотитъ весь островъ и его жителей.»

«Дикіе съ глубочайшимъ уваженіемъ приняли увѣщанія жреца и смирно усѣлись на траву. Намбети (такъ называютъ они главнаго жреца) направился, по приказанію моему, къ лодкамъ. Бучартъ и Вильсонъ шли по сторонамъ, нацѣливъ ружья ему въ голову, а я, чтобъ заставить его скорѣе итти, толкалъ его въ спину концемъ своего ружья. Приближеніе ночи понудило меня прибѣгнуть къ этому способу; я зналъ силу вліянія, которое имѣютъ жрецы на умъ этихъ варваровъ.

«Подойдя ближе къ лодкамъ, Намбети вдругъ остановился. Я понуждалъ его итти впередъ; но онъ рѣшительно отказывался, объявляя, что не пойдетъ далѣе, и что если я хочу, то могу убить его на мѣстѣ. Я стращалъ его смертью, спрашивая, отъ чего онъ не хочетъ итти на край берега? Онъ отвѣчалъ: «Вы хотите меня живаго затащить на корабль, чтобъ предать мученіямъ.» Нѣкогда было терять времени; я запретилъ ему двигаться съ мѣста, и не спуская съ него ружей, мы шли пятясь, и достигли такимъ образомъ до одной изъ нашихъ лодокъ. Едва успѣли мы отчалить, какъ дикіе толпою кинулись къ берегу, привѣтствуя наше отплытіе несмѣтнымъ множествомъ стрѣлъ и каменьевъ; но вскорѣ мы были на такомъ разстояніи, что ни стрѣлы, ни камни не могли долетать.

«Увидѣвъ себя въ безопасности, мы благодарили святое Провидѣніе, и налегая сильнѣе на весла, достигли до корабля, когда солнце совсѣмъ садилось.»

Вотъ разсказъ Диллона, не смотря на нѣкоторое неправдоподобіе, мы передаемъ его безъ измѣненій. Впрочемъ главная ошибка въ разсказахъ капитановъ купеческихъ кораблей состоитъ не въ драматическихъ и часто вымышленныхъ повѣствованіяхъ но болѣе въ недостаткѣ какого либо вѣрнаго документа, какого либо подробнаго описанія мѣстъ и народовъ, на нихъ обитающихъ. Изъ двухъ выписанныхъ нами эпизодовъ, можно имѣть понятіе о селеніяхъ Ваи-теа, Наипакабъ, Тафере и Бао. Можно ли показать на картѣ мѣста, ими занимаемыя, опредѣлить важность ихъ, и узнать путь къ нимъ ведущій? Плавающіе на купеческихъ судахъ отъ безпечности ли, или слѣдуя уже системѣ своей, скорѣе стараются разсказать намъ героическія приключенія путешествія своего, обстоятельства посторонніи и ничтожныя, нежели доставить географическія свѣдѣнія о земляхъ, къ которымъ они приставали, свѣдѣнія, гораздо болѣе любопытныя и общеполезныя.

Какъ бы то ни было, всѣ извѣстія объ островахъ архипелага Вити, были необыкновенно невѣрны, когда капитанъ Дюрвиль предпринялъ подробное обозрѣніе этихъ мѣстъ. Можно судить, какъ трудно и непріятно было исполненіе этого намѣренія, послѣ несчастій, постигшихъ его въ Тонга-табу. Онъ не имѣлъ ни малыхъ якорей, ни всего необходимаго для этихъ мѣстъ, гдѣ нужно безпрестанно класть якорь, и неожиданно снова сниматься. Безчисленныя опасности ожидали *Астролябію*, среди моря покрытаго мелями; а въ случаѣ какого нибудь несчастія, экипажъ нашелъ бы на берегу дикихъ, жестокихъ губителей.

Не смотря на опасности и затрудненія, капитанъ Дюрвиль не хотѣлъ уклониться отъ этой важной стороны своего предпріятія; на всѣхъ парусахъ онъ направился прямо къ группѣ острововъ Вити, отмѣтилъ островокъ Батоа (Batoa) и 25 Мая 1827 года вошелъ съ экипажемъ своимъ въ проходы Онгъ-геа и Булангъ-га; по этому пути и не доходя до Лагвембы, онъ встрѣтилъ и отмѣтилъ многіе примѣченные имъ острова. Близъ Онгъ-геа-лебу подошелъ къ Французскому корвету челнокъ съ Тонгайскими островитянами. Въ челнокѣ находился старшина семейства Фота-фаи, по имени Муки; онъ взошелъ на *Астролябію* и вступилъ въ разговоръ съ капитаномъ. Отъ него узнали, что въ Лагвембѣ находился маленькій якорь, отъ потонувшаго близъ Батоа Американскаго судна. При состояніи, въ которомъ находился корветъ, предметъ этотъ былъ очень драгоцѣненъ, и по словамъ Муки, король Лагвембы, Туи-неао, отдалъ бы его безпрекословно. Направились къ Лагвембѣ на всѣхъ парусахъ, а челнокъ съ островитянами слѣдовалъ за корветомъ, оставя на кораблѣ Испанца по имени Медіола, одного изъ спасшихся съ корабля *Conception* во время его крушенія.

Рѣшившись достать отъ островитянъ якорь, капитанъ Дюрвиль подойдя къ Лагвембѣ, тотчасъ послалъ на берегъ большую

вооруженную лодку, подъ начальствомъ офицера Лотена. Дикій Муки и Испанецъ Медіола отправились въ ней въ качествѣ ходатаевъ и переводчиковъ. Лодка шла вдоль берега, и Г. Лотенъ, боясь внезапнаго нападенія, придерживался теченія. Сперва на берегу показалося очень мало жителей, но вскорѣ, когда извѣстіе о прибытіи лодки распространилось, въ далекѣ появились вооруженные копьями и булавами дикари до 200 человѣкъ. Скромные и смирные до того времени, они вдругъ сдѣлались докучливы и шумливы. Г. Лотенъ остерегался; онъ наблюдалъ за толпами, и старался предугадывать ихъ намѣренія. Наконецъ, видя, что дикіе направлялись къ лодкѣ, и стали ее тащить къ берегу, съ намѣреніемъ опрокинуть, онъ счелъ нужнымъ принять свои мѣры. (Рис. XXII.) Испанецъ и Тонгаецъ спрятались на дно лодки, дрожа всѣми членами: положеніе ихъ выражало болѣе нежели слова. Велѣно было отчалить. Лодку оттолкнули отъ берега и возвратились къ кораблю безвредно.

Между тѣмъ *Астролябія* не оставалась безъ посѣтителей. Трое Испанцевъ, спасшіеся отъ кораблекрушенія того же корабля *Conception*, явились къ капитану Дюрвилю, разсказывая со слезами, что уже два или три капитана не хотѣли дать имъ убѣжища на своихъ корабляхъ, и умоляли Французскаго начальника быть великодушнѣе и гостепріимнѣе. Г. Дюрвиль взялъ ихъ, пассажирами, какъ и товарища ихъ Медіола. Съ ними были также люди довольно знатные съ архипелага Вити: Туренгъ-токи, братъ короля Лагвембы, Луа-лали его двоюродный братъ, метисъ отъ Тонгайца и Витянки, по выраженію физіономіи и благородной наружности, совершенный Европеецъ, но съ курчавыми волосами и смуглый какъ Индіецъ. Наконецъ явился человѣкъ знатнѣе ихъ обоихъ, Тумбуа-накаро, племянникъ великаго Оривы, главнаго старшины Имбао и всѣхъ острововъ восточныхъ. Находясь тогда по дѣламъ въ Лагвембѣ, онъ вздумалъ посѣтить *Астролябію* и въ обхожденіи былъ скроменъ и благороденъ.

Посѣтители были еще на палубѣ, когда Г. Лотенъ возвратился и разсказалъ свое приключеніе. Туренгъ-токи и Луа-лали старались оправдать своихъ подданныхъ. Они приписывали это ни ненависти, но только любопытству и докучливости. Однако капитанъ Дюрвиль рѣшилъ вести переговоры съ Туренгъ-токи объ якорѣ на кораблѣ. Торгъ былъ заключенъ. Братъ короля обязался послать за нимъ самую большую изъ своихъ лодокъ; этимъ занялись; но съ наступленіемъ ночи принуждены были отложить до слѣдующаго дня окончаніе предпринятаго. Трое начальниковъ Вити съ тремя жителями Тонги, остались на кораблѣ порукою.

Между тѣмъ море взволновалось и поднялся вѣтеръ, предвѣщавшій бурю; *Астролябія* не могла болѣе продолжать крейсировки вдоль этого берега. Выйдя въ море, корветъ былъ принужденъ въ теченіе двухъ дней плавать среди неизвѣстныхъ острововъ. Наконецъ 28 Мая утромъ, увидѣвъ, что теченіемъ его снесло къ сѣверу, капитанъ Дюрвиль рѣшился смѣло продолжать свое изслѣдованіе, съ тѣмъ однако же, чтобъ искать убѣжища, въ случаѣ перемѣны погоды къ худшему.

Онъ осматривалъ по очереди и со вниманіемъ, острова Неоу, Дзизіа, Бату-бара, Азата, Таби-уни и Лаудзала, упорствуя въ тягостномъ предпріятіи, не смотря на бурю, вздувшееся море и безчисленное множество подводныхъ камней, прикрытыхъ этими тревожными водами. 31 *Астролябія* попалась въ лабиринтъ подводныхъ камней плывя въ рукавѣ между островами Лаудзала и Нугу-лаудзала, она старалась отыскать проходъ къ сѣверу. Неоднократно корветъ доходилъ до границъ мели, и всякій разъ его встрѣчала длинная полоса пѣны, неразрывная на огромномъ протяженіи; мѣсто было непроходимое. Капитанъ рѣшился пейти далѣе; направившись къ южнымъ берегамъ, онъ опять видѣлъ тѣ же острова, и кромѣ ихъ, Коро, Нейранъ и Нао; наконецъ неизвѣстный до того островокъ Муалла.

Во время этого продолжительнаго гидрографическаго объѣзда, жители Вити и Тонги нехотя катались на *Астролябіи*; они бранили бурю и волны, плакали, отчаявались, не зная, придется ли имъ опять увидѣть ихъ островъ. Братъ короля Лагвембы, Туренгъ-токи, плакалъ какъ ребенокъ; Луа-лали, былъ погруженъ въ ужасную горесть. Тумбуа-накаро, одинъ умѣряя страхъ, предпринялъ смѣло приготовить себя ко всему худшему, и объявилъ, что ежели Французы хотятъ его увезти, то онъ готовъ путешествовать съ ними; но предавая себя ихъ власти, ходатайствовалъ за товари-

щей и настаивалъ, чтобъ отпустили Туренгътоки и Луа-лалу, людей знатныхъ, жены которыхъ будутъ неминуемо зарѣзаны, если бъ они не вскорѣ возвратились.

На эти горестныя жалобы и просьбы, капитанъ Дюрвиль отвѣчалъ, что онъ никакъ не намѣревался увозить такихъ гостей, но что при первой хорошей погодѣ онъ въ цѣлости доставитъ ихъ на одинъ изъ острововъ. Доколѣ корветъ шелъ по направленію къ сѣверу, начальники дикихъ не вѣрили этому обѣщанію, но поворотъ къ югу немного обнадежилъ ихъ, и когда увидѣвъ Муалу, имъ объявили, что намѣреваются ихъ отправить, восторгъ ихъ дошелъ до безумія. Муала была земля пріятельская.

2-го Іюня, дикіе сошли съ корабля, осыпанные подарками, и по видимому, признательные. ПребываніеТубуа-накары на кораблѣ всѣхъ болѣе оставило воспоминаній: честный, степенный, храбрый, скромный, онъ кромѣ того съ дѣятельною услужливостію отвѣчалъ на всѣ дѣлаемые ему вопросы. Одаренный понятливостію, довольно свѣдущій для человѣка его происхожденія, онъ умѣлъ дать подробный отчетъ о правахъ и обычаяхъ этихъ народовъ. Онъ путешествовалъ по архипелагу и хорошо зналъ его. Ему извѣстно было имя каждаго открываемаго острова; извѣстія, которыя онъ сообщалъ намъ на этотъ счетъ, переводились Испанцами, хорошо знавшими туземный языкъ. И такъ пребываніе его на кораблѣ принесло большую пользу ученымъ этой экспедиціи: оно прибавило къ географическимъ открытіямъ земель точныя ихъ названія.

Послѣ пребыванія въ Муалѣ, *Астролябія* терпѣла еще нѣсколько отъ дурной погоды. 5 числа прошли 15 миль не въ далекомъ разстояніи отъ опасныхъ буруновъ, окружающихъ ю. в. сторону прекраснаго острова Вити-леву. Ночью, пустившись опять лавировать къ югу, для открытія острова, расположеннаго на картахъ въ разстояніи 30 миль отъ Вити-леву, корветъ едва успѣлъ пройти 12 миль, какъ вдругъ луна, показавшись изъ-за густыхъ облаковъ, освѣтила длинную полосу подводныхъ камней, которые бѣлѣлись на нѣсколько кабельтововъ. Черезъ пять минутъ, корабль разбился бы; но быстрое движеніе спасло его. *Астролябія* плыла по вѣтру, и ударилась о камень. Предвѣщаніе было ужасное; всю ночь провели на стражѣ, и днемъ увидѣли огромный бурунъ, около группы большихъ и маленькихъ острововъ, лежащихъ на сѣверѣ отъ Кандабона, который находится гораздо ближе отъ Вити-леву, нежели показано на картахъ: это и было причиною ночной ошибки.

Осмотрѣвъ еще разъ Умбегу и Кандабонъ, *Астролябія* направилась на сѣверъ къ Вити-леву; но рядъ буруновъ, которые были, можетъ, продолженіемъ видѣнныхъ ими наканунѣ, опять преграждалъ фарватеръ. Седьмаго числа показался небольшой и пріятнаго вида островокъ Вату-леле, и къ вечеру уже находились близъ ю. в. берега Вити-леву. Нѣсколько дружескихъ сношеній съ жителями большаго острова, были единственнымъ воспоминаніемъ этого кратковременнаго пребыванія. Десятаго числа, показалось множество большихъ и малыхъ острововъ, составлявшихъ возвышенные группы Малоло, Накаро, Битонго и Бивуа. Наконецъ 11 числа, корветъ дошелъ до опасныхъ мѣстъ, и принужденъ былъ удалиться отъ земли. Этимъ окончилось обозрѣніе острова Вити. Капитанъ Дюрвиль отправился на всѣхъ парусахъ къ другимъ мѣстамъ, не менѣе важнымъ, означеннымъ въ его запискахъ.

Такимъ образомъ въ этомъ затруднительномъ плаваніи, корветъ, подвергаясь ежедневно непредвидѣннымъ опасностямъ, указалъ по крайней мѣрѣ правильно положеніе множества острововъ, до тѣхъ поръ наудачу на картѣ означенныхъ; онъ повѣрилъ прежнія открытія, и сдѣлалъ нѣсколько новыхъ; опредѣлилъ старыя названія, и пріобрѣлъ новыя; онъ доставилъ точныя и новыя понятія о жителяхъ этихъ острововъ: свѣдѣнія, драгоцѣнныя для науки, вѣрные и полезные указатели, которые ведутъ необходимо къ ближайшему и полному знакомству съ тѣми странами.

ГЛАВА XI.

Архипелагъ Вити. — Нравы. — Обычаи. Языкъ.

Выше уже сказано было, что жители Вити принадлежатъ къ племени Меланезійскому, и составляютъ самую красивую его отрасль. Большіе ростомъ, статные, проворные и мускуловатые, они неимѣютъ, подобно Полинезійцамъ, расположеніе къ тучности, которое

такъ часто встрѣчается даже въ жителяхъ Тонга. Верхняя часть лица ихъ широка, носъ широкій, толстый исплющенный, ротъ большой, губы толстыя, зубы бѣлые, брови густыя; но характеристическіе ихъ признаки заключаются въ закопченномъ цвѣтѣ лица и курчавыхъ волосахъ, которые придаютъ ихъ лицамъ мрачный и суровый видъ.

Трудно бъ было въ точности описать ихъ характеръ. Они давно извѣстны своею лютостію и коварствомъ, это основано на неоспоримыхъ, кажется, событіяхъ. Впрочемъ до полученія подробнѣйшихъ свѣдѣній, не будемъ буквально вѣрить преувеличеннымъ разсказамъ тѣхъ изъ Европейскихъ путешественниковъ, которые болѣе всѣхъ вправѣ жаловаться на этихъ дикарей. Если бы дикіе также могли изъяснять свои обиды, то, можетъ быть, оказалось бы, что оскорбленія были равны съ обѣихъ сторонъ, и что варварства островитянъ были возбуждены однимъ желаніемъ мести. Наблюдатели, вооруженные пушками, бываютъ обыкновенно не слишкомъ миролюбивы и кротки: они не ѣдятъ туземцевъ, но и не совѣстятся кормить ихъ картечью.

Невозможно однако же сомнѣваться въ людоѣдствѣ этихъ народовъ. Эта ужасная привычка, эта варварская склонность обнаруживается въ нихъ сильнѣе, нежели въ жителяхъ Новой Зеландіи. Въ Новой Зеландіи религія играетъ главную роль при жертвоприношеніяхъ человѣческихъ: она поощряетъ къ нимъ и умножаетъ ихъ; но въ архипелагѣ Вити одна только склонность, одно чувственное побужденіе влечетъ людоѣда къ его звѣрскому аппетиту. Меринеръ разсказываетъ, что одинъ Тонгайскій эгуи присутствовалъ при пиршествѣ, данномъ двумя Витійскими вельможами. То былъ обѣдъ, вмѣстѣ ужасный и великолѣпный: онъ состоялъ изъ двухъ сотъ корзинъ, наполненныхъ ямсомъ, изъ двухъ сотъ курицъ, двухъ сотъ свиней и двухъ сотъ человѣческихъ труповъ, изжаренныхъ въ печи. Гости, частью съ Тонги, частью съ Вити, встали съ мѣста не прежде, какъ когда всѣ съѣстные припасы были поглощены. Впрочемъ, надо предполагать, что и въ Вити обычай этотъ имѣлъ нѣкоторымъ образомъ религіозную наружность, потому что Смитъ, о похожденіяхъ котораго мы не разъ упоминали, разсказываетъ, что трупы отдавались жрецамъ, которымъ поручено было приготовлять ихъ.

Жители Вити не имѣютъ почти ни какой одежды, кромѣ маро. Весь нарядъ ихъ ограничивается убранствомъ волосъ, которые они красятъ, завиваютъ, и причесываютъ на сто различныхъ ладовъ. Кромѣ обыкновеннаго татуированія Полинезійцевъ, многіе изъ народовъ Малайзійскихъ покрываютъ тѣло выпуклыми узорами; это дѣлается посредствомъ глубокихъ прорѣзовъ, которые оставляютъ на кожѣ выпуклые слѣды.

Два большіе острова, по видимому, раздѣлены на различныя поколѣнія, изъ которыхъ каждое признаетъ другихъ начальниковъ. Главный старшина Имбао, на восточной сторонѣ Вити-леву, носитъ титулъ Абуни-валу, и владѣетъ почти всѣми восточными землями. Унойгъ-лебу, властитель западной части, пользуется, кажется, тоже большою силою. Вануа-лебу (Буа), Наипакабъ, Вуга и Даганъ-робе вѣроятно также имѣютъ своихъ не извѣстныхъ намъ монарховъ.

Орнво, начальникъ Имбао, говорятъ, имѣлъ сто женъ. Въ наслѣдственномъ порядкѣ, престолъ переходитъ отъ старшихъ къ младшимъ, потомъ возвращается дѣтямъ старшихъ. Власть королей неограничена, лишь бы только они повиновались внушеніямъ жрецовъ. Жрецы называются намбео, или намбетти; главный изъ нихъ имѣетъ титулъ: намбетти-леву. У первосвященника три жены; онъ обладаетъ несмѣтными богатствами, состоящими изъ китовыхъ усовъ. Упоминаютъ также о главной жрицѣ, называемой Намбетти-левуа, женѣ старшины остр. Нао. Всѣ эти лица имѣютъ большое вліяніе на умы жителей. Ихъ, кажется, не приглашаютъ для исполненія какихъ либо обрядовъ при рожденіи или смерти; но въ случаѣ болѣзней, къ нимъ всегда прибѣгаютъ.

О религіозныхъ понятіяхъ островитянъ почти нѣтъ свѣдѣній. Занъ-хуалу есть божество первостепенное. Калу есть божество *тамбу*, тоже что *табу* въ Полинезіи. Второстепенные боги суть: Калу Ніуза, Рейро, Вазонги-тонха и проч. Жрица призываетъ богинь Гульо-раваро и Голи-коро. Всѣ эти существа обитаютъ въ небѣ или лума-ланхи.

Богъ, Онденъ-ги или Онденъ-гей, по мнѣнію островитянъ, сотворилъ небо, землю, всѣ предметы и всѣхъ боговъ. Они вѣрятъ, что послѣ смерти душа соединится съ Онденъ-ги. Боги эти не изображены вещественно, но имѣютъ маленькія молельни или

священные домы, называемые *амбуръ*, гдѣ имъ приносятъ въ жертву свиней, бананы, разныя ткани и проч. Подарки эти дѣлаются по случаю болѣзни родственника или начальника. Послѣ кончины одного изъ ближнихъ, островитяне имѣютъ привычку отрѣзывать себѣ палецъ на рукѣ или ногѣ. Когда старшина умираетъ, то многихъ изъ женъ его убиваютъ на его могилѣ.

Начальники имѣютъ отъ десяти до ста женъ, смотря по состоянію. Мужчины низшаго происхожденія имѣютъ только одну. Дѣвицы выходятъ замужъ тотчасъ по вступленіи въ зрѣлый возрастъ; но мужчины не могутъ жениться прежде двадцати лѣтъ; они увѣрены, что если бы нарушили это воспрещеніе, то лишились бы жизни. Жену можетъ имѣть только тотъ, у кого выросла уже длинная борода.

Оба пола никогда не ѣдятъ вмѣстѣ. Рыбная ловля, кухня, заготовленіе пищи, дѣланіе тканей, суть занятія женщинъ; мужчины же ходятъ на войну, обработываютъ поля, строятъ челноки и домы.

У Витійцевъ кава въ большомъ употребленіи; но бетеля они вовсе не знаютъ. Они не брѣютъ бороду. При рожденіи ребенку даютъ имя; когда выростетъ, онъ перемѣняетъ его. На пятнадцатомъ году мальчиковъ обрѣзываютъ, употребляя для этого тоненькую и острую раковинку; кровотеченіе останавливаютъ лоскутомъ тонкой ткани. Жители вообще пользуются хорошимъ здоровьемъ; но у нихъ обнаруживаются иногда любострастныя болѣзни. Тѣхъ изъ нихъ, которые лишаются ума, задушаютъ.

Самоубійство встрѣчается въ Вити; жители, обиженные старшинами, прибѣгаютъ иногда къ самопроизвольной смерти. Воровство также не рѣдко. Что же касается до наказаній, они совершенно зависятъ отъ старшинъ.

Между этими людьми нѣтъ обычая мѣняться именами въ знакъ дружества и братства, какъ у Полинезійцевъ. Но когда начальникъ убиваетъ врага, онъ принимаетъ его имя. Оружія островитянъ состоятъ изъ стрѣлъ, копій, и булавъ, самыя опасныя изъ сихъ послѣднихъ суть коротенькія округленныя на концѣ (Рис. XXIII. ф. 1.) Домы и домашняя утварь походятъ на утварь и домы обитателей Тонга.

Витійцы выше всего цѣнятъ китовые усы; они служатъ имъ вмѣсто драгоцѣнной монеты. Они дѣлятся вдоль на четыре или пять частей; изъ нихъ дѣлаютъ еще ожерелья, которыя одни старшины имѣютъ право носить. Сокровища Оривы состоятъ большею частью изъ безчисленнаго множества этаго матеріяла.

На островахъ Вити находится разрядъ людей, имѣющій нѣкоторое сходство съ Тонгайскими матабулеями; ихъ называютъ *матапивану*. Главныя обязанности ихъ состоятъ въ собираніи подати и всенародномъ возглашеніи рѣчей. Въ архипелагѣ этомъ встрѣчаются также и невольники обоего пола, извѣстные подъ названіемъ каиси. Орива имѣлъ сто невольниковъ мужескаго пола.

Послѣ сраженія, когда побѣдители уносятъ тѣла убитыхъ, чтобы рѣзать ихъ на куски и жарить, они всѣ хоромъ начинаютъ пѣніе, слова котораго переданы старшиною Тумбуа-накаро, Г. Гемару; но онъ не умѣлъ изъяснить значенія ихъ. То же самое было и съ *Пиге* Ново-Зеландцевъ; Г. Дюрвиль имѣлъ рукопись, но никакъ не могъ достать истолкованія ея.

Языкъ Витійскій, хотя и перемѣшанный съ нѣкоторыми Тонгайскими словами, значительно различествуетъ отъ всѣхъ Полинезійскихъ нарѣчій. Въ немъ уже часто встрѣчаются буквы *м* и *н* въ началѣ словъ и даже предъ согласными. Это, по замѣчанію Дюрвиля, часто повторяется въ нарѣчіяхъ многихъ народовъ черпаго племени; встрѣчается и въ Коптскомъ языкѣ, и вѣроятно въ другихъ древнихъ Египетскихъ нарѣчіяхъ.

Извѣстныя до сихъ поръ произведенія острововъ Вити, по видимому, тѣ же какъ и на островахъ, лежащихъ ближе къ востоку. Впрочемъ надо полагать, что на обширныхъ и высокихъ земляхъ Вануа-лебу и Вити-леву находятся произведенія другаго рода, не принадлежащія почвѣ Полинезійской; переходъ необходимый и усиленный отъ бѣдныхъ и ограниченныхъ произрастеній вос. острововъ, къ изобильнымъ и разнообразнымъ произведеніямъ Флоры острововъ западныхъ.

Если вѣрить разсказамъ Меринера, то жители Но, на островахъ Вити, въ началѣ этого столѣтія видѣли плавающую близъ морскаго берега исполинской величины ящерицу. Она поглотила многихъ изъ купавшихся поочередно; обстоятельство это привело въ ужасъ все народонаселеніе. Островитяне соединились, съ тѣмъ чтобы умертвить чудовище, но стрѣлы отскакивали и притупля-

лись о чешую его. Тогда дикіе вообразили себѣ, что то было злотворное божество, посланное съ неба, для истребленія ихъ, и рѣшились съ самоотверженіемъ вытерпѣть нападеніе страшнаго животнаго. Одинъ только старый, неустрашимый и опытный воинъ предпринялъ избавить страну отъ этого бѣдствія. Онъ велѣлъ приготовить крѣпкую веревку, которую привязали однимъ концемъ къ дереву, у другаго же конца стали пятнадцать человѣкъ готовые дѣйствовать. Только что показалась ящерица, храбрый воинъ смѣло пошелъ къ ней встрѣчу и такъ ловко закинулъ петлю, что голова и лапы животнаго попали въ нее; тогда люди, которые держали другой конецъ веревки, сильно дернули, и животное было поймано и схвачено, не смотря на удивительныя усилія, чтобъ освободиться. На него напали толпою, и убили булавами; послѣ чего, по обыкновенію, побѣжденнаго изжарили и съѣли лучшія части. По разсказамъ стариковъ, мясо было чрезвычайно вкусно.

Ужасная ящерица была вѣроятно кайманъ, водоземное животное, найденное послѣ того Г. Дюрвилемъ у береговъ Новой Ирландіи; отъ одного острова къ другому оно могло распространиться до самаго архипелага Вити.

ГЛАВА XII.

Ново-Гебридскіе острова. Географія. Исторія.

Океанія только что удалилась отъ острововъ Вити, на всѣхъ парусахъ направляясь къ Новымъ-Гебридамъ, какъ горестное событіе повергло экипажъ въ глубокую печаль. Несчастный Филипсъ давно уже былъ опасно боленъ; сильный кровавый поносъ, на которую вначалѣ не обратили вниманія, усилившаяся еще отъ образа жизни, наблюдаемаго на экипажѣ, убивалъ понемногу добраго моряка. Болѣзнь долго тянулась, перерываясь по временамъ. При малѣйшемъ облегченіи, Филипсъ выходилъ на палубу и не позволялъ другимъ исполнять свои обязанности. Но веселость его исчезла, здоровье и полнота пропадали; онъ худѣлъ со дня на день. Съ самаго отъѣзда изъ Тонга, больной не выходилъ изъ своей койки: ему суждено было уже не вставать. Пендлетонъ, единственный докторъ на кораблѣ, истощилъ надъ нимъ всѣ старанія и все искусство свое. Пять ночей онъ просидѣлъ у изголовья Филипса; заботясь о немъ, какъ о своемъ сынѣ, онъ употребилъ почти всю свою аптеку, и привелъ въ исполненіе лучшія предписанія Англійской медицины. Ничто не могло остановить хода болѣзненнаго припадка, который, какъ бы вопреки желаній, видимо свирепѣлъ.

5 Іюня поутру Филипсъ былъ при последнемъ издыханіи. Я сидѣлъ у койки его. «Не смѣю просить Пендлетона,» сказалъ онъ мнѣ тихимъ голосомъ, «но я бы хотѣлъ умереть на палубѣ, въ виду моря, подлѣ вахтенной скамьи и подъ распущенными парусами; въ каютѣ воздухъ такой тяжелый; мнѣ бы легче было на верху.» — Я передалъ капитану желаніе умирающаго. «Конечно,» отвѣчалъ онъ мнѣ со слезами на глазахъ; «пусть дѣлаютъ все, что онъ проситъ.» Мнѣ дали четырехъ рабочихъ, для исполненія приказаній моихъ. Мы тихо и съ осторожностію отвязали койку больнаго, внесли ее на корму, гдѣ привязали ее удобнѣйшимъ образомъ. Когда бѣдный нашъ Филипсъ увидѣлъ океанъ, глаза его оживились, мертвое лице покрылось какимъ то багровымъ отливомъ; онъ протянулъ руки, и видимо хотѣлъ приподняться. Но мощь души не могла сообщиться тѣлу: Филипсъ упалъ назадъ. Движеніе это впрочемъ было послѣднимъ. Послѣ этого испытанія силъ своихъ, достойный морякъ, сложилъ накрестъ руки, и въ безмолвномъ восторгѣ съ веселымъ и довольнымъ видомъ смотрѣлъ то на море, то на паруса, то на снасти: казалось, онъ прощался съ корветомъ какъ братъ, а съ моремъ какъ старый его пріятель. Мысль о предметахъ земныхъ возродилась въ немъ уже позже, при послѣднемъ его часѣ. Пендлетонъ приблизился тогда къ койкѣ. «Капитанъ, сказалъ онъ ему; вы будете опекуномъ моихъ дѣтей; вы будете заботиться о состояніи ихъ. Послѣднія желанія мои написаны: вы найдете ихъ въ моемъ ящикѣ, вмѣстѣ съ описью небольшаго моего имущества. Я хочу, чтобъ Томъ былъ морякомъ, какъ я, и чтобъ Нелли вышла замужъ за моряка.» Произнеся это, Филипсъ ничего уже не могъ выговорить внятно. Онъ бормоталъ псалмы, пока не началась судорожная икота. Предсмертный стонъ продолжался съ четверть часа. Филипсъ вдругъ выпрямился, и испустилъ духъ.

Весь экипажъ присутствовалъ при его кон-

чинѣ на палубѣ и среди дня Филипсъ былъ любимъ матросами; эти добрые люди оплакивали его. Ввечеру въ тотъ же день, парусной мастеръ съ помощниками подошли къ покойнику, чтобы зашить его въ койку, долженствовавшую служить ему саваномъ. Тѣло одѣли въ лучшее платье, привязали къ ногамъ два ядра, потомъ крѣпко зашили этотъ свертокъ, походившій наружностію на Египетскую мумію. Все вмѣстѣ, положили въ рѣшетчатую корзину и перенесли на гакабортъ. Два фонаря горѣли всю ночь надъ покойникомъ, прикрытымъ флагомъ Союза. Зрѣлище было печально и величественно. Въ продолженіе всей ночи, никому на *Океаніи* не вспало бы на мысль усмѣхнуться. Говорили очень мало и тихо, и почти все объ умершемъ; вѣтеръ и море также совершенно стихли: казалось, и они раздѣляли общую грусть.

На другой день въ одиннадцатомъ часу совершилось погребеніе. Одни нижніе паруса оставлены были для управленія корветомъ; всѣ верхніе реи были сложены крестомъ, и корабельный флагъ былъ спущенъ до половины мачты. По данному Пендлетономъ знаку, большой колоколъ возвѣстилъ начало церемоніи; чтобъ придать звону его плачевный и глухой звукъ, языкъ обвернули паклею. При этомъ знакомомъ звукѣ, всѣ матросы взошли на палубу и размѣстились одни за другими, на галлереѣ, у малыхъ мачтъ, вокругъ большой мачты и на шканцахъ. Нѣсколько марсовыхъ взлѣзли на мачты. Потомъ шесть человѣкъ въ полной формѣ пошли за корзинкою, въ которой лежало тѣло моряка: такимъ образомъ подошли они въ должномъ порядкѣ къ вестъ-ресму и поставили ношу свою къ лѣстницѣ шкафута. Оттуда надо было бросить ее въ море.

Настала торжественная минута. Три пушечные выстрѣла возвѣстили ее. Пендлетонъ, капеланъ корабля своего, также какъ онъ былъ и докторомъ, подошелъ къ гробу и произнесъ слѣдующую молитву, которую всѣ матросы повторяли вслѣдъ за нимъ:

«Всемогущему Богу, въ безпредѣльномъ милосердіи своемъ угодно было призвать къ себѣ душу возлюбленнаго брата нашего, здѣсь лежащаго, и потому мы предаемъ тѣло его морю, но только до воскресенья общаго, ибо тогда и море представитъ своихъ мертвыхъ къ жизни будущей.»

Въ ту минуту, какъ Пендлетонъ произносилъ слова: «мы предаемъ тѣло его морю», два матроса нагнулись, отвязали флагъ, прикрывавшій бренные остатки усопшаго, и бросили корзину въ волны. Молитва только что кончилась, какъ тѣло, отягощенное двумя ядрами, погрузилось въ океанъ, оставляя за собою на поверхности его быстрыя волны и круги. Потомъ все стихло на морѣ и на корабле, молитва замолкла, и слѣдъ исчезъ на водѣ. Три другіе пушечные выстрѣла окончили погребальный обрядъ.

Такъ лишился я одного изъ моихъ спутниковъ, добраго Филипса, оригинальное чистосердечіе котораго доставляло мнѣ столь частыя и пріятныя развлеченія. Я былъ знакомъ съ нимъ недавно, но жалѣлъ о немъ, какъ о старомъ другѣ. Что такое корабль? Семейный тѣсный кругъ; мы невольно привязываемся къ тѣмъ, кто его составляетъ, и горько оплакиваемъ выбывающихъ. Отсутствіе, смерть одного, въ обществѣ едва замѣтна, но на кораблѣ она поражаетъ и занимаетъ на долгое время.

Седьмаго Іюня, на другой день похоронъ Филипса, облака упорно скопившіеся на одной точкѣ небосклона, обнаружили намъ землю. То былъ Еронанъ. Пендлетонъ рѣшился бросить якорь въ архипелагѣ, чтобъ удостовѣриться, до какой степени надлежало вѣрить недавнимъ разсказамъ капитановъ нѣкоторыхъ коммерческихъ судовъ. По словамъ ихъ, подводныя скалы, окружающія островъ Танна, изобиловали трипангами, а горы, находящіяся на срединѣ, сандаломъ. Они увѣряли, что большія выгоды ожидали корабль, который остановится тамъ.

До того времени, *Океанія* плыла все по благодатному морю при ю. в. вѣтрѣ; все, казалось, благопріятствовало его открытіямъ. Пендлетонъ приказалъ направляться къ Ново-Гебридскимъ островамъ. Коническая оконечность Еронана уже отдѣлялась отъ облаковъ, какъ вдругъ совсѣмъ неожиданно паруса обстѣнило; вѣтеръ изъ ю. в. перешелъ въ ю. з. и мы вышли изъ вѣтра. Лейтенантъ Рембоу, находившійся на вахтѣ, сердился, ругалъ и посылалъ всѣхъ къ чорту. Если бы Пендлетонъ не выбѣжалъ на его крикъ, мачты *Океаніи* вѣроятно потерпѣли бы поврежденіе.

Въ пять минутъ, искусный мореходецъ все поправилъ; корветъ пошелъ лѣвымъ галсомъ на с. з. Конечно, путь этотъ отдалялъ насъ отъ земли; но держаться прямѣе не

было возможности; къ тому же, вѣтеръ, перемѣнившись на ю. з., сдѣлался неровнымъ и бурнымъ; онъ дулъ сильными порывами, и казалось, колебался между 5 и 6 румбами компаса, Мы были тогда въ виду Танна, въ Гебридахъ, гдѣ Пендлетонъ полагалъ бросить якорь. Но теченіе, качка и вѣтеръ безпрестанно удаляли насъ. Напрасно старались посредствомъ лавировки подвинуться впередъ; верхушка пика Танны мало по малу убѣгала отъ насъ и исчезала въ облакахъ. Ночью только слабый свѣтъ возвѣщалъ намъ вдали положеніе волкана. Наконецъ послѣ осьмидневнаго труднаго и безуспѣшнаго плаванья, мы прошли уже всю цѣпь Ново-Гебридскихъ острововъ, и находились между островами Фатака и Тикопіа: одинъ лежалъ на востокъ отъ насъ, другой на западъ. Пендлетонъ отказался отъ обозрѣнія этихъ острововъ, слѣдовательно я не имѣлъ случая самъ осмотрѣть ихъ, и долженъ былъ довольствоваться замѣчаніями, сдѣланными другими, болѣе счастливыми мореходцами.

Обращаясь къ открытію этого архипелага, мы прежде всѣхъ встрѣчаемъ Испанца Квироса; онъ первый видѣлъ Ново-Гебридскіе острова. Посланный для открытія большихъ Австральскихъ земель, онъ узналъ отъ жителей Таумака, что на югѣ отъ нихъ острова есть группа, называемая Манникола, гдѣ живутъ люди бѣлые, черные и мулаты. Руководствуясь этими неясными свѣдѣніями, онъ направился прямо на югъ, и 25 Апрѣля 1606 года, открылъ подъ 14° 30', широты нѣсколько высокихъ острововъ, изъ которыхъ одинъ названъ былъ *Нуестра Сеньора де Лусъ*. Берега эти были крутые, опасные и безпрестанно перерѣзанные водопадами, сливавшимися въ море.

Смотря съ открытаго моря, земля казалась покрытою плантаціями. Жители, выбѣжавъ на прибрежье при видѣ плывущаго на всѣхъ парусахъ корабля, махали кокосовыми вѣтвями, зазывали къ себѣ Испанцевъ криками, знаками, огоньками, раскладываемыми на горахъ. Квиросъ послалъ на землю офицера съ 20 солдатами, вооруженными ружьями и круглыми топорами. Они вошли въ прекрасную рѣчку, протекающую между двухъ утесовъ; на берегу нашлось множество свиней. Дикіе были трехъ различныхъ цвѣтовъ: одни совершенно черные, другіе бѣлые съ рыжими бородами, и наконецъ мулаты. Испанцы знаками изъявляли жителямъ дружелюбное расположеніе, но въ то время уже начинали проявляться немиролюбивые дѣйствія. Одинъ изъ дикихъ съ вершины утеса бросился въ воду и вплавь достигъ до лодки. Его схватили, «ибо, говоритъ реляція, онъ казался чрезвычайно храбръ и силенъ, а по тѣлодвиженіямъ и выраженію лица, отъ него нельзя было ожидать добраго.» Трудно однако же догадаться, какой вредъ могъ нанести одинъ человѣкъ 20 вооруженнымъ. Дикій вѣроятно былъ старшина: такъ полагали по браслетамъ изъ кабаньихъ клыковъ; украшенію, принятому за отличіе тѣмъ болѣе, что другой островитянинъ, пойманный хитростью, не имѣлъ ничего подобнаго. Чтобы удержать этихъ людей, ноги ихъ были скованы; шлюбка поплыла назадъ къ кораблю. Боясь участи, которая его ожидала, одинъ изъ плѣнныхъ расторгъ свои оковы и бросился въ воду, таща за собою конецъ цѣпи. Но было уже довольно темно; онъ не могъ добраться до земли и снова былъ принятъ на палубу. Квиросъ принялъ ихъ ласково, успокоилъ, велѣлъ имъ выбрить бороды и волосы, одѣлъ ихъ красною тафтою и приказалъ отвести обратно на берегъ, куда послалъ вмѣстѣ съ ними нѣсколько кусковъ матерій, долженствовавшихъ служить для обмѣна на съѣстные припасы. Все было въ точности исполнено. Старшина, бывшій въ неволѣ у Испанцевъ, оказалъ въ обмѣнахъ чрезвычайное великодушіе и благодарность. Онъ наполнилъ лодки свиньями, ямсомъ, пататами, и наиболѣе прекрасными и вкусными бананами. Поощренный этими сношеніями, Квиросъ рѣшился продлить время своего пребыванія близъ этихъ острововъ. Онъ пытался даже, если вѣрить его словамъ, основать тамъ родъ колоніи. Вотъ впрочемъ собственный его разсказъ, немного баснословный и преувеличенный, но простой, непритворный и характеристическій по впечатлѣніямъ и по самому времени.

«Мы продолжали,» говоритъ онъ, «при видѣ другаго гораздо многочисленнѣйшаго племени, плыть на лодкѣ вдоль берега; люди эти были высоки, болѣе пепельнаго цвѣта, нежели предъидущіе. Кажется, они принадлежали низшему сословію. Вскорѣ послѣ изъявленія знаками дружелюбнаго расположенія, всѣ женщины внезапно убѣжали къ лѣсу, а мужчины пустили въ насъ цѣлую тучу стрѣлъ; одна изъ нихъ нанесла небольшую рану солдату, Испанцу, въ лицѣ. Ружейные наши выстрѣлы заставили ихъ тотчасъ раскаяться въ

этой хитрости; между тѣмъ ночь наступала и лодка возвратилась къ флоту, чтобъ разсказать о случившемся.

«Желаніе подробно узнать обширную землю, видѣнную на ю. в., заставило насъ сняться съ якоря. Люди, посланные туда 30 Апрѣля, объявили, что нашли довольно широкую и хорошо защищенную бухту въ 30. брассовъ глубины, удобную для якорной стоянки. Они говорили еще, что берегъ далеко выдается впередъ, изгибаясь потомъ къ S. S. W.; что жители зажигали, для привлеченія ихъ вниманія, по горамъ огни; что они были велики ростомъ и выѣхали къ нимъ на встрѣчу въ челнокахъ, знаками желая выразить дружелюбіе, хотя вовсе не искреннее, какъ мы въ послѣдствіи испытали, и подарили имъ безподобный султанъ изъ перьевъ. Донесеніе это чрезвычайно обрадовало экипажъ, который открытіемъ этой обширной земли и хорошей гавани, достигъ уже цѣли своихъ желаній. Мая 1 дня эскадра вошла въ заливъ, названный тутъ же, въ честь святыхъ того дня, заливомъ Св. Якова и Св. Филиппа. Входъ бухты имѣлъ до восьми лигъ раскрытія, которое идетъ по направленію отъ с. на ю., восточная сторона тянется на 12, а западная почти на 15 миль (подъ шир. 15° 40'). 3 Мая мы бросили якорь въ удобномъ мѣстѣ, при устьѣ двухъ рѣкъ, на чистомъ песчаномъ днѣ, на глубинѣ 40 брассовъ. Окружившіе насъ въ челнокахъ Индійцы знаками приглашали итти впередъ; но мы не сочли за нужное слѣдовать ихъ желанію. Это было въ самый день Обрѣтенія Честнаго Креста, и потому мы назвали этотъ портъ Вера-крузъ, а твердую землю, Австральскою землею Св. Духа; одна рѣка получила названіе Іордана, другая была наименована рѣкою Спасителя. Берега этихъ двухъ рѣкъ, усыпанные цвѣтами и роскошною зеленью были совершенно очаровательны. Морское прибрежье широко, отлого, и такъ хорошо защищено отъ вѣтра, что какъ бы онъ ни бушевалъ въ заливѣ, воды оставались тихи и спокойны въ этомъ углубленіи; берегъ до самаго подножья горъ покрытъ деревьями; горы, зеленѣющіяся, какъ и равнины, раздѣлены пространными и обильными долинами, орошаемыми рѣками; однимъ словомъ, нѣтъ ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ столь живописнаго мѣстоположенія. На этой чрезвычайно плодоносной землѣ произрастали почти безъ обработки плоды превосходнаго вкуса, пататы, ямсь, папая, попутникъ; апельсины, сладкіе лимоны, миндаль, обосы и множество другихъ вовсе намъ не извѣстныхъ; тамъ находятся также алоэ, мускатные орѣхи, черное дерево; водятся курицы и свиньи; а глубже, во внутренности острова, судя по указанію туземцевъ, можно было найти крупный скотъ, пѣвчихъ птицъ куропатокъ, тетеревей, попугаевъ и пчелъ. Жители черные; они обитаютъ въ хижинахъ, крытыхъ соломою. Страна эта подвержена землетрясеньямъ, что доказываетъ уже, что твердая земля занимаетъ довольно большое пространство.

«Люди, казалось, были весьма довольны нашимъ прибытіемъ; когда мы сошли на землю, старшина ихъ вышелъ къ намъ на встрѣчу и поднесъ нѣсколько плодовъ, показывая намъ знаками, чтобъ мы удалились; но какъ мы вовсе не желали повиноваться, то онъ провелъ черту по песку, какъ бы означая, чтобъ мы не смѣли перешагнуть за нее, и точно, едва Торресъ переступилъ за нее, они пустили нѣсколько стрѣлъ, что побудило насъ также стрѣлять; причемъ нѣсколько человѣкъ были убиты, и между ними старшина; всѣ тотчасъ убѣжали къ горамъ. Другой отрядъ нашихъ матросовъ направился въ противную сторону искать съѣстныхъ припасовъ, и стараться завести сношенія съ туземцами. Но туземцы такого дурнаго нрава, что нѣтъ ни какой возможности быть съ ними въ пріязни. Когда мы проходили, они всегда стрѣляли въ насъ, но безъ успѣха; ибо вѣтви, останавливая полетъ ихъ стрѣлъ, не могли защитить ихъ отъ нашихъ пуль. Мы провели тамъ нѣсколько дней, для отдохновенія отъ трудовъ, отслужили божественную литургію въ шалашѣ, сплетенномъ изъ вѣтвей, среди прекрасной, усаженной деревьями, дороги, отпраздновали тамъ праздникъ Христовъ, воздвигнули крестъ и приняли землю во владѣніе короля Филиппа III. Однажды толпа нашихъ матросовъ, ища овощей, открыла съ высоты горъ прекрасную долину, перешла ее, и съ вершины другой горы, въ двухъ миляхъ уже отъ берегу, услышала барабанный бой. Это возбудило въ нихъ любопытство, они рѣшились тихонько подкрасться къ мѣсту, откуда слышался шумъ. Испанцы пробрались къ жилищу, гдѣ дикіе безпечно плясали. Завидѣвъ матросовъ, они покинули женъ и дѣтей и всѣ убѣжали въ горы; Испанцы вскорѣ увѣрились, что эти люди скрылись только отъ того, что были безоружны. Матросы остава-

лись полными хозяевами этого жилища, вошли въ хижину, увели трехъ ребятишекъ и четырнадцать свиней; торопясь возвратиться къ намъ до прихода Индійцевъ, ибо были безъ всякой помощи и изнурены усталостью. Проходя снова по этой прекрасной долинѣ, они услышали крики островитянъ, сопровождаемые стукомъ барабана, выдѣланнаго изъ пня пустаго дерева. Люди наши, страшась быть пойманными, побѣжали со всѣхъ ногъ къ подошвѣ горы, взобрались на вершину столь быстро, сколько имъ дозволяла то тяжелая ихъ ноша. Но необходимость перевести духъ заставила ихъ остановиться на нѣсколько минутъ. Дикіе подоспѣли между тѣмъ, и громко крикнувъ, по обыкновенію, пустили въ нашихъ безчисленное множество стрѣлъ, изъ которыхъ, къ счастью, ни одна ни въ кого не попала. Ружейные выстрѣлы понеслись имъ въ отвѣтъ; многіе были ранены и толпа отступила, но не на долго: дикіе снова погнались за матросами по скату горы до самаго берега, такъ, что они принуждены были ретируясь заряжать ружья и отстрѣливаться отъ преслѣдователей. Но не смотря на раны и смерть, наносимыя нашимъ оружіемъ, дикіе не останавливались; истощивъ всѣ свои стрѣлы, они стали на высоты и бросали въ матросовъ огромными каменьями. Впрочемъ одному только изъ Испанцевъ переломили руку въ этомъ опасномъ отступленіи; другіе остались невредимы. Матросы выдержали всѣ нападенія съ удивительною храбростью, не покинувъ своей добычи. Услышавъ пушечные выстрѣлы съ корабля, и увидѣвъ, что со всѣхъ сторонъ спѣшатъ къ нашимъ на помощь, Индійцы прекратили свои преслѣдованія и спаслись въ горы.

«Послѣ кратковременнаго пребыванія въ этомъ небольшомъ заливѣ, корабли снялись съ якоря, и мы пустились въ путь, но вскорѣ принуждены были вернуться, ибо люди почти всѣ внезапно занемогли, до того, что нѣкому было исправлять работъ. Приключеніе это нельзя было примѣнить къ свойству рыбы, которую мы во множествѣ ѣли въ заливѣ; но полагали, что рыба, можетъ быть, питалась какою нибудь другою ядовитою рыбою, или была чищена и рѣзана на ядовитой травѣ. Въ короткое время оба наши корабля сдѣлались подобными гошпиталямъ очумленнаго города. Люди до того занемогли, что полагали, что они болѣе уже не встанутъ; но доктора, хотя и сами чрезвычайно были нездоровы, пользовали ихъ съ такимъ стараніемъ и искусствомъ, что болѣзнь вскорѣ прекратилась и ни одинъ изъ матросовъ не умеръ. Во время вторичнаго нашего пребыванія, мы нѣсколько разъ выходили на землю, отпустили даже дѣтей, увезенныхъ изъ хижины, въ надеждѣ, что они послужатъ орудіемъ къ дружественному между нами союзу, но это не состоялось, и мы снова снялись съ якоря. Пятаго Іюня поспѣшно осмотрѣвъ острова, лежавшіе на вѣтрѣ, мы заняли ихъ во имя короля, и основали тамъ селеніе, какъ сдѣлали уже то въ заливѣ, гдѣ построили городъ, называемый Новымъ Іерусалимомъ, въ которомъ поселили алькадовъ, корегидоровъ и другихъ королевскихъ чиновниковъ. Среди открытаго моря вѣтръ былъ противный и море было такъ взволновано, что передняя часть кораблей часто совершенно покрывалась водою. Это принудило насъ снова войти въ заливъ. Оба корабля и маленькое судно съ опасностью плыли къ нему въ продолженіе двухъ сутокъ; на третій день два изъ нихъ дошли до рѣчки и бросили якорь въ хорошо защищенномъ мѣстѣ, несравненно углубленѣе того, гдѣ мы передъ тѣмъ останавливались. Но главная галера нашего флота никакъ не могла къ нему подойти, и подверглась въ заливѣ стольким опасностямъ, что принуждена была выйти въ открытое море, откуда, безпрестанно относимая вѣтромъ, никакъ не могла попасть въ бухту.»

Тутъ оканчивается разсказъ Г. Квироса о Ново-Гебридскихъ островахъ. Не смотря на ясныя и точныя подробности, Земля Св. Духа, показанная Испанскимъ мореплавателемъ, казалась совершенно потерянною для географовъ, до тѣхъ поръ, пока Бугенвиль и Кукъ снова не подтвердили разсказовъ Квироса и Торреса.

Бугенвиль, находясь 28 Мая 1768 года въ этихъ мѣстахъ, увидѣлъ двѣ возвышенныя земли, которыя назвалъ Троицею и Авророю, потомъ къ сѣверу отъ нихъ еще небольшой островокъ, имѣющій видъ сахарной головы; и наконецъ, ближе къ востоку, третій островъ, несравненно выше всѣхъ прочихъ и совершенно покрытый лѣсомъ. Байдары плавали около берега, не показывая ни малѣйшаго желанія приблизиться къ кораблямъ. Въ различныхъ мѣстахъ острова дымъ столбами тянулся въ воздухѣ, что и заставило полагать, что земля многолюдна.

Когда подошли ближе къ берегу, Бугенвиль послалъ три лодки для осмотрѣнія острова. Увидѣвъ матросовъ, дикіе, вооруженные луками и стрѣлами, не хотѣли было допустить ихъ высадиться; но какъ Французы, не смотря на это, прямо продолжали путь свой, то островитяне отступили на нѣкоторое разстояніе и приняли оборонительное положеніе. Напрасно имъ знаками старались показать дружелюбное расположеніе, напрасно къ нимъ подходили спокойно безъ оружій, они все отступали. Наконецъ принцъ Нассаускій, находившійся въ этой экспедиціи по собственному желанію, одинъ вышелъ впередъ къ дикимъ. Увидѣвъ, что онъ никѣмъ не сопровождаемъ, они остановились. Этимъ воспользовались, чтобы вымѣнять у нихъ на Европейскія бездѣлки нѣсколько плодовъ; но когда просили оружій, они отказывали и снова принимали важный и суровый видъ. Многіе изъ нихъ держали пращи въ готовности къ бою. Догадались, что они вѣроятно находились въ войнѣ съ сосѣднимъ племенемъ и ожидали неминуемой битвы. Точно, въ скоромъ времени съ западной стороны острова появилась толпа совершенно различныхъ съ ними дикихъ, которая построилась передъ этою небольшею арміею; присутствіе Французовъ воспрепятствовало однако же сраженію.

Между тѣмъ Бугенвиль наполнялъ лодки свои дровами и фруктами, и приказавъ вырѣзать на дубовой дощечкѣ актъ принятія этихъ острововъ во владѣніе Франціи, велѣлъ зарыть подъ деревомъ это тлѣнное доказательство мечтательнаго своего владычества. Удовлетворивъ своему тщеславію, Французы обратно поплыли къ судамъ; этой именно минуты и ожидали дикіе. Увидѣвъ, что лодки двинулись въ открытое море, они бросились на берегъ и пустили вслѣдъ за ними безчисленное множество стрѣлъ и каменьевъ. Европейцы отвѣчали имъ нѣсколькими ружейными выстрѣлами на воздухъ, но видя, что упорство осаждающихъ можетъ сдѣлаться опасно, они стали отвѣчать на ихъ покушенія мѣткими и частыми ружейными выстрѣлами. Едва нѣсколько жертвъ пало въ рядахъ дикарей, толпы съ ужаснымъ ревомъ кинулись въ лѣсъ, тянувшійся до самаго прибрежья.

Бугенвиль различилъ на этихъ островахъ людей двухъ породъ: одни были совершенно черные, другіе мулаты; у тѣхъ и другихъ губы были толстые, волосы шерстовидные, и чрезвычайно некрасивыя лица; эти дикари худо сложены и искажены проказою: обстоятельство, побудившее Бугенвиля назвать эту землю островомъ Прокаженныхъ. Французы видѣли мало женщинъ, и тѣ были столь же отвратительны, какъ мужчины. Мужчины ходили нагіе, едва прикрывая нѣкоторыя части тѣла; женщины, также полунагія, носили дѣтей въ чемъ то похожемъ на шарфы, изъ ткани, нѣсколько сходствующей съ папирусомъ, испещренной красными узорами и обороченной каймою яркаго краснаго цвѣта. Бороды у мужчинъ были весьма коротки; хрящъ между ноздрями проткнутъ у нихъ для привѣшиванья различныхъ украшеній; на рукахъ они носятъ браслеты изъ кабаньихъ клыковъ, а на шеѣ черепаховыя бляхи. Оружіе ихъ состоитъ изъ буловъ, луковъ, стрѣлъ, камышевыхъ тростей съ заостренными костяными наконечниками, сабель изъ твердаго дерева, и наконецъ изъ каменьевъ, которые они швыряли пращами или просто руками. Таитянинъ Утуру, находившійся на кораблѣ Бугенвиля, не понималъ ни слова туземнаго нарѣчія. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ экипажъ вышелъ на землю, берегъ постепенно возвышаясь, былъ покрытъ густымъ лѣсомъ. Собранные тутъ плоды были вкусомъ несравнено хуже тѣхъ, которые росли на островахъ Таити; тропинки въ этомъ лѣсу протоптаны во всѣ стороны; кой гдѣ встрѣчались изгороды или заборики, назначенія которыхъ не могли угадать. Видѣли пять или шесть шалашей, столь низкихъ, что входить въ нихъ нельзя было иначе, какъ ползкомъ.

Въ продолженіе двухъ или трехъ сутокъ, безвѣтріе удерживало корабли Бугенвиля въ небольшомъ бассейнѣ, образованномъ природою среди возвышеній. Мая 26 мореплаватель подошелъ къ западному возвышенію. Это мѣсто, по словамъ его, было покрыто деревьями и хорошо обработанными полями. Нѣсколько челноковъ съ людьми подъѣхали къ намъ, но не смотря на приглашенія, держались отъ насъ почти на ружейный выстрѣлъ. Весь берегъ, подобно муравейнику, былъ засѣянъ черными головами.

Бугенвиль хотѣлъ предпринять вторую рекогносцировку, для ближайшаго знакомства съ островомъ. Замѣтивъ углубленіе, образующее родъ пристани, онъ послалъ вооруженныя лодки, чтобъ осмотрѣть его; между тѣмъ какъ самъ на корабляхъ крейсировалъ

на милю разстояніемъ отъ берега. Одна изъ этихъ лодокъ, отдѣлившись отъ прочихъ, была внезапно осыпана стрѣлами, на которыя отвѣчали ружейными залпами и выстрѣлами изъ фалконета. Эти враждебныя дѣйствія уничтожили всякую надежду на дружескія сношенія. Однако лодки могли удостовѣриться, что бухточка, о которой говорено, не образовала пролива. Дикіе были совершенно схожи съ жителями острова Прокаженныхъ. 27 числа, проходя вдоль берега на милю разстояніемъ отъ него, замѣтили, что на одной плоской оконечности прибрежья деревья были насажены дорожкою, какъ въ саду, а земля казалась утоптана и посыпана пескомъ; все окончилось однимъ этимъ наблюденіемъ. Бугенвиль поискавъ еще, но безуспѣшно, мѣста, гдѣ бы можно было бросить якорь, 28 Мая пустился въ море, и продолжалъ путь къ западу.

Послѣднія земли, мимо которыхъ проходилъ Бугенвиль, были два большіе острова: Св. Духа и Моникола; островъ Св. Варфоломея и множество маленькихъ островковъ къ нимъ прилежащихъ. Сличая свои наблюденія съ показаніями Квироса, Французкій мореплаватель началъ подозрѣвать, что острова эти были не что иное, какъ тѣ, которые названы Испанцемъ Землею Св. Духа *(Tierra del Espiritu Santo)*. Но основываясь на безчисленномъ множествѣ подробностей, отвергающихъ это предположеніе, онъ воспользовался правомъ открывателя, и назвалъ архипелагъ Большими Цикладами. Бугенвилю принадлежитъ по крайней мѣрѣ неоспоримая слава открытія многихъ группъ острововъ, которые считали уже совершенно для насъ потерянными; онъ опередилъ даже капитана Кука въ одномъ обозрѣніи, которое послѣдній долженъ былъ совершить съ необыкновенною точностію, отличающею его отъ прочихъ мореплавателей того времени.

Кукъ увидѣлъ островъ Авроры 16 Іюля 1774 года. Онъ обогнулъ его съ сѣверной стороны, и шелъ вдоль берега, скрываемаго безпрестанно то облаками, то туманомъ. «Мы видѣли, говоритъ Форстеръ, кокосовыя деревья на самыхъ вершинахъ горъ. Земля эта, сколько позволялъ намъ разглядѣть густой туманъ, покрыта дикимъ прекраснаго вида лѣсомъ. Отецъ мой видѣлъ мелькомъ небольшой остроконечный утесъ, названный Бугенвилемъ пикомъ Звѣзды, или Аведари; облака, несшіеся съ чрезвычайною быстротою, вскорѣ совершенно скрыли его.

Восемнадцатаго Іюля, капитанъ Кукъ подошелъ къ острову Прокаженныхъ; два челнока выѣхали къ его кораблю, но держались отъ него на ружейный выстрѣлъ. На берегу толпилось безчисленное множество островитянъ, вооруженныхъ стрѣлами. Всѣ черные, почти нагіе, они имѣли на груди и на рукахъ какое то украшеніе. На одномъ только, въ видѣ шарфа, былъ кусокъ какой то матеріи грязнаго бѣлаго цвѣта, съ яркою красною каймою.

На слѣдующій день шли вдоль Авроры и прямо направились къ острову Св. Троицы, казавшемуся несравненно лучше, обильнѣе и многолюднѣе. Дымокъ взвивался со всѣхъ сторонъ острова. Оттуда отправились къ сѣвернымъ берегамъ Амбрима, чтобъ переѣхать къ восточнымъ землямъ. Приближаясь къ нимъ, увидѣли, что они составляютъ весьма большой островъ, называемой туземцами Маникола. Найдя на ю. в. небольшой заливъ, Кукъ бросилъ въ немъ якорь 21 Іюля.

Когда лодки, посланныя впередъ, подъѣхали къ берегу, жители толпою выбѣжали на встрѣчу, издали махая зелеными вѣтвями, черпая руками воду и наливая на головы. Экипажъ Кука отвѣчалъ тѣми же дружескими привѣтствіями. Байдары подъѣхали къ кораблямъ, а находившіеся въ нихъ дикіе продолжали махать вѣтвями, крича: *томаръ*! восклицаніе, которое, казалось, означало тоже что: *taio*! (братья, друзья), употребляемое жителями острова Таити. Не смотря однако на дружелюбное расположеніе, большая часть этихъ людей была вооружена. Обмѣны начались, но за дикарями надо было присматривать. Англичане отдавали матеріи, вывезенныя ими изъ Таити, а дикіе стрѣлы съ лезвіями, выдѣланными изъ кости, обмазанныя какою то черноватою смолою. Наконецъ покричавъ и покруживъ долгое время вокругъ корабля, дикіе къ вечеру отправились на берегъ, и разложивъ большіе огни, снова появились въ челнокахъ, украшенныхъ зажженными факелами. Они долго катались по заливу. На берегу танцы и пѣсни продолжались почти до самаго разсвѣта.

На слѣдующій день всѣ они снова собрались вокругъ насъ, одни въ лодкахъ другіе просто вплавь. Едва вздумалъ Кукъ пригласить одного изъ островитянъ взойти на палубу, какъ весь корабль наполнился дикими. Въ одну минуту они пробрались съ па-

лубы до самаго низу, закрались въ самые отдаленные уголки. Одни бѣгали между деками и по каютамъ, другіе какъ искусные марсовые взлѣзали на самыя вершины мачтъ, иные прохаживались на шканцахъ, или старались проникнуть въ трюмъ. Люди эти казались очень смышлены: они понимали малѣйшія тѣлодвиженія и въ весьма непродолжительное время научили матросовъ выговаривать множество словъ ихъ нарѣчія. Они на все смотрѣли жадно, но не трогали ничего, если имъ то воспрещали. Зеркало наиболѣе возбудило ихъ любопытство; впрочемъ дѣйствіе отраженія удивило ихъ на одну только минуту; вскорѣ, привыкнувъ къ нему, они съ удовольствіемъ смотрѣлись. (Рис. XXIII. ф. 2).

Все шло какъ нельзя лучше, но внезапный случай сдва не нарушилъ добраго согласія. Одинъ изъ островитянъ, видя, что ему не позволяютъ взлѣсть на корабль, направилъ стрѣлу на одного изъ гребцевъ. Спутники хотѣли препятствовать, но онъ настойчиво силился исполнить намѣреніе и даже прицѣлился въ самаго Кука, который ему погрозилъ. Тогда капитанъ, всегда нетерпѣливый и строгій, предупредилъ дикаря, выстрѣливъ по немъ дробью. Дикій покачнулся, но все еще продолжалъ цѣлиться, и при второмъ только выстрѣлѣ опустилъ лукъ. За этими не миролюбивыми дѣйствіями послѣдовало смятеніе; челноки внезапно удалились, пустивъ нѣсколько стрѣлъ, на что отвѣчали пушечнымъ выстрѣломъ; потомъ, послѣ перемирія, продолжавшагося около часа времени, бѣглецы снова приблизились, окружили корабль и начали мѣну, какъ будто вовсе ничего не происходило. Только при пушечномъ выстрѣли какой то звукъ, подобный барабанному бою, послышался на землѣ. То былъ вѣроятно знакъ общаго соединенія.

Послѣ полудня Кукъ снова поѣхалъ на берегъ въ двухъ вооруженныхъ лодкахъ; онъ хотѣлъ запастись водою и дровами. Хотя около 500 дикихъ съ дубинами, стрѣлами и луками стояли на берегу, но не было ни малѣйшаго непріязненнаго дѣйствія. Капитанъ, никѣмъ не сопутствуемый, шелъ на встрѣчу толпѣ махая зеленою вѣткою, а со стороны дикихъ, старшина ихъ дѣлалъ то же самое. Они обмѣнялись вѣтвями, пожали руки и миръ былъ заключенъ. Кукъ раздалъ подарки главнымъ начальникамъ и получилъ въ обмѣнъ поросенка, нѣсколько кокосовыхъ орѣховъ и немного свѣжей воды. Кукъ показалъ знаками, что онъ нуждается въ дровахъ; ему позволили ихъ нарубить, съ условіемъ не удаляться отъ берега.

Послѣднее воспрещено было весьма строго. Натуралисты Форстеръ и Спарманъ найдя въ кустахъ небольшую тропинку, нарушили было запрещеніе и уже начали свои ботаническія изслѣдованія, какъ вдругъ попались на глаза одному изъ дикихъ, который немедлено сообщилъ это своимъ соотечественникамъ. Въ ту же минуту, всѣ они бросились къ нимъ, и не смотря на просьбы и убѣжденія, естествоиспытатели должны были отступить къ берегу. Тамъ матросы все еще рубили дрова, окруженные толпою шумно разговаривавшихъ дикарей. Около полудня островитяне разошлись, и одинъ изъ ихъ начальниковъ предложилъ Куку проводить его къ себѣ въ жилище. Но капитанъ отказался и отправился съ людьми своими на корабль; вечеромъ онъ возвратился на берегъ, для полученія обратно томбуя, похищеннаго дикимъ: это была единственная покража, сдѣланная во все время пребыванія здѣсь кораблей Кука. Похититель отдалъ назадъ томбуй и проводилъ Кука и Форстера до хижинъ, построенныхъ не вдалекѣ. Обиталищъ было не болѣе шести; они низки и покрыты твердыми латановыми листьями. Иныя были со всѣхъ сторонъ окружены досками, вмѣсто двери было вырублено четырехъ угольное отверстіе; оно было заперто, и дикари отказали открыть его посѣтителямъ. Вокругъ хижинъ было нѣсколько плантацій, обнесенныхъ заборикомъ; мѣстами возвышались кокосовыя, хлѣбныя и банановыя деревья: большіе запасы ямса разложены были на какихъ то подмосткахъ; свиньи и курицы бродили вокругъ хижинъ, гдѣ онѣ вѣроятно ѣли вмѣстѣ съ хозяевами. Прежде нежели Кукъ вышелъ изъ этой бухты, онъ хотѣлъ осмотрѣть противоположные берега, и потому сошелъ на землю, но пробылъ тамъ не болѣе четверти часа; ибо жители знаками показывали ему, что весьма желали, чтобъ онъ удалился; къ тому же, Куку достаточно было одного взгляда, чтобъ увѣриться, что на этой землѣ не было ни одного ручья, а онъ только этого и искалъ. Утромъ 23 Іюля корабль снялся съ якоря, назвавъ это удобное для стоянки мѣсто *Портъ-Сандвичъ.*

Въ ту минуту, какъ корабль покидалъ уже островъ, дикіе все еще толпились на берегу

послѣднія мѣны были произведены съ такою честностью, что Англичане удивились. Корабль шелъ довольно скоро, и потому многія байдары отстали прежде, нежели дикіе успѣли вручить Европейцамъ условленныя за обмѣнъ вещи. Во всей Полинезіи, подобное обстоятельство было бы принято, какъ выгодная для туземцевъ случайность; но Меланезійцы были чрезвычайно честолюбивы; они хотѣли вести торгъ, а не обкрадывать; и потому многія байдары съ особеннымъ усиліемъ догоняли корабль и отдавали сполна вещи, назначенныя для обмѣна. Благородная черта одного изъ этихъ дикарей, заслуживаетъ особое вниманіе. Успѣвъ догнать судно, островитянинъ взобрался на палубу, держа въ рукахъ вещи, въ обмѣнъ за которыя получилъ уже другія. Европейцы начали было ихъ снова у него торговать, но онъ отъ этого отказался, заботливо отыскивая того, съ кѣмъ договоръ уже былъ заключенъ. Человѣкъ этотъ наконецъ появился, и не узнавъ дикаго, предложилъ новый обмѣнъ за его вещи. Честный островитянинъ не воспользовался этимъ случаемъ, показавъ полученную отъ него вещь, онъ оставилъ свои товары, выражая знаками, что теперь только съ нимъ расчитался. Честность, достойная удивленія, среди племенъ, необыкновенно склонныхъ къ воровству.

Кукъ осмотрѣлъ *Амбримъ* и *Паумъ*, и 24 Апрѣля подошелъ къ Апи, гдѣ на берегу увидѣлъ вооруженныхъ луками жителей, имѣвшихъ большое сходство съ обитателями Малликоло. Штиль удержалъ корабль у острововъ Стефенъ, гдѣ внезапная болѣзнь поразила весь штабъ Кука. Двѣ нѣсколько красноватыя рыбы, схожія наружностію и величиною съ большими лещами, были пойманы и приготовлены къ столу офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Тотчасъ послѣ обѣда почти весь экипажъ занемогъ; почувствовали сильную боль въ головѣ и членахъ, онѣмѣніе во всѣхъ сгибахъ тѣла и жаръ, отъ котораго кожа какъ бы горѣла: таковы были признаки этой отравы. Ночью страданія больныхъ вдвое увеличились; мучась безсонницею, они не могли лежать въ койкахъ, выползали на палубу, изнуренные сильнымъ слюнотеченіемъ и нестерпимою болью отъ опухоли и сыпи, покрывшихъ все тѣло. Тѣ изъ больныхъ, которые менѣе страдали, казалось, болѣе упали духомъ. Даже на животныхъ отразились ужасныя дѣйствія этой отравы; свинья и собака околѣли. Заболѣвшіе люди выздоровѣли только по истеченіи десяти сутокъ. Такимъ то образомъ повторилось въ экипажѣ Кука то, что, за 150 лѣтъ ранѣе, поразило товарищей Квироса, и въ послѣдствіи, даже послѣ Кука, многіе мореплаватели претерпѣли подобныя несчастія. Признаки болѣзни всегда были одинаковы. Форстеръ приписываетъ ихъ, не свойству рыбы, но ядовитости травъ, коими она питается на этихъ берегахъ. Потому что въ другихъ мѣстахъ та же самая рыба употребляется въ пищу, безъ всякой опасности.

Попеременно осмотрѣвъ маленькіе острова Стефена, Монументъ *(Monument)*, Трихолма *(Trois-collines)*, Два-холма *(Deux-collines)*, Гору *(Montagne)* и Гинчинбрукъ, капитанъ Кукъ открылъ прекрасную и обширную землю, которую назвалъ островъ Сандвичъ; обильная и вся покрытая зеленью, она казалась менѣе населена, нежели сѣверная. Августа перваго дня подошли къ острову Еро-манго, или лучше Короманго, какъ въ послѣдствіи узнали; 3 числа Кукъ бросилъ якорь на южной сторонѣ этого острова, который защищенъ отъ однихъ только восточныхъ и юго-восточныхъ пасатныхъ вѣтровъ. Мѣсто это названо было мысомъ Измѣнниковъ, вслѣдствіе происшествій, которыя мы тотчасъ опишемъ.

2 Августа Кукъ въ двухъ лодкахъ подъѣхалъ къ берегу, гдѣ, судя по наружнымъ знакамъ, нашелъ жителей, весьма дружески расположенныхъ. Они указали ему хорошій песчаный берегъ, куда капитанъ, никѣмъ не сопровождаемый, вышелъ, держа въ рукахъ зеленую вѣтвь, поданную ему однимъ изъ дикихъ. Островитяне при первомъ повелительномъ знакѣ, скромно и даже учтиво отходили отъ лодокъ. Одинъ изъ нихъ, вѣроятно старшина, построилъ своихъ соотечественниковъ въ полукругъ около лодокъ, и билъ тѣхъ, которые изъ любопытства осмѣливались выступать впередъ. Раздавъ нѣкоторые подарки, Кукъ попросилъ свѣжей воды и плодовъ; ему подали сосудъ изъ бамбука, ямсъ и нѣсколько кокосовыхъ орѣховъ.

Все шло какъ нельзя лучше, хотя островитяне были вооружены копьями и стрѣлами. Кукъ слѣдилъ всѣ ихъ движенія, наблюдалъ за начальниками, словомъ, не предавался излишней довѣрчивости, могущей сдѣлаться опасною. Послѣдствія оправдали его осторожность; непріязненныя дѣйствія открылись

именно, когда хотѣли предпринять обратный путь къ судамъ. Дикіе, укравъ сходню по которой можно было, не промоча ноги, перейти къ лодкамъ, тащили самыя лодки на берегъ, насильно вырывая весла у гребцевъ (Рис. XXIV. ф. 1). Однако видъ ружей немного пріостановилъ ихъ; но вскорѣ, предводительствуемые главнымъ старшиною, дикари съ новою силою устремились на Европейцевъ. Желая наказать старшину, Кукъ приложился по немъ, но ружье осѣклось; это придало еще болѣе смѣлости островитянамъ; они въ ту же минуту пустили въ лодки безчисленное множество стрѣлъ и каменьевъ. Болѣе ничего не оставалось дѣлать, какъ противупоставить силу силѣ.

Три залпа, произведенные одинъ за другимъ, освободили наконецъ Англичанъ отъ этихъ наступателей. Четверо изъ нихъ упали замертво, всѣ прочіе разбѣжались, и Европейцы наконецъ могли отплыть къ судамъ своимъ. Два моряка были ранены стрѣлами; въ щеку одного изъ нихъ попалъ дротикъ, толстое остріе котораго впилось на два пальца въ тѣло. Вечеромъ нѣсколько островитянъ, появившись на плоской оконечности утеса, показывали намъ пару веселъ, намѣреваясь вѣроятно отдать ихъ обратно, но вмѣсто переговоровъ, Кукъ велѣлъ выстрѣлить изъ четырехъ-фунтовой пушки, чтобы научить дикарей понимать силу орудій. Впрочемъ отвѣтъ этотъ врядъ ли что нибудь значилъ.

Выстрѣлъ былъ прощальнымъ привѣтствіемъ, ибо Кукъ оставилъ Коро-манго, чтобъ направиться къ острову, замѣченному имъ на югѣ, и обозначавшемуся ночью волканическими сіяніями. 9 Мая, въ разстояніи трехъ или четырехъ миль къ с. в., увидѣли эту огнедышущую землю. Форстеръ описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: Кратеръ находится въ срединѣ самаго низкаго возвышенія, цѣпи; онъ имѣетъ видъ конуса, красно-коричневаго цвѣта, и составленъ изъ груды безплодныхъ, перегорѣвшихъ камней. Столбъ густаго дыма, подобный огромному дереву, порою вырывался изъ середины, и взвиваясь на воздухъ, мало по малу расширялся; при всякомъ нововылетающемъ клубѣ дыма слышался шумъ, подобный громовымъ ударамъ; клубы слѣдовали одинъ за другимъ довольно часто; дымъ не всегда былъ одного цвѣта: онъ казался намъ иногда бѣло-голубымъ, иногда сѣро-красноватымъ. Мы заключили, что разница эта частью происходила отъ огня кратера, освѣщавшаго дымъ и пепелъ. Весь островъ, исключая волканъ, былъ покрытъ лѣсомъ и красивыми пальмовыми деревьями. Мы видѣли свѣжую и безподобную зелень въ то время года, которое считается зимою въ этихъ климатахъ. Кукъ нашелъ на ю. в. отъ этого острова, называемаго Танна, удобное мѣсто для якорной стоянки, и проведя тамъ нѣсколько дней, пріобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія о другихъ земляхъ этого архипелага. Донынѣ островъ Танна есть одинъ нѣсколько извѣстный изъ Ново-Гебридскихъ острововъ.

Жители сначала робко прятались, но ободрясь немного, начали обмѣны, и сдѣлались въ скоромъ времени дерзкими ворами; они силою хотѣли похищать все, что имъ попадалось въ руки: флаги, петли отъ руля, томбуи и т. п. Ни угрозы, ни ружейные выстрѣлы, ни даже грохотъ пушекъ не могли ихъ устрашить; нечего дѣлать, надо было показать имъ, что оружіе находилось тутъ не для украшенія; когда нѣсколько пуль просвистали мимо ихъ ушей, они стали осторожнѣе.

Форстеръ описываетъ двѣ замѣчательныя черты ихъ храбрости. При пушечномъ выстрѣлѣ около 200 дикихъ, окружавшихъ корабль, испуганные, бросились въ море. Одинъ молодой человѣкъ, красивой наружности, хорошо сложенный, среди общаго смятенія, ни мало не удивляясь и не боясь, стоялъ на своей байдарѣ, и только улыбка насмѣшливаго презрѣнія оживила лицо его при видѣ малодушія соотечественниковъ. Въ другой разъ, старикъ, занятый покражею томбуя, получилъ рану пулею; не оставляя своего предпріятія, онъ выдержалъ еще нѣсколько другихъ выстрѣловъ, и послѣ преспокойно явился на корабль, чтобъ предложить кокосовый орѣхъ. Нельзя, кажется, явить болѣе храбрости и безпечности.

Таковы обитатели Танны. 9 Августа Кукъ съ большимъ отрядомъ сошелъ на берегъ. Слѣдуя обычаю этого архипелага, онъ держалъ въ рукѣ зеленую вѣтвь, и шелъ на встрѣчу островитянъ, которые вооружась луками и булавами, (Рис. XXV.), толпою стояли на берегу. Вскорѣ толпа эта раздѣлилась на двѣ части; одна половина зашла съ правой, другая съ лѣвой стороны Англичанъ, какъ бы для того, чтобы наблюдать за ихъ малѣйшими движеніями. Кукъ роздалъ

нѣсколько подарковъ старикамъ, и потомъ далъ имъ уразумѣть, что онъ нуждается въ дровахъ и водѣ. Старики указывали на деревья, растущія вдоль берега, какъ бы позволяя рубку, но предупреждая не трогать кокосовыхъ деревьевъ, столь полезныхъ имъ.

Такъ окончился день; ночь была свидѣтельницею совершенно другихъ явленій: огнедышущая гора царствовала во всемъ блескѣ, и налагала на небо багровую пелену, которая переливала всѣ оттѣнки пурпуроваго цвѣта. Каждыя четверть часа, слышенъ былъ ужасный шумъ, подобный пушечной стрѣльбѣ двухъ враждующихъ армій. Воздухъ, наполненный волканическимъ пепломъ, жегъ глаза, палуба и всѣ корабельныя снасти покрывались этимъ дождемъ, состоявшимъ изъ пепла землянаго угля, мелкаго песку и изъ обломковъ пемзы, которая вомножествѣ находилась на этихъ берегахъ. Огнедышущая гора была только въ пяти или шести миляхъ отъ того мѣста, гдѣ моряки пристали къ землѣ; но находившіеся между ими пригорки, не позволяли видѣть возвышеннаго ея хребта. Одинъ дымъ и яркія огненныя сверканія обозначали ея положеніе.

На слѣдующій день, корабль подвинулся въ углубленіе залива. Тамъ снова начались мѣны, сперва со всею возможною честностью, но мало по малу насильственныя дѣйствія опять проявлялись. Желая прекратить ихъ, Кукъ приказалъ сдѣлать нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ надъ байдарами; это не смутило островитянъ.

Тогда капитанъ на трехъ лодкахъ, наполненныхъ вооруженными матросами, попытался вновь выйти на берегъ, гдѣ до 900 дикихъ ожидали его. Они не воспрепятствовали ему выйти; но когда онъ сталъ просить ихъ бросить стрѣлы и булавы, они рѣшительно отказали, вопреки всѣмъ убѣжденіямъ пріятеля Европейцевъ, стараго Паованга, который совѣтовалъ имъ оказать это снисхожденіе посѣтителямъ. Дикари никакъ не измѣняли своего грознаго положенія, и когда Кукъ, желая ихъ испугать, приказалъ выстрѣлить изъ пушки, они въ отвѣтъ начали дразнить Англичанъ разными непристойными тѣлодвиженіями. Наконецъ надо было прибѣгнуть къ фальконетамъ и къ несравненно дѣйствительнѣйшей ружейной стрѣльбѣ, имѣвшей болѣе успѣха. Тогда только можно было спокойно начать работу; по песку провели нѣсколько полосъ, служившихъ границею между дикими и моряками; старикъ Паовангъ одинъ имѣлъ право переходить ее, прочіе островитяне, по прошествіи перваго страха, хотя и подходили къ ней, но не смѣли нарушить запрещенія.

Принятый съ ними способъ обращенія, то строгій, то снисходительный, помогъ наконецъ немного укротить этихъ буйныхъ дикарей. Довѣренность ихъ конечно не дошла до той степени, до которой доведены были всѣ народы Полинезійскаго племени, за то съ ними завели сношенія несравненно дружественнѣе, нежели съ какимъ либо другимъ Меланезійскимъ племенемъ. Старикъ Паовангъ былъ посредникомъ этихъ миролюбивыхъ сношеній, и обнаруживалъ всегда удивительную честность. Другой другъ Англичанъ былъ Ва-аку, тотъ самый молодой человѣкъ, который такъ презрительно надсмѣхался надъ своими соотечественниками, когда они въ испугѣ отъ пушечнаго выстрѣла бросились въ воду. Паовангъ былъ также чрезвычайно храбръ: въ немъ узнали того старца, который, для кражи тамбуля, перенесъ три ружейныя раны.

И такъ самые неустрашимые изъ туземцевъ, были со стороны Англичанъ. Ва-аку, замѣченный Кукомъ и Форстеромъ, описанъ послѣднимъ весьма лестнымъ для него образомъ. «Черты лица его были прекрасны,» говоритъ натуралистъ; «въ большихъ, необыкновенно быстрыхъ глазахъ и во всей его физіономіи выражалась пріятность, веселость и проницательность. Вотъ доказательство его понятливости. Капитанъ Кукъ и отецъ мой, сличая свои словари, замѣтили, что небо выражено было у нихъ двумя различными словами, и обратились къ Ва-аку, чтобы узнать которое изъ двухъ справедливо. Въ ту же минуту онъ протянулъ руку къ небу и положилъ ее на одно изъ двухъ словъ; потомъ зашевелилъ другою рукою подъ нимъ и произнесъ второе слово, давая намъ знать такимъ образомъ, что первое значило собственно твердь небесную, а второе облака, которыя движутся. Отъ него мы узнали также названія соседнихъ острововъ. За столомъ обращеніе его исполнено было пристойности и даже вѣжливости; одно только показалось намъ неопрятнымъ: онъ вмѣсто вилки употреблялъ маленькую палочку, которую носилъ въ волосахъ, и которою изрѣдка почесывалъ въ головѣ; волосы его уб-

раны были по принятому тамъ обыкновенію, т. е. взбиты на подобіе иглъ дикобраза и напитаны масломъ и краскою, и потому это еще болѣе казалось противнымъ; но онъ не думалъ вовсе, чтобъ въ этомъ заключалась какая нибудь невѣжливость.

По истеченіи нѣсколькихъ дней, недовѣрчивость жителей умѣрилась и дозволила наблюдателямъ совершить нѣкоторыя внутреннія обозрѣнія, иногда даже въ разстояніи трехъ или четырехъ миль отъ берега. Ученый Форстеръ осмотрѣлъ островъ въ различныхъ направленіяхъ безъ малѣйшаго препятствія со стороны жителей. Ему запретили приближаться только къ огнедышущей горѣ. Когда жители замѣчали, что онъ направлялся въ ту сторону, то преграждали дорогу и никакъ не позволяли продолжать путь. Можетъ быть, эта дорога вела къ одному изъ ихъ селеній, которое они хотѣли скрыть отъ Европейцевъ? Можетъ быть, суевѣріе содѣлывало для нихъ священнымъ приближеніе къ кратеру; какъ бы то ни было, Форстеръ встрѣчалъ непреодолимыя препятствія, и никакъ не могъ узнать причины ихъ. По сіе время изъ Европейцевъ, только одинъ Форстеръ осматривалъ Танну, съ остроуміемъ художника и вниманіемъ ученаго. Приводимъ отрывокъ собственнаго его разсказа.

«Съ 11-го на 12-е Августа, въ продолженіе цѣлой ночи волканъ ревѣлъ ужаснымъ образомъ, и представлялъ самое величественное зрѣлище. При изверженіяхъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ, не болѣе какъ черезъ три или четыре минуты, пламя и дымъ столбами вздымались къ небу. Съ корабля въ то же время видны были камни огромной величины, взлетавшіе изъ жерла, маленькіе столбы пара, выходящіе въ окружностяхъ горы, казались огнями, зажженными островитянами.

«Дымъ, подымавшійся огромными клубами, озарялся внутреннимъ огнемъ жерла; приставъ къ берегу: мы направились немного къ западу по узкой тропинкѣ, ведшей на крутой пригорокъ. Безъ труда мы прошли сквозь рощу, изъ прелестнѣйшихъ деревьевъ и кустовъ, разсаженныхъ самою природою, и наполнявшихъ воздухъ благоуханіемъ и свѣжестію; густая зелень украшалась различнаго рода цвѣтами; павилика обвивалась, какъ плющъ, вокругъ самыхъ высокихъ деревьевъ, и убирала ихъ до вершины голубыми и пурпуровыми гирляндами; множество различныхъ птицъ летали надъ нами и оживляли эту плѣнительную мѣстность. Ни одинъ туземецъ не попался намъ до первой извилины этой горы, и ни одна плантація не встрѣтилась на пути. Прошедши съ полмили, разными извилинами, мы достигли до маленькой прогалины, покрытой свѣжею травою, и окруженной прекраснѣйшими деревьями. Солнце сильно палило это мѣсто, защищенное со всѣхъ сторонъ отъ малѣйшаго вѣтра. Мы почувствовали сѣрные пары, выходившіе изъ земли; духота воздуха была нестерпима. Влѣво отъ тропинки, мы замѣтили, скрытое почти совершенно дикими фиговыми деревьями, возвышеніе бѣловатой земли, изъ котораго ежеминутно вырывались пары. Земля была напитана сѣрою и такъ раскалена, что нельзя было ступить на нее. Разрывъ ея нѣсколько, мы увидѣли, что пары пошли въ большемъ количествѣ, и что они имѣли стягивающее и вяжущее свойство, подобно квасцамъ. Вошедъ нѣсколько выше и достигнувъ другой площадки, совершенно безплодной, мы открыли два кратера, извергавшіе пары, но въ меньшемъ количествѣ и не столь сильнаго запаха. Земля, покрывавшая эти отдушины, была одного качества съ первою, и отъ наполнявшей ея сѣры, имѣла зеленоватый цвѣтъ. Мы набрали въ окрестностяхъ красной охры, которою островитяне раскрашиваютъ себѣ лице.

«Въ это время волканъ бушевалъ еще сильнѣе: при всякомъ изверженіи, дымъ выходилъ изъ окружныхъ отверзтій съ необыкновенною силою и образовывалъ густыя бѣлыя облака, что и доказывало, что они имѣли подземныя сообщенія съ огнедышущею горою, внутреннее волненіе которой дѣйствовало на нихъ видимымъ образомъ. Замѣтивъ, что уже въ другой разъ изверженіе волкана начиналось послѣ дождя, мы думали, что оно произведено дождемъ, который, можетъ быть, способствовалъ броженію находящихся въ немъ минеральныхъ веществъ. Осмотрѣвъ эти странныя отдушины (сольфатары) мы поднялись еще на нѣсколько шаговъ и открыли въ разныхъ частяхъ лѣса множество плантацій. Сойдя съ другой стороны пригорка, по узенькой тропинкѣ, среди камышевыхъ плетней, мы увидѣли между деревьевъ огнедышущую гору; казалось, оставалось не болѣе двухъ миль, чтобы достигнуть до нея чрезъ долины и пригорки. Из-

верженіе продолжалось, гора изрыгала въ облакахъ дыма огромные отколки скалъ: нѣкоторые изъ нихъ равнялись величиною съ нашей шлюбкой. Не встрѣтивъ на пути ни какого препятствія и не видя ни одного туземца, мы вознамѣрились къ ней приблизиться; но безъ сомнѣнія разговорами встревожили владѣльцевъ плантаціи; въ ту же минуту нѣкоторые изъ нихъ затрубили въ большія раковины, употребляемыя дикими, а въ особенности обитателями Южнаго океана, въ знакъ тревоги. Мы рѣшились тогда возвратиться назадъ.

«По полудни, мы обошли восточный берегъ, на который за два дня до того островитяне насъ не пускали. Нѣсколько Индійцевъ разговаривали съ нами пять или шесть минутъ, въ это время мы примѣтили человѣка, притаившагося за деревомъ, и державшаго въ рукахъ натянутый лукъ, съ стрѣлою, обращеною на насъ. Лишь только онъ замѣтилъ, что былъ открытъ и что въ него уже цѣлили ружьемъ, въ ту же минуту бросилъ въ кустарникъ свое оружіе, и на четверинкахъ поползъ къ намъ: я полагаю, что онъ точно не имѣлъ дурныхъ намѣреній, однако опасно было довѣрять подобнымъ шуткамъ. Мы намѣревались черезъ вершину продолжать нашъ путь, но были окружены десятками двумя жителей, которые неотступно умоляли насъ возвратиться. Мы не хотѣли было ихъ слушать, но они усиливая просьбы знаками, старались заставить насъ понять, что насъ тамъ убьютъ и съѣдятъ. Мы притворились, будто не понимаемъ, и полагаемъ что они намъ предлагаютъ ѣсть, изъявляя въ то же время согласіе принять ихъ предложеніе; но они употребили всевозможныя, старанія чтобъ разувѣрить насъ, выражая пантомимою, какъ они убиваютъ человѣка, отрѣзываютъ его члены, одинъ за другимъ, и отдѣляютъ мясо отъ костей; наконецъ они кусали себѣ руки, чтобы яснѣе убѣдить насъ, что они питаются человѣческимъ мясомъ.

«Не смотря на это, мы продолжали путь къ жилищу, лежащему на скатѣ и замѣченному нами шагахъ въ пятидесяти оттуда. Нѣсколько человѣкъ вышли съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы заставить насъ возвратиться. Тутъ мы почли необходимымъ умѣрить свое любопытство. Ежедневно мы точно слышали въ той сторонѣ рано утромъ торжественное и тихое пѣніе, продолжавшееся съ четверть часа, и полагали, что дикари отправляютъ богослуженіе; думали, что въ этихъ кустарникахъ скрывался какой нибудь храмъ; усиліе, съ которымъ туземцы желали насъ удалить, подтверждало наши догадки.

«Возвратясь, мы взошли на вершину близлежащей плацадки, возвышавшейся футовъ на сорокъ, и очутились въ обширной плантаціи, состоявшей наиболѣе изъ множества банановыхъ деревьевъ, перемѣшанныхъ съ кокосовыми и другими густыми деревьями, заграждавшими видъ со всѣхъ сторонъ. Плантація была обведена тростниковымъ плетнемъ въ родѣ употребляемыхъ въ Тонга. Островитяне возобновили угрозы, показывая намъ самыми выразительными знаками, что мы будемъ всѣ съѣдены, ежели пойдемъ далѣе. Мы бы должны были воротиться, если бы не встрѣтили пріятеля нашего Паованга. Мы изъявили обоюдно радость при этомъ свиданіи, и старикъ провелъ насъ тотчасъ по краю пригорка къ западной оконечности. Тутъ мы увидѣли множество фиговыхъ деревьевъ; дикіе обработываютъ ихъ для фруктовъ и листьевъ; мы нашли также прохладительные, кисловатые плоды *eugenia* и нѣсколько пальмовой капусты. Пройдя черезъ маленькій лѣсокъ цвѣтущихъ кустарниковъ, мы достигли до прелестной саваны, простирающейся на сто квадратныхъ туазовъ, на краяхъ которой мы увидѣли три жилища, высокія, украшенныя густою зеленью; деревья ограждали это убѣжище такъ, что снаружи оно вовсе не было замѣтно. На одномъ концѣ этого луга находилось удивительной величины дикое фиговое дерево: стволъ его имѣлъ девять футъ въ діаметрѣ, а вѣтви живописно простирались на сто двадцать футовъ, во всѣ стороны (Рис. XXIV. ф. 2). У подножія этого дерева, сохранявшаго еще всю красу и свѣжесть, сидѣло близъ огня семейство Индійцевъ; они жарили бананы и ямсъ. Увидѣвъ насъ, всѣ бросились бѣжать въ обиталище; но воротились, когда Паовангъ увѣрилъ ихъ, что имъ нечего опасаться. Женщины и дѣвушки стали какъ можно далѣе, и украдкою смотрѣли на насъ изъ-за кустарниковъ. Мы сѣли между Индійцами, и они предложили намъ раздѣлить съ ними ихъ яства, съ тѣмъ привѣтливымъ гостепріимствомъ, которое восхитило насъ на другихъ островахъ: жилища ихъ были простые, но довольно большіе сараи. Вершина крыши оканчивалась остріемъ; она

покрываетъ ихъ до земли; съ обоихъ концевъ находятся отверзтія, прикрытыя рѣшеткою изъ тростника и палокъ футовъ въ восемь вышины. Ширина самыхъ большихъ хижинъ отъ девяти до десяти футовъ, вышина почти столько же; длина ихъ доходила до тридцати пяти футовъ. Устройство этихъ обиталищъ весьма просто: въ землю всажены колья, въ два ряда переплетенные и связанные между собою: эти стѣны накрыты плетенками изъ кокосовыхъ листьевъ, что доставляетъ жилью достаточную защиту отъ непогоды. Мы не замѣтили въ этихъ домахъ никакой мебели или посуды. Полъ покрытъ сухими листьями, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рогожами изъ пальмовыхъ листьевъ; внутренность вся покрыта копотью отъ дыма; въ каждомъ жилищѣ по нѣскольку печей; посрединѣ три большіе шеста изъ кокосовыхъ вѣтвей, одинъ возлѣ другаго, соединенные на вершинѣ поперечными планками; множество маленькихъ палочекъ воткнуты были въ эти шесты, сверху донизу, послѣднія въ разстояніи десяти или девяти футовъ отъ земли; онѣ всѣ увѣшены были старыми кокосовыми орѣхами: вѣроятно такъ они сберегали орѣхи, изъ ядеръ которыхъ дѣлаютъ масло, а изъ скорлупы вырѣзываютъ браслеты.

Видя, что мы, осматривая ихъ жилища, не дѣлаемъ никакого вреда, не перемѣщаемъ и не беремъ вещей, туземцы скоро съ нами ознакомились; и мальчики отъ шести до четырнадцати лѣтъ, стоявшіе въ сторонѣ, подошли къ намъ и позволяли брать себя заруки. Мы дали имъ нѣсколько монетъ, шелковыхъ лентъ и платковъ, дѣланныхъ въ Таити; эти маленькіе подарки пріобрѣли намъ ихъ благорасположеніе и совершенно устранили ихъ страхъ и робость. Узнавъ имена ихъ, мы старались ихъ запомнить, и снискали ихъ дружбу этою хитростію; они очень довольны были, когда мы объ нихъ вспоминали, и на зовъ нашъ прибѣгали съ радостью. Проведя нѣсколько часовъ между ими, мы обратно направились къ берегу. Старикъ Навангъ, не желая насъ провожать, ибо солнце было уже на закатѣ, поручилъ двумъ или тремъ молодымъ людямъ сопровождать насъ ближайшею дорогою.

«Странное свойство жерла, находившагося на западномъ пригоркѣ, до того занимало наше вниманіе, что на другой же день, 12 числа утромъ, мы отправились туда съ нѣсколькими офицерами. Волканъ бушевалъ весь день и извергалъ неимовѣрное количество мелкой черной золы, которую разсмотрѣвъ ближе, мы признали за шерлъ въ видѣ полупрозрачныхъ иголъ. Вся земля была усѣяна этими частицами, и когда мы ботанизировали, онѣ много вредили нашимъ глазамъ, ибо листья были ими совершенно покрыты. Должно замѣтить, что волканъ съ его принадлежностями, кажется, значительно способствуетъ роскошному произрастенію этого острова. Многіе изъ растеній вдвое выше, нежели на другихъ островахъ; листья шире, цвѣты больше и запахъ ихъ сильнѣе.

«Вскорѣ мы достигли до перваго мѣста, откуда выходилъ дымъ; но увидѣвъ надъ собою туземцевъ, мы поднялись къ нимъ не останавливаясь. Это были тѣ самые люди, которые наканунѣ такъ хорошо угостили насъ; увидѣвъ насъ, они тотчасъ послали трехъ изъ своихъ соотечественниковъ во внутренность острова. Г. Ходжъ снялъ нѣсколько видовъ, въ то время какъ мы разсматривали растенія и вѣшали въ тѣни деревъ термометръ. На кораблѣ въ половинѣ девятаго часа, во время нашего отъѣзда, стоградусный термометръ показывалъ 25°, 6. Человѣкъ несшій термометръ, держалъ его близко къ тѣлу, и онъ поднялся до 30°, 6; но повисѣвъ минутъ пять на деревѣ, шагахъ въ тридцати отъ жерла, онъ остановился на 26°, 7. Мы прокопали въ землѣ отверзтіе, во всю длину термометра, и придерживая его на палкѣ, опустили въ эту ямку; чрезъ полминуты онъ поднялся до 78°. Мы оставили его тамъ еще минуты на четыре; но и по истеченіи этого времени, онъ все стоялъ на той же высотѣ. Паръ, исходившій изъ этого мѣста, былъ чрезвычайно горячъ. Жители, замѣтя, что мы копаемъ въ землѣ, просили насъ перестать, увѣряя, что земля воспламенится и что огонь будетъ подобенъ огню, называемому ими *Ассооръ*. Они, казалось, опасались несчастья, и были весьма встревожены при малѣйшемъ покушеніи съ нашей стороны расшевелить эту сѣрную землю. Взошедъ выше, мы открыли еще дымящееся мѣсто, того же свойства какъ и выше описанныя. Между тѣмъ посланники этихъ добрыхъ Индійцевъ возвратились, и принеся сахарнаго тростнику и кокосовыхъ орѣховъ, подчивали насъ также какъ наканунѣ утромъ. Послѣ этой закуски мы поднялись еще выше, на другой

замѣченный нами пригорокъ, откуда надѣялись видѣть волканъ ближе. Но, подходя къ плантаціямъ, были встрѣчены жителями, которые указали намъ дорогу, по словамъ ихъ, ведущую прямо къ волкану или ассоору. Нѣсколько миль шли мы по этой дорогѣ извилинами, заросшими лѣсомъ, который заграждалъ намъ видъ мѣстоположенія со всѣхъ сторонъ. Наконецъ достигли морскаго берега, откуда первоначально пустились въ путь; тутъ мы догадались, или лучше сказать, увѣрились, что дикіе употребили эту хитрость, чтобы удалить насъ отъ жилищъ своихъ.»

Во вторичномъ путешествіи своемъ на этотъ островъ, Форстеръ старался проникнуть въ одно изъ таинственныхъ убѣжищъ, откуда слышно было пѣніе, и снова не былъ допущенъ; но эта попытка была полезна хотя тѣмъ, что онъ собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о нравахъ островитянъ.

«Индійцы, говоритъ онъ, провели насъ по другой дорогѣ черезъ плодородныя и хорошо воздѣланныя плантаціи. Мальчики бѣжали впередъ, выказывая искусство свое въ военныхъ упражненіяхъ. Они ловко бросали вверхъ каменья, и вмѣсто дротика употребляли стебли толстой травы или зеленаго тростника. Дротикъ ихъ всегда попадалъ въ цѣль; они съ такою силою управляли тростникомъ, который отъ малѣйшаго вѣтра колеблется, что онъ вонзался въ дерево, иногда глубже нежели на дюймъ; они владѣли имъ, не дотрогиваясь до него пальцами, но держа его въ сгибѣ между большимъ пальцемъ и ладонью. Дѣти пяти или шести лѣтъ привыкали уже къ этому упражненію, приготовляясь быть полезными на войнѣ. Извилистою дорогою мы достигли до того мѣста, гдѣ женщины приготовляли свой обѣдъ, жаря ямсовые коренья на огнѣ, разложенномъ подъ деревомъ. Увидя насъ, онѣ испугались и пустились бѣжать; но проводники наши успокоили ихъ, и онѣ снова принялись за свои занятія. Мы расположились подъ деревомъ противъ одного жилища и старались завести разговоръ съ Индійцами; между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ нихъ отправились, чтобы принести намъ чего нибудь закусить. Я записалъ множество словъ на ихъ языкѣ, и мы съ удовольствіемъ удовлетворили ихъ любопытству о нашей одеждѣ, оружіи, и т. п. То были первые ихъ вопросы на счетъ этихъ предметовъ. Владѣльцы окрестныхъ плантацій, узнавъ о нашемъ прибытіи, собрались и окружили насъ толпою; они, казалось, были очень довольны, видя, что мы дружески и ласково разговаривали съ ними. Нечаянно я что-то сталъ напѣвать; они тотчасъ начали просить меня спѣть имъ что нибудь; ни одинъ изъ насъ не былъ музыкантомъ, но мы согласились на ихъ желанія, и пропѣли имъ нѣсколько пѣсень. Болѣе другихъ имъ понравились веселыя Нѣмецкія и Англійскія пѣсни; Шведскіе же напѣвы доктора Спармана пріобрѣли всеобщія похвалы. Когда мы кончили, то въ свою очередь просили ихъ доставить намъ также удовольствіе слышать ихъ пѣніе; одинъ изъ островитянъ запѣлъ въ ту же минуту весьма простую, но пріятную мелодію; до того времени мы не слыхали еще подобныхъ между обитателями Южнаго океана. Пѣсни ихъ составлены были изъ бо̀льшаго числа нотъ, нежели у Таитянъ и обитателей Тонга-табу; звуки имѣли какую то важность, отличавшую ихъ отъ нѣжнаго и сладострастнаго пѣнія другихъ островов. Слова, казалось, были писаны стихами и выговаривались пѣвцами свободно. Только что первый кончилъ, другой запѣлъ другую пѣсню; она различествовала отъ первой, но имѣла тотъ же отпечатокъ важности, составляющій общій характеръ этого народа. И точно, мы рѣдко видѣли, чтобъ они смѣялись или шутили, какъ жители острововъ *Дружества* и *Товарищества*, которые умѣютъ уже цѣнить эти увеселенья. Островитяне показали намъ музыкальный инструментъ, составленный изъ восьми тростниковыхъ лозъ, наподобіе свирѣли жителей Тонга-табу, съ тою разницею, что толщина тростниковыхъ трубочекъ постепенно и правильно уменьшалась, и что они составляли октаву, хотя въ звукахъ ихъ не было совершеннаго согласія.

Послѣ обѣда, сойдя на берегъ съ докторомъ Спарманомъ, мы отправились посѣтить жителей плоскаго холма. Нѣкоторые вышли къ намъ на встрѣчу и провожали насъ къ своимъ жильямъ. Только что мы сѣли съ главою одного изъ семействъ, человѣкомъ среднихъ лѣтъ и пріятной наружности, пріятели наши просили насъ опять пѣть. Мы охотно согласились. Увидѣвъ, что ихъ удивляетъ различіе нашихъ напѣвовъ, мы старались растолковать имъ, что мы разныхъ націй. Тогда указавъ намъ одного старика въ толпѣ слушателей, они сказали, что онъ родомъ изъ Коро-манго и просили его спѣть что нибудь.

Индіецъ вышелъ на средину и запѣлъ пѣсню, впродолженіе которой онъ дѣлалъ различныя тѣлодвиженія, что насъ очень забавляло, какъ и всѣхъ зрителей. Пѣніе его нисколько не походило на пѣніе островитянъ Танны, и было довольно пріятно. Оно, казалось, имѣло размѣръ, но отличный отъ того величественнаго и тихаго размѣра, который мы слышали утромъ. Когда онъ кончилъ, мы замѣтили, что жители Танна говорили съ нимъ его нарѣчіемъ, но что онъ не понималъ ихъ языка.

«Между тѣмъ какъ уроженецъ Коро-манго пѣлъ, женщины вышли изъ хижинъ и группами размѣстились вокругъ насъ. Онѣ вообще были ростомъ менѣе мужчинъ, и одѣты въ старыя юбки изъ травы и листьевъ, болѣе или менѣе длинныя, сообразно съ лѣтами этихъ дамъ. Тѣ изъ нихъ, у которыхъ были уже дѣти, т. е. женщины лѣтъ тридцати, были лишены пріятности и ловкости ихъ пола. Молодыя дѣвушки лѣтъ четырнадцати имѣли черты лица очень милыя, и улыбку, прелесть которой увеличивалась по мѣрѣ того, какъ онѣ переставали бояться насъ. Онѣ были стройны; руки ихъ отличались необыкновенною нѣжностію, а грудь была полна и кругла. Онѣ прикрывались только по колѣна. Волосы ихъ локонами развивались по головѣ, а зеленый банановый листъ, которымъ онѣ украшали голову, выгодно выказывалъ черный цвѣтъ ихъ волосъ. Въ ушахъ онѣ носили черепаховыя кольцы. Мы замѣтили, что число украшеній увеличивалось съ годами; самыя дурныя и старыя были увѣшаны ожерельями, подвѣсками, серьгами въ ноздряхъ и браслетами. Мнѣ казалось, что женщины повиновались малѣйшему знаку мужчинъ, которые не имѣли къ нимъ никакаго уваженія. На женщинахъ лежали всѣ вообще работы, и, можетъ быть, это было причиною ихъ малаго росту, ибо тягости, которыя онѣ носятъ и подинмаютъ, не всегда соотвѣтствуютъ ихъ силамъ.

Мы видѣли между жителями острова Танна образецъ привязанности, которая доказываетъ, что страсти человѣческія и добрыя качества во всѣхъ странахъ одинаковы. Дѣвочка лѣтъ восьми, пріятной наружности, смотрѣла на насъ изподтишка, чрезъ головы сидящихъ на землѣ Индійцевъ; замѣтивъ, что на нее смотрятъ, она тотчасъ побѣжала прятаться въ хижину. Я знаками просилъ ее воротиться, и чтобы склонить ее къ тому, показалъ ей кусокъ Таитской ткани; но это не помогло мнѣ заставить ее приблизиться. Отецъ ея всталъ и ласками побудилъ дѣвочку возвратиться. Я взялъ ребенка за руку и далъ ей матерію и кое-какія бездѣлки: радость и удовольствіе выразились на лицѣ отца. «Мы остались до заката солнца между островитянами. Они пѣли и забавляли насъ разными опытами ловкости. По просьбѣ нашей, они пускали стрѣлы на воздухъ и въ цѣль, съ удивительною ловкостью, хотя и не на дальнее разстояніе; булавами, они отражали стрѣлы противниковъ, почти также какъ и Таитяне. По словамъ ихъ, булавы съ боковымъ остріемъ въ видѣ вымпела, они получаютъ съ плоскаго острова, называемаго ими Иммеромъ. Но мы не могли дознаться, дѣлаютъ ли ихъ жители, или островъ этотъ необитаемъ, и они ѣздятъ только туда для сбиранія раковинъ и рубки лѣса.

«Передъ отбытіемъ, женщины зажгли огни внутри и снаружи жилищъ и принялись готовить ужинъ. Индійцы стремились къ этимъ огнямъ; казалось, что вечерній воздухъ былъ слишкомъ прохладенъ для ихъ нагаго тѣла. У многихъ изъ нихъ на верхней вѣкѣ была опухоль; мы приписали ее дѣйствію дыма, въ которомъ они безпрестанно сидятъ; она до того мѣшала имъ смотрѣть, что эти люди должны закидывать голову совсѣмъ назадъ, чтобы глазъ находился въ горизонтальномъ положеніи съ предметомъ, который они хотѣли видѣть. Многіе мальчики, лѣтъ восьми или шести, имѣли эту опухоль, что заставило насъ думать, что она переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому.»

Послѣ Форстера и Спармана, Кукъ самъ пытался достигнуть до огнедышущей горы. Онъ отправился 14 числа утромъ, къ пригорку, гдѣ натуралисты замѣтили дымящіяся сопки. Опять закопали въ землю термометръ. На открытомъ воздухѣ онъ показывалъ 26°, 7, но въ горячемъ пескѣ поднялся до 98°, то есть, почти до степени кипящей воды. Поверхность этой раскаленной почвы простиралась на четыре или пять квадратныхъ саженъ; роскошное фиговое дерево покрывало тѣнью своею это пространство земли снѣдаемой внутреннимъ огнемъ. Путешественники встрѣчали изрѣдка домики жителей и воздѣланныя земли. Для обработыванія земли, покрытой лѣсомъ, жители обрѣзали вѣтви большихъ деревъ, потомъ подкапывали зем-

лю подъ корнями и обращали все въ пепелъ.

Дикій, встрѣтившійся Спарману и Форстеру, предложилъ служить имъ проводникомъ; на перекресткѣ двухъ тропинокъ, другой туземецъ, менѣе услужливый, вооруженный пращемъ и камнемъ, заслонилъ имъ дорогу. Направленное на него дуло ружья заставило его уронить изъ рукъ оружіе; но онъ началъ кричать, и на крики его прибѣжали трое мужчинъ и молодая женщина, вооруженная дубиною. Они повели путешественниковъ на вершину пригорка, и оттуда, указывая путь, ведущій къ кораблю, просили ихъ возвратиться туда. Не менѣе того, Англичане рѣшившись продолжать свое предпріятіе, не хотѣли оставить прежняго направленія. Проводникъ покинулъ ихъ; они одни взлѣзли на другую гору, которая казалась почти смежною съ огнедышущею. Ожиданіе это было обмануто; они были еще очень далеко отъ цѣли странствованія, почти также далеко, какъ и въ минуту отправленія, множество горъ отдѣляли ихъ отъ волкана. Неудача нѣсколько охолодила изыскателей; они думали уже возвратиться, какъ вдругъ нѣсколько дикихъ явились съ оружіемъ и заставили ихъ силою привести въ исполненіе отступленіе, на которое они рѣшались добровольно. Однако все уладилось. Лишь только путешественники направились къ берегу, люди эти сдѣлались совсѣмъ другими; они указывали Англичанамъ дорогу и предложили имъ кокосовыхъ орѣховъ, банановъ и сахарнаго тростнику. Впрочемъ это было послѣднее покушеніе приблизиться къ огнедышущей горѣ.

16 числа, явился на берегу дикій, по имени Іогай; его называли королемъ острова, или арики. Кукъ вышелъ на берегъ, чтобы видѣть его и сдѣлать ему нѣсколько подарковъ; онъ принялъ ихъ и удалился. То былъ человѣкъ престарѣлый съ открытымъ и улыбающимся лицемъ. Ничто, казалось, не обнаруживало его сана, кромѣ пояса, который испещренъ былъ черными и красными узорами, тогда какъ у другихъ островитянъ онъ былъ весь коричневo-желтоватаго цвѣта. Впрочемъ старикъ Паовангъ вовсе не изъявлялъ уваженія, должнаго званію этого человѣка. Съ начальникомъ былъ сынъ его, лѣтъ сорока. Толпа пришедшихъ съ нимъ туземцевъ покрывала берегъ.

Могущество этихъ начальниковъ осталось загадкою для Кука. Одинъ изъ нихъ не имѣлъ даже довольно власти надъ присутствующими островитянами, чтобы заставить одного взлѣсть на вершину кокосоваго дерева, съ котораго онъ хотѣлъ имѣть нѣсколько орѣховъ. Тщетно обращавшись ко многимъ другимъ, онъ наконецъ рѣшился самъ взлѣсть чтобъ исполнить желаемое. Мщеніе къ ослушавшимся его людямъ обнаружилось только тѣмъ, что не оставилъ на деревѣ ни одного орѣха. Онъ сорвалъ всѣ и отдалъ ихъ матросамъ. Впрочемъ оба старшины безъ церемоніи напросились обѣдать за столомъ Кука: оба съ аппетитомъ кушали овощи, но соленаго вовсе не ѣли.

На другой сторонѣ бухты, Форстеръ нашелъ источники горячей воды, въ которыхъ ртуть поднималась до 88 и 95°. Нѣсколько чернокожныхъ животныхъ, брошенныхъ въ него, сварились въ двѣ или три минуты. Вода бьетъ здѣсь ключемъ черезъ черноватый песокъ, у самой подошвы крутаго утеса, соединяющагося съ дымящимися горами; она стремится по направленію къ морю, которое, во время прилива, доходитъ до этого мѣста и поглощаетъ ее.

Царствовавшее съ нѣкотораго времени между островитянами и Европейцами согласіе едва не нарушилось несчастнымъ приключеніемъ. Англійскій лагерь, расположенный на островѣ, былъ обведенъ демаркаціонною линіею, которую часовые охраняли отъ нападенія дикихъ. Однажды пять или шесть туземцевъ непремѣнно хотѣли перейти черту; часовой выстрѣлилъ и убилъ одного, но не того, который былъ виноватъ. Кукъ сдѣлалъ солдату строгій выговоръ; выговора недостаточно было, чтобы уладить дѣло. Къ счастью, островитяне казались болѣе опечалены, нежели озлоблены; чтобъ обезоружить ужасныхъ чужестранцевъ, они принесли на берегъ плоды и не старались удержать въ залогъ или какъ жертву Форстера, который находясь въ то время въ похожденіяхъ на островѣ, былъ совершенно въ ихъ власти. Форстеръ возвратился невредимъ. Встрѣтивъ на дорогѣ двухъ островитянъ, которые несли трупъ соотечественника своего, онъ слышалъ отъ нихъ вмѣсто жалобы одно только слово *марkомъ* (онъ умеръ).

Кукъ выѣхалъ изъ гавани острова Танны 21 Августа, обогнулъ землю съ южной стороны, видѣлъ низкій островъ Иммеръ, высокіе острова Ерронанъ и Аннатомъ, и потомъ

направился къ с. зап. На слѣдующій день онъ плылъ вдоль западнаго берега Сандвичева острова, и обошелъ на разстояніи полумили юго-восточную оконечность Малликоло, берегъ котораго усѣянъ былъ островитянами. Вслѣдъ засимъ онъ проходилъ между Малликоло и Землею Св. Духа, плывя около сей послѣдней по всей восточной ея части; потомъ, 24 вечеру, направился къ сѣверной ея оконечности. Судно его лавировало впродолженіе двухъ дней, въ намѣреніи попасть въ обширную бухту, глубоко врѣзывающуюся въ берегъ. Тутъ показалось нѣсколько байдаръ; но объятые страхомъ островитяне не смѣли подходить близко. Эти люди были нагіе, за исключеніемъ пояса, къ которому были подвязаны широкіе листья, прикрывавшіе ихъ до колѣнъ. Островитяне были черны, весьма худощавы, и имѣли завитые короткіе волосы.

26 числа, около полудня, судно находилось не болѣе какъ въ двухъ миляхъ отъ залива; Кукъ отправилъ двѣ лодки для обозрѣнія. Жители опять отважились слѣдовать за судномъ въ челнокахъ, но никакъ не хотѣли подойти; только издалека они приняли сдѣланные имъ подарки, и отвѣчали какъ умѣли на всѣ вопросы.

Офицеръ посланный для обозрѣнія, разсказывалъ, что выйдя на берегъ, нашелъ тамъ рѣку, достаточно глубокую для плаванія лодокъ. Обстоятельство это было характеристическое: Кукъ не могъ ошибиться. Вѣроятно, заливъ этотъ былъ тотъ самый, который Квиросъ назвалъ заливомъ Св. Іакова и Св. Филиппа, и гдѣ онъ построилъ мнимый свой городъ Новый Іерусалимъ. Англійскій капитанъ не искалъ новыхъ доказательствъ для подтвержденія этого сходства. Съ наступленіемъ ночи, онъ выѣхалъ изъ залива, весь западный берегъ котораго, казалось, освѣщенъ былъ огнями, отъ прибрежія до самой вершины горъ. Изъ этого заключили, что вѣроятно дикари выжигали землю для удобренія. Наконецъ, 1 Сентября Кукъ потерялъ изъ виду острова, которымъ онъ далъ названіе Ново-Гебридскихъ и донынѣ сохранившееся.

Таковы похожденія Кука. Мы должны были разсказать ихъ обстоятельно и со всѣми подробностями, потому что онъ одинъ хорошо обозрѣлъ этотъ важный архипелагъ. Въ 1793 году д'Антркасто довольствовался здѣсь быстрымъ обзоромъ; онъ видѣлъ острова Ерронанъ, Аннатомъ и Танна, гдѣ огнедышущая гора была узнана по большому неподвижному облаку, среди чистаго голубаго горизонта. Хотя Крузенштернъ и говоритъ, что Головнинъ приставалъ къ острову Танна въ 1809 году, но записки его объ этомъ намъ вовсе не извѣстны. Наконецъ въ 1827 году капитанъ Дюрвиль проходя въ южной части группы, повѣрилъ положеніе Ерронана, и шелъ ближе, нежели кто либо изъ предшественниковъ, отъ острова Аннатомъ. Время не позволило ему подробно заняться этимъ частнымъ обозрѣніемъ.

ГЛАВА XIII.

Острова Ново-Гебридскіе — Географія. Нравы.

Архипелагъ Ново-Гебридскій образуетъ узкую цѣпь, простирающуюся почти на 120 лигъ отъ N. N. W. къ S. S. O., между, 15° и 20° южной широты, и между 164° и 168° долготы къ востоку отъ Парижа. Онъ состоитъ изъ девяти большихъ острововъ и множества меньшихъ. Въ немъ находятся, начиная съ юга:

Аннатомъ, открытый Кукомъ въ 1774 году, видѣнный потомъ въ 1793 Г. Д'Антркасто, и осмотрѣнный въ 1827 Дюрвилемъ: земля состоитъ изъ высокихъ горъ съ весьма узкимъ прибрежіемъ, въ особенности съ сѣверной стороны. Прибрежіе покрыто кокосовыми и множествомъ другихъ деревъ, съ бѣловатыми и обнаженными штамбами. Г. Дюрвиль относитъ ихъ къ роду *mela-leuca leucadendron*, изъ котораго добываютъ каяпутовое масло. Во всей этой части не было никакого признака обитаемости. Протяженіе до десяти миль отъ востока къ западу, и до шести миль въ ширину. Западная оконечность лежитъ подъ 20° 11' южной широты и 167° 15' восто. долготы.

Ерронанъ, открытый Кукомъ въ 1774, увидѣнный вторично Г. д'Антркасто въ 1793 и Дюрвилемъ въ 1827 году, островъ высокій, имѣющій видъ отдѣльнаго усѣченнаго конуса, съ крутыми краями. По словамъ Форстера, жители сходствуютъ съ типомъ Полинезійскимъ. Островъ имѣетъ въ окружности пять миль. Высшая точка его лежитъ подъ 19° 31' южной широты и 167° 46' восточной долготы.

Иммеръ, открытый въ 1774 году Кукомъ, маленькій, низенькій островокъ, въ двѣ или три мили окружности; подъ 19° 21' южной широты и 167° 10' восточ. долготы.

Танна, открытый въ 1774 году Кукомъ, вторично видѣнный въ 1793 г. д'Антркасто. Высокій островъ, значительно населенный, имѣющій около 22 миль съ N. N. W. къ S. S. O.; и до девяти миль въ ширину. Онъ лежитъ отъ 19° 20' до 19° 40' южной широты, и отъ 165° 53' до 167° 10' восточной долготы.

Островитяне Танна, бронзоваго цвѣта, худощавы, костлявы, малы ростомъ и тонки. Носъ у нихъ широкій, глаза большіе, имѣющіе пріятное выраженіе; черты лица обнаруживаютъ живость и умъ. Почти всѣ, по словамъ Кука, имѣли физіономію открытую, мужественную и честную; весьма немногіе были не такъ счастливо одарены и казались злыми и коварными. Легкіе и проворные, туземцы владѣли оружіемъ съ ловкостью; но сберегая всѣ силы свои для военнаго времени, предоставляли женщинамъ попеченіе о трудныхъ работахъ. На берегу женщины безпрестанно проходили, обремененныя тяжкими ношами; мужчины носили одно только оружіе.

Женщины острова Танна малорослы и довольно красивы въ молодости. Глаза ихъ выражаютъ нѣжность и доброту; поступь не лишена пріятной ловкости (Рис. XXVI. ф. 1). Одежда мужчинъ состоитъ изъ передника, который вмѣсто того чтобы прикрывать ихъ наготу, еще болѣе выказываетъ ее. «Они походятъ, говоритъ Форстеръ, на бога хранителя вертоградовъ, въ Греческой миѳологіи.» Женщины обертываются кускомъ ткани изъ банановыхъ волоконъ, покрывающимъ ихъ отъ пояса до колѣнъ.

Кромѣ обыкновеннаго татуированія, производимаго накалываніемъ, здѣсь употребляютъ другое татуированіе, посредствомъ нарубокъ или нарѣзокъ. Они вырѣзываютъ мясо бамбукомъ или острою раковиной; потомъ прикладываютъ особенное растеніе, чтобы приподнять кожу, пока рана не заживетъ. Татуированіемъ изображаютъ обыкновенно цвѣты, животныхъ, или фантастическія фигуры; подобное украшеніе здѣсь въ большой чести.

Оба пола употребляютъ еще различныя притиранья, то чернаго свинцоваго цвѣта, то красноватыя, иногда красныя или коричневыя; они размазываютъ ихъ на лицѣ, на шеѣ и на плечахъ, косвенными полосами въ два или три дюйма ширины. Бѣлая краска очень рѣдко употребляется; случается, что одна половина лица разрисована краснымъ, тогда какъ другая вся покрыта черною краскою.

Волосы, отъ природы курчавые и завитые, черные или темнорусые, бываютъ раздѣлены на маленькіе клочки, и въ нижней части имѣютъ видъ скрученныхъ веревочекъ. Чтобы достигнуть этого, островитяне изрѣдка навертываютъ ихъ на тоненькое растеніе. Другіе, предоставляя прическу свою природѣ, связываютъ только волосы зеленымъ листомъ, пучками на верхушкѣ головы; въ этотъ шиньонъ втыкаютъ иногда маленькую палочку, чтобы чесать ею голову (большею частію преисполненную насѣкомыми); кромѣ того, носятъ еще маленькую бамбуковую тросточку, украшенную птичьими перьями. Нѣкоторые изъ туземцевъ носятъ шляпы плетеныя изъ банановыхъ листьевъ. У женщинъ волосы вообще коротки, также какъ у молодыхъ людей, до совершеннолѣтія. Борода мужчинъ коротенькая и густая; иногда они расчесываютъ ее на скрученные клочечки, точно такъ какъ волосы (Рис. XXVI. ф. 2).

Мужчины и женщины обвѣшаны браслетами, ожерельями, серьгами и амулетами. Украшенія эти выдѣлываются изъ грубаго камня, изъ раковинъ, черепахи, орѣховой и кокосовой скорлупы, или просто изъ полированныхъ кусочковъ дерева, смотря по состоянію. Островитяне въ особенности предпочитаютъ зеленый нефритъ, привезенный Англичанами изъ Новой Зеландіи. Хрящъ, раздѣляющій ноздри, проткнутъ, и въ отверстіе продѣтъ цилиндрическій камень, или кусокъ бамбука въ полдюйма толщиною.

Туземцы не имѣли ни какаго понятія объ употребленіи желѣза до прибытія Европейцевъ, и отъ того сначала пренебрегали имъ. Но узнавъ пользу его, во время пребыванія Англичанъ, они мало по малу начали оказывать желаніе пріобрѣтать этотъ металлъ. Достойно примѣчанія, что каменные топоры ихъ походятъ наружнымъ видомъ болѣе на обыкновенные топоры, нежели на сѣкиры Полинезійскихъ племенъ.

Промышленость ограничивается здѣсь обработываніемъ земли, выдѣлываніемъ тканей, цыновокъ и оружія, и сооруженіемъ домовъ и челноковъ. Челноки и домы очень ху-

до построены; оружія состоятъ изъ копій, дротиковъ, луковъ и булавъ, но любимое есть дротикъ, на трехъ-угольной оконечности котораго находятся острыя бородки: они бросаютъ его посредствомъ плетеннаго шнурочка длиною въ шесть дюймовъ, съ петлею на одномъ концѣ и съ узломъ на другомъ. Указательный палецъ правой руки кладется въ петлю, а другой конецъ обвертывается вокругъ дротика, между тѣмъ какъ этотъ поддерживается большимъ пальцемъ и другими, чтобъ дать ему желаемое направленіе. Полетъ понуждается указательнымъ пальцемъ, и когда дротикъ вылетитъ, шнурокъ остается на пальцахъ. Этими дротиками, они убиваютъ птицъ и рыбъ на разстояніи отъ 20 до 30 футовъ, попадаютъ въ цѣль величиною въ 6 дюймовъ и никогда не даютъ промаха; но на двойномъ разстояніи, рѣдко уже попадаютъ въ цѣль, не смотря на то, что дротики могутъ пролетать болѣе сорока саженъ.

Молодые люди обыкновенно употребляютъ пращи и луки; люди же возмужалые дротики и дубины. Луки ихъ сдѣланы изъ прекраснаго дерева казуарина, вмѣстѣ крѣпкаго и упругаго; отъ времени до времени они смазываютъ ихъ масломъ, чтобы поддерживать ихъ гибкость. Булавы бываютъ пяти или шести различныхъ видовъ; предпочитаются длинныя въ 4 фута, съ ручкою изъ округленныхъ узловъ, и съ покрытымъ колючками шаромъ на оконечности; другія различной длины имѣютъ то узелъ съ боку, то остріе особеннаго вида. Между этимъ оружіемъ, есть одно, которое можно назвать карманною булавою: это кусокъ коралла длиною въ десять дюймовъ, которымъ иногда бросаютъ въ непріятеля.

Занятія кухонныя предоставлены женщинамъ; онѣ пекутъ и жарятъ ямсъ и бананы, варятъ зеленые листы фиговаго дерева и *hibiscus esculentus*, готовятъ пуддинги изъ тѣста, сдѣланнаго изъ банановъ и таро съ примѣсью миндаля и листьевъ. Множество различныхъ фруктовъ употребляются въ пищу, безъ всякаго приготовленія. Ѣдятъ свинину и птицъ; но рыбы и устерсы составляютъ основу пищи. Другаго питья не употребляютъ, кромѣ воды съ кокосовымъ молокомъ.

Ничего не дознано касательно образа правленія. Есть вожди, власть которыхъ, кажется, весьма ограничена. Только старику Іогаю оказывалось нѣкоторое почтеніе. Въ окрестностяхъ залива, осмотрѣннаго Кукомъ, жители не признавали надъ собою ни чьей власти. Въ каждой деревушкѣ обитали нѣсколько семей во взаимной враждѣ и всѣ ходили съ оружіемъ. Форстеръ ошибочно полагаетъ, что число жителей острова Танны простирается до 20,000; врядъ ли оно доходитъ до половины. О религіи, не смотря на всѣ изысканія, не удалось ничего узнать; не извѣстно, имѣютъ ли эти люди какую нибудь религію. Полагаютъ, что пѣсни, которыя слышались каждое утро на восточномъ берегу, были не что иное, какъ молитвы.

Когда дикіе видѣли что нибудь новое, они восклицали *гибу!* Этимъ же словомъ выражалось удивленіе и желаніе; они придавали ему особенное значеніе выговоромъ, и иногда, произнося его, щелкали пальцами. Форстеръ полагаетъ, что ихъ языкъ столько же отличается отъ Тонгайскаго нарѣчія, сколько отъ Маликолайскаго: большая часть словъ состоитъ изъ звуковъ гортанныхъ и хриплыхъ, впрочемъ звонкихъ, преисполненныхъ гласными и довольно легко выговариваемыхъ. Географическія познанія островитянъ не простирались далѣе Коро-манго; они не знали ни Маликоло, ни Апи, ни даже гораздо ближайшаго къ нимъ Сандвича.

Главныя произведенія острова суть: плодъ хлѣбнаго дерева, кокосовый орѣхъ, какой-то фруктъ, похожій на персикъ, но въ пищу негодный, ямсъ, пататъ и дикія фиги. Плоды хлѣбнаго дерева, кокосы и бананы не столь хороши и не такъ изобильны, какъ въ Таити; но сахарный тростникъ произрастаетъ роскошно и замѣчателенъ качествомъ и ростомъ. Найденъ корень ямса въ пятьдесятъ шесть фунтовъ вѣсомъ! Свиней много, но дворовыя птицы рѣдки. Лѣсныхъ птицъ не такъ много какъ въ Таити, за то здѣсь онѣ ярче цвѣтомъ перьевъ; у береговъ этого острова Англичане нашли неимовѣрно богатую рыбную ловлю. Форстеръ замѣтилъ, что въ лѣсахъ водилось множество растеній, которыхъ нѣтъ въ Таити; изъ нихъ одни можно отнести къ разряду Азіятскихъ; другія принадлежали собственно этимъ группамъ.

Натуралисты, путешествовавшіе съ Кукомъ, сдѣлали подробное изслѣдованіе геологическаго состоянія почвы острова Танны. — «Разсмотрѣнныя нами скалы», говоритъ Форстеръ, «составлены большею частію изъ нѣкотораго рода глинистаго камня, съ

примѣсью мѣла. Камень сей обыкновенно темнаго или желтоватаго цвѣта; онъ лежитъ горизонтальными слоями около шести дюймовъ толщиною. Во многихъ мѣстахъ мы замѣтили камень черный и мягкій, составленный изъ золы и хорла изверженныхъ волкановъ, съ примѣсью глины или особеннаго рода триполи, называемой пемзою. Это вещество лежитъ иногда перемежающимися слоями съ чернымъ камнемъ. Волканическій песокъ, смѣшанный съ черноземомъ, составляетъ лучшую почву острова, на которой, какъ я уже сказалъ, прозябеніе изобильно. Дѣйствіе волкана безъ сомнѣнія причиняетъ большія перемѣны въ минеральныхъ его произведеніяхъ, и въ этой части острова мы бы конечно сдѣлали какія нибудь открытія, если бы жители не препятствовали намъ. Мы нашли самородную сѣру, въ бѣлой землѣ, которая покрываетъ солфатары, изрыгающія водяные пары. Здѣсь почва, сильно напитанная квасцами, содержитъ также соляныя частицы. Поблизости замѣтили красныя накипи; сверхъ того, жители украшаютъ хрящъ между ноздрями бѣлымъ камнемъ (селенитомъ). Попадались весьма большіе куски лавы, но не въ значительномъ количествѣ; къ жерлу волкана намъ не удалось приблизиться.

Островъ *Коро-манго*, открытый Кукомъ въ 1774. отстоитъ отъ Танны не болѣе двадцати миль къ сѣверу. Почва его довольно высокая; на восточной сторонѣ образуется пространный заливъ, съ низменными берегами; окрестности его кажутся довольно плодородны; съ двухъ сторонъ тянутся обширные и живописные лѣса; съ южной стороны почва представляетъ обширную хорошо воздѣланную отлогость. Островъ имѣетъ двадцать миль протяженія отъ N. къ S. и почти столько же отъ O. къ W. Ю. шир. отъ 18° 40' до 19° 2', в. долг. отъ 166° 30' до 166° 50'.

Жители этого острова вмѣстѣ съ жителями другихъ острововъ, лежащихъ отъ него на югъ, составляютъ племя, отдѣльное отъ племени, обитающаго на сѣверныхъ островахъ, и говорятъ другимъ языкомъ. Ростомъ они не велики, но хорошо сложены; ихъ лица довольно пріятны; цвѣтъ кожи весьма темный; лице красятъ черною или красною краскою, и завиваютъ волосы. Путешественники мало видѣли здѣсь женщинъ, и тѣ были весьма дурны собою; онѣ носятъ короткую юбку изъ листьевъ, а мужчины не имѣютъ другой одежды кромѣ поясовъ. Домы покрыты пальмовыми листами, а плантаціи окружены камышевыми плетнями.

Сандвичъ, открытый Кукомъ въ 1774 г., лежитъ въ двадцати двухъ лигахъ на N. N. W. отъ предыдущаго; имѣетъ въ окружности 22 лиги; самое большее его протяженіе 10 лигъ отъ S. O. къ N. W. Этотъ островъ, одинъ изъ красивѣйшихъ въ группѣ, представилъ Англичанамъ виды восхитительные. Луга и деревья покрыты самою яркою зеленью; въ тѣни высокихъ пальмъ укрывались красивыя хижинки; на прибрежьи лежали вытащенныя изъ моря байдары. Въ другихъ мѣстахъ густыя лѣса, и поля желтыя и обработанныя, напоминали правильное размѣщеніе деревъ и посѣвовъ въ Европейскихъ мызахъ. Ю. ш. отъ 17° 34' до 17° 54', в. дол. отъ 165° 47' до 166° 15'.

Гинчинбрукъ, открытый въ 1774 г. Кукомъ; небольшой островокъ у сѣверо-западныхъ береговъ Сандвича. Ю. ш. 17° 31', в. д. 166° 6'.

Монтегю, открытый Кукомъ въ 1774, не великъ, но высокъ и населенъ; лежитъ въ пяти или шести миляхъ на сѣверъ отъ Сандвича. Ю. ш. 17° 26' в. долг. 165° 57'.

Монументъ, открытый Кукомъ въ 1774, черноватая скала, съ трещинами, покрытая немногими кустами, вышиною въ 25 саженъ. Ю. ш. 17° 16', в. долг. 166° 3'.

Два холма, открытъ Кукомъ въ 1774; небольшой островокъ, составленный изъ двухъ отвѣсныхъ холмовъ, соединенныхъ низкимъ и узкимъ перешейкомъ; протяженіе его неболѣе мили или двухъ. Ю. ш. 17° 16', в. долг. 166' 1'.

Три холма, открытъ Кукомъ въ 1774; имѣетъ въ окружности четыре лиги; такъ названъ отъ трехъ холмовъ, имѣющихъ форму пиковъ; онъ лѣсистъ и населенъ дикими, похожими на Маликолайцевъ. На S. O. отъ него въ близкомъ разстояніи находится плоскій островокъ, а на N. W. въ пяти миляхъ рифы, о которые дробится бурунъ. Ю. ш. 17° 3'. в. д. 165° 57'.

Стеффердъ, открытъ Кукомъ въ 1774. Эта группа островковъ разной величины; они населены и тянутся на пять миль отъ S. O. къ N. W.

Апи, открытъ Кукомъ въ 1774, имѣетъ въ окружности двадцать лигъ, а протяженія восемь отъ N. W. къ S. O. Возвышенъ, го-

ристъ, изрѣзанъ долинами и лѣсами, и населенъ, какъ должно думать по дыму, который былъ видѣнъ на немъ. Его S. O. оконечность лежитъ подъ 16° 50' ю. ш. и 166° 5' в. д.

Паумъ, открытъ Кукомъ въ 1774, значительно высокъ, и представляетъ форму скирды сѣна. Протяженія его не болѣе четырехъ лигъ. Кукъ полагаетъ, что онъ раздвоенъ узкимъ каналомъ. Онъ обитаемъ. Восточная оконечность лежитъ подъ 16° 27' ю. ш. и 165° 51' в. долг.

Амбримъ, окрытый въ 1768 г. Бугенвилемъ, и усмотрѣнный Кукомъ въ 1774; имѣетъ въ окружности около семи лигъ; берега низменны, но постепенно возвышаются до горы средней высоты, находящейся посреди острова. Около этой горы былъ замѣченъ дымъ, что и заставляетъ думать, что она заключаетъ волканъ. *Амбримъ* почитается многолюднымъ. Юго-восточная его оконечность лежитъ подъ 16° 18' ю. ш. и подъ 165° 55' в. долг.

Духова-дня (Pentecôte), открытый Бугенвилемъ въ 1768 г. и видѣнный Кукомъ въ 1774, высокъ и покрытъ лѣсомъ, за исключеніемъ обработанныхъ земель, которыхъ много; онъ имѣетъ не менѣе тридцати трехъ миль отъ N. къ S. и миль 8 или 10 въ ширину. Спутники Кука замѣтили ночью, что лѣса горѣли, и заключили изъ этого, что жители занимались разработкою земли. Ю. ш. 15° 26' до 15° 58'; в. долг. 165° 50'.

Аврора, открытый Бугенвилемъ въ 1768, и усмотрѣнный Кукомъ въ 1774, высокъ и населенъ; онъ имѣетъ до одиннадцати лигъ отъ N. къ S. и четыре или пять въ ширину. Отъ морскаго берега до вершины горъ покрытъ лѣсомъ; всѣ долины его перерѣзаны ручьями. Центральный пикъ весьма высокъ. Ю. ш. отъ 14° 51' до 15° 22'; в. долг. отъ 165° 47' до 165° 53'.

О. *Прокаженныхъ*, открытый Бугенвилемъ въ 1768, усмотрѣнъ Кукомъ въ 1774. Высокій, населенный, овальной формы онъ имѣетъ въ окружности до 20 лигъ. Вся сѣверо-восточная его сторона показалась Форстеру менѣе возвышенною, нежели остальная часть; она покрыта различными деревьями, между коими было множество пальмъ. Великолѣпные каскады низвергались съ горъ. Ю. ш. 15° 24', в. д. 165° 27' (вершина горы).

Маликоло, открытый Квиросомъ въ 1606, увидѣнный Бугенвилемъ въ 1768 и Кукомъ въ 1774. Этотъ большой и прекрасный островъ имѣетъ 18 лигъ отъ N. W. къ S. O. и 6 или 7 въ ширину. Кукъ представляетъ его плодороднымъ и многолюднымъ. Почва, образуя въ центрѣ острова цѣпь горъ средней высоты, постепенно склоняется къ берегамъ. У юго-восточной оконечности лежитъ портъ Сандвичъ, а нѣсколько южнѣе три островка, именуемые *Маскелинами*. Ю. ш. отъ 15° 50' до 16° 36', в. долг. отъ 164°47' до 165° 26'.

По описанію Кука, жители этого острова малорослы, бронзоваго цвѣта, съ продолговатою головою и плоскимъ лицемъ; они болѣе похожи на обезьянъ, нежели на людей, не столько физіономіею, сколько слабостію и неправильностію сложенія. Ихъ волосы черные или темные, короткіе, курчавые, хотя не шерстяистые; бороды густыя, черныя и короткія. Природное безобразіе этихъ людей еще увеличивается отъ веревочнаго пояса, которымъ они такъ стягиваются, что тѣло перерѣзано какъ тѣло муравья; что весьма непріятно для глаза.

Мужчины не носятъ другой одежды, кромѣ листьевъ или куска рогожи подъ брюхомъ. Женщины, красотою не лучше мужчинъ, намазываютъ красною краскою голову, лице и плечи.

Украшенія и оружія этого племени такія же какъ и у жителей Танны. Языкъ показался Форстеру совершенно различнымъ отъ языковъ, дотолѣ имъ изученныхъ. Особенно повторялся звукъ *брр* съ сильнымъ на него удареніемъ; такъ напримѣръ одинъ изъ островитянъ, съ которыми ознакомились Англичане, назывался *Мамбррумъ*, другой *Бономъ-брруай*; свинья на ихъ языкѣ *броа*, часто повторяли они слово *томаррь* (другъ). Впрочемъ они гораздо легче приспособлялись къ выговору Европейскихъ языковъ, нежели Таитійцы. Удивленіе выражали они звукомъ, похожимъ на шипѣніе гусей.

Св. Варфоломея, открытый Бугенвилемъ въ 1768, увидѣнный Кукомъ въ 1774; лѣсистъ, населенъ, низменъ, имѣетъ шесть или семь лигъ въ окружности, и лежитъ въ проливѣ, раздѣляющемъ Маликоло отъ о. Св. Духа. Къ юго-восточной его сторонѣ прилегаетъ другой небольшой островокъ. Ю. ш. 15° 42', в. долг. 164° 51' (вершина).

Св. Духа, открытый въ 1606 Квиросомъ, вновь открытъ Бугенвилемъ, и усмотрѣнъ

Кукомъ въ 1774. Онъ имѣетъ 22 лиги, протяженія отъ N. N. W. къ S. S. O., въ ширину же отъ 10 до 12 лигъ; въ сѣверную его часть врѣзывается просторная бухта, а къ южной прилегаютъ многіе островки; въ западной части почва возвышена, и образуетъ цѣпь горъ, которыя во многихъ мѣстахъ спускаются отвѣсно къ морю. Весь островъ, за исключеніемъ прибережій и нѣкоторыхъ гористыхъ мѣстъ, гдѣ торчатъ нагія скалы, покрытъ лѣсомъ и плантаціями. Прозябеніе его показалось Форстеру самымъ богатымъ и разнороднымъ. Согласно съ Квиросомъ, который ему предшествовалъ двумя вѣками, онъ называетъ этотъ островъ одною изъ прекраснѣйшихъ въ мірѣ странъ. Ю. ш. отъ 14° 41' до 15° 42', в. долг. отъ 164° 7' до 164° 55'.

Малое число жителей, которыхъ видѣли Англичане, показались имъ здоровѣе и лучше сложены, нежели Маликолайцы. Изъ этого заключили, что они принадлежатъ другому племени; предположеніе это еще болѣе подтверждается тѣмъ, что ихъ языкъ не имѣетъ ни какого сходства съ языками Танны и Маликоло, но болѣе близокъ къ Тонгайскому нарѣчію. Ихъ волосы то коротки и курчавы, то длинны и гладки. Они носятъ браслеты и ожерелья; у одного висѣла на лбу бѣлая раковина; другіе были намазаны черноватою краскою. Изъ оружій видѣли только копья и багры для рыбной ловли. Изъ подарковъ, которые имъ были сдѣланы, они наиболѣе дорожили гвоздями. Дикари съ своей стороны подарили Европейцамъ вѣтвь пипера.

Пикъ звѣзды, вѣроятно тотъ же самый, который у Квироса названъ *Nuestra-Senora de Luz*, былъ замѣченъ Бугенвилемъ въ 1768. Это небольшой островокъ или скала, имѣющая нѣсколько миль въ окружности. Ю. ш. 14° 21', В. долг. 165° 32'.

Вотъ всѣ острова архипелага, который Кукъ назвалъ Новыми Гебридами; но къ нимъ можно причислить еще слѣдующіе:

Бенксъ (Banks), открытые Блейемъ въ 1789, когда онъ шелъ на шлюбкѣ отъ ос. Тонга въ Тиморъ. Это группа изъ четырехъ островновъ, высокихъ и населенныхъ, и нѣсколькихъ скалъ на южной сторонѣ; она занимаетъ отъ 15 до 20 лигъ пространства отъ N. къ S. Самый большой изъ нихъ имѣетъ до 20 лигъ въ окружности, а остальные отъ 5 до 6. Самый малый, который лежитъ ближе къ югу, отличается горою, имѣющею форму сахарной головы. Ни одинъ мореплаватель послѣ Блея не видалъ этихъ острововъ, и потому форма ихъ и географическое положеніе донынѣ не довольно ясно опредѣлены. Ю. ш. отъ 13° 27' до 14° 11', в. долг. отъ 166° 3' до 166° 30' (?) Можетъ быть, это тѣ же самые острова, которые видѣлъ Квиросъ на пути къ острову Св. Духа.

Блей, открытый Блейемъ въ 1789, небольшой и не весьма высокій. Ю. ш. 13° 50', в. долг. 465° 17'.

ГЛАВА XIV.

Тикопія. — Ваникоро.

Океанія, кое какъ подвигаясь впередъ при противныхъ вѣтрахъ, находилась 15 Іюня между островами Фатака и Тикопія. Фатака представлялся намъ въ видѣ митры, отъ чего и получилъ въ 1791 году, отъ открывшаго его капитана Эдварса, названіе *острова Митры*. Съ того времени его видѣлъ въ 1822 Русскій капитанъ Хрущевъ; въ 1827 Диллонъ; а въ 1828 Дюрвиль, опредѣлившій его географическое положеніе подъ 11° 55' ю. ш. и подъ 167° 48' в. долг. По его изслѣдованіямъ оказалось, что это скала, имѣющая не болѣе мили протяженія, довольно лѣсистая, утесистая и возвышающаяся надъ моремъ на 60 или 80 туазовъ. Она составлена изъ двухъ неровныхъ пригорковъ, а въ сѣверной части находится скала, почти отдѣльная, цилиндрическая и съ сквознымъ отверзтіемъ посрединѣ. Диллонъ говоритъ, что жители Тикопіи почитаютъ этотъ островъ принадлежностію ихъ острова: — ежегодно они туда отправляются въ пору западныхъ вѣтровъ, для охоты и ловли акулъ; охота птицъ доставляетъ имъ перья; акулы — зубы. Чтобы никто не отнялъ у нихъ острова, съ котораго получается этотъ двойной доходъ, они вырубили на немъ всѣ кокосовыя деревья, и такимъ образомъ Фатака остался не воздѣланъ и не населенъ.

Въ то время какъ съ одной стороны Фатака терялся въ отдаленіи, съ другой показывался, какъ точка на горизонтѣ, островъ Ануда, открытый Эдварсомъ въ 1791 г., прозванный имъ Черн (*Cherry*), усмотрѣнный Хрущевымъ въ 1822, и Дюрвилемъ 1828. Это небольшой и невысокій островокъ, въ

три мили въ окружности, населенный Полинезійскимъ племенемъ. Капитанъ Дюрвиль опредѣляетъ его положеніе подъ 11° 37¹ ю. ш. и 167° 27¹ в. долг.

Эти два островка, съ двумя банками, *Пандорою* и *Шарлоттою*, изъ коихъ первая открыта Эдварсомъ въ 1791, а вторая Жильберомъ въ 1788, представляютъ, кажется, вершины подводной цѣпи горъ, которая тянется съ восточной стороны по островамъ Ротума, Валлисъ, Аллу-фату и Гамоа, а на западной опирается въ Тикопіо, Ваникоро, Нитенди и Саломоновы острова.

Пендлетонъ придерживался къ Тикопіи, которая давно уже была въ виду, хотя мы находились отъ нее еще въ 15 лигахъ. Къ двумъ часамъ пополудни мы были на разстояніи одной мили на S. W. отъ острова, и удостовѣрились, что онъ на видъ представляется обширнѣйшимъ, нежели въ самомъ дѣлѣ. Островъ имѣетъ не болѣе четырехъ или пяти миль въ окружности; но на этомъ тѣсномъ пространствѣ, какимъ могущественнымъ и роскошнымъ прозябеніемъ онъ украшенъ! Цѣлый островъ есть букетъ деревъ среди зеленоватой равнины моря; это какъ будто одинъ изъ тѣхъ искуственныхъ островковъ, которые созидаются рукою человѣка на озерахъ или бассейнахъ. (Рис. XXVII. ф. 1).

Когда мы были подъ вѣтромъ отъ острова, Пендлетонъ легъ въ дрейфъ, дожидаясь байдары, которая отчалила отъ берега. Издали можно было видѣть, что изъ семи человѣкъ, находившихся въ ней одинъ отличался отъ другихъ одеждою и цвѣтомъ кожи. Когда байдара пристала, задача разрѣшилась. Одинъ изъ людей былъ Англичанинъ, по имени Джонъ-Петерсонъ, бѣжавшій безъ сомнѣнія изъ Портъ-Джаксонскихъ тюремъ, но выдававшій себя за матроса, оставленнаго на островѣ капитаномъ для какихъ то коммерческихъ дѣлъ.

Намъ нѣкогда было узнавать, кто онъ и откуда, лишь бы только онъ удовлетворилъ нашему любопытству. Петерсонъ сдѣлалъ это весьма охотно. Онъ разсказывалъ, что ему очень хорошо у островитянъ, описывалъ ихъ народомъ кроткимъ, съ которымъ легко ужиться и представилъ намъ своего покровителя Тафуа, который съ благодарностію принялъ отъ Пендлетона подарки. Разсказъ Англичанина внушилъ капитану желаніе съѣхать на берегъ; онъ приказалъ уже спускать шлюбку, но Петерсонъ остановилъ его: «Васъ не пустятъ на берегъ, сказалъ онъ»;—Отъ чего же? спросилъ Пендлетонъ; вы сами говорили, что жители добры и гостепріимны.—«О! отъ чего? это длинная исторія. Пріѣзжіе употребили во зло ихъ гостепріимство, и теперь они никому не довѣряютъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ зашелъ сюда корабль, подъ бѣлымъ флагомъ, съ множествомъ народу и съ пушками. Съѣхала на берегъ шлюбка и островитяне отправились съ пріѣзжими на корабль. Пятеро изъ нихъ были задержаны и корабль поплылъ къ западу. Вскорѣ послѣ того эпидемическая болѣзнь истребила почти четверть народонаселенія всего строва. Тикопійцы приписали это несчастіе злому духу, который былъ занесенъ къ нимъ кораблемъ подъ бѣлымъ флагомъ. Они заключили, что каждый корабль имѣетъ съ собою, или можетъ имѣть, злыхъ духовъ, и рѣшили не допускать къ себѣ шлюбокъ. Если случайно одинокій Европецъ будетъ занесенъ къ нимъ, это другое дѣло; они нѣсколько разъ принимали уже людей, претерпѣвшихъ кораблекрушеніе, и не испытывали ни какого несчастія.»

Такъ говорилъ Петерсонъ. Можнобы было не вѣрить ему; но разсказъ подтверждался тѣмъ, что островитяне съ своей стороны сильно противились отъѣзду шлюбки съ *Океаніи*, и убѣдительно просили между тѣмъ, съ ласками и съ обѣщаніями всякаго рода, чтобы наши матросы у нихъ погостили. Просьбы были такъ заманчивы, что Пендлетонъ, опасаясь чтобы матросы не бѣжали, вышелъ въ море и продолжалъ плаваніе къ востоку.

Тикопія открытъ Квиросомъ въ 1606. Послѣ него первый увидѣлъ этотъ островъ корабль *Барвель*, въ 1798 году, и далъ ему свое имя. Наконецъ въ 1813 зашелъ сюда Диллонъ, и оставилъ на берегу матроса Бушарта, родомъ Пруссака, Ласкара по имени Джоэ, и женщину изъ Вити; они были хорошо приняты жителями, и оставались на островѣ до 1826, когда Диллонъ вторично сюда зашелъ. Бушартъ и Джоэ сообщили ему первыя извѣстія о кораблекрушеніи Лаперуза; это открытіе было главною побудительною причиною отправленія корабля Индійской компаніи *Research*. Онъ былъ въ Тикопіи въ 1827; а въ 1828 капитанъ Дюрвиль посѣтилъ этотъ островокъ.

Находясь посреди Меланезійскихъ группъ, жители Тикопіи представляютъ одну изъ

красивѣйшихъ породъ Полинезіи. Они большаго роста, крѣпкаго и красиваго сложенія, нрава тихаго, веселаго и гостепріимнаго. Борода у нихъ не велика, но волосы длинны и распущены по плѣчамъ. Женщины бѣлѣе мужчинъ, имѣютъ станъ легкій, стройный, пріятныя лица и красивыя формы (Рис. XXVII. ф. 2).

Находясь на рубежѣ двухъ различныхъ породъ, Тикопійцы заимствовали обычаи отъ той и другой. Они татуируются, подобно Тонгайцамъ, и навѣшиваютъ себѣ на носъ и на уши разныя украшенія изъ черепахи, подобно жителямъ Ваникоро; употребляютъ и кава и бетель. Впрочемъ у нихъ вовсе нѣтъ обычая изувѣчивать себя, подобно другимъ Полинезійцамъ, выбивать себѣ зубы или отнимать составы пальцевъ. Они любятъ пляску; но не имѣютъ другаго музыкальнаго инструмента, кромѣ доски, по которой бьютъ тактъ двумя палочками.

Тикопійцы имѣютъ какое то вѣроисповѣданіе, подобное Тонгайскому. Для ихъ духовъ или *атуаевъ* храмами служатъ казы, въ которыхъ имъ покланяются съ нѣкоторыми обрядами. Когда садятся обѣдать, бросаютъ на землю часть кушанья, безъ сомнѣнія для божества. Они боготворятъ даже нѣкоторыхъ рыбъ, будто духовъ; и между прочимъ мурена служитъ предметомъ глубокаго почитанія. Летучая мышь или лучше летучая собака пользуется божественными почестями подъ именемъ *Атуа-тану*.

Народонаселеніе Тикопіи не превышаетъ 4 или 500 человѣкъ; они размѣщены по четыремъ деревнямъ, изъ которыхъ каждая признаетъ одного вождя. Духовная власть находится въ рукахъ первосвященника и трехъ подвѣдомыхъ ему жрецовъ. Островитяне живутъ въ мирѣ между собою и войны не знаютъ. Если случится какой раздоръ, вожди утишаютъ его, грозя народу гнѣвомъ боговъ. Вожди пользуются такимъ уваженіемъ, что иначе къ нимъ не приступаютъ, какъ распростираясь ницъ.

Тикопійцы питаются плодами, рыбою, и улитками. У нихъ были прежде свиньи; но они причиняли вредъ огородамъ, и потому жители рѣшились истребить ихъ всѣхъ; съ того времени это полезное животное не водится болѣе на островѣ.

Власть вождей наслѣдственна; отцу наслѣдуетъ сынъ, или братъ, если сынъ еще слишкомъ молодъ. Вождей хоронятъ въ самыхъ домахъ, гдѣ они жили.

Женщинъ болѣе нежели мужчинъ; по этому родители лучше желаютъ имѣть сына, нежели дочь; рожденіе сына празднуется и родители принимаютъ подарки отъ сосѣдей. Многоженство допускается; иные имѣютъ до трехъ женъ. Ничего нѣтъ проще брачныхъ обрядовъ. На ночь мужчина дѣлаетъ посѣщеніе своей любезной, на другой день она объявляетъ вождю, что довольна; вождь скрѣпляетъ бракъ, и молодые подносятъ ему корзину съ плодами.

Иноземцы иначе жениться не могутъ, какъ на вдовѣ. Ласкаръ-Джое сочетался бракомъ съ вдовою имѣвшею взрослыхъ дѣтей. Однажды онъ зашелъ къ ней вечеромъ: она предложила ему свою руку; онъ молчалъ; она приняла это за согласіе, натерла его красною краскою и дѣло было кончено.

Жены въ Тикопіи большею частію вѣрны мужьямъ, которые имѣютъ право наказать смертію невѣрность; впрочемъ они рѣдко пользуются этимъ. Молодыя дѣвушки свободны, и часто употребляютъ во зло свою свободу; послѣ, для прикрытія стыда, онѣ прибѣгаютъ къ дѣтоубійству. Самоубійство весьма рѣдко.

Когда свирѣпствуетъ повальная болѣзнь, жители стараются отвратить ее какимъ нибудь очистительнымъ обрядомъ. Такимъ образомъ въ 1827 г., по отправленіи капитана Диллона, въ Тикопіи была язва; островитяне построили небольшую лодку и украсили ее букетами. Когда все было готово, четверо изъ сыновей главнѣйшихъ вождей носили ее на плечахъ въ сопровожденіи всего народа. Процессія обошла кругомъ островъ съ громкими восклицаніями, сильно ударяя по кустарникамъ, находившимся на пути. Возвратясь къ мѣсту, откуда началось шествіе, присутствующіе спустили лодку въ море, и оставили ее на произволъ вѣтровъ. Мы видѣли уже, что Цингалезцы совершаютъ подобный обрядъ для утишенія бога бурь. Тикопійцы впрочемъ сами не приписывали этому обряду болѣе важности, нежели сколько онъ заслуживаетъ. Они сильнѣе вѣрили дѣйствительности карантиннаго оцѣпленія противъ Европейскихъ судовъ.

Океанія оставила Тикопію при юго-восточномъ вѣтрѣ, всегда свѣжемъ въ это время года. 16 поутру высоты Ваникоро показались предъ нами подобно тремъ плоскимъ

низменнымъ островкамъ. Мало по малу эти три островка соединились въ одинъ. Ввечеру, при захожденіи солнца, шлюпъ былъ не далѣе какъ на двѣ лиги отъ восточнаго берега. Въ этомъ разстояніи Ваникоро казался лѣсистымъ; почва его представляла живописныя неровности. Кругомъ острова тянулась полоса скалъ, которыя дѣлали его неприступнымъ, кромѣ восточной стороны, гдѣ значительное углубленіе врѣзывалось внутрь острова.

Таковъ видъ Ваникоро, этого острова, мало кѣмъ видѣннаго и малоизвѣстнаго, до того времени, пока онъ не сдѣлался предметомъ особенныхъ изысканій капитановъ Диллона и Дюрвиля. Здѣсь возвышается памятникъ, построенный новою *Астролябіею*, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ погибла старая. Могъ ли я оставаться равнодушнымъ при этомъ двойномъ эпизодѣ печали и возрожденія? Я былъ одинъ Французъ на Американскомъ кораблѣ, и чувство народности, не раздѣляемое никѣмъ изъ моихъ спутниковъ, внушало мнѣ живѣйшее желаніе ступить на землю острова. Другіе смотрѣли на нее равнодушно, въ то время какъ я пожиралъ островъ глазами. Никто не понялъ моего положенія, кромѣ Пендлетона. «Неудается,» сказалъ онъ; «для васъ и для себя, я имѣлъ намѣреніе бросить якорь у Ваникоро; для васъ, потому что я угадываю ваши чувства; для себя, потому что изслѣдованія Диллона и Дюрвиля придаютъ весьма важную занимательность этому уголку земли. Но погода намъ не благопріятствуетъ. Взгляните на горизонтъ къ S. O.; оттуда грозитъ вѣтеръ, слишкомъ сильный для нашихъ парусовъ у этого берега, и вы, я думаю, не желаете, чтобы бѣдный Пендлетонъ претерпѣлъ участь Лаперуза. Впрочемъ еще есть надежда; если вѣтеръ позволитъ, мы постараемся держаться недалеко отъ якорнаго мѣста, пока можно будетъ безопасно положить якорь.»

Ночь была бурная, какъ капитанъ предвидѣлъ. Мы были принуждены держаться, съ зарифленными марселями, лѣвымъ галсомъ въ открытое море, подалѣе отъ мелей. На разсвѣтѣ мы придержались опять къ острову, но теченіемъ насъ уносило къ западу и насилу мы могли пройти вдоль острова подъ вѣтромъ, въ двухъ или трехъ лигахъ отъ полосы западныхъ отмелей. Не сходя съ палубы, я искалъ, при помощи превосходной подзорной трубы, мѣстъ, о которыхъ упоминается въ описаніяхъ Диллона и Дюрвиля, деревень Паіу, Вану, Нама, недавно сдѣлавшихся извѣстными. Я немогъ ничего разсмотрѣть хорошенько; видѣлъ только массу лѣсовъ, покрывающихъ островъ отъ самыхъ береговъ до вершины горъ. Окружная полоса утесовъ представляла зрѣлище болѣе любопытное. Мѣстами черноватыя скалы, отъ восьми до десяти футовъ вышиною, подымались среди моря, и широкія волны, дробясь объ одинокіе камни, составляли будто фонтаны надъ пѣнистою поверхностію океана. Съ этой стороны цѣпь подводныхъ скалъ простирается иногда на лигу отъ берега; разстояніе между ею и берегомъ составляетъ широкій внутренній бассейнъ, всегда спокойный, подобно водамъ озера; съ отливами, измѣняющимися въ цвѣтѣ, судя по цвѣту грунта.

И такъ мы должны были отказаться отъ посѣщенія Ваникоро; вѣтеръ и море не допускали насъ. *Океанія* прошла даже подъ вѣтромъ отъ Тупуа такъ близко, что можно было разглядѣть на берегу домики островитянъ. Ни одна байдара не посмѣла, при столь дурной погодѣ, выйти въ открытое море. Наконецъ шлюпу удалось обогнуть восточную оконечность большаго острова Нитенди или Санта-Крузъ; послѣ чего онъ продолжалъ итти вдоль сѣверной полосы до залива Граціоза, гдѣ мы положили якорь на глубинѣ 40 брассовъ, въ одной милѣ отъ берега. Это было 18 Іюня въ полдень.

ГЛАВА XV.

Ваникоро. — Исторія. — Кораблекрушеніе Лаперуза.

Ваникоро сдѣлался славнымъ въ лѣтописяхъ Французскаго мореходства. Здѣсь погибъ Лаперузъ. Долго не знали, гдѣ совершилось это бѣдствіе. Никто не спасся, никто не вышелъ изъ борьбы великаго мореплавателя съ стихіями, чтобы разсказать намъ, какимъ образомъ онъ былъ побѣжденъ ими. Только новѣйшія путешествія Диллона и Дюрвиля нѣсколько объяснили этотъ предметъ. Чтобъ изложить его здѣсь, мы должны обратиться къ началу экспедиціи Лаперуза.

Въ то время, когда Кукъ прославилъ Великобританію цѣпью смѣло предпринятыхъ и

искусно совершенныхъ путешествій, Франція, побужденная примѣромъ, рѣшилась отправить значительную экспедицію кругомъ свѣта. Ученый Флерьє начерталъ планъ; Людовикъ XVI, который самъ былъ отличный географъ, написалъ собственноручно инструкціи, превосходныя, если бы даже и не королевскою рукою онѣ были писаны. Въ начальники экспедиціи былъ назначенъ капитанъ Лаперузъ, заслужившій лестную извѣстность во Французскомъ флотѣ своею экспедиціею противъ Англійскихъ заведеній въ Гудсоновомъ заливѣ. Въ помощники ему дали капитана Делангла, его пріятеля, прекраснаго офицера; ученые и моряки, люди съ отличными достоинствами, были вызваны для принятія участія въ этомъ трудномъ предпріятіи.

Двѣ флейты, *Компасъ* и *Астролябія*, были снаряжены. 1 Августа 1785 г. онѣ вышли изъ Бреста, зашли въ Мадеру, въ Тенерифъ, въ Св. Екатерину, въ Бразилію, въ Хили, видѣли островъ Пасхи, островъ Мави въ Гавайской группѣ, и потомъ начали изслѣдованіе сѣверо-восточнаго берега Америки, что было главнѣйшимъ предметомъ ихъ назначенія.

У этихъ береговъ Лаперузъ испыталъ первое несчастіе. Въ бухтѣ, названной имъ *Портомъ Французовъ*, двѣ шлюбки были поглощены буруномъ со всѣми находившимися на нихъ людьми. Шесть офицеровъ и шестнадцать матросовъ погибли въ этомъ крушеніи.

Лаперузъ оставилъ роковой берегъ въ концѣ Іюня 1786 г., зашелъ въ Монтере, въ Калифорнію, прошелъ Тихій океанъ, едва не разбившись на двухъ неизвѣстныхъ скалахъ, названныхъ имъ островомъ *Неккеръ* и *Низменными Французскими островами*, прошелъ потомъ острова Маріанскіе, выше острова Успенія, обогнулъ острова Беши *(Bashee)* и 3 Января 1787 года положилъ якорь въ Макао.

Здѣсь оставался онъ два мѣсяца; потомъ пробылъ сорокъ дней въ Маниліи, которую оставилъ 10 Апрѣля; придержался на сѣверъ, осмотрѣлъ нѣкоторыя мѣста Японскаго берега, сдѣлалъ прекрасную опись неизслѣдованнаго до тѣхъ поръ пролива, названнаго имъ *Тартарійскимъ*, всего полуострова и нѣкоторыхъ изъ Курильскихъ острововъ, и наконецъ зашелъ въ гавань Петра и Павла въ Камчаткѣ, откуда отправилъ сухимъ путемъ молодаго Лессепа съ копіями своихъ журналовъ. Изъ всѣхъ людей, находившихся въ экспедиціи Лаперуза, одному этому переводчику было суждено возвратиться во Францію.

Въ концѣ Сентября 1787 г., Лаперузъ направился изъ Камчатки къ югу, перешелъ чрезъ экваторъ 21 Ноября, видѣлъ 9 Декабря одинъ изъ острововъ Гамоа, гдѣ погибъ несчастный Делангль, направилъ путь къ Австраліи и вошелъ 26 Января 1788 года въ Ботани-бей. Случайно, въ то же время коммодоръ Филиппъ стоялъ на якорѣ недалеко отъ этого мѣста въ Портъ-Джаксонѣ, съ первыми колонистами Южнаго-Новаго-Валлиса. Французскій и Англійскій капитаны были весьма учтивы другъ къ другу, и Филиппъ взялся доставить депеши Лаперуза, послѣдніе полученныя отъ этого мореплавателя. Въ письмѣ своемъ къ морскому министру, капитанъ давалъ отчетъ о своихъ приключеніяхъ. Онъ намѣревался послѣ Ботани-бея посѣтить Тонгайскіе острова, потомъ изслѣдовать нѣкоторыя части Новой Каледоніи, Саломоновы острова, Луизіаду, и чрезъ проливъ Торреса зайти въ Ильдефрансъ въ Декабрѣ того же года. Онъ располагалъ возвратиться во Францію въ Іюнѣ 1789 г.

Однако жъ прошли 1789 и 1790 годы, и не было ни какого извѣстія о Лаперузѣ. Это возбудило опасенія. Общество Естественной Исторіи обратилось къ Народному Собранію, съ требованіемъ, чтобы была отправлена экспедиція для отысканія кораблей Лаперуза. Народное Собраніе приняло это предложеніе, и декретомъ, отъ 9 Февраля 1791 г., утвержденнымъ королемъ, рѣшено было снарядить экспедицію.

Двѣ большія флейты *la Recherche* и *l'Esperance* отправились изъ Бреста 28 Сентября 1791 подъ начальствомъ д'Антркасто. У Мыса Доброй Надежды этотъ капитанъ узналъ, что коммодоръ Гантеръ въ своемъ донесеніи полагалъ, что Лаперузъ претерпѣлъ крушеніе у острововъ Адмиралтейства. Немедленно обѣ флейты отправились въ этотъ архипелагъ, но какъ погода не благопріятствовала, и притомъ обѣ были тяжелы на ходу, то онѣ прибыли туда не ранѣе 28 Іюля 1792 г. Изысканія ихъ были безплодны; не было ни какого признака крушенія Европейскаго корабля въ этихъ моряхъ; д'Антркасто продолжалъ предписанныя ему работы. Ученыя открытія, изданныя Росселемъ и Лабильярдіе-

ромъ, были единственнымъ плодомъ огромныхъ издержекъ и трудовъ. Экипажи кораблей претерпѣли бѣдствія небывалыя: три первые начальника экспедиціи, д'Антркасто, Гюонъ-де-кармадекъ и Дорибо, умерли; за ними померли многіе офицеры и матросы. Наконецъ оба корабля были конфискованы Голландскимъ правительствомъ по прибытіи ихъ въ Яву. Замѣчательно, что они прошли предъ островомъ Ваникоро, гдѣ погибъ Лаперузъ и гдѣ они нашли бы безъ сомнѣнія еще свѣжіе слѣды этого несчастія, и можетъ быть, даже людей съ его экипажа.

Съ того времени до 1825 года не было, кажется, предпринято ничего. *Уранія* и *Раковина*, отправленныя въ полуденныя моря, по возвращеніи Бурбоновъ во Францію вышли въ море не для этой цѣли. *Раковина* въ ночь съ 1 на 2 Августа 1823 года проходила въ трехъ или четырехъ лигахъ отъ Ваникоро, не подозрѣвая, что на этомъ островѣ хранились свидѣтельства гибельнаго событія. Въ концѣ 1825 г., министерство приняло проектъ капитана Дюрвиля о новыхъ изысканіяхъ по этому предмету. Тогда пронесся слухъ во Франціи, что экипажъ китоловнаго судна видѣлъ крестъ Св. Людовика и нѣсколько медалей въ рукахъ дикихъ въ Луизіадѣ и въ Новой Каледоніи. Извѣстіе казалось основательнымъ. Морской министръ обратилъ вниманіе на это обстоятельство, и Г. Дюрвилю было поручено удостовѣриться въ истинѣ его и заняться разрѣшеніемъ вопроса о судьбѣ Лаперуза. Кораблю, носившему прежде названіе *Раковины*, было дано названіе *Астролябіи*.

При отправленіи своемъ изъ Франціи, *Астролябія* имѣла весьма не точныя свѣдѣнія, но на пути она нашла признаки очень важные. Въ Портъ-Джаксонѣ Дюрвиль не только не убѣдился въ основательности разнесшихся во Франціи слуховъ, но даже нашелъ ихъ совершенно ложными. Въ Тонга-табу онъ былъ счастливѣе; ему удалось узнать отъ Тамаги, что Лаперузъ, оставивъ Ботани-бей, зашелъ въ Намука. Впрочемъ не ранѣе какъ въ концѣ 1827 г., въ бытность свою въ Говартъ-тоунѣ, онъ получилъ извѣстія болѣе положительныя. Здѣсь знали объ открытіи, сдѣланномъ капитаномъ Диллономъ.

Этотъ старый мореходецъ послѣ двадцатилѣтняго плаванія на купеческихъ корабляхъ по Тихому океану, командовалъ въ 1826 г., кораблемъ *Св. Патрикій*, который на пути изъ Валпарайзо въ Бенгалъ прошелъ 15 Мая близъ Тикопіи. На байдарахъ, навѣстившихъ его судно, находились Прусакъ Бушартъ и Ласкаръ-Джоэ, которыхъ онъ, тринадцать лѣтъ тому назадъ, оставилъ на этомъ островѣ. Джоэ имѣлъ кое-какія сдѣлки съ экипажемъ, и между прочими вещами продалъ оружейному мастеру серебряную рукоять шпаги, на которой были вырѣзаны буквы. На вопросы объ этомъ предметѣ, онъ отвѣчалъ, что рукоять вмѣстѣ съ другими Европейскими вещицами, которыя находились въ Тикопіи, были туда доставлены изъ сосѣдняго острова Ваникоро, у котораго разбились въ прежнее время два большіе корабля. Ласкаръ увѣрялъ, по сказанію Диллона, что онъ самъ за шесть лѣтъ предъ тѣмъ ѣздилъ въ Ваникоро и видѣлъ тамъ двухъ старыхъ моряковъ, которые были живы со времени крушенія; онъ присовокупилъ, что еще существовали обломки кораблей и что можно даже достать нѣкоторыя вещи изъ моря. Диллонъ заключилъ, что то были корабли Лаперуза. Онъ упросилъ Бушарта вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ Ваникоро; но безвѣтріе и теченія воспрепятствовали плаванію. Возвратившись въ Калькутту, онъ сообщилъ свои подозрѣнія Индійской компаніи и Азіятскому Обществу, въ офиціальномъ донесеніи, въ которомъ гораздо болѣе точности, нежели въ описаніи, публикованномъ въ послѣдствіи.

«Разсматривая рукоять шпаги,» говоритъ онъ, «я усмотрѣлъ на ней начальныя буквы имени Лаперуза, что заставило меня сдѣлать сколь можно подробные расспросы объ этомъ предметѣ. Посредствомъ Бушарта и Ласкара я вывѣдалъ у островитянъ, какимъ образомъ ихъ сосѣди достали всѣ находившіяся у нихъ серебряныя и золотыя вещи. Они отвѣчали, что жители Маликоло (Ваникоро) разсказывали, что за много лѣтъ предъ тѣмъ, два большіе корабля шли весьма близко отъ ихъ островов, и стали на якорѣ, одинъ у острова Вану, другой у острова Піау, не весьма отдаленныхъ одинъ отъ другаго.

Нѣсколько дней спустя, прежде нежели они вошли въ сношенія съ берегомъ, сдѣлалась буря, корабли нанесло почти на землю; тотъ изъ двухъ, который стоялъ на якорѣ у островка Вану, сѣлъ на мель. Островитяне собрались тогда толпою вооруженные булавами, копьями, луками, и начали пускать стрѣлы на корабль. Съ корабля отвѣчали пушечными выстрѣлами, которые убили

многихъ. Наконецъ отъ волненія и сильныхъ ударовъ о камни, корабль разбился, часть экипажа бросилась на шлюбки, которыя были прибиты волнами къ берегу, гдѣ всѣ Европейцы были убиты; другіе вплавь достигли берега, чтобъ раздѣлить участь своихъ товарищей; такимъ образомъ ни одинъ человѣкъ съ этого корабля не избѣгъ смерти. (Рис. XXVIII. ф. 1.).

Корабль, стоявшій на якорѣ у острова Паіу, былъ выброшенъ на песчаную мель. Островитяне сбѣжались и стали пускать въ него стрѣлы; но экипажъ имѣлъ осторожность не отвѣчать имъ огнемъ. Напротивъ, матросы стали показывать островитянамъ топоры, стекла и другія вещицы, какъ бы предлагая ихъ въ знакъ мира. Непріятельскія дѣйствія были прекращены, и лишь только вѣтръ утихъ нѣсколько, отъ берега отчалилъ на байдарѣ старикъ и присталъ къ кораблю. То былъ одинъ изъ старшинъ; его встрѣтили ласково и предложили ему подарки, которые онъ принялъ. Онъ поѣхалъ обратно на берегъ, и успокоилъ своихъ соотечественниковъ увѣреніемъ, что люди на кораблѣ добры и обходительны; тогда дикари во множествѣ посѣтили корабль, гдѣ каждому были сдѣланы подарки. Вскорѣ они привезли матросамъ мяса, птицъ, банановъ, кокосовыхъ орѣховъ, словомъ, съ обѣихъ сторонъ возстановилась взаимная довѣренность.

Экипажъ долженъ былъ оставить корабль; бѣлые люди съѣхали на берегъ, взявъ съ собою провизіи. Они нѣсколько времени оставались на островѣ и построили изъ обломковъ своего корабля небольшое судно. Когда оно было готово, на него сѣли столько человѣкъ, сколько могли удобно помѣститься, и тотчасъ же эта лодка вышла въ море, хорошо снабженная со стороны островитянъ свѣжими провизіями. Командиръ обѣщалъ людямъ, которыхъ онъ оставлялъ на островѣ, возвратиться въ скоромъ времени за ними, и принести съ собою подарки, для островитянъ. Но объ этомъ суднѣ съ тѣхъ поръ не было слуха. Оставшіеся на островѣ бѣлые пристали къ разнымъ вождямъ, при которыхъ и оставались по смерть. Товарищи оставили имъ ружья и порохъ, что дало имъ средство оказать большія услуги своимъ друзьямъ, въ ихъ войнахъ съ жителями сосѣднихъ острововъ.

Прусакъ никогда не ѣздилъ въ Маликоло вмѣстѣ съ островитянами; но Ласкаръ былъ тамъ одинъ или два раза. Онъ утверждалъ, что видѣлъ въ Паіу двухъ Европейцевъ, которые говорили на языкѣ островитянъ, и что самъ съ ними разговаривалъ. Они были очень стары, и расказывали ему, что претерпѣли крушеніе, много лѣтъ тому назадъ, на одномъ изъ кораблей, которыхъ обломки ему показывали. Они увѣряли также, что ни одинъ корабль не заходилъ къ островамъ Маликоло съ того времени, какъ они тамъ находились, что большая часть ихъ товарищей уже померли, и что такъ какъ они были разсѣянны по разнымъ островамъ, то и не могли съ точностію знать, сколько ихъ еще оставалось въ живыхъ.

По прочтеніи этого донесенія, компанія рѣшила, чтобы одинъ изъ ея кораблей, *Research*, отправился подъ начальствомъ капитана Диллона, осмотрѣть острова Ваникоро и изслѣдовать положительнымъ образомъ дѣло о кораблекрушеніи Французскаго капитана. Вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не было упущено для успѣшныхъ дѣйствій экспедиціи въ пользу Естественной Исторіи. Докторъ Титлеръ, извѣстный своими учеными трудами, былъ назначенъ медикомъ, натуралистомъ и исторіографомъ экспедиціи. Ему и Диллону дали огромное содержаніе. Компанія не скупилась въ этомъ предпріятіи. Двѣ тысячи рупій было назначено на покупку вещей, которыя экспедиція брала съ собою для раздачи въ видѣ подарковъ островитянамъ; сумма, равная опредѣляемой обыкновенно Французскимъ правительствомъ на снабженіе экспедиціи провизіею въ продолженіе трехъгодичной компаніи. Компанія сдѣлала еще больше: она послала на кораблѣ *Research* Французскаго агента по имени Шеньо, занимавшаго должность въ Шандернагорѣ, для офиціяльнаго засвидѣтельствованія предполагаемыхъ открытій.

23-го Января 1827 года, *Research* вступилъ подъ паруса; чрезъ нѣсколько дней произошла ссора между докторомъ Титлеромъ и капитаномъ Диллономъ; дѣло дошло до того, что по прибытіи въ Гобартъ-тоунъ докторъ жаловался военному суду. Диллонъ былъ обвиненъ, и присужденъ къ двухмѣсячному заключенію и уплатѣ пени въ 50 фунтовъ стерлинговъ; кромѣ того, съ него требовали залога въ 400 фунтовъ стерл., для обезпеченія его поведенія на будущее время. Такъ какъ это опредѣленіе суда причиняло замедленіе, то хотѣли назначить вмѣсто Диллона-

на кого нибудь другаго; но хитрый морякъ никому не сообщалъ положенія Ваникоро, и подъ начальствомъ другаго, экспедиція ни въ чемъ бы не успѣла. По неволѣ надо было оставить не исполненною одну часть приговора; Диллона заставили заплатить пеню и представить залогъ, избавивъ его отъ заключенія.

По окончаніи этого непріятнаго дѣла, *Research* вступилъ подъ паруса 30 Мая; 3 Іюня, онъ прибылъ въ Портъ-Джаксонъ, откуда въ тотъ же день снялся и 1 Іюля положилъ якорь въ Корора-река, въ заливѣ острововъ. Потомъ онъ заходилъ въ Тонга-табу, въ Ротуму и въ Тикопію. Съ этого последняго острова онъ взялъ съ собою островитянина, по имени Ратіа, который долженъ былъ служить ему проводникомъ и переводчикомъ. Здѣсь онъ досталъ также нѣсколько вещей съ Лаперузовыхъ судовъ. Наконецъ 7 числа прибывъ къ острову Ваникоро, онъ употребилъ шесть дней на лоцію, послѣ чего сталъ на якорь въ небольшой бухтѣ Осили, на восточной сторонѣ острова.

Диллонъ немедленно сталъ собирать всѣ предметы, оставшіеся на островѣ отъ разбитыхъ кораблей; онъ щедро платилъ за это желѣзными инструментами, полотнами, стеклушками, и потому успѣлъ набрать огромное количество вещей. Большею частію то были крючья, болты, звенья цѣпей и другія желѣзныя вещи, шкивы съ блоковъ, кострюли, ложки, блюда, воронки, мѣдные отломки астрономическихъ инструментовъ и кухонной посуды. Особеннаго замѣчанія заслуживалъ большой бронзовый колоколъ, имѣвшій одинъ футъ въ діаметрѣ. На одной сторонѣ былъ вырѣзанъ крестъ посреди двухъ изображеній; съ другой сіяло солнце; вокругъ была надпись *Bazin m'a fait* (Дѣлалъ Базенъ). Изъ совершеннаго послѣ изслѣдованія оказалось, что этотъ штемпель употреблялся въ литейномъ заводѣ Брестскаго арсенала около 1785 года. Достали также на подводныхъ каменьяхъ, на западной сторонѣ острова, четыре маленькія бронзовыя пушки, 18 фунтовое ядро, Испанскій талеръ, куски стекла, фарфора, фаянсу, бутылокъ и стакановъ, наконецъ куски желѣза, мѣди и свинца. Но несравненно драгоцѣннѣйшая находка заключалась въ деревянной штукѣ въ четыре фута длиною, и шириною въ 14 дюймовъ, на которой были вырѣзаны лилія и другія украшенія. Эта доска была привезена во Францію, гдѣ признано, что она составляла часть кормы одного изъ Лаперузовыхъ кораблей, и потому служитъ неоспоримымъ доказательствомъ его крушенія у этихъ береговъ; въ Ваникоро островитяне сдѣлали изъ нея дверь. Въ томъ же самомъ жильѣ былъ найденъ каменный жерновъ отъ ручной мельницы.

Островитяне много говорили о кораблекрушеніи, но всякій разсказывалъ на свой ладъ. Диллонъ приводитъ всѣ слышанные имъ разсказы. Мы избираемъ тотъ, который представляетъ болѣе точности и вѣроятія. Подробности его сообщилъ Валій второй, алигуи Вану (Рис. XXVIII. ф. 2.).

«Много времени тому назадъ», говорилъ онъ, «жители острова, выходя поутру изъ своихъ жилищъ, увидѣли часть корабля на мели противъ Паіу. Она стояла тамъ до полудня, пока не была разбита моремъ; тогда огромные обломки были прибиты волнами къ берегу. Корабль былъ брошенъ на мель ночью при ужасномъ ураганѣ, которымъ сломало множество нашихъ фруктовыхъ деревъ; мы не видали его наканунѣ. Четыре человѣка спаслись и выплыли на берегъ не далеко отъ этого мѣста: мы хотѣли ихъ тотчасъ убить, но они сдѣлали какіе то подарки старшинѣ, который оставилъ имъ жизнь. Пробывъ у насъ весьма не долго, они отправились къ своимъ товарищамъ, которые находились въ Паіу. Тамъ они построили маленькій корабль и на немъ отплыли. Ни одинъ изъ этихъ четырехъ человѣкъ не былъ начальникомъ, всѣ они были подчиненные. Вещи, которыя мы продаемъ, достались намъ отъ корабля, разбившагося на мели. Наши люди часто отправлялись туда, ныряли и доставали разныя вещи. Много обломковъ было выброшено на берегъ, мы брали все, что было можно; но съ нѣкотораго времени уже ничего нельзя было доставать, потому что корабль изгнилъ и разнесенъ совершенно моремъ. Мы не убили никого изъ людей этого корабля; но волнами выбросило на нашъ берегъ множество труповъ, безъ рукъ и ногъ, вѣроятно отъѣденныхъ акулами. Въ ту же ночь другой корабль ударился о подводный камень близъ острова Вану и потонулъ. Многіе изъ людей спаслись. Они построили маленькій корабль, и отправились въ море пять лунъ спустя послѣ крушенія большаго корабля. Мѣсто, на которомъ они строили маленькій корабль, было окружено

крѣпкимъ палисадомъ, для защиты отъ островитянъ; жители также боялись ихъ и потому между тѣми и другими мало было сообщеній. Бѣлые люди имѣли обыкновеніе смотрѣть на солнце, чрезъ какія то вещи, которыхъ я не могу изобразить вамъ, ни позать, потому что намъ не досталось ни одной подобной вещи. Два бѣлые остались по отправленіи отсюда ихъ товарищей; одинъ былъ начальникъ, другой ему служилъ. Первый умеръ года три тому назадъ; полгода спустя, начальникъ того округа, гдѣ жилъ другой бѣлый, былъ принужденъ бѣжать съ острова, и бѣлый послѣдовалъ за нимъ. Округъ, гдѣ они обитали, назывался Паукори; но мы не знаемъ, что сталось съ племенемъ, которое тогда населяло его. Бѣлыхъ людей мы никогда не видали на нашемъ островѣ, кромѣ тѣхъ, которые претерпѣли это крушеніе, и васъ, которыхъ видимъ теперь.

Г. Диллонъ посѣтилъ разныя части острова; жители, хорошо расположенные къ нему послѣ щедрыхъ его подарковъ, нисколько не безпокоили его. Врочемъ наблюденія, сдѣланныя имъ и представленныя въ его донесеніи, не заслуживаютъ большаго вниманія.

Составленный имъ планъ острова Ванико̀ро весьма невѣренъ и неполонъ.

Въ началѣ Октября, опасаясь, чтобы восточные вѣтры не заперли его въ заливѣ, онъ благополучно вышелъ изъ опаснаго восточнаго пролива, и положилъ якорь на спокойномъ рейдѣ Маневаи, гдѣ оставался три дня; потомъ прошелъ сѣвернымъ каналомъ и поплылъ къ Тубуа и Нитенди, а оттуда къ Новой Зеландіи. Простоявъ здѣсь довольно долго, онъ перешелъ въ Портъ-Джаксонъ, откуда направился къ Калькуттѣ, и прибылъ туда 7 Апрѣля 1828 года. Щедро награжденный правленіемъ компаніи, онъ получилъ позволеніе отправиться во Францію, съ вещами, которыя свидѣтельствовали о его открытіи. Во Франціи онъ былъ принятъ отличнымъ образомъ; былъ представленъ Карлу X, получилъ крестъ Почетнаго Легіона, десять тысячъ франковъ и пенсію отъ государственной казны въ четыре тысячи франковъ. Все это было за мѣсяцъ до возвращенія *Астролябіи*. *Астролябія* столько же сдѣлала открытій, сколько и *Research* въ Ваникоро, и это составляло только часть ея долгой экспедиціи; но Французское правительство иначе оцѣнило ея услуги.

Капитанъ Дюрвиль узналъ объ открытіяхъ Диллона 20 Декабря 1827, у Гобартъ-тоуна, по нѣкоторымъ отрывочнымъ извѣстіямъ въ журналахъ. Правду сказать, Диллону не очень вѣрили въ колоніи; его разсказы слыли весьма подозрительными и преувеличенными. Итти такимъ образомъ, основываясь на пустыхъ слухахъ, искать острова, можетъ быть, выдуманнаго, или свидѣтельствъ, которыхъ въ немъ не бывало; посвятить себя этому фантастическому и безплодному плаванію, между тѣмъ какъ не оконченная опись береговъ Новой Зеландіи требовала еще нѣсколькихъ мѣсяцовъ ученыхъ трудовъ и изысканій,—могъ ли на это рѣшиться капитанъ Дюрвиль? Хорошо, если бы ему удалось разрѣшить задачу о гибели Лаперузовыхъ кораблей; все было бы оправдано тогда, и отступленіе отъ главной цѣли его экспедиціи, и перемѣна пути. Но если бы плаваніе его осталось безплоднымъ, его стали бы обвинять въ легкомысленной довѣрчивости къ выдуманнымъ разсказамъ.

Къ тому же не достаточно было хотѣть; надо было имѣть средства. Диллонъ говоритъ о Тикопіи и Ваникоро, не опредѣляя ихъ географическаго положенія; въ этомъ-то и состояла тайна, на которой онъ основывалъ всѣ свои расчеты. Пришлось бы искать ощупью загадочнаго острова. Капитанъ Дюрвиль побѣдилъ эту препону. Слѣдя съ осторожностію разсказы и недоговорки Диллона, онъ удостовѣрился, что Тикопія была не что иное, какъ островъ, наименованный Барвель въ Англійскихъ картахъ, и что Ваникоро могъ быть изъ числа острововъ лежащихъ на S. O. отъ Санта-круца, или та самая группа, которую открылъ Блей на сѣверѣ отъ Новыхъ Гебридъ. Онъ тотчасъ составилъ свой планъ, и рѣшился искать Тикопіи въ томъ мѣстѣ, гдѣ на картахъ стоялъ Барвель, и тамъ уже узнать отъ жителей, у какого изъ ближнихъ острововъ случилось крушеніе.

Въ то время какъ Дюрвиль дѣлалъ свои приготовленія къ эспедиціи, были получены въ Гобартъ-тоунѣ два письма отъ Диллона, противорѣчащіе одно другому: въ одномъ онъ говорилъ, что хочетъ отложить свое отправленіе, по причинѣ, будто бы, противнаго муссона; въ другомъ извѣщалъ, что совершилъ свое плаваніе съ совершеннымъ успѣхомъ. Хотя эти странныя извѣстія должны были еще болѣе затруднить Французскаго капитана; однако же онъ устоялъ въ

своемъ намѣреніи; 6 Января 1828, *Астролябія* вступила подъ паруса; она видѣла островъ Норфолькъ и волканъ Мєвью, острова Фатака и Ануда, и 10 Февраля была уже въ виду Тикопіи. Корветъ былъ еще далеко въ морѣ, когда къ нему присталъ на байдарѣ Прусакъ Бушартъ, тотъ самый, который сопутствовалъ Диллону въ Ваникоро. Онъ подтвердилъ истину экспедиціи Диллона, и тѣмъ вывелъ капитана Дюрвиля изъ долгой неизвѣстности. Это много значило; но оставалось еще самому удостовѣриться, посѣтить самому тотъ островъ, который сдѣлался гробомъ благородныхъ жертвъ науки и мореходства.

Офицеры и натуралисты съѣхали на берегъ Тикопіи, и были приняты въ общественной казѣ островитянъ: ихъ повелъ туда Бушартъ. Онъ сперва обѣщался капитану проводить его въ Ваникоро, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы его жена, молодая Зеландка, была принята съ нимъ на корабль; но отказался потомъ отъ своего слова. Однимъ изъ предлоговъ его отказа былъ нездоровый воздухъ Ваникоро. Островитяне, которыхъ приглашалъ капитанъ, отвѣчали точно такъ же. Ласкаръ-Джое, къ которому также обратились, въ свою очередь отказался. Онъ увѣрялъ, что никогда не говорилъ капитану Диллону, что посѣщалъ этотъ островъ.

Тогда капитанъ Дюрвиль взялъ на свой корабль двухъ Англичанъ, жившихъ въ Тикопіи уже девять мѣсяцовъ, одинъ изъ нихъ порядочно объяснялся на языкѣ островитянъ, и могъ служить переводчикомъ. Пятеро Тикопійцевъ случайно и нехотя участвовали въ этой экспедиціи. Они были оставлены на кораблѣ, когда всѣ байдары удалились.

Капитанъ Дюрвиль направилъ путь къ Ваникоро, географическое положеніе котораго было угадано имъ, не смотря на уловки и недоговорки Диллона. Остановленный штилями, онъ не прежде достигъ острова, какъ 14 числа, прошелъ вдоль отмелей, послалъ шлюбку осмотрѣть, гдѣ находится якорное мѣсто, воспользовался противнымъ N. W., чтобы итти отыскать островъ Таумако, который, по показанію Квироса, лежалъ по близости Санта-круца, но послѣ былъ потерянъ; употребилъ три дня на это плаваніе, безъ всякаго успѣха, потомъ возвратился въ Ваникоро, и 21 числа, положилъ якорь въ тѣсномъ и опасномъ рейдѣ Осили, гдѣ стоялъ и *Research*, и который былъ указанъ ему жителями деревни Маневай.

Первою заботою Дюрвиля, лишь только былъ отданъ якорь, было пріобрѣсть благосклонность жителей подарками. Вещи, подаренныя имъ, имѣли бы въ глазахъ этихъ людей весьма высокую цѣну, если бы они не были избалованы неумѣренными щедротами Диллона: они принимали все съ замѣтною холодностію.

Не въ одномъ этомъ обстоятельствѣ выказались впрочемъ недовѣрчивость и неблагорасположеніе островитянъ къ Французамъ. Много примѣтъ заставляютъ думать, что умышленно были посѣяны между ними предубѣжденія и опасенія противу новыхъ посѣтителей. Сами они въ послѣдствіи сознались, что имъ было сказано, что Французы были соотечественники тѣхъ, которые претерпѣли кораблекрушеніе, и что они безъ сомнѣнія придутъ отмстить за несчастіе своихъ предшественниковъ.

Эти важныя и разнородныя препоны не остановили однако же Дюрвиля. Онъ послалъ шлюбки съ офицерами обойти кругомъ островъ, съ тѣмъ чтобы искать вдоль береговъ признаковъ кораблекрушенія, собрать свѣдѣнія объ этомъ несчастіи, и въ то же время сдѣлать опись острову и изучить его естественную исторію.

Первая экспедиція, подъ начальствомъ офицера Грессіена, доставила на корветъ весьма незначительные обломки и ни какого свѣдѣнія. На всѣ вопросы Французовъ островитяне отвѣчали или молчаніемъ или невѣдѣніемъ. Казалось, всѣ они съ общаго согласія приняли эту систему. Если кто изъ нихъ, болѣе откровенный, или прельщенный подаркомъ, хотѣлъ сообщить какое либо извѣстіе, то въ ту же минуту товарищи окружали его съ видомъ неудовольствія, и просили его молчать, или заставляли удалиться.

Вторая экспедиція, подъ начальствомъ Г. Жакино, испытала сперва тѣ же препятствія. Деревня Вану была встревожена приближеніемъ Французовъ; женщины и дѣти бѣжали въ лѣсъ, взявъ съ собою все лучшее, что имѣли; мужчины вышли на встрѣчу къ посѣтителямъ, но съ примѣтнымъ безпокойствомъ и робостію. На всѣ вопросы они отвѣчали, что ничего не знаютъ; наконецъ признались, что долго имѣли у себя черепы *Мара* (такъ называли они Европейцевъ), но что бросили ихъ потомъ въ море.

Только вождь Вали, о которомъ упоминаетъ Диллонъ, показался болѣе откровеннымъ. Нѣсколько разъ онъ совсѣмъ было хотѣлъ все расказать; но земляки останавливали его съ угрозами. Въ Нама встрѣтили то же молчаніе, ту же скрытность. Ни какія предложенія не могли склонить жителей указать на мѣсто, гдѣ разбились корабли. Наконецъ, когда Г. Жакино сталъ развертывать предъ ними кусокъ краснаго сукна, одинъ изъ дикихъ, прельщенный этою яркою краскою, вскочилъ въ шлюбку, показывая, что онъ поведетъ на то мѣсто, котораго искали, если ему дадутъ сукно. Жакино принялъ предложеніе и такимъ образомъ отыскалъ роковую отмель. Это было весьма важное открытіе, на которое, кажется, не обратилъ вниманія Диллонъ, по крайней мѣрѣ онъ объ этомъ не упоминаетъ.

Цѣпь рифовъ, опоясывающая Ваникоро, занимаетъ пространство въ двѣ или три мили, предъ Паіу и Амби, то весьма близко къ берегу, то на разстояніи одной мили. Тамъ въ проходѣ, среди буруна, дикій остановилъ шлюбку и указалъ на море. Французы осмотрѣли и на глубинѣ отъ двѣнадцати до пятнадцати футовъ увидѣли среди коралловъ: якоря, пушки, ядра и много листоваго свинца. Это разсѣяло всякое сомнѣніе. На оконечности этой скалы разбилось одно изъ судовъ Лаперуза (Рис. XXIX. ф. 1.).

Дерева не оставалось болѣе, оно было истреблено водою; оставался только металлъ, болѣе прочный. Положеніе якорей заставило думать, что четыре изъ нихъ потонули вмѣстѣ съ кораблемъ, а остальные два, можетъ быть, были прежде отданы. Кромѣ того, мѣстоположеніе заставляетъ полагать, что корабль хотѣлъ чрезъ этотъ проходъ пройти внутрь рифа, сѣлъ здѣсь и не могъ освободиться. Нѣкоторые изъ островитянъ увѣряли, что экипажъ этого корабля высадился въ Паіу и построилъ маленькое судно, а что другой корабль, брошенный на рифъ съ внѣшней его стороны, былъ совершенно поглощенъ волнами.

Г. Жакино, открывъ такимъ образомъ мѣсто крушенія, немедленно занялся добываніемъ вещей изъ моря. Онъ пробовалъ подпять одинъ изъ якорей, но онъ такъ крѣпко присталъ ко дну, что это было невозможно. Потомъ Г. Гильбертъ былъ болѣе счастливъ: съ усиліями, отъ которыхъ сдѣлалась трещина въ шлюбкѣ, онъ извлекъ изъ среди кораловаго нароста якорь въ 1,800 фунтовъ и короткую восьми-фунтовую чугунную пушку, которые были оба покрыты ржавчиною и коралловымъ наростомъ въ два дюйма толщиною. Еще достали маленькую бронзовую пушку, мѣдный фалконетъ, мушкетонъ, большой листъ свинца, и куски фарфора, предметы, пролежавшіе сорокъ лѣтъ на днѣ моря. *Астролябія* сильно терпѣла въ этомъ дурномъ рейдѣ Осили. Зыбь мучила ее, и если бы цѣпи не выдержали, ее бы ударило о вертикальныя скалы, она близъ нихъ непремѣнно утонула бы, на глубинѣ 15 саженъ. Командиръ рѣшился перемѣнить мѣсто. Посредствомъ верповъ и шпринговъ онъ перетянулся въ обширный Маневайскій заливъ, спокойный и защищенный отъ ярости стихій. (Рис. XXIX. ф. 2).

Жители были здѣсь дружелюбнѣе; они находились въ враждѣ съ жителями Тевая, и съ радостію явились на *Астролябію*. Вожди привѣтствовали капитана, цѣлуя, по мѣстному обычаю, свою руку, и одинъ изъ нихъ, первый арики и жрецъ Маневая, по имени Моэмбъ, въ особенности завѣрилъ его въ своей дружбѣ. (Рис. XXVIII. ф. 3.).

Ему было лѣтъ пятьдесятъ. Этотъ малорослый человѣкъ, уродъ даже между своими, казался весьма добрымъ, миролюбивымъ, недокучливымъ и, можно сказать, пріятнымъ въ обхожденіи среди суровыхъ своихъ единоземцевъ. Моэмбъ сдружился съ Г. Дюрвилемъ и сталъ часто его навѣщать. Онъ охотно отвѣчалъ на всѣ вопросы, самъ ничего не спрашивалъ, терпѣливо ждалъ обѣщанныхъ подарковъ и съ признательностію принималъ, что ему давали.

Не такимъ показался Неро, вождь Тевая. Мрачный, грубый, ненасытный, онъ все принималъ съ видомъ недовольнымъ и все просилъ. Однажды чуть не вышла весьма непріятная сцена. Капитанъ Дюрвиль поѣхалъ навѣстить его въ Тевай въ сопровожденіи офицеровъ и безъ ружья. Старый Неро принялъ ихъ въ *домъ духовъ* и въ кругу своихъ воиновъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами. По обыкновенію онъ сталъ жаловаться, что ему ничего не давали; онъ неоднократно просилъ топоровъ, говоря, что *Пита* (Диллонъ) подарилъ ему много. Французскій капитанъ отвѣчалъ, что если онъ пошлетъ припасовъ на корабль, и въ особенности свиней, то ему дадутъ топоровъ. Онъ даже предложилъ три топора за каждую

свинью, на что Неро согласился, между тѣмъ свиньи не являлись; командиръ хотѣлъ уже ѣхать обратно на корабль; но дикіе внезапно приняли такой грозный видъ, что было бы безумнымъ для безоружныхъ ссориться съ ними. Капитанъ рѣшился употребить хитрость; онъ подошелъ къ Неро, и предложилъ ему большой топоръ и ожерелье, говоря ему, что это дается въ счетъ того, что ему слѣдовало по условію за свиней; потомъ всталъ и спокойно пошелъ къ своей шлюбкѣ. Неро, удивленный и довольный подаркомъ, не остановилъ его; такимъ образомъ дѣло обошлось безъ непріятностей.

Между тѣмъ ученые труды продолжались своимъ порядкомъ. Натуралистъ Гемаръ получилъ отъ капитана позволеніе отправиться безъ провожатыхъ на западную часть острова. Изъ предосторожности, дали ему въ спутники Англичанина Гамбильтона, который кое-какъ зналъ Ваникорійскій языкъ. Жители радушно приняли этихъ посѣтителей; но въ продолженіе пяти дней, проведенныхъ Гемаромъ и Англичаниномъ между ними, они не всегда казались гостепріимными и кроткими. Поѣздка натуралиста, связанная съ большими опасностями, не принесла ни какого плода. Пять дней спустя онъ возвратился съ сильною лихорадкою, и жалуясь на раздражительность и буйство жителей, отъ которыхъ на силу могъ отдѣлаться. Онъ не могъ получить отъ нихъ ни какого свѣдѣнія; его даже не допустили въ деревню Пама.

Послѣ всѣхъ этихъ открытій не оставалось уже сомнѣнія въ томъ, что эти острова были театромъ несчастія Лаперуза. Капитанъ Дюрвиль созвалъ своихъ спутниковъ, и показывая имъ найденныя вещи, спросилъ, какого они были на нихъ счетъ мнѣнія. Всѣ единогласно отвѣчали, что, по убѣжденію ихъ, вещи эти принадлежатъ кораблямъ Лаперуза. Тогда онъ сообщилъ имъ свое давнишнее намѣреніе, соорудить на самомъ островѣ мавзолей въ память соотечественниковъ, умершихъ жертвами науки. Это было съ восторгомъ принято, и каждый хотѣлъ содѣйствовать сооруженію памятника.

Такъ какъ не было возможности построить памятникъ въ самомъ Паіу, гдѣ совершилось несчастіе, то избрали мѣсто, гдѣ находилась купа мангаферовыхъ деревъ, на рифѣ, тянущемся предъ Маневайскимъ рейдомъ. Положено было дать памятнику видъ четверосторонной призмы, въ шесть футъ длиною, съ пирамидою такого же размѣра сверху. Весь памятникъ былъ составленъ изъ коралловъ, и кругомъ закрѣпленъ вбитыми въ землю кольями, а вершину сдѣлали изъ досокъ, купленныхъ въ Новой Зеландіи. Чтобы предохранить его отъ хищничества жителей, не употребили въ его построеніи ни гвоздей, ни желѣза. Постройка поспѣшно подвигалась, не смотря на корабельныя работы и на бѣдствія, постигшія новую *Астролябію* у тѣхъ самыхъ береговъ, которые были столь роковыми для старой (Рис. XXX. ф. 1.).

Лихорадка натуралиста Гемара усиливалась; самъ капитанъ, когда собирался навѣстить то мѣсто, на которомъ спасшіеся отъ кораблекрушенія соотечественники его строили свое маленькое судно, почувствовалъ сильные и опасные лихорадочные припадки.

Время дотолѣ стояло сухое; оно измѣнилось въ дождливое и нездоровое, и лихорадка сдѣлалась эпидемическою въ экипажѣ *Астролябіи*.

Однако же 14 Марта мавзолей былъ оконченъ; въ тотъ же день было совершено его освященіе, въ присутствіи одной части команды. Ружейные салюты состояли изъ троекратнаго залпа, на который отвѣчали пушки корвета. Обрядъ былъ совершенъ среди глубокаго и благоговѣйнаго молчанія. Все было грустно у этихъ береговъ, и печальное воспоминаніе прошедшаго, и настоящее, преисполненное черныхъ опасеній. Половина экипажа *Астролябіи* лежала въ лихорадкѣ, другая половина могла ожидать того же со дня на день. Корветъ находился въ величайшемъ затрудненіи: онъ былъ лишенъ рукъ, чтобы вырваться изъ опаснаго прохода. Еще нѣсколько дней, и построенный на отмели мавзолей могъ бы послужить надгробнымъ памятникомъ самимъ строителямъ. Капитанъ постигъ всю опасность своего положенія. Самъ одержимый болѣзнію, онъ имѣлъ еще силы отдавать приказанія, необходимыя для выхода изъ этого роковаго мѣста. Нѣсколько разъ пытались сдѣлать это, и каждый разъ число больныхъ увеличивалось; наконецъ 17 Марта экипажъ соединилъ всѣ свои усилія для спасенія...., Но приведемъ разсказъ самаго Дюрвиля:

«Сорокъ человѣкъ больныхъ на корветѣ, говоритъ онъ, и если пройдетъ и этотъ день (17 Марта), завтра, можетъ быть, будетъ уже поздно, чтобы оставить берега Ваникоро. Но

этому я рѣшаюсь сдѣлать послѣднюю попытку. Въ шесть часовъ утра корветъ сталъ притягиваться къ якорямъ, и поднимать ихъ одинъ за другимъ; работа тѣмъ болѣе трудная и продолжительная, что канатъ, цѣпь и кабельтовъ перепутались, а у насъ мало рукъ.

Къ восьми часамъ, между тѣмъ какъ мы занимались этою работою, шесть Тевайскихъ байдаръ подъѣхали къ кораблю; это тѣмъ болѣе удивило меня, что три или четыре Маневайца, находившіеся на кораблѣ, не показались нисколько устрашенными, хотя за нѣсколько до того дней говорили, что Тевайцы смертные ихъ враги. Когда я выразилъ имъ мое удивленіе, они съ двусмысленнымъ смѣхомъ отвѣчали, что помирились съ Тевайцами, и что эти послѣдніе везутъ намъ кокосовые орѣхи. Но я вскорѣ увидѣлъ, что они имѣли съ собою только луки и стрѣлы. Два, три изъ нихъ взошли на палубу съ видомъ рѣшительнымъ, и стали изъ большаго люка смотрѣть въ жилую палубу, чтобы удостовѣриться, сколько было больныхъ.

Бѣсовскіе ихъ взоры выражали злую радость. Тогда же нѣкоторые изъ матросовъ замѣтили мнѣ, что двое изъ Маневайцевъ, бывшихъ на кораблѣ, уже три или четыре дня сряду дѣлали тоже. Г. Грессіенъ, который съ утра замѣчалъ ихъ движенія, видѣлъ, что воины двухъ племенъ собрались на берегу, и долго между собою совѣщались.

«Все это было признакомъ самыхъ коварныхъ замысловъ; я видѣлъ всю опасность нашего положенія. Немедленно было приказано островитянамъ оставить корветъ. Они имѣли дерзость посмотрѣть на меня съ гордымъ и грознымъ видомъ, какъ бы смѣясь надъ моимъ повелѣніемъ. Тогда я приказалъ отворить арсеналъ, который былъ постоянно запертъ, и съ строгимъ видомъ, одною рукою показалъ имъ на блестящіе двадцать ружей, а другою на ихъ байдары. Они знали силу огнестрѣльнаго оружія и съ трепетомъ спустились въ свои байдары. На этихъ людей гораздо лучше дѣйствовать однимъ видомъ огнестрѣльнаго оружія; страхъ, внушаемый имъ, спасительнѣе для Европейца, нежели самое употребленіе. Увидя пистолетъ, двадцать дикихъ разбѣгутся; но они въ состояніи броситься съ неистовствомъ звѣря на цѣлый отрядъ, который бы далъ уже залпъ по нимъ.

Какъ бы то ни было, послѣ этой явной ссоры съ островитянами, мы болѣе нежели когда нибудь должны были думать объ отплытіи. Я ободрялъ экипажъ, и сколько мнѣ позволяли слабыя мои средства, ускорялъ минуту отправленія. Сами больные, изнуренные лихорадкою, приняли участіе въ работахъ, и намъ удалось наконецъ остаться на одномъ верпѣ, на глубинѣ въ тридцать саженей.

Въ четвертъ двѣнадцатаго часа 17 Марта, *Астролябія* вступила подъ паруса. Мы держались сперва какъ можно ближе къ вѣтру, при довольно свѣжемъ O. S. O.; потомъ спустились къ проливу; но въ самомъ трудномъ мѣстѣ, тамъ гдѣ наиболѣе подводныхъ камней, нежданный шквалъ ограничилъ нашъ горизонтъ кругомъ, на 80 туазовъ не болѣе.

Измученный лихорадкою, я едва могъ держаться на ногахъ, чтобы отдавать приказанія; слабость глазъ была такова, что я не могъ смотрѣть на пѣнистыя волны, которыя обѣляли обѣ стороны пролива; офицеры обнаружили въ этомъ случаѣ всю свою дѣятельность, въ особенности Г. Грессіенъ, которому я поручилъ вести корветъ. Онъ служилъ намъ лоцманомъ, и исполнилъ свою обязанность съ такимъ хладнокровіемъ, благоразуміемъ и искусствомъ, что корветъ благополучно прошелъ узкій и трудный проливъ, которымъ мы должны были выйти въ море. Эта минута рѣшала участь экспедиціи, и малѣйшая ошибка влекла за собою неминуемую гибель корвета среди отмелей пролива. Нѣсколько минутъ продолжались наши опасенія; за то, когда мы увидѣли себя освобожденными отъ всѣхъ опасностей этого роковаго острова, не смотря на болѣзненное состояніе, мы испытали такую же радость; какую испытываютъ плѣнники, вырвавшіеся изъ самой мучительной неволи. Сладкая надежда ободрила насъ, взоры наши еще разъ устремились къ берегамъ отечества, отъ котораго насъ отдѣляло пространство въ пять или шесть тысячъ лигъ.»

Впрочемъ долгое пребываніе *Астролябіи* у этихъ береговъ, хотя и связанное съ такими опасностями, принесло пользу наукѣ; были сдѣланы важныя наблюденія: Г. Грессіенъ снялъ самый вѣрный и полный планъ всего острова; формы его береговъ; его рифы, самая почва были съ подробностію описаны. Карта его составляетъ одну изъ капитальныхъ работъ экспедиціи. Ваникоро, такъ недавно открытый, теперь есть одно изъ найлучше описанныхъ мѣстъ Южнаго Океана.

Натуральная исторія его тщательно изслѣдована, и въ музеумѣ хранятся многочисленные образцы, доставленные Дюрвилемъ. Кромѣ этихъ изслѣдованій, общихъ и полезныхъ, сдѣлано также изслѣдованіе о кораблекрушеніи, и этотъ предметъ, бывшій главною цѣлію экспедиціи Дюрвилля въ Ваникоро, заключаетъ много любопытнаго, и заслуживаетъ особеннаго вниманія.

«Съ самой минуты нашего прибытія, говоритъ Дюрвиль, островитяне, суровые и подозрительные, какъ и всѣ дикіе чернаго Океанійскаго племени, приняли, казалось, постоянную систему отрицанія, во всемъ, что относилось къ этому несчастію, или давали отвѣты уклончивые: *Не знаю.—Не видѣлъ. Это случилось весьма давно.—Мы слышали отъ нашихъ отцовъ*. Было очевидно, что обхожденіе ихъ съ несчастными жертвами кораблекрушенія было самое безчеловѣчное. Безъ сомнѣнія, они боялись насъ какъ мстителей, особенно если узнали отъ Англичанъ и отъ Тикопійцевъ, что мы одного племени съ Мара. Впрочемъ, когда они удостовѣрились, что мы не имѣли ни какого непріязненнаго намѣренія, и что, напротивъ, мы ихъ дарили и ласкали, они стали сговорчивѣе и нѣкоторые охотнѣе отвѣчали на мои вопросы. Я исключительно обращался къ старикамъ, которые могли быть очевидцами роковаго событія, и къ тѣмъ изъ молодыхъ, которые казались мнѣ понятливыми и одаренными лучшею памятью, и потому могли помнить то, что слышали отъ своихъ отцовъ.

«Въ моемъ повѣствованіи я представилъ результаты распросовъ; наиболѣе пользовался я показаніями Валико, вождя селенія Ваникоро, одного весьма стараго вождя Маневая, и Моэмба, духовнаго главы того же селенія; изъ другихъ болѣе заслуживаютъ вниманіе Тангалоа и Кава-лики, молодые вожди, весьма умные, гордившіеся происхожденіемъ своимъ отъ отца Тикопійца и матери изъ Ваникоро, что ихъ сближало съ настоящимъ Полинезійскимъ племенемъ. Изъ сравнительнаго изслѣдованія различныхъ разсказовъ, я составилъ слѣдующее, самое вѣроподобное, по мнѣнію моему, описаніе Лаперузова кораблекрушенія.

«Послѣ весьма мрачной ночи, въ продолженіе которой дулъ сильный S. O., островитяне видѣли поутру на нижнемъ берегу, напротивъ округа Танема, огромную байдару на мели. Она вскорѣ была смыта волнами, и совершенно исчезла; послѣ чего имъ не удалось ничего спасти изъ нея. Изъ бывшихъ въ ней людей весьма немногіе спаслись на шлюбкѣ и вышли на островъ. На другой день, утромъ же, дикіе замѣтили другую байдару, подобную первой, сидѣвшую также на мели предъ Паіу. Она была на подвѣтренной сторонѣ отъ острова, слѣдовательно менѣе терпѣла отъ волненія, къ тому же она сидѣла на ровномъ грунтѣ, въ глубинѣ отъ 12 до 15 футовъ, и потому долго оставалась цѣлою; находившіеся въ ней люди съѣхали въ Паіу, гдѣ вмѣстѣ съ людьми, спасшимися съ другаго корабля, немедленно занялись постройкою небольшаго судна, изъ обломковъ того, которое стояло на мели.

«Французы, которыхъ островитяне прозвали *Мара*, всегда были, по ихъ разсказу, уважаемы; къ нимъ не иначе приступали, какъ цѣлуя имъ руки, что часто дѣлали они съ офицерами *Астролябіи*. Впрочемъ нѣсколько разъ происходили драки, и въ одной изъ этихъ стычекъ островитяне потеряли много воиновъ, въ томъ числѣ трехъ вождей; два Француза были тоже убиты. Наконецъ послѣ шести или семи лунъ, маленькое судно было окончено, и всѣ иноземцы оставили островъ: такъ по крайней мѣрѣ разсказывали большею частію; впрочемъ нѣкоторые говорили, будто остались двое *Мара*, но жили недолго. Какъ бы то ни было, нельзя думать, чтобы теперь существовалъ кто нибудь изъ спутниковъ Лаперуза, ни въ Ваникоро, ни въ Тикопіи, ни даже въ Нитенди или на другомъ изъ сосѣднихъ острововъ. Что касается до череповъ несчастныхъ Французовъ, умерщвленныхъ дикими, весьма вѣроятно, что они долго сохранялись, какъ трофеи, и что если они и существовали до нашего прихода, то были тщательно скрыты отъ всѣхъ поисковъ.

По всему должно думать, что Лаперузъ отъ острововъ Дружбы и Новой Каледоніи направился къ сѣверу и продолжалъ плаваніе къ Санта-крузу, сообразно съ данною ему инструкціею, и какъ онъ самъ говоритъ въ послѣднемъ своемъ донесеніи морскому министру. Подходя къ этимъ островамъ, онъ рѣшился продолжать плаваніе ночью, какъ онъ это часто дѣлалъ, и неожиданно попалъ на ужасные рифы, лежащіе кругомъ Ваникоро, существованіе которыхъ было совершенно не извѣстно. Вѣроятно фрегатъ шелъ впереди (вещи, доставленныя Диллономъ, застав-

ляютъ думать; что то былъ фрегатъ *la Boussole*) и ударившись о мели, не могъ сняться; другой корабль успѣлъ подняться къ вѣтру и удалиться отъ рифовъ въ море; но освободясь отъ этой первой опасности, онъ не могъ рѣшиться покинуть людей перваго корабля, и можетъ быть, самаго начальника экспедиціи, на произволъ дикарей, а потому не отдаляясь отъ острова, долженъ былъ употребить всѣ средства для ихъ спасенія. Нѣтъ сомнѣнія, что это было причиною погибели втораго судна. Самый видъ мѣста, гдѣ оно осталось, подкрѣпляетъ это мнѣніе; при первомъ взглядѣ можно точно подумать, что тамъ есть проходъ между скалами. Можетъ быть, второй фрегатъ пробовалъ проникнуть чрезъ этотъ проходъ внутрь цѣпи рифовъ, и не прежде узналъ свою ошибку, какъ въ то время, когда гибель была уже неизбѣжна.

«Не смотря на то, что нѣтъ ни какого положительнаго и прямаго доказательства, что эти обломки дѣйствительно принадлежатъ экспедиціи Лаперуза, кажется, не остается уже въ этомъ ни какого сомнѣнія. Свѣдѣнія, собранныя мною отъ островитянъ, совершенно согласны въ существѣ дѣла съ повѣствованіемъ Диллона, между тѣмъ я нисколько не могъ руководствоваться показаніями его, потому что узналъ о сдѣланномъ имъ донесеніи въ Иль-де-Франсѣ, не прежде какъ два мѣсяца послѣ отправленія моего рапорта въ министерство. Слѣдовательно эти показанія вполнѣ заслуживаютъ вѣру; изъ нихъ видно, что два большіе корабля погибли лѣтъ сорокъ тому назадъ на мели близъ Ваникоро; что въ нихъ было много народа; жители помнили даже, что суда тѣ были подъ бѣлымъ флагомъ. Все это, равно какъ и пушки и мортиры, добытыя на самомъ мѣстѣ, доказываетъ, что корабли были военные; съ другой стороны положительно извѣстно, что за долго до этой эпохи и долго послѣ, ни одно военное судно не погибло въ тѣхъ моряхъ, кромѣ фрегатовъ Лаперуза и *Пандоры*, которою командовалъ Эдвардсъ и которая разбилась на рифѣ Торресова пролива. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ вещей, доставленныхъ капитанами Диллономъ и Дюрвилемъ, доказываютъ, что корабли, на которыхъ онѣ находились, заняты были важными работами. Наконецъ доска съ лиліями совершенно соотвѣтствуетъ сохранившимся рисункамъ рѣзьбы, которою была украшена корма фрегата *la Boussole*. Столько данныхъ составляютъ доказательство неоспоримое.

«Читатель ожидаетъ вѣроятно моего мнѣнія о пути, которымъ шли Французы, отправляясь изъ Ваникоро; я полагаю, что они держались сперва на Новую Ирландію, чтобы оттуда отправиться къ островамъ Молукскимъ и Филиппинскимъ, по слѣдамъ Картерета или Бугенвиля. Тогда одинъ этотъ путь могъ представлять нѣкоторую надежду слабому и худо вооруженному судну, построенному въ Ваникоро; кромѣ недостатка средствъ, должно полагать, что Французы были изнурены лихорадкою и войною съ жителями.

«Я почти убѣжденъ, что на западномъ берегу Саломоновыхъ острововъ откроются, можетъ быть, впослѣдствіи, слѣды ихъ странствія.»

Это заключеніе Дюрвиля казалось ему такъ основательнымъ, что онъ отъ Ваникоро хотѣлъ плыть къ Саломоновымъ островамъ, дабы искать слѣдовъ своихъ предшественниковъ; но отчаянное состояніе его экипажа заставило его слѣдовать прямо къ островамъ Маріанскимъ, какъ единственному пристанищу, гдѣ больные могли ожидать какого нибудь пособія.

Когда первыя извѣстія объ открытіяхъ Диллона достигли Франціи, министерство опасалось, что Дюрвиль не воспользуется этими данными, и не посѣтитъ самаго мѣста крушенія. На всякій случай морской министръ приказалъ Г. Легоарану, командиру корвета *Bayonaise*, стоявшаго тогда у западныхъ береговъ Америки, отправиться въ Тикопію и Ваникоро, чтобы тамъ изслѣдовать самымъ подробнымъ образомъ все, что относится до гибели Лаперуза.

Легоаранъ вступилъ подъ паруса 8 Февраля 1828 г., изъ Вальпарайзо посѣтилъ острова Гавай, Фаннингъ, Сидней, Фениксъ, Ротуму и Тикопію, и на послѣднемъ видѣлъ Пруссака Бушарта и Ласкара-Джоэ. Бушартъ не принялъ ни какихъ предложеній; а Джоэ, лишившись недавно жены, согласился отправиться на корветѣ. Корветъ пришелъ въ Ваникоро 3 Іюня, и, по словамъ капитана, простоялъ подъ парусами двѣнадцать дней. Этимъ онъ избѣгъ лихорадки, но за то въ отношеніи къ наукѣ и къ географіи не сдѣлалъ ничего; вопросъ о крушеніи Лаперуза остался въ томъ же положеніи, въ какомъ оставилъ его Дюрвиль. Нельзя не сожалѣть о томъ, что *Байонезъ*, имѣя экипажъ вдвое многочислен-

нѣе, пежели *Астролябія*, не послалъ сильнаго отряда въ Паіу, для розыска, который, можетъ быть, доставилъ бы новыя доказательства пребыванія Французовъ. Самое примѣчательное обстоятельство пребыванія здѣсь этого корвета заключается въ томъ, что одна изъ его шлюбокъ открыла памятникъ, недавно сооруженный капитаномъ Астролябіи. Жители не только не разрушили мавзолея, но еще окружили его нѣкоторымъ почтеніемъ, и едва позволили морякамъ съ Байонеза приступить къ нему, чтобы прибить медаль, долженствовавшую свидѣтельствовать о посѣщеніи ими этого мѣста. Слѣдовательно, можно надѣяться, что этотъ мавзолей будетъ существовать сколько позволятъ то слабые матеріялы, изъ которыхъ онъ построенъ. Ужели Франція не сдѣлаетъ для моряковъ, погибшихъ въ ея службѣ, чего нибудь прочнѣе этого простаго и непрочнаго памятника, воздвигнутаго благоговѣйною мыслію?

Другіе мореплаватели безъ сомнѣнія посѣтили Ваникоро послѣ Дюрвиля и Легоарана, потому что въ морской музеумъ доставлено дерево съ цифрою 1788, вырѣзанною безъ сомнѣнія однимъ изъ спутниковъ Лаперуза. Но какъ мы не имѣемъ ни какого положительнаго на этотъ счетъ свѣдѣнія, то ограничиваемся этимъ показаніемъ. Судьба славнаго Французскаго мореплавателя, погибшаго на меляхъ Ваникоро, безъ сомнѣнія заслуживала историческаго отступленія въ нашемъ разсказѣ; мы представили только то, что собрали наиболѣе вѣрнаго или правдоподобнаго.

ГЛАВА XVI.

Ваникоро. — Географія. — Нравы.

Група Ваникоро, открытая въ 1788 г. Лаперузомъ, который дорого заплатилъ за это открытіе, была усмотрѣна Эдвардсомъ въ 1791 г., и названа имъ *островомъ Питтъ*. Въ Маѣ 1793 г., д'Антркасто, посланный съ кораблями *la Recherche* и *l'Esperance* послѣдамъ Лаперуза, прошелъ въ разстояніи двѣнадцати лигъ отъ береговъ Ваникоро и далъ ему названіе своего корабля. Потомъ сюда приходили, какъ мы уже видѣли, въ 1823 г., капитанъ Дюперрс, за нимъ Диллонъ, послѣ Дюрвиль и наконецъ Легоаранъ.

Два острова не равной величины составляютъ группу *Ваникоро*; они окружены коралловымъ рифомъ, имѣющимъ въ окружности около тридцати шести миль. Дюрвиль далъ большому острову названіе *Recherche*, а меньшому *Тевай*, по имени главнаго селенія. Первый имѣетъ тридцать миль въ окружности; Тевай не болѣе девяти. По обсерваціямъ, сдѣланнымъ *Астролябіею*, заливъ Ѳсили лежитъ подъ 11° 40' шир. и 164° 32' в. дол.

Оба острова покрыты лѣсомъ отъ прибрежья до внутреннихъ возвышенностей. Гора Капого, высочайшая точка всей группы, имѣетъ 474 тоаза высоты; ее можно видѣть въ разстояніи двадцати лигъ.

Кромѣ двухъ главныхъ островомъ есть еще во внутреннемъ заливѣ два островка, изъ коихъ одинъ называется Маневай, по обитающему въ немъ племени (Рис. XXX. ф. 2), и еще не большой островъ Нануна въ сѣверо-западной части группы; каждый изъ этихъ островковъ имѣетъ не болѣе 500 тоазовъ въ окружности.

Рифъ, облегающій всю группу, перерѣзанъ промежуткомъ около восьми миль, только въ восточной части. Въ другихъ мѣстахъ есть проходы болѣе или менѣе узкіе, чрезъ которые можно проникнуть внутрь рифа, гдѣ обыкновенная глубина отъ тридцати до сорока брассовъ, съ огромными коралловыми глыбами, возвышающимися до десяти футовъ.

Другой рифъ тянется кругомъ острова вдоль самаго берега, отъ чего весьма трудно приставать къ нему. Только въ Осили и въ Паіу песчаный грунтъ у береговъ позволяетъ шлюбкамъ приставать къ нимъ. Жалкое и немногочисленное племя обитаетъ на этихъ островахъ, которые впрочемъ довольно плодородны. Жителей, кажется, не болѣе 1500; внутренность острова представляетъ обширный и непроницаемый лѣсъ; только берега населены. Земля обработана не далѣе какъ на одну милю отъ берега. Главные предметы земледѣлія суть: таро, ямсъ, бананы и кава.

Жители вообще малорослы, худощавы; слабы и болѣзненны; цвѣтъ кожи черный; физіономіи непріятны. Чрезмѣрная высота лба и сжатость головы между висками, придаютъ имъ что-то странное и дикое. Они курносы, и протыкаютъ въ хрящѣ раздѣляющій ноздри куски дерева и раковинки. Почти всѣ они гибки, поворотливы

и дѣятельны, хотя встрѣчаются прокаженные и больные вередами (Рис. XXXI. ф. 1).

Женщины, сравнительно, хуже мужчинъ. Но не смотря на отвратительную ихъ наружность, мужчины чрезвычайно ревнивы, и показываютъ ихъ гостямъ не иначе какъ подъ собственнымъ охраненіемъ. Ихъ груди, вялыя съ раннихъ лѣтъ, висятъ очень некрасиво; Ваникорянки ускоряютъ еще дѣйствіе годовъ стягиваясь поясомъ выше грудей (Рис. XXXI. ф. 2.)

Одежда мужчинъ состоитъ обыкновенно въ поясѣ изъ матеріи, дѣлаемой изъ волоконъ гибискуса или плетенаго тростника, къ которому привязывается небольшой кусокъ полотна, служащаго вмѣсто маро. Женщины носятъ такой же поясъ; но передникъ ихъ спускается до самихъ колѣнъ. Для наряда женщины и мужчины подымаютъ волоса сзади, и обтягиваютъ голову кускомъ матеріи, который виситъ на спинѣ какъ длинный мѣшокъ. (Рис. XXXI. 1. и XXVIII. 2. и 3). И тѣ и другіе навѣшиваютъ себѣ къ ушамъ, а иногда и къ носу, множество колецъ изъ черепахи. Они носятъ также браслеты изъ маленькихъ круглыхъ раковинъ и кокосовыхъ орѣховъ, и весьма высоко цѣнятъ это украшеніе.

Ваникорійцы много употребляютъ бетелю, что чрезвычайно портитъ ихъ десны. Для дѣланія бетеля они воздѣлываютъ *piper* или кава, употребленіе котораго, какъ хмѣльнаго напитка, имъ не извѣстно. Известка, обращенная въ самую мелкую пыль, хранится въ небольшихъ кувшинахъ изъ тыквы, украшенныхъ рѣзьбою и закупоренныхъ кускомъ дерева. Арекъ и бетель хранятся въ двухъ маленькихъ мѣшечкахъ. Здѣсь извѣстно татуированіе посредствомъ накалыванія, но татуируютъ только спину, гдѣ изображаютъ рыбъ, ящерицъ и линіи зигзагами или городками. Впрочемъ этихъ изображеній почти не видно отъ черноты кожи.

Островитяне питаются рыбою, черепахами, раковинами, таро, кокосами, бананами и особеннымъ родомъ сладкаго картофеля. У нихъ есть также два рода хлѣбнаго дерева, плоды которыхъ употребляются въ пищу; но арумъ или таро, который они трутъ особеннымъ образомъ (Рис. XXXII. ф. 1); составляютъ главную ихъ снѣдь. Свиньи были весьма рѣдки во время пребыванія тамъ *Астролябіи*; дворовыхъ птицъ вовсе не замѣчено.

Хижины островитянъ имѣютъ отъ десяти до двадцати футъ въ длину и отъ шести до десяти въ ширину; кровли спускаются на обѣ стороны не доходя до земли на четыре или пять футъ и поддерживаются тремя рядами кольевъ.

Грубыя плетенки изъ кокосовыхъ листьевъ служатъ для кровель и для стѣнъ этихъ хижинъ; въ одной оконечности находится дверь, посреди нѣ четыреугольный очагъ, а по угламъ небольшія прилавки для складыванія домашней утвари.

Нѣкоторыя казы, красивѣе, просторнѣе и лучше построенныя, называются домами атуаевъ и служатъ арсеналами, залами для совѣщаній и въ то же время храмами (Рис. XXXII. ф. 2). Въ многихъ изъ нихъ хранятся луки и стрѣлы, а по стѣнамъ сдѣланы эстрады, на которыхъ въ военное время спятъ островитяне.

Байдары ихъ чрезвычайно грубой постройки; большею частію это простыя бревна, почти цилиндрическія, выдолбленныя внутри, но такъ, что верхнее отверзтіе едва имѣетъ достаточную широту, чтобы продѣвать туда ноги; часто даже это отверзтіе задѣлано досками, чтобы вода не наливалась внутрь. Эти байдары снабжены поперечнымъ коромысломъ и держатъ треугольный парусъ необыкновенно высокій (Рис. XXXIII. ф. 1). Ваникорійцы далеко отстали отъ своихъ сосѣдей Полинезійцевъ въ искусствѣ мореплаванія.

Доселѣ ничего положительнаго не дознано о ихъ религіи; извѣстно только, что они имѣютъ какую то религію. Она должна быть родъ фетишизма, потому что старикъ Моэмбъ, Маневайскій жрецъ, по просьбѣ капитана Дюрвиля, чтобы показать ему своихъ атуаевъ *Лубо* и *Бани*, повелъ его въ казу весьма жалкаго вида и показалъ ему нору краба или водоземнаго рака, говоря, что это *Лубо*, и земляное гнѣздо насѣкомыхъ въ родѣ пчелъ или муравьевъ, которое называлъ божествомъ *Бани*. Когда Дюрвиль сдѣлалъ свои приношенія этимъ страннымъ божествамъ, благочестивый Моэмбъ прочиталъ длинную молитву каждому изъ нихъ, потомъ взялъ поднесенныя вещи, завернулъ ихъ весьма осторожно и отнесъ къ себѣ въ домъ. Моэмбъ говорилъ также, что вершина горы Капого, и въ особенности бѣловатая и нагая скала, съ которой сливались дождевые пото-

ки, есть мѣстопребыванiе другаго, болѣе могущественнаго, бога.

Ваникорійцы утверждаютъ, что они вовсе не людоѣды, но сознаются, что трупы убитыхъ на войнѣ вымачиваются ими въ морѣ, дабы отдѣлить кости отъ мяса. Они сохраняютъ черепы, какъ трофеи, и употребляютъ кости для острія стрѣлъ.

Говорятъ, что подобныя стрѣлы наносятъ раны смертельныя, чего не бываетъ отъ обыкновенныхъ; но это подвержено сомнѣнію и не потверждено опытами, произведенными на *Астролябіи* и кораблѣ *Research*.

Ваникорійскій языкъ весьма различенъ отъ Полинезійскихъ діалектовъ, хотя и имѣетъ общія съ ними выраженія. Впрочемъ на самомъ Ваникоро существуетъ много нарѣчій, и Г. Гемаръ удостовѣрился, что нарѣчія эти измѣняются въ каждомъ колѣнѣ, и на каждомъ мысѣ. Языкъ довольно звученъ; жители имѣютъ нѣкоторую способность къ изученію языковъ и выговариваютъ Европейскія слова чище, нежели другіе Полинезійцы.

Жители Ваникоро раздѣлены на восемь селеній; каждое состоитъ изъ тридцати или сорока хижинъ. Селенія эти суть: на островѣ *Research*: Мамбили, Вану, Нама, Пайу и Танема; на Тевай, деревушки Ваникоро и Тевай; на островкѣ Маневай, деревушка того же имени. Еще недавно было селеніе въ Осили, но оно совершенно разрушено. Каждое изъ племенъ признаетъ надъ собою вождя или алигуи, котораго власть и права трудно опредѣлить. Капитанъ Дюрвиль узналъ только, что въ случаѣ войны, вожди остаются неутральными и никогда между собою не воюютъ. Если это правда, то подобный обычай дикаго острова могъ бы служить полезнымъ примѣромъ нашимъ просвѣщеннымъ государствамъ, гдѣ короли нерѣдко большіе охотники до войнъ, когда народъ желаетъ мира.

Произведенія этого острова суть чисто Океанійскія; но въ нихъ уже болѣе видна природа Азіи. Капитанъ Диллонъ нашелъ здѣсь мангу.

Птицъ и рыбъ множество всѣхъ родовъ, а въ подводныхъ скалахъ чрезвычайное изобиліе улиткообразныхъ животныхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, новыя и любопытныя, были описаны въ путешествіи *Астролябіи*.

ГЛАВА XVII.

Островъ Нитенди или Санта-крузъ — Острова Тупуа, Мендана, Даффъ, Таумако.

Океанія, выйдя изъ водъ Ваникоро, положила якорь, какъ мы видѣли, у острова Нитенди, 18 Іюня. По правой и лѣвой сторонамъ залива, въ который мы вошли, показывались многолюдныя и большія селенія, и съ разныхъ точекъ спѣшили къ намъ байдары. Не всѣ достигали насъ, потому что заливъ весьма обширенъ, а мы отдали якорь въ самой его глубинѣ; однако же насъ тотчасъ окружили до ста лодокъ изъ двухъ деревень ближняго берега. На каждой изъ нихъ было отъ трехъ до пяти человѣкъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами, и по видимому, привыкшихъ къ Европейцамъ. Они подняли ужасный шумъ кругомъ шлюпа, но вели себя довольно миролюбиво и честно. Многіе принесли намъ кокосовые орѣхи, ямсъ, родъ огурцевъ, спондіасъ, большихъ голубей, нѣсколько дворовыхъ птицъ, и весьма небольшое число свиней. Такъ какъ мы не снабжались ничѣмъ со времени отправленія изъ Тонга-табу, то *Океанія* чувствовала недостатокъ въ свѣжей провизіи. Мы воспользовались случаемъ купить ее, хотя цѣны были несравнено выше существовавшихъ на Полинезійскихъ островахъ. За свинью, напримѣръ, весьма маленькую, должно было платить топоръ.

Кромѣ свѣжей провизіи, Пендлетонъ нуждался въ дровахъ и водѣ, и желалъ запастись ими здѣсь. Для этого онъ хотѣлъ сблизиться съ какими нибудь вождями; но всѣ его познанія въ Океанійскихъ языкахъ были безполезны: ни одинъ изъ дикихъ не понималъ его. Онъ думалъ уже отказаться отъ этихъ попытокъ, когда замѣтилъ въ одной байдарѣ человѣка, не столь черняго цвѣтомъ какъ другіе; черты его лица видимо различествовали отъ типа черныхъ. Пендлетонъ, пригласивъ его на корабль, сталъ съ нимъ говорить, успѣлъ объясниться, и узналъ отъ него, что онъ былъ родомъ изъ Тикопіи, по имени Фатаку, и былъ занесенъ бурею къ берегамъ Нитенди. Этотъ переводчикъ былъ для насъ находкою. Когда капитанъ изъявилъ ему желаніе объясниться съ однимъ изъ вождей, Тикопіецъ показалъ ему старика довольно пріятной наружности, который, при первомъ сдѣланномъ ему знакѣ, взошелъ на корабль,

Топоръ, кусокъ красной матеріи и нѣсколько бездѣлокъ, подаренныхъ этому человѣку, привели его въ восторгъ; онъ ихъ показывалъ людямъ, бывшимъ въ байдарахъ, какъ побѣдитель дорогую добычу. Послѣ первыхъ порывовъ радости, онъ вспомнилъ однако, что нужно также съ своей стороны дать что нибудь взамѣнъ полученныхъ драгоцѣнностей, и спросилъ у Пентлетона, чего онъ отъ него ожидаетъ. Тикопійскій драгоманъ объяснилъ, что шлюпъ нуждается въ дровахъ и въ провизіи, на что вождь отвѣчалъ, что въ его селеніи можно достать все. Селеніе находилось въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ, на восточномъ берегу залива. Чтобы показать намъ вполнѣ свою добрую волю, вождь, по имени Ламоа, просилъ чтобы тотчасъ же перевели туда судно. Но намъ нужно было сперва удостовѣриться, не сопряжено ли это съ опасностію.

Было положено, что вождь воротится къ себѣ въ тотъ же вечеръ, и на другой день прибудетъ самъ въ качествѣ лоцмана, чтобъ провести двѣ шлюбки въ Мамбо. Условясь въ этомъ онъ сѣлъ въ свою байдару; его можно было слѣдить глазами, до того времени, какъ онъ присталъ къ берегу, и съ гордостію показывалъ жителямъ, собраннымъ на берегу, новыя свои богатства. Впрочемъ этотъ дикій очерь хорошо понялъ, чего Пендлетонъ желалъ отъ него; онъ зналъ, что между нимъ и капитаномъ будетъ существовать дружеская связь, и охотно перемѣнялся съ нимъ именами по Полинезійскому обычаю. Онъ называлъ капитана Ламоа, а тотъ называлъ его Пендлетономъ.

Байдары, удалившіяся отъ насъ съ закатомъ солнца, прибыли опять съ разсвѣтомъ. Онѣ были нагружены провизіею, но въ небольшомъ количествѣ; изъ чего мы заключили, что островъ не столь плодороденъ, какъ казалось, или что произведеній его было только достаточно для народонаселенія. Другъ нашъ, вождь Ламоа, прибылъ изъ первыхъ всопровожденіи одного изъ своихъ сыновей. Онъ поднесъ Пендлетону, въ замѣнъ вчерашнихъ его подарковъ, ямса, сладкихъ пататовъ, арековыхъ орѣховъ, но всего понемногу и съ видимою бережливостію. Послѣ того онъ сѣлъ на одно изъ нашихъ гребныхъ судовъ, а его сынъ на другое. Я присоединился къ нимъ въ качествѣ любителя: нельзя было найти лучшаго случая для осмотрѣнія острова, столь рѣдко посѣщаемаго мореплавателями.

Въ семь часовъ утра мы отправились, и чрезъ часъ были уже въ Мамбо. Одинъ взглядъ на эту часть залива, и лотъ, брошенный въ море, удостовѣрили лейтенанта Ренбоу, что *Океанія* не могла безъ большой опасности перейти сюда. Берега кругомъ были плоски и открыты; посрединѣ протекала небольшая рѣчка. Шлюбки плыли по ней вверхъ, на двѣсти или триста саженъ. Она имѣла до сорока футовъ въ ширину и три фута глубины. Вода была совершенно прѣсная.

Наскоро налили нѣсколько бочекъ, а я успѣлъ между тѣмъ сходить въ деревню. Пріятель Ламоа сперва не соглашался на это; но съ моей стороны былъ употребленъ аргументъ, предъ которымъ онъ не могъ устоять: я подарилъ ему стекляное ожерелье, и онъ позволилъ своему сыну провести меня въ Мамбо.

Эта деревушка, заключаетъ до сорока казъ, просторныхъ, удобныхъ, съ дверьми по всѣмъ четыремъ сторонамъ, окруженныхъ стѣнами изъ дикаго камня безъ смазки, въ четыре или пять футовъ вышиною и почти такой же толщины. Стѣна составляла родъ укрѣпленія, и каждая каза могла обратиться въ отдѣльную крѣпостцу. Я заглянулъ въ одну казу чрезъ полурастворенную дверь, и видѣлъ цыновки на полу; а посрединѣ жилья очагъ съ огнемъ. Жителей было отъ шести до восьмидесяти человѣкъ. Они опрятны и здоровы, что заставляетъ предполагать, что пища здѣсь хороша и изобильна. Никто впрочемъ не оказалъ мнѣ того учтиваго гостепріимства, какое я всегда находилъ у жителей Полинезіи, даже у самыхъ нерадушныхъ. Напротивъ, люди смотрѣли на меня съ подозрѣніемъ, и даже выражали суровыми взглядами свое неудовольствіе сыну Ламоа, за то что онъ ввелъ меня въ тайны ихъ пенатовъ. Поэтому и онъ не оказалъ мнѣ большаго усердія въ качествѣ чичероне. Чрезъ часъ онъ повелъ меня обратно къ шлюбкамъ. Въ этой краткой прогулкѣ я видѣлъ нѣсколько женщинъ, довольно пріятныхъ, не смотря на закопченый цвѣтъ лицъ и на испорченный употребленіемъ бетеля и извѣстки ротъ. Одежда ихъ состояла изъ передника, который спускался отъ пояса до колѣнъ, и лоскута толстой матеріи, которымъ онѣ покрывали голову и плеча. Мужчины также употребляютъ бетель, и такъ усердно, что ихъ зубы

принимаютъ видъ свиныхъ зубовъ, вставленныхъ въ челюсть.

Къ двумъ часамъ по полудни мы поѣхали обратно на корабль, гдѣ Пендлетонъ нетерпѣливо насъ ожидалъ. Онъ очень досадовалъ, что не могъ стать у селенія Мамбо, ибо жители ближнихъ селеній доставляли весьма мало живности; сверхъ того, между ними проявлялись признаки опаснаго буйства.

Въ числѣ различныхъ эпизодовъ этой стоянки, нельзя умолчать объ одномъ обстоятельствѣ, весьма характеристическомъ. Оно покажетъ, какъ велико вліяніе жрецовъ на народъ, и какими неимовѣрными плутнями они пріобрѣтаютъ и поддерживаютъ его. Между дикими, подъѣхавшими на байдарахъ къ кораблю, находился жрецъ; лишь только Ламоа завидѣлъ его, то просилъ капитана, чтобы ему позволили войти на палубу. На это отличіе онъ имѣлъ права, по мнѣнію вождя, какъ жрецъ, колдунъ, и въ случаѣ надобности, вдохновенный. По этимъ естественнымъ или сверхъестественнымъ качествамъ, жрецъ слылъ во всемъ околодкѣ лицемъ весьма важнымъ. Пендлетонъ не могъ отказать; онъ приказалъ пустить его на корабль и даже хотѣлъ тотчасъ сдѣлать ему кое какіе подарки, когда тотъ предупредилъ его и занялся болѣе нужнымъ дѣломъ. Онъ хотѣлъ тутъ же выказать свое искусство въ колдовствѣ; онъ не затѣмъ пріѣхалъ, чтобы получать дары, но чтобы удивить насъ своими талантами. Войдя на палубу, жрецъ тотчасъ сбросилъ съ плечъ суму, сталъ дѣлать странныя тѣлодвиженія, хохотать, кричать и говорить, точно бѣснующійся: это значило, что духъ овладѣлъ имъ. Бывшіе тутъ островитяне смотрѣли на него съ почтительнымъ вниманіемъ; байдары въ знакъ уваженія отошли отъ шлюпа, чтобы не мѣшать духу. Только байдара вдохновеннаго имѣла право остаться близъ корабля. Въ то время, какъ актеръ разыгривалъ такимъ образомъ свою роль, два его собрата, оставшіеся въ байдарѣ, взошли на палубу и въ нѣсколько пріемовъ объявили капитану, что надо дать колдуну топоръ. Пендлетонъ сдѣлалъ это и даже присовокупилъ къ подарку нѣсколько стеклянныхъ ожерелій. Жрецъ не обращалъ на то ни какого вниманія, потому ли что ожидалъ болѣе, или потому что хотѣлъ докончить свою комедію, не знаю. Онъ продолжалъ дуть, кричать; ротъ его пѣнился; вѣроятно божество мучило его все болѣе и болѣе. Онъ цѣлые полчаса ревѣлъ, дѣлалъ гримасы, самымъ утомительнымъ образомъ кривлялся и кончилъ продолжительнымъ и острымъ визгомъ: то былъ знакъ, что духъ оставилъ его. Тогда, собравъ поспѣшно, что было положено передъ нимъ, топоры и ожерелья, онъ бросилъ ихъ въ свою суму, вскочилъ въ байдару и сталъ грести къ берегу, продолжая оглашать воздухъ пронзительными криками. Мы были удивлены этимъ явленіемъ. Чего хотѣлъ этотъ человѣкъ? Ужели дѣлалъ онъ всѣ эти гримасы затѣмъ, чтобы получить подарокъ, или имѣлъ другую цѣль? Мы ничего не могли понять. Фатаку и Ламоа, которыхъ мы объ этомъ распрашивали, не могли или не хотѣли намъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Они сказали только, что этотъ жрецъ имѣлъ большое вліяніе, и что мы очень хорошо сдѣлали, что подарили ему вещи по вкусу.

На слѣдующій день обѣ шлюбки поѣхали опять въ Мамбо. Въ этотъ разъ я намѣревался сдѣлать прогулку далѣе вчерашней, и посѣтить прекрасный ключь живой воды, который бьетъ среди скалъ недалеко отъ берега. Это, кажется, тотъ самый источникъ, о которомъ упоминаетъ въ своемъ повѣствованіи Испанецъ Мендана. Я хорошо обдумалъ свой планъ. Зная слабость Ламоа, я пріобрѣлъ его благосклонность великолѣпнымъ ожерельемъ. Онъ былъ мнѣ душевно преданъ, и въ угожденіе былъ готовъ взбунтовать весь островъ. Только мы вышли на берегъ, онъ повелъ меня самъ къ мѣсту, которое я хотѣлъ видѣть. Все шло хорошо; но шагахъ во ста отъ берега, я встрѣтилъ вчерашняго жреца, который началъ свои проклятыя фарсы съ дьявольскимъ неистовствомъ, и формально загородилъ мнѣ дорогу. Напрасно хотѣлъ я усмирить его, подарками купить позволеніе итти далѣе; бѣшеный жрецъ ни на что не смотрѣлъ и выдержалъ свою роль до конца. Ламоа сталъ тогда уговаривать меня, чтобы я повиновался волѣ служителя боговъ, съ которымъ, можетъ быть, онъ предварительно составилъ програму этой глупой комедіи. Такъ какъ я стоялъ на своемъ, онъ удалился, и оставилъ меня одного противъ бѣсновавшагося жреца и человѣкъ двадцати здоровыхъ островитянъ, прибѣжавшихъ на его крики. Эти люди не имѣли ни какой причины уважать и бояться Европейца; они стали на меня посматривать злобно и съ угрозою стучать луками. Я понялъ, чего они хотѣли, и

рѣшился отказаться отъ намѣренія, потому что схватка была бы для меня невыгодна. Я возвратился къ матросамъ, которые наливали бочки, и сѣлъ въ шлюбку, не замѣтивъ ничего особеннаго на этомъ берегу, который и положеніемъ и растительностію былъ совершенно похожъ на двадцать другихъ береговъ, видѣнныхъ мною.

Когда мы возвратились на шлюпъ, Пендлетонъ готовился сниматься. Вѣтерокъ съ берега благопріятствовалъ намъ. Мы желали скорѣе выйти изъ этого залива, не весьма безопаснаго, и оставить свирѣпое и жадное народонаселеніе, отъ насилій котораго охраняли насъ только пушки.

Островъ *Нитенди* или *Индени*, или *Индени*, смотря по тому, какъ разные мореплаватели поняли это мѣстное названіе, былъ открытъ Менданою 7 Сентября 1595. Испанскій генералъ былъ посланъ изъ Перу, для основанія колоніи на Саломоновыхъ островахъ, открытыхъ имъ въ первое его путешествіе въ 1568. Въ ночь 8 Сентября, при большой темнотѣ, адмиральскій корабль предъ островомъ Нитенди отдѣлился отъ другихъ, и безъ сомнѣнія разбился у какого нибудь изъ ближнихъ острововъ, потому что объ немъ не было уже ни какого слуха.

9 Сентября остальные три корабля, стоявшіе въ заливѣ Граціоза, были окружены множествомъ байдаръ. Островитяне подъѣхали къ кораблямъ съ продолжительными криками и махая руками. Нѣкоторые изъ этихъ людей были весьма темнаго цвѣта; другіе совершенно черные; ихъ курчавые волосы были выкрашены бѣлою, красною и желтою красками; другой одежды они не имѣли, кромѣ передника изъ тонкаго полотна. Лице и руки ихъ были чернаго лоснящагося цвѣта съ разными полосами; они носили на рукахъ и ногахъ разнаго рода браслеты. Вооруженіе состояло изъ луковъ и стрѣлъ съ остріями изъ кости или закаленными въ огнѣ; булавы были сдѣланы изъ весьма тяжелаго дерева; копья оканчивались тройнымъ остріемъ и съ большимъ камнемъ на одномъ концѣ; у нѣкоторыхъ висѣли чрезъ плечо сумки, плетенныя изъ пальмовыхъ листьевъ; они клали туда провизію.

Сперва Мендана принялъ ихъ за людей одного племени съ жителями Саломоновыхъ острововъ. Онъ понялъ свою ошибку, когда увѣдѣлъ, что они не знали языка Саломоновыхъ острововъ, на которомъ онъ сталъ съ ними говорить. Дикіе долго любовались кораблемъ, но никто не смѣлъ взойти на него, не смотря на неоднократныя дружелюбныя приглашенія Испанцевъ. Посовѣтовавшись между собою, они вдругъ взялись за оружіе. Главнымъ вождемъ былъ слабый и худощавый старикъ, которому всѣ повиновались безпрекословно. Наконецъ они пустили на корабль тучу стрѣлъ, сопровождаемую всеобщимъ оглушительнымъ крикомъ; впрочемъ никто не былъ раненъ.

Тогда Испанцы, оставя свое оборонительное положеніе, отвѣчали ружейнымъ залпомъ. Изъ дикихъ одинъ былъ убитъ, другой раненъ; всѣ въ испугѣ разбѣжались. Послѣ этого корабли бросили якорь при входѣ въ заливъ, довольно опасный и не глубокій. Одинъ изъ кораблей подрейфовало при перемѣнѣ вѣтра; онъ едва не разбился прежде, нежели успѣлъ выйти въ море.

Мендана во весь слѣдующій день искалъ гавани, и наконецъ нашелъ довольно безопасный заливъ противъ селенія, недалеко отъ котораго протекала рѣка. Онъ высадилъ двѣнадцать солдатъ съ сержантомъ, но жители напали на этотъ отрядъ и принудили Испанцевъ укрыться позади хижины, гдѣ безъ сомнѣнія ихъ схватили бы, если бы не поспѣла шлюбка съ корабля, чтобы выручить своихъ. На другой день открыли множество селеній и лучшее якорное мѣсто, близъ рѣки. Здѣсь Испанцы нашли болѣе благопріятный пріемъ, и ввечеру вмѣсто звука оружія можно было слышать на берегу дикій оркестръ изъ барабана и двухъ палокъ, которыми били тактъ для пляски, при крикахъ и веселыхъ пѣсняхъ.

Головы и руки жителей, подъѣхавшихъ къ кораблю, были убраны красными цвѣтами. Послѣ повторительныхъ приглашеній, нѣкоторые рѣшились взойти на палубу, безоружные. Между ними былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, темнаго цвѣта, но не черный, худощавый, сѣдой, съ головнымъ уборомъ изъ голубыхъ, красныхъ и желтыхъ перьевъ, съ лукомъ и стрѣлами, которыхъ остріа были сдѣланы изъ кости. По обѣимъ его сторонамъ шли два человѣка, по видимому, также вожди, но какъ казалось, не столь значительные. Убранство старика и почтительность къ нему окружавшихъ, доказывали, что онъ по званію и по вліянію своему былъ выше всѣхъ прочихъ. Взойдя на палубу, онъ знаками спросилъ, гдѣ начальникъ, и когда

генералъ съ отверзтыми объятіями подошелъ къ нему; онъ объявилъ ему, что онъ называется Малопъ. На это Испанецъ отвѣчалъ, что его имя Мендана, и предложилъ дикому вождю обмѣняться именами, на что тотъ съ радостію согласился. Онъ даже до того сталъ дорожить своимъ новымъ именемъ, что если кто его называлъ Малопомъ, онъ показывалъ на генерала, а о себѣ говорилъ, что онъ другаго имени уже не имѣетъ, какъ Мендана. Онъ сказалъ между прочимъ Испанцамъ, что его называли также Таурикомъ, что они приняли за названіе его сана.

Послѣ этихъ предварительныхъ любезностей, Мендана сдѣлалъ подарки вождямъ, а его люди другимъ островитянамъ. Подарки состояли въ перьяхъ, погремушкахъ, стеклушкахъ и въ лоскуткахъ матерій. Дикіе навѣшивали все себѣ на шею. Принимая подарки, они повторяли слово *amigos* (друзья), которое Испанцы старались ихъ заставить вытвердить; потомъ брали за руку матросовъ и солдатъ и нѣсколько разъ ихъ обнимали. Съ ними дѣлали все, что хотѣли: выбрили имъ головы, обрѣзали ногти на рукахъ и на ногахъ, что чрезвычайно ихъ забавляло и внушило имъ желаніе имѣть также бритвы и ножницы, для этого же употребленія. Цвѣтъ Европейскаго платья заставилъ ихъ сперва думать, что оно составляетъ одно съ тѣломъ; потомъ, когда имъ показали, что одежда не принадлежитъ къ тѣлу и снимается, они дѣлали множество странныхъ кривляній, чтобы выразить свое удивленіе.

Это продолжалось четыре дня, говоритъ авторъ повѣствованія, въ теченіе которыхъ они постоянно приносили намъ живность. Малопъ часто бывалъ у насъ и показывалъ самое дружеское къ намъ расположеніе. Однажды онъ пріѣхалъ съ пятьюдесятью шлюбками, въ которыхъ было спрятано оружіе. Взойдя на флагманскій корабль, онъ увидѣлъ, что солдатъ случайно взялъ въ руки ружье, Малопъ убѣжалъ, и ничто не могло его остановить. Люди приняли его на берегу съ изъявленіями радости. Они совѣщались между собою и въ тотъ же вечеръ унесли всѣ свои вещи изъ ближайшихъ къ гавани домовъ. Впродолженіе ночи видны были огни на противуположномъ берегу залива; лодки безпрестанно ѣздили отъ одной деревни къ другой; словомъ, можно было замѣтить, что у дикарей что нибудь готовилось. На утро матросы, съ галіота посланнаго налиться водою, попали въ засаду Индійцевъ, которые преслѣдовали ихъ, стрѣляя изъ луковъ. Съ кораблей открыли огонь, чтобы унять ихъ. Когда перевязали раненыхъ, генералъ отрядилъ офицера съ тридцатью солдатами, чтобы сжечь деревни и умертвить всѣхъ, кто ни попадется. Индійцы сопротивлялись и обратились въ бѣгство не прежде, какъ когда у нихъ было человѣкъ пять убитыхъ. Мы не потеряли ни одного человѣка въ этой стычкѣ. Сожгли нѣсколько байдаръ и домовъ, и срубили кругомъ пальмы. Капитанъ Донъ-Лоренцо былъ посланъ съ фрегатомъ искать адмирала, а офицеръ съ своимъ отрядомъ пошелъ противъ ближней деревни Индійцевъ. Этимъ хотѣли испытать, можно ли напугать ихъ, причиня небольшой вредъ, чтобы не быть принужденными вредить имъ еще болѣе. Индійцы не ожидали насъ; семеро изъ нихъ находились въ домахъ, когда ихъ подожгли; они храбро защищались, потомъ бросились на нашихъ; не щадя своей жизни, и погибли, за исключеніемъ одного, который бѣжалъ и былъ раненъ. Офицеръ возвратился съ своимъ отрядомъ, въ которомъ было два человѣка раненыхъ. Деревня принадлежала Малопу; ввечеру онъ показался на берегу, билъ себя въ грудь, и звалъ генерала своимъ именемъ, называя себя въ то же время Менданою. Онъ знаками показывалъ, что съ нимъ поступали несправедливо; что совсѣмъ не его люди, но Индійцы, живущіе на другомъ берегу залива аттаковали, въ то утро нашихъ матросовъ. Махая лукомъ, онъ показывалъ, что былъ готовъ съ нами соединиться, чтобы наказать ихъ, если мы того желаемъ. Генералъ сдѣлалъ ему нѣкоторое удовлетвореніе, и съ обѣихъ сторонъ возобновились изъявленія дружбы.

При всемъ томъ, 21 Сентября флотилія перемѣнила мѣсто въ заливѣ. Лоренцо, отправленный для отысканія потеряннаго судна, не нашелъ ни какого слѣда, но въ сѣверной части острова открылъ заливъ, берега котораго казались болѣе населены и плодороднѣе, нежели тѣ, которые имѣла экспедиція въ виду для основанія колоніи; кромѣ того, въ восьми лигахъ на S. W. отъ Нитенди онъ открылъ островъ, имѣвшій въ окружности до восьми миль (безъ сомнѣнія Тупуа) и въ десяти лигахъ на N. W. другіе три острова, населенные племенемъ не столь чернымъ, покрытые кокосами, и окруженные столь обширными рифами, что не было вид-

но ихъ конца. Должно полагать, что то были острова Мендана.

По возвращеніи Лоренцо, эскадра перешла въ сѣверный заливъ. Впродолженіе этой ночи съ судовъ было слышно, что дикіе хохотали и ясно выговаривали слово *amigos*. Но лишь только показался день, они стали метать въ Испанцевъ стрѣлы и каменья. Корабли стояли далеко; дикари всѣ почти бросились къ нимъ вплавь и стали тянуть томбуи съ громкими криками, думая притянуть суда ближе къ берегу. Испанцы, боясь чтобы они не отрѣзали у нихъ томбуи, послали шлюбку, которая живо аттаковала ихъ. Дикіе, не смотря на слабыя свои средства, храбро защищались, ранили двухъ Испанцевъ, и не прежде обратились въ бѣгство, какъ потерявши трехъ убитыми. Такимъ образомъ берегъ очистился и Испанцы занялись основаніемъ колоніи.

Однако жъ доброе согласіе не могло возстановиться между островитянами и Испанцами; дѣло дошло до того, что послѣдніе измѣною убили вождя Малопа. Съ этой минуты прервалось всякое дружеское сношеніе, и дикіе дышали уже только мщеніемъ. Къ большей еще бѣдѣ, сдѣлался бунтъ между новыми поселенцами, въ которомъ участвовали и офицеры. Мендана, принужденный употребить строгость, казнилъ трехъ зачинщиковъ: двумъ отрубилъ голову, а третьяго повѣсилъ. Но эти мѣры до того разстроили его здоровье, что онъ скончался, и вдова его Донна Изабелла-де-Барретосъ, взявъ начальство надъ эскадрою, отплыла отъ этого роковаго острова, близъ котораго эскадра простояла шестьдесятъ девять дней, и который былъ тогда названъ Санта-круцъ.

Неудачный опытъ колонизаціи не оставилъ, кажется, по себѣ на островѣ и слѣдовъ, кромѣ немногихъ Испанскихъ словъ, найденныхъ потомъ въ употребленіи у островитянъ. Послѣ Менданы островъ Санта-круцъ былъ забытъ, до того времени, когда его посѣтилъ Англичанинъ Картеретъ.

Это второе открытіе было сдѣлано 12 Августа 1767 г. Экипажъ Картерета страдалъ тогда отъ болѣзни и всякаго рода несчастій; корабль, измученный ужасными бурями, сдва могъ маневрировать. Открылась течь нѣсколько выше ватеръ-линіи. Другаго средства къ спасенію не было, кромѣ отдыха въ какомъ нибудь портѣ, гдѣ бы можно было исправить поврежденія.

Картеретъ бросилъ сперва якорь на сѣверо-восточной сторонѣ Нитенди; но найдя это мѣсто невыгоднымъ, перешелъ на сѣверную сторону острова, гдѣ оставался подъ парусами, отправивъ шлюбку съ пятнадцатью хорошо вооруженными матросами, для предварительнаго осмотрѣнія берега. Боцману, начальствовавшему шлюбкою, было приказано прежде всего отыскать якорное мѣсто, потомъ войти въ сношенія съ жителями, сдѣлать имъ подарки и взамѣнъ достать припасовъ. При этомъ строго подтверждено было, чтобъ экипажъ не оставлялъ шлюбку, и чтобы на берегъ не выходили болѣе двухъ человѣкъ разомъ.

Лишь только отправилась эта первая шлюбка, на другой сторонѣ берега появились островитяне, знаками приглашая Европейцевъ къ себѣ. Картеретъ послалъ другую шлюбку, подъ начальствомъ лейтенанта; встрѣченный стрѣлами, онъ былъ принужденъ немедленно возвратиться. Подобный пріемъ заставлялъ сильно опасаться за людей, отправленныхъ съ боцманомъ. Дѣйствительно, черезъ часъ, они возвратились, послѣ сильнаго нападенія со стороны дикихъ. Боцманъ былъ раненъ тремя стрѣлами; многіе матросы были тоже ранены. Вотъ какъ это случилось.

Въ двухъ или трехъ лигахъ къ з. отъ того мѣста, гдѣ крейсировалъ корабль, боцманъ увидѣлъ нѣсколько хижинъ. Въ противность приказаній капитана, онъ вышелъ на берегъ съ нѣсколькими матросами, вооруженными ружьями, пистолетами. Островитяне разбѣжались; но успокоенные подарками, они возвратились, сдружились съ Европейцами, и по просьбѣ ихъ, доставили имъ нетолько кокосовыхъ орѣховъ, но еще жареной рыбы и пареннаго мяса. Ободренный этимъ дружелюбнымъ пріемомъ, боцманъ пошелъ къ домамъ, расположеннымъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега. Его приняли съ радушными изъявленіями пріязни, и предложили снова нѣкоторое количество припасовъ. Все шло хорошо; установилось, по видимому, совершенное согласіе; но боцману пришло на мысль приказать одному изъ своихъ людей срубить кокосовое дерево. Не смотря на неудовольствіе, обнаруженное дикими, онъ настоялъ на этомъ. Озлобленные островитяне, не употребляя еще насилія, удалились, кромѣ одного, который имѣлъ, казалось, власть надъ другими; потомъ стали собираться по

близости этого мѣста и вскорѣ промежъ деревъ показались многочисленныя группы. Боцманъ, свѣдавъ это отъ одного матроса, выстрѣлилъ въ воздухъ изъ пистолета. Оставшійся близъ него вождь въ ту же минуту бѣжалъ и присоединился къ своимъ. Боцманъ, вмѣсто того чтобы поспѣшно удалиться, видя, что дикіе готовятся къ нападенію, до того мѣшкалъ, что когда направился къ шлюбкѣ, островитяне вышли къ нему на встрѣчу съ оружіемъ и въ большемъ числѣ. Одни изъ нихъ устремились къ шлюбкѣ, другіе къ отряду, находившемуся на берегу, чтобы аттаковать ихъ въ одно время.

Дикарей было отъ трехъ до четырехъ сотъ человѣкъ. Оружіе ихъ состояло изъ луковъ въ шесть футъ длиною и стрѣлъ въ четыре фута. Первая туча стрѣлъ была пущена съ нѣкоторымъ порядкомъ, разомъ, какъ залпъ регулярнаго войска. Европейцы находились въ опасномъ положеніи; желая открыть себѣ дорогу къ шлюбкѣ, боцманъ приказалъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ; многіе дикари были убиты и ранены; не менѣе того, они продолжали пускать стрѣлы въ томъ же порядкѣ. Англичане успѣли сѣсть на шлюбку, но тутъ случилась остановка при поднятіи кошки, и половина экипажа была переранена въ это время. Перерубивъ наконецъ свой перлинь, шлюбка отчалила и была преслѣдуема неистово; дикіе погнались занею въ байдарахъ, и только выстрѣлы изъ большихъ мушкетоновъ, заряженныхъ каждый восемью или десятью пулями, остановили эту погоню; одну байдару пустили на дно и перебили много народа.

Три дня спустя, боцманъ и три матроса умерли отъ ранъ. Картеретъ рѣшился войти въ заливъ, бывшій предъ нимъ, и названный имъ *Swallow* по имени его корабля. Въ этотъ разъ, сбираясь послать людей, онъ сдѣлалъ два выстрѣла по берегу. Не смотря на это, съѣхавшихъ за водою, Англичанъ встрѣтили стрѣлами; одинъ изъ нихъ былъ тяжело раненъ. Шлюбки были отозваны обратно; послѣ чего выстрѣлъ картечью по берегу разсѣялъ толпу, состоявшую изъ двухъ или трехъ сотъ дикарей, которые бѣжали къ селенію, и вскорѣ возвратились въ несравненно большемъ числѣ, сбираясь въ одной точкѣ далѣе отъ корабля, куда вѣроятно, по ихъ мнѣнію, не могли долетать ядра. Но ядро, упавшее въ эту толпу, доказало дикарямъ, что они не внѣ опасности. Толпы разсѣялись, и уже болѣе не показывались. Однако жъ каждый разъ, когда посылали людей на берегъ, дѣлали съ корабля нѣсколько предварительныхъ выстрѣловъ по окружнымъ лѣсамъ, а шлюбки въ то же время производили ружейную пальбу.

17 Августа, Картеретъ вновь вступилъ подъ паруса и прошелъ вдоль всей сѣверной полосы острова. Въ трехъ миляхъ на западъ отъ деревни, гдѣ боцманъ былъ аттакованъ, показалась другая группа домовъ, несравненно многочисленнѣе, и съ каменною со стороны моря стѣною, въ четыре фута вышиною, и съ углами, выдававшимися и вдававшимися, какъ въ Европейскихъ укрѣпленіяхъ. Нѣсколько далѣе протекала рѣка, входившая довольно далеко внутрь берега; она казалась удобною для плаванія небольшихъ судовъ. Еще далѣе на западъ берегъ образовалъ пространный заливъ. «Въ окрестностяхъ, говоритъ Картерс, есть городъ весьма обширный, жители роятся въ немъ какъ пчелы въ ульѣ. Когда корабль проходилъ мимо, вышло неимовѣрное множество Индійцевъ, которые держали въ рукахъ что то похожее на связку зелени, и этимъ, казалось, били другъ друга, въ то же время прыгая или бѣгая вокругъ.» Предъ островомъ Гуэрта и поблизости залива Граціозы, народонаселеніе казалось еще многочисленнѣе; берегъ представлялъ непрерывную цѣпь селеній. Была послана шлюбка для измѣренія глубины; дикіе пустили по ней множество стрѣлъ, но выстрѣлы картечью и ружейный огонь принудили байдары къ отступленію.

18-го Августа, Картеретъ оставилъ эти острова. Онъ положительно зналъ, что эти земли за двѣсти лѣтъ предъ симъ были открыты Менданою; однако жъ назвалъ эту группу ост. королевы Шарлоты, а ост. Нитенди островомъ Эгмонтомъ, всѣмъ другимъ островамъ онъ тоже далъ свои названія. Впрочемъ карта, имъ оставленная, оказалась весьма несовершеннымъ очеркомъ архипелага, когда д'Антркасто предпринялъ точную опись этихъ мѣстъ. Д'Антркасто находился предъ островомъ Нитенди 19 Мая 1793, и въ слѣдующіе дни осмотрѣлъ его берега почти кругомъ. 21, увидѣвъ глубокій заливъ, онъ послалъ шлюбку для изслѣдованій, и удостовѣрился, что то былъ проливецъ между островомъ Гоу и главнымъ островомъ. Матросы шлюбки не ожидали вовсе нападенія;

но внезапно пущенная стрѣла ранила одного изъ нихъ. Виновникъ былъ наказанъ выстрѣломъ изъ ружья; товарищи его спаслись вплавь.

Затѣмъ д'Антркасто шелъ вдоль южнаго берега, на которомъ видѣлъ множество казъ въ близкомъ одна отъ другой разстояніи; всѣ окружены были каменными заборами. На прибрежьи лежали вытащенныя изъ воды байдары. 22, числа обогнувъ западную оконечность острова, Французскій мореплаватель видѣлъ сѣверный его берегъ, который казался еще многолюднѣе южнаго. Дикіе въ особенности толпились на островѣ Гуэртѣ или Треваніонѣ, грозно махая копьями и палками.

На другой день, гребныя суда съ эскадры имѣли сношенія съ дикарями деревушки, расположенной на берегу моря въ живописной мѣстности. Европейцы съѣхали на прибрежную скалу, куда толпою сбѣжались островитяне, привлеченные вещами, которыя имъ показывали. Мѣна различныхъ предметовъ производилась спокойно, но съ нѣкоторою недовѣрчивостію: дикіе неохотно оставляли свое оружіе, и то развѣ отдавали лукъ гребцамъ одной шлюбки, а стрѣлы гребцамъ другой. Отъ нихъ получили браслеты изрядной работы, ожерелья и нѣкоторыя другія туземныя украшенія. Изъ вещей Европейской работы, замѣчены только стекляныя бусы и топоръ, сдѣланный изъ желѣзнаго обруча. Д'Антркасто полагалъ что эти вещи достались дикимъ отъ Картерета; но гораздо вѣрнѣе думаютъ, что то были остатки кораблекрушенія Лаперуза, перешедшіе въ Нитенди отъ Ваникорійцевъ. Женщины, которыхъ мало видѣли на берегу, носили передникъ, спускавшійся до колѣнъ и покрывали голову лоскутомъ матеріи.

Д'Антркасто послѣ краткаго и ничѣмъ не ознаменованнаго пребыванія, оставилъ Нитенди. Безъ сомнѣнія, съ того времени китоловныя и другія Европейскія суда посѣтили этотъ островъ въ различныя эпохи. Но одинъ Диллонъ упоминаетъ объ немъ. Изъ Ваникоро онъ направился прямо сюда, надѣясь добыть провизіи и получить свѣдѣнія о судьбѣ спутниковъ Лаперуза, послѣ ихъ кораблекрушенія и отправленія изъ Ваникоро на построенномъ ими суднѣ. 10 Октября 1827, Диллонъ появился у сѣверныхъ береговъ острова; множество байдаръ вышли къ нему на встрѣчу, но не могли догнать корабля; онъ продолжалъ свое плаваніе къ заливу Граціоза, и на близкомъ разстояніи увидѣлъ множество черныхъ точекъ по скаламъ; то были головы дикихъ. Нѣсколько далѣе, двадцать пять байдаръ подъѣхали къ кораблю съ восклицаніями: *Токи! Токи!* Но ни одинъ изъ островитянъ не согласился взойти на палубу, хотя два Тикопійца, бывшіе съ Диллономъ, звали ихъ.

Задержанный безвѣтріемъ, Диллонъ только на слѣдующій день успѣлъ войти въ заливъ. Число байдаръ увеличилось. Европейцамъ стали доставлять свиней, дворовыхъ птицъ, большихъ голубей, родъ огурцовъ, мангустановъ и плодовъ спондіаса. Вскорѣ до 135 байдаръ собрались кругомъ корабля; безчисленное множество дикарей шумѣли на этихъ лодкахъ, такъ, что на кораблѣ нельзя было слышать другъ друга. Къ этому присоединились дѣйствія болѣе непріятныя. Было пущено нѣсколько стрѣлъ въ офицеровъ, сидѣвшихъ на ютѣ; Европейцы разогнали наконецъ ружейнымъ залпомъ безпокойныхъ посѣтителей.

Все это происходило на западной сторонѣ залива. Диллонъ сталъ ближе къ противному берегу, откуда явились также байдары съ людьми, которые впрочемъ вели себя честнѣе и были спокойнѣе. Новые посѣтители осуждали даже поведеніе своихъ единоземцевъ, и говорили Европейцамъ, что они весьма хорошо сдѣлали, что стрѣляли: такимъ образомъ Диллонъ вошелъ въ самую внутреннюю часть залива Граціоза. Здѣсь онъ познакомился съ Ламоа, и послалъ шлюбку за водою и дровами въ деревню Мамбо. Капитанъ сдѣлалъ здѣсь между прочимъ странное пріобрѣтеніе. Замѣтивъ необыкновенную величину зубовъ у жителей, онъ пожелалъ имѣть одинъ изъ нихъ, чтобы лучше осмотрѣть эту рѣдкость. Вотъ какъ онъ къ этому приступилъ.

«Я замѣтилъ наканунѣ,» говоритъ онъ, «человѣка, который привлекъ на себя вниманіе наше своими зубами. Въ передней части верхней челюсти они были чудовищной величины. Позвавъ его на корабль, чтобы осмотрѣть поближе эту невидальщину, я думалъ сперва, что то, что я принялъ за зубы, были куски кости, вставленные въ челюсть, или просто всунутые между губою и настоящими зубами. Я пересталъ уже заниматься этими зубами, равнявшимися величиною съ бычачьими, почитая ихъ фальшивыми, но се-

годня поутру еще болѣе удивился, замѣтивъ, что у многихъ островитянъ зубы были еще больше. Я убѣдилъ двухъ изъ нихъ взойти на палубу, и просилъ одного уступить мнѣ одинъ изъ своихъ зубовъ. Тутъ я удостовѣрился, что они крѣпко держались въ челюсти, и составляли принадлежность рта, а не фальшивое украшеніе. Мнѣ хотѣлось, во что бы то ни стало, имѣть одинъ изъ этихъ зубовъ, и потому я предложилъ законному владѣтелю ихъ желѣзо для струга и другой инструментъ; но онъ не почелъ эти вещи достаточнымъ вознагражденіемъ. Наконецъ я предложилъ ему топоръ. Тогда пріятель, имѣвшій въ нижней своей челюсти зубъ огромнѣе всѣхъ тѣхъ, которые возбудили мое удивленіе, сталъ пробовать вырвать его, но всѣ усилія его были тщетны. Я послалъ къ хирургу за инструментомъ, употребляемымъ въ подобныхъ операціяхъ, но щипцы эти не довольно раскрывались, чтобы захватить гигантскій зубъ островитянина. Прибѣгнули къ клещамъ нашего плотника. Хирургъ захватилъ этимъ инструментомъ, будто шутя, зубъ паціента, и сильнымъ оборотомъ кисти выдернулъ его. Ротъ дикаго налился кровію, но онъ не обращая ни какого вниманія на эту бездѣлицу, просилъ обѣщаннаго топора, и лишь только получилъ его, сталъ прыгать отъ радости, что сдѣлалъ столь выгодную мѣну.

Разсмотрѣвъ внимательно этотъ зубъ, я понялъ причину чудовищнаго его объема Его легко можно было рѣзать ножемъ: въ центрѣ мы нашли зубъ обыкновенной величины, къ которому пристало множество слоевъ какого то цемента, образовавшагося отъ извести, смѣшанной съ сокомъ бетеля; слои, накопляясь съ годами, дали зубу необычайно огромный размѣръ.»

Диллонъ не долго оставался въ Нитенди. Лихорадка мучила его экипажъ: половина людей лежали въ койкахъ. 14 онъ снялся, оставивъ у Ламоа, Англичанина, по имени Стюарта, котораго взялъ на корабль въ Тикопіи. Годъ спустя, т. е. въ 1828 г., Легоаранъ имѣлъ нѣкоторыя сношенія съ островомъ Нитенди, впрочемъ находясь подъ парусами. Жители показались честными и хорошо расположенными. Они съ веселыми пѣснями навезли припасовъ. Французы многое взяли у нихъ въ замѣнъ другихъ вещей.

Протяженіе острова Нитенди до 24 мил. отъ O. N. O. къ W. S. W., ширина отъ 9 до 10 миль. Почва хотя не весьма возвышенна, но гориста, и совершенно покрыта лѣсомъ, кромѣ воздѣланныхъ полосъ. Нитенди весьма различествуетъ отъ Ваникоро: въ окружности его нѣтъ вовсе мелей, или по крайней мѣрѣ эти мели очень близки къ берегамъ, кромѣ трехъ или четырехъ мѣстъ, гдѣ онѣ простираются почти на полъ-мили въ море. Лежитъ между 10° 40' и 10° 53' ю. ш. и 163° 22' и 163° 45' в. д.

Народонаселеніе Нитенди очень значительно. Большая часть его жителей черные съ толстыми губами, плоскимъ носомъ, курчавыми волосами и весьма широкимъ лбомъ; они здоровы и стройны, за исключеніемъ ногъ, которыя кажутся нѣсколько слабы. Нѣкоторые отличаются темно-оливковымъ цвѣтомъ, что сближаетъ ихъ съ Полинезійцами. Кромѣ того, они имѣютъ одинаковый съ ними обычай протыкать уши и носъ для навѣшиванія колецъ изъ черепахи. Островитяне носятъ также на головѣ, какъ украшеніе, красный цвѣтокъ. Подъ браслетами и въ поясы свои они кладутъ разныя ароматическія травы. Татуировка и обрѣзаніе составляютъ у нихъ необходимые обряды.

Жилища ихъ обширны: въ каждомъ могутъ жить отъ 30 до 40 человѣкъ. Каждое селеніе состоитъ изъ тридцати или сорока домовъ, между которыми одинъ только назначенъ для общественныхъ и религіозныхъ церемоній. Диллону сказали, что внутренность острова населена не менѣе береговъ. Каждый округъ имѣетъ свое нарѣчіе, каждое селеніе своего особеннаго вождя; хотя случается что одинъ вождь управляетъ четырьмя или пятью селеніями. Плантаціи обработываются съ большимъ тщаніемъ, и окружены палиссадами изъ камыша, чтобы свиньи не портили ихъ.

«Островъ этотъ,» говоритъ Диллонъ, «изобилуетъ свиньями, дворовыми птицами, голубями, цаплями, дроздами; есть также родъ ласточекъ. Почва его производитъ кокосы, сахарный тростникъ, хлѣбное дерево, разныхъ родовъ бананы, ямсовые коренья вѣсомъ отъ трехъ до четырехъ фунтовъ, и картофель различныхъ сортовъ. Островитяне пекутъ картофель въ земляныхъ печахъ или въ золѣ. Таро они рѣжутъ на тонкіе ломти и высушиваютъ на солнцѣ. Въ этомъ состояніи оно можетъ сохраниться нѣсколько мѣсяцевъ. Потомъ, когда его жарятъ, оно получаетъ довольно пріятный вкусъ. Есть так-

же пампельмусы и родъ орѣховъ, такихъ какъ въ Таити.

Въ западной части своей Нитенди имѣетъ въ ширину менѣе трехъ миль, но причинѣ заливовъ, которые врѣзываются довольно глубоко внутрь острова. Съ южной стороны находится прекрасный и обширный заливъ Граціоза, открытый Менданою. Напротивъ самаго входа въ него лежитъ небольшой, но многолюдный и плодородный островъ, имѣющій отъ 5 до 6 миль въ окружности и прозванный Испанцами *Huerta* (садъ). Картеретъ далъ ему названіе Треваніона. Островъ этотъ защищаетъ внутренность залива отъ зыби и вѣтровъ.

Съ юго-восточной стороны Нитенди лежитъ островокъ средней высоты, отдѣленный отъ него только проливомъ, имѣющимъ въ ширину не болѣе мили; Картеретъ назвалъ его островомъ *Говъ* (*Howe*); онъ имѣетъ въ длину три мили, и въ ширину одну.

Въ сорока миляхъ на S. O. отъ Нитенди лежитъ островъ Тупуа, возвышенный, многолюдный, раздвоенный, можно сказать, низменною полосою земли, которая занимаетъ его середину. Пространство его должно быть отъ десяти до двѣнадцати миль. Капитанъ Дюрвиль опредѣляетъ его положеніе подъ 11° 16' ю. ш. и 164° 7' в. д.

Онъ былъ открытъ Менданою въ 1595 г.; потомъ издалека его видѣлъ Картеретъ въ 1767, и обманутый видомъ двухъ его вершинъ, принялъ ихъ за два отдѣльные острова, которымъ далъ названія *Edgecumbe* и *Ourry*. Эдвардсъ видѣлъ его въ 1791 г., д'Антркасто въ 1793, а Дюперре въ 1823. Первый посѣтилъ его Диллонъ въ 1827; онъ узналъ, что Тупуа есть одинъ только островъ, частію окруженный рифомъ, который выступаетъ на двѣ мили въ море. Дюрвиль опредѣлилъ его географическое положеніе, и нѣсколько времени спустя Легоаранъ имѣлъ сношенія съ жителями, которыхъ представляетъ добрыми и гостепріимными.

Шлюбки посланныя Диллономъ для осмотрѣнія Тупуа, видѣли у береговъ много бухточекъ. Англичане направились къ красивой деревнѣ, гдѣ жители приняли ихъ дружелюбно. На вопросы о Европейцахъ, претерпѣвшихъ кораблекрушеніе въ Ваникоро, они отвѣчали, что ни одинъ не пріѣзжалъ къ нимъ на островъ. Имъ отъ кораблекрушенія досталось только желѣзо на топоры (*токи*). Островитяне эти были видомъ несравненно лучше Ваникорійцевъ, хотя и принадлежали къ тому же племени; они оказывали Европейцамъ болѣе довѣренности и были не столь робки. Ихъ домы, просторнѣе Ваникорійскихъ и составляютъ улицы, которыя пересѣкаются подъ прямымъ угломъ, и съ обѣихъ сторонъ украшены кокосовыми деревьями. Англичане видѣли здѣсь большія и многолюдныя селенія. Легоаранъ также видѣлъ много большихъ селеній, въ особенности одно, которое, какъ и самый островъ, называется Тупуа. Изобиліе почвы и благорастворенность воздуха, вѣроятно причиною неоспоримаго превосходства жителей Тупуа предъ Ваникорійцами.

Въ 15 миляхъ къ сѣверу отъ Нитенди возвышается островъ Тинакоро или волканъ. Онъ открытъ въ 1595 Менданою; въ 1767 его видѣлъ Картеретъ, въ 1793 д'Антркасто, въ 1823 Дюперре, а въ 1827 Диллонъ. Онъ имѣетъ форму весьма высокаго конуса, вершина котораго есть кратеръ. Во время Менданы онъ постоянно извергалъ пламя; Картеретъ видѣлъ только дымъ; д'Антркасто не видѣлъ ни какого признака подземнаго огня; при Диллонѣ онъ чрезъ каждыя пять минутъ извергалъ пламя. Диллонъ разсказываетъ даже, что за годъ предъ тѣмъ штилюя въ виду острова, онъ видѣлъ, что волканъ извергалъ большое количество лавы, которая струилась потокомъ по скату горы. Островъ этотъ имѣетъ въ окружности отъ 5 до 6 миль; вершина его лежитъ подъ 10° 24' ю. ш. и 163° 25' в. д.

Острова *Мендана* лежатъ въ пяти или шести лигахъ къ O. N. O. отъ Тинакоро. Они открыты въ 1595 г. Менданою, и безъ сомнѣнія суть тѣ самые, которые Картеретъ назвалъ въ 1767 *Swalow*. Вильсонъ видѣлъ ихъ въ 1797, а Легоаранъ въ 1828. Эту группа изъ девяти островковъ, низменныхъ, лѣсистыхъ и необитаемыхъ, большею частію маленькихъ, но соединенныхъ между собою обширными рифами. Она тянется на тридцать миль отъ W. N. W. къ O. S. O.; центръ ея лежитъ подъ 10° 15' ю. ш. и 163° 36' в. д.

Въ небольшомъ разстояніи къ В. лежатъ острова Даффъ, открытые капитаномъ Вильсономъ въ 1797. Это группа изъ десятка островковъ; самый высокій и большой названъ ос. *Disappointment*; онъ имѣетъ двѣнадцать лигъ въ окружности. Въ восточной части группы есть скала, имѣющая форму обелиска. По

показаніямъ Вильсона, жители этихъ острововъ велики, хорошо сложены, цвѣта мѣднаго, и видимо принадлежатъ къ Полинезійскому племени. Ихъ жилища, въ близкомъ одно отъ другаго разстояніи, составляютъ маленькія селенія, изъ которыхъ одно лежитъ въ юго-западной части острова *Дизапоинтментъ*. Вся группа имѣетъ пятнадцать миль отъ N. W. къ S. O. Дизапоинтементъ лежитъ подъ 9° 57¹ ю. ш. и 164° 40¹ в. д.

Наконецъ въ недалекомъ разстояніи къ N. O. или O. N. O. отъ острововъ Даффъ, долженъ лежать Таумако, открытый Квиросомъ 7 Апрѣля 1606, если только этотъ островъ не самый Даффъ, что позволено думать по сходству положенія и фигуры. Но съ большею достовѣрностію можно полагать, что Таумако есть островъ Моту-ити, открытый въ 1801 г. капитаномъ Кеннеди, командиромъ корабля *Nautilus*, по показанію котораго этотъ островъ возвышенъ и многолюденъ. Кеннеди опредѣляетъ его положеніе подъ 8° 40¹ ю. ш. и 165° 40¹ в. д. Въ 1828 Дюрвиль, тщетно отыскивалъ его въ этомъ мѣстѣ и подозрѣваетъ, что его поставили слишкомъ далеко къ O. Донынѣ кромѣ разсказа Квироса, нѣтъ изысканій о существованіи этого острова, а потому мы почитаемъ не безполезнымъ привести здѣсь этотъ разсказъ, для повѣрки его, если когда либо отыщется островъ, о которомъ мы говоримъ.

«До 7 Апрѣля 1606, мы плавали, оставляя за собою земли то вправо, то влѣво, по крайней мѣрѣ мы имѣли право такъ думать по множеству птицъ и неизовымъ скаламъ, являвшимся съ обѣихъ сторонъ. По полудни большое судно замѣтило на W. S. W. землю, черную, обгорѣлую будто волканъ. Ночью мы легли въ дрейфъ, опасаясь мелей, а на другой день придержались къ острову; въ продолженіе двухчасоваго хорошаго плаванія мы имѣли отъ двѣнадцати до пятнадцати саженъ глубины; послѣ чего лотъ не находилъ болѣе дна. Надо было еще повременить до завтраго. Торресъ пошелъ впередъ на маленькомъ судиѣ, вдоль юго-западнаго берега, и вошелъ въ проливъ между двумя небольшими островами, гдѣ замѣтилъ недалеко отъ берега хижины между деревьями. Якорь былъ положенъ на глубинѣ двадцати пяти брасовъ между большимъ островомъ и двумя островками: шлюбки отправились къ берегу и привезли оттуда прѣсной воды, картофеля, кокосовъ, сахарнаго тростника и разныхъ кореньевъ, чтобы показать намъ произведенія острова. Было рѣшено послать пятьдесятъ или шестьдесятъ человѣкъ, дабы вступить въ переговоры съ жителями. Отправленные съ корабля люди открыли посреди островка, окруженнаго битою дорогою, горку изъ дикаго камня, по видимому, искусственную, надъ нею находились до шестидесяти хижинъ, покрытыхъ пальмовыми листьями и внутри убранныхъ цыновками. Мы узнали впослѣдствіи, что это мѣсто служило островитянамъ крѣпостью, въ которой они укрываются отъ нападеній сосѣдей, хотя сами часто на нихъ нападаютъ, имѣя большія и хорошія байдары, въ которыхъ безопасно плаваютъ между островами. Люди вышли изъ лодокъ на берегъ и направились къ этому мѣсту, но вскорѣ увидѣли нѣсколько байдаръ, наполненныхъ Индійцами; матросы тотчасъ приняли оборонительное положеніе. Эта тревога оказалась напрасною: островитяне желали мира. Они бросались въ воду по самый поясъ, чтобы скорѣе выйти на берегъ, дружелюбно привѣтствовали нашихъ, и слѣдуя за вождемъ своимъ, который опирался на лукъ, вмѣсто палки, направились къ селенію; указывая намъ дорогу. Впрочемъ, видъ такого множества сильныхъ людей, внушалъ намъ нѣкоторое опасеніе. Мы возвратились къ шлюбкѣ, болѣе, чтобы они не потопили ее во время нашего удаленія.

«Между тѣмъ сигналами было потребовано подкрѣпленіе отъ капитанской шлюбки, и даже отъ кораблей, стоявшихъ въ виду; получивши подкрѣпленіе, мы пошли къ селенію; но эти движенія съ нашей стороны заставили Индійцевъ скрыться. Мы двинулись впередъ въ порядкѣ, осторожно, осматриваясь кругомъ, чтобъ не попасть въ засаду между хижинами; не видя нигдѣ живой души, мы возвратились къ берегу, и подняли бѣлый флагъ въ знакъ мира. Тогда Индійцы появились снова съ веселымъ видомъ. Начальникъ ихъ держалъ пальмовую вѣтвь, которую подалъ Пасъ-де-Торресу, обнимая его; другіе сдѣлали то же. Подобный пріемъ въ странѣ, гдѣ можно было запастись водою и дровами, въ которыхъ мы такъ нуждались, радовалъ насъ чрезвычайно. Между тѣмъ пришли два старика, и положивъ оружіе на землю у берега рѣчки, почтительно поклонились намъ. Изъ пантомимы островитянъ мы поняли, что одинъ изъ нихъ былъ отецъ или дядя вождя, котораго они называли Талик-

веномъ. Мы вмѣстѣ остановились на небольшой эспланадѣ предъ крѣпостію. Островитяне дивились нашему оружію и одеждѣ, а мы, въ свою очередь, удивлялись не менѣе, здоровому и красивому ихъ тѣлосложенію и ловкости.

«Убѣжденные въ совершенной безопасности, когда вождь Индійскій разослалъ своихъ людей, удержавъ при себѣ только двухъ островитянъ и одного мальчика, мы рѣшились отдохнуть нѣсколько; часовые были поставлены у шлюбки и въ хижинѣ; остальные люди, оставя оружіе, пошли въ лѣсъ, гдѣ набрали фруктовъ, между тѣмъ какъ дикіе привозили на байдарахъ дрова и воду для эскадры.

«Это было въ Вербное Воскресеніе: въ одной изъ хижинъ была отслужена обѣдня, и большая часть нашихъ людей причастились Св. Тайнъ. Мы оставались здѣсь семь дней. Имѣя надобность для остальнаго пути въ островитянахъ, знавшихъ эти берега и языкъ другихъ острововъ, мы рѣшились увезти четверыхъ изъ нихъ. Вождь самъ прибылъ на корабль съ своимъ сыномъ, чтобъ требовать ихъ назадъ. Возвращаясь безуспѣшно и въ большой печали, онъ встрѣтился съ шлюбкою, на которой везли на корабль плѣнниковъ; увидѣвъ его, они стали кричать и плакать. Вождь рѣшился тогда на все; онъ далъ своимъ байдарамъ приказаніе аттаковать насъ; но холостой выстрѣлъ съ корабля до того напугалъ его, что онъ тотчасъ же знаками показалъ плѣннымъ, что ничего не можетъ предпринять для ихъ спасенія, и со слезами удалился. На другой день, одинъ изъ островитянъ бросился за бортъ. Это заставило насъ смотрѣть за другимъ: на каждомъ кораблѣ ихъ было по два. Но и второй, не смотря на нашу бдительность, также бросился въ море, 21 Апрѣля, когда мы находились въ виду прекраснаго берега, лежащаго на юго-восточной сторонѣ, покрытаго лѣсомъ, зеленью, пальмами и воздѣланными землями. Это было подъ 12° шир. Мы дали знать о побѣгѣ дикаря на адмиральскій корабль, что впрочемъ не помѣшало одному изъ находившихся на немъ плѣнниковъ сдѣлать то же; четвертый не послѣдовалъ этому примѣру, потому только, что онъ былъ рабъ и что ему лучше было оставаться съ нами, нежели у своихъ господъ на островѣ Таумако!»

ГЛАВА XVIII.

Саломоновы острова.

Океанія прошла 20 Іюня при захожденіи солнца въ десяти миляхъ отъ величественнаго конуса Тинакоро, вершина котораго была увѣнчана облакомъ, составленнымъ, можетъ быть, изъ дыма, изрыгаемаго кратеромъ. Впрочемъ во время ночи мы не видѣли пламени.

Первая земля, которую мы послѣ того увидѣли, былъ островъ Сесарга; мы шли мимо его на другой день поутру. Сесарга тотъ самый островъ, который названъ Дюрвилемъ *Contrariétés*. Пендлетонъ, хотя весьма не расположенный къ жителямъ, согласился, по просьбѣ моей, придержаться довольно близко къ берегу. Не имѣя возможности ознакомиться съ островитянами, я довольствовался видомъ ихъ острова, богатаго природными красотами. На разстояніи одной лиги мы видѣли восхитительныя мѣстности; верхи кокосовыхъ лѣсовъ выказывались надъ прибережными скалами, принявшими самыя странныя формы.

Океанія держала малые паруса идя мимо Сесарги, когда вдругъ до двадцати байдаръ, съ шестью или восемью человѣками въ каждой, подошли къ кораблямъ. Мы предложили островитянамъ взойти на палубу; сначала они колебались; но когда имъ показали вещицы по ихъ вкусу, одинъ изъ нихъ, который, судя по виду и пріемамъ, былъ вождемъ, поднялся по трапу. Первымъ его дѣломъ было схватить то, что ему бросилось въ глаза: увидѣвъ матросскую куртку, которая сушилась, онъ схватилъ ее, и насилу его уговорили оставить. Потомъ онъ побѣжалъ къ кормовому флагу и спустилъ его, чтобы взять себѣ; пришлось опять уговаривать его отказаться отъ этой новой добычи. Тогда онъ пошелъ по вантамъ, какъ лучшій марсовой, взобрался такимъ образомъ до самаго брамъ-рея, усѣлся тамъ какъ обезьяна, и съ судорожною почти живостію движеній долго осматривалъ малѣйшія части корабля. Спустившись, онъ сталъ скакать съ мѣста на мѣсто и дѣлать неимовѣрные прыжки; потомъ, возвратясь къ своимъ товарищамъ, оставшимся въ байдарахъ, произнесъ имъ весьма длинную и вѣроятно прекрасную рѣчь. Безъ сомнѣнія онъ описывалъ имъ то, что видѣлъ на

кораблѣ, и убѣждалъ ихъ туда взойти. Чтобы придать болѣе силы своему краснорѣчію, онъ присовокупилъ къ словамъ жесты, билъ себя по задней части тѣла и дѣлалъ множество странныхъ кривляній.

Всѣ эти аргументы побѣдили нерѣшительность слушателей; они взошли на корабль. Отъ нихъ требовали, чтобы оставили оружіе въ байдарахъ, въ которыхъ мы замѣтили множество луковъ, копій и стрѣлъ съ зубцами. Эти дикари совершенно нагіе и составляютъ нѣчто среднее между черными и желтымъ племенами. Вождь былъ только смуглаго цвѣта; онъ и еще другой островитянинъ имѣли волосы длинные и гладкіе; остальные были черны, съ курчавыми, и иногда окрашенными въ красный цвѣтъ волосами на огромныхъ и безобразныхъ головахъ.

У одного изъ нихъ волосы были напудрены известью, и кусокъ дерева былъ проткнутъ въ хрящъ между ноздрей; другіе привѣшивали къ ноздрямъ треугольные и округленные куски перламутра, украшенные рѣзьбою. У всѣхъ нижняя мочка уха была прорѣзана, чтобы вставлять туда букеты и вѣнки изъ ароматическихъ листьевъ, которые они носятъ также на шеѣ, на рукахъ и на другихъ частяхъ тѣла. Ниже локтя носятъ браслеты изъ раковинъ. Вождь, кромѣ того, имѣлъ браслеты и поясъ изъ маленькихъ кружковъ черныхъ и бѣлыхъ, искусно связанныхъ между собою, а на головѣ султанъ изъ двухъ перьевъ, которымъ онъ до того дорожилъ, что не позволялъ даже къ нему коснуться.

Островитяне не велики, но широкогруды, крѣпки въ плечахъ и мускулисты. Ихъ байдары, особенно та, на которой сидѣлъ вождь, можно назвать образцами вкуса; они были обиты цвѣтнымъ деревомъ, съ кусками перламутра, совершенно гладкими и вставленными съ большимъ искусствомъ. На бакѣ развѣвался родъ флага изъ пучковъ соломы или тростника, окрашеннаго въ красный цвѣтъ. На кормѣ рѣзьба изображала собакъ и другихъ животныхъ.

Когда нѣсколько дикихъ взошли на палубу, начался разговоръ между ними и тѣми, которые оставались въ байдарахъ, разговоръ одушевленный и продолжительный, но изъ котораго мы ничего не поняли. Пендлетонъ сталъ уже съ недовѣрчивостію посматривать на нихъ, когда неожиданное приключеніе положило всему конецъ. Мы предостерегали себя какъ могли отъ ежеминутныхъ покушеній покражи, строго смотря за каждымъ движеніемъ дикихъ; но наконецъ одинъ изъ нихъ, счастливѣе и смѣлѣе прочихъ, подкрался сзади къ капитану, выхватилъ у него изъ рукъ рупоръ и бросился въ море. Другіе тотчасъ послѣдовали его примѣру; вождь остался одинъ на кораблѣ, вѣроятно считая бѣгство неприличнымъ для его сана. Онъ съ безпокойствомъ ждалъ послѣдствій. Но Пендлетонъ былъ спокоенъ и остановилъ даже двухъ часовыхъ, которые хотѣли стрѣлять въ дикихъ. «Вы виноваты,» сказалъ имъ капитанъ; «вы должны были смотрѣть за негодяемъ, когда онъ ко мнѣ подкрался.» Вождь островитянъ не могъ ожидать подобнаго милосердія; онъ былъ тронутъ, изъявилъ самое искреннее и глубокое сожалѣніе о случившемся: потомъ съ необыкновенными ласками и учтивостями пригласилъ Англичанъ на берегъ, говоря, что тамъ найдутъ они все, что только пожелаютъ.

Пендлетонъ вовсе не довѣрялъ этимъ людямъ; онъ зналъ, какъ они вѣроломны и сколько разъ завлекали Европейскіе экипажи въ западни. Но я такъ усердно его просилъ, что онъ наконецъ согласился. Берегъ былъ необыкновенно живописенъ, а мы находились въ такомъ близкомъ отъ него разстояніи! Спустили гичку; шесть матросовъ, хорошо вооруженныхъ, сѣли въ нее съ лейтенантомъ Рембоу; разумѣется, я былъ въ числѣ отъѣзжавшихъ. Индійскій вождь сѣлъ также въ свою байдару и отправился вмѣстѣ съ нами.

Едва мы отъѣхали на двѣсти саженъ отъ корабля, какъ увидѣли, что флотилія байдаръ соединилась будто на совѣщаніе; послѣ чего четыре изъ нихъ отдѣлились, и придержались къ нашей шлюбкѣ, маневрируя, чтобы окружить ее. Дикіе уже готовы были стрѣлять изъ луковъ, когда Пендлетонъ, который слѣдилъ насъ отеческимъ взоромъ, пустилъ ядро, для диверсіи, по главному корпусу флотиліи; рикошеты ядра устрашили и привели въ безпорядокъ дикихъ; они обратились въ бѣгство къ берегу.

Мы также возвратились къ шлюпу: опасно было отправляться въ маломъ числѣ на островъ; экипажъ гички былъ удвоенъ и положены запасные ружья. Послѣ чего мы снова пустились въ дорогу, съ строгимъ запрещеніемъ отъ капитана выходить на берегъ. Пендлетонъ приказалъ даже своему лейтенанту наблюдать крайнюю осторожнотсь,

когда мы будемъ далѣе пушечнаго выстрѣла отъ корабля.

Мы придержались прямо къ берегу, желая обогнуть сперва мысъ, за которымъ былъ видѣнъ заливъ и во глубинѣ его селеніе. Но у самаго мыса показался цѣлый флотъ байдаръ, привѣтствовавшій насъ страшнымъ крикомъ. Онѣ бросились на гичку какъ на легкую добычу, и въ самомъ дѣлѣ, мы бы съ трудомъ съ ними раздѣлались, если бы Рембоу не имѣлъ осторожности тотчасъ поворотить назадъ къ *Океаніи*. Волненіе и вѣтеръ были намъ противны; нѣсколько легкихъ байдаръ догнали насъ, пуская стрѣлы; но два ружейные залпа уняли жаръ этого авангарда. Байдара спустилась къ кордебаталіи флота дикарей, и гичка благополучно достигла *Океаніи*. Байдары впрочемъ не переставали приближаться; ихъ дерзость была наказана картечью изъ шести пушекъ. «Ну что же!» сказалъ мнѣ Пендлстонъ, съ улыбкою полною доброты и насмѣшливости; «не правду ли я вамъ говорилъ, что вся Меланезія населена настоящими дикарями?» Послѣ этого *Океанія* продолжала свой путь.

На другой день мы находились предъ островомъ Арзасидовъ, который, по виду почвы, покрытой плантаціями, и по множеству дымящихся точекъ, показался намъ плодородною и многолюдною страною. Но вчерашній урокъ не былъ забытъ; я не хотѣлъ употреблять во зло снисходительности капитана; не смотря на привлекательную картину берега, я не просился туда; къ тому же островитяне ѣхали къ намъ сами: съ берега отчалили три красивыя байдары, подобныя Сесаргійскимъ, съ шестью человѣками въ каждой. Кормы и носы этихъ лодокъ были загнуты вверхъ въ видѣ конца шпоры; на одной изъ нихъ было изображеніе птичьей головы; по двѣ кисти висѣли на каждомъ концѣ; наружные борты были украшены рѣзьбою. Пагеи, которыми гребли, имѣли узкія и остроконечныя лопасти, такъ, что въ случаѣ можно бы ихъ употребить вмѣсто копій (Рис. XXXIII. ф. 2).

Жители этого острова, одного племени съ Сесаргайцами, столько же свирѣпы, какъ они, и еще болѣе недовѣрчивы; они равнодушно смотрѣли на вещи, которыя мы имъ хотѣли подарить, и никакъ не соглашались взойти на палубу. Но приглашали насъ знаками на берегъ, показывая, что тамъ мы получимъ все, чего желаемъ. Мы вовсе не были расположены однако же принять ихъ приглашеніе: вчерашняго урока было довольно. Тогда, объѣхавъ вокругъ корабля, всѣ три байдары возвратились къ берегу.

Вѣтеръ, благопріятствовавшій намъ постоянно, вдругъ перешелъ къ N., сопровождаясь, то штилями, то шквалами. Это было признакомъ близости высокихъ горъ, которыя измѣняютъ направленіе періодическихъ вѣтровъ. Въ одномъ изъ нашихъ поворотовъ мы увидѣли кокосовые деревья острововъ Стюартъ, низменныхъ и обтянутыхъ рифами; но Пендлстонъ не рѣшился, по причинѣ непостоянной погоды, осмотрѣть вблизи этотъ опасный берегъ. Мы продолжали плаваніе; на другой день видѣли островъ Говеръ, потомъ высокія горы Изабеллы и Шуазеля, въ виду которыхъ мы находились два дня; наконецъ 30 числа плыли на разстояніи двухъ или трехъ миль, вдоль восхитительныхъ острововъ Бугенвиля и Бука. Мнѣ очень хотѣлось посѣтить этотъ берегъ; но зная дикій нравъ жителей, я довольствовался зрѣлищемъ цвѣтущаго берега съ палубы *Океаніи*. Впрочемъ 1 Іюля поутру къ намъ пристали двѣ-три байдары; находившіеся въ нихъ островитяне, казалось, привыкли видѣть Европейцевъ. Они вели себя довольно смирно и предложили намъ таро и ямсъ взамѣнъ нашихъ вещей. Люди эти были черны, почти совершенно наги, но бодры, здоровы и хорошо сложены; ихъ лица болѣе непріятны, нежели свирѣпы. Посѣтители приглашали насъ съѣхать на берегъ, указывая мѣсто, гдѣ виднѣлись среди деревъ бывыя хазы селенія. Весь берегъ былъ покрытъ черными головами, которыя, казалось, нетерпѣливо ожидали, чтобы шлюбка отплыла отъ корабля; но мы не заблагоразсудили доставить имъ это удовольствіе и продолжали свой путь; кое-какія мѣны были сдѣланы съ островитянами, пріѣхавшими къ намъ на байдарахъ. Я вымѣнялъ, за одинъ аршинъ красной саржи, великолѣпный лукъ, длиною въ шесть футовъ, изъ арековаго дерева, чрезвычайно гладкій и прекрасной выдѣлки. Этотъ лукъ также трудно натягивать, какъ лукъ Улисса; раны, которыя наносились пущенными изъ него стрѣлами, безъ сомнѣнія, были соразмѣрны труду, съ какимъ онъ натягивался. Островитяне имѣли видъ здоровый и крѣпкій, и были чрезвычайно раздражительны и обидчивы. При малѣйшемъ неудовольствіи они хватали стрѣлы и цѣлились въ того, кто ихъ раз-

гнѣвалъ. Благодаря нашей терпѣливости, мы разстались безъ драки.

Едва островъ Бука исчезъ за горизонтомъ съ восточной стороны, какъ на западѣ показались другія земли. При входѣ въ проливъ Св. Георгія, *Океанію* начали снова мучать теченія и непостоянные вѣтры. Наконецъ 3 Іюля мы находились въ виду островка Кокосовъ и положили якорь въ заливѣ Картеретъ, у восточнаго берега; такимъ образомъ мы прошли большую часть Саломоновыхъ острововъ, и мнѣ не удалось самому ихъ посѣтить: должно было довольствоваться свѣдѣніями, собранными отъ другихъ.

Архипелагъ Саломоновъ открытъ въ 1567 Менданою, который зашелъ въ заливъ Эстреллу на островѣ Изабелла, лежащій, какъ полагаютъ на N. O,—вой сторонѣ; жители, по свидѣтельству Менданы, боготворятъ змѣй, жабъ и другихъ животныхъ. Цвѣтъ ихъ кожи темный, волоса курчавые; они ходятъ совершенно нагіе, за исключеніемъ средней части тѣла; питаются кокосовыми орѣхами, и корнемъ, который называется *Venaus*; мяса не ѣдятъ; пьютъ только воду. Впрочемъ почти нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что они людоѣды; вождь ихъ послалъ Менданѣ, какъ гостинецъ, четверть ребенка съ рукою. Генералъ, сказано въ повѣствованіи этого путешествія, велѣлъ похоронить эту часть трупа въ присутствіи островитянъ, которые принесли ее. Они обидѣлись, были смущены неудачею своего посольства и удалились съ поникшими головами. Народъ раздѣленъ на племена, которыя ведутъ между собою безпрерывную войну. Плѣнники обращаются въ рабство.

Мендана построилъ бригантинъ, на который посадилъ восемьнадцать солдатъ и двѣнадцать матросовъ, и послалъ его подъ начальствомъ офицера Ортеги и перваго штурмана Гернана-Галего осмотрѣть ближніе острова. Ортега посѣтилъ острова Малаита, Галера, Буэна-виста, Сесарга, на которомъ видѣлъ волканъ, постоянно дымящійся, потомъ открылъ островъ гораздо обширнѣе, названный имъ Гвадалканалъ. Широкая и глубокая рѣка протекала по немъ; множество байдаръ съ островитянами вышли на встрѣчу къ Испанцамъ. Ортега съѣхалъ на берегъ и посѣтилъ селеніе, въ которомъ процвѣтало земледѣліе. Оттуда онъ возвратился назадъ на островъ Изабеллу, открылъ островъ Сенъ-Жоржъ (нынѣшнюю Георгію) и видѣлъ здѣсь другое селеніе. Жители вступили въ сношенія съ Европейцами.

Это мѣсто такъ изобиловало жемчугомъ, что онъ цѣнился ни во что.

Ортега продолжалъ свое плаваніе. У западной оконечности Изабеллы онъ открылъ множество островковъ и пространные рифы, гдѣ замѣтили родъ летучихъ мышей, которыя имѣли пять футъ въ длину съ конца наконецъ распущенныхъ крыльевъ. Обогнувъ островъ Изабеллу, Ортега не могъ достигнуть залива Эстреллы, по причинѣ противныхъ вѣтровъ, и послалъ на шлюбкѣ часть своихъ людей съ проводникомъ изъ островитянъ, дать отчетъ Менданѣ о своихъ открытіяхъ. Но шлюбка разбилась у рифовъ, и экипажъ ея былъ принужденъ возвратиться на бригантинъ, который нѣсколько дней спустя вошелъ въ заливъ Эстреллу.

Мендана оставилъ тогда это мѣсто и перешелъ въ другой заливъ у острова Гвадалканара, въ мѣстѣ, названномъ имъ *la Cruz*; тамъ онъ торжественно объявилъ островъ владѣніемъ Испанскаго короля, и рѣшился водрузить на берегу крестъ; жители протестовали стрѣлами, а Мендана отвѣчалъ залпомъ изъ ружей, и убилъ двухъ изъ нихъ. Прочіе разбѣжались. Штурманъ Энрикесъ былъ посланъ съ тридцатью солдатами во внутренность острова, но нѣсколько тысячь островитянъ остановили этотъ отрядъ у небольшой рѣчки; онъ возвратился, завладѣвъ только двумя курицами и пѣтухомъ, и донесъ, что эта рѣчка наноситъ много золота.

Бригантинъ былъ посланъ вторично на открытіе. Онъ посѣтилъ много острововъ, видѣлъ много рѣкъ, и былъ принимаемъ жителями иногда дружески, иногда непріятельски. До возвращенія его, на флотѣ случилось несчастіе: девять матросовъ и экономъ, съѣхавшіе на берегъ за водою были убиты островитянами. До той поры вождь этого округа оказывалъ дружбу къ Менданѣ; но когда генералъ задержалъ у себя молодаго островитянина, и не захотѣлъ его отпустить по просьбѣ вождя, война возгорѣлась.

Мендана рѣшился наказать убійство. Капитанъ Сарміэнто былъ дважды посыланъ противъ селенія, убилъ въ немъ до тридцати человѣкъ, и сжегъ почти всѣ домы. Въ одномъ изъ домовъ были найдены вещи убитыхъ Испанцевъ.

Послѣ этихъ дѣйствій, флотъ вступилъ подъ паруса 13 Іюня 1567, и сталъ на яко-

рѣ у острова Христовалія. Самъ генералъ съѣхалъ на берегъ. Островитяне, увидѣвъ его, самымъ выразительнымъ образомъ стали просить, чтобы онъ оставилъ ихъ; это желанье не было исполнено; они повторяли первоначальные свои знаки, самымъ страннымъ образомъ двигая руками и ногами; они терли землю, бросали въ воздухъ песокъ или бѣгали къ берегу и били по водѣ, какъ изступленные.

Мендана, нисколько невстревоженный этимъ, приказалъ затрубить, и Сарміэнто явился съ своимъ отрядомъ. Островитяне не только не бѣжали при появленіи войска, но выступили на встрѣчу ему, вооруженные копьями, луками, стрѣлами и булавами. Когда они подошли на выстрѣлъ, имъ сдѣлали знакъ, чтобъ они отступили, но какъ они неповиновались, то Испанцы дали залпъ изъ ружей; одинъ дикій былъ убитъ, другіе разбѣжались. Тогда Испанцы вступили въ селеніе и нашли кокосовъ и миндали, болѣе нежели на корабельный грузъ. Испанцы нагрузили свои шлюбки этою добычею.

Бригантинъ былъ посланъ въ третій разъ. Онъ открылъ два острова, Анну и Каталину, которыми съ этой стороны оканчивается Саломоновъ архипелагъ. Первый изъ нихъ круглый и низменный, съ холмомъ по срединѣ, на подобіе крѣпости, населенъ и плодороденъ. Дикіе напали и здѣсь на Испанцевъ, которые разогнали ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Они носили поясъ и красили тѣло разными красками, голову убирали древесными вѣтвями; сила ихъ мускуловъ до такой степени велика, что стрѣла, пущенная дикаремъ, пробила насквозь щитъ Испанскаго офицера, и руку его. Это было послѣднее открытіе, сдѣланное Менданою у этихъ береговъ. По возвращеніи бригантина, эскадра снялась и въ началѣ Марта 1568 прибыла въ Перу.

Долго не имѣли ни какого результата открытія, сдѣланнаго во время этого путешествія; скрывали ли ихъ Испанцы отъ своихъ Европейскихъ соперниковъ, или преувеличенные ихъ разсказы были сочтены баснями, но Саломоновы острова два вѣка были забыты, и географы наконецъ вообразили, что они никогда не существовали. Картеретъ снова открылъ ихъ. Въ 1767 г. онъ видѣлъ двѣ точки этого архипелага: острова Говеръ, Маланта (которая получила названіе *Картеретъ*) и Симпсонъ, потомъ сѣверную часть острова Бука, который назвалъ *Винчельси*. Шлюбка, посланная на островъ Говеръ, была аттакована жителями; но Англичане одержали верхъ и овладѣли байдарами, искусно построенными, и украшенными раковинами и рѣзьбою. Жители употребляли копья и стрѣлы, острія которыхъ были сдѣланы изъ кремня. Картеретъ не долго оставался у этихъ острововъ; онъ не подозрѣвалъ, чтобы они были тѣ же, что Саломоновъ архипелагъ, открытый Менданою, и счелъ племя, здѣсь обитавшее, отпрыскомъ племени, видѣннаго имъ въ Нитенди. Въ Іюлѣ слѣдующаго года, Бугенвиль открылъ еще большее число этихъ острововъ, и назвалъ ихъ второю частію своей *Луизіады*. Продолжая свое плаваніе отъ мыса *Satisfaction*, онъ увидѣлъ большой островъ, названный имъ *Шуазёль*, у западной оконечности котораго около двадцати байдаръ подъѣхали къ его кораблю; на каждой находились отъ пятнадцати до двадцати человѣкъ, черныхъ какъ Африканскіе негры, съ курчавыми но длинными волосами, и у нѣкоторыхъ рыжими; на лбу и на шеѣ у нихъ висѣли бляхи; на рукахъ они носили браслеты. Оружіе состояло изъ копій и луковъ, которыми они грозно махали.

Въ проливѣ между островомъ Шуазёль и островомъ Бугенвиль, мели и неправильныя теченія поставили фрегаты въ большую опасность. Шлюбки были посланы осмотрѣть обширный и прекрасный заливъ у западной оконечности острова Шуазёль; онѣ уже начали было свои работы, когда вдругъ изъ залива, скрытаго за мысомъ, вышла флотилія байдаръ, на которой было до 150 человѣкъ съ луками, копьями и щитами; флотилія подвигалась впередъ въ порядкѣ; потомъ, раздѣлясь на два отряда, устремилась на шлюбки со всевозможною быстротою, сильно гребя пагаями. Пронзительный крикъ былъ сигналомъ нападенія. Французскія шлюбки отвѣчали на это залпомъ, который нисколько не устрашилъ дикихъ. Они продолжали безпокоить стрѣлами Европейцевъ; впрочемъ вторичный залпъ обратилъ ихъ въ бѣгство. Поле битвы осталось за Французами; длинные хорошо построенныя байдары съ весьма высокими кормами и носами, достались побѣдителямъ. Въ одной изъ нихъ на носу была изваяна человѣческая голова съ глазами изъ перламутра, съ ушами изъ черепахи, съ длинною бородою и съ кра-

сными губами. Въ байдарахъ былъ найденъ запасъ копій, щитовъ, кокосовъ, арековыхъ орѣховъ, разныхъ мелкихъ орудій, сѣтей весьма тонкихъ и хорошо плетенныхъ, и человѣческая челюсть полуизжаренная. Эти дикіе черны, съ курчавыми волосами, окрашенными бѣлою, красною и желтою красками; они не имѣли ни какой одежды кромѣ пояса. Щиты ихъ овальной формы, сплетены изъ тростника, крѣпки и не пробиваются стрѣлами.

Вышедши изъ пролива, Бугенвиль продолжалъ плаваніе кругомъ восточнаго берега острова, получившаго его имя и увѣнчаннаго въ центрѣ весьма высокими горами. 4 Іюля онъ обогнулъ сѣверную оконечность острова Бука, который нашелъ многолюднымъ и хорошо воздѣланнымъ. По берегу тянулась живописная равнина, покрытая кокосовыми деревьями. Предъ нею плавали множество байдаръ; нѣкоторыя изъ нихъ подъѣхали къ кораблю; дикіе показывали кокосовые орѣхи громко крича: *Бука! Бука!* потомъ отправились къ берегу, дѣлая знакъ, что ѣдутъ туда за орѣхами, однако на прощаніе пустили въ корабль стрѣлу. Эти люди были также черны, съ курчавыми волосами, нижнія мочки ушей были проткнуты и вытянуты, а зубы окрашены жеваніемъ бетеля; луки ихъ длиною въ шесть футовъ, стрѣлы изъ весьма крѣпкаго дерева. Но байдары не такъ велики, какъ у жителей Шуазеля, и оконечности ихъ не столь высоки.

Годъ спустя послѣ Бугенвиля, Французскій капитанъ Сюрвиль, явился у этихъ береговъ; онъ осмотрѣлъ южную часть архипелага, и его то путешествію обязаны мы единственными, нѣсколько подробными, свѣдѣніями объ этой странѣ.

Сюрвиль положилъ якорь 7 Октября 1769 предъ проливомъ, раздѣляющимъ острова Шоазель и Изабеллу; два дня спустя, онъ послалъ шлюбку на островъ, лежащій въ самомъ проливѣ и прозваный имъ *Первовидънымъ островомъ*.

По донесенію офицера, объѣхавшаго этотъ островокъ на шлюбкѣ, онъ былъ необитаемъ, но покрытъ фруктовыми деревьями; здѣсь видѣли много птицъ; между прочими и попугаевъ; прибрежныя воды изобиловали рыбою. Въ слѣдующіе дни Сюрвиль боролся съ противными вѣтрами и теченіями, и положилъ якорь 13 числа у N. O. берега Изабеллы, въ пространномъ и усѣянномъ островами заливѣ, который назвалъ: *Портъ Праленъ*

Едва корабль вошелъ въ заливъ, къ нему подошли байдары. Островитяне не соглашались взойти на палубу, не смотря на многократныя приглашенія; они взяли подарки, и уѣхали, сказавъ, что во внутренней части залива можно достать прѣсную воду и съѣстные припасы. Вскорѣ явилась другая байдара; въ ней были три человѣка. Одинъ изъ нихъ, ставъ на бакѣ, хотѣлъ пустить стрѣлу въ корабль, но былъ усмиренъ подарками. Было уже поздно, и всѣ байдары возвратились къ берегу. Европейцы видѣли съ корабля, какъ дикіе усѣлись вокругъ огня и слышали, какъ нѣкоторые изъ нихъ передразнивали корабельныя команды и свистки боцмановъ.

На другое утро корабль перетягивался во внутрь залива; въ это время къ нему подъѣхали съ разныхъ сторонъ до двѣнадцати байдаръ, съ десятью или двѣнадцатью человѣками въ каждой; одна изъ нихъ была въ пятьдесятъ шесть футовъ длиною и въ четыре ф. шириною. Дикіе также какъ и наканунѣ тѣшились повтореніемъ командныхъ словъ, которыя въ это время раздавались на кораблѣ. Когда заиграла флейта съ барабаномъ, дикари сперва въ нѣмомъ восхищеніи вслушивались, потомъ вдругъ стали бить по водѣ тактъ, пагеями (веслами), и кружить байдары съ признаками совершеннаго восхищенія.

Такимъ образомъ музыка первая сблизила съ Европейцами дикихъ; одинъ изъ нихъ рѣшился взойти на корабль; вскорѣ нашлось столько послѣдователей его примѣру, что капитанъ велѣлъ соблюдать при этихъ посѣщеніяхъ наивозможный порядокъ и осторожность. Впрочемъ все еще видна была недовѣрчивость и нѣкоторое безпокойство между дикими; въ ихъ разговорахъ, во взглядахъ, во всемъ выражались опасенія и подозрительность. При малѣйшемъ движеніи на кораблѣ, они бросались въ байдары, даже въ море, и не смотря на то что имъ были сдѣланы подарки, они хватали все, что было подъ рукою.

Около полудня Сюрвиль послалъ двѣ шлюбки подъ начальствомъ Капитанъ-Лейтенанта Г. Лаббе, чтобы отыскать, гдѣ бы можно было налить ся водою. Когда шлюбки отвалили, всѣ байдары послѣдовали за ними; одна шла впереди какъ бы указывая дорогу; дикій, который, по видимому, начальствовалъ

сю, стоялъ, держа въ рукахъ двѣ связки травы, которыя поднималъ надъ головою, дѣлая разныя движенія. Въ срединѣ байдары стоялъ другой, молодой человѣкъ, весьма важно опершись на длинное копье. Красные цвѣтки были воткнуты въ его уши и ноздри; волосы были опудренны известкою. Въ этомъ полуторжественномъ и полувоенномъ плаваніи, было замѣтно, что между байдарами велись совѣщанія, съ какою-то заботливостію; но Французы сочли все это слѣдствіемъ ихъ безпорядка въ отправленіи.

Байдары, находившіяся впереди, вели шлюбки къ устью узкаго канала, по берегамъ котораго росъ кустарникъ; въ немъ, по словамъ дикихъ, скрывался ключъ прѣсной воды. Лаббе не заблагоразсудилъ пристать сюда; онъ отрядилъ только четырехъ матросовъ съ капраломъ, которые вскорѣ возвратились съ извѣстіемъ, что нѣтъ другой воды, кромѣ болота, въ которомъ можно увязнуть по поясъ.

Имѣя новую причину не довѣрять дикимъ, Лаббе жаловался, что его обманывали, и снова спрашивалъ, гдѣ можно достать воды. Тогда они указали ему позади группы островковъ, въ трехъ лигахъ отъ корабля, у подошвы лѣсистаго холма. Былъ сдѣланъ новый опытъ; тѣ же люди были посланы, и нашли скалу, съ которой падала вода капля по каплѣ. Здѣсь проводники ихъ оставили, и они съ трудомъ отыскали дорогу къ шлюбкамъ.

Между тѣмъ, на берегу, островитяне задумали другое. Сперва они всѣми средствами старались заманить на берегъ Французовъ, чтобы послѣ вытащить на мель ихъ шлюбки. Они показывали имъ прекрасные кокосы, которыми были покрыты деревья, и когда это не подѣйствовало, пытались притянуть шлюбки къ берегу. Это продолжалось до возвращенія людей, бывшихъ на берегу. Тогда дикіе, которыхъ было до 250 человѣкъ, вооруженные стрѣлами, копьями и булавами, искали минуты, чтобы напасть на Европейцевъ. Лишь только они увидѣли возвращавшихся пять человѣкъ, бросились на этотъ маленькій отрядъ, убили одного солдата, и ранили копьями капрала и трехъ остальныхъ. Самъ Лаббе получилъ двѣ раны въ лядвеи стрѣлами, и въ ногу камнемъ. При этомъ неожиданномъ нападеніи, Французы открыли огонь, который былъ тѣмъ убійственнѣе, что дикіе находились весьма близко. Толпою завладѣлъ внезапный страхъ, и при второмъ залпѣ дикари разбѣжались. Смерть одного изъ вождей была причиною общаго и внезапнаго ужаса. Самъ Лаббе убилъ его. Увидѣвъ дикаго, который стоя отдѣльно, поднялъ руки къ небу и одушевлялъ другихъ, онъ прицѣлился и положилъ его на мѣстѣ. Съ нимъ легло сорокъ человѣкъ дикихъ; раненые были унесены.

Однако жъ Сюрвиль хотѣлъ, во чтобы то ни стало, достать воды, и для достиженія этой цѣли, рѣшился поймать одного изъ дикарей. Первая его попытка была произведена съ пятью или шестью, которые заѣхали на ближній островокъ; но они столкнули въ воду свою байдару, прежде нежели ихъ успѣли схватить. Всѣ они, одинъ даже тяжело раненый, спаслись вплавь до берега. Въ другой разъ байдара подъѣхала на довольно близкое разстояніе къ кораблю, и Сюрвиль, чтобы заманить ихъ, употребилъ слѣдующую стратагему: два матроса, родомъ Кафры, съѣхали на байдарѣ, совершенно похожей на байдары дикихъ. Они были наги, съ напудренными головами, убранны точно какъ островитяне и дѣлали тѣ же жесты. Обманутые дикари разсудили, что и они могутъ подъѣхать также близко къ кораблю, какъ воображаемые ихъ единоземцы. Ихъ допустили, и потомъ вдругъ погнались за ними, но видя, что нѣтъ возможности ихъ догнать, Французы выстрѣлили; одинъ изъ дикарей былъ убитъ, и падая въ море, опрокинулъ байдару. Второй хотѣлъ спастись вплавь, но его поймали, не смотря на то, что онъ безпрестано нырялъ, и привезли на корабль. То былъ молодой человѣкъ лѣтъ пятнадцати; онъ защищался съ удивительною неустрашимостію, даже зубами, по неимѣнію другаго оружія. Когда его связаннаго подняли на палубу, онъ цѣлый часъ представлялся мертвымъ; его пробовали нѣсколько разъ ставить на ноги, позволяя ему падать всѣмъ тѣломъ; причемъ замѣтили, что онъ выставлялъ плечо такъ, чтобы предохранить голову. Наконецъ онъ перестачисленныхъ играть эту комедію, открылъ глаза, и видя, что экипажъ ѣлъ въ то время сухари, попросилъ самъ сухарь, который съѣлъ съ большимъ аппетитомъ. Впрочемъ его все держали связаннымъ, чтобы онъ не бросился въ море.

Чтобъ держать дикарей въ страхѣ, въ тотъ же день съ корабля стрѣляли по двумъ шедшимъ мимо байдарамъ. На другой день

плѣнникъ указалъ ключъ, котораго такъ искали; нѣсколько разъ были посыланы шлюбки наливаться водою, имѣя всегда предосторожность стрѣлять по байдарамъ, которыя подходили близко. Провизіи достать не могли ни какой, кромѣ кокосовъ, пальмовой капусты, устерсъ и другихъ родовъ раковинъ. Это было весьма недостаточно для корабля; экипажъ страдалъ отъ лихорадокъ, и съ каждымъ днемъ ослабѣвалъ. Капралъ умеръ отъ ранъ, и самъ Лаббе мучился цѣлые десять мѣсяцевъ, что заставляетъ думать, что стрѣлы дикихъ были намазаны ядомъ.

Пребываніе здѣсь Сюрвиля принесло однако же ту пользу, что тогда были собраны имъ самимъ, или офицерами его, нѣкоторыя свѣдѣнія, тѣмъ болѣе драгоцѣнныя, что другихъ мы не имѣемъ, о Саломоновыхъ островахъ.

Жители этого архипелага роста средняго, но здороваго и крѣпкаго сложенія. Одни совсѣмъ черны, другіе мѣднаго цвѣта. Черные имѣютъ волосы курчавые, лобъ малый, нижнюю часть лица остроконечную и носятъ небольшую бороду. Въ физіономіи ихъ есть что-то суровое, можно сказать, свирѣпое; изъ тѣхъ у которыхъ цвѣтъ лица бронзовый, нѣкоторые имѣютъ волоса гладкіе. Вообще они остригаютъ волосы по самые уши. Нѣкоторые сохраняютъ только пукъ волосъ на темени; остальное брѣютъ, кромѣ клочковъ въ нижней части затылка. Многіе раздѣляютъ этотъ пукъ волосъ на маленькіе хвостики, которые помадятся какою-то смолою. Большею частію они красятъ брови и волосы известкою въ желтую краску, и проводятъ, надъ бровями отъ одного виска до другаго, бѣлую полосу. Женщинъ видѣли весьма мало; онѣ имѣли подобные полосы вдоль по щекамъ и поперегъ шеи.

И мужчины и женщины не носятъ другой одежды, кромѣ лоскута цыновки на поясницѣ. Мужчины татуируютъ себѣ лице, руки и другія части тѣла; рисунки довольно пріятны. Уши и ноздри протыкаются для привѣшиванія разныхъ украшеній. Браслеты изъ ракушекъ и черепаховой чешуи надѣваются выше локтей; за неимѣніемъ такихъ браслетъ, носятъ на нижней части руки браслеты изъ рыбьихъ или другихъ косточекъ, нанизанныхъ на снуркѣ. —Иногда навѣшиваютъ на шею родъ гребня изъ бѣлаго камня, весьма уважаемаго. Другіе прикрѣпляютъ себѣ на лбу раковину, похожую на перламутръ. Но изъ всѣхъ украшеній наиболѣе поразили Сюрвиля и его спутниковъ ожерелья, серги и даже цѣлые поясы изъ человѣческихъ зубовъ. Должно думать, что это трофеи отъ непріятелей, убитыхъ въ сраженіи.

Луки островитянъ сдѣланы изъ чернаго, эластическаго, но неслишкомъ гибкаго, дерева, а тетивы изъ волоконъ латана. Стрѣлы длиною въ нѣсколько футовъ составлены изъ нѣсколькихъ кусковъ камыша, склеенныхъ весьма крѣпкою мастикою. Остріе этихъ стрѣлъ сдѣлано изъ костей рыбы ската.

Отъ подобныхъ стрѣлъ всегда остаются частицы въ ранѣ, которую онѣ отравляютъ. Копья сдѣланы изъ чернаго латановаго дерева; они имѣютъ отъ восьми до девяти футовъ въ длину и оканчиваются костію, въ шесть дюймовъ, съ зазубринами, отъ которыхъ раны дѣлаются весьма опасны. Булавы длиною въ два съ половиною фута, имѣютъ форму плоскаго ромбоида, обыкновенно дѣлаются изъ краснаго дерева весьма тяжелаго; островитяне продѣваютъ ихъ въ поясъ. Наконецъ щиты ихъ дѣлаются изъ тростника, сплетеннаго рядами; съ одной стороны, дѣлаютъ ухо, въ которое продѣвается рука, другую украшаютъ иногда кистями изъ красной и желтой соломы. Щиты эти имѣютъ двоякое употребленіе; иногда служатъ они зонтиками.

Дикари имѣютъ молоты изъ чернаго камня, крѣпко привязаннаго тростниковымъ ремнемъ къ рукояти; скобели изъ кусковъ камня, спущеннаго остріемъ, прикрѣпленныхъ къ древку, отъ природы изогнутому. Вмѣсто ножей употребляютъ острыя раковины, а обточенные кремни служатъ бритвами для бороды и для волосъ на головѣ. Сѣти ихъ дѣлаются изъ мочалъ латановой коры. Въ ихъ байдарахъ нашли какое-то сѣмя бальзамическаго запаха, которое сначала приняли за лекарственную мазь, но потомъ узнали, что оно служитъ островитянамъ вмѣсто масла для освѣщенія; свѣтъ отъ него чище, нежели отъ восковыхъ свѣчей, и притомъ оно издаетъ весьма пріятный запахъ.

Острова эти производятъ кокосовыя и банановыя деревья, сахарный тростникъ, ямсъ и разнаго рода миндаль. *Бинао*, безъ сомнѣнія то же, что Мендана называетъ *венаусъ*, служитъ вмѣсто хлѣба. Въ богатыхъ и цвѣтущихъ мѣстностяхъ этихъ островов есть множество какатоесовъ, голубей и дроздовъ, которые несравненно болѣе Европейскихъ

Въ болотахъ летаютъ морскіе жаворонки, родъ бекасинъ и дикія утки; наконецъ водятся саламандры, которыя нерѣдко имѣютъ футовъ пять длины отъ головы до хвоста. Четвероногихъ не видали; извѣстно однако, что въ лѣсахъ большихъ острововъ водится много дикихъ свиней. Одинъ изъ офицеровъ, занимавшійся Естественною Исторіею, замѣтилъ наука особеннаго рода, муравьевъ необыкновенной величины, мухъ величиною какъ наши и слѣпней, которые больно кусаютъ. Онъ видѣлъ также въ лѣсу ужа толщиною съ палецъ и длиною въ два фута, съ желтыми и сѣрыми квадратами на спинѣ, и съ брюхомъ свѣтложелтаго цвѣта. Въ особенности привлекло его вниманіе пресмыкающееся, которое онъ называетъ жабою, но которое скорѣе должно быть базиликъ. «Его спина, говоритъ онъ, представляетъ правильный горбъ вдоль всего тѣла: близъ плечь, его голова или рыло принимаетъ форму копья, съ возвышенностію посрединѣ, и глаза прикрыты какою то чешуею или оболочкою и находятся въ самой высокой части головы; лапы его не имѣютъ ничего особеннаго; это животное скачетъ, какъ Европейскія жабы.»

Къ подробностямъ, заимствованнымъ изъ наблюденій Сюрвиля и его офицеровъ, не безполезно присовокупить свѣдѣнія, сообщенныя имъ плѣннымъ дикаремъ, когда онъ могъ кое какъ выражаться по Французски. Лова-сарега (такъ звали этого молодаго человѣка) оставался два года съ Французами. Вотъ что говоритъ объ немъ Г. Моншеронъ, одинъ изъ офицеровъ Сюрвиля.

«Послѣ двухъ мѣсячнаго пребыванія дикаря на кораблѣ, мы замѣтили, что онъ съ необыкновенною легкостію изучалъ нашъ языкъ; но трехмѣсячное пребываніе у Испанцевъ въ Перу пріостановило нѣсколько его успѣхи. Впрочемъ впродолженіе этого времени онъ уже могъ нѣсколько объясняться на двухъ этихъ языкахъ.

Въ Лимѣ наиболѣе возбудила его удивленіе величина и вышина домовъ. Онъ не могъ вѣрить, чтобы эти зданія были прочны, и пробовалъ потрясти ихъ стѣны. Удивленіе его возрастало съ каждымъ днемъ при видѣ работъ Европейцевъ, и вскорѣ онъ долженъ былъ признать ихъ великое превосходство надъ своими соотечественниками. Во время перехода изъ порта Пралена въ Перу, Сюрвиль сажалъ его всегда за свой столъ: онъ понялъ, что то была особенная милость, потому что съ другими черными со всѣмъ иначе обходились, нежели съ нимъ. По смерти Сюрвиля, утонувшаго въ морѣ, по прибытіи въ Каллао передъ Лимою, молодой Лова самъ оставилъ столъ офицеровъ и сталъ слугою.

«Ему всегда оказывали особенное вниманіе, и безъ сомнѣнія онъ заслуживалъ это своими прекрасными качествами: его признательность доказывала, что онъ чувствовалъ цѣну подобнаго обхожденія; онъ никогда не употреблилъ во зло благорасположенія къ нему офицеровъ.

«Единственный порокъ, въ которомъ можно его упрекать, состоялъ въ какомъ то чувствѣ досады или отчаянія, которому онъ предавался весьма легко, и которое можно приписать только его чрезмѣрной раздражительности; но онъ противъ самаго себя обращалъ эти порывы; волненіе проходило чрезъ минуту, и походило на гнѣвъ незлобнаго дитяти. Одаренный проницательнымъ умомъ, онъ легко и съ удовольствіемъ изучалъ все, что отъ него требовали, и безъ сомнѣнія въ самое короткое время научился бы читать, если бы кто этимъ занялся.

«Онъ всегда велъ себя честно; любилъ украшенія, но легко отъ нихъ отказывался. Весьма хорошо зналъ цѣну и употребленіе денегъ, но не очень ими дорожилъ. Другихъ сильныхъ побужденій онъ, кажется, не имѣлъ, кромѣ чувства голода. Можно съ увѣрительностію сказать, что онъ владѣлъ самыми счастливыми наклонностями, и былъ лишенъ многихъ пороковъ, отъ которыхъ и тщательное воспитаніе не всегда освобождаетъ человѣка.»

На вопросы о его родинѣ Лова-сарега отвѣчалъ, что этотъ архипелагъ раздирается безпрерывными войнами, что всякій островъ воюетъ съ сосѣднимъ и что военноплѣнники обращаются въ рабство. Власть царя или вождя неограничена; всѣ подданные должны представлять ему произведенія своей рыбной ловли, своихъ фруктовыхъ деревъ, своихъ работъ, и добычи, взятыя у непріятеля. Вождь беретъ, что захочетъ, а остальнымъ пользуется хозяинъ. Кто отнесетъ къ себѣ что нибудь, не представивши предварительно вождю, подвергается строгому наказанію. Подданный, который наступитъ на тѣнь своего государя, немедленно подвергается казни. Впрочемъ, замѣчалъ Лова, вельможа могъ вы-

купить свою жизнь пожертвованіемъ всего имущества.

Лова не сказалъ ничего положительнаго объ ихъ религіи; онъ говорилъ только, что люди по смерти идутъ на небо, и отъ времени до времени сходятъ посѣщать своихъ прежнихъ друзей на землѣ. Эти духи являются по ночамъ, предсказываютъ хорошее или дурное, и указываютъ самыя выгодныя для рыбной ловли мѣста. Когда ему въ этомъ не вѣрили, то онъ отвѣчалъ, что никто лучше его не могъ знать, что происходитъ въ его землѣ.

Французы, во время своего пребыванія у этихъ островов, замѣтили, что передъ тѣмъ какъ дикіе аттаковали ихъ шлюбки, начальникъ одной байдары молился въ сторонѣ, а другой вождь странными кривляніями, казалось, призывалъ содѣйствіе сверхъестественной силы.

Врачи, которые вообще стары, имѣютъ большое вліяніе на этотъ народъ. Лова даже послѣ долговременнаго пребыванія на кораблѣ, говорилъ, что врачи его родины несравненно искуснѣе Европейскихъ медиковъ, которые, по мнѣнію его, умѣютъ только длить болѣзни. Дѣвушки, сговоренныя съ самыхъ юныхъ лѣтъ, переходятъ въ домъ своихъ будущихъ родственниковъ, и лишь только возрастъ позволитъ, ихъ выдаютъ замужъ. Многоженство позволительно.

Когда богатый человѣкъ умираетъ, тѣло его кладется на рѣшето, подъ которымъ вырыта яма. Ожидаютъ, чтобы дѣйствіе дождя, солнца и тлѣнія разрушили мясо, которое падаетъ въ яму; потомъ собираютъ кости и голову, и относятъ ихъ на общее кладбище. Когда забросаютъ яму, надъ нею строится каза, въ родѣ надгробнаго холма. На могилы дѣтей сажаютъ только цвѣты.

Лодки ихъ кажутся слабыми; однако дикіе плаваютъ на нихъ по десяти и двѣнадцати дней сряду. Они руководствуются въ своемъ плаваніи звѣздами, и умѣютъ узнавать нѣкоторыя изъ нихъ. По словамъ Ловы, они ведутъ торговлю съ народомъ почти бѣлымъ, или по крайней мѣрѣ несравненно менѣе ихъ черным. Лова-сарега утверждалъ, что онъ самъ видѣлъ, что къ его острову пристала лодка, въ которой было пятьнадцать человѣкъ черныхъ, три черныя женщины и одна бѣлая. Черныя женщины болтали только; бѣлая плакала по бѣломъ человѣкѣ, который бросился въ воду, чтобы поймать черепаху и былъ съѣденъ рыбами. Она была беременна и родила двухъ бѣлыхъ дочерей, изъ которыхъ одна померла. Но хотя она и должна была сохранить свою жизнь для другой дочери, ничто не могло ее утѣшить; она задушилась маленькимъ снуркомъ, который носила на шеѣ, и который служилъ ей безъ сомнѣнія (какъ квиппосы у Перуанцевъ), чтобы узлами означать на немъ число дней, проведенныхъ далеко отъ родины. Лова имѣлъ также подобный снурокъ и вѣрно велъ этотъ счетъ; онъ присовокупилъ, что бѣлая женщина имѣла весьма большія серги, цвѣта золотаго; что волосы у нея были длинные, ноздри проткнутыя, и что она была нагая съ кускомъ только ткани отъ поясницы до колѣнъ. Лодка, на которой она пріѣхала, привезла также много свиней и кокосовъ.

Лова говорилъ, что отецъ его часто совершалъ поѣздки на десять или на двѣнадцать дней, къ народу менѣе черному, что онъ тамъ мѣнялъ своихъ черныхъ невольниковъ на бѣлыхъ и доставлялъ оттуда тонкія съ рисунками полотна, изъ которыхъ дѣлались поясы. Эти разсказы, запечатлѣнные точностію и истиною, заставляютъ думать, что племя желтое или Полинезійское, занимаетъ еще нѣкоторые пункты Саломоновыхъ островов, хотя окрестности порта Праленa представляютъ только маловажныя селенія; внутренность острова однако содержитъ значительныя деревни. Лова нѣсколько разъ говорилъ это; но онъ забылъ сказать настоящее имя своего отечества.

Сюрвилъ оставилъ портъ Праленъ 21 Октября, и чрезъ пять дней полагалъ, что въ виду нѣтъ ни какихъ береговъ, когда вдругъ на горизонтѣ показался островъ, названный имъ *островомъ Нежданнымъ*. Это тотъ самый, который у Картерста называтся *Говеромъ;* на другой день, 27 числа, онъ открылъ островъ (Препятствій) *Contrarietes*, такъ названный по причинѣ штилей и внезапныхъ шкваловъ, которые задержали карабль у его береговъ. 2 Ноября, когда онъ стоялъ недвижный среди мертваго моря, къ нему приблизились многія байдары; онъ самъ хотѣлъ даже послать на берегъ шлюбку, но открылись непріязненныя дѣйствія съ островитянами, и это заставило его отказаться отъ своего намѣренія. 3 числа Сюрвиль открылъ острова *Три-сестры*, и четвертый, который онъ назвалъ *островомъ Залива.* Хотя отъ всѣхъ этихъ островов отправля-

лись байдары къ кораблю, ни одна изъ нихъ не согласилась пристать, не смотря на то, что людей приглашали. Наконецъ 6 числа Сюрвиль обогнулъ два островка, *Анну и Каталину*, которые онъ назвалъ *островами Спасенія*. Потомъ, думая, что всѣ берега, мимо которыхъ онъ прошелъ, составляли одинъ большой островъ, онъ прозвалъ его *землею Арсасидовъ;* это названіе впослѣдствіи сохранено однимъ изъ острововъ. Другихъ открытій Сюрвиль не сдѣлалъ.

Открытія Сюрвиля и Бугенвиля обратили вниманіе Европы на этотъ архипелагъ, котораго описаніе сходствовало съ разсказомъ Менданы. Трудолюбивый Бюашъ и искусный Флёрьё занялись изслѣдованіемъ этого предмета, и впослѣдствіи не осталось ни какого сомнѣнія въ томъ, что открытый Менданою архипелагъ Саломоновъ, былъ не что иное, какъ острова, открытые Сюрвилемъ и Бугенвилемъ.

Послѣ Сюрвиля, Англичанинъ Шортландъ первый увидѣлъ эти острова. 31 Іюля 1788, онъ зашелъ къ южной оконечности острова Гвадальканара, и продолжая плаваніе вдоль южной полосы архипелага, вошелъ въ проливъ, въ которомъ былъ Бугенвиль за двадцать лѣтъ до него. Шортландъ видѣлъ всѣ эти острова издалека, и счелъ ихъ однимъ большимъ островомъ, который и назвалъ *Новою Георгіею*; это названіе сохранено однимъ изъ острововъ, имъ видѣнныхъ. Шортландъ только у мыса *Deception* имѣлъ сношенія съ островитянами. Байдары подъѣхали къ Англійскому кораблю, чтобы промѣнять браслеты, кольца, цѣпи изъ кости или изъ рыбьихъ костей, на подобныя же вещи Европейской работы дикари всегда впрочемъ предпочитали желѣзныя вещи. Люди оказались весьма честными; въ этой сдѣлкѣ не было замѣчено покушеній къ обману или кражѣ. Они особенно желали, чтобы экипажъ съѣхалъ на берегъ; чтобы склонить къ этому Англичанъ, они показывали имъ кору разныхъ фруктовъ и перья птицъ, стараясь истолковать, что все это находится на берегу. Эти люди называли свой островъ *Симбу;* въ немъ были замѣчены полосы хорошо воздѣланной земли. Ихъ байдары были хорошо построены, украшены рѣзною работою и размалеваны красною краскою; на каждой помѣщалось 10-12 челов. Кромѣ колецъ и браслетовъ изъ рыбьихъ и другихъ костей и чешуи, они носили на головѣ черепокъ съ перомъ. Они слѣдовали за кораблемъ два или три часа, потомъ поплыли обратно къ своему берегу.

Ни одно изъ путешествій не доставило столько географическихъ свѣдѣній о Саломоновыхъ островахъ, какъ путешествіе д'Антркасто. 9 Іюля 1792 года, онъ началъ свои наблюденія предъ островомъ Георгіею; потомъ осмотрѣлъ, одинъ за другимъ, острова Казначейства, Шортландъ, и западную полосу острововъ Бугенвиля и Бука. Но это ничего не прибавило къ прежнимъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ объ этомъ архипелагѣ. д'Антркасто никуда не заходилъ и весьма мало имѣлъ сношеній съ островитянами. Только неподалеку отъ острововъ Казначейства эскадра замѣтила жителей и байдары, плававшія кругомъ острововъ. Затѣмъ, неподалеку отъ сѣверной оконечности острова Бука, множество байдаръ отвалили отъ берега; въ каждой было по восьми человѣкъ; одна только, несравненно болѣе другихъ заключала, до сорока человѣкъ; изъ нихъ шестнадцать дѣйствовали веслами, остальные двадцать четыре были воины. Нѣсколько часовъ флотилія эта оставалась въ нерѣшимости; наконецъ она пристала къ кораблямъ. Островитяне промѣняли на Европейскія вещи свои стрѣлы, отказываясь дать со стрѣлами и луки. Но когда одинъ изъ офицеровъ заигралъ на скрипкѣ пѣсню довольно живую, тотчасъ всѣ дикіе пришли въ движеніе, стали смѣяться, прыгать, скакать въ байдарахъ и предлагать взамѣнъ за скрыпку не только лукъ, но даже булавы, которыхъ до того времени они не показывали. Они легко повторяли множество Французскихъ словъ. Ихъ байдары не имѣли поперечныхъ рычаговъ для равновѣсія и были весьма скоры на ходу подъ парусами.

Въ слѣдующемъ году д'Антркасто съ 25 Мая началъ вновь изслѣдованіе этихъ острововъ, съ острововъ Анны и Каталины, потомъ по всему западному берегу острова Кристоваля, который, казалось, былъ покрытъ селеніями въ N. W. части своей. Байдары, приставшія къ кораблямъ, приняли все, что имъ дали, не представляя взамѣнъ ничего. Къ ночи число ихъ умножилось; набралось до шестидесяти, и дикіе, надѣясь на многочисленность, сдѣлались дерзки; они пустили нѣсколько стрѣлъ по кораблю. Французы отвѣчали имъ выстрѣломъ изъ ружья и ракетою; послѣ чего всѣ они разбѣжались.

Затѣмъ д'Антркасто посѣтилъ островъ

Сесарга, съ котораго семь байдаръ прибыли къ его кораблю; находившіеся на нихъ островитяне не согласились взойти на палубу, и только знаками приглашали Французовъ на берегъ. Байдары были красивѣе всѣхъ видѣнныхъ прежде; островитяне щеголяли прекрасными ожерельями изъ раковинъ, браслетами, и перьями на головѣ. Затѣмъ д'Антркасто продолжалъ свое плаваніе вдоль южнаго и западнаго береговъ большаго острова Гвадальканара; потомъ, обогнувъ мысъ Маршъ, окончилъ опись свою южною частію острова Георгіи. 7 Іюня эскадра потеряла изъ виду берегъ.

Нѣкоторыя части Саломоновыхъ острововъ были усмотрѣны, одинъ за другимъ, въ 1792 г. Меннингомъ, который прошелъ между Изабелою и Шоазелемъ; въ 1794 г., ихъ видѣли съ корабля *Indispensable*, проходившаго между Кристовалемъ и Гвадальканаромъ, потомъ между Изабеллою и Малантою; наконецъ Батлеръ видѣлъ ихъ въ 1794 г. Но ни одинъ изъ этихъ мореходцевъ не оставилъ намъ важныхъ наблюденій, потому что всѣ были у этихъ острововъ только подъ парусами.

ГЛАВА XIX.

Саломоновы острова. Географія.

Архипелагъ Саломоновыхъ острововъ заключается между 5 и 12 градусами ю. ш. и 152 и 160 в. д. Протяженіе его до 200 лигъ отъ N. W. къ S. O., а средняя широта 40 лигъ. Въ немъ до десяти острововъ, высокихъ и многолюдныхъ, и множество меньшихъ. Изъ нихъ извѣстны намъ, слѣдуя отъ N. къ S.

Бука, открытый въ 1767 г., Картеретомъ и названный имъ Винчельси, видѣнный въ 1768 г. Бугенвилемъ, въ 1788 г. Шортландомъ, въ 1792 г. д'Антркасто, и въ 1823 г. Дюпере; онъ высокъ, лѣсистъ и многолюденъ; имѣетъ 25 миль отъ N. къ S. а въ ширину до 18; около южной его части прилегаетъ къ нему много островковъ. Донынѣ не изслѣдовано съ достовѣрностію, отдѣленъ ли этотъ островъ отъ слѣдующаго за нимъ. Ю. ш. его 5° 0'.; в. д. 152° 14' (сѣвер. оконечность).

Бугенвиль, открытый Бугенвилемъ въ 1768, видѣнный въ 1788 Шортландомъ и описанный въ 1792 д'Антркасто, есть высокій, многолюдный островъ, имѣющій 96 миль отъ N. N. W. къ S. S. O. Ширина его отъ 18 до 20 миль. На юго-восточной его сторонѣ находятся множество безъименныхъ островковъ. Положеніе его между 5° 32' и 6° 55' ю. ш. и 152° 14' и 155° 25' в. д.

Шортландъ, видѣнный Бугенвилемъ въ 1768, Шортландомъ въ 1788 и д'Антркасто въ 1792. Это одинъ островъ изъ многихъ, весьма близко одинъ отъ другаго лежащихъ и имѣющихъ въ окружности отъ 30 до 36 миль. Къ западной его сторонѣ прилегаетъ множество островковъ. Ю. ш. (южной оконечности) 7° 9'; в. д. 153° 20'.

Казначейства (*de la Tresorerie*), открытые Бугенвилемъ въ 1768, видѣнные Шортландомъ въ 1788 и д'Антркасто въ 1792, составляютъ группу низменную, лѣсистую, въ 7½ миль протяженія отъ N. N. O. къ S. S. W.—Ю. ш. (средины группы) 7° 25'; в. д. 153° 10'.

Шуазель, открытый вѣроятно Менданою въ 1567, но упоминаемый въ первый разъ Бугенвилемъ въ 1768, и видѣнный Сюрвилемъ въ 1769, Шортландомъ въ 1788, а частію капитаномъ корабля *Cornwallis* въ 1796, въ восточной части своей еще мало извѣстенъ. Это высокій и многолюдный островъ; протяженіе его до 80 миль отъ N. W. къ S. O., при ширинѣ, мѣняющейся отъ 10 до 20 миль. Лежитъ между 6° 36' и 7° 34' ю. ш. и 153° 41' и 154° 57' в. д.

Алленъ и Миддлетонъ, открытые Шортландомъ въ 1788, который принялъ ихъ за два мыса. Крузенштернъ полагаетъ, что это два небольшіе острова. Ю. ш. 7° 28'; в. д. 153° 54' (ос. Миддлетонъ).

Симбу, открытый Бугенвилемъ въ 1768, и видѣнный Шортландомъ въ 1788, есть пространный и многолюдный островъ, но форма его совершенно неизвѣстна; къ ю. отъ него лежитъ островокъ *Satisfaction*. Ю. ш. 8° 17'; в. д. 154° 12'. (Южная оконечность острова *Satisfaction*).

Первовидѣнный (*de la Première vue*), открытый въ 1769 Сюрвилемъ и видѣнный Меннингомъ въ 1792, возвышенъ, имѣетъ протяженія отъ 5 до 6 миль. Ю. ш. 7° 20'; в. д. 154° 59'.

Изабелла, открытый Менданою въ 1569 году и видѣнный Меннингомъ въ 1792, обширенъ, гористъ и многолюденъ. По картѣ Крузенштерна, онъ имѣетъ 105 миль протяженія отъ N. W. къ S. O., а въ ширину

отъ 14 до 16 миль; но пространство, занимаемое имъ, еще не извѣстно въ точности. Съ N. W. стороны прилегаютъ къ нему небольшіе островки, изъ которыхъ два получили отъ Меннинга названія *Jane* и *Nairn*. Ю. ш. между 7° 16' и 8° 28'.; в. д. между 155° 18' и 156° 54'.

Ортега, два острова, открытые Менданою въ 1567 г. и увидѣнные кораблемъ *Indispensable* въ 1794; каждый имѣетъ отъ 5 до 6 миль протяженія; они мало извѣстны. Ю. ш. 8° 8'; в. д. 157 (средина).

Рамосъ, открытые Менданою въ 1567, и видѣны кораблемъ *Indispansable* въ 1793; это группа изъ двухъ или трехъ островковъ, окруженныхъ рифомъ. Ю. ш. 8° 24'; в. д. 157° 42'.

Говеръ, открытый Картере въ 1767 г., усмотрѣнъ Сюрвилемъ въ 1769 и названъ имъ *Нежданнымъ островомъ* (*Innatendue*); по Картерету, онъ низменъ, плоскъ и многолюденъ, простирается на двѣ съ половиною лиги отъ O. къ W. Ю. ш. 8°; в. д. 158° 12'.

Малаита, открытый Менданою въ 1567, усмотрѣнъ Картеретомъ въ 1767 и Сюрвилемъ въ 1769; по показанію Картерета, онъ высокъ, гористъ и имѣетъ десять лигъ отъ O. къ W. Ю. ш. 8° 24'; в. д. 158° 10' (сѣв. оконечность).

Симсонъ, открытый Картеретомъ въ 1767, усмотрѣнъ Сюрвилемъ въ 1769. Небольшой и низменный, по показанію Картере. Ю. ш. его 8° 30'; в. д. 158° 43'.

Ос. Арсасидовъ, открытый Менданою въ 1567 и усмотрѣнный Сюрвилемъ въ 1769, есть высокій островъ, по показанію Крузенштерна, имѣющій 36 миль отъ N. N. W. къ S. S. O. и восемь въ ширину; но это только предположеніе, весьма неопредѣлительное. Онъ лежитъ между 8° 36' и 9° 7' ю. ш. и 158° 37' и 159° 4' в. д.

Галера, открытый Менданою въ 1567, усмотрѣнъ Сюрвилемъ въ 1769. По словамъ Ортеги, онъ имѣетъ шесть лигъ въ окружности и окруженъ мало извѣстнымъ рифомъ. Ю. ш. 9° 28'; в. д. 159° 6'.

Буэна-Виста, открытый Менданою въ 1567, усмотрѣнъ Сюрвилемъ въ 1769. По словамъ Ортеги, онъ плодороденъ, воздѣланъ и многолюденъ; имѣетъ въ окружности около 29 лигъ; близъ него лежатъ обитаемые островки; но все это весьма мало извѣстно. Ю. ш. 9° 42'; в. д. 157° 18' (южн. оконечность).

Сесарга, открытый Менданою въ 1567, усмотрѣнъ въ 1769 Сюрвилемъ; который назвалъ его *островомъ Препятствій*; въ 1790 его видѣлъ Балль, назвавшій его *островомъ Шмидтъ*. д'Антркасто видѣлъ его въ 1792; онъ высокъ, многолюденъ, имѣетъ около семи миль отъ N. къ S.; средина его лежитъ подъ 9° 49' ю. ш. и 159° 43' в. д.

Три Сестры, открытые Сюрвилемъ въ 1769, усмотрѣны д'Антркасто въ 1792. Это цѣпь весьма маленькихъ и высокихъ островковъ, занимающихъ до девяти миль отъ N. N. W. къ S. S. O.; средній изъ нихъ лежитъ подъ 10° 33' ю. ш. и 159° 40' в. д.

Залива, открытые Сюрвилемъ въ 1769, и видѣнные д'Антркасто въ 1792. Два высокіе острова, изъ которыхъ большій имѣетъ болѣе четырехъ миль отъ N. къ S. и лежитъ подъ 10° 14' ю. ш. и 159° 27' в. д.

Принцесса, весьма не великъ, на картѣ Арроусмита показанъ на S. W. отъ острововъ Гаммондъ; въ двѣнадцати миляхъ къ N. N. O. отъ Принцессы лежитъ рифъ, именуемый *Бриджъ-Уатеръ*. Кѣмъ и когда открытъ, не извѣстно. Ю. ш. 9° 5'; в. д. 154° 46'.

Гаммондъ, открытые Шортландомъ въ 1788, усмотрѣны д'Антркасто въ 1792. Три высокіе лѣсистые и населенные острова, изъ коихъ самый большой имѣетъ, по картѣ Крузенштерна, отъ 14 до 15 миль. Впрочемъ они мало извѣстны. Сѣверо-западная оконечность ихъ лежитъ подъ 8° 32' ю. ш. и 154° 55'. в. д.

Георгія, открытый Шортландомъ въ 1788, усмотрѣнъ издалека Меннингомъ въ 1792. д'Антркасто осмотрѣлъ южную его часть въ 1792. На картѣ Крузенштерна онъ показанъ островомъ высокимъ, населеннымъ, и въ сорокъ миль протяженія отъ O. къ W, при десяти или двѣнадцати миляхъ въ ширину. Но форма его и протяженіе къ сѣв. совершенно не извѣстны. Онъ лежитъ между 8° 35' и 8° 53' ю. ш. и 155° 14' и 156° в. д.

Мёррей (Murray), вѣроятно открытъ Меннингомъ въ 1792, и въ томъ же году усмотрѣнъ д'Антркасто. Онъ высокъ, имѣетъ не болѣе пяти или шести миль въ окружности и лежитъ подъ 9° 3' ю. ш. и 156° 30' в. д.

Марръ открытъ въ 1788 Шортландомъ, который принялъ его за мысъ; Меннингъ и д'Антркасто видѣли его въ 1792. Онъ высокъ, имѣетъ болѣе десяти миль отъ N. N. W. къ S. S. O. и окруженъ многими островками. Протяженіе этой группы къ N. O. совершенно неизвѣстно. Западная его оконечность лежитъ подъ 9° 6' ю. ш. и 156° 48', в. д.

Гвадалканаръ, открытъ въ 1567 Менданою, усмотрѣнъ Шортландомъ въ 1788 и Меннингомъ въ 1792; д'Антркасто въ 1792 сдѣлалъ опись части его. Плаваніе корабля *Indispensable* доказало, что онъ совершенно отдѣленъ отъ острова Арсасидовъ и другихъ близлежащихъ острововъ, но весь сѣверный его берегъ неизвѣстенъ. Этотъ островъ гористъ и многолюденъ; имѣетъ 78 миль въ длину отъ W. N. W. къ O. S. O. при широтѣ отъ 20 до 25 миль. Нѣсколько островковъ лежатъ около сѣверо-восточной его оконечности, близъ юго-восточной и въ заливѣ *Indispensable*; они оставлены безъ именъ и малоизвѣстны. Гвадальканаръ лежитъ между 9° 16' и 9° 59' ю. ш. и 157° 22' и 158 34. в. д.

Кристоваль, открытъ Менданою въ 1567. и усмотрѣнъ Сюрвилемъ въ 1769, а Шортландомъ въ 1788; д'Антркасто описалъ двѣ трети его въ 1792; корабль *Indisdensable* видѣлъ его въ 1794; онъ великъ, гористъ и населёнъ; имѣетъ 72 мили отъ N. W. къ S. O. при ширинѣ отъ 16 до 18 миль. Восточный берегъ мало извѣстенъ; лежитъ между 10° 11' и 10° 53' ю. ш. и 159° 2' и 160° 3' в. д.

Анна, открытый Менданою въ 1567, усмотрѣнъ Сюрвилемъ въ 1769, а въ 1790 Баллемъ, назвавшимъ его островомъ *Сиріусомъ*; д'Антркасто видѣлъ его въ 1792. Островъ этотъ высокъ и имѣетъ отъ 5 до 6 миль въ окружности. Ю. ш. 10° 51'; в. д. 160° 8'.

Каталина, открытъ Минданою въ 1567; въ 1769 его видѣлъ Сюрвиль, назвавшій его вмѣстѣ съ предъидущимъ, *островомъ Освобожденія* (*Delivrance*); Балль видѣлъ его въ 1790 и назвалъ *островомъ Массей*; д'Антркасто видѣлъ его, 1792. Онъ высокъ, имѣетъ три или четыре мили въ окружности. Ю. ш. 10° 54'; в. д. 160° 6'.

Беллона открытъ въ 1794 г. Батлеромъ, капитаномъ корабля *Вальполь*; онъ имѣетъ шесть миль въ діаметрѣ. Ни одинъ мореплаватель не видѣлъ его послѣ Батлера и потому существованіе его еще весьма сомнительно. Ю. ш. 11° 11'; в. д. 157° 34'; (средина).

Реннель, открытъ также Батлеромъ въ 1794, и усмотрѣнъ въ томъ же году кораблемъ *Indispensable*, по показанію адмирала Крузенштерна, имѣетъ двѣнадцать лигъ отъ N. W. къ S. O. Юго-восточная его оконечность лежитъ подъ 11° 38' ю. ш., и 158° 21' в. д.

Этимъ оканчивается списокъ острововъ, собственно называемыхъ Саломоновыми: но мы должны упомянуть еще, какъ о геологическомъ ихъ продолженіи, о двухъ опасныхъ рифахъ, лежащихъ недалеко къ ю. отъ нихъ; 1) *Рифъ Пандоры*, открытъ капитаномъ Эдвардсомъ въ 1791, и безъ сомнѣнія есть тотъ самый, который былъ усмотрѣнъ въ 1794 кораблемъ *Indispensable*, а въ 1804 Рюо-Кутансомъ. Эта опасная отмель тянется, какъ говорятъ, на 40 почти миль отъ N. къ S.; оконечность ея лежитъ подъ 12° 8', ю. ш. и 159° в. д. 2) *Рифъ Вельсъ*, усмотрѣнный также Эдвардсомъ въ 1791, подъ 12° 21' ю. ш. и 156° 22' в. д.

Можно еще упомянуть о цѣпи небольшихъ группъ, лежащихъ на сѣверѣ отъ Саломоновыхъ, и почти параллельныхъ имъ; начнемъ съ южной стороны.

Острова Стюартъ, открыты Гантеромъ въ 1791, и усмотрѣны Вильсономъ, капитаномъ корабля *Даффъ*, въ 1797. Это группа изъ пяти небольшихъ острововъ; два большіе изъ нихъ имѣютъ три мили протяженія. Ю. ш. 8° 24'; в. д. 161'.

Опасный рифъ *Бредли*, открытъ Гантеромъ въ 1791; лежитъ подъ 6° 52' ю. ш. и 158° 46' в. д.; столь же опасный рифъ *Канделарія*, открытъ Минданою въ 1567, и усмотрѣнъ въ 1781 Морелемъ, который назвалъ его *Ронкадоромъ*; онъ лежитъ, какъ полагаютъ, подъ 6° 20' ю. ш. и 157' в. д. Необходимо еще опредѣлить съ большею точностію положеніе этихъ мелей, которыя несравненно опаснѣе для кораблей, нежели самые опасные острова.

Острова *Гоу*, открыты въ 1791 Гантеромъ, который видѣлъ только южную ихъ часть. Можетъ быть, это тѣ самые острова, которые въ 1616 году, были усмотрѣны Шутеномъ и въ 1643 Тасманомъ, давшимъ имъ названіе *Оттонгъ-Явы*; можетъ быть также, это двѣ отдѣльныя группы. Какъ бы то ни

было, группа, усмотрѣнная Гантеромъ, состоитъ изъ множества низменныхъ и обитаемыхъ островов; протяженіе ея не опредѣлено съ точностію. Ю. ш. 5° 39', в. д. 157° 6' (южная оконечность).

Острова Маркэнъ, открытые въ 1616 Шутеномъ, и усмотрѣнные Тасманомъ въ 1643, вѣроятно тѣ же, которые видѣлъ корабль *Indispensable* въ 1794, и назвалъ *Кокосовыми островами*, и тѣ же, что видѣлъ Мортлокъ въ 1799 и назвалъ Гантеровыми, хотя онъ даетъ имъ положеніе нѣсколько ниже къ югу. Это группа, состоящая изъ четырнадцати или пятнадцати острововъ, низменныхъ, обитаемыхъ и занимающихъ пространство около двадцати миль. Ю. ш. 4° 30'; в. д.

Острова Картерета, открытые въ 1767 Картеретомъ, который назвалъ ихъ *Девятью островами*; они были усмотрѣны въ 1781 Морелемъ, который принялъ ихъ за Онтонгъяву Тасмана, Шортландомъ въ 1788 и Гантеромъ въ 1791. По Картерету только одинъ изъ этихъ острововъ имѣетъ значительную величину; остальные малы, низменны, полѣсисты и многолюдны. Жители ихъ черные, съ курчавыми волосами, вооружены луками и стрѣлами, и имѣютъ большія байдары, которыя ходятъ подъ парусами. Средина группы лежитъ подъ 4° 42' ю. ш. и 153° 10' в. д.

Зеленые острова, открыты Шутеномъ въ 1616, и усмотрѣны въ 1767 Картеретомъ, который назвалъ ихъ островами *Гардія*; Бугенвиль видѣлъ ихъ издалека въ 1767; въ 1781 ихъ видѣлъ Морель, давшій имъ названіе *Каймановъ*; въ 1792 и 1823 д'Антркасто и Дюперре видѣли ихъ на весьма дальнемъ разстояніи. Они составляютъ зеленѣющія и населенныя группы, размѣры и протяженія, ихъ мало извѣстны; лежатъ подъ 4° 33' ю. ш. и 151° 49' в. д. (южная оконечность).

ГЛАВА XX.

Саломоновъ архипелагъ. — Острова Убійства.

Къ одной изъ группъ, послѣдне упомянутыхъ нами, относятся; *острова Убійства* (*du Massacre*), гдѣ пребываніе Американца Мореля составило длинный и драматическій эпизодъ. Неточности въ показаніяхъ географическаго положенія такъ часты въ запискѣ Американскаго мореплавателя, что съ нею нельзя обойтись безъ догадокъ и предположеній. И такъ, переходя отъ сомнѣнія къ сомнѣнію, будемъ искать острововъ *Убійства* въ островахъ *Картерета*; должно съ осторожностію читать разсказъ капитана Мореля, во многихъ мѣстахъ испещренный подробностями, которыя кажутся, если несовершенно ложными, то по крайней мѣрѣ слишкомъ преувеличенными.

Морель командовалъ красивою шхуною *Антарктикъ*, и рыская по морямъ подобно собрату своему Пендльтону, зашелъ 24 Мая 1830 къ островамъ Убійства, гдѣ положилъ якорь въ безопасной бухтѣ. Островитяне, почти совершенно черные, не замедлили показаться въ своихъ байдарахъ; сперва они боязливо смотрѣли на корабль, не дерзая приблизиться къ нему, но вскорѣ сдѣлались смѣлы. Ихъ начальникъ, котораго Морель называетъ фантастическимъ именемъ Неро, отличался множествомъ ожерелій изъ раковинъ и гирляндъ изъ цвѣтовъ на головѣ и на шеѣ.

Онъ первый взошелъ на шхуну, гдѣ все возбудило въ немъ удивленіе. Онъ сталъ однако мало по малу осматривать предметы, находившіеся на палубѣ, и дѣлать вопросъ за вопросомъ, не дожидаясь отвѣта; наконецъ началъ прыгать, хохотать и кричать, какъ сумасшедшій. Удивленіе его въ особенности выражалось восклицаніемъ: *Ретъ стиллерь!* что Моррель переводитъ словами: «какъ это прекрасно!»

Неро не иначе согласился сойти въ капитанскую каюту, какъ пославъ для предварительнаго осмотра трехъ изъ своихъ подданныхъ, которымъ Морель показалъ блестящіе ружья и пистолеты своего арсенала. Дикари громче прежняго кричали «*Ретъ стиллеръ*.» Видъ зеркала подалъ поводъ къ явленію еще болѣе забавному. Сперва они испугались; потомъ, когда удостовѣрились, что зеркало отражаетъ собственные ихъ черты, они стали обнимать другъ друга, съ радостными восклицаніями и громкимъ хохотомъ. Эта веселость заставила Неро сойти въ каюту. Капитанъ для потѣхи подвергъ дикихъ разнымъ испытаніямъ, возродившимъ въ нихъ совершенно новыя впечатлѣнія. Такъ напримѣръ, при видѣ пороховой вспышки на палубѣ всѣ они упали.

Морель поднесъ подарки Неро, который, чтобы отплатить тѣмъ же, послалъ на берегъ

за кокосами и фруктами для капитана; послѣ чего пригласилъ гостей къ себѣ на берегъ. Капитанъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ и посѣтилъ его казу, которая только величиною отличалась отъ прочихъ. Тамъ они сѣли на цыновкѣ въ кругу довольно миловидныхъ женщинъ, и Неро угостилъ посѣтителей рыбою и плодами. Морель поднесъ нѣсколько подарковъ царицѣ, между прочимъ онъ далъ ей ножницы, которымъ она чрезвычайно обрадовалась. Тогда только въ первый разъ Неро сталъ щупать платье своего гостя, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли подъ платьемъ есть тѣло и кости; при этомъ изслѣдованіи онъ нѣсколько разъ оказывалъ удивленіе, а по окончаніи, обратясь къ своимъ людямъ, произнесъ имъ длинную рѣчь, которую они слушали разинувъ рты и недвижно устремивъ на него глаза. Когда такимъ образомъ островитяне сдружились съ посѣтителями, мужчины и женщины стали дарить ихъ ожерельями изъ черепахи, шапками изъ перьевъ и цыновками, плетенными съ большимъ искусствомъ. Число бывшихъ тутъ островитянъ умножалось мало по малу; ихъ собралось до четырехъ сотъ человѣкъ кругомъ Американцевъ. Они пропѣли торжественный гимнъ, который казался выраженіемъ благодарности къ великодушному иноземцу; капитанъ отвѣчалъ на эту любезность дикихъ, подражая сколько могъ ихъ тѣлодвиженіямъ и кривляніямъ.

Морель объяснилъ дикому вождю, что онъ желаетъ осмотрѣть внутренность острова, и Неро охотно согласился на это. Немедленно пустились въ путь; Неро былъ проводникомъ; дикіе слѣдовали за нимъ прыгая и кривляясь. Морель въ самомъ началѣ этой прогулки замѣтилъ, что всѣ деревья были молоды, что доказывало недавнее образованіе острова. Въ центральной его части обратили на себя его вниманіе небольшія глыбы коралловъ, расположенныя правильными рядами, перемеженныя тропинками и обнесенныя частоколомъ. Неро объяснилъ капитану, что то были царскія гробницы, и что глыбы коралловъ суть надгробные памятники знатныхъ людей. Тѣла простыхъ островитянъ бросались прямо въ море.

На S. W. берегу Морель замѣтилъ мѣсто, выгодное для рыбной ловли и для приготовленія трипанговъ, и тотчасъ же рѣшился перейти туда съ своимъ судномъ. Неро нетолько согласился на это, но даже обѣщалъ ему содѣйствовать въ этой работѣ своимъ народомъ. Для вящшаго удостовѣренія въ дружескомъ расположеніи, онъ послалъ на шхуну запасъ кокосовъ, банановъ и рыбы.

На другой день двадцать пять человѣкъ, съ топорами, были посланы, чтобы очистить нѣкоторое пространство на берегу противъ шхуны. Затѣмъ занялись построеніемъ сарая длиною въ 45 футовъ, шириною въ 14 и вышиною въ 35. Эти работы чрезвычайно нравились островитянамъ; они съ удивленіемъ смотрѣли на быстроту, съ которою Европейцы рубили деревья. Кромѣ того, Морель приказалъ очистить небольшой участокъ на берегу, посѣялъ тамъ полезныя сѣмена, и старался объяснить островитянамъ, какую пользу они могли получить отъ нихъ.

Во время этого человѣколюбиваго занятія къ нему подошелъ островитянинъ, взялъ его за руку съ выраженіемъ благодарности и далъ ему понять, что онъ постигаетъ его мысли. Физіономія островитянина выражала энергію и понятливость. Впослѣдствіи узнали, что его звали Геншенъ, и что онъ былъ частный вождь этого острова; Неро былъ могущественнѣе его, и царствовалъ надъ всею группою. Онъ находился тамъ по случаю объѣзда острововъ; обыкновенное же его мѣстопребываніе было на самомъ большомъ изъ острововъ, который лежалъ гораздо южнѣе. Когда посѣвъ окончился, Геншенъ обвелъ это мѣсто палисадомъ. Неро былъ чрезвычайно доволенъ, узнавъ, что сдѣлали иноземцы для успѣховъ земледѣлія на его островѣ; онъ обратился къ своимъ и объяснилъ имъ благодѣтельныя намѣренія капитана. Дикіе отвѣчали восклицаніями.

На слѣдующій день Морель съѣхалъ на берегъ съ двадцатью восемью человѣками. Онъ послалъ также оружейнаго мастера и кузнеца, чтобы продолжать начатыя работы. Островитяне охотно содѣйствовали; они работали надъ покрышею кровли кокосовыми листьями. Когда начались кузнечныя работы, дикіе, видѣвшіе это, пришли въ изумленіе. До того все шло прекрасно; наконецъ зрѣлище подобныхъ чудесъ внушило островитянамъ желаніе овладѣть инструментами, и снарядами, которыми онѣ производились. Сперва было совершено нѣсколько незначущихъ покражъ; потомъ, когда мастеръ отошелъ отъ кузницы, въ одну минуту было похищено все, что находилось на берегу. Впрочемъ лишь только Морель сказалъ объ этомъ

Неро, разгнѣванный вождь заставилъ виновныхъ возвратить всѣ похищенныя вещи.

Затѣмъ капитанъ пригласилъ къ себѣ на корабль дикихъ вождей. Неро прибылъ, но Геннепъ отказался, подъ какимъ то предлогомъ. Послѣ угощенія, Морель съѣхалъ на берегъ, и узналъ, что покражи возобновились и что Геннепъ очевидно въ нихъ участвовалъ. Онъ обратился вновь къ Неро, но въ этотъ разъ царь разгнѣвался уже не на воровъ, а на капитана, и объявилъ, что не хочетъ болѣе мѣшаться въ это дѣло; Геннепъ отвѣчалъ также, когда къ нему обратились съ жалобою.

Морель рѣшился строгимъ примѣромъ прекратить злоумышленія. Онъ взялъ съ собою шесть хорошо вооруженныхъ матросовъ, и пошелъ съ ними въ селеніе Геннепа, въ надеждѣ поймать здѣсь этого вождя, и заставить его волею или неволею возвратить украденныя вещи: но каково было его удивленіе, когда выйдя изъ кустовъ, онъ вдругъ увидѣлъ предъ собою двѣсти воиновъ съ луками и стрѣлами, и окрашенныхъ въ красную краску, что означало готовность ихъ къ бою; и оборотясь назадъ, увидѣлъ другой столь же многочисленный отрядъ дикихъ! Такимъ образомъ онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, и находился во власти дикарей.

Но Морель тотчасъ рѣшился (здѣсь мы слѣдуемъ его повѣствованію, котораго не можемъ ни подтвердить, ни опровергнуть). Онъ съ двумя матросами пошелъ прямо къ Неро, настигъ его, и приставилъ ему пистолетъ въ лобъ, между тѣмъ какъ матросы держали обнаженныя сабли надъ его головою. При видѣ опасности вождя, дикіе бросили свои луки, и позволили Морелю пройти до берега, вмѣстѣ съ царемъ, котораго онъ уводилъ въ плѣнъ; ихъ было однако 300 человѣкъ, противу шестерыхъ! Урокъ такъ подѣйствовалъ, что дикіе принялись опять работать надъ кровлею. Неро съ своей стороны помирился съ капитаномъ, получилъ подарки, и казалось, совершенно позабылъ утреннее приключеніе.

На слѣдующій день, 28 Мая, двадцать человѣкъ *съ Антарктика* подъ начальствомъ Г. Валласа и Вилея продолжали работы сарая. Европейцы ласками ихъ, и подарками привязали къ себѣ вождей, которые, казалось, не думали уже о новыхъ нападеніяхъ. Свезенные на берегъ люди приготовляли трипанги.

До половины втораго часа все шло прекрасно; но въ это время раздался на берегу воинственный крикъ дикихъ. Морель на кораблѣ услышалъ это съ безпокойствомъ: онъ велѣлъ выстрѣлить изъ пушки ядромъ, и тѣмъ по крайней мѣрѣ предупредить людей своихъ, находившихся на берегу, объ угрожавшей имъ опасности. Но было уже поздно; дикіе въ боевомъ порядкѣ отрѣзали имъ дорогу къ отступленію. Два Американца пали уже подъ ихъ ударами; они убили стрѣлами еще троихъ, и переранили почти всѣхъ остальныхъ. Была поспѣшно послана шлюбка съ корабля, но въ то время какъ она приближалась, жертвы падали одна за другими на полѣ сраженія. Когда она пристала къ берегу, уже не стало четырнадцати изъ двадцати Американцевъ. Видъ шлюбки одушевилъ тѣхъ, которые были еще на ногахъ: залпъ съ ихъ стороны и въ то же время залпъ со шлюбки открыли имъ дорогу. Семь человѣкъ достигли до шлюбки, которая немедленно отравилась обратно; куча байдаръ погналась за нею, но залпъ картечью *съ Антарктика* прикрылъ отступленіе Американцевъ. Двѣ байдары разлетѣлись въ дребезги, остальныя бѣжали. *Антарктикъ* находился въ жалкомъ положеніи. На немъ оставалось всего одиннадцать человѣкъ, которые были въ состояніи сражаться, между тѣмъ море покрылось тысячами байдаръ стекавшихся со всѣхъ сторонъ.

Вѣтеръ съ О. вывелъ Мореля изъ затрудненія. *Антарктикъ* вышелъ въ море; Морель говоритъ, что бывъ удержанъ безвѣтріемъ въ виду острова, онъ самъ могъ видѣть въ подзорную трубу, какъ людоѣды жарили, пожирали тѣла убитыхъ его товарищей, и раздѣляли между собою добычу. Какъ бы то ни было, онъ назвалъ эти острова *островами Убійства*, и опредѣляетъ мѣсто, гдѣ онъ стоялъ на якорѣ, подъ 4°. 50' ю. ш. и 153° 50' в. д. (что впрочемъ очевидно ложно). Онъ оставилъ на островѣ тѣла четырнадцати изъ своихъ товарищей, китоловное судно, бочки, много оружій, инструментовъ, и такелажа, желѣзную цѣпь и якорь. Возвратившись въ Маниллію, Морель снабдилъ свой корабль вещами, которыхъ не доставало, укомплектовалъ экипажъ шестьюдесятью шестью туземными матросами, и вторично отправился къ островамъ Убійства, какъ для того чтобы узнать, не найдетъ ли тамъ кого нибудь изъ матросовъ, такъ и для добытія

трипанговъ, которые здѣсь были лучше нежели гдѣ либо.

14 Сентября *Антрактикъ* положилъ якорь у острововъ *Убійства*, напротивъ самаго селенія. Еще наканунѣ ввечеру островитяне узнали корабль, и со всѣхъ сторонъ сошлись, въ надеждѣ легко раздѣлаться съ нимъ, помня, что онъ былъ безсиленъ и не могъ сопротивляться. Этого-то и ждалъ Морель. Когда флотиллія дикихъ, подъѣхавъ на выстрѣлъ, пустила тучу стрѣлъ, Морель отвѣчалъ залпомъ картечи изъ всѣхъ орудій, дикіе отступили въ изумленіи и въ ужасѣ; тогда Морель открылъ огонь по селенію, предъ которымъ стояла его шхуна; бамбуковыя казы разлетались въ клочки отъ ядеръ и отъ картечи.

Однако жъ отъ берега отчалила небольшая байдара. На ней былъ раскрашенный человѣкъ. Онъ съ чрезвычайными усиліями гребъ пагаями; на шкунѣ пріостановили огонь. Когда байдара подъѣхала, и спросили кто гребетъ, раздался голосъ: «это я, старый Шау!» Нельзя себѣ представить радости всего экипажа. Всѣ съ участіемъ распрашивали стараго Шау о его приключеніяхъ. При разсказѣ претерпѣнныхъ имъ бѣдствій, чувство мщенія возгорѣлось въ цѣломъ экипажѣ, и капитанъ съ трудомъ могъ укротить своихъ матросовъ.

На другой же день островитяне явились съ повинною головою; они изъявили раскаяніе, и обѣщали впередъ вести себя честнѣе. Капитанъ вступилъ въ переговоры съ Генненомъ, чтобы получить въ свое владѣніе маленькій островокъ, на которомъ хотѣлъ поселить промышлениковъ для ловки трипанговъ; условія были заключены, и островъ купленъ за нѣкоторое количество ножей и другихъ вещей, переданныхъ Геннену. Шау служилъ переводчикомъ.

Островку было дано имя Валасъ, и семьдесятъ человѣкъ туда съѣхали. Выбрали два огромные дерева, срѣзали ихъ на высотѣ сорока футъ отъ земли, и построили площадку, на которой пятьдесятъ человѣкъ могли укрыться отъ непогоды и отъ дикихъ, втащили туда четыре фальконета и учредили постоянную стражу изъ шестнадцати лучшихъ матросъ; для сообщеній съ этою воздушною крѣпостію служила веревочная лѣстница, которую всякій разъ поднимали на верхъ. Крѣпостца командовала берегомъ и моремъ; подъ ея прикрытіемъ восемьдесятъ человѣкъ работали каждый день, чтобы очистить кругомъ пространство на 100 саженъ, на которомъ построили сарай въ 140 футовъ длиною, 35 шириною и 23 вышиною, для приготовленія въ немъ трипанговъ. Нѣсколько дней сряду работы продолжались спокойно.

По 19 числа, поутру, предъ островомъ показались пятьдесятъ байдаръ. Шау объявилъ, что онѣ были съ сосѣдственныхъ острововъ, и что ихъ присутствіе подозрительно. Морель принялъ всѣ мѣры осторожности; онъ не послалъ на берегъ ни одного работника. Къ восьми часамъ показался на берегу Геннепъ съ фруктами, какъ онъ каждый день дѣлалъ то, но ни одна байдара не выходила, чтобъ везти этотъ гостинецъ. Тогда вождь рѣшился отправиться самъ на островъ Валасъ, чего онъ прежде не дѣлалъ. Въ то же время туда направились байдары со всѣхъ сторонъ, и на первый воинственный крикъ находившихся въ нихъ людей отвѣчали двѣсти человѣкъ дикихъ, которые почевали въ кустахъ на островѣ. При этомъ сигналѣ туча стрѣлъ полетѣла въ крѣпость, фальконеты отвѣчали такъ вѣрно и такъ удачно, что дикіе тотчасъ обратились въ бѣгство, унося съ собою раненыхъ, изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, многіе были ранены смертельно. Со стороны Американцевъ только два матроса нѣсколько потерпѣли.

На другой день, какъ будто ничего не бывало, Геннепъ опять показался на берегу. Морель уже зналъ вѣроломство этихъ людей; онъ послалъ яликъ, но съ приказаніемъ стрѣлять при малѣйшемъ признакѣ измѣны. Въ самомъ дѣлѣ, лишь только Геннепъ направилъ свой лукъ на человѣка, находившагося въ яликѣ, тотъ прицѣлился и положилъ его на мѣстѣ. Тогда флотилія байдаръ устремилась туда, и завязалось дѣло, которое было бы пагубнымъ для слабой шлюбки, если бы Морель не послалъ къ ней на помощь; байдары обратились въ бѣгство, взявъ съ собою раненаго вождя, который испустилъ духъ, не доѣхавъ до берега.

Смерть Геннена поразила островитянъ; они оставили свой островъ и укрылись на другихъ островахъ этой группы. Американцы никого не нашли на берегу; но предъ домомъ Геннена увидѣли черепы пятерыхъ изъ своихъ товарищей, которые и предали землѣ.

Засимъ обратились опять къ работамъ,

которые продолжались цѣлый мѣсяцъ, не смотря на частыя стычки.

Наконецъ, потерявъ надежду окончить свой трудъ, среди безпрестанно возобновляемыхъ нападеній со стороны дикихъ, къ тому же нуждаясь отъ недостатка припасовъ, Морель рѣшился оставить эти острова съ двумя стами пикулями трипанговъ въ 133 фунта каждый; сарай и крѣпость были сожжены, и 3 Ноября *Антарктикъ* вступилъ подъ паруса и направился къ востоку; на другой день онъ находился недалеко отъ сѣвернаго берега острова Бука, жители котораго вовсемъ казались подобными жителямъ острововъ *Убійства*, съ тою только разницею, что ихъ байдары были больше и быстрѣе на ходу, вмѣщая въ себѣ отъ 16 до 45 человѣкъ.

Взаключеніе извѣстій объ этой экспедиціи Мореля, намъ остается сказать о приключеніяхъ матроса Шау: причемъ мы должны нѣсколько смягчить его преувеличенный разсказъ.

Шау бѣжалъ въ лѣсъ, въ то время какъ товарищи его падали подъ ударами дикихъ, занимъ погнались, уже догнали его, когда онъ вздумалъ прислониться къ дереву и топоромъ прицѣлиться будто изъ ружья, въ того, кто ближе къ нему наступалъ. Это заставило островитянина бѣжать, и Шау пошелъ далѣе въ лѣсъ. Ночью онъ добрался ползкомъ до морскаго берега; но каково было его положеніе, когда онъ увидѣлъ, что корабля уже не было. Первою его мыслію было итти самому и отдаться въ руки островитянъ; пришедши къ ихъ казамъ, онъ увидѣлъ, какъ они лакомились трупами его товарищей. Еще сохраняя присутствіе духа, онъ убѣжалъ опять въ лѣсъ, гдѣ жилъ двѣ недѣли, питаясь ракушками, и много терпя отъ дождливой погоды.

Наконецъ онъ былъ замѣченъ однимъ изъ островитянъ, который далъ объ этомъ знать своимъ Прибѣжали и схватили несчастнаго Американца; онъ упалъ на колѣна, прося помилованія и простирая руки къ людоѣдамъ. Одинъ изъ вождей уже, казалось, сжалился надъ нимъ, когда другой изъ присутствовавшихъ ударилъ его булавою по головѣ; Шау лишился чувствъ. Нѣсколько часовъ спустя онъ опамятовался съ разбитымъ черепомъ. Онъ обратился къ одному изъ вождей, и знакомъ предложилъ ему свои услуги; на этомъ условіи ему была дарована жизнь. Господинъ его взялся лечить его рану, и тотчасъ же налилъ въ нее горячей воды; затѣмъ онъ наполнилъ рану золою, и оставилъ больнаго въ покоѣ.

По выздоровленіи своемъ, Шау долженъ былъ работать для своего господина, который заставилъ его дѣлать небольшіе ножи изъ желѣза, добытаго изъ Американской кузницы; въ продолженіе этой работы его мучила дикаренки, которымъ онъ служилъ забавою. Когда онъ окончилъ работу, его отвезли на другой островъ, гдѣ было мѣстопребываніе царя этой группы; что бы сойти на берегъ, Шау долженъ былъ приходить по острымъ кораллам, и предсталъ къ царю съ окровавленными ногами; онъ распростерся предъ нимъ и цѣловалъ ему руки и ноги, послѣ чего царь приказалъ его отвести во дворъ. Несчастный Американецъ не могъ держаться на ногахъ; его повезли на байдарѣ. Кромѣ мученій, претерпѣваемыхъ отъ дикихъ, онъ долженъ еще былъ терпѣть отъ ихъ дѣтей, они щипали у него бороду, пока ему удалось кое-какъ обриться острыми ракушками. Онъ терпѣлъ еще другое мученіе, и самое жестокое, голодъ; онъ бы умеръ, если бы не ловилъ крысъ, но и эту ловлю должно было производить тайкомъ, потому что крысы служили лакомствомъ для вождей.

Шау пережилъ впрочемъ всѣ эти страданія; онъ мало по малу вынулъ золу, насыпанную въ его рану, и вылечился. Но его ожидали другія испытанія: за восемь дней до вторичнаго появленія *Антарктика*, его бы изжарили и съѣли, если бы царь пріѣхалъ во время въ назначенное для жертвоприношеній мѣсто. Жертва была уже готова къ закланію; Шау повели въ то самое мѣсто, гдѣ были съѣдены его товарищи; онъ былъ связанъ и булава уже была поднята надъ его головою; но царь не пріѣхалъ, и убійство было отложено до другаго дня.

Лишь только показался *Антарктикъ*, дикіе прибѣжали къ Шау; онъ сперва хотѣлъ ихъ увѣрить, что это другое судно, но они его узнали; было безполезно разувѣрять ихъ. Настала ночь, ужасная ночь для бѣднаго Американца. На утро началось нападеніе байдаръ на корабль, и пальба съ корабля. Тогда дикіе въ перепугѣ обратились къ Шау, прося его, чтобы онъ сдѣлался ихъ парлементеромъ. Шау сперва уклонялся отъ этого, боясь, нѣтъ ли злаго умысла: онъ сказалъ, что ни за что не покинетъ дикихъ и добраго сво-

его господина. Дикіе полагаясь на эти увѣренія, еще болѣе просили его отправиться на шхуну, и такимъ образомъ былъ спасенъ.

Вотъ приключенія Шау; представимъ теперь, по разсказу его и Мореля, нѣсколько этнологическихъ извѣстій объ островахъ Убійства. Жители здѣсь вообще ростомъ велики, хорошо сложены, здоровы и ловки. Ихъ кожа гладка и мягка на осязаніе и нѣсколько свѣтлѣе, нежели у Мальгашей. Волосы нѣсколько курчавы, но мягки и шелковисты; они имѣютъ глаза большіе, черные и блестящіе, лобъ выпуклый, носъ правильный, губы посредственныя, зубы бѣлые и правильные. Если радость и удовольствіе не оживляютъ ихъ физіономіи, она имѣетъ выраженіе свирѣпства и дерзости. Татуировка, которою покрыто ихъ тѣло, еще болѣе увеличиваетъ это дикое выраженіе. Женщины также велики ростомъ, черны, хорошо сложены, лица ихъ круглы; вообще онѣ нѣсколько походятъ на мулатокъ картеронокъ.

Мужчины и женщины не носятъ другой одежды кромѣ передниковъ, плетеныхъ изъ волоконъ кокосоваго дерева; но чаще они ходятъ безъ всякой одежды, только съ украшеніями, перьями, раковинами, костями, рыбьими зубами, которые носятъ на носу, на шеѣ, ушахъ, рукахъ, на поясницѣ, лядвеяхъ и ногахъ. Вожди отличаются перевязью изъ красныхъ перьевъ на лбу. Гирланды изъ перьевъ служатъ также весьма щегольскимъ украшеніемъ по обѣимъ сторонамъ поясницы.

Оружіе дикихъ состоитъ въ лукахъ, стрѣлахъ, булавахъ и палицахъ. Луки длиною въ семь футовъ дѣлаются изъ кокосоваго дерева; они легки, крѣпки и весьма упруги. Изъ коры того же дерева дѣлается тетива, а стрѣлы изъ весьма длинныхъ камышей, которые растутъ на одномъ изъ островов этой группы. Онѣ длиною въ пять футовъ, и оканчиваются остріемъ изъ крѣпкаго дерева. Копья длиною въ пятнадцать футовъ, дѣлаются изъ того же дерева, какъ и луки; съ обѣихъ концовъ имѣютъ острія, и притомъ полированы, и посреди покрыты весьма красивыми узорами. Изъ того же дерева дѣлаются и палицы длиною въ четыре фута; одинъ изъ концевъ ихъ бываетъ плоскій и острый по обѣимъ сторонамъ; другой конецъ, который служитъ рукоятью, округленъ; верхъ его представляетъ фигуру человѣческой головы. Ихъ топоры длиною въ восемь дюймовъ; одинъ конецъ служитъ рукоятью; другой, толщиною въ кокосовый орѣхъ, представляетъ изображеніе воина, татуированнаго и готоваго къ сраженію.

Байдары островитянъ изъ весьма легкаго дерева, цѣльнаго, крѣпкаго, и выдолбленнаго внутри; онѣ имѣютъ до двадцати футовъ въ длину, двѣнадцать въ ширину и два въ глубину. Пагеи дѣлаются изъ такого же дерева, какъ и оружіе, длиною въ четыре фута; лопатка не шире шести дюймовъ.

Всѣ эти острова повиновались одному вождю, самодержцу группы; всякій изъ нихъ кромѣ того имѣлъ своего вождя съ другими вождями, ему подчиненными. Шау не могъ открыть между ними ни какихъ слѣдовъ религіи, ни какого признака вѣрованія въ высшее существо. Вожди позволяли себѣ многоженство, но большая часть народа довольствовалась одною женою. Женщины казались цѣломудренны и скромны, можетъ быть, столько же изъ добродѣтели, сколько изъ боязни, потому что мужья безжалостно ихъ убивали при первомъ подозрѣніи въ невѣрности. Шау показалось, что кромѣ вождей, всѣ убивали своихъ дѣтей. Казы строятся весьма просто: это бамбуковыя клѣтки, съ кровлею изъ кокосовыхъ листьевъ.

ГЛАВА XXI.

Новая Ирландія. — Новая Британія и сосѣдственные острова.

Пендльтонъ зашелъ въ заливъ Картерета для того только, что бы налиться водою и запастись дровами. Во всякомъ другомъ отношеніи было бы совершенно безполезно заходить сюда, потому что во всей Океаніи нѣтъ острова бѣднѣе всѣмъ, что нужно кораблю. *Кокосовый островъ* обманываетъ своимъ названіемъ; на немъ нѣтъ ни одного кокоса, ни какихъ плодовъ, ничего съѣстнаго. Даже рыбная ловля здѣсь бѣдна и трудна, потому что коралловый грунтъ рветъ сѣти. Оставалось только охотиться на голубей и лорій, которыхъ много во внутренней части острова, на вершинахъ весьма высокихъ деревъ. Къ тому же вдоль всего берега Картеретова залива поднимается стѣна утесовъ, отчего весьма трудно приставать къ нимъ; едва только можно проникнуть на разстояніе полумили внутрь ост-

рова, со стороны источника, идя вдоль его теченія.

Посѣтивъ эту неблагодарную почву, я разстался съ гаванью Картерста. Портъ-Праленъ, казалось, обѣщалъ пріятнѣйшія мѣста, и я проговаривалъ уже объ этомъ Пендльтону. «Будьте спокойны, мы поѣдемъ вмѣстѣ», отвѣчалъ мнѣ добрый капитанъ; «я самъ имѣлъ намѣреніе съѣздить туда.»

Мы дѣйствительно отправились туда на слѣдующій день, и пользуясь прекраснымъ вѣтромъ, вышли на берегъ въ 8 часовъ утра на зап. оконечности небольшаго острова Ламбома (который Бугенвилемъ названъ *île au Marteau*). Умѣренно позавтракавъ въ тѣни калофиллума (*Caloplyllum*), широко развѣсившаго свои вѣтви надъ моремъ, мы стали искать на отмеляхъ тѣхъ драгоцѣнныхъ раковинъ, которыя сообщили ему его Французское названіе. Во время этихъ тщетныхъ поисковъ, одинъ изъ нашихъ матросовъ былъ ужаленъ какимъ то животнымъ, котораго онъ не могъ найти. Рана весьма скоро загноилась, и впродолженіе нѣсколькихъ дней онъ страдалъ ужасно. Впослѣдствіи однакожъ боль утихла.

За проливомъ, отдѣляющимъ Ламбомъ отъ зеленѣющаго островка Латао, мы вышли къ западной оконечности порта Пралена, и огибая ее, услышали крикъ: «Байдары дикихъ!» Я взглянулъ и увидѣлъ большое судно, въ глубинѣ залива, сѣвшее на мель; вокругъ него суетились нѣсколько туземцевъ.

Мы приготовились къ оборонѣ, хотя надѣялись, что останемся съ дикарями въ миролюбныхъ отношеніяхъ, потому что объ этихъ островитянахъ прежде не слышно было ничего худаго: экипажъ *Раковины* жилъ съ ними весьма дружно: ожиданія наши не были обмануты. Эти люди довѣрчиво и ласково подошли къ намъ; даже оружіе наше, казалось, не внушало имъ никакихъ опасеній.

Отдавъ приказанія, которыя требовались благоразуміемъ, Пендлстонъ вышелъ съ двумя людьми на берегъ. Я послѣдовалъ за нимъ. Мы знаками дали понять островитянамъ, что хотѣли видѣть водопадъ. Двое изъ нихъ вызвались быть нашими провожатыми. Водопадъ находится только въ 5 минутахъ ходьбы отъ берега, и потому мы скоро дошли до него. (Рис. XXXIV. ф. 2.). Бугенвиль преувеличилъ важность этого водопада. Это просто довольно широкій потокъ, низвергающійся съ мадрепорической скалы вышиною въ 40 или 50 футовъ. Выступы и впадины утеса производятъ множество небольшихъ каскадцевъ и басейновъ, которые разнообразятъ игру воды и придаютъ зрѣлищу видъ необыкновенно живой и ослѣпительный, особенно когда солнце облекаетъ бѣлую массу водъ въ переливы радужныхъ цвѣтовъ. Фонтаны Версаля и Сенклу могутъ дать объ этомъ водопадѣ довольно точное понятіе. Вѣроятно, Бугенвиль видѣлъ его въ дождливое время, когда количество его воды значительно увеличивается.

Внутренность порта Пралена очень различествуетъ отъ гавани Картерста, и представляетъ на болотистой равнинѣ множество величественныхъ и богатыхъ зеленью деревъ. Климатъ, то жаркій, то сырой, способствуетъ сильной растительности. Инокарпусъ достигаетъ здѣсь необычайной вышины; стволъ его раздѣляется на тонкія колѣнца, иногда до 5 или 6 футовъ отъ средней его толщины. Отъ этого вокругъ главнаго ствола образуется какъ бы родъ небольшихъ колесъ. Здѣсь встрѣчается тоже родъ арековаго дерева съ гибкимъ стеблемъ, множество цикасовъ, пандановъ, каріотасовъ и пр. Плющи, раскиданные по всему лѣсу, украшаютъ его живыми фестонами.

Птицы предпочитаютъ портъ Праленъ, гавани Картретовой. Здѣсь раздаются жалобныя воркованія разнаго рода дикихъ голубей, крикъ попугаевъ, лорій, кукушекъ, зимородковъ, дронговъ, ласточекъ мушеловокъ, и маленькихъ сунмангов; всѣ онѣ болѣе или менѣе замѣчательны яркостію перьевъ и видомъ; наиболѣе же отличается родъ ворона, крикъ котораго до того походитъ на лай собаки, что можно легко обмануться. Прекраснѣйшія бабочки порхаютъ по огромнымъ стеблямъ вьющихся растеній: красивѣе всѣхъ блестящій пріамъ, бабочка, которая на лету походитъ на маленькую птичку; терагъ, порхающая по низкимъ растеніямъ; трикондилъ, медленно ползающая по корнямъ барингтоній и калофиллумовъ. Голосъ стрекозы смѣшивается съ пѣніемъ птицъ. Фазмы покрываютъ стебли нѣкоторыхъ растеній, а огромные муравьи напоминаютъ о себѣ больно ужаливая. Морской прыгунъ (Коммерсона) выходитъ на берегъ; эта странная амфибія выскакиваетъ изъ воды подобно лягушкѣ; иногда даже взбирается на вѣтви растеній и при первомъ шумѣ снова бросается въ море.

Постранствовавъ цѣлый часъ, мы возвратились къ берегу, гдѣ все шло весьма хорошо. Наши люди вымѣняли нѣсколько оружія и браслетовъ на гвозди и другія бездѣлки. Дикіе уступили намъ рыбу, которую ловили посредствомъ острыхъ вилъ. Эти островитяне были вообще небольшаго роста, слабы; лица ихъ непріятны; они всѣ вялы и хилы. Цвѣтъ тѣла ихъ разнообразенъ до крайности. Большая часть очевидно принадлежала къ Меланезійскому племени; но остальные казались не столь темнаго цвѣта. Одинъ изъ нихъ по сложенію и цвѣту ни сколько не отличался отъ Полинезійцевъ. Всѣ ходили нагіе съ напудренными и разнообразно украшенными волосами: они носили браслеты изъ раковинъ и другія украшенія изъ чешуи и дерева. Наружность ихъ была скорѣе робкая, нежели свирѣпая. Они приняли насъ ласково и даже предложили намъ таро и ямсъ, не требуя вознагражденія; когда мы стали навѣдываться о ихъ жилищахъ, то на лицахъ выразилась какая то недовѣрчивость. Одинъ изъ нихъ, менѣе скрытный, уже произнесъ слова: *Лики-лики* указывая на другую сторону острова, но онъ былъ остановленъ товарищами, которые не допустили его продолжать своихъ объясненій. Они, казалось, вовсе не хотѣли познакомить насъ съ своими жилищами, и мы не настаивая болѣе, показали имъ только мѣсто, гдѣ находился корабль и приглашали доставлять намъ съѣстные припасы. Дикари отвѣчали знаками: что боясь непріятелей, не могутъ отважиться на столь дальній путь.

Мы вышли около полудня изъ портъ Праленa и чрезъ нѣсколько времени пристали къ порту Англичанъ, отличнѣйшей гавани, гдѣ безопасно могутъ становиться на якорь самые большіе корабли. Въ этотъ заливъ впадаетъ прекрасная рѣка; нѣсколько пустыхъ шалашей на берегу, доказываютъ, что туземцы иногда посѣщаютъ его. По ту сторону порта Англичанъ, плывя противу теченія, мы были принуждены употребить весла, пока не соединились со шхуною. Каждые полчаса стрѣляли съ корабля во время нашего отсутствія.

На слѣдующій день эти выстрѣлы привлекли къ намъ посѣтителей на двухъ байдарахъ; на одномъ было пятеро, на другомъ семеро дикихъ. Эти люди казались еще безобразнѣе жителей портъ Праленa (Рис. XXXV. ф. 1.); они были жалки, наги и столь же недовѣрчивы; ни одинъ не соглашался взойти на корабль и указать намъ свое жилище. Съѣстные припасы, ими привезенные, состояли изъ дурныхъ корней таро, сырыхъ или полуваренныхъ. Байдары ихъ были легки и весьма красивы (Рис. XXXV. 2). Островитяне, спокойно постоявъ часъ или два близъ корабля, отплыли и пристали къ берегу на другой сторонѣ залива. Желая набрать нѣсколько раковинъ, я еще разъ передъ отъѣздомъ посѣтилъ Кокосовый островъ. Я не встрѣтилъ тамъ ни одного дикаго, но за то, обогнувъ сѣверную оконечность, вдругъ наткнулся на огромнаго каймана, съ выкатившимися глазами и чешуйчатою кожею (Рис. XXXVI. ф. 1.). Не привыкнувъ къ подобнымъ встрѣчамъ, я уже хотѣлъ воротиться; но животное было еще боязливѣе меня: оно кинулось въ море и скрылось въ волнахъ. Эти пресмыкающія обжились въ Новой Ирландіи; весьма вѣроятно, что отсюда переселяясь съ одного острова на другой, они такимъ образомъ достигли архипелага Вити.

9 Іюля *Океанія* снова снялась съ якоря. При противномъ теченіи и вѣтрѣ, мы прошли въ нѣсколькихъ туазахъ отъ сѣв. оконечности Кокосоваго острова; потомъ вышли въ море и направились на N. N. O., вдоль канала Св. Георгія. Однообразный берегъ Новой Ирландіи на всемъ протяженіи своемъ представляетъ длинную и высокую цѣпь горъ, поросшихъ непроходимыми лѣсами. Земли Новой Британіи, показывающіяся въ 7 или 8 лигахъ, кажется, обѣщаютъ разнообразнѣйшую и плодороднѣйшую природу; особенно же болѣе населенную, судя по дыму который поднимался надъ этими мѣстами. Когда мы приблизились къ острову Амакатъ (Іорку Картерета), семь или восемь байдаръ, съ семью или осьмью туземцами на каждой, подошли къ намъ. Они спокойно промѣняли свою утварь и плоды на разныя бездѣлки, особливо же на желѣзныя вещи, которыя цѣнили выше всего. Люди послѣдней байдары, получившіе топоръ, были столь обрадованы этимъ пріобрѣтеніемъ, что непуская веселые крики, поспѣшно удалились, какъ будто опасаясь, чтобы мы не отказались отъ этой мѣны. Эти островитяне похожи на жителей гавани Картерстовой, но сильнѣе ихъ и не столь покрыты проказой.

На слѣдующій день *Океанія* была еще въ семи или восьми лигахъ отъ береговъ Новой

Ирландіи, Амакаты и Новой Британніи. Мы замѣтили на послѣдней три горы, которымъ Картеретъ далъ названіе *Матери и двухъ дочерей*.

Коническая форма, голые скаты и положеніе первой, на низменной почвѣ, обнаруживаютъ волканическое ея происхожденіе.

Тихая и жаркая погода нѣсколько дней задержала насъ въ этихъ странахъ. Море было гладко, какъ поверхность самаго закрытаго бассейна. Это обстоятельство объясняется очертаніемъ здѣшнихъ береговъ. Длинная и узкая полоса земли, составляющей Новую Ирландію, защищала насъ отъ в. зыби, а Новая Британнія прикрывала насъ съ ю., наконецъ ю. в. вѣтеръ увлекъ шхуну, которая оставила въ нѣсколькихъ шагахъ за собою небольшіе Портландскіе острова, и 13 числа была уже въ виду острововъ Адмиралтейства (Рис. XXXVI. ф. 2,).

Прежде всѣхъ открылся островъ Венда, имѣющій видъ круглаго холма. Возвышенныя мѣста, кажется, назначены для воздѣлыванія питательныхъ растеній, а берега представляютъ амфитеатръ жилищъ. Издали эти хижины кажутся многочисленными, просторными и красивыми. Дикари, сотнями сбѣжавшись на берегъ, всевозможными знаками приглашали насъ къ высадкѣ. Они кричали, махали вѣтвями, показывали намъ кокосы и другіе плоды, и бѣжали по берегу вслѣдъ за кораблемъ. Въ самомъ дѣлѣ, они въ одно время съ нами достигли западной стороны.

Тогда мы спустили китоловную лодку. Однако же не смотря на желаніе Пендльтона выйти, сильный бурунъ принудилъ насъ остановиться на пол-кабельтова отъ берега. Островитяне, видя, что мы не могли быть у нихъ, сами отправились къ намъ, одни вплавь, другіе переходя по отмелямъ. Всѣ имѣли видъ кроткій и пріятный. Они тотчасъ промѣняли свое оружіе, украшенія и плоды на разныя бездѣлки, но подобно жителямъ Новой Ирландіи, всему предпочитали желѣзо, и показывали, что знають его употребленіе и цѣну.

Нѣкоторыя выходки убѣдили насъ, что между ними существуетъ какая-то гражданская іерархія.

Одинъ изъ начальниковъ даже въ нашемъ присутствіи выразилъ довольно странно права свои. Въ то время, какъ дикіе смотрѣли на насъ съ рифа, не отваживаясь итти далѣе, одинъ островитянинъ, отличавшійся отъ прочихъ вѣнцемъ, составленнымъ изъ двухъ рядовъ раковинъ, приказалъ одному изъ своихъ подчиненныхъ доставить на корабль нѣсколько кокосовъ, взамѣнъ которыхъ мы предлагали ножъ. Дикій оробѣлъ и не рѣшался. Тогда начальникъ, не привыкшій къ подобному ослушанію, далъ ему по брюху нѣсколько палочныхъ ударовъ, такъ сильно, что несчастный рѣшился исполнить приказаніе. Чтобы вознаградить его за столь худое обращеніе, мы, кромѣ ножа, подарили ему лоскутъ красной ткани и нѣсколько гвоздей, чему онъ чрезвычайно обрадовался. Эта щедрость пріобрѣла намъ благосклонность всего народа; наша лодка вскорѣ была окружена островитянами.

Ихъ миролюбныя наклонности не измѣнялись; но нѣкоторыя попытки къ кражѣ, заставили насъ быть гораздо внимательнѣе и осторожнѣе. Первоначальныя покражи ихъ остались безъ наказанія, и потому они пустились воровать наперерывъ другъ передъ другомъ. Не успѣвъ похитить одну вещь, они хватались за другую. Одинъ изъ нихъ укралъ было ножъ, который отъ него отняли; но чрезъ минуту пропалъ съ лодки коверъ, и когда замѣтили эту потерю, воръ былъ уже далеко. Не желая окончить наказаніями день, начатый столь мирно, мы возвратились на корабль.

Хотя эти островитяне курчавы, но кожа ихъ не очень черна; физіономія ихъ пріятна и черты не весьма отличаются отъ Европейскихъ. Они неоспоримо составляютъ красивѣйшее племя изъ всей Меланезійской породы. Плодоносная почва и довольство сохраняютъ ихъ здоровье. Мужчины ходятъ совершенно нагіе и закрываютъ среднія части тѣла бѣлыми раковинами, извѣстными подъ именемъ яицъ Леды. Женщины кругомъ пояса носятъ плетенки. Безъ всякаго сомнѣнія, они истребляютъ себѣ бороду посредствомъ острыхъ обсидіановъ, потому что дѣлали знакъ одному изъ нашихъ матросовъ, чтобъ онъ обрѣзалъ себѣ усы такимъ камнемъ.

Палка, по видимому, составляетъ самое употребительное убѣжденіе здѣшнихъ начальниковъ; мы уже сказали, какъ одинъ изъ нихъ на рифѣ заставилъ повиноваться своего подчиненнаго. Еще повторилось нѣсколько подобныхъ примѣровъ. Впрочемъ, эти дикіе обращались съ нами весьма дружелюбно.

Во время нашего отъѣзда они казались очень опечаленными и упрашивали насъ сойти на островъ: самыя женщины, которыя дотолѣ стояли въ сторонѣ, подъ сѣнію прибрежныхъ кокосовъ, подошли вмѣстѣ съ мужчинами и стали умолять насъ съѣхать. Онѣ, казалось, были чрезвычайно оскорблены нашимъ равнодушіемъ къ ихъ просьбамъ.

Въ тотъ же вечеръ *Океанія* обогнула небольшіе острова Лосъ Реіесъ (*Los Reyes*), и на другой день была у сѣвернаго берега большаго острова Адмиралтейства, который составляетъ гористую и довольно возвышенную землю, но окруженную низкими, пріятными и зеленѣющими островками. Скоро цѣлая флотилія байдаръ, по семи и девяти человѣкъ въ каждой, двинулась къ намъ. Каждою лодкой предводительствовалъ, по видимому, старшина, управлявшій движеніями съ высоты площадки. Эта флотилія остановилась во ста туазахъ отъ корабля, и главный начальникъ произнесъ непонятную для насъ рѣчь, но по знакамъ его мы догадались, что онъ приглашалъ насъ сойти на берегъ. Видя, что мы не трогались съ мѣста, дикіе рѣшились подойти къ *Океаніи* и начали торгъ такимъ же точно образомъ, какъ производили его жители Вендолы. Однако же они болѣе ихъ уважали права собственности. Они принадлежали къ той же породѣ, казалось, имѣли тѣ же привычки, также обращались съ подчиненными и также, въ случаѣ непослушанія, употребляли палку.

Этимъ дикимъ извѣстно было употребленіе бетеля и арека. У многихъ между ноздрей былъ проколотъ хрящъ для подвѣски, изъ двухъ зубовъ, вдвое превосходившихъ величиною обыкновенныя. На рукахъ у нихъ были браслеты изъ раковинъ, а въ нижнюю часть ушей они продѣвали эластическіе обручи, которые чрезвычайно расширяли это отверстіе. Ихъ черные и курчавые волосы выкрашены красною охрою, распущенною въ маслѣ, а у иныхъ, сверхъ того, подняты кверху и связаны тесьмою изъ древесной коры. Темночерная кожа у многихъ натерта красною краской. Байдары ихъ, сдѣланныя изъ выдолбленнаго дерева и обшитыя досками, не велики, но красивы и снабжены рычагами для равновѣсія. Они ходки и весьма быстры, какъ на парусахъ, такъ и на веслахъ. O. S. O. вѣтеръ поднялся, и Пендльтонъ вознамѣрился выбраться изъ этихъ островов до наступленія ночи. Въ самомъ дѣлѣ, при закатѣ солнца, мы прошли очень близко отъ послѣднихъ подводныхъ камней, которыми оканчиваются острова къ W. Вышедъ изъ тѣснинъ, мы направили путь къ Новой Гвинеѣ.

Оставленные нами острова, долгое время почитались продолженіемъ и отраслями Новой Гвинеи. Тасманъ и Шутенъ, отличнѣйшіе мореплаватели XVII вѣка, имѣли объ нихъ сбивчивое понятіе. Англичанинъ Дэмпиръ (Dampier) первый исправилъ эти ложныя свѣдѣнія, пройдя въ 1700 году проливъ, отдѣляющій Новую Гвинею отъ Новой Британніи, которому далъ свое имя. Въ 1767 году, Картеретъ, открытіемъ канала Св. Георгія, сдѣлалъ новый шагъ въ Географіи. Такимъ образомъ одну землю почитали тремя особенными странами. Д'Антрекасто и Дюрвиль, подробнѣйшими и точнѣйшими изслѣдованіями, нежели ихъ предшественники, составили наконецъ опредѣлительныя очертанія этихъ земель.

Новая Британнія. Земля эта не была посѣщаема съ самаго времени ея открытія Дэмпиромъ въ 1700 г. Онъ началъ свое изслѣдованіе съ мыса Орфорта, прошелъ часть берега, и 14 Марта бросилъ якорь въ довольно глубокой бухтѣ, образованной изъ нѣсколькихъ островковъ. Онъ назвалъ ее портомъ Монтагю. Около сорока человѣкъ прибыло въ шести байдарахъ осмотрѣть корабль, стоявшій въ 4 или 5 миляхъ въ открытомъ морѣ. Дэмпиръ подалъ знакъ дикимъ возвратиться, но какъ его не послушали, то онъ выстрѣлилъ изъ ружья надъ ихъ головами; это убѣдило островитянъ поспѣшно возвратиться на берегъ. Тамъ повстрѣчали они три другія байдары, изъ коихъ на самой большой было до 40 человѣкъ. Чувствуя себя довольно сильными, дикіе возвратились къ кораблю, который удерживало безвѣтріе; еще одна большая байдара, замѣчательная по своей высотѣ и полная народа, приближалась съ другой стороны. Очевидно что то было, обдуманное нападеніе. Дэмпиръ, чтобъ разрушить намѣреніе дикарей, приказалъ выстрѣлить картечью въ два самыя большія суда. Шумъ и картечь вселили такой ужасъ въ дикихъ, что вся армада ихъ разсѣялась. Байдары были вытащены на берегъ, а экипажи разошлись по шалашамъ. Дэмпиръ не ограничился этимъ изъявленіемъ своей силы; онъ вошелъ въ бухту, вы-

стрѣлилъ по селенію и наконецъ сталъ на якорѣ близъ устья рѣчки, въ которой намѣревался запастись водою.

Слѣдующіе дни были посвящены этому занятію. Когда уже кончилась работа, замѣтили, что туземцы имѣютъ множество свиней, ямса и другихъ кореньевъ, удобныхъ для пищи. Дэмпиръ пытался добыть нѣсколько такихъ припасовъ посредствомъ мѣны; но островитяне вмѣсто того любовались только, глядя на ножи и топоры, которые имъ предлагали. Съ трудомъ и съ большими предосторожностями и недовѣрчивостію уступили они Англичанамъ нѣсколько кокосовъ. Ихъ недоброжелательство дошло до того, что они сняли съ кокосовыхъ деревъ, растущихъ на берегу, всѣ орѣхи и угнали свиней, чтобы ничто не досталось въ руки чужеземцевъ.

Въ такомъ положеніи дѣла оставались нѣсколько дней. Англичане запасались водою и дровами, не заботясь о подозрѣніяхъ островитянъ и не навязываясь на сношенія, которыхъ они, по видимому, избѣгали. Но къ концу стоянки на этихъ островахъ, была сыграна шутка, достойная разбойниковъ.

Дэмпиръ, столь замѣчательный какъ торговый мореходецъ, какъ естествоиспытатель и наблюдатель, никогда не умѣлъ поддержать у себя строгой дисциплины, которая всегда должна господствовать на казенномъ суднѣ. Въ настоящемъ случаѣ экипажъ былъ сильнѣе капитана, и въ противность его приказаній совершилъ дѣло, достойное пиратовъ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Дэмпиръ: «На другой день утромъ (19 Марта) я взялъ двѣ шлюбки, чтобъ ѣхать къ пристани и увидѣть, можно ли посредствомъ бездѣлокъ и желѣзныхъ орудій нашихъ, склонить жителей къ какой либо мѣнѣ; но я нашелъ ихъ исполненными страха и коварства. Я видѣлъ только одного мальчика и двухъ взрослыхъ мужчинъ. Одинъ изъ нихъ, убѣжденный нашими знаками, приблизился къ шлюбкѣ. Я далъ ему ножъ, ожерелье и стеклянку. Тогда онъ началъ кричать: «*кокосъ! кокосъ!*» и указалъ намъ на сосѣднее селеніе, какъ будто бы хотѣлъ итти туда за этими орѣхами; однако жъ не пошелъ. Какъ бы то ни было, я отправился самъ къ ихъ жилищамъ всопровожденіи осьми или девяти моихъ людей, и нашелъ ихъ столь бѣдными, что двери въ нихъ держались только на простомъ тростникѣ. Я обошелъ три селенія, оставленныя жителями, которые угнали съ собою всѣхъ свиней. Я взялъ въ нихъ нѣсколько малыхъ неводовъ, дабы вознаградить себя за то, что жители получили отъ насъ. На возвратномъ пути мы встрѣтили двухъ туземцевъ. Я показалъ имъ то, что мы унесли, и въ то же время кричалъ: «*кокосъ! кокосъ!*» чтобы чрезъ то дать имъ почувствовать, что я унесъ это, потому что они не сдержали обѣщанія своего, сдѣланнаго знаками и повтореніемъ слова: «*кокосъ.*» Во время этой прогулки, наши люди наполнили водою двѣ бочки и нѣсколько боченковъ. Мы возвратились на корабль около часу по полудни, и я нашелъ, что всѣ офицеры и матросы чрезвычайно желали отправиться въ бухту, гдѣ, какъ говорили, находились свиньи. Мнѣ очень не хотѣлось на это согласиться, опасаясь, что они слишкомъ круто обойдутся съ туземцами. Въ два часа поднялось множество черныхъ тучъ надъ берегомъ, и я надѣялся, что это отвратитъ ихъ отъ ихъ намѣренія; но они просили меня такъ убѣдительно, что я былъ принуждетъ согласится. Я далъ имъ разныя бездѣлки, которыя утромъ бралъ съ собою, и болѣе всего совѣтовалъ употреблять снисходительныя мѣры и поступать съ осторожностью, для собственной своей безопасности. Бухта, куда они отправились, была на разстояніи около двухъ миль отъ корабля. Едва они уѣхали, я приказалъ привести все въ состояніе подать имъ помощь, въ случаѣ нужды, и защищать ихъ моею тяжелою артиллеріею. Когда они готовились пристать къ берегу, жители толпою явились, что бы не допустить ихъ высадиться; они махали копьями и старались угрожать имъ; между ними нашлися даже смѣльчаки, которые вошли въ воду, вооруженные щитами и копьями. Напрасно люди мои предлагали имъ вещицы, которыя имѣли съ собою и подавали имъ дружескіе знаки; это не послужило ни кчему: они никакъ не могли склонить ихъ къ вольному и честному торгу. Рѣшась однако достать припасовъ, они сдѣлали нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, чтобы испугать ихъ. Это удалось въ отношеніи къ толпѣ; ибо она тотчасъ разбѣжалась, исключая двухъ или трехъ, которые продолжали оставаться въ угрожающемъ положеніи, до тѣхъ поръ, пока смѣлѣйшій изъ нихъ не бросилъ щита и не обратился въ бѣгство. Весьма вѣроятно, что онъ былъ раненъ ружей-

пою пулею, и что вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ его товарищей онъ узналъ на опытѣ достоинство нашего пороха, хотя, впрочемъ, ни одного изъ нихъ не убили, ибо мы имѣли въ виду только испугать ихъ. Наконецъ наши люди вышли на берегъ и нашли множество ручныхъ свиней около домовъ. Убивъ девять и ранивъ нѣсколькихъ, они поспѣшно возвратились; ибо дождь пошелъ менѣе нежели черезъ часъ послѣ ихъ отъѣзда, а я приказывалъ имъ въ такомъ случаѣ не долго оставаться. Едва они доставили свиней на корабль, какъ погода прояснилась и они опять просили у меня позволенія еще разъ вечеромъ съѣздить туда. Я согласился, но съ тѣмъ, чтобы они вернулись до ночи; тогда было около пяти часовъ; точно, они возвратились въ сумерки, съ осьмью большими убитыми свиньями и съ живымъ поросенкомъ. Прежнія были уже засолены; но этихъ мы успѣли только еще выпотрошить, ошпарить и посыпать солью для слѣдующаго дня. Съ наступленіемъ дня я отправилъ обѣ шлюбки на берегъ, чтобы снова запастись припасами, свиньями или кореньями. Но жители, ночью, успѣли перенести свои запасы въ другое мѣсто, не смотря на то, что многіе изъ нихъ возвратились въ свои хижины, и что ни одинъ не противился высадкѣ нашихъ людей. Напротивъ, они сдѣлались столь учтивыми, что одинъ изъ нихъ принесъ нѣсколько кокосовыхъ орѣховъ на берегъ и исчезъ, показавъ ихъ людямъ нашимъ. Эти послѣдніе не нашли ничего кромѣ сѣтей и кое-какихъ изваяній; они взяли нѣсколько изъ нихъ, положили ихъ въ маленькую лодку и потомъ возвратились. Я приказалъ боцману беречь сѣти до удобнаго случая, а изваянія оставилъ у себя.

«Послѣ полудня, я отослалъ лодку на то мѣсто, гдѣ ее взяли; въ нее положили: два топора, два серпа, изъ которыхъ одинъ былъ снабженъ ручкою, шесть зеркальцевъ, шесть ножей, большую связку бусъ и четыре стекляныя бутылки. Люди мои, вытащивъ лодку на берегъ и уложивъ въ ней всѣ эти вещи, возвратились въ ботѣ, который былъ посланъ для ихъ безопасности.»

По словамъ Дэмпира, туземцы украшали головы разноцвѣтными перьями. Они ходили съ копьемъ въ рукахъ. Женщины носили поясъ изъ листьевъ; и на головахъ переносили корзины, наполненныя ямсомъ.

«Окрестности», прибавляетъ Дэмпиръ, «гористы, наполнены лѣсами, долинами и свѣтлыми ручейками. Почва въ долинахъ глубока и желтовата; но въ холмистыхъ мѣстахъ она имѣетъ темнобурый цвѣтъ, не очень глубока и камениста, хотя удобна для плантацій. Деревья вообще не весьма прямы, не густы и не высоки; но они кажутся зелеными и пріятны на видъ. Нѣкоторыя были покрыты цвѣтами, другія ягодами, третьи большими плодами разнаго рода, вовсе намъ не извѣстными. Кокосовыя деревья произрастаютъ весьма хорошо, какъ въ бухтахъ, ближайшихъ къ морю, такъ и глубже во внутренности острова между плантацій. Орѣхи на нихъ средней величины; но молоко и ядро густы и пріятнаго вкуса. Тутъ находили инбирь, *ямсъ* и другіе коренья, годные для пищи; мы пробовали ихъ. Я не знаю, есть ли еще какіе плоды и коренья. Изъ земноводныхъ животныхъ, мы видѣли только свиней и собакъ. Что касается до птицъ, намъ извѣстныхъ, здѣсь водятся голуби, попугаи, *кокодоры* и вороны, точно такіе же какъ и въ Англіи. Сверхъ того, мы видѣли птицъ, величиною съ дрозда, и другихъ меньшихъ породъ. Море и рѣки изобилуютъ рыбою; мы видѣли ихъ множество, но выловили нѣсколько *кавалли*, рыбъ съ желтыми хвостами и прыгающихъ скатовъ.

Дэмпиръ оставилъ портъ Монтегю 26 Марта. Чрезъ нѣсколько дней онъ открылъ проливъ, который получилъ его имя, и оставилъ берега *Новой Британіи*, по его словамъ, населенныя сильными и хорошо сложенными, смѣлыми и предпріимчивыми неграми.

Картеретъ, въ 1767 году, видѣлъ только издали восточный берегъ Новой Британіи; но онъ опредѣлилъ сѣверную ея границу и замѣтилъ три характеристическія горы, которыя находятся на этой оконечности.

Въ Іюнѣ 1793 года, д'Антркасто прошелъ чрезъ Дэмпировъ проливъ, изслѣдовалъ западную часть Новой Британіи, которую нашелъ прекрасною по ея виду и которой приписалъ весьма многочисленное народонаселеніе, по причинѣ берега, покрытаго кокосовыми деревьями и усѣяннаго хазами. Послѣ того, онъ открылъ нѣсколько новыхъ острововъ различной величины, въ сѣверной полосѣ Новой Британіи, не имѣвъ впрочемъ сообщенія съ землею. Экипажъ его находился тогда въ самомъ плачевномъ

состоянія и самъ онъ умеръ нѣсколько дней спустя.

Въ Іюлѣ 1827 года, капитанъ Дюрвиль подходилъ къ этой землѣ близъ мыса Батлера, въ намѣреніи изслѣдовать всю южную ея часть. Но лишась малыхъ якорей, потерянныхъ имъ въ Тонга-табу, и будучи застигнутъ дождливою погодою и сильными шквалами, онъ съ большимъ трудомъ могъ выбраться изъ этого опаснаго берега. Не смотря на препятствія, онъ оставался 13 дней въ виду острова, и успѣлъ снять очертаніе берега, на пространствѣ около ста лигъ. Втораго Августа, утромъ, при самомъ входѣ въ Дэмпировъ проливъ, *Астролябія* ударилась два раза о коралловые рифы, до тѣхъ поръ не извѣстные. Еслибъ ее не снесло волною, то она погибла бы. Трудамъ Г. Дюрвиля обязаны мы свѣдѣніями о пикѣ *Куой* (Quoy), конической горѣ величественнаго вида, близъ мыса Орфорта, о бухтѣ Жакино и о нѣсколькихъ малыхъ островахъ, между прочими о живописной группѣ острововъ Прелестныхъ. *(Gracieuses)*; изъ его изслѣдованій открылось, что Новая Британнія составляетъ длинную цѣпь, которая однако въ иныхъ мѣстахъ не широка. Капитанъ Дюрвиль держался весьма близко западной оконечности этого острова, такъ, что могъ замѣтить его частности. Вотъ что онъ говоритъ объ этой части берега:

«Также какъ Дэмпиру и д'Антркасто, эта земля представила намъ прелестный видъ. Рѣдко одаряетъ природа землю, еще не измѣненную рукою человѣка, такими прелестными, разнообразными перспективами. Вездѣ берегъ здоровъ, доступенъ и омываемъ спокойными волнами; почва, поднимающаяся амфитеатромъ на разныхъ планахъ, то осѣнена дремучими лѣсами, то покрыта густымъ валежникомъ, то наконецъ обширными полянами, желтѣющій цвѣтъ которыхъ составляетъ рѣзкую противуположность съ темнозеленымъ цвѣтомъ лѣсовъ и окрестныхъ рощь. Два утеса горы Глочестеръ грозными массами своими вѣнчаютъ этотъ превосходный видъ, и нерѣдко скрываютъ свои величественныя вершины въ облакахъ экватора.

Вообще, *Новая Британнія*, есть островъ, имѣющій около 95 лигъ длины отъ O. N. O. къ W. S. W. Ширина его чрезвычайно неровная, и въ иныхъ мѣстахъ простирается на 36, а въ другихъ только на 8 или на 10 миль, какъ напримѣръ въ бухтѣ Жакино и Монтегю. Это, нѣкоторымъ образомъ, длинная и узкая цѣпь высокихъ горъ, идущая кривою линіею, и впадиною своею обращенная къ N. N. Вершины горъ: Матери и двухъ дочерей, Дешана, Куоя и Глочестера, отличаются въ гористомъ островѣ этого края и, по видимому, обнаруживаютъ волканическое происхожденіе. Географическія границы этой земли суть: съ одной стороны 4°, 8' и 6°, 30' юж. шир., съ другой 145° 57' и 150° 2' в. долг. Близъ южнаго берега находятся малые острова: Южнаго мыса, Роосъ и Прелестные, съ нѣкоторыми другими низменными и лѣсистыми, открытыми въ 1827 году капитаномъ Дюрвилемъ. На сѣверной сторонѣ въ большемъ или меньшемъ разстояніи отъ берега находятся острова: Виллаумецъ, Рауль, Жиккель, Фильтцъ, Дюпорталь и Ле-Дансёръ; нѣкоторые изъ нихъ высоки и довольно пространны. На первомъ, который значительнѣе прочихъ, Французы замѣтили кое-гдѣ дымъ и видѣли деревья, покрывающія всю почву отъ берега до высочайшихъ вершинъ.

Д'Антркасто, открывшій эти острова въ 1793 году, нашелъ немного далѣе къ N. группу острововъ, которые назвалъ *Французскими.* Примѣчательнѣйшіе изъ нихъ получили наименованія: Меритъ, Делакъ, Форестье и Сѣверный. Эта группа составляетъ треугольникъ въ 30 миль съ каждой стороны: средина ихъ лежитъ подъ 4° 41' юж. шир., и 146° 55' в. долг. Близъ с. в. оконечности Новой Британніи лежитъ небольшой островъ Манъ, открытый *Картеретомъ* въ 1767 году. Онъ имѣетъ отъ 6 до 7 миль въ окружности и находится подъ 4° 8' юж. ш. и 149° 40' в. долготы.

Амаката, островъ, открытый въ 1767 году *Картеретомъ*, который назвалъ его *Іоркомъ*, посѣщенъ въ 1791 году *Гантеромъ*, осмотрѣнъ въ 1792 году *д'Антркасто* и въ 1823 году Г. *Дюперре*. Это высокій, населенный островъ, съ хорошею гаванью въ сѣв. части. Онъ имѣетъ 8 миль длины отъ N. O. къ S. W. и 5 миль ширины, и лежитъ подъ 4° 10' юж. ш., 150° 4' в. долг. с. восто. оконечность.

Новая Ирландія. Голландецъ Шутенъ открылъ эту землю въ 1616 году. Онъ прошелъ, кажется, вдоль всей восточной стороны его и имѣлъ нѣсколько разъ сношенія съ туземцами. Первые, которыхъ увидѣли,

бросали на корабль камни изъ пращей, что заставило отвѣчать имъ ружейными выстрѣлами. Корабль простоялъ одну ночь у берега, и жители, при лунномъ свѣтѣ, разъѣзжали вокругъ него. Сколько ни старались привлечь ихъ ласковыми словами и подарками, они остались нечувствительными ко всѣмъ усиліямъ. По словамъ мореплавателей, то были люди совершенно дикіе и необразованные.

Нѣсколько дней спустя, восемь байдаръ объѣхали кругомъ корабля; на каждой изъ нихъ было отъ 8 до 10 человѣкъ, вооруженныхъ дротиками, каменьями, дубинами, деревянными саблями и пращами. Имъ роздали нѣсколько бездѣлокъ и старались дать понять, что отъ нихъ ожидаютъ свиней, куръ, кокосовъ и кореньевъ. Но вмѣсто отвѣта, они пустили на корабль свои дротики, на что съ него отвѣчали артиллеріею. Десять или 12 дикихъ было убито; одна большая и три малыя байдары были потоплены. Шлюбка преслѣдовала бѣглецовъ: убили еще нѣсколько дикихъ, и поймали троихъ опасно раненыхъ. Одинъ изъ нихъ умеръ, другіе были перевязаны, свезены на землю и отданы соотечественникамъ ихъ за выкупъ, состоявшій изъ свиней.

Эти островитяне сильны и хорошо сложены; цвѣтъ тѣла ихъ черный, а волосы курчавые. Почти всѣ были нагіе; очень немногіе носили поясы изъ древесной коры и кольца въ носу и ушахъ. На головѣ были колпаки изъ раскрашенной древесной коры, составленные изъ двухъ или трехъ кусковъ, связанныхъ веревочкою, и надѣтые на самой маковкѣ головы, какъ у женщины. Они употребляли арекъ и бетель. У нихъ почиталось знакомъ учтивости: снять шапку и класть руки на голову. Рукояти ихъ оружія были украшены насѣчкою. Байдары ихъ чрезвычайно различны, отъ самыхъ малыхъ, могущихъ содержать не болѣе двухъ человѣкъ, до большихъ, имѣющихъ до 17 паръ веселъ. У одной изъ нихъ бока были соединены швами, хорошо смазанными дегтемъ и натертыми смолою.

Пройдя къ N. мысу *Новаго Ганновера*, *Шутенъ* назвалъ его мысомъ *Solomon Sweert*, и продолжалъ свой путь къ O.

Тасманъ въ 1643 году объѣхалъ въ свою очередь большую часть этого берега, принимая его также, какъ и его предшественникъ, за южную часть *Новой Гвинеи*. Описаніе, его упоминая о названіи *Cabo Santa Maria*, заставляетъ предполагать, что Испанцы посѣщали эту землю еще до экспедиціи *Шутена* и *Лемера*.

Въ 1700 году, Англичанинъ *Дэмпиръ* плавалъ вдоль этой же земли въ другомъ направленіи, т. е. отъ N. къ S. Около средины берега и предъ *островомъ Дэмпира*, корабль былъ окруженъ 46 байдарами, на которыхъ было до 200 черныхъ. Они не хотѣли пристать къ нему, не смотря на дѣлаемые имъ дружескіе знаки и показанные имъ подарки, но часто били себя въ грудь правою рукою, и держали толстыя палки надъ головами. Все это было принято за увѣренія въ дружбѣ. Время не позволило *Дэмпиру* бросить якорь въ бухтѣ и сойти на берегъ, гдѣ тогда находилось около 400 дикихъ. Когда корабль вышелъ въ море, островитяне пустили въ него тучу стрѣлъ и получили въ отвѣтъ пушечный выстрѣлъ, который разсѣялъ ихъ, убивъ и ранивъ нѣкоторыхъ. *Дэмпиръ* оставилъ этому мѣсту названіе: *бухты Пращниковъ*. Почва здѣсь, говоритъ онъ, высока и гориста, покрыта прекрасными зеленѣющими деревьями. На скатахъ горъ было множество большихъ плантацій; нѣкоторыя обработанныя земли и видѣнный нами дымъ заставили полагать, что это мѣсто весьма населено.»

Миновавъ юж. оконечность этой земли, *Дэмпиръ* вошелъ въ углубленіе, находящееся на в. сторонѣ, принятое имъ за большую бухту и названное *бухтою Св. Георгія*; потомъ направилъ путь къ *Новой Британніи*.

Картеретъ въ 1767 году приставалъ по очереди въ *портъ Пралена*, въ гавани Англійской, и въ пристани Картерета, въ S. W. части *Новой Ирландіи*, гдѣ онъ запасся дровами и водою и досталъ нѣсколько пальмовой капусты и кокосовъ. Ни въ одномъ изъ этихъ мѣстъ онъ не видѣлъ жителей. Онъ продолжалъ свой путь къ N. N. W. и открылъ каналъ *Св. Георгія*, отдѣляющій оба острова отъ Новой Ирландіи и Новой Британніи, между Сандвичевымъ островомъ и Новой Ирландіею. Къ нему прибыло десять байдаръ, на которыхъ было около 150 человѣкъ, пріѣхавшихъ отъ берега Новой Ирландіи. Въ мѣнѣ, эти островитяне всему предпочитали желѣзо. Одна изъ ихъ байдаръ имѣла до 80 футовъ длины, хотя была изъ одного дерева, по бокамъ былв

рѣзныя украшенія; она имѣла рычаги для равновѣсія, но не имѣла парусовъ и вмѣщала 30 человѣкъ. Эти люди были черны, съ курчавыми волосами, плоскимъ носомъ и толстыми губами. Они были совершенно нагіе и носили браслеты, раковины на рукахъ и ногахъ, и блестящіе головные уборы; большая часть дикихъ привязывали надъ ухомъ перо, казалось, пѣтушье. Оружіе ихъ состояло въ копьяхъ и палкахъ. Видъ пушекъ, казалось, внушалъ имъ нѣкоторую недовѣрчивость.

Въ Іюлѣ 1768 года, *Бугенвиль* сталъ на якорь въ портѣ Праленѣ и провелъ тамъ 8 дней, во время которыхъ занятія экспедиціи были разстроены безпрестанными дождями. Солнце показалось только въ одинъ день. Іюля 22 около 10 часовъ утра, ударъ потрясъ корабль. То было землятрясеніе. Море возвышалось и понижалось нѣсколько разъ сряду, что очень испугало ловившихъ рыбу на рифахъ. *Бугенвиль* во время этой стоянки не видалъ островитянъ; онъ только замѣтилъ слѣды ихъ пребыванія, и нашелъ даже байдару, стоявшую между двухъ хижинъ. Не зная объ открытіи *Картерета*, *Бугенвиль*, оставивъ портъ Праленъ, миновалъ мысъ Св. Георгія, и также какъ *Шутенъ* и *Тасманъ* шелъ вдоль южной полосы Новой Ирландіи. 29 Іюля нѣсколько байдаръ подъѣхали къ фрегатамъ; на каждой изъ нихъ было 5 или 6 черныхъ дикарей, курчавыхъ, высокихъ, ловкихъ и сильныхъ. Они приглашали Французовъ на берегъ; но сами не хотѣли взойти на корабль. Имъ дали нѣсколько кусковъ тканей. Получивъ ихъ, они уѣхали, бросая камнями въ Французовъ. На другой день, они прибыли въ большемъ числѣ и пристали къ кораблямъ безъ труда. Старшина ихъ, поднявъ палку надъ головою, казалось, показывалъ тѣмъ что онъ предводитель. Эти черные очень нарядились: волосы у нихъ были покрыты красною пудрою, на головахъ были перья, нагрудники, подвѣски въ ушахъ и носу, браслеты на ногахъ, словомъ, они были въ полномъ убранствѣ. Напрасно пытались завести съ ними мѣны; они брали то, что имъ давали, и ничего не предлагали въ замѣнъ. Послѣ тревоги, произведенной 31 Іюля флотиліею, которая была удалена пушечными выстрѣлами, *Бугенвиль* поднялъ якорь и оставилъ эти воды.

Въ Іюлѣ 1792 года, *д'Антркасто*, въ свою очередь, сталъ на якорь въ гавани *Картерета* и провелъ тамъ недѣлю. Это была недѣля совершеннаго потопа; потоки воды лились во все время. Онъ едва могъ достать пять или шесть кокосовыхъ орѣховъ и не видѣлъ ни одного туземца. Послѣ этой стоянки, *д'Антркасто* посѣтилъ всю западную часть Новой Ирландіи, до него почти неизвѣстную. Онъ замѣтилъ, что островъ ся состоялъ вообще изъ двухъ цѣпей горъ, въ 2 тыс. метр. отвѣсной высоты: только передъ Сандвичевымъ островомъ земля была не такъ высока.

Капитанъ Дюперре въ 1823 г. стоялъ въ портѣ Праленѣ и снялъ его планъ. Благодаря способной погодѣ, онъ имѣлъ частыя сношенія съ жителями, пріѣзжавшими на байдарахъ изъ селенія Лики-лики, лежащаго на восточной сторонѣ острова. Они казались миролюбивыми и недовѣрчивыми, и опасались, чтобы Французы не вздумали посѣтить ихъ. Когда воспитанникъ Блосвиль прогуливаясь, приблизился къ ихъ селенію, то они всячески силились заставить его возвратиться; потомъ, видя, что онъ не оставляетъ своего намѣренія, стали за нимъ наблюдать и спрятали женщинъ. Французы видѣли небольшой храмъ, наполненный разными идолами, поставленными на возвышеніи, окруженномъ стѣнами изъ камня безъ смазки. Г. Дюперре полагаетъ, что туземцы называютъ Новую Ирландію *Томбара*, а Новую Британнію *Бирара*: эти названія употреблены на его картѣ. Но Г. Дюрвиль, номенклатуръ котораго мы слѣдуемъ, нисколько не увѣренъ въ точности этихъ наименованій. Онъ полагаетъ, что они относятся къ особеннымъ округамъ, и что за неимѣніемъ полнѣйшихъ свѣдѣній, лучше держаться именъ, которыя существуютъ.

Наконецъ въ Іюлѣ 1827, капитанъ Дюрвиль провелъ 12 дней въ гавани Картеретовой и снялъ точный и подробный ея планъ. Туземцы, нѣсколько разъ подъѣзжавшіе къ *Астролябіи*, казались недовѣрчивы и робки, какъ и жители *Лики-лики*. Они ни за что не соглашались ни показать мѣста своего жительства, ни дозволить Французамъ итти съ ними. Полагаютъ впрочемъ, что они живутъ на низкомъ и лѣсистомъ островѣ, находящемся къ N. W. отъ гавани. На Кокосовомъ островѣ не нашли ни одного кокосоваго дерева; но убили тамъ каймана.

Взаключеніе мы можемъ сказать о Новой

Ирландіи, что она имѣетъ отъ N. W. къ S. O. около 194 миль длины, при ширинѣ отъ 8 до 30 миль. Внутренняя часть ея покрыта цѣпью высокихъ горъ, поросшихъ деревьями до самыхъ вершинъ. Народонаселеніе состоитъ изъ черныхъ Меланезійцевъ и типъ измѣняется, смотря по странѣ, ими обитаемой, но общій характеръ ихъ заключается въ робости и недовѣрчивости. Предѣлы; ю. широты 2° 3' и 4° 51', а в. долготы 148° 13' и 150° 48'. Въ южной части, на западной ея сторонѣ находятся небольшіе острова: Кокосовый; Лейгъ *(Leigh)*, Ламбомъ и Латао, о которыхъ мы уже упоминали, а на восточной лежать островки Ейроо и Лунтасъ.

Близъ N. W. оконечности Новой Ирландіи находится островъ Сандвичь, открытый въ 1767 Картретомъ и посѣщенный въ 1792 д'Антркасто. Это высокая, лѣсистая и населенная земля, въ 12 миль отъ в. къ зап. и семь отъ с. къ ю. Замѣчательный утесъ, въ видѣ сахарной головы, возвышается въ сѣверной ея части. На холмахъ этого острова старыя деревья, лишенныя вѣтвей, и увитыя плющемъ, имѣютъ видъ колоннады, украшенной фестонами. Ю. шириры 2° 49', в. долготы 148° 33' (вост. оконечность).

Новая Ирландія отдѣляется только каналомъ въ 6 миль шириною отъ Новаго Гановера. Въ этомъ каналѣ находится нѣсколько небольшихъ островковъ, совершенно низменныхъ, за исключеніемъ одного, отличающагося замѣчательною горою, которую Картеретъ назвалъ *Бирономъ*, а д'Антркасто *Мавзолеемъ*.

Новый Гановеръ, видѣнный въ 1616 г., Шутеномъ, который назвалъ оконечность его мысомъ *Salomon-Sweert*, потомъ посѣщенный Тасманомъ, Дэмпиромъ и Бугенвилемъ, изслѣдованъ только Картеретомъ и д'Антркасто. Это возвышенная земля, покрытая деревьями, между которыми видны многія плантаціи. Почва мыса *Solomon-Sweert* очень низменна и мѣстами лѣсиста. Островъ имѣетъ 38 миль отъ O. S. O. къ W. N. W.; ширина его еще не извѣстна, но она не менѣе 12 миль. Предѣлы съ одной стороны 2° 32' и 2° 44' ю. широты, а съ другой 147° 31' и 148° 7' в. долготы.

Портландскіе острова открыты въ 1767 Картеретомъ, посѣщены въ 1791 Гантеромъ и осмотрѣны въ 1792 и 1793 д'Антркасто. Они составляютъ цѣпь изъ 7 небольшихъ, низменныхъ и лѣсистыхъ островковъ, между которыми мѣстами находятся буруны; протяженіе ихъ O. N. O. къ W. S. W. почти восемь миль. Самый большой имѣетъ двѣ мили въ длину. Лежитъ подъ 20° 38' ю. шир. и 147° 12'. в. дол. (ю. з. оконечность)

Возвращаясь къ мысу Св. Георгія, встрѣчается рядъ островковъ, составляющихъ цѣпь, параллельную съ Новой Ирландіею.

Островъ Св. Іоанна, лежащій въ 30 миляхъ противъ мыса Маріи, открытъ Шутеномъ или правильнѣе Схоутеномъ (Schouten). Тасманъ посѣщалъ его въ 1643, а Дэмпиръ въ 1700. Послѣдній говоритъ, что онъ имѣетъ отъ 9 до 10 миль въ окружности и производитъ много кокосовыхъ деревьевъ. Отлогіе берега его покрыты зеленью, а возвышенности очень лѣсисты. При видѣ Дэмпирова корабля, три байдары отплыли отъ берега, но ни одна не хотѣла пристать къ судну. Впрочемъ островитяне ничѣмъ не отличались отъ жителей Новой Ирландіи. Картеретъ посѣщалъ островъ Св. Іоанна въ 1767; Бугенвиль въ 1768 назвалъ его островомъ Бурно (Bournaud); Морель осматривалъ его въ 1781. Положеніе его, худо опредѣленное, должно быть почти подъ 3° 51' ю. шир. и 151° 15' в. долг.

Абгарисскіе острова, открыты между 1820 и 1825, судномъ *Абгарисомъ*. Они составляютъ группу низменныхъ островковъ, на пространствѣ отъ 20 до 25 миль, вѣроятно ту самую, которую въ 1826 видѣлъ капитанъ Реннекъ, командиръ *ла-Лира*, и которую онъ назвалъ островами *Фидъ* (Feed) и *Гудманъ* (Goodman). Это двѣ группы, простирающіяся на 27 миль отъ N. W. къ S. O. и составляющія цѣпь низкихъ, лѣсистыхъ, населенныхъ островковъ и песочныхъ мелей, съ отдѣльнымъ рифомъ на S. Предѣлы отъ 3° 5' до 3° 33' ю. шир., и отъ 152° 2' до 152° 25' в. долг.

Каэнъ открытъ Тасманомъ въ 1643. Въ 1700 Дампиръ имѣлъ сношенія съ туземцами: это курчавые Меланезійцы, высокіе, здоровые, хорошо сложенные и распещренные разными красками. Дэмпиръ показывалъ имъ мускатные орѣхи и золотой песокъ и вообразилъ, что островитяне тѣлодвиженіями давали ему знать, что эти предметы находятся на островахъ, на которые они указывали крича: *Манциль! манциль!* Байдары ихъ хорошо построены и по бокамъ украшены выпуклыми изображеніями рыбъ. Дэмпиръ полагаетъ, что Каэнъ имѣетъ не болѣе 4 или 5 миль въ окружности. Этотъ ост-

ровъ высокъ и покрытъ лѣсомъ; скаты его холмовъ обогащены плантаціями. На приморьѣ растетъ много кокосовыхъ деревьевъ. Къ S. O. находятся два небольшіе острова, также покрытые этими деревьями. Одинъ изъ нихъ высокъ и утесистъ, другой низокъ и плоскъ, но очень населенъ. Народонаселеніе большаго острова также значительно. Бугенвиль посѣщалъ Каэнъ въ 1768 и назвалъ его островомъ *Молитвы* (*Oraison*). Въ 1781 Морель далъ ему имя *убѣжища* (Refugio), а два сосѣдніе островка назвалъ *Санта-Розою* и *Магдаленою*. Каэнъ долженъ лежать подъ 3° 28' ю. шир., и 150° 48' в. долг.

Гарретъ-Денисъ (Garret-Denys) открытъ Шутеномъ въ 1616, а въ 1643 посѣщенъ Тасманомъ. Дэмпиръ, проходившій близъ его въ 1700, одинъ только оставилъ о немъ нѣкоторыя подробности. «По словамъ его, это высокій, гористый и покрытый лѣсомъ островъ, имѣющій 14 или 15 миль въ окружности. Плоскія прибрежія всѣ покрыты кокосовыми деревьями. Множество плантацій видны на холмахъ, вновь воздѣланная земля красноватаго цвѣта. Островъ населенъ черными, сильными и хорошо сложенными людьми. Головы у нихъ большія, круглыя; волосы курчавые, короткіе и покрытые красною, бѣлою или желтою краскою; лице широкое; носъ плоскій; въ хрящъ между ноздрей проткнутъ деревянный гвоздь толщиною въ палецъ. Оружіе ихъ состоитъ изъ копій, дубинъ, пращей, луковъ и стрѣлъ. Байдары длинны и узки, снабжены рычагами для равновѣсія и украшены спереди и сзади хорошо вырѣзанными изображеніями птицъ, рыбъ, рукъ и т. п.; выговоръ ихъ нарѣчія чистъ: приглашая Англичанъ сойти на землю, они часто повторяли: *Вакуси аламан*, и указывали на берегъ. Для выраженія своего дружелюбія они клали на голову толстую палку или вѣтвь и часто ударяли себя по головѣ рукою.» Въ 1768 Бугенвиль посѣтилъ этотъ островъ и назвалъ его *Дюбушажемъ*, а Морель въ 1781 далъ ему названіе *Санъ-Блаза*. Положеніе его опредѣлено еще невѣрно и должно быть около 3° 12' ю. шир., и 150° 15' в. долг.

Ост. *Дэмпира*. Дэмпиръ, посѣтившій его въ 1700, говоритъ, что онъ имѣетъ отъ 4 до 5 миль въ окружности, высокъ, лѣсистъ, и на скатахъ холмовъ обогащенъ плантаціями. Вѣроятно, это тотъ самый островъ, который Морель въ 1781 назвалъ *Санъ-Лоренцомъ*, и тотъ же, которому въ 1616 Шутенъ далъ имя *Моисея*. 25 байдаръ, наполненныя туземцами, окружили корабль. Два якоря были приготовлены и висѣли съ кранбалки. Одинъ изъ туземцевъ съ помощію своего весла взобрался на якорную лапу, полагая, что можетъ оттуда привести корабль къ берегу. Между тѣмъ товарищи его готовились къ нападенію, которое открылось тучею стрѣлъ, копій и камней, пущенныхъ въ корабль. Камни были брошены съ такою силою, что откалывали щепы отъ мачтъ; матросы должны были укрываться отъ ихъ ударовъ. Дикіе уже провозглашали побѣду, какъ вдругъ раздался залпъ артиллеріи и ружей; 12 или 13 человѣкъ было убито, много изранено, остальные обратились въ бѣгство. За ними отправили шлюбку и взяли въ плѣнъ молодаго человѣка лѣтъ 18, раненаго въ началѣ сраженія; его назвали по имени острова Моисеемъ. Островитяне, продолжаетъ реляція, питались нѣкоторымъ родомъ хлѣба, приготовляемаго ими изъ древесныхъ корней. Положеніе острова съ точностію не извѣстно, но можетъ быть около 3° 12' ю. шир., и 150° в. долг.

Фишерсъ (Vischer) или Рыбачій, въ первый разъ посѣщенъ Шутеномъ въ 1616, а потомъ въ 1643 Тасманомъ, наконецъ въ 1700 Дампиромъ, который говоритъ, что это возвышенный, большой островъ, расположенный въ 6 лигахъ отъ твердой земли. Онъ замѣтилъ, что надъ нимъ поднимались столбы дыма, и не подошелъ къ нему. Бугенвиль въ 1768 назвалъ его островомъ *Сузаннетъ*, а Морель, въ 1781, кажется, увидѣвъ его вершины, заключилъ, что это отдѣльные острова, и назвалъ ихъ *Сан-Франсиско*, *Сан-Хозе* и *Санъ-Антоніо*. Пространство и положеніе совершенно не извѣстно. Сѣв. оконечность лежитъ около 2° 33' ю. шир. и 149° 40' в. долг.

Бурный открытъ въ 1700 Дэмпиромъ, въ 1768 посѣщенъ Бугенвилемъ и названъ имъ остр. *Керуэ*, въ 1781 онъ посѣщенъ Морелемъ. По словамъ Дэмпира, онъ низменъ, ровенъ, и покрытъ высокими, зелеными и частыми деревьями. Онъ имѣетъ отъ 2 до 3 миль въ длину, а на S. W. его оконечности находится плоскій и лѣсистый островокъ, въ одну милю окружности. Положеніе 1° 40' ю. шир., и 148° 9' в. долг.

Матіасъ, открытъ въ 1700 Дэмпиромъ, по-

сѣщенъ Бугенвилемъ въ 1768 и Морелемъ въ 1781. По словамъ Дэмпира, онъ гористъ, и имѣетъ мѣста, покрытыя рощами а частію землями, по видимому, обработанными. Длина его около 9 или 10 миль. Положеніе 1° 30' ю. шир., и 147° 10' в. долг.

Ост. *Адмиралтейства*, въ 1616 открытые Шутеномъ, который только видѣлъ ю. в. нхъ часть и назвалъ ихъ *двадцатью пятью* островами. Картеретъ лучше осмотрѣлъ ихъ въ 1767 г., и далъ имъ имя, которое они удержали донынѣ. Они представляютъ прелестный видъ. Густые и высокіе лѣса ихъ пресѣкались лужайками и обработанными полями, покрытыми кокосовыми рощами и многочисленными *казами*. Впрочемъ Англійскій командиръ слишкомъ по *путешественничьи* выражается, разсказывая, что каждый изъ этихъ острововъ могъ бы составить цѣлое королевство. Дикіе приблизились къ кораблю Картерета, который собирался было уже открыть съ ними дружелюбныя сношенія, какъ вдругъ они пустили цѣлую тучу дротиковъ. Нечего было дѣлать; Картеретъ былъ принужденъ отвѣчать имъ фалконетами и ружьями. Урокъ былъ полезенъ, и въ 1781 жители гораздо лучше обошлись съ Морелемъ, хотя и бросались съ жадностію разбойниковъ на все, что видѣли, даже на овощи, которые висѣли на кормѣ. Морель далъ разныя имена этимъ островамъ. Они сохраняются на картахъ, въ ожиданіи, пока будутъ извѣстны настоящія названія, употребляемыя туземцами. Наконецъ въ 1792 д'Антркасто тщательно изслѣдовалъ сѣверную часть этой группы и входилъ въ сношенія съ жителями, на которыхъ не имѣлъ причины жаловаться. Вотъ что говоритъ самъ д'Антркасто:

«Прождавъ цѣлый часъ и не успѣвъ ихъ приманить къ себѣ, я вздумалъ пустить ракету, предвидя, что она должна сперва поразить ихъ, но потомъ возбудитъ удивленіе и наконецъ любопытство. Когда ракета взлетѣла, они тотчасъ замолчали и перестали перекликаться съ нами. Но когда она лопнула и огненнымъ дождемъ посыпалась внизъ, ужасный страхъ овладѣлъ ими, они поспѣшно удалились. Вскорѣ послѣ того они возвратились, и стали въ отдаленіи. Я вздумалъ положить на доску гвозди и другія мѣновыя вещи, и прилѣпивъ на нее свѣчу въ бумажномъ фонарѣ, пустить на воду, чтобы они могли замѣтить и поймать ее. Но этотъ свѣтъ, который, отдѣлившись отъ фрегата, казалось, идя по водѣ, приближался къ нимъ, еще болѣе напугалъ ихъ, нежели взрывъ ракеты. Безъ сомнѣнія, они приняли за нѣчто сверхъестественное этотъ ходъ по волнамъ блуждающаго огня, ибо по мѣрѣ того, какъ насъ отдаляло отъ свѣчи, они думали, что сами приближаются къ ней; они удалялись, произнося громко и поспѣшно слова, которыми, по видимому, заклинали злаго духа. Наконецъ они совсѣмъ скрылись. Время было такъ хорошо и море столь тихо, что свѣча горѣла около двухъ часовъ. Выйдя на берегъ, туземцы тотчасъ зажгли огни, для того ли, чтобы, по мнѣнію ихъ, привлечь предметъ, который, какъ они думали, плылъ къ нимъ, или, напротивъ, чтобы удалить его отъ своихъ жилищъ. Впрочемъ зрѣлище, такъ напугавшее ихъ было очень пріятно для экипажа. Если бы я могъ предвидѣть произведенное имъ дѣйствіе, то конечно не причинилъ бы дикарямъ испуга, который могъ только увеличить ихъ врожденную недовѣрчивость.»

Группа острововъ Адмиралтейства занимаетъ пространство около 120 миль отъ O. къ W. и 40 или 50 отъ N. къ S. Она состоитъ изъ островъ болѣе или менѣе пространныхъ, высокихъ, пріятнаго и разнообразнаго вида, и населенныхъ красивѣйшею породою Меланезійцевъ. Географическіе ея предѣлы почти между, 1° 53' и 2° 34' ю. шир., и 143° 51' и 145° 50' в. долг.

Главнѣйшіе острова этой группы суть.

Большой Адмиралтейскій, названный Морелемъ въ 1781 островомъ *Баско*, и большею частію изслѣдованный д'Антркасто въ 1792. Это высокая, неровная, лѣсистая и населенная земля, имѣющая около 50 миль длины отъ O. къ W. и отъ 18 до 20 миль ширины отъ N. къ S.; южная часть его совершенно не извѣстна. Предѣлы отъ 1° 57' 2° 17' ю. шир., и отъ 144° 10' къ 145° 60' в. долг.

Іезусъ-Марія, названный такъ Морелемъ въ 1781 и посѣщенный въ 1792 д'Антркасто. Высокій островъ, имѣющій около 20 миль въ окружности. Ю. шир. 2° 18', в. долг. 145° 27' (средина).

Санъ-Габріель, *Санъ-Мигуэль*, *Ла-Вендола*, *Лосъ-Рейесъ Лос-Негросъ* названные такъ Морелемъ въ 1781, и изслѣдованные въ 1792 и въ 1793 д'Антркасто. Два первые имѣютъ отъ 5 до 6 миль въ окружности; остальные не столь значительны. Всѣ они населены и

очень лѣсисты. Положеніе 2° 14' ю. шир., и 145° 50' в. долг. (О. Вендола).

Сверхъ того, къ S. отъ большаго Адмиралтейскаго остр. находится еще множество небольшихъ неизвѣстныхъ островковъ; *Парди и Елисавета*, согласно съ картою Парди, показанные на картѣ адмир. Крузенштерна можетъ быть, принадлежатъ къ этой же группѣ. Къ S. находится рифъ Сидней, гдѣ 1 Мая 1806 г. кап. Остенъ Форрестъ (Austin Forrest) претерпѣлъ кораблекрушеніе. Онъ означенъ подъ 3° 20' ю. шир., и 144° 30' в. долг.

Ост. *Анахоретовъ*, открытый Бугенвилемъ, который въ 1768 проходилъ очень близко. Это цѣпь низменныхъ островковъ, расположенныхъ на одной и той же отмели, на протяженіи около 3 лигъ. На нихъ много деревьевъ, особенно кокосовыхъ. Французскій мореплаватель говоритъ, что берега ихъ покрыты казами и чрезвычайно населены. Эти хижины были высоки, хорошо покрыты, почти квадратные и видомъ своимъ напоминали Таитскія жилья. Нѣсколько прой или байдаръ ловили рыбу на рифахъ, но ни одна изъ нихъ не удостоила фрегатовъ никакого вниманія. По этой причинѣ имъ дано названіе *Анахоретовъ*. Морель посѣтилъ ихъ въ 1781, а д'Антркасто въ 1793. Лежатъ подъ 0° 43', ю. шир., и 143° 14' в. долг. (Мысъ N. O.

Коммерсонъ, небольшой островъ, въ 1793 видѣнный издали Бугенвилемъ, и посѣщенный въ 1793 д'Антркасто, а въ 1860 Ибарготіей (Ibargoitia). 0° 45' ю. шир., и 142° 55' в. долг.

Ост. *Пустынные*, (Hermites), открытые въ 1768 Бугенвилемъ, и посѣщенные въ 1781 Морелемъ и въ 1792 д'Антркасто. Прои приблизились къ фрегатамъ этого мореходца, но не хотѣли пристать къ нимъ, хотя старались предложить плоды, и бросали ихъ на корабль; почему сначала ихъ приняли было за камни; островитяне высоки и хорошо сложены. Пустынные ост. составляютъ небольшую группу высокихъ и населенныхъ островковъ, занимающую 14 миль отъ O. N. O. къ W. S. W. и 6 миль ширины. Ю. шир. 1° 29'; в. долг. 142° 48' (остр. N. O).

Сварливый (Boudeuse), небольшой островъ, открытый въ 1768 Бугенвилемъ и въ 1792 посѣщенный д'Антркасто. Ю. шир. 1° 27'; в. долг. 142° 14'.

Шахматные (Echiquier), открытые Бугенвилемъ въ 1768, посѣщенные въ 1781 Морелемъ, который назвалъ ихъ Тысячью острововъ, и изслѣдованные въ 1792 д'Антркасто. Группа, состоящая изъ 30 небольшихъ, низменныхъ и населенныхъ островковъ, окруженныхъ подводными камнями. Она занимаетъ 30 миль отъ N. N.-O. къ S. S. W. Ю. шир. 1° 13', в. долг. 142° 2'. (Мысъ Ео).

Дюруръ, небольшой плоскій островъ, открытый Картеретомъ въ 1767 и посѣщенный въ 1792 д'Антркасто, который помѣщаетъ его подъ 1° 34' ю. шир. и 140° 53' в. долг.

Матти, небольшой плоскій и населенный островъ, открытый въ 1767 Картеретомъ, который видѣлъ, что жители его бѣгали ночью по берегу противъ корабля, держа въ рукахъ свѣточи; д'Антркасто опредѣляетъ положенія его подъ 1° 46' ю. шир. и 140° 36 в.' долг.

ГЛАВА XXII.

Новая Гвинея.—Луизіада и сосѣдственные острова.

Океанія, какъ уже сказано, на всѣхъ парусахъ отправилась отъ Адмиралтейскихъ островковъ къ Новой Гвинеѣ. Поутру 16 Іюля мы находились въ 6 или 7 миляхъ къ с. отъ О. Лесона, самаго восточнаго изъ островковъ Шутена. О. Лесонъ есть просто огромный, коническій утесъ, имѣющій при подошвѣ отъ 5 до 6 миль окружности и покрытый самою пріятною зеленью. Другіе острова этой группы, расположенные полукружіемъ, были похожи на ожерелье изъ зеленыхъ камней, оправленныхъ въ темной синевѣ моря. На горизонтѣ, въ лѣво отъ насъ, возвышались вершины острова Вулкана и другихъ горъ Новой Гвинеи.

Находясь передъ плодоноснымъ и гористымъ островомъ Роаси (Roissy), мы сначала полагали, что *Океанія* будетъ имѣть какія нибудь сношенія съ туземцами. Двѣ байдары, отдѣлившись отъ берега, казалось, направлялись къ намъ. Въ ожиданіи ихъ, мы легли въ дрейфъ, и онѣ, по видимому, должны были скоро пристать къ кораблю; но приблизившись на полмили, онѣ остановились и ни знаки, ни настоянія не могли убѣдить ихъ къ намъ подойти; потомъ, когда мы хотѣли плыть къ нимъ, они удалились со всевозможною быстротою. Съ помощію трубы мы могли видѣть, что на каждой изъ байдаръ было по пяти или

шести человѣкъ чернаго цвѣта, почти нагихъ, съ курчавыми волосами, и породы низшей, нежели жители острововъ Адмиралтейства.

Мы прошли въ 3 или 4 лигахъ отъ о. Дюрвиля, самаго значительнаго изъ всей группы, имѣющаго отъ 15 до 18 миль въ окружности при средней высотѣ, и весьма пріятнаго вида; послѣ чего Пендлетонъ направился на O. N. O., придерживаясь на 10 лигъ, въ среднемъ разстояніи отъ берега, чтобы обезопасить совершенно наше плаваніе почью. Американскій капитанъ очень хорошо зналъ, что нельзя было ничего ожидать добраго отъ дикихъ племенъ, населяющихъ этотъ архипелагъ; ему были извѣстны прошедшія и новѣйшія свѣдѣнія о ихъ нравахъ и характерѣ. Я одинъ только изъ всего экипажа внутренно жаловался на эту осторожность. Быть такимъ образомъ въ виду любопытной и малолюдной земли, и не изслѣдовать ее, значило, по мнѣнію моему, испытывать мученія Тантала. Мы прошли близъ огромныхъ горъ Бугенвиль и Циклопа, опредѣляющихъ положеніе залива Гумбольдта, недавно указаннаго Географіи капитаномъ Дюрвилемъ. Вѣтеръ былъ тихъ, небо ясно, море спокойно. Казалось, что мы опять въ Индійскомъ морѣ, и что непогоды Тихаго океана исчезли. Вѣтеръ дулъ такъ слабо, что теченіе влекло насъ сильнѣе его. Такимъ образомъ мы сдѣлали отъ 20 до 30 миль къ W. Два раза только сила его была такова, что мы прошли по 40 миль въ день, а одинъ только разъ 60 миль. Страннѣе всего казалось мнѣ то, что это движеніе воды было для насъ постоянно нечувствительно; единственное, видимое его дѣйствіе состояло въ совершенной тиши, по истинѣ удивительной на столь открытомъ морѣ.

Ночью 26 Іюля *Океанія* прошла между двухъ небольшихъ острововъ Аримоа и земли, очень низкой и покрытой большими деревьями. На другой день мы замѣтили, напротивъ мыса Дюрвиля, измѣненіе въ цвѣтѣ воды, которое, по видимому, означало мели; обстоятельство, замѣченное уже капитаномъ, сообщившимъ свое имя этому мысу. За этой безцвѣтною полосою показалась байдара, которую з. вѣтеръ гналъ къ кораблю. Это было довольно большое судно, съ площадкою, на которой находилось до 40 человѣкъ. Между ними отличался одинъ; онъ былъ полуодѣтъ и имѣлъ на головѣ шляпу конической формы, похожую на Китайскую. По мѣрѣ приближенія байдары, этотъ человѣкъ часъ отъ часа живѣйшими знаками приглашалъ насъ пристать къ землѣ. Наконецъ въ 500 тоазахъ онъ отдалъ парусъ и продолжалъ свои тѣлодвиженія съ живостію, которую трудно себѣ представить. Полагая, что Пендлетонъ согласится на столь убѣдительныя приглашенія, я просилъ его взять меня съ собою. «Вѣрно вамъ очень захотѣлось, сказалъ мнѣ капитанъ, служить обѣдомъ для этихъ дикихъ? Новая Гвинея чертовская земля; мы имѣемъ объ ней ужасныя извѣстія. Годъ или два тому назадъ, одно несчастное китоловное судно отважилось бросить якорь близъ большаго залива Геельвинка. Обманувшись наружными гостепріимствомъ и услужливостію жителей, оно отправило къ нимъ лодку, которая не возвратилась. На другой день, чтобы отыскать ее, послали другую. Она была окружена; двухъ или трехъ человѣкъ убили; остальные, съ ужасомъ поспѣшно возвратились. Безъ сомнѣнія, тѣла жертвъ дня два служили пищею этимъ людямъ. И такъ не хотите ли вы, чтобы *Океанія* также послала свѣжаго мяса людоѣдамъ?» Я замолчалъ; мнѣ было извѣстно, что Пендлетонъ не любилъ преувеличивать опасностей.

Желая избавиться отъ тиши пролива Іовія, *Океанія* не входила въ него, но направилась къ N., чтобы пройти въ большомъ разстояніи отъ низменныхъ острововъ *Измѣнниковъ*, и отъ береговъ большаго острова Мизори, вершины котораго однако жъ я могъ видѣть. 29 Іюля корабль обогнулъ небольшіе острова *Провидѣнія*; потомъ на очистившемся къ S. W. горизонтѣ открылъ величественныя вершины Арфакійскихъ горъ, высоко возвышавшіеся надъ Дореемъ. Не смотря на то, мы находились отъ нихъ на разстояніи еще 75 миль, или около 36 лигъ, что доказываетъ чрезвычайную ихъ возвышенность. Впрочемъ вершина ихъ была ниже пояса постоянныхъ снѣговъ, подъ экваторомъ. Тревожимые волненіемъ, мы носились два или три дня и только 1 Августа достигли Дорейской гавани, гдѣ должны были имѣть кратковременную стоянку.

Входъ въ Дорей представляетъ видъ истинно восхитительный. На лѣво развивается длинная цѣпь низменныхъ и зеленѣющихся острововъ, примыкающихъ къ возвышенному песчаному прибрежью. На право тянется лѣсистая опушка земли, надъ которою гос-

подствуютъ берега, покрытые сильнымъ произябеніемъ. Наконецъ въ глубинѣ картины, базальтовою стѣною возвышается огромный остовъ Арфакійскихъ горъ, возвышающійся на пяти или шести послѣдовательныхъ планахъ, и оканчивающійся нѣсколькими острыми вершинами, которыя какъ будто бы нависли надъ гаванью: такъ отвѣсны ихъ склоны.

Когда мы стали въ виду, то множество байдаръ тотчасъ насъ окружили. Можно было бы думать, что это племя совершенно различное отъ предшествовавшаго: столь довѣрчивы и беззаботны были эти туземцы. Причиною того были нѣсколько разъ возобновленныя Французскими мореходцами сношенія, на которыя дикіе не имѣли повода жаловаться. Объ Европейцахъ имѣли въ Дорее хорошее мнѣніе; капитаны Дюперре и Дюрвиль, своимъ обращеніемъ заставили жителей жалѣть о себѣ. Прибывшіе въ байдарахъ туземцы смѣшанною толпою уже собирались взлѣсть на бортъ, но Пендлетонъ, опасаясь, чтобы это не помѣшало исправленію корабельныхъ работъ, позволилъ взойти на палубу только небольшому числу старшинъ или *кораносовъ*. Онъ объяснилъ имъ однако жъ на Малайскомъ языкѣ, который они нѣсколько разумѣли, что когда бросятъ якорь, то тотчасъ всѣмъ позволятъ итти на корабль и начнутъ мѣну. Какъ скоро кораносы объяснили это байдарамъ, то онѣ сейчасъ отдѣлились отъ корабря и спокойно, безъ крика и ропота провожали насъ, держась въ нѣкоторомъ разстояніи отъ *Океаніи*. Столь умѣренное и скромное поведеніе не только было приличнѣе поступковъ Меланезійцевъ, но далеко превосходило довольно шумныя обычаи самыхъ образованныхъ племенъ Полинезіи.

Мы бросили якорь въ Дорейской гавани, которая представляетъ совершенно закрытый бассейнъ, въ 200 или 300 тоазовъ въ поперечникѣ, защищенный отъ всѣхъ вѣтровъ со стороны открытаго моря. Когда якорь былъ положенъ, туземцамъ дозволили входъ на корабль, и 20 байдаръ пристали къ *Океаніи*. Палуба сдѣлалась настоящимъ базаромъ. Каждый раскладывалъ свои товары: одинъ предлагалъ кипу корки мисоя, тотъ корзину табаку, одинъ луки, стрѣлы, плетенки изъ банановыхъ листьевъ, испещренныхъ страннымъ образомъ, другіе бамбукъ съ драгоцѣнною райскою птичкою. Меньшее число привезли таро и особеннаго рода овощи, называемыя *абру*, сверхъ того нѣсколько рыбы и раковинъ. Торгъ былъ довольно удобенъ, пока дѣло шло о съѣстныхъ припасахъ, оружіи и тому подобныхъ предметахъ, хотя легко было замѣтить, что они весьма ловкіе торговцы; но когда приступили къ райскимъ птичкамъ, мѣна сдѣлалась затруднительнѣе. Владѣльцы презрительно качали головой при всѣхъ предложеніяхъ топоровъ, ножей, даже ткацей, и отвѣчали только словомъ: *Компанъ*! Долго не понимали мы, что означало это слово; наконецъ, когда одинъ изъ нихъ показалъ намъ серебряный браслетъ, который былъ у него на рукѣ, мы догадались, что *компанъ* значитъ серебро или деньги. Чтобы въ томъ убѣдиться, показали имъ піастры: увидѣвъ ихъ, они начали прыгать отъ радости и кричать *компанъ! компанъ*! За райскихъ птичекъ они желали имѣть піастры, и такъ имъ предложили ихъ; но трудно было поладить. За птичку посредственной доброты требовали 3 доллара, а за лучшихъ по 5 и по 6. Это ужасная цѣна! Пендлетонъ не хотѣлъ вовсе покупать ихъ. «Офицеры *Раковины* и *Астролябіи* набили намъ цѣны,» сказалъ онъ мнѣ. «Лѣтъ 15 назадъ можно было получить райскую птичку за большой ножъ, за гинею, или за нѣсколько фунтовъ сухарей, а нынѣ цѣны истинно сумасшедшія. Надобно умѣть отказать съ первой поры; къ концу торговцы сдѣлаются уступчивѣе.» Не смотря на этотъ совѣтъ капитана, я не могъ удержаться, чтобъ тутъ же не купить нѣсколько этихъ прекрасныхъ птичекъ, и случай доставилъ мнѣ даже весьма выгодную покупку. У меня было, между вещами для небольшой моей мѣны, нѣсколько фарфоровыхъ чашекъ, купленныхъ въ Кантонѣ, которыя мнѣ не удалось еще употребить съ пользою ни на одномъ изъ острововъ: я промѣнялъ ихъ за двѣ довольно хорошо сохранныя райскія птички, *манукоду* и *супербу*.

Вечеромъ я воспользовался поѣздкою нашей лодки на берегъ за водою, чтобы обозрѣть виды прибрежья. Мы высадились у прозрачнаго потока, текущаго по коралловому руслу. Въ немъ удобно можно добывать воду при отливѣ; но во время прилива, морская вода проникаетъ въ него и дѣлаетъ вкусъ ея солоноватымъ. Должно итти фарватеромъ самаго ручья, чтобы видѣть его, ибо берега покрыты густымъ и колючимъ кустарникомъ.

Вдоль береговъ находилось множество прекрасныхъ раковинъ, изъ породы, обыкновенно называемой *ушами Мидаса*, весьма уважаемой любителями конхилiологiи.

Молодой Рейнбоу, искусный стрѣлокъ, предложилъ мнѣ итти съ нимъ на другой день стрѣлять райскихъ птичекъ. Два, три молодые туземца, хорошо знавшiе мѣстность, должны были служить намъ проводниками. Мы отправились очень рано. Берегъ повсюду окруженъ густою опушкою, такъ, что мы бы безъ сомнѣнiя должны были изодрать платье о сучья, и потому мы прошли во внутренность лѣса фарватеромъ ручья. Шаговъ двѣсти или триста должно по поясъ итти водою; но далѣе едва только можно замочить ноги во время засухи. Гдѣ оканчивается приморская опушка, тамъ лѣсъ дѣлается свободнымъ, и въ немъ можно ходить во всѣ стороны. Онъ состоитъ изъ огромныхъ растенiй и нерѣдко представляетъ два яруса зелени; въ первомъ птерокарпусы, смоковницы, инокарпусы, родъ акацiи или мимозы, и другiя неизвѣстныя мнѣ растенiя возносятъ голые свои штамбы на сто и болѣе футовъ, и потомъ раскидываются высокими вершинами, увеличивающимися въ соразмѣрности; а во второмъ не столь высокiя деревья, какъ напримѣръ тектоны, гибискусы, гернандiи, арековыя пальмы, сачовыя деревья, корифы и пр. возвышаются иногда на 80 футовъ, и не смотря на то, составляютъ только второстепенный лѣсъ. Земля, до который сквозь этотъ двойный сводъ не можетъ проникнуть ни одинъ лучъ солнца, представляетъ кой гдѣ тощiе кустарники, и почти ни одного травянистаго растенiя, кромѣ однихъ, злаковъ и травъ весьма обыкновенныхъ подъ экваторомъ. Почва, состоящая изъ чернозема, чрезвычайно сыпкаго, во многихъ мѣстахъ такъ изрыта, что дѣлается очень затруднительною для путешественника. Этому причиною дикiя свиньи, многочисленныя въ здѣшнихъ лѣсахъ.

Мы застрѣлили множество разнаго рода птицъ: калао, отличающихся шумливымъ полетомъ, огромныхъ и прекрасныхъ голубей, никобаровъ, металлическаго цвѣта, прелестныхъ горлицъ, красивыхъ зимородковъ, какаду, попугаевъ, лорiй и разныхъ цвѣтовъ параклитокъ. Но райскiя птички, блистательные изумруды, умѣли избѣжать нашихъ выстрѣловъ. Намъ случалось иногда слышать пискливые и хриповатые ихъ крики *уакъ, уакъ уако*, или *куа, куа, куа*, которыми они зовутъ къ себѣ самокъ; но лишь только мы шли къ нимъ, они умолкали, или сидя на вершинѣ высокаго дерева, скрывались отъ глазъ. Мы стрѣляли по нихъ раза два или три, но не могли попасть; нѣкоторыхъ изъ нихъ мы видѣли довольно близко, когда онѣ перелетали черезъ ручей; полетъ ихъ быстръ, неровенъ, порывистъ и какъ бы волнистъ. Любопытно видѣть, какъ прекрасные оранжевые ихъ хвосты переливаются по зелени деревъ; въ быстротѣ ихъ полета можно только замѣтить ихъ пушистый и яркiй зобикъ. Сидя на деревѣ, райская птичка продолжаетъ свои живыя и отрывистыя движенiя; можно сказать, что она ни на минуту не бываетъ покойна; то трепещетъ крылушками, то подымаетъ свои перья, то отряхивается всѣми членами и повторяетъ свое монотонное пѣнiе *уакъ, уакъ, уако*. Самка, не столь богатая перьями, также повторяетъ этотъ однозвучный крикъ, но не столь явственно. Мы начинали думать, что самки гораздо обыкновеннѣе самцовъ, потому что видѣли ихъ гораздо болѣе; но естествоиспытатели *Астролябiи* доказали, что эта несоразмѣрность только наружная. Въ молодости самцы не имѣютъ своего богатаго украшенiя, такъ что на взглядъ ихъ легко можно смѣшать съ самками. Хвостъ увеличивается съ возрастомъ. Эти птички питаются плодами, и въ особенности текомъ и нѣкоторымъ родомъ смоквъ. Волнистый полетъ ихъ, кажется, происходитъ отъ расположенiя перьевъ, длинныхъ и отдѣльныхъ между собою. Изобилiе перьевъ заставляетъ ихъ всегда летать противъ вѣтра. Такое направленiе приглаживаетъ длинныя ихъ перья къ тѣлу, между тѣмъ какъ противоположный полетъ могъ бы ихъ взъерошить и затруднить движенiя. Вотъ почему при наступленiи бури эти птички не пускаются въ открытый воздухъ, но прячутся въ дуплахъ деревьевъ. Изумруды отважны и мстительны, они безъ пощады преслѣдуютъ своихъ враговъ. Не было примѣра, чтобы удалось сдѣлать ихъ домашними (Рис. XXXVII. ф. 2.)

Охота наша была не безъ приключенiй. Въ самой чащѣ лѣса, гдѣ мы не полагали встрѣтить никого, кромѣ животныхъ, вдругъ раздались человѣческiе голоса. Проводники остановились въ испугѣ. *Арфаки*, сказали они, подавая намъ знакъ, чтобы мы взвели курки ружей. Мы сдѣлались внимательнѣе и пошли

прямо на звуки. Наши проводники, казалось, удерживали дыханіе, боясь гибельной встрѣчи: но подойдя ближе, они вскрикнули радостно. Они узнали своихъ одноземцевъ, охотившихся также какъ и мы, только счастливѣе нашего, и занимавшихся приготовленіемъ своей добычи для завтрашней продажи знакомымъ покупателямъ на *Океаніи*. У нихъ было два кабана средней величины, и еще два очень маленькіе. Дикіе опаливали ихъ на огнѣ, разведенномъ изъ хвороста и сухихъ листьевъ. Я сталъ торговать у нихъ эту добычу, и они уступили ее мнѣ, хотя не совсѣмъ охотно, за нѣсколько піастровъ, съ доставкою на бортъ.

Слѣдующій за этою прогулкою день мы посвятили посѣщенію Папуйскихъ селеній, расположенныхъ по берегу. Два изъ нихъ были на сѣв. берегу гавани, и назывались Дорей и Куао; а третье на островкѣ Мана-Суари. Всѣ они одинаковаго вида. Это очень длинные сараи, сдѣланные изъ теса и грубо обдѣланныхъ жердей, поставленные на сваяхъ вышиною отъ 8 до 10 футовъ надъ поверхностію моря. Всѣ они построены такимъ образомъ, и нѣтъ ни одного на твердой землѣ (Рис. XXXVIII. ф. 1). Длинныя бревна съ глубокими насѣчками служатъ лѣстницами къ этимъ жилищамъ. Ночью и во время приближенія непріятелей ихъ втаскиваютъ во внутренность. Обыкновеніе Папуйцевъ непремѣнно имѣть жилища надъ водою, не было достаточно объяснено. Одни видѣли въ немъ религіозную мысль; другіе простое желаніе укрыться отъ насѣкомыхъ и наиболѣе отъ безпокойныхъ муравьевъ, которыхъ здѣсь великое множество; напослѣдокъ иные предполагали въ этомъ средство къ безопасности отъ нападеній.

Я взошелъ въ одну изъ этихъ казъ; то былъ настоящій дрожащій, трепещущій замокъ, свѣтившійся со всѣхъ сторонъ. Длинный и узкій корридоръ, устроенный по серединѣ, раздѣлялъ рядъ конуръ, изъ которыхъ въ каждой помѣщалось по семейству. Вся утварь въ нихъ состояла изъ двухъ или трехъ рогожъ, изъ одного глинянаго горшка, одной или двухъ фаянсовыхъ чашъ, да изъ мѣшковъ съ мукою изъ саго. Комнаты короновъ (старшинъ), которыхъ они называютъ также и *капитанами*, убраны лучше другихъ, и кромѣ того имѣли нѣсколько ящиковъ или корзинъ, сплетенныхъ изъ листьевъ банана или пандануса, въ которыхъ они сохраняютъ свои товары и богатства. Въ другой хижинѣ, которая, по видимому, служила нѣкотораго рода гаремомъ или гинекеемъ, я видѣлъ много женщинъ, собранныхъ въ одной комнатѣ и занимавшихся различными работами. Однѣ изъ нихъ плели рогожки, другія мяли глину и дѣлали изъ нея сосуды разной величины. Одна пѣла, а остальныя, казалось, съ удовольствіемъ слушали эту мелодію. У одного изъ бывшихъ съ нами моряковъ, былъ въ карманѣ флажолетъ. Онъ заигралъ на немъ. Невозможно описать, какое дѣйствіе произвела эта неожиданная гармонія. Всѣ женщины бросили работу и окружили музыканта. Потомъ онѣ начали снова пѣть свои пѣсни, которыя показались мнѣ согласнѣе и лучше Малайскихъ, вообще монотонныхъ. Мы предложили нѣсколько бездѣлокъ этимъ пѣвицамъ: сначала онѣ краснѣя отказались; потомъ принеся нѣсколько корзинокъ банановъ, промѣнялись съ нами на стеклянныя вещицы. Такимъ образомъ это была уже мѣна, а не даръ. Вмѣсто того, чтобы нести бананы на корабль, мы роздали ихъ маленькимъ дѣтямъ, наполнявшимъ домъ; они взяли ихъ скромно и учтиво, безъ жадности и нахальства, подымая всякой разъ на голову руку, въ знакъ благодарности. Воспитанные такимъ образомъ дѣти, безъ сомнѣнія, будутъ общежительны и благонравны. Во все время, пока мы были въ домѣ женщинъ, Папуйцы, казалось, очень безпокоились. Они знаками просили насъ выйти и были въ восторгѣ, когда мы исполнили ихъ желаніе.

Въ числѣ домовъ, вытянутыхъ вдоль берега, одинъ возбудилъ мое любопытство. Онъ состоялъ изъ одной комнаты, съ трехугольною кровлею; вмѣсто пола въ немъ было шесть толстыхъ поперечныхъ бревенъ, положенныхъ каждое на четыре прочныя сваи. Онѣ составляли нѣкоторый родъ колоннады въ четыре ряда, изъ коихъ каждый былъ въ шесть столбовъ. Всѣ столбы имѣли видъ людей, хотя очень грубо, если угодно, но такъ, что легко можно было узнать мысль. Всѣ они были совершенно нагіе, и половина внѣшняго ряда принадлежала мужскому полу, а другая, внутренняго ряда, была женскаго. На каждомъ была нѣкотораго рода чалма или шапка, которая служила капителью, такъ, что соединеніе ихъ съ верхними бревнами представляло видъ правильной архитектуры. Все что мы узнали отъ проводниковъ объ этомъ зданіи, заключалось въ томъ, что оно имѣло религіозное назначеніе. Впро-

чемъ не видно было ни одной жерди, съ надрѣзками, по которой бы можно было въ него взойти.

Почтеніе, отдаваемое мертвымъ, кажется, составляетъ существенную часть религіи туземцевъ. Они очень тщательно содержатъ гробницы и ставятъ на могилахъ приношенія и статуйки, страннаго вида. Нѣкоторыя изъ нихъ гробницъ имѣютъ сложныя и симметрическія формы (Рис. XXXVIII. ф. 2). Живя, такъ сказать, при дверяхъ Малезіи, Филиппинскихъ острововъ и Китая, Папуйцы должны были получить отъ этихъ странъ нѣкоторыя неопредѣленныя понятія объ Азіятскомъ искусствѣ и объ Европейской промышлености. Эти первоначальныя основанія уже проявляются у нихъ въ успѣхахъ архитектуры, торговли и строенія. Лодки ихъ совершенно отличны отъ Меланезійскихъ. Формою своею онѣ очень похожи на Молукскіе *коро-коро* (Рис. XXXIX. ф. 1). Одно изъ этихъ судовъ въ особенности поразило меня своею фигурою и пропорціями. Оно было гораздо совершеннѣе Малайскихъ и представляло нѣкоторое сходство съ нашими большими рыбачьими лодками. Проводники объявили намъ, что на этомъ суднѣ жители Дорен отсылаютъ черезъ каждые два года дань, состоящую изъ невольниковъ, черепахъ, птицъ, и корки миссоя, Тидорскому Султану, признаваемому ими повелителемъ ихъ земли.

Одинъ изъ молодыхъ проводниковъ наканунѣ нашего отъѣзда предложилъ намъ итти на поминки, которыя должны были отправляться ночью при свѣтѣ факеловъ. Пейдлетонъ пошелъ туда со мною. Обрядъ происходилъ на открытой площадкѣ одного дома. Собравшись вокругъ блюдъ, наполненныхъ жареною свининою, бананами, ямсомъ и таро, семейство умершаго выражало свою горесть пресыщаясь безъ пощады въ честь покойнаго. Фетишей, расположенныхъ около стола, носили кругомъ, и каждый изъ собесѣдниковъ говорилъ имъ рѣчь. Двадцать туземцевъ находились въ этомъ собраніи, которое продлилось очень поздно, заполночь. Было 9 часовъ, когда мы возвратились на бортъ. Такъ какъ домъ, въ которомъ мы были, находился на краю деревни, то намъ предложили переправиться черезъ мосты, по тамошнему обычаю. Мостъ состоитъ просто изъ бамбука, укрѣпленнаго отъ пола одного дома къ другому: путь, довольно схожій съ натянутымъ канатомъ акробатовъ. Наши Папуйцы шли по нимъ какъ по широкому шоссе. Мы же, не искусные вовсе въ эквилибристикѣ, не иначе рѣшились отправиться въ эту дорогу, какъ сѣвъ верхомъ на мостъ, чтобы безпрепятственно достигнуть отъ одного дома до другаго (Рис. XXXIX. ф. 2).

Въ послѣдній день нашего пребыванія на берегу, я старался уговорить одного изъ моихъ проводниковъ сопутствовать мнѣ къ Арфакійцамъ; но всѣ убѣжденія остались тщетны. Папуйцы, когда имъ говорятъ объ этомъ, качаютъ головою и твердятъ, что «это дурачество; что отправляться къ этимъ людямъ, значитъ подвергаться опасности быть зарѣзаннымъ.» Это отвращеніе, впрочемъ, по видимому, имѣло другую причину, которую они не обнаруживали. Мы увидимъ, какія подозрѣнія имѣли на этотъ счетъ Форрестъ и капитанъ Дюрвиль. Принужденный отказаться отъ этого намѣренія, я отправился еще разъ прогуляться по прибрежью. Тамъ видѣлъ прекрасныя плантаціи, по большей части состоящія изъ овощей.

Между вновь распаханныхъ земель, косгдѣ оставались большія деревья, на которыхъ порхали изумруды съ блестящими хвостами. Возвращаясь въ селеніе, я услышалъ удары молота, какъ будто въ слесарнѣ или кузницѣ; подойдя, я въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ кузницу,—кузницу Папуйскую, устроенную на открытомъ воздухѣ и придуманную умно и живописно. Туземцы передѣлывали тамъ въ браслеты полученные отъ насъ піастры. Кузница состояла изъ поддувала; камень служилъ наковальнею. Поддувало, самой простой формы, было устроено изъ двухъ цилиндрическихъ толстыхъ бамбуковыхъ камышей, вертикально расположенныхъ одинъ подлѣ другаго, какъ двѣ большія насосныя трубы; тростники, горизонтально прикрѣпленныя къ этимъ двумъ камышамъ, и соединяющіеся у оконечности въ одинъ каналъ, даютъ истокъ воздуху, попеременно всасываемому въ каждую трубу, посредствомъ двухъ поршней, которыми дѣйствуетъ человѣкъ, сидящій на пнѣ, вышиною равняющемся цилиндрамъ (Рис. XL. ф. 1.). Наковальня изъ гранита. Такъ какъ средства растапливать и лить серебро имъ не извѣстны, то они довольствуются тѣмъ, что размягчаютъ его въ огнѣ и потомъ сообщаютъ ему произвольную форму посредствомъ молота. Такимъ образомъ у нихъ теряется много металла, и нужно большое количество піастровъ,

чтобы сдѣлать одну браслету. Нѣкоторые изъ нихъ носятъ по три и по четыре браслета на каждой рукѣ, сдѣланные изъ піастровъ, полученныхъ ими въ мѣнѣ съ Бугійцами, Китайцами и Европейцами.

Никогда мы не видѣли въ нихъ столь сильнаго желанія имѣть піастры, какъ въ день нашего отъѣзда. Мы поднимали якорь 7 Августа по утру, толпа Папуйцевъ окружила насъ, предлагая, съ уступкою, своихъ райскихъ птичекъ. Двѣ большія байдары прибыли даже изъ Эмбарбакена, деревни, находящейся на зап. отъ Дореи, гдѣ изумруды весьма обыкновенны. Можно полагать навѣрное, что въ одно это утро было продано сто райскихъ птичекъ. Правда, ни одна изъ нихъ не была хорошо сохранена. Однѣ были полуисточены насѣкомыми, а блескъ другихъ былъ совершенно затемненъ разными предохранительными средствами. Туземцы имѣютъ обыкновеніе, для лучшаго сохраненія этихъ животныхъ, отрѣзывать у нихъ ноги, что заставило нѣкоторыхъ путешественниковъ полагать, что онѣ вовсе безъ нихъ родятся! Безъ сомнѣнія это заблужденіе заставило самаго Линнея дать маленькому изумруду имя *Paradisæa apoda*.

Выйдя изъ Дорейской гавани, *Океанія* обогнула мысъ Маmори, выдавшуюся часть полуострова, и при весьма слабомъ вѣтрѣ, между перемежающейся тиши и удушливаго жара, приняла направленіе къ З. Одно или почти только одно теченіе дозволяло намъ подвигаться впередъ. Благодаря этому, мы могли обойти мысъ *Goede-Hoop* (Доброй Надежды) Новой Гвинеи, отличающійся горою, которая возвышается надъ утесомъ, имѣющимъ вырѣзку въ видѣ полумѣсяца. Этотъ утесъ Г. Дюрвиль назвалъ горою *Diceras*. Все пространство береговъ до весьма значительной высоты покрыто деревьями; но судя по небольшому количеству подымавшихся оттуда дымовъ и по рѣдкости обработанныхъ земель можно было заключать, что оно мало населено.

Еще высоки были на горизонтѣ горы Новой Гвинеи, когда взорамъ нашимъ представились земли Вежіу. *Океанія* медленно, въ теченіе двухъ дней, 12 и 13 Августа, шла вдоль береговъ этого большаго острова. Тамъ были мѣста, описанныя капитанами Фрейсине и Дюперре, рощи Равака и Фофагана. И эта то земля должна была ускользнуть отъ нашего любопытства: мы не могли видѣть ее иначе, какъ находясь подъ парусами. Пендлетонъ имѣлъ намѣреніе, до возвращенія своего въ Яву, посѣтить нѣкоторые изъ острововъ Молуккскихъ. Послѣдніе мѣсяцы S. мусона наступили; надобно было ими пользоваться. И такъ *Океанія* потеряла изъ виду Вежіу и на всѣхъ парусахъ направилась къ Молуккамъ.

Оставленныя нами земли суть послѣднія, изъ принадлежащихъ собственно называемой Меланезіи. Онѣ сходятся съ Малаизіею или Малезіею и во многихъ этнологическихъ отношеніяхъ заимствовали у нея нѣкоторыя черты. Папуйцы составляютъ какъ бы промежуточную породу, поселенную на этой границѣ, ведущую къ племенамъ болѣе или менѣе дикимъ, оканчивающимся на островахъ Вити.

Новая Гвинея, земля Папуйцевъ или Папусовъ, открыта, какъ полагаютъ, около 1511 года Португальцами: Антоніемъ Абреу и Франсискомъ Серрано. Около 1526 года Донъ-Хозе-де-Менезесъ, въ переѣздъ отъ Малакки къ Молуккамъ, былъ въ свою очередь отнесенъ вѣтромъ и теченіемъ весьма далеко къ в. отъ Борнео.

Направляясь къ ю., онъ достигъ подъ экваторомъ пристани на островѣ Папуйцевъ, называемой Верзія, гдѣ пробылъ нѣсколько времени въ ожиданіи благопріятнаго мусона. Объ этомъ мѣстѣ извѣстно только то, что оно находилось подъ экваторомъ въ двухъ стахъ лигахъ отъ Молуккъ и было населено курчавыми людьми. Пунктъ этотъ безъ сомнѣнія былъ недалеко отъ Дореи.

Два года спустя, въ 1528, Испанскій Генералъ Алваръ де Саавѣдра также наткнулся на землю Папуйцевъ; онъ даже прожилъ два мѣсяца между этими людьми въ двухъ стахъ пятидесяти лигахъ отъ Молуккъ. Жители были черные съ короткими и курчавыми волосами, ходили нагіе; но не менѣе того имѣли у себя разныя желѣзныя орудія. Сообразно съ духомъ времени, эти острова были названы *Islas de Oro*: Испанцы вездѣ и во всемъ видѣли золото. На сто лигъ далѣе жители напали на корабль и потеряли троихъ плѣнныхъ.—Саавѣдра послѣ неудачнаго своего переѣзда возвратился въ Молукки; потомъ чрезъ годъ послѣ того (1529) отправился тѣмъ же путемъ и шелъ около береговъ Папуйцевъ до самаго того мѣста, гдѣ прежде захватилъ въ плѣнъ троихъ дикихъ. При видѣ земли, двое изъ нихъ бросились

въ воду и вплавь достигли берега; третій, сдѣлавшись Христіаниномъ, также отправился туда съ согласія Испанцевъ, но въ намѣреніи обратить въ Христіанство своихъ единоземцевъ. Два первые бѣглеца убили своего товарища, не давъ ему достигнуть берега. Сааведра, по видимому, обошелъ эти берега на протяженіе пяти сотъ лигъ и потомъ принялъ курсъ къ N. O.

Въ 1537 году суда Грихальвы посѣтили близъ экватора два острова, называемые *Менсу* и *Буфу*, населенные Папуйцами. «Жители,» сказано въ донесеніи, «черны и курчавы; ѣдятъ человѣческое мясо, большіе мошенники и предаются такимъ злодѣйствамъ, что сами черти могутъ считаться ихъ товарищами.» Въ донесеніи упоминается объ одной птицѣ, величиною съ журавля, которая не можетъ летать, но бѣгаетъ съ чрезвычайною скоростію, и перья которой употребляются жителями для украшенія головы ихъ кумировъ. Въ 1545 году Иниго-Ортизъ-де-Гатезъ, также, кажется, посѣщалъ большую часть сѣвернаго берега земли Папуйцевъ, и останавливаясь на различныхъ пунктахъ, описалъ многіе новые острова. Въ этой то экспедиціи Испанцы назвали ее *Новой Гвинеею*, по причинѣ сходства, замѣченнаго ими между туземцами и жителями Гвинеи.

И такъ около этого времени уже, какъ мы видимъ изъ неполныхъ и сбивчивыхъ описаній, земля Папуйцевъ была неоднократно изслѣдываема. Изданное Николаемъ Стрёйкомъ въ 1753 году, грубое описаніе сѣвернаго берега Новой Гвинеи еще болѣе доказываетъ справедливость сего положенія; въ этомъ описаніи встрѣчается для наименованія разныхъ мѣстъ пропасть Португальскихъ названій, теперь трудно согласующихся съ новѣйшими изслѣдованіями капитана Дюрвиля.

Впрочемъ достовѣрно, что Голландецъ Шутенъ первый привелъ въ ясность свѣдѣнія, пріобрѣтенныя объ этой землѣ. Онъ присталъ къ ней 7 Іюля 1616 года, у острова Вулкана, который въ то время былъ еще настоящимъ вулканомъ. Островитяне окружили корабль на пяти или шести байдарахъ, но никто не понималъ ихъ языка, даже и Меланезіецъ Моисей, взятый за нѣсколько дней предъ тѣмъ въ Новой Ирландіи.

9-го Іюля, пройдя острова, получившіе имя *Шутена*, Голландскій мореходецъ сталъ на якорь въ виду острова, тождественнаго съ тѣмъ, который въ послѣдствіи былъ названъ *островомъ Дюрвиля*. По словамъ донесенія, жители имѣли короткіе, курчавые волоса, носили въ ноздряхъ и ушахъ кольца, перья на головѣ и на рукахъ, обручи изъ свиныхъ зубовъ на носу, и большое украшеніе на груди. Они употребляли бетель и были подвержены различнымъ болѣзнямъ и безобразію. Жилища ихъ возвышались на восемь и на десять футовъ отъ земли. Двѣ деревни были видны на берегу. Отъ нихъ тотчасъ отправились нѣсколько байдаръ къ кораблю; но производить мѣну съ ними было весьма трудно. Они привезли съ собою только нѣсколько кокосовыхъ орѣховъ, которые цѣнили чрезвычайно дорого, требуя за каждые четыре плода по аршину ткани. Что касается до свиней, то они вовсе не соглашались ихъ уступить.

Шутенъ впродолженіе нѣсколькихъ дней плавалъ вдоль берега, не зная навѣрное самъ гдѣ находился. 15 онъ бросилъ якорь близъ двухъ острововъ, изобилующихъ кокосовыми деревьями и отдѣленныхъ отъ большой земли каналомъ на пространствѣ одной мили. Но лишь только онъ отправилъ на берегъ лодки, какъ туземцы, спрятавшись въ лѣсъ, пустили въ нихъ оттуда тучу стрѣлъ. Имъ отвѣчали выстрѣлами изъ фальконетовъ; но число дикихъ такъ увеличилось, что должно было возвратиться на корабль. Послѣ этого острова, Шутенъ встрѣтилъ два другіе, отстоящіе на пять или на шесть миль отъ берега и называемые *Аримоа*. Не довольствуясь собранными тамъ кокосами, Голландцы сожгли еще нѣсколько жилищъ. Туземцы пришли въ величайшую ярость и испускали вопли бѣшенства; но не смѣли напасть на корабли, боясь пушекъ, которыя рикошетными выстрѣлами посылали ядра на берегъ. Вечеромъ миръ былъ заключенъ и запечатлѣнъ нѣсколькими кокосовыми орѣхами. Дѣло было кончено полюбовно и произведена значительная мѣна. Голландцы получили столько плодовъ и живности, сколько хотѣли, взамѣнъ за стеклянныя бусы, старые гвозди и ржавые ножи. Впрочемъ дикари, казалось, имѣли довольно частыя сношенія съ Европейцами. Безъ сомнѣнія, они вели войну съ сосѣдними племенами, потому что при видѣ приближающихся отъ В. байдаръ, просили стрѣлять по нимъ.

21-го показались другіе острова, вѣроят-

но острова Измѣнниковъ; жители ихъ пріѣхали торговать на большихъ прояхъ, наполненныхъ сушеною рыбою, кокосами, бананами и табакомъ. Они приблизились съ тихимъ и робкимъ видомъ, поливая себѣ голову водою въ знакъ дружбы. Нарѣчіе ихъ было отлично отъ языка острововъ Аримоа. Оловяныя кольца висѣли въ хрящѣ между ноздрей, а на рукахъ были перламутровыя браслеты. Кромѣ того, пріѣхала еще байдара отъ другаго острова и привезла съ собою припасы и Китайскій фарфоръ. Пріѣхавшіе на ней туземцы были выше и чернѣе прежнихъ. Имъ очень правились стеклянныя вещи и желѣзо. Въ ушахъ у нихъ были подвѣски изъ синяго стекла разныхъ тѣней. Оставивъ этотъ островъ, Шутенъ прошелъ еще вдоль другаго, очень высокаго, западную часть котораго онъ назвалъ: *Goede-Hoop*, имя сообщенное впослѣдствіи Дэмпиромъ пункту болѣе западному. Послѣ этой удачной кампаніи, Шутенъ возвратился къ Молуккамъ.

Въ 1622 году Роггевенсъ также посѣтилъ нѣкоторыя мѣста Новой Гвинеи. Онъ приставалъ къ Аримойскимъ островамъ, гдѣ двѣсти байдаръ доставили ему провизію; прошелъ близъ группы названной имъ *Тысячью острововъ* (безъ сомнѣнія острова Измѣнниковъ), жители коихъ, по словамъ его путеваго журнала, имѣли головы, покрытыя густою и курчавою шерстью, а въ хрящѣ между ноздрей носили кусочки дерева. Они назывались Папуйцами.

Въ 1643 году Голландецъ Абель Тасманъ посѣтилъ островъ Вулкана и его огнедышущую вершину; имѣлъ сношеніе съ жителями острова Жамы, отъ которыхъ вымѣнялъ провизію; видѣлъ на в. островъ Моа, гдѣ пріобрѣлъ шесть тысячъ кокосовыхъ орѣховъ и сто тюковъ пизанги. Въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ одинъ изъ жителей ранилъ стрѣлою матроса, но виновный тотчасъ былъ выданъ Голландцамъ; впрочемъ всѣ сношенія его были совершенно миролюбны.

Послѣ Тасмана Новая Гвинея въ теченіе 60 лѣтъ была совершенно оставлена.

Англичанинъ Дэмпиръ въ Январѣ 1700 года первый извлекъ ее изъ забвенія. Онъ посѣтилъ самую западную часть берега, открылъ небольшой островъ Пуду-Сабуда передъ Мэклюэрскимъ заливомъ, потомъ плавалъ на большое разстояніе вдоль сѣвернаго берега. Сверхъ того, посѣщалъ островъ Шутена и открылъ островокъ Провидѣнія. Возвращаясь, онъ открылъ путь черезъ проливъ, носящій его имя, опредѣлилъ раздѣленіе двухъ большихъ острововъ, описалъ небольшую огнедышущую землю въ фарватерѣ, другіе острова названные имъ Рукомъ (Rook), Короною и Ричемъ (Rich), и волканъ Горящаго острова (Brulante); напослѣдокъ посѣтилъ острова Шутена, между коими замѣтилъ байдары съ парусами. Послѣ чего направился къ з., прошелъ на высоту Мизори и Провидѣнія, и наконецъ оставилъ воды Новой Гвинеи.

Въ 1705, небольшой Голландскій корабль *Geelwink* подробно изслѣдовалъ большой заливъ, получившій его имя; но по причинѣ ли систематической тайны, или по недостатку наблюденій, отъ этой поѣздки не осталось ни одного точнаго документа. Флерье даже помѣстилъ посѣщенный ими заливъ слишкомъ на двѣсти лигъ къ востоку отъ настоящаго его мѣста. Въ томъ же году Англичанинъ Фуннель видѣлъ нѣкоторыя части W. N. берега Новой Гвинеи; но не замѣтилъ въ жителяхъ ни малѣйшаго желанія посѣтить корабль.

Шестьдесятъ лѣтъ прошло съ того времени, когда наконецъ, въ 1768, Бугенвиль приблизился къ землямъ Новой Гвинеи, около того мѣста, гдѣ капитанъ Дюрвиль помѣщаетъ заливъ Гумбольдта, и прошелъ вдоль береговъ ея значительное пространство. Въ 1770, Кукъ посѣтилъ въ свою очередь южный берегъ, у котораго приставалъ около мыса Вальша. Онъ пытался даже выйти на берегъ, чтобы запастись провизіею; но туземцы привѣтствовали Англичанъ изъ засады стрѣлами, сверхъ того, многіе изъ нихъ стрѣляли изъ ружей, сдѣланныхъ изъ пустаго камыша, о свойствѣ и употребленіи которыхъ никто не могъ подозрѣвать; въ нѣкоторомъ разстояніи выстрѣлы совершенно походили на ружейные, за исключеніемъ звука. По наблюденіямъ Кука, островитяне имѣли сходство съ жителями Новой Голландіи; они показались ему только не столь темнаго цвѣта. Англійскій мореходецъ первый сообщилъ нѣкоторыя точныя подробности о южной части Новой Гвинеи, хотя, по его мнѣнію, она была еще въ прежніе вѣки посѣщаема Испанцами, Голландцами и Португальцами, которые молчали о своемъ открытіи.

Въ 1774, капитанъ Форрестъ на Малайскомъ коро-коро пріѣзжалъ изъ Молуккъ въ

западную часть Новой Гвинеи за мускатнымъ деревомъ. Онъ входилъ въ Дорейскую гавань и первый собралъ достовѣрныя свѣдѣнія о землѣ Папуйцевъ. Въ 1790 и 1791, Маклюеръ, кажется, привелъ въ исполненіе важные труды относительно западной части этой земли. Достовѣрно, что онъ открылъ глубокій каналъ, который почти совершенно отдѣляетъ з. часть этого большаго острова. Это открытіе, впрочемъ мало извѣстное, кажется, подверглось упрекамъ въ большихъ неточностяхъ. Въ 1792, д'Антркасто посѣщалъ берега Новой Гвинеи въ S. O. части, почти на 40 лигъ въ окрестностяхъ залива Гюона, и почти на столько же около мыса *Goede-Hoop*; но не имѣлъ ни какихъ сношеній съ туземцами.

Въ 1823 капитанъ Дюперре довольствовался съемкою острововъ Шутена; онъ замѣтилъ въ 15 или 20 лигахъ нѣкоторыя вершины горъ большой земли; въ слѣдующемъ году, онъ простоялъ 13 дней въ Дорейской гавани и снялъ берегъ на протяженіи 20 или 30 лигъ отъ гавани къ W. Въ продолженіе этой стоянки изысканія и труды натуралистовъ сообщили наукѣ много свѣдѣній о произведеніяхъ края. Реляція этого путешествія еще не издана; но у насъ въ рукахъ находится журналъ Г. Дюрвиля, служившаго лейтенантомъ при экспедиціи; мы почерпаемъ нѣкоторыя подробности. Дѣло идетъ о стоянкѣ въ Дореѣ и поѣздкѣ въ окрестности гавани.

«Сдѣланные мною нѣкоторымъ жителямъ вопросы на Малайскомъ языкѣ, заставили подозрѣвать, что они большую часть своихъ растительныхъ произведеній, какъ-то, спиртовыя жидкости, табакъ, таро, и т. п., получали отъ Гарфуровъ; въ этомъ мнѣніи убѣждало меня и описаніе Форреста. Ему ни какимъ образомъ не удалось имѣть ни малѣйшаго сношенія съ этими людьми; Папуйцы не соглашались и, казалось, были очень недовольны желаніемъ его къ нимъ пробраться.

«Также поступали они и со мною, всячески стараясь отклонить меня отъ намѣренія посѣтить Гарфуровъ. Эта мысль имъ чрезвычайно не нравилась. Одни не хотѣли меня слушать; другіе представляли, будто меня не понимаютъ, а самые учтивые употребляли все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить меня оставить эту мысль. Наконецъ приманка *компана* (піастра) и хорошаго ножа заставили одного молодаго Папуйца, очень умной наружности, рѣшиться проводить меня къ Гарфурамъ. Незнаю, сообщилъ ли онъ объ этой сдѣлкѣ кому нибудь изъ своихъ, или самъ вдругъ перемѣнилъ намѣреніе, но едва сѣли мы въ лодку, робость овладѣла имъ, онъ старался всѣми средствами найти этому извиненіе, говорилъ, что голоденъ, что ему очень хочется пить, и наконецъ что ему тошно.

«Когда мы вышли на берегъ, близъ жилищъ, робость его удвоилась; онъ вооружился лукомъ и стрѣлами, увѣряя, что Арфакійцы люди весьма злые, и что они непремѣнно убьютъ насъ, если мы не возьмемъ съ собою ружей. Я не согласился однако жъ взять ихъ, чтобы не возбудить опасеній въ новыхъ знакомцахъ, къ которымъ мы отправлялись, и запасся только маленькою лопаткою для вырыванія растеній. Со мною былъ одинъ человѣкъ, также безъ оружія; онъ несъ ботаническій ящикъ.

«Не слушая моего проводника, я пустился по первой тропинкѣ, которую увидѣлъ, и которая, казалось, вела во внутренность острова. По странному случаю, я узналъ въ послѣдствіи, что изъ множества дорожекъ это была одна только, которая должна была привести меня къ моей цѣли; ибо судя по расположенію моего проводника, весьма вѣроятно, что онъ не вывелъ бы меня на настоящую дорогу, если бъ я заблудился. Мы прошли довольно узкую полосу, покрытую порослью очень пріятнаго вида, между которой кое-гдѣ возвышались большія деревья. Туземецъ не переставалъ охать и употреблять всѣ усилія, чтобы убѣдить меня возвратиться, или по крайней мѣрѣ, итти по окружнымъ тропинкамъ. Соскучась его стенаніями, я рѣшительно объявилъ ему, что не имѣю въ немъ надобности, и что безъ него могу итти къ Гарфурамъ. Тогда онъ рѣшился мнѣ сопутствовать, и вздыхая, пошелъ впереди, желая безъ сомнѣнія пріобрѣсти обѣщанную ему награду.

«Пройдя около четверти часа, и поворачивая отъ прибрежной полосы къ холму, возвышавшемуся надъ нею, я увидѣлъ большое, огороженное мѣсто, наполненное внутри бананами и таро, очень зелеными и густыми, но худо содержанными; все это обнесено было плотнымъ частоколомъ. Въ то время, какъ я остановился, чтобы взглянуть, что это такое, мой дикарь подошелъ ко мнѣ и грубо сказалъ, что тутъ скрыты Арфакій-

скія женщины, и что если я не хочу быть зарѣзаннымъ, то не долженъ туда входить. Я не вѣрилъ его угрозамъ; но взглянувъ во кругъ себя, замѣтилъ на отлогомъ холмѣ, господствовавшемъ надъ долиною, большое зданіе, поставленное на высокихъ сваяхъ и имѣвшее видъ укрѣпленія. Пока я разсматривалъ странную наружность этого строенія, Папуецъ началъ кричать; ему отвѣчали и я разслушалъ въ этомъ крикѣ женскіе голоса.»

«Папуецъ снова убѣждалъ меня возвратиться; но я начиналъ отгадывать истинную цѣль его продѣлокъ. Было совершенно не правдоподобно, чтобъ эти люди, съ которыми онъ такъ спокойно перекликался, были тѣ ужасные Арфакійцы, чьей встрѣчи онъ столь опасался. Все доказывало, напротивъ, что это было мѣсто, куда сокрылись Папуйскія женщины съ своими дѣтьми, чтобы не показываться Французамъ. Наканунѣ, посѣщая съ Дюперре селеніе, я удивлялся, найдя большую часть жилищъ пустыми: въ нихъ не было ни одной женщины. Туземцы, при появленіи новаго судна, съ незнакомымъ для нихъ флагомъ, вѣроятно сомнѣвались въ намѣреніяхъ чужестранцевъ и полагали безопаснѣйшимъ удалить отъ взоровъ пришельцевъ женъ и дѣтей своихъ, опасаясь, чтобы ихъ не похитили. Случай привелъ меня въ мѣсто ихъ убѣжища, вотъ причина опасеній, безпокойства и увертокъ моего Папуйца.

«Я объяснилъ, какъ умѣлъ, проводнику, что нисколько не желаю видѣть запертыхъ здѣсь женщинъ; но что непремѣнно хочу посѣтить Гарфуровъ. Хотя не въ этомъ состояло его желаніе, но онъ нѣсколько успокоился, и мы стали взбираться на берегъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ довольно крутъ и текущіе по граниту ручьи дѣлаютъ дорогу очень скользкою. Иногда она пересѣкается оврагами и разсѣлинами, черезъ которыя переброшены бревна, вмѣсто мостовъ. Когда мы начали подыматься, человѣкъ пятнадцать дикихъ, вооруженные широкими ножами, луками и стрѣлами, появились передъ нами; впрочемъ они не дѣлали угрозъ, и не показывали враждебныхъ намѣреній. Я посмотрѣлъ на Папуйца; онъ, казалось, былъ затрудненъ, но нисколько не испуганъ. Изъ этого я заключилъ, что не было ни какой опасности. Я подошелъ къ нимъ, предложилъ нѣкоторые подарки и старался внушить имъ, что не имѣю ни какихъ видовъ на ихъ женъ. Дикіе слушали и смотрѣли съ удивленіемъ. Видно было, что они не понимали моихъ словъ; однако жъ спокойно посторонились и дали мнѣ дорогу. Одинъ изъ нихъ, взамѣнъ моихъ подарковъ, предложилъ мнѣ райскую птичку, изъ породы *превосходныхъ* (сюпербъ), довольно хорошо сохраненную, и сверхъ того живаго, молодаго кангару. Я принялъ птичку и отправилъ кангару на бортъ.

«Въ продолженіе нашего пути, Папуецъ казалось, немного ободрился, разговаривалъ о встрѣченныхъ нами дикихъ, говорилъ, что они не Папуйцы такіе, какъ онъ, а скоты, животные, которые не умѣютъ говорить и не понимаютъ *Малайо*. Всѣ выраженія его о нихъ отзывались глубокимъ презрѣніемъ. Наконецъ я очутился передъ обширнымъ дворомъ, окружавшимъ жилище, на вершинѣ холма. Я шелъ туда безъ всякаго препятствія и сказалъ двумъ или тремъ дикимъ, что желалъ бы посѣтить внутренность дома. Они согласились, по видимому, довольно охотно, и ввели меня туда. Наклоненное, толстое бревно, съ глубокими зарубками, служило лѣстницею; зданіе представляло огромный сарай, около ста футовъ длины, вышиною футовъ въ 20, очень сложно выстроенное изъ дерева. Внутренность состояла изъ корридора, во всю длину, съ небольшими комнатами по сторонамъ. По концамъ были площадки. Словомъ, расположеніе этого строенія совершенно одинаково съ домами, выстроенными Папуйцами у самаго берега. Женщины и дѣти были удалены; новые хозяева мои подавали мнѣ хлѣбъ, саго, таро и др. кушанья; они учтивѣе, или по крайней мѣрѣ гостепріимнѣе Папуйцевъ, которые никогда мнѣ этого не предлагали. Когда я вышелъ изъ дома, проводникъ мой и нѣсколько присоединившихся къ нему товарищей, снова пытались уговорить меня возвратиться. Но я продолжалъ итти по пробитой дорожкѣ; мы видѣли прекрасный источникъ прѣсной воды; потомъ взобрались на другой холмъ. На вершинѣ его я увидѣлъ еще одно жилище, похожее на первое, и также огороженное. Не смотря на предостереженія моихъ спутниковъ, я подошелъ къ самой загородкѣ, но не входилъ внутрь. Подъ строеніемъ паслись небольшія свиньи, совершенно желто-рыжаго цвѣта: ихъ формы были гораздо легче и красивѣе, а хвостъ

длиннѣе, нежели у Европейскихъ. Я замѣтилъ также нѣсколько курицъ. Это второе жилище находится на сто двадцать тоазовъ отъ уровня моря и на полмили отъ берега.

«Дикари мои и особенно проводникъ болѣе еще чѣмъ прежде убѣждали меня возвратиться. Я рѣшительно объявилъ имъ, что непремѣнно хочу видѣться и говорить съ Арфакійцами. Папуйцы сначала, казалось, были въ большомъ затрудненіи; потомъ проводникъ мой объявилъ мнѣ, что оба видѣнныя нами жилища принадлежали Арфакійцамъ, а тѣ, которыя находились на берегу моря, были Папуйскія; онъ все это объяснилъ мнѣ такимъ образомъ, что я долженъ былъ повѣрить справедливости его словъ. Обитатели этихъ жилищъ тѣлодвиженіями старались подтвердить справедливость его расказа. Но я, не смотря на то, объявилъ имъ, что хочу непремѣнно видѣть Гарфуровъ; тогда всѣ они начали увѣрять меня, что ихъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ. Я остался въ совершенной неизвѣстности: относится ли выраженіе Гарфуръ къ Арфакійцамъ или къ жителямъ горъ? Извѣстно ли оно въ Дореѣ, или должно означать племена, поселенныя далѣе во внутренности? Нужно было знать лучше языкъ этихъ народовъ, чтобы разрѣшить подобные вопросы.

«Я продолжалъ путь еще на одну или на двѣ мили, но не встрѣчалъ ничего кромѣ мрачныхъ и величественныхъ лѣсовъ; въ нихъ кое-гдѣ видѣлись поляны; пространства, гдѣ лѣсъ былъ частію выжженъ, частію вырубленъ, по видимому, были приготовлены для плантацій. Впрочемъ я не нашелъ ни какого слѣда жилищъ. Наконецъ время начало становиться пасмурнымъ; дикари не переставали надоѣдать мнѣ совѣтами возвратиться; я думалъ, что если выведу ихъ наконецъ изъ терпѣнія, то весьма легко нѣсколько стрѣлъ могутъ быть пущены въ меня, такъ, что я и не догадаюсь даже откуда, а на кораблѣ и не узнаютъ, гдѣ я остался, и потому рѣшился возвратиться, пріобрѣтя довольно хорошій запасъ растеній и насѣкомыхъ. Въ особенности породы жесткокрылыхъ (coleoptera) представили мнѣ между плантаціями, около жилищъ, множество новыхъ видовъ, которыхъ напрасно бы сталъ искать я въ лѣсахъ, находящихся у гавани. Въ 2 часа я былъ уже дома.

«Проводникъ, продолжалъ итти со мною до береговаго селенія; я сдѣлалъ ему выговоръ за его безпрерывные обманы и за неохотность, показанную имъ во время моей прогулки. Бѣднякъ, казалось, былъ тронутъ моими упреками и столь смущенъ, что мнѣ наконецъ стало его жаль. Онъ, безъ сомнѣнія, въ поступкахъ со мною слѣдовалъ приказаніямъ своего начальника. Я далъ ему ножикъ, ожерелье и зеркало, которые тѣмъ болѣе его обрадовали, что онъ потерялъ уже всю надежду получить награду.»

Не смотря на всѣ эти послѣдовательныя посѣщенія, Новая Гвинея, восемь лѣтъ тому назадъ, была еще очень несовершенно извѣстна. Не знали фигуру ея земли, изгибы береговъ и положеніе широкихъ заливовъ и губъ, ее окружающихъ. *Астролябія* должна была исполнить этотъ важный географическій трудъ, хотя потери, понесенныя ею въ Тонга-табу, дѣлали для нея эту операцію чрезвычайно затруднительною; корветъ, пройдя 2 Августа 1827 года проливъ Дэмпира, началъ подробную съемку всего берега и продолжалъ ее съ строжайшею точностію на протяженіи 350 лигъ.

Такимъ образомъ *Астролябія* посѣтила въ проливѣ островъ Вулкана и нашла кратеръ его потухшимъ; острова Рукъ (*Rook*), Топпинье, Лоттень, Длинный, Корону и Ричь (*Rich*), дотолѣ едва назначенные; опредѣлила направленіе огромной цѣпи горъ Финистере; первая описала заливъ *Астролябіи*; посѣтила еще разъ острова Дэмпира и Вулкана, обозрѣла всѣ острова Шутена, сдѣлала съемку другихъ неизвѣстныхъ острововъ близъ берега, открыла губу Гумбольдта, по краямъ которой возвышаются огромныя вершины горъ Бугенвиля и Циклоповъ. Еслибъ *Астролябія* предъ тѣмъ не лишилась якорей своихъ, отъ чего стоянки были для нея трудными и опасными, то она сдѣлала бы повѣрку внутреннему положенію этой важной губы.

Астролябія, находясь около десяти лигъ къ О. отъ пристани, была отнесена тишью и теченіемъ къ берегу. Жители тотчасъ явились на байдарахъ и показывали видъ, что хотятъ на нее напасть; но выстрѣлы изъ ружья и изъ пушки избавили Французовъ отъ этихъ посѣтителей. Это былъ единственный эпизодъ въ этомъ родѣ. Капитанъ Дюрвиль продолжалъ путь, прошелъ между островами Аримоа и землею, миновалъ полосу безцвѣтныхъ водъ къ сѣверу отъ мыса, получившаго его имя, и полагалъ, что

на этой высотѣ какая-нибудь большая рѣка должна впадать въ море. Вступилъ потомъ въ каналъ Іовія, до него не посѣщенный, начертилъ фигуру острововъ Іовія, Мизори, Бюльтига и Длиннаго, а 25 отправился стоять въ Дорейскую гавань, гдѣ провелъ 10 дней.

Едва успѣлъ корветъ бросить якорь, какъ былъ окруженъ байдарами, прибывшими для торговли. Предшественники *Раковины* умѣли поселить такую довѣренность, что самыя женщины уже не думали оставлять свои жилища. Прибытіе Французовъ нисколько не измѣнило образа жизни туземцевъ, а только усугубило торговую дѣятельность. Выйдя на берегъ, Г. Дюрвиль вознамѣрился возобновить начатыя имъ за четыре года предъ тѣмъ изысканія объ Арфакійцахъ, въ надеждѣ получить нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ таинственныхъ племенахъ. Послушаемъ еще разсказъ самаго Г. Дюрвиля:

«Четыре молодые Папуйца, которымъ я обѣщалъ въ награду кой-какія бездѣлки, должны были проводить меня въ то мѣсто, гдѣ летаютъ райскія птички. Пройдя минутъ десять по пріятной долинѣ, расположенной у самаго моря, мы подошли къ берегу довольно крутому, но не очень высокому, и вообще покрытому большими деревьями. Дорожка отъ бывшихъ дождей сдѣлалась очень скользка и чрезвычайно трудна. Взойдя на высоту около ста тоазовъ, мы очутились на нѣкотораго рода плоскости, населенной и обрабатываемой племенемъ Арфакійцевъ, живущимъ мирно съ прибрежными Папуйцами. Не смотря на то, взаимная недовѣрчивость царствуетъ между этими двумя племенами. Во время путешествія *Раковины*, когда я еще въ первый разъ открылъ мѣстопребываніе этого племени, береговые Папуйцы употребляли всѣ возможныя средства, чтобы воспрепятствовать сношеніямъ моимъ съ горцами, утверждая, что они убьютъ и отрубятъ мнѣ голову, или говоря, что они чрезвычайно глупы и не понимаютъ ни моего, ни ихъ языка, и вообще не заслуживаютъ вниманія. Очевидно было, что Папуйцы желали удержать за собою монополію торговли, и что участіе Арфакійцевъ въ выгодахъ, извлекаемыхъ ими изъ сношеній съ нами, имъ не нравилось.

«Въ то время цѣлое племя Арфакійцевъ, состоявшее, по мнѣнію моему, изъ полутораста человѣкъ, помѣщалось въ двухъ деревянныхъ строеніяхъ, поставленныхъ на столбахъ отъ 30 до 40 футовъ вышиною. Въ нихъ входили по приставленному, нарубленному бревну, которое по ночамъ и при приближеніи непріятеля отнимали прочь. Каждое семейство имѣло отдѣльную конуру, и каждый сарай содержалъ въ себѣ до 20 такихъ конуръ.

«Арфакійцы приняли меня очень хорошо и были гораздо гостепріимнѣе Папуйцевъ; они предложили мнѣ угощеніе, чего послѣдніе никогда не дѣлали.

«Оттуда, гдѣ первоначально находились два жилища на берегу глубокаго оврага, и съ прилегавшей къ нимъ площадки, видъ былъ восхитительный. Дорейская гавань, во всемъ ея пространствѣ, смѣющіяся острова Мана-Суари и Масмани, весь берегъ, убѣгающій къ S. и теряющійся въ горизонтѣ, и далѣе величественная цѣпь Арфакійскихъ горъ, въ самомъ дѣлѣ, представляли удивительную картину. То была дикая природа во всей своей красотѣ и строгости! Подъ огнями экватора, путешественники съ изумленіемъ созерцаютъ изобиліе соковъ, силу растительности, покрывающую деревьями, папортниками и дикими растеніями почву, по видимому, самую безплодную и каменистую. Нигдѣ въ мірѣ не видалъ я столь огромныхъ растеній. Обыкновенная вышина деревьевъ въ здѣшнихъ лѣсахъ превосходитъ все, что я видѣлъ въ этомъ родѣ.

«Теперь два большіе сарая оставлены и развалились; Арфакійцы живутъ въ 5 или 6 зданіяхъ меньшей величины, построенныхъ почти такъ же, но не столь возвышенныхъ и расположенныхъ на 200 или на 300 шаговъ далѣе. Они окружены прекрасными плантаціями изъ таро, куржи, маиса, калаванци, банановъ и проч. Эти люди дружелюбно подошли ко мнѣ и предложили мнѣ пищу; но я поблагодарилъ ихъ и отправился далѣе (Рис. XL. ф. 2 и XLI. ф. 1).

«Скоро мы очутились въ огромномъ и мрачномъ лѣсу; проводники увѣряли, что тутъ находятся птицы, которыхъ я ищу. Но потому ли что ночью шелъ дождь, или по другой какой причинѣ, я не видалъ ни одной изъ этихъ блестящихъ птицъ и даже не слыхалъ обыкновеннаго ихъ крика *куа*, *куа*, столь пронзительнаго и столь отличающагося отъ крика другихъ птицъ. Эти лѣса, въ которыхъ очень мало подростковъ, весьма удобно проходимы и представляютъ пріятное гульбище, подъ огромными своими вер-

пінами, непроницаемыми въ самое жаркое время дня.

«Послѣ 2 часовъ усиленной ходьбы, пройдя многіе овраги и густые перелѣски, и не встрѣтивъ ничего занимательнаго, мы спустились по скату, гораздо болѣе отлогому, нежели тотъ, по которому поднялись, и очутились на берегу моря, у входа въ Дорейскій каналъ, между мыса Вакало и Амбела.

»Вся часть берега отъ этого мѣста до селеній образуетъ долину около мили шириною, расположенную вдоль прибрежья и занимаемую плантаціями разнаго рода. Хотя онѣ содержатся плохо, но не менѣе того представляютъ почву болѣе открытую и удобнѣйшую, нежели гдѣ либо изъ окрестностей Дорейской гавани. Узкія тропинки позволяютъ Европейцу прогуливаться безъ затрудненія. Я замѣтилъ также, что многія породы насѣкомыхъ здѣсь гораздо разнообразнѣе и многочисленнѣе, нежели въ мѣстахъ, предоставленныхъ одной природѣ. Я видѣлъ, какъ между небольшимъ числомъ деревъ, уцѣлѣвшихъ въ этихъ плантаціяхъ, порхали изумруды; но мнѣ никакъ не удалось подойти къ нимъ на ружейный выстрѣлъ.

«Слѣдуя по тропинкѣ, ведущей вдоль берега, я пришелъ въ селенія Дорей и Куао. Женщины при нашемъ приближеніи еще показывали нѣкоторую робость, но мужчины и дѣти совершенно съ нами ознакомились и сопутствовали намъ вездѣ, куда мы ходили. Поговоривъ нѣсколько съ ними подъ тѣнію прекраснаго артокарпуса (*artocarpus*), я около 3 часовъ возвратился на корабль. Самою любопытною добычею моей охоты была прекрасная маината (*mainate*), птица, какую видѣлъ я за 3 года предъ тѣмъ въ Сурабанѣ у полковника Боннеля. Ее можно также выучивать, какъ нашихъ дроздовъ и скворцовъ.»

Доброе согласіе, царствовавшее между Папуйцами и экипажемъ *Астролябіи*, чуть не было нарушено по непредвидѣнному случаю, который безъ наблюденій, сдѣланныхъ еще прежде того Г. Дюрвилемъ надъ характеромъ жителей, остался бы неизъяснимымъ. Наканунѣ отъѣзда, одинъ изъ матросовъ, бывшихъ на берегу за водою, внезапно и безъ всякихъ предварительныхъ непріязненныхъ дѣйствій, былъ раненъ стрѣлою, пущенною изъ лѣса. Товарищи его, ожидая умышленнаго нападенія, криками своими подняли тревогу, и Г. Дюрвиль приказалъ выстрѣлить изъ пушки, какъ для того, чтобы испугать дикихъ, такъ и затѣмъ, чтобы собрать находившихся въ разныхъ мѣстахъ на берегу людей, и особенно отправившихся на охоту 4 офицеровъ, 2 боцмановъ и 2 матросовъ.

«Съ самаго начала тревоги, говоритъ Дюрвиль, дѣти дикихъ, бывшія на корветѣ, поспѣшно спустились въ байдары, крича въ испугѣ *Арфаки! Арфаки!* Вскорѣ послѣ того изъ устья ручья вышла байдара большая, на которой взяли матроса Беланже, опасно раненаго. Стрѣла, сдѣланная изъ простаго камыша, съ чрезвычайно острымъ лезвеемъ, ударивъ ему въ спину, глубоко вошла въ мясо и потомъ опустилась отъ движенія, когда онъ пустился бѣжать.

«Пришедъ въ себя, Кеменеръ и Виньо разсказали, что они вмѣстѣ съ Беланже черпали воду, какъ вдругъ онъ упалъ, пораженный стрѣлою. Въ ту же минуту двое дикихъ бросились къ намъ, чтобы схватить ведро, которое они держали. Наши тотчасъ убѣжали въ шлюбку, а дикіе въ свою очередь скрылись въ лѣсъ. Посланные мною на катерѣ не могли ничего открыть и принесли только пагубную стрѣлу, которую я сохранилъ.

«По этому разсказу весьма вѣроятно, что мы обязаны этимъ оскорбленіемъ Арфакійцамъ, единственнымъ жителямъ горъ. Крики дѣтей, когда они бѣжали съ корабля, и постоянно дружелюбное поведеніе Папуйцевъ, придавали новый вѣсъ этому мнѣнію.

«Во всякомъ случаѣ, чтобы не оставить ничего безъ надлежащаго вниманія и обезопасить возвращеніе нашихъ охотниковъ, я отправилъ къ селенію Дорей хорошо вооруженный катеръ, подъ начальствомъ Гг. Гресевене и Париса. Я приказалъ имъ держаться на выстрѣлъ отъ берега и тщательно наблюдать за движеніями туземцевъ. Они тотчасъ должны были возвратиться, если бы движенія эти оказались очевидно непріязненными; въ противномъ случаѣ, я приказалъ имъ спокойно ожидать возвращенія нашихъ охотниковъ, не дозволяя себѣ ни малѣйшаго подозрительнаго или неосторожнаго попоступка. Если бы туземцы вздумали дѣйствовать непріязненно, я рѣшился подвинуться съ корветомъ сколь можно къ берегу, чтобъ разгромить все, что попадется; только быстрое и строгое наказаніе могло воспрепятствовать дерзкимъ намѣреніямъ этихъ островитянъ.

«Но 20 минутъ спустя, послѣ отбытія лод-

ки, оба начальника попеременно являлись на прибрежьи Ниму-камонди, каждый въ сопровожденіи Папуйцевъ, которые не переставали оказывать по прежнему дружбу и радушіе, что уже очень успокоило меня на счетъ участи прочихъ людей.

«Вскорѣ Г. Бертранъ, дрожа весь отъ страха, пріѣхалъ въ маленькой байдаркѣ, управляемой капитаномъ Укема, который одинъ изъ Папуйцевъ осмѣлился пріѣхать на корабль. Честный капитанъ былъ на рыбной ловлѣ; услышавъ пушечные выстрѣлы и звуки большихъ раковинъ, онъ приблизился къ селеніямъ, взялъ Г. Бертрана въ свою байдару и отвезъ на корабль. Жители обоихъ селеній готовились бѣжать въ лѣса: мужчины вооружились, женщины и дѣти захватили нужнѣйшую утварь. Несчастные, казалось, страшились нашествія Арфаковъ и вмѣстѣ мщенія Европейцевъ.

«Наконецъ, около половины 12 часа, большая лодка, возвратившись къ кораблю, привезла въ цѣлости трехъ послѣднихъ охотниковъ Гг. Куи, Гильбера и Дюдемена. Они ничего не замѣтили, чтобъ могло подать поводъ къ малѣйшему подозрѣнію на счетъ искренности островитянъ, и были уже далеко на островѣ, когда услышали пушечный выстрѣлъ. Они вообразили, что мы уже деремся съ Папуйцами. Можно представить, каково было безпокойство этихъ людей, находившихся совершенно въ ихъ власти. Однако, доѣхавъ до села, они успокоились. Островитяне были единственно заняты собственнымъ спасеніемъ; они думали о побѣгѣ и едва обращали вниманіе на Французовъ, которые безъ труда добрались до большой лодки.

«Тогда добрый Укема, то говоря Малайскимъ языкомъ, который онъ довольно хорошо зналъ, то объясняясь знаками, старался убѣдить меня, что одни Арфаки могли сдѣлать покушенія на нашихъ людей. Арфаки, непримиримые враги ихъ, скитаются по лѣсамъ, цѣлые дни сторожатъ Папуйцевъ, и когда поймаютъ, прокалываютъ стрѣлами, потомъ бросаются на добычу, отрубаютъ голову и съ торжествомъ несутъ ее и вѣшаютъ на дверяхъ домовъ. Папуйцы поступаютъ такимъ же образомъ съ своими непріятелями. Головы, которыя мы видѣли на нѣкоторыхъ изъ ихъ хижинъ и на гробницахъ, были трофеи ихъ походовъ.

Впрочемъ капитанъ нашъ увѣрялъ, что ни Папуйцы, ни Арфаки не были людоѣдами; но Харфуры, внутренніе жители, безъ зазрѣнія совѣсти сознаются въ этой ужасной привычкѣ. Они бьютъ райскихъ птицъ и продаютъ ихъ Папуйцамъ за топоры, ножи и ткани. Главное складочное мѣсто этой торговли есть, какъ кажется, Ембарбакинъ. Арфаки не занимаются охотою за райскими птицами, но обработываютъ множество табаку.

«Я въ свою очередь употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобъ убѣдить Укема, что Папуйцамъ нечего было насъ страшиться, и въ залогъ моего искренняго къ нимъ расположенія, подарилъ ему два платка и бронзовую медаль, растолковавъ ему ея значеніе. Онъ надѣлъ медаль на шею и завязалъ оба платка вокругъ головы въ видѣ чалмы, потомъ просилъ у меня позволенія показаться своимъ соотечественникамъ.

«Часъ спустя, байдары собрались въ большемъ числѣ, нежели когда либо, и островитяне начали опять свой торгъ съ прежнею довѣренностью и безпечностію.»

На слѣдующій день *Астролябія* тронулась, чтобъ выйти изъ гавани Дорейской. Островитяне толпою наѣхали въ байдарахъ, желая успѣть произвести еще нѣсколько мѣнъ на караблѣ. Но страшась, чтобъ толпа не загромоздила всей палубы и не помѣшала движеніямъ, капитанъ позволилъ войти одному только капитану Укема. Обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, несчастные Папуйцы горестно смотрѣли на корветъ, оставлявшій серебристый слѣдъ на поверхности залива.

Г. Дюрвиль шелъ вдоль берега Новой Гвинеи, до двухъ небольшихъ островковъ Миспалю, за мысъ *Goede-Hoop*; потомъ, окончивъ это важное для Географіи обозрѣніе, оставилъ эти мѣста. Онъ надѣялся на слѣдующій годъ свершить подобное же обозрѣніе полуденной части острова, но пребываніе его въ Ваникоро и болѣзни экипажа принудили его дать кораблю другое направленіе. И такъ оставалось осмотрѣть южную часть Новой Гвинеи. Трудъ сей долженъ принадлежать Франціи, ибо она же обозрѣвала и сѣверную ея часть.

Новая Гвинея имѣетъ 400 лигъ длины въ направленіи отъ O. S. O. до W. N. W., ширина ея весьма неровная, однако среднею можно полагать около 70 миль. Предѣлы: ю. шир. суть $0^0\ 19'$ и $10^0\ 2'$ и $128^0\ 23'$ и $146^0\ 15'$ в. долг. Проливъ Мэклюаръ и заливецъ Гельвинкъ въ западной части, образуютъ два

полуострова, почти совершенно отдѣльные; еще не извѣстно, составляетъ ли восточная часть, за заливомъ Гюонъ, одну землю, или состоитъ изъ собранія нѣсколькихъ острововъ, подобно островамъ Луизіады. До сихъ поръ мысъ Радни считали самою восточною ея оконечностію. Вдоль всей сѣверной стороны лежитъ въ небольшомъ разстояніи отъ берега цѣпь высокихъ горъ, возвышенныя части которыхъ суть в. и з. концы, т. е. на в. отъ залива Астролябіи и на з. отъ заливца Гельвинкъ. Цѣпь эта предъ мысомъ Дюрвиля, сгибается или подается нѣсколько во внутренность. Острова, лежащіе на сѣверѣ, всѣ вообще высокіе, доступны и не имѣютъ близъ себя подводныхъ камней, какъ и берегъ большой земли. Но тѣ, которые находятся на полуденной сторонѣ, наиболѣе же въ проливѣ Торреса, напротивъ того, всѣ почти низменны и соединены запутанною сѣтью коралловыхъ рифовъ.

Вся Новая Гвинея и большіе и малые острова, вокругъ нея лежащіе, кажется, совершенно населены Меланезійцами, вообще дикими и необщежительными, какъ утверждаютъ записки почти всѣхъ мореплавателей. Папуйцы острова Дорея и окрестныхъ, примѣтнымъ образомъ разнствуютъ отъ этого огромнаго семейства, хотя, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, почитавшихъ ихъ потомками Біаджусовъ изъ Борнео, они одного происхожденія съ Меланезійцами; впрочемъ, изъ всѣхъ жителей Новой Гвинеи, за одними Папуйцами могли наблюдать такъ продолжительно и съ такою точностію; ими и ограничится разсмотрѣніе нравовъ и обычаевъ Новой Гвинеи, основанное большею частію на личныхъ замѣчаніяхъ капитана Дюрвиля, сдѣланныхъ имъ въ 1824 и 1827 годахъ.

Ничто не можетъ быть измѣнчивѣе типа этихъ островитянъ, между коими Г. Дюрвиль отличаетъ три главные первообраза: собственно называемыхъ Папуйцевъ, Гарфуровъ, или внутреннихъ жителей, и Метисовъ, имѣющихъ сходство болѣе или менѣе съ племенемъ Меланезійскимъ. Папуйцы всѣ вообще тощи, средняго росту (Рис. XL. ф. 2), тѣлосложеніе довольно красивое, но члены слабые. Лица ихъ правильны, скулы нѣсколько выдаются, губы тонкія, ротъ не большой, носъ красивой (Рис. XLI. ф. 1). Кожа ихъ, тонкая и гладкая, смугловата, но не совсѣмъ черна. Бороды у нихъ маленькія, волосы курчавые, не столько отъ природы, какъ отъ привычки завиваться. Они въ особенности слѣдуютъ обыкновенію откидывать ихъ на подобіе гривы, или вчесывать огромнымъ хохломъ. Въ Дореѣ, люди этого племени скромны и не воинственны. Они почти не удаляются отъ прибрежья, гдѣ строятъ свои домы на сваяхъ надъ моремъ. Названіе *Папу-Папуецъ*, по самому простому истолкованію, означаетъ ихъ черный цвѣтъ, въ противуположность *Буги-Бугистамъ* и жителямъ бронзоваго цвѣта острововъ Малайскихъ.

Гарфуры, между коими Г. Дюрвиль считаетъ и Арфаковъ, живущихъ въ Дореѣ, народъ проворный, небольшаго росту и гораздо сильнѣе Папуйцевъ. Они еще отличаются выраженіемъ лицъ, которыя болѣе дики, цвѣтъ лица болѣе закопченъ, кожа грубѣе и шерстливѣе, и обыкновенная худощавость ихъ напоминаетъ типъ Меланезійскій, болѣе всѣхъ распространившійся на этомъ морѣ. Они татуируются посредствомъ нарѣзокъ. Обыкновенно ходятъ нагіе или прикрываются только поясомъ. Волосы ихъ распущены или закручены. Племя это образуетъ впрочемъ настоящихъ жителей этихъ острововъ; ими населены вѣроятно еще неизвѣстные страны Новой Гвинеи. Слова: Арфуръ, Алфуру, Харафора, какъ говорятъ всѣ мореплаватели, означаютъ на всѣхъ Молуккахъ, вообще дикарей, живущихъ во внутренности, острова, какого бы они впрочемъ цвѣта и происхожденія ни были. Изгнанные съ прибрежья Папуйцами, Гарфуры укрылись на земляхъ центральныхъ, гдѣ обработываютъ нѣсколько участковъ и живутъ въ домахъ, выстроенныхъ на сваяхъ. Арфаки или Гарфуры гавани Дорейской, всѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ колоній, во враждѣ съ Папуйцами, живущими на берегу. Папуйцы явно наложили монополію на всѣ продукты земли своей, хотя эта монополія вовсе не такъ стѣснительна, какъ полагалъ капитанъ Форрестъ.

Ежели вѣрить этому мореплавателю, то Гарфуры должны бы снабжать Папуйцевъ плодами и овощами, не получая ничего въ замѣнъ, и напротивъ того, если Папуецъ разъ далъ Гарфуру топоръ, либо ножъ, или другое орудіе, то земли, получившія подарокъ, навсегда остаются въ подданствѣ того, кто подарилъ. Изрѣдка, Гарфуръ обязанъ доставлять Папуйцу то, въ чемъ онъ нуждается. Ежели Гарфуръ потеряетъ ору-

діе, онъ все еще остается поземельнымъ подданнымъ; но ежели оно сломается или изотрется, Папуецъ долженъ дать другое. Причина этого страннаго обычая заключается въ томъ, что Харфуры неимовѣрно высоко цѣнятъ всѣ желѣзныя вещи, не имѣя возможности добывать ихъ безъ помощи Папуйцевъ, владѣльцевъ прибрежья. Не смотря на это, трудно повѣрить подданству, когда знаешь, съ какимъ страхомъ Папуецъ приближается къ жилищамъ Гарфуровъ.

Метисы, третій разрядъ здѣшнихъ жителей, небольшаго росту, плотные, сильные; лица ихъ костлявы, четвероугольны, плоски, скулы выдавшіяся; ротъ у нихъ большой, губы толстыя, носъ плоскій; но иногда бываетъ и острый. Они перемѣшаны съ Папуйцами, и живутъ съ ними. По цвѣту кожи ихъ, по волосамъ, менѣе курчавымъ, и по прическѣ въ видѣ тюрбана, легко можно узнать Малайское происхожденіе: таково по крайней мѣрѣ мнѣніе Г. Дюрвиля, который считаетъ ихъ смѣшеніемъ, болѣе или менѣе давнимъ, племени Малайскаго съ Полинезійскимъ. Между ними находятся кораносы, капитаны, раджи и вообще всѣ имѣющіе какую либо власть надъ туземцами. Большая часть изъ нихъ говорятъ по Малайски болѣе или менѣе бѣгло.

Въ окрестностяхъ гавани Дорейской и въ селеніяхъ, около нея лежащихъ, считаютъ не болѣе 1500 жителей. Оружія островитянъ суть стрѣлы, копья, узкій и длинный щитъ, стальной ножъ, называемый также парарангъ и служащій на разныя домашнія употребленія. Они питаются хлѣбомъ, сдѣланнымъ изъ саго, мясомъ черепахъ, рыбою, ракушками, фруктами, кореньями и зеленью. У Папуйцевъ нѣтъ земляныхъ печей, какъ у Полинезійцевъ, но они на чистомъ воздухѣ устраиваютъ шестки, на которые кладутъ бамбуковую рѣшетку и варятъ свою пищу. Такимъ образомъ приготовляютъ они въ особенности черепахъ и рыбу.

Папуйцы не имѣютъ понятія о кавѣ; они жуютъ бетель; татуируются накалываніемъ, хотя узоры весьма мало проявляются на темной ихъ кожѣ. Большая часть изъ нихъ ходятъ нагіе; одни начальники прикрываются цыновкою изъ банановыхъ листьевъ, выкрашенною яркими красками и обшитою бахрамой, вырѣзанной съ такимъ искусствомъ, что легко можно принять ее за кружево. Любимое ихъ украшеніе состоитъ изъ браслетъ, колецъ, гребней, которые страннымъ образомъ торчали на ихъ головахъ; серьги изъ раковинъ, черепахи, или когда достанутъ и серебряныя, тоже въ модѣ. Они еще выдѣлываютъ множество корзинъ изъ банановой соломы и пандануса. Музыкальные инструменты ихъ суть: Азіятская литавра, обтянутая съ одной стороны кожею ящерицы, варганъ изъ бамбуковой пластинки, Панова флейта и морская труба изъ просверленой раковины.

Племена, живущія въ окрестностяхъ этой гавани, содержатъ весьма мало домашнихъ птицъ и свиней; но въ сосѣднихъ лѣсахъ находится множество свиней диких. По замѣчаніямъ Г. Дюрвиля, свинья у Папуйцевъ есть самое большое изъ четвероногихъ; прочія суть: сабака, кангару изъ Арру, фалангеръ и новый родъ перамели. Казоаръ находится тоже въ нѣкоторыхъ посѣщенныхъ мѣстахъ.

Языкъ Папуйцевъ есть общее нарѣчіе всѣхъ жителей отъ Вайгу до Дорея; оно столько же отличается отъ Малайскаго, какъ нарѣчіе Гарфуровъ. Судя по тому, что намъ извѣстно, языкъ не непріятенъ и не грубъ въ произношеніи; въ устахъ женщинъ онъ даже нѣженъ и благозвученъ; мы рѣдко слышали у этихъ народовъ крики раздражительные и пронзительные, которые бы обнаруживали ихъ дикость.

Испуганные покушеніями Англичанъ завести колоніи на ю. берегу, и страшась для Молукковъ сосѣдства этихъ предпріимчивыхъ мореплавателей, Голландцы въ 1828 году прежде ихъ явились на берегахъ Новой Гвинеи и поселились въ окрестностяхъ мыса Вальша. Они выстроили тамъ крѣпость на берегу большой рѣки, названной Дурга, и начертанной въ путешествіи Колфа (Рис. XLI. ф. 2). Съ тѣхъ поръ объ учрежденіи этомъ извѣстно только, что большая часть новыхъ поселенцевъ погибла отъ нездороваго воздуха. Крѣпость существуетъ вѣроятно и нынѣ, но гарнизонъ долженъ быть весьма незначителенъ.

Луизіада, на в. отъ Новой Гвинеи, есть группа значительныхъ острововъ, высокихъ и населенныхъ дикарями, курчавыми и неприступными, какъ дикіе Новой Британніи и Новой Ирландіи. Бугенвиль въ 1768 году первый открылъ эти земли. Держась ближе къ южному берегу на пространствѣ около 100 миль, до огромной открытой бухты, которую онъ

назвалъ *Cul-de-sac de-l'Orangerie*, онъ воротился назадъ, миновалъ мысъ Освобожденія (*Délivrance*), и поплылъ къ островамъ Саломоновымъ. Во время этого похода, онъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ островитянами; видѣлъ только нѣсколько лодокъ, плывшихъ вдоль берега, гдѣ были разложены большіе огни. Вотъ что онъ пишетъ объ этой стороне, начиная отъ *Cul-de-sac de l'Orangerie*.

«Я мало видѣлъ странъ, которыя бы представляли столь очаровательный видъ. По берегу моря была равнина, пересѣкаемая кустарникомъ и возвышавшаяся амфитеатромъ въ три уступа, до горъ, вершины коихъ терялись въ облакахъ. Самая высокая цѣпь простиралась въ внутренность земли на 25 миль. Жалкое положеніе, въ которомъ мы находились, не позволяло намъ пожертвовать нѣсколько времени для осмотрѣнія этой прекрасной страны, гдѣ все возвѣщало плодородность и богатство.

Въ 1793 году, д'Антркасто осматривалъ этотъ архипелагъ, и подверженъ былъ большой опасности въ этомъ морѣ, усѣянномъ подводными камнями. Между островами Бонвуларъ и С. Эньянъ подплывала къ кораблю байдара съ людьми робкими, средняго роста, сложенія слабаго; волосы ихъ были курчавые, а лице измарано чѣмъ то чернымъ. Имъ подарили нѣсколько вещей, взамѣнъ которыхъ съ трудомъ достали отъ нихъ немного ямса, пататовъ и банановъ. Они не имѣли оружій и не хотѣли отдать каменнаго топора за желѣзные инструменты, которые въ глазахъ ихъ не имѣли цѣны. Лодки ихъ были странны, тѣмъ что имѣли двѣ мачты и одинъ топстантъ съ широкой рѣшеткой, впрочемъ хорошо построенныя и выкрашенныя разными красками. На берегу около мыса Пирсонъ встрѣчались мѣста восхитительныя.

Страна эта, говоритъ д'Антркасто, изъ всѣхъ видѣнныхъ нами была самая красивая: зелень необыкновенно свѣжа и разнообразна; горы перерѣзаны не столь однообразно, какъ на южномъ берегу мыса Пирсонъ; кокосовыя деревья, растущія даже на самыхъ возвышенныхъ мѣстахъ, доказывали, что земля плодородна и могла питать большое народонаселеніе. Видно было нѣсколько деревень, которыхъ жители собирались на берегу, чтобъ насладиться зрѣлищемъ одного изъ нашихъ кораблей. Жилища были разныхъ видовъ и живописно украшали пейзажъ.

На байдарахъ, подплывавшихъ къ кораблямъ, были дикіе, подобные тѣмъ, коихъ мы уже видѣли. Они сдѣлали нѣсколько обмѣновъ; потомъ, не имѣя другаго оружія, они пустили въ корабль кучу камней, на что имъ отвѣчали ружейными выстрѣлами. Немного подалѣе и противъ острова Вель двѣ байдары, съѣхавшіяся съ двухъ противуположныхъ сторонъ, доставили Французамъ случай видѣть ихъ морское сраженіе. Дикіе, оставшіеся зрителями, растолковали Европейцамъ, что обѣ байдары будутъ сражатся и что побѣдители съѣдятъ побѣжденныхъ. Это было передано знаками, выражающими ихъ удовольствіе, и звѣрскими тѣлодвиженіями, дѣйствительно отвратительными. Байдары сцѣпились. Сражающіеся стояли на выдававшихся площадкахъ, вооруженные въ одной рукѣ каменьями, а въ другой щитомъ для отраженія ударовъ. Камни летали около получаса съ обѣихъ сторонъ съ удивительною быстротою и ловкостью; потому ли что сраженіе было отложено, или воспослѣдовало примиреніе, но обѣ лодки перестали драться и поплыли каждая въ свою сторону.

Эти байдары были несравненно больше всѣхъ нами видѣнныхъ до того времени на берегахъ Луизіады. Одна изъ нихъ, въ 50 футовъ длины, казалось, была удивительно хорошо устроена для быстраго хода. Островитяне, все еще недовѣрчивые, не хотѣли взойти на палубу, но приглашали Французовъ сойти на землю, вѣроятно не съ добрыми намѣреніями. Они показывали намъ разныя вещи, выдѣланныя изъ человѣческихъ костей. Желѣзо ихъ не соблазняло; они прельщались только красными матеріями, яркій цвѣтъ которыхъ поражалъ ихъ взоры. Почти нагіе, они прикрывали кушакомъ одну только поясницу. Люди эти впрочемъ, казалось, были нрава дикаго и вѣроломнаго. Одинъ изъ нихъ, увидѣвъ на палубѣ помощника лекаря корабля *Надежды*, направилъ въ него свое копье, но по счастію, былъ во время замѣченъ; въ него прицѣлились, и этого достаточно было, чтобъ его остановить.

Луизіада занимаетъ пространство около 120 лигъ отъ O. S. O. къ W. N. W., т. е. отъ мыса Освобожденія до острововъ Люзансей и до *Cul-de-sac de l'Orangerie*. На в. онъ не очень широкъ, но на зап. имѣетъ, какъ полагаютъ, 40 лигъ. Острова, составляющіе его, неопредѣленно назначены на картахъ; даже не начертаны берега самыхъ лучшихъ и но-

вѣйше открытыхъ; и такъ должно довольствоваться, назвавъ только острова Россель, С-тъ Еньанъ, д'Антркасто, Тробіадъ, и Люзанси, какъ самые примѣчательные. Извѣстныя границы этого архипелага суть отъ 8° 19' до 11° 43', ю. шир. и отъ 151° 56' до 147° 10' в. долготы. Замѣтимъ, что наружное очертаніе съ зап. стороны не извѣстно; отдѣльно отъ Луизіады, и въ 45 лигахъ на с. отъ острова Россель, лежитъ группа изъ восьми низменныхъ островковъ, лѣсистыхъ и населенныхъ, открытыхъ Г. Логланомъ, капитаномъ карабля Мери, котораго имя онъ далъ имъ. Въ 1827, капитанъ Дюрвиль осмотрѣлъ географическое положеніе ихъ и открылъ, въ девяти миляхъ къ западу, небольшую возвышенную скалу, которую назвалъ Каннакомъ. Группа Логлана во всѣхъ направленіяхъ имѣетъ не болѣе пяти миль въ діаметрѣ; но островки, составляющіе се, покрыты лѣсомъ, въ особенности прекрасными кокосовыми деревьями, и представляютъ самый очаровательный видъ. Они походятъ на сады, какъ бы брошенные среди мрачнаго и скучнаго океана.

Мы укажемъ только мимоходомъ на острова, лежащіе къ югу отъ Новой Гвинеи, среди подводныхъ скалъ Торресова пролива, и между которыми главнѣйшіе суть: острова Мёрре, Вармваксъ, Бристонъ, Дэлримпль, Реннель, Ретуръ, Карнуэлисъ, Талботъ и Освобожденіе (Délivrance); самые большіе имѣютъ только три или четыре мили пространства. Они довольно низменны, и не смотря на то, населены дикими Меланезійцами, схожими съ жителями Новой Гвинеи, вооруженными луками, стрѣлами, людьми суровыми, жестокими и коварными. Случалось нѣсколько разъ, что купеческія суда погибали подъ ударами этихъ варваровъ; такъ между прочими пострадали Честерфильдъ и Кормузье, останавливавшіеся въ 1793 году между островами Варивансъ и Мёрре. Нѣсколько человѣкъ, по выходѣ на берегъ, были окружены туземцами и убиты.

Осмотрѣвъ земли, смежныя съ восточнымъ берегомъ Новой Гвинеи, намъ остается только взглянуть на западныя страны, образующія дальнѣйшую оконечность Меланезіи. Далѣе слѣдуютъ уже Малайскія земли.

Первая изъ нихъ есть Саллавати, (*Sallawatty*) высокая, населенная земля, почти въ 80 миль окружности, отдѣляемая отъ Новой Гвинеи узкимъ проливомъ, извилистымъ и усѣяннымъ маленькими островками, замѣченными въ первый разъ въ 1764 году капитаномъ Уатсономъ. Географическое положеніе середины этого острова подъ 1° 8' шир: и 128' 35' в. долг. Полагаютъ, что островъ Саллавати населенъ многочисленнымъ и жестокимъ Папуйскимъ племенемъ, которымъ управляетъ независимый раджа Народы на немъ обитающіе, питаются рыбами, черепахами и сердцевиною пальмовыхъ деревъ. Нѣкогда островитяне эти соединялись съ воинами сосѣднихъ группъ, чтобы многочисленною толпою нападать на тѣ мѣста Молуккскихъ островов, которыя заняты Голландскими конторами.

Форрестъ разсказываетъ, что въ Мартѣ и въ Апрѣлѣ мѣсяцахъ Папуйцы Новой Гвинеи, и изъ Саллавати соединились въ большомъ числѣ, чтобы итти войною въ Гилоло, Серамъ Амбонну и до самаго Кеюлла Бесси. Они опустошили остр. Амблу близъ Буру, и увезли многихъ жителей.

«Въ 1770, году,» говоритъ тотъ же капитанъ, «100 лодокъ Папуйскихъ изъ Новой Гвинеи, съ острововъ Арру, Саллавати и Мизоль, собрались во время весенняго равноденствія, когда море совершенно спокойно, и поднялись вверхъ по проливу *Patience*, раздѣляющему Бачіанъ отъ Гилоло. Они не учинили ни какихъ насилій; но Голландская компанія, которая опасается ихъ, послала начальникамъ въ подарокъ, чрезъ депутатовъ, куски тканей и проч.; флотъ разсѣялся, нѣсколько дней занялся рыбною ловлею и охотою въ лѣсахъ, послѣ чего отправился обратно. Раджа острова Саллавати имѣлъ неосторожность остаться позади. Надо замѣтить, что ни онъ, ни кто изъ другихъ начальниковъ не нанесли ни какихъ опустошеній.

«Голландцы, желавшіе увезти его, придумали слѣдующую хитрость: посланный привезъ ему бумагу съ надписью и печатью губернатора Терната, говоря, что это прощеніе преступленія, которое онъ сдѣлалъ, войдя съ вооруженными силами во владѣнія Голландцевъ; что онъ долженъ считать себя счастливѣе другихъ раджей Папуйскихъ, возвратившихся въ свои жилища безъ этого разрѣшенія. Въ то же время его приглашали пріѣхать въ Тернатъ, гдѣ губернаторъ хотѣлъ оказать ему всѣ почести, должныя сану его, и для того, чтобы онъ могъ купить въ магазинахъ компаніи то, что ему понравится. Приглашеніе это сопровождаемо было мѣш-

комъ долларовъ. Индійскій начальникъ прельстился; чувствуя, что доллары будутъ ему безполезны въ его отечествѣ, и слышавъ много разсказовъ о прекрасныхъ вещахъ, продаваемыхъ Голландцами въ Тернатѣ, онъ не могъ воспротивиться желанію съ пользою употребить деньги, пріобрѣтенныя имъ такимъ неожиданнымъ образомъ; послѣдовавъ за посланнымъ съ десятью или двѣнадцатью изъ своихъ подданныхъ, онъ вошелъ въ укрѣпленія, и явился къ губернатору, который принялъ его съ вѣжливостью и почестями.

Губернаторъ, отославъ тогда тѣлохранителей Индійскаго князя, считалъ себя такъ увѣреннымъ въ плѣнникѣ, что не велѣлъ даже затворить дверей. Когда принцу объявили, что онъ долженъ сдаться, онъ потихоньку велѣлъ людямъ своимъ, которые были готовы *къ монгамо*, или къ умерщвленію нѣсколькихъ Голандцевъ, для спасенія своего вождя, не дѣлать ни малѣйшаго покушенія къ защитѣ его, но самимъ спасаться: и точно, они бѣжали въ то самое время, когда раджа отдавалъ свой крикъ (кинжалъ); и лишь только вышли изъ укрѣпленія, они сѣли въ корокоро и скрылись. Можетъ быть, Голландцы съ намѣреніемъ дали время Индѣйцамъ спастись. Но раджа и понынѣ находится плѣнникомъ подъ строгимъ присмотромъ.»

Эта подлая измѣна, разумѣется, не уладила дѣла Голландцевъ въ Саллавати и земляхъ Папуйскихъ. Съ того времени этотъ народъ изъ мщенія продолжалъ свои нападенія и грабительства. Незадолго до прибытія Г. Дюрвиля въ Буру, въ 1824 году, островъ былъ осажденъ; потому то Малайцы не иначе говорили о Папуйцахъ, какъ о тиграхъ, жаждущихъ крови. Не было, по мнѣнію ихъ, ничего ужаснѣе этихъ лютыхъ дикарей, и они не могли постигнуть, какъ Французы, прибывшіе на *Раковинѣ* могли войти съ ними въ дружеское сношеніе.

Проливъ Питт или Сагевейнъ, отдѣляетъ Саллавати отъ Баттанта, высокой земли, въ 26 миль длины и въ 6 миль въ ширину. Западную оконечность ея образуетъ мысъ Мабо, столь знаменитый въ разсказахъ первыхъ мореплавателей, которые принимали его за конецъ Новой Гвинеи. Близъ этого мыса маленькій заливъ, гдѣ можно снабжаться дровами и водою, принявъ однако же всѣ возможныя предосторожности отъ нападенія лютаго племени Папуйцевъ. Середина острова лежитъ подъ 0°50' ю. шир. и 128°20' в. долгот.

Проливъ Гаменъ или Дэмпира, открытый этимъ мореплавателемъ въ 1700 году и усѣянный множествомъ острововъ, отдѣляетъ Баттанту отъ острова Вангу. Чрезъ этотъ то проходъ идутъ противъ стремленія и вѣтра всѣ суда, отправляющіяся въ Китай; проѣздъ опасный и трудный.

Островъ Вангу, значительнѣе и извѣстнѣе всѣхъ предшествовавшихъ, открытъ былъ, кажется, первыми Европейскими мореплавателями, поселившимися на Молукскихъ островахъ. Впрочемъ Дэмпиръ первый въ 1700 году подтвердилъ, что онъ отдѣленъ отъ Новой Гвинеи. Бугенвиль, въ 1768, плавалъ вдоль южнаго берега его; Форрестъ въ 1774, д'Антркасто въ 1793, Фрейсине въ 1818, Дюперре въ 1823 и 1825, наконецъ Дюрвиль въ 1827, всѣ поочередно продолжали обозрѣніе, и собрали различныя свѣдѣнія объ этомъ островѣ. Форрестъ былъ въ гаваняхъ Фофагакъ, Равакъ, и Піанискъ, удобныхъ для якорной стоянки; онъ досталъ тамъ рыбы, сердцевинъ пальмовыхъ деревъ, и нѣсколько черепахъ. Весь островъ, по сказанію туземцевъ, содержалъ 100,000 жителей, раздѣленныхъ между многими старшинами, изъ коихъ самый могущественный принималъ титулъ раджи Вангу, и имѣлъ пребываніе свое на одномъ изъ южныхъ острововъ.

Товарищи д'Антркасто въ свою очередь останавливались въ заливѣ Бонн, гдѣ они провели 12 дней. Сношенія ихъ съ Папуйцами были чрезвычайно дружелюбны; всякой день приносили на корабль рыбы, куръ, черепахъ, свиней, огородныхъ овощей и различнаго рода плодовъ. Туземцы очень боялись Голландцевъ. Нѣсколько старшинъ посѣтили корабль, а наканунѣ отплытія его, начальникъ Равака ужиналъ, и провелъ ночь на *Надеждѣ*. Но видя, что готовились сняться, онъ бросился въ воду, боясь, чтобы его не увезли. Опасеніе это впрочемъ могло быть оправдано множествомъ похищеній, сдѣланныхъ Голландцами, которые еще недавно увезли, среди праздника, даннаго на кораблѣ, брата Индійскаго раджи. Слѣдствіемъ этого насильственнаго поступка была война, продолжавшаяся еще и въ то время. Собранные подъ начальствомъ самаго сильнаго султана тѣхъ странъ и соединенные съ воинами Серама, жители Вангу отправились стеречь Амбонскаго гу-

бернатора, который въ проѣздѣ своемъ чрезъ Молуккскіе острова, долженъ былъ проходить около береговъ этихъ группъ. Передъ отплытіемъ въ экспедицію, островитяне скрыли въ безопасныя убѣжища женъ и дѣтей своихъ, отъ чего берега казались тогда пустынными и необитаемыми.

Въ концѣ 1818 года, Г. Фрейсине, стоялъ также три недѣли въ небольшой гавани Раваkъ, гдѣ Папуйцы изъ Бони и Кабарей приходили торговать съ Французами. Эти люди казались столь же застѣнчивыми, какъ ихъ описывали предпріимчивыми и храбрыми. Папуецъ Сруанъ, старшина острова Бани, подкупленный подарками, сдѣлался другомъ и застольнымъ товарищемъ капитана. Офицеры и натуралисты свободно обошли страну, и Г. Куа могъ довольно подробно описать общій характеръ этой земли.

«Съ разсвѣтомъ, говоритъ онъ, мы отправились въ Бони, гдѣ наканунѣ замѣтили довольно значительное число домовъ. Остановясь противъ небольшаго залива, близъ котораго они лежали, мы замѣтили, что цѣлая связь подводныхъ скалъ не дозволяла приблизиться къ нимъ. Послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ покушеній перейти эту преграду, покушеній, едва не сдѣлавшихся намъ пагубными, мы рѣшились направиться къ южной сторонѣ острова, гдѣ море гораздо спокойнѣе, и потому обѣщало намъ не столь опасный доступъ; но тамъ деревья, которыя покрывали утесы, выдаваясь въ самую воду, окружали берегъ почти непроходимою оградою. Маленькая бухта показалась намъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ бы можно было пристать. Впрочемъ мы вездѣ любовались силою и блескомъ растительности; то попугаи самыхъ яркихъ цвѣтовъ украшали и вмѣстѣ оживляли зелень; то какатоессы ослѣпительной бѣлизны выказывались въ дали изъ за темной зелени листьевъ; мы замѣтили нѣсколькихъ совершенно черныхъ, что весьма рѣдко между этимъ родомъ говорящихъ птицъ.

«Продолжая плыть вдоль берега острова Бони, мы увидѣли устье небольшой рѣки, посредствомъ которой море вливало воды свои во внутренность земель; это подало намъ мысль войти въ нее; мы съ трудомъ пробрались подъ вѣтвями манговыхъ деревъ, корни которыхъ ежеминутно останавливали лодку и наконецъ совершенно заградили ей проходъ. Къ счастью, мы могли остановиться у выдающейся остріемъ скалы, не въ дальнемъ оттуда разстояніи, и собрали нѣсколько образцовъ для минералогической нашей коллекціи. Чрезъ нѣсколько времени послѣ того, показался челнокъ, направлявшійся къ намъ; то былъ Сруанъ, старшина острова Бони, который, увидя насъ въ то время, когда мы боролись съ бурунами, подоспѣлъ къ намъ на помощь. Мы просили его привезти насъ обратно въ его селеніе; онъ не отказался рѣшительно, но и не совсѣмъ охотно согласился. Казалось, онъ такъ былъ озабоченъ, что мы сами не могли удержатся отъ нѣкотораго страха. Онъ ѣхалъ, то сзади лодки, то возлѣ и никогда не опережалъ ее; одинъ разъ подъѣхалъ даже къ острову, чтобы взять третьяго товарища; наконецъ проведя насъ почти тою же дорогою, которою мы прибыли, онъ вдругъ въѣхалъ въ открытое море, и обойдя около буруновъ, остановившихъ насъ, вошелъ въ узкій между ними проѣздъ. Тогда мы послѣдовали за нимъ, но не съ совершенною безопасностью, ибо могло случиться, что встрѣтивъ мелкое мѣсто, лодка наша погибла бы въ переправѣ, безопасной для байдары, которая гораздо легче. Кто знаетъ, можетъ быть, онъ хотѣлъ нарочно завести насъ въ западню, чтобы послѣ удобнѣе воспользоваться добычею? Благодаря Бога, подозрѣнія наши были несправедливы: Сруанъ провелъ насъ со всею ловкостью, свойственною искусному лоцману: шлюбка, пройдя злосчастные буруны, вступила въ тихія, спокойныя воды, хотя и не слишкомъ глубокія. Каково было наше удивленіе, когда, приставъ къ берегу, мы увидѣли, что всѣ двадцать хижинъ или домовъ, изъ которыхъ состоитъ селеніе Бони, были только что оставлены, и что туземцы скрылись въ лѣсахъ. Очевидно было, что цѣлью замедленій Сруана было желаніе предупредить жителей селенія, и дать имъ, а особливо женщинамъ, время спрятаться.

Раджа оставилъ нѣкоторымъ образомъ въ наше распоряженіе пустое селеніе Бони; онъ показалъ намъ всѣ домы, за исключеніемъ одного, который, какъ мы полагали, долженъ быть родъ храма. Они построены на сваяхъ сверхъ воды, близъ самаго берега. Г. Дюперре приказалъ людямъ ни до чего оставленнаго жителями не дотрогиваться, что и было въ точности исполнено. Что же касается до Сруана, онъ, проведя съ нами нѣсколько времени, раздѣливъ завтракъ и выпивъ вина, которое ему чрезвычайно понравилось,

оставилъ насъ, съ тѣмъ чтобы итти на рыбную ловлю.

«Видя невозможность войти въ сношеніе съ жителями этого острова, рѣшено было, не дожидаясь возвращенья раджи, выѣхать проѣздомъ, который онъ намъ показалъ: что мы и сдѣлали, хотя не безъ труда, и тотчасъ же поплыли въ глубину гавани, съ намѣреніемъ взглянуть на рѣку, гдѣ нѣкогда адмиралъ д'Антркасто наливался водою. Она узка, извилиста и течетъ на каменистомъ грунтѣ: берега ея покрыты деревьями огромной вышины, образующими живописный видъ; подъ тѣнью ихъ находятся прелестныя убѣжища. Солнце уже садилось; вокругъ насъ вѣяла пріятная прохлада. Вдругъ, три райскія птицы прилетѣли, какъ бы затѣмъ, чтобъ оживить эту величественную картину; одна изъ нихъ летѣла черезъ рѣку и волновала надъ нею безподобный хвостъ свой; на самой срединѣ она поднялась перпендикулярно, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы поймать какую нибудь добычу, и тѣмъ доставила намъ долгое время удовольствіе любоваться ею. Я выстрѣлилъ въ нее; но разстояніе было слишкомъ велико: испуганныя выстрѣломъ, эти удивительныя птицы улетѣли и не возвращались болѣе.

«Мы поднялись вверхъ, по теченію, почти на разстояніе мили: но тамъ лодка, шедшая глубоко въ водѣ, остановлена была грудою камней, сланцевъ, горныхъ кремней, и проч., которые покрывая дно рѣки, заставили насъ сдѣлать небольшой обходъ.

«Вода выступаетъ на оба берега и образуетъ обширныя болота, гдѣ произрастаетъ множество растеній и деревъ. Мы увидѣли, на маленькихъ островкахъ, развалившіеся хижины, которыя казались давно уже необитаемы, и нѣсколько заброшенныхъ челноковъ. Нездоровости ли воздуха надо было приписать это безлюдство, или опустошенію войны?

«Не видя ни какого удобнаго жилища, мы возвратились къ прежнему ночлегу; огонь тамъ еще не потухъ, что весьма пріятно, даже подъ экваторомъ, гдѣ ночи бываютъ свѣжи и чрезвычайно сыры. Гуляя въ окрестностяхъ, я увидѣлъ на землѣ знаки, походившіе на слѣды кабановъ; мнѣ пришло въ мысль, что тутъ проходили эти животныя, довольно обыкновенныя въ той странѣ; можетъ быть, это были и слѣды Индійскихъ свиней, которыхъ также не удивительно было бы найти на островѣ Вайгу. Я легъ спать, съ оружіемъ подъ головою; но предосторожность была безполезна: въ продолженіе всей ночи я ничего не слыхалъ.»

Во время пребыванія Г. Фрейсине въ Раванѣ, кималаха, или морской начальникъ Гвеба, пріѣзжалъ къ нему въ вооруженномъ своемъ коро-коро. Но пріѣздъ Гвебейцевъ, всѣ Папуйцы, окружавшіе *Уранію*, вдругъ исчезли. Замѣтно было, что эти чужестранцы приводили ихъ въ страхъ. Изъ этого заключили, что кималаха и люди его обращались жестоко съ бѣдными жителями Вайгу.

Въ 1823 году, Дюперре въ свою очередь выходилъ на эти земли и сталъ на якорь въ Фофагакѣ. Также какъ и предшественникъ его, онъ имѣлъ съ туземцами только дружескія и миролюбивыя сношенія. Однако жители берега продолжали прятать женщинъ отъ Европейцевъ. Робкіе и недовѣрчивые, они не менѣе того въ торговыхъ дѣлахъ были весьма искусны. Нѣсколько свѣдѣній о правахъ и обычаяхъ, и нѣсколько географическихъ познаній ознаменовали это путешествіе, о которомъ, за недостаткомъ извѣстнаго еще свѣту донесенія капитана, съ удовольствіемъ найдутъ здѣсь не напечатанный еще отрывокъ Г. Дюрвиля.

«Въ теченіе двухъ дней туземцы не показывались; въ прежнія поѣздки никто изъ насъ не могъ подойти къ нимъ близко, ни я, ни офицеры корвета. Однако я хотѣлъ подробнѣе разсмотрѣть это поколѣніе людей, о которомъ показанія всѣхъ путешественниковъ были такъ различны; одни описывали ихъ свирѣпыми и кровожадными дикарями, которые искали только случая обмануть чужестранцевъ, чтобы ихъ задушить или отрѣзать имъ головы; другіе, видѣли въ нихъ только людей смирныхъ, кроткихъ и застѣнчивыхъ; кромѣ того, я хотѣлъ увѣриться въ справедливости показанія Форреста, будто узкій перешеекъ отдѣлялъ гавань Фофагакъ отъ южной бухты.

«Въ шесть часовъ утра, я поѣхалъ съ Г. Лессономъ и Ролландомъ въ большой лодкѣ, съ семью матросами; въ числѣ ихъ я взялъ Англичанина Вильемса, котораго преданность, добрая воля и неустрашимость наиболѣе внушали мнѣ довѣренность. Мы прошли мимо высокаго полуострова, который оканчивался возвышеннымъ пригоркомъ, странная наружность представляетъ его видъ Фригійскаго колпака, и передъ небольшимъ *островомъ Могила* (des Tombeaux),

который соединялся съ полуостровомъ посредствомъ каменнаго подводнаго рифа, покрытаго только на нѣсколько футовъ водою во время отлива. На берегу острова, около десяти туземцевъ, стоявшихъ у челноковъ своихъ, съ безпокойствомъ смотрѣли, какъ мы подъѣзжали, и казалось, были готовы бѣжать. Свѣдѣнія, собранныя мною о характерѣ дикихъ, показывали, что для вступленія съ ними въ сношенія, нѣтъ ничего хуже, какъ итти прямо къ нимъ, когда они боятся васъ; но что, напротивъ того, надо показать, будто не видимъ ихъ, или не заботиться о нихъ, и недовѣрчивость ихъ понемногу исчезаетъ. Впрочемъ извѣстно, что вообще надо употреблять этотъ способъ и для приближенія къ дикимъ звѣрямъ.

«И такъ я велѣлъ товарищамъ своимъ не обращать на дикарей вниманія. Мы продолжали путь, спустились по южному берегу гавани, который очень кругъ, и гдѣ нѣтъ ни одного мѣста, куда бы можно было удобно пристать; на немъ ростетъ множество деревьевъ, довольно высокихъ, наиболѣе казуаринъ. Когда мы сходили съ корабля, небо было уже пасмурно; но я думалъ доѣхать до дождя; въ 7 часовъ, тучи собравшись надъ головами нашими, вдругъ разразились и облили насъ такимъ сильнымъ дождемъ, что въ одну минуту мы промокли до костей; я очень сожалѣлъ, что время помѣшало ботаническимъ и энтомологическимъ моихъ изслѣдованіямъ.

«Около половины восьмаго, мы доѣхали до глубины залива, оканчивающаго западный рукавъ гавани Фафагакъ, вразстояніи одной мили отъ того мѣста, гдѣ мы бросили якорь. Мѣсто, къ которому мы прибыли, представляло взорамъ самый печальный видъ. Вмѣсто свободнаго поморья, доступнаго и даже населеннаго, который я ожидалъ найти, на берегу видны были грязныя болота, покрытыя высокими мангловыми деревьями изъ роду *bruguiera*, которыхъ сплетенные корни, выгнутые и соединенные во всѣхъ направленіяхъ, разстилались по болоту безпредѣльною сѣтью. До невѣроятія тягостно и трудно итти по такому грунту; ноги скользятъ по корнямъ, ежеминутно страшишься упасть и разбить голову. Мы остались въ лодкѣ позавтракать, въ надеждѣ, что дождь скоро перестанетъ; но онъ продолжался съ прежнею силою. Не желая безплодно совершить эту поѣздку, я рѣшился итти и углубиться въ средину острова, такъ далеко, какъ только будетъ возможно.

«Меня сопровождали Ролландъ, Виллiемсъ, и два другіе моряка; Г. Лесонъ предпочелъ остаться близъ лодки. Мы нашли на берегу двѣ байдары, которыя, казалось, недавно были вытащены на берегъ; изъ этого я заключилъ, что дикіе иногда бываютъ здѣсь, и что я могъ по дорогѣ встрѣтить новые слѣды ихъ. Пройдя около ста шаговъ вдоль по теченію довольно глубокаго потока, мы очутились у домика, который, судя по наружности и по свойству матеріяловъ, казалось, могъ только служить защитою отъ непогоды на перепутьи; неподалеку находились два гораздо значительнѣйшія строенія. Земля въ этомъ мѣстѣ покрыта мангловыми, пальмовыми и другими чрезвычайно высокими деревьями. У большой части изъ нихъ стволы до неизмѣримой вышины покрыты большими безлиственными растеніями и плющами. Отъ этого домика начинается довольно прочищенная тропинка, по которой мы шли, окруженные густою тканью сплетшихся растеній; перейдя нѣсколько разъ черезъ потокъ свѣжей и холодной воды, мы очутились у подошвы возвышенія. Дорога сдѣлалась удобнѣе, грунтъ земли былъ крѣпче и суше; я собралъ здѣсь нѣсколько родовъ новыхъ для меня растеній, изъ коихъ назову только самое любопытное и въ первый разъ видѣнное мною: *nepenthes mirabilis*, съ чашечками всегда наполненными водою. Къ несчастью, дождь шелъ съ прежнею силою, и образчики эти не могли хорошо сохраниться.

«По мѣрѣ того, какъ мы поднимались, тропинка шла круче; глинистая земля была такъ скользка, что всѣ старанія наши взобраться на вершину остались бы, вѣроятно, безуспѣшными еслибъ не выкопанны туземцами уступы, которые служили намъ вмѣсто ступеней. Не менѣе того, намъ часто случалось скользить, и тогда, однимъ скатомъ назадъ, мы теряли пространство, пройденное долгими усиліями. Мы утѣшались, смѣясь отъ всего сердца надъ этими неудачами. Наконецъ мы достигли до вершины перешейка, вышину коего я полагаю почти во сто туазовъ. Тутъ же на мѣстѣ разрѣшился вопросъ, для объясненія котораго я сюда прибылъ. Въ направленіи къ Фофагакской бухтѣ, деревья заслоняли море, и я могъ только видѣть зубчатый гребень, который возвышался далѣе; но на противуположной сторонѣ, т. е. въ направленіи къ S.

S. O., я съ радостію увидѣлъ огромный бассейнъ, который, казалось, лежалъ отъ S. S. O. къ N. N. W.; я не могъ видѣть входа въ него, но замѣтилъ на поверхности нѣсколько островов, болѣе или менѣе значительныхъ. Открытіе это ободрило меня; между тѣмъ погода начинала поправляться, и я хотѣлъ дополнить мое изслѣдованіе.

«Тропинка была удобно проходима; мы начинали спускаться. Спускъ гораздо круче съ этой стороны, нежели на противуположной покатости. Для облегченія схода, туземцы разложили поперегъ большія вѣтви, вмѣсто ступеней, чтобы опираться на нихъ ногами. Эти предосторожности доказывали, что здѣсь производилось постоянное сообщеніе между обѣими бухтами. Кромѣ того, мы очень ясно видѣли на грязи свѣжій еще слѣдъ ногъ туземцевъ. Менѣе нежели черезъ полчаса мы достигли до берега небольшой рѣки, близъ которой возвышался сарай, подобный находившемуся на той сторонѣ горы. Кругомъ земля была покрыта кучами раковинъ. Я даже замѣтилъ, мимоходомъ, что вдоль всей этой дороги, которую мы прошли, то есть на разстояніи почти цѣлой мили, земля была усѣяна различнаго рода раковинами: должно полагать, что люди эти ходятъ всегда съ запасомъ и ѣдятъ дорогою. Еслибъ Вольтеръ увидѣлъ это, то онъ вѣроятно торжественно подтвердилъ бы этимъ обстоятельствомъ свою систему о присутствіи раковинъ на возвышенности горъ.

«У домика дорога прекращалась, далѣе земля была покрыта мангловыми деревьями, съ переплетенными корнями, которые орошались приливомъ моря. Сначала я пробовалъ итти по руслу рѣки; но вскорѣ вода подступила мнѣ по самую шею, и принудила меня отказаться отъ этого предпріятія. Послѣ цѣлаго часа, посвященнаго столь же труднымъ, какъ и тщетнымъ покушеніямъ, я рѣшился возвратиться съ Ролландомъ къ домику, и ожидать тамъ Вильемса, ушедшаго къ самому морю. Долгое обращеніе его съ дикими народами, нѣкоторымъ образомъ, пріучило его ко всѣмъ ихъ упражненіямъ; онъ безъ труда могъ ходить по бугристымъ сѣтямъ корней, по которымъ я едва могъ держаться на ногахъ. Блуждая около домика, я нашелъ обломки веселъ, сорвалъ нѣсколько новыхъ растеній; между тѣмъ солнце показалось, бабочки начали порхать во многихъ мѣстахъ, и я сожалѣлъ, что оставилъ свою сѣтку въ шлюпкѣ. Вильемсъ, возвратясь, разсказалъ мнѣ, что пройдя по корнямъ разстояніе почти полмили, онъ дошелъ до берега небольшаго залива, окруженнаго болотами, со входомъ отъ луга и съ двумя маленькими островами внутри. Впрочемъ берегъ показался ему недоступнымъ со всѣхъ сторонъ; это заставило насъ предполагать, что туземцы подъѣзжали въ байдарахъ во время прилива къ домику, лежащему у самой подошвы перешейка. Было уже половина одиннадцатаго; мы не могли бы предпринять ничего безъ пособія дикихъ, и потому отправились къ лодкѣ.

«На вершинѣ перешейка, я влѣзъ на высокое дерево, чтобы лучше осмотрѣть южную бухту. Тогда я удостовѣрился, что часть, видѣнная Вильемсомъ, была не что иное, какъ небольшой заливецъ большой бухты, которая простиралась съ одной стороны далеко къ западу, а съ другой къ S. S. O. На одномъ довольно возвышенномъ островѣ видны были, по берегу моря, три большіе дома, окруженные воздѣланною землею: вѣроятно, то было мѣстопребываніе раджи, о которомъ упоминалъ Форрестъ. Кромѣ того, я удостовѣрился, что открытая мною тропинка, служила путемъ сообщенія между двумя бухтами; земля, значительно возвышаясь по правую и по лѣвую сторону, становилась еще недоступнѣе. Дорогою Ролландъ поднялъ молоденькаго фалангера, брошеннаго матерью.

«Мы возвратились къ шлюбкѣ въ половинѣ перваго часа, и отправились къ небольшому заливу, открытому наканунѣ нашими офицерами, на югѣ отъ острова Могилъ (des Tombeaux). Группа изъ двѣнадцати или пятнадцати кокосовыхъ деревъ, окружавшихъ маленькій домикъ, построеный на сваяхъ, сулила намъ прохладительный сокъ своихъ плодовъ и возможность погулять въ тѣни ихъ, ибо вездѣ, гдѣ находятся деревья, земля обыкновенно бываетъ удобопроходима. Море было низко; илъ едва ли на два фута былъ покрытъ водою, такъ что намъ стоило большихъ трудовъ подтащить шлюбку къ домику. Я вскорѣ увидѣлъ, что это было не что иное, какъ большая клѣтка изъ бамбука, покрытая латановыми листьями и поддерживалась четырьмя столбами, на четыре или на пять футовъ отъ поверхности воды, какъ всѣ жилья Папуйцевъ. Во внутренности было только пять квадратныхъ комнатокъ; во всякомъ углу сдѣлана маленькая площадка, на

которой находились корзина и нѣсколько высушенныхъ трипанговъ.

«Мы поспѣшили удостовѣриться, взяли ли дикіе ножи, оставленные наканунѣ Г. Бераромъ, взамѣнъ кокосовъ, которые онъ велѣлъ собрать. Еще прежде, нежели мы причалили къ берегу, я замѣтилъ между мангловыми деревьями молодаго дикаго, который хотѣлъ спрятаться, чтобъ наблюдать наши движенія. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ домика, на томъ мѣстѣ, по которому я шелъ на ловлю бабочекъ, лежали на пескѣ двѣнадцать или пятнадцать *самыхъ свѣжихъ кокосовъ*, связанныхъ по два вмѣстѣ, и воткнутые въ нихъ два ножа, изъ оставленныхъ наканунѣ. Эта любезность со стороны скрывающагося незнакомца показалась мнѣ весьма изысканною: она обнаруживала дружелюбныя расположенія. Я и товарищи мои воспользовались подаркомъ; онъ былъ въ пору: чрезвычайный жаръ томилъ насъ, и не было даже воды, для утоленія жажды. Молодой Папуецъ, вѣроятно, довольный, тѣмъ, что вниманіе его намъ понравилось, подошелъ къ намъ, одинъ и безъ оружія, и довѣрчиво протянувъ руку, говорилъ: *бангусъ* (хорошо), показывая, что онъ съ намѣреніемъ положилъ тутъ эти кокосы для насъ.

«Онъ первый отважился приблизиться къ намъ, и потому я обошелся съ нимъ особенно дружелюбно; ему были подарены подвѣски къ серьгамъ и прекрасное ожерелье. Щедрость, вѣроятно, вовсе имъ неожиданная, казалось, снискала совершенную его пріязнь, и онъ далъ намъ понять, что всѣ мы можемъ брать кокосовъ, сколько желаемъ. Я позволилъ тогда матросамъ нарвать ихъ для себя, совѣтуя притомъ не тратить ихъ напрасно, и въ случаѣ появленія другихъ островитянъ, обходиться съ ними какъ можно лучше. Я бродилъ часъ или два въ лѣсу, который съ этой стороны довольно удобопроходимъ, и собралъ порядочное количество чешуекрылыхъ насѣкомыхъ. Кромѣ того, пріобрѣлъ нѣсколько драгоцѣнныхъ бабочекъ *urania orontes*, которыя садятся подъ мангловые листья на подобіе нашихъ ночныхъ бабочекъ, и порхаютъ неровными прыжками. Этотъ прекрасный родъ бабочекъ здѣсь въ болотистыхъ мѣстахъ.

«Возвратясь наконецъ къ шлюбкѣ, чтобы пообѣдать, я съ большимъ удовольствіемъ нашелъ тамъ десять или двѣнадцать Папуйцевъ, которые играли и ѣли съ гребцами, какъ бы старые знакомые. Они вскорѣ обступили меня, повторяя: *капитанъ бангусъ, собатъ*, и проч., и обходились со мною очень ласково. Эти люди вообще маленькаго роста, худощавы, слабаго сложенія и подвержены проказѣ; черты ихъ лица впрочемъ не безъ нѣкоторой пріятности, голосъ нѣженъ, осанка степенна и вѣжлива, и даже носитъ на себѣ печать нѣкоторой свойственной имъ меланхоліи, обнаруживающейся въ нихъ постоянно.

«Въ четыре часа мы отправились къ кораблю. Проходя передъ островомъ Могилъ *(des Tombeaux)*, я нарочно держался очень близко къ берегу, но не показывалъ виду, что хочу пристать къ нему. Одинъ изъ туземцевъ, приближаясь въ водѣ съ большимъ голубемъ въ рукахъ, знаками приглашалъ насъ подъѣхать; вскорѣ мы были между ними и разсматривали ихъ кочевье. На огнѣ жарился большой кусокъ мяса черепахи; маленькое убѣжище изъ пальмовыхъ листьевъ, возвышалось на три фута сверхъ поверхности земли: оно было выстроено для тѣхъ, которые показались намъ начальниками этого отряда, и лежали безпечно на цыновкахъ, имѣя подъ головою маленькій подмостокъ изъ рѣзнаго дерева. Размѣнявъ съ ними нѣсколько Малайскихъ словъ, я растолковалъ имъ, какъ могъ, что если они привезутъ на корабль съѣстные припасы, или какіе либо предметы ихъ промышлености, то взамѣнъ получатъ разныя вещи Европейскихъ фабрикъ; они обѣщали быть на другой же день. Уже было болѣе пяти часовъ; я простился съ ними и возвратился на корабль, къ закату солнца, весьма довольный своею экспедиціею.»

Папуйцы сдержали обѣщаніе. На другой день они показались около *Раковины*, и до самаго отъѣзда судна не переставали пріѣзжать къ нему, торгуя добросовѣстно и обходясь самымъ честнымъ образомъ. Два дня послѣ похожденія Г. Дюрвиля, юнгъ Блоссевиль, дѣлая наблюденія, дошелъ съ Вильямсомъ до самаго мѣстопребыванія раджи, въ южной бухтѣ; онъ нашелъ тамъ тихихъ, скромныхъ жителей, подобныхъ тѣмъ, которые пріѣзжали уже къ Французамъ. Раджа самъ прибылъ на корабль и подарилъ капитану Дюперре двухъ безподобныхъ райскихъ птицъ; но за корзинку изъ довольно хорошой черепахи онъ просилъ ружья, и видя, что на обмѣнъ не соглашались, увезъ ее назадъ.

Народъ, населяющій Вайгу мало различествуетъ отъ жителей на Дорен. Все, что

сказано было о первомъ, можетъ отнестись и къ последнему. Надо только прибавить, что офицеры *Раковины* нашли, въ селеніи, лежащемъ на востокъ отъ бухты, родъ часовни, украшенной странными изображеніями, которыя размалеваны были различными красками, убраны перьями и цыновками и расположены въ симетрическомъ порядкѣ; вѣроятно, то былъ храмъ, а деревянныя фигуры—идолы. Впрочемъ о вѣроисповѣданіи этихъ народовъ ничего болѣе не могли узнать.

Значительно возвышенный въ срединѣ, гористый, и почти совершенно покрытый лѣсомъ, островъ Вайгу, простирается отъ в. къ з. почти на шестьдесятъ шесть миль, а отъ с. къ ю. на тридцать. Большая южная бухта, которая вдается почти до сѣвернаго берега, кажется, какъ будто разрѣзываетъ островъ надвое. Южная часть впрочемъ совсѣмъ не извѣстна. Границы острова Вайгу между 0° 24' и 0° 0' юж. шир.; 127° 49' и 128° 57' вост. дол.

На сѣверѣ отъ Вайгу разсѣяны нѣсколько маленькихъ островковъ: Бони, Равакъ, Манауаранъ, острова Енъ, и цѣпь островов Вайагскихъ, имѣющая одиннадцать миль отъ O. S. O. къ W. N. W., всѣ утесистые, лѣсистые и необитаемые. Должно упомянуть особо объ островѣ Рупбѣ, который въ окружности имѣетъ болѣе двѣнадцати миль; на вершинѣ его возвышается величественный конусъ, видный за пятнадцать или двадцать миль: обстоятельство весьма важное и значительное для этихъ мѣстъ. Вершина лежитъ подъ 0° 2' юж. шир. и 127° 45' вост. долг.

На сѣверѣ отъ Вайгу, и въ 20 миляхъ съ восточной его стороны, представляется группа Айу (Aiau), составленная изъ маленькихъ островковъ, опоясанная подводною скалою въ 50 миль окружности. Форрестъ открылъ эту группу. Онъ былъ на многихъ островахъ въ 1775 году; по словамъ его, они населены Папуйцами, которые питаются рыбою и черепахами. Туземцы пріѣзжаютъ по временамъ доставать саго, необходимое имъ для печенія хлѣба; они увозятъ съ собою женъ и семейства; кромѣ того, они производятъ неважную торговлю черепахами и гнѣздами Индійскихъ ласточекъ съ Тернатскими и Амбонискими Китайцами.

Айу-Баба, самый южный и важнѣйшій изъ острововъ группы, имѣетъ пять миль въ окружности и пять сотъ футовъ въ вышину. Форрестъ различаетъ трехъ главныхъ старшинъ подъ названіями мудо, сипагви и кималаха. Мудо имѣетъ нѣсколько женъ; изъ нихъ двѣ Малайскаго племени увезены были изъ Амблу, близъ Амбоины. Когда Форрестъ изъявилъ старшинѣ удивленіе на счетъ того, что онъ осмѣливался покупать Голландскихъ подданныхъ, дикій начальникъ отвѣчалъ, что на этихъ островахъ объ нихъ не безпокоятся, по причинѣ отдаленности ихъ; что впрочемъ туземцы имѣли тысячу способовъ избѣгнуть ихъ мщенія: такъ напримѣръ, когда Голландцы требовали голову одного Папуйскаго начальника, то имъ вмѣсто этой головы послали другую, отсѣченную у одного изъ невольниковъ.

Арлу и Конибаръ, два главнѣйшіе острова послѣ Айу-баба, имѣютъ каждый не болѣе трехъ миль въ окружности и 200 футовъ высоты. Въ Конибарѣ есть, какъ говорятъ, плантаціи ямса, пататовъ, сахарнаго тростника и другихъ тропическихъ произведеній.

Во время пребыванія Фрейсине въ Равакѣ въ 1818 году, старшина острова *Айу-Баба* пріѣзжалъ къ нему. Это тотъ самый, котораго мореплаватель называетъ *Моро*: измѣненіе, вѣроятно, происшедшее отъ названія *мудо*.

«Папуйцы, съ которыми мы входили въ сношеніе, говоритъ Фрейсине въ своемъ донесеніи, показались намъ понятливыми и остроумными; но никто изъ начальниковъ острововъ Айу не могъ равняться въ этомъ отношеніи съ Моро; онъ легко говорилъ по Малайски, дѣлалъ намъ тысячи вопросовъ и требовалъ истолкованія всего, что онъ видѣлъ у насъ необыкновеннаго. Онъ убѣдительно просилъ меня подарить ему термометръ. Незнаю, понялъ ли Моро употребленіе его, но долго что то разсказывалъ товарищамъ своимъ, и можно было подумать, что онъ объяснялъ имъ пользу этого инструмента.

«Моро ходилъ нагой: онъ носилъ только простой *лангути*, изъ коры фиговаго дерева; онъ былъ плотный мужчина и имѣлъ густые волосы, какъ всѣ его соотечественники. Нравъ его живъ и веселъ; онъ льстилъ съ удивительною ловкостью, когда хотѣлъ пріобрѣсть какую либо вещицу; онъ далъ мнѣ понять, что желая пользоваться обществомъ моимъ, долженъ былъ непремѣнно имѣть одежду нѣсколько пристойнѣе. Для этого

онъ неприметнымъ образомъ выпросилъ панталоны, потомъ рубаху, потомъ платокъ, чтобы завязать голову и т. д. Довольный новымъ нарядомъ своимъ, онъ уѣхалъ въ бухту Кабарей, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы похвастать тамъ своимъ щегольствомъ.

«На другой день онъ возвратился очень рано, съ двумя черепахами, которыя были мнѣ проданы. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался нашимъ обыкновеннымъ товарищемъ, не только застольнымъ, но даже почевалъ на кораблѣ. Онъ изучалъ насъ и подражалъ нашимъ пріемамъ легко и съ такою ловкостью, которая удивила насъ; за столомъ онъ употреблялъ ножикъ и вилку также хорошо, какъ мы. Однажды онъ вздумалъ опрокинуть всю перечницу въ ладонь и проглотить разомъ весь перецъ. Я думалъ, что онъ задохнется; ничего не бывало: онъ только выхвалялъ превосходство этого лакомства, повторяя: *бангусъ! бангусъ!* Онъ съ такимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на все, что стояло на столѣ, что я, желая потѣшить его, согласился отдать ему стаканъ, бутылку, тарелку и всѣ прочія вещи, которыя онъ употреблялъ. Радость его была неизъяснима, когда я далъ ему маленькую корзиночку, чтобы уложить всѣ эти сокровища. Онъ изъявилъ благодарность свою, подаривъ мнѣ нѣсколько жемчужинъ, и самую лучшую райскую птицу изъ всѣхъ, которыхъ я привезъ съ собою. Онъ не довольствовался этимъ, и оказалъ намъ гораздо важнѣйшія услуги. Мы безпрестанно окружены были толпою байдаръ: онъ взялъ самъ на себя должность полицеймейстера и купеческаго маклера, совершалъ торги съ своими соотечественниками и всегда въ пользу нашу; правду сказать, онъ находилъ тутъ и свою выгоду. Если, напримѣръ, мы соглашались дать девять ножей за извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ, онъ говорилъ мнѣ, что довольно будетъ и пяти, но отдавалъ только четыре торговцу, который, казалось, оставался доволенъ, а пятый оставлялъ себѣ. Онъ настоятельно хотѣлъ доказать мнѣ, что этотъ способъ дѣйствовать былъ для меня очень выгоденъ, и я охотно съ нимъ соглашался, смѣясь надъ его хитростью.»

Г. Дюрвиль, въ свою очередь, въ 1828 году сдѣлалъ географическое описаніе группы Айу. Байдары хотѣли подъѣхать къ кораблю, но лихорадка и диссентерія господствовали на кораблѣ, и потому Г. Дюрвиль не хотѣлъ останавливатся. Изъ наблюденій его видно, что географическія границы этой группы заключаются между 0° 19' и 0° 41'. сѣв. шир. и 128° 21' и 128° 45' вост. долг.

Въ шестнадцати миляхъ къ N. N. O. отъ островов Айу находится еще маленькая группа островов *Азія*, открытая въ 1805 военнымъ судномъ того же имени. Въ 1823 году ихъ видѣлъ вторично капитанъ Мекензи, а въ 1828 обозрѣвалъ Г. Дюрвиль. Всѣ три островка низменны и лѣсисты. Не извѣстно, населены ли они, или нѣтъ. Они лежатъ подъ 0° 58' сѣвер. шир. и 128° 48' вост. долг.

ГЛАВА XXIII.

Малезія или Малаизія—островъ Целебесъ.

Мы оставили Океанію 13 Августа у острова Вайгу. Въ слѣдующіе дни, Пендлетонъ шелъ быстро по вѣтру, съ намѣреніемъ обогнуть на с. островъ Морти, одинъ изъ Молуккскихъ, и направиться потомъ къ острову Целебесу. Хотя дулъ довольно сильный вѣтерокъ съ S. S. W., но море было гладко, какъ зеркало; его можно было принять за прудъ: до такой степени близость большихъ земель давала этимъ мѣстамъ совсѣмъ иной видъ противъ Южнаго океана. 14 числа ввечеру мы завидѣли мысъ Салавай острова Гилоло; 15, обогнули Морти; 17, Целебесъ былъ уже въ виду. Передъ *Океаніею* былъ мысъ Кофинъ, на с. в. оконечности острова, и прилежащіе къ ней небольшіе острова Банка. За выдающимся языкомъ и во внутренности земли возвышалась гора Коблатъ и гора Двухъ-Сестеръ. Коблатъ есть правильный конусъ, который въ ясное время виденъ на большомъ разстояніи. Двѣ-Сестры состоятъ изъ двухъ горъ, вышиною вполовину противъ первой, но весьма замѣтныя для идущихъ съ этой стороны. Въ трехъ миляхъ къ с. в. отъ сѣверной изъ этихъ высотъ находится третья гора, на которой замѣтно углубленіе, съ острыми краями, обнаруживающее потухшій кратеръ; далѣе къ востоку есть еще одно возвышеніе, коническое, черное, совершенно обнаженное, со всѣми признаками волканическаго свойства. Первая изъ этихъ горъ названа была Г. Дюрвилемъ, Волканомъ. Вся эта страна была, какъ кажется, въ прежнія времена, совершенно перержена подзем-

нымъ огнемъ, и можетъ быть, и нынѣ тамъ еще есть дымящiяся мѣста.

18 Августа ввечеру *Океанiя*, застигнутая штилемъ, находилась еще передъ мысомъ Коффинъ. Впереди ея открывался проливъ Банка, въ который мы вошли на слѣдующiй день. Берегъ былъ чрезвычайно крутъ. *Океанiя* шла въ полмилѣ разстоянiя отъ мыса Коффинъ, квадратно отесаннаго холма, лѣсистаго и мало возвышеннаго; потомъ поочередно прошла мимо лежащихъ въ этомъ узкомъ каналѣ островов Банка, Гангуа, Салисъ и Кабруканъ; видѣла небольшое селенiе Ликупангъ, гдѣ развѣвался Голландскiй флагъ; потомъ обогнула въ двухъ или трехъ брассахъ разстоянiемъ с. мысъ Семба, открыла конусъ Туаманада, и маленькiе островки Пенъ-мантро, Сiандiенъ и Бунакинъ, и наконецъ явилась передъ обширною бухтою Манадо, пространною, не слишкомъ открытою и опасною гаванью, гдѣ весьма трудно стать на якорь, потому что море еще въ полъ-кабельтова отъ берега уже глубиною отъ 60 до 80 брассовъ.

Океанiя, вступивъ на рейдъ, подняла флагъ свой, и стала было входить въ углубленiе, когда къ ней подошла Голландская шлюбка. Офицеръ и трое солдатъ, войдя на палубу, просили переговорить съ капитаномъ. Пендльтонъ свелъ ихъ въ каюту, гдѣ совѣщанiе продолжалось около получаса. Вышло что Монадскiй рейдъ, получившiй привиллегiю для однихъ только Голландскихъ судовъ, заставлялъ покупать свое гостепрiимство слишкомъ дорогою цѣною, ограничивая притомъ на весьма малое число дней время ихъ пребыванiя. Американецъ, казалось, со всѣмъ небылъ расположенъ согласиться на эти условiя.

Пендльтонъ былъ взбѣшенъ. «Голландцы злые жиды!» закричалъ онъ; «они, кажется, если бы могли, заставили бы платить имъ за воздухъ, которымъ здѣсь дышутъ. Океанiя ни за что въ свѣтѣ не дастъ имъ ни одного доллара. Они не знаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло.» Сказавъ это, Пендльтонъ обратился къ офицеру.» Милостивой государь, я хотѣлъ запастись у васъ водою и съѣстными припасами, но вижу, по счетамъ, которые вы мнѣ дѣлаете, что они будутъ здѣсь слишкомъ дорого стоить. Я сейчасъ иду въ Манилью.» И въ ту же минуту приказалъ лечь въ дрейфъ, чтобъ не вдвинуться еще болѣе въ углубленiе бухты.

Уже съ нѣкотораго времени я уговорился съ Пендльтономъ и хотѣлъ разстаться съ нимъ въ Манадо. Послѣдняя кампанiя Океанiи была безплодна. Предъ возвращенiемъ въ Нью-Iорку, Пендльтонъ хотѣлъ еще разъ обойти с. з. берегъ Америки, а этотъ путь былъ совершенно противенъ моимъ намѣренiямъ, ибо часть Малезiи и самыя большiя полуденныя земли не были еще мною осмотрѣны, и обѣщали пространное и любопытное изученiе, долженствовавшее составить дрогоцѣннѣйшее прiобрѣтенiе; и такъ не было причины колебаться: я долженъ былъ непремѣнно оставить моего друга, добраго капитана. Слезы навернулись у меня на глазахъ, когда я цѣловалъ его; самъ Пендльтонъ былъ глубоко тронутъ. «Мы увидимся,» сказалъ онъ, » непремѣнно увидимся. Такiе крейсеры, какъ мы, найдутъ другъ друга, хоть на томъ свѣтѣ. Выдавайте себя вездѣ за моряка съ *Океанiи*: это морская рыба, которую вездѣ знаютъ.» Чемоданы мои были снесены въ шлюпку Голландцемъ, который вызвался свезти меня на берегъ; послѣ чего я спустился по трапу, стараясь сколь можно сократить минуты прощанiя. Голландскiе гребцы увлекали меня къ берегу, а *Океанiя* направилась въ открытое море. Еще нѣсколько минутъ я видѣлъ Пендльтона на югѣ; онъ дѣлалъ мнѣ разные знаки рупоромъ, а я долго махалъ ему платкомъ, долго не сводилъ глазъ съ этого милаго судна, бывшаго впродолженiе двухъ лѣтъ моимъ единственнымъ жилищемъ,—съ *Океанiи*, къ экипажу которой я принадлежалъ. Уже бѣлые паруса красивой *Океанiи* далеко блестѣли въ морѣ, убѣгая, покидая меня одинокого среди чужой земли, и вскорѣ совершенно скрылись изъ глазъ моихъ.

Лестное вниманiе Голландскаго офицера облегчило нѣсколько сожалѣнiе мое о внезапной разлукѣ. На полдорогѣ отъ берега насъ догнала еще одна лодка, въ которой сидѣли два Европейца въ бѣломъ холстинномъ платьѣ, одеждѣ всѣхъ Креоловъ, и въ огромныхъ соломенныхъ шляпахъ. То были два Француза, давно уже поселившiеся въ Манадо, Гг. Барбье и Мартенъ. Барбье былъ отставной офицеръ императорскаго флота, совершившiй на *Симильянтѣ* походъ въ Индiю, и выключенный изъ службы, за слишкомъ вольныя мнѣнiя, въ 1815 году; онъ командовалъ тогда голетомъ, посредствомъ котораго велъ торговлю съ Молукками.

Непредвидѣнная встрѣча и ласковый прi-

емъ этихъ господъ и резидента Манадскаго, впродолженіе краткаго моего пребыванія тамъ, заставили меня сожалѣть, что я не могъ остаться долѣе для осмотра острова Целебеса. Едва я прибылъ, какъ уже долженъ былъ помышлять о средствахъ, какъ выйти изъ Малезскихъ морей; Г. Барбье предпологалъ ѣхать въ Амбонну, не ранѣе какъ дней черезъ 20; и такъ я принужденъ былъ ожидать три недѣли, если бы *Сава*, военный Голландскій бригъ, назначенный на службу въ Манадо, не получилъ приказанія, по какому то необходимому порученію, выступить тотчасъ въ море. Резидентъ, Г. Интерма, предложилъ мнѣ на немъ мѣсто, которое я съ радостью принялъ. Мы должны были выѣхать 23 числа.

Для осмотра Целебеса мнѣ оставалось только два дня, употребленные, благодаря стараніямъ Г. Барбье, съ большою пользою. Добрый мой соотечественникъ представилъ меня резиденту, который принялъ пріѣзжаго какъ нельзя лучше, и сдѣлалъ меня участникомъ всѣхъ празднествъ и удовольствій. На другой же день была назначена прогулка на озеро Тондано; полу-ученое, полу-живописное путешествіе, устроенное для какихъ то знатныхъ Голландцевъ, путешествовавшихъ, подобно мнѣ. Меня пригласили, и я, разумѣется, не отказался осмотрѣть прибрежье. Оставался одинъ только день; я спѣшилъ провести его съ пользою.

Подъѣзжая къ Манадо съ открытаго моря, вы ничего не видите, кромѣ кучи домовъ съ отлогими крышами; надъ ними возвышается двухъэтажное строеніе, жилище резидента; стѣна, унизанная нѣсколькими пушками, есть единственная защита этого замка, надъ которымъ развѣвается Голландскій флагъ. (Рис. XLII. ф. 1). Съ лѣвой стороны селенія, построеннаго на самомъ берегу моря, возвышался Коблатъ; съ правой оно прикрыто волнистою цѣпью горъ, которыхъ отрасль на двѣ мили отъ берега совершенно погружается въ море. По ту и другую сторону отъ этого укрѣпленія стелются прочіе домы селенія, совершенно особенной архитектуры, исключительно принадлежащей острову Целебессу; они выстроены на обтесанныхъ сваяхъ изъ досокъ, съ окошками, которые были украшены разными вырѣзками. Домы начальниковъ въ особенности обращаютъ на себя вниманіе; они снабжены четырехъугольнымъ перистилемъ съ возвышенною прямою оконечностью, покрытою соломою. Поселившіеся здѣсь Голландцы, кажется, не заботились о введеніи другаго рода построенія. Жители Манадо, хотя, по видимому, и принадлежали къ Малайскому племени, но не имѣли того четырехъугольнаго и скулистаго оклада лица, который отличаетъ это племя на всѣхъ прочихъ островахъ. Цвѣтъ кожи ихъ не такъ теменъ, лице круглѣе, тѣлосложеніе не столь плотно. Весьма вѣроятно, что между племенами, живущими во внутренности острова Целебесса, это несходство еще разительнѣе.

21-го Августа, въ 6 часовъ утра, когда все уже къ нашему путешествію на озеро Тондано было приготовлено, мы съ многочисленнымъ обществомъ отправились въ путь. Желая угощать лично гостей своихъ, резидентъ самъ присоединился къ нашему каравану. Прекрасныя лошади, смирныя, но полныя огня, ожидали насъ на дворѣ резиденціи. Полтораста слугъ, верхомъ и пѣшкомъ, должны были намъ сопутствовать или нести наши чемоданы. Однимъ словомъ, роскошь была царская. Нѣсколько паланкиновъ съ разставленными на дорогѣ перемѣнными носильщиками, были приготовлены для тѣхъ, кто предпочитаетъ этотъ способъ путешествія.

Окрестности Манадо, усѣянныя множествомъ красивыхъ домиковъ, окруженныхъ саговымъ частоколомъ, показались мнѣ очаровательными, при восходѣ солнца, среди этого торжественнаго шествія. Широкая и покойная дорога шла сперва по скату довольно отлогому, покрытому густымъ боромъ; но скоро началась цѣпь высокихъ и лѣсистыхъ пригорковъ, перерѣзанныхъ глубокими оврагами; лошади наши, привыкшія взлѣзать и спускаться по этимъ крутизнамъ, выбитымъ на подобіе лѣстницы, ни разу не споткнулись на этихъ почти отвѣсныхъ выступахъ, съ которыхъ переброшены были чрезъ рвы деревянные мостики на подобіе Китайскихъ. Представьте себѣ многочисленную кавалькаду, болѣе 150 человѣкъ, растянутую по уступамъ извилистой горы; ѣхавшіе впереди уже въ галопъ скакали чрезъ мостъ, тогда какъ послѣдніе едва показывались на вершинѣ горы. (Рис. XLIII). Малайцы, составлявшіе прислугу, предупреждали всѣ наши желанія. Число ихъ было такъ велико, что инымъ едва ли доставалось что либо дѣлать. Одинъ несъ птичьи гнѣздышки,

другой бутылку; каждый Европеецъ имѣлъ по 12 человѣкъ прислуги.

Такимъ образомъ мы проѣхали черезъ Тавапганъ, красивое селеніе въ кантонѣ Дарезъ, въ пяти миляхъ отъ Манадо. Капалабалакъ (начальникъ) этого селенія былъ въ нашей свитѣ; оставивъ за собою высокій шпицъ Коблата, мы прибыли въ Пасанъ-гулангъ, гдѣ насъ ожидалъ великолѣпный завтракъ. Тридцать или сорокъ туземцевъ въ бѣлыхъ холстинныхъ платьяхъ были выстроены, почетной въ видѣ гвардіи, въ двѣ шеренги. За рядами воиновъ, стояли нѣсколько робкихъ и боязливыхъ женщинъ. Онѣ были молоды и хорошо одѣты, но не имѣли въ чертахъ лица ничего привлекательнаго. Ротъ на ихъ сплющенномъ лицѣ чрезвычайно далекъ отъ ноздрей, носъ маленькій, плоскій; разноглазые и безъ всякаго выраженія, эти лица носили только отпечатокъ глупости. Впрочемъ мужчины на этомъ островѣ, казалось, были во всѣхъ отношеніяхъ выше женщинъ, которыхъ умственныя способности совершенно оправдывали глупое выраженіе ихъ лицъ. Онѣ скорѣе рабы, нежели супруги; мужчины берутъ столько женъ, кто сколько въ состояніи содержать.

Въ 10 миляхъ отъ Манадо, уже за Пауэнерингомъ, начинаются густые дремучіе лѣса, непроходимые ни въ какихъ другихъ мѣстахъ, кромѣ дорогъ, вновь проложенныхъ Голландцами. Лѣса эти произрастеніями своими и животными, которыми населены, напоминаютъ лѣса Новой Гвинеи. Только птицъ тутъ казалось менѣе, и тѣ не столь разнообразны; за то племя млекопитающихъ несравненно обильнѣе; есть животныя, совершенно не извѣстныя Меланезіи, какъ напр. бабирусы и сапи-утанги.

Бабируса имѣетъ много общаго съ свиньей и кабаномъ: ручная, какъ первая, она вооружена клыками подобно послѣднему. Комасъ называетъ ее *свинья-олень*; Валентинъ и Себа, также описывали это животное. Оно не такъ тучно, какъ однородныя съ нимъ; шерсть пепельно-рыжеватаго цвѣта бываетъ обыкновенно коротка, а кожа жесткая и совершенно гладкая. Животныя эти никогда не мѣшаются съ дикими кабанами. Когда ихъ преслѣдуютъ, они кидаются обыкновенно въ море и ныряютъ чрезвычайно ловко. Валентинъ говоритъ, что они не вырываютъ пищу свою изъ земли, но питаются травою и листьями. (Рис. XLII. ф. 2). Сапи-утангъ еще любопытнѣе: онъ похожъ на теленка, или на маленькую корову, какъ то доказываетъ его названіе, означающее на Малайскомъ языкѣ *сапи* (корова), *утангъ* (лѣсная). Морда и ноги вообще видъ имѣютъ коровьихъ, съ двумя толстыми рогами, немного выгнутыми взадъ. Шерсть его вѣситъ около двухъ или трехъ сотъ фунтовъ, тучность его тѣмъ болѣе замѣчательна, что онъ причисленъ къ породѣ антилопъ подъ названіемъ *antilopa depressicornis*. (Рис. XLII. ф. 3).

Въ этихъ лѣсахъ, населенныхъ примѣчательными животными, видѣли между растеніями саговую пальму или гомоту (*saguerus, gomutus Rumph*), прекрасное пальмое дерево, покрытое колючками только на самой вершинѣ и въ промежуткахъ между листьями; наружный видъ его совершенно схожъ съ саговымъ деревомъ; стволъ, вышиною въ 30 или 40 футовъ, гладокъ, прямъ, и вершина его, какъ у смоковнаго дерева, украшена красивымъ пучкомъ листьевъ; еще встрѣчались прекрасныя арековыя пальмы, иногда вышиною до 80 футовъ; птерокарпусъ весьма тамъ обыкновененъ; также и родъ смоковницъ (*ficus*), дерево, называемое святымъ у Яванцевъ. Что же касается до геологическаго описанія этой страны, надо сказать, что почва большею частію составлена изъ трахита или разложеннаго базальта, прикрытаго слоемъ чернозема, глубиною отъ 15 до 20 футовъ. Поверхность земли иногда камениста, но никогда несчана.

Мы находились тогда въ самомъ живописномъ мѣстѣ этой дороги. Овраги становились глубже и круче, и мы ежеминутно принуждены были сходить съ лошадей; пѣнистые потоки, между которыми находился и Манадо, часто пресѣкали намъ дорогу. Перейдя эти преграды, мы очутились на Тондано, прелестной равнинѣ, гдѣ зеленые посѣвы сарацынскаго пшена колыхались подъ легкимъ вѣяніемъ вѣтра, который на этой высотѣ былъ несравненно свѣжѣе. Тамъ, объѣхавъ сначала селеніе Тонзеа-Лама, гдѣ находились гробницы изъ кусковъ базальта съ іероглифическими фигурами, мы пришли къ водопаду Монадо, который здѣсь уже довольно значителенъ, хотя только что упадалъ изъ озера Тондано. Быстрый потокъ, удерживаемый базальтовымъ утесомъ, мало по малу проточилъ преграду, и, подобно току воды, устремляемому на колесо мельницы, проложилъ себѣ путь. Воды, сжатыя въ э-

томъ узкомъ пространствѣ, быстро изъ него вырываются и съ шумомъ, наполняющимъ всѣ окрестности, падаютъ сребристымъ полотномъ въ бассейнъ, наполненный пѣнистыми клубами. Внутреннія стѣны бассейна составлены изъ черныхъ скалъ, снизу обнаженныхъ и покрытыхъ въ верхнихъ частяхъ различными породами папоротника. Надъ пропастями и въ извилинахъ ущелій рѣятъ Индійскія ласточки, красуясь блестящимъ, сизымъ отливомъ крылъ, покрытыхъ снизу атласистоголубыми перьями. Чтобы сдѣлать для путешественниковъ мѣсто это вполнѣ привлекательнымъ, одинъ изъ послѣднихъ резидентовъ выстроилъ на утесѣ отвѣсно надъ пропастью, на подобіе птичьяго гнѣзда, бесѣдку изъ древесной коры и прутьевъ саговыхъ пальмъ. (Рис. LXIV. ф. 1).

Приближаясь къ Тондано, дорога расширяется, селеніе становится обширнѣе, плантаціи значительнѣе. Въ честь намъ, по обѣимъ сторонамъ дороги выстроены были воины, вооруженные щитами и деревянными саблями. Многочисленный отрядъ капала-балаковъ, т. е. высшаго начальства, и гоккумовъ, низшаго начальства, ожидалъ насъ передъ входомъ въ красивый, чистый и щеголеватый городокъ съ обширными домами, тянувшимися въ линію по обѣимъ сторонамъ Тондано (Рис. XLIV. ф. 2.). Теченіе этой рѣки раздѣляетъ городъ и мѣстность на двѣ равныя половины, составляющія двѣ области, имѣющія каждая своего капала-балака. Народонаселеніе въ Тондано полагаютъ до 2000 душъ. Одна изъ областей называется Тондано-тули-ангъ; другая Тондано-тули-мамба. Слово Тондано происходитъ, кажется, отъ двухъ корней, *тонъ* человѣкъ, *дано* вода (водяной человѣкъ); вѣроятно отъ того что большая часть домовъ построена здѣсь на сваяхъ. Теперь однако же значительная часть Тондано выстроена на твердой землѣ; но по бревнамъ, торчащимъ еще и донынѣ, видно, что селеніе это было построено прежде въ самомъ озерѣ. Оно было выдвинуто изъ него слѣдствіемъ мѣстнаго возмущенія, заставившаго Голландцевъ употребить пушки противъ Гарфуровъ Тондано, и съ тѣхъ поръ имъ воспрещено строиться гдѣ бы то ни было, кромѣ берега; однако же этому рыболовному народу позволяется и нынѣ строиться такъ близко отъ воды, какъ имъ заблагоразсудится. Красивыя строенія Тондано съ своими выгнутыми оконечностями, заимствованными отъ Китайцевъ, глядятся въ воды озера или рѣки.

Мы остановились въ домѣ резиденціи, выстроенномъ на небольшомъ островѣ, лежащемъ среди Манадо. Домъ этотъ весьма красивъ, оштукатуренъ известью и построенъ, какъ всѣ домы Гарфуровъ, на сваяхъ, которыя, приподнимая нижній этажъ отъ земли, образуютъ подъ домомъ обширную галлерею. (Рис. XLV. ф. 1.). Лишь только мы успѣли размѣститься, какъ начальники страны явились съ привѣтствіемъ. Поклонясь, они дотрогивались до нашей руки, выпивали стаканъ араку и снова уходили. Выполнивъ этотъ обрядъ, мы стали обѣдать; намъ подали превкусныя блюда изъ рыбъ, пойманныхъ въ озерѣ, раковъ, пойманныхъ въ прѣсной водѣ, и пальмовой капусты отличнаго вкуса.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, мы были уже на озерѣ, которое должны были объѣзжать въ маленькихъ челнокахъ, украшенныхъ зонтиками изъ листьевъ. До бассейна, отъ самаго города, разстилается родъ болота, покрытаго высокими злаками изъ роду *arundo* или *saccharum*, среди которыхъ кое гдѣ видны были блестящіе колокольчики, вьюнки (*convolvulus*), или пурпуровые колосья (*polygolom.*) За этимъ болотомъ начинается безподобный бассейнъ въ 5 или 6 миль отъ N. N. W. къ S. S. O. на двухъ миляхъ средней широты. Берега его, исключая со стороны Тондано, весьма чисты и живописны. Надъ ними разстилается длинная цѣпь горъ, изъ коихъ восточныя почти всѣ огнедышащія и извергаютъ небольшое количество дыма. Не должно ли заключить изъ этого, что прежде озера тутъ былъ кратеръ.

На сѣверѣ возлѣ Тондано, глубина озера не болѣе трехъ или четырехъ брассовъ; но вездѣ въ прочихъ мѣстахъ *лотъ* съ удивительною точностію показываетъ отъ 12 до 14. Слѣдовательно, если бы осушить это озеро, тутъ бы сдѣлалась прегладкая равнина. На берегахъ разсѣяны пять или шесть деревушекъ, населенныхъ рыбаками; челноки ихъ перерѣзывали безпрестанно этотъ обширный бассейнъ; одна изъ деревушекъ, а именно Пасунъ, построена въ самомъ углубленіи залива, и весьма некрасива. Выйдя на землю, мы увидѣли на крутомъ берегу весьма толстыя бревна, въ которыхъ продѣ-

ланы были круглыя отверзтія, такъ, что пять или шесть человѣкъ, съ пестиками въ рукахъ, могли бы свободно всѣ вдругъ толочь въ нихъ рисъ. На обѣихъ оконечностяхъ одной изъ этихъ машинъ, предназначенныхъ, какъ намъ сказали, для торжественныхъ случаевъ, выдѣланы были двѣ фигуры, со всѣми принадлежностями обоего пола, весьма грубо, хотя очень отчетисто, выработанныя, и совершенно въ родѣ тѣхъ, которыхъ я впослѣдствіи видѣлъ въ Новой Зеландіи. Окрестности этихъ селеній, разбросанныхъ вокругъ озера, заняты были рисовыми и кофейными полями; сборъ съ нихъ принадлежитъ Голландскому правительству.

Осмотрѣвъ всѣ деревни и поля, мы опять въ челнокахъ нашихъ пріѣхали въ Тондано, занимаясь на пути охотою или рыбною ловлею. Хорошихъ рыбъ было весьма мало поймано; но въ вознагражденіе за то, мы убили множество птицъ, утокъ, порфирокъ, лысухъ, а всего болѣе черныхъ, бѣлыхъ и сѣрыхъ цапель. (Рис. XLV. ф. 2).

Вопреки желаніямъ моимъ продлить пребываніе въ этихъ прелестныхъ мѣстахъ и въ столь здоровомъ климатѣ, день отъѣзда изъ Манадо приближался; надо было оставить Тондано. Возвращаясь другою дорогою, мы проѣхали богатыя кофейныя плантаціи и рисовые огороды. Первое встрѣтившееся намъ на пути селеніе было Коіа, потомъ мѣстечко Томогонъ, населенное Гарфурами; они были извѣщены о нашемъ пріѣздѣ и приготовили для насъ самыя пышныя празднества.

И точно, едва успѣли мы сѣсть подъ галлереею канала-балака, какъ ограда осаждена была толпою народа. Пантомимы, танцы, различныя игры слѣдовали одна за другими. Въ первой пляскѣ участвовали осьмнадцать туземцевъ, одѣтые въ древній національный костюмъ Гарфуровъ. Одѣяніе это состояло изъ нарядныго передника, вышитаго золотомъ, подвязаннаго на перехватѣ стана и спущеннаго спереди въ видѣ бахромы. На головѣ были турбаны, украшенные райскими птицами; шея была увѣшена безчисленнымъ множествомъ стеклянныхъ ожерелій; на колѣнахъ подвязки съ побрякушками; копья убраны перьями; въ рукахъ были щиты рѣзной работы: этотъ нарядъ нѣсколько схожъ съ нарядомъ мнимыхъ дикихъ, которыхъ мы видимъ иногда на сценѣ нашего театра. Противоположность первобытнаго наряда была тѣмъ разительнѣе, что подлѣ Гарфуровъ стояли стражи начальника, одѣтые по Европейски. (Рис. XLVI. ф. 1.).

За первою пляскою слѣдовала другая, болѣе живописная и общая. Отъ полутораста до двухъ сотъ Гарфуровъ, одѣтые въ простые саронги (родъ Малайскихъ блузовъ), съ повязанными на головѣ въ видѣ чалмы платками, украшенными райскою птицею, пришли вдругъ въ движеніе, по треску пущенныхъ шутихъ и звуку гумъ-гумовъ, томъ-тамовъ и металлическихъ цимбаловъ. Они начали плясать съ щитами и копьями, производя весьма замысловатые маневры, по простому знаку главнаго хореграфа, изображая битвы, вытягиваясь въ линію, извиваясь въ видѣ арабесковъ, крутясь и раскручиваясь попеременно. Послѣ многихъ разнообразныхъ фигуръ, они заключили пляску, составивъ кругъ, танцуя и припѣвая тихимъ, единообразнымъ голосомъ. Каждый опирался правою рукою на плечо сосѣда, держа въ лѣвой щитъ; они довольно долго продолжали эту симетрическую, пріятную пляску. (Рис. XLVI. ф. 2.).

Селеніе Гарфуровъ доставило мнѣ случай изучить нравы этого страннаго народа. Племя это, по видимому, совершенно отличное отъ природныхъ Малайцевъ: кожа ихъ бѣлѣе, лица круглѣе. Почти во всѣхъ жителяхъ замѣтны отличительныя черты обоихъ поколѣній. Глаза у нихъ овальные, на прямой горизонтальной линіи расположенные, но не стянутые, какъ у Китайцевъ; волосы черные, гладкіе и длинные, въ особенности у мужчинъ; борода у нихъ весьма мала. Впрочемъ цвѣтъ кожи ихъ перемѣняется, сообразно съ поясомъ, въ которомъ они обитаютъ: кожа живущихъ на прибрежьѣ темнѣе; обитающіе во внутренности острова бѣлѣе. Тѣ изъ нихъ, которые родились отъ смѣси Гарфуровъ съ Европейцами, имѣютъ пріятныя лица и стройный станъ. Гарфуры небольшаго роста, но хорошо сложены; всѣ почти одѣваются по восточному, хотя немногіе изъ нихъ исповѣдуютъ Магометанскую вѣру. Женщины одѣваются; мужчины же, низшаго званія, ходятъ почти нагіе, въ одной рубахѣ, или въ передникѣ, который прикрываетъ ихъ отъ пояса до колѣнъ. Они кротки, добры и весьма гостепріимны; не имѣютъ жестокости, свойственной Гарфурамъ Молуккскихъ острововъ и Новой Гвинеи. Они подвластны Голландцамъ, и повинуют-

ся резиденту, какъ полубогу; когда ему случается объѣзжать островъ, это бываетъ предлогомъ празднества во всей странѣ. Мы имѣли случай видѣть образецъ подобныхъ народныхъ увеселеній.

Гарфуры не имѣютъ положительнаго вѣроисповѣданія. У нихъ нѣтъ ни храмовъ, ни идоловъ, ни священниковъ. Вѣра ихъ ограничивается какимъ то механизмомъ, подобно жителямъ Тонги; они вѣрятъ злымъ духамъ, для умоленія которыхъ возлагаютъ на себя добровольныя пожертвованія, въ родѣ Полинезійскаго табу. Эти злые духи имѣютъ большое сходство съ атуами Новой Зеландіи и хатуами Тонги. Гарфуры имѣютъ священниковъ, или лучше сказать, предсказателей, которые толкуютъ, подобно Римскимъ оракуламъ, пѣніе, полетъ птицъ и движеніе трепещущей внутренности. Часто они доводятъ фиглярство до того, что кладутъ голову въ дымящееся чрево жертвы, и вынувъ ее оттуда окровавленную, предсказываютъ будущее плавнымъ и мѣрнымъ слогомъ. Прежде покоренія, эти племена Гарфуровъ, присоединенные къ конфедераціи Манадской, управляемы были начальниками, которые съѣзжались на конгрессъ, для рѣшенія общихъ дѣлъ. Голландцы, овладѣвъ страной, не нарушали первобытныхъ обычаевъ. Они только предоставили губернатору право утверждать выборъ главныхъ начальниковъ (капала-балаковъ), которые въ свою очередь, съ согласія резидента, выбирали начальниковъ селеній (гокумовъ). Множество обоюдныхъ выгодъ ограждаютъ Голландцевъ отъ злоупотребленія власти, данной островитянамъ. Ни одна изъ должностей не есть наслѣдственна; копала-балаки находятся подъ властью резидента, который при малѣйшемъ проступкѣ сажаетъ ихъ въ тюрьму; вотъ почему они чрезвычайно покорны: рабы не могли бы быть покорнѣе и послушнѣе. Голландецъ, кто бы онъ ни былъ, есть для нихъ особа священная; даже трость начальника, несомая однимъ изъ его служителей, имѣетъ могущественную силу. Этого знака владычества Голландцевъ достаточно, чтобы внушить почтеніе и заставить немедленно исполнять всякое приказаніе.

Послѣ этихъ любопытныхъ изслѣдованій, мы оставили Томогонъ и гостепріимный кровъ капала-балака; домъ его, одинъ изъ лучшихъ, видѣнныхъ мною по сіе время, хорошо выстроенъ и меблированъ; въ немъ находятся диваны, современные покоренію, и нѣсколько серебряныхъ вазъ Европейскаго издѣлія. Весь грунтъ земли, нами попираемой, волканическій, и усѣянъ кое гдѣ грудами базальта, а во рвахъ черною каменною смолою. Нигдѣ не было замѣтно значительныхъ потоковъ лавы. Главныя произведенія суть рисъ и кофе. Прошедъ по извилистымъ площадкамъ, мы достигли вершины Гунонгъ-эмпонга, горы духовъ (*mont des Esprits*), подпирающаго гору Локонгъ и возвышающуюся на 3.500 футовъ надъ поверхностью моря. Съ этой вершины представилась взорамъ нашимъ удивительная перспектива, открылись заливъ Манадо, лежащіе на немъ острова и окрестныя земли до горы Клобатъ. Отъ Эмпонга мы отправились на Лоту, гдѣ насъ ожидали другіе пиры, праздники и пляски. Селеніе прекрасно; широкая, чистая улица, усѣяна по бокамъ домиками, поставленными на сваяхъ или столбахъ; многіе изъ нихъ украшены лѣпными узорами. Нѣкоторые изъ скульптурныхъ изображеній представляли Европейцевъ въ шапкахъ и шляпахъ. Изъ Лота мы въ нѣсколько часовъ достигли до Манадо, куда караванъ нашъ прибылъ весьма поздно. Мнѣ едва достало времени, чтобы проститься съ новыми моими пріятелями. *Сива* должна была сняться съ якоря на другой день съ разсвѣтомъ; я въ тотъ же вечеръ отправился ночевать на корабль.

Целебесъ, большой островъ, имѣетъ около двухъ сотъ миль длины, простирается отъ экватора почти до 6° юж. шир. обнимая до 16,000 квадр. миль пространства. Въ геологическомъ отношеніи, можно раздѣлить его на четыре части, изъ коихъ каждая будетъ представлять полуостровъ. Въ отношеніи политическомъ можно раздѣлить островъ на двѣ части: на непосредственныя и посредственныя Голландскія владѣнія.

Между непосредственными Голландскими владѣніями находятся:

Области Манадо и Горонтало, изъ коихъ одну часть мы осмотрѣли. Первая находится подъ непосредственною властью Голландцевъ, вторая управляется султаномъ, подвластнымъ резиденту Манадскому. Эти двѣ области, составляютъ полуостровъ с. в. части Целебеса. Почва весьма роскошная и народонаселеніе находится на степени благосостоянія, безпрерывно возрастающаго. Тамъ собираютъ кофе, рисъ, золото, и дѣлаютъ

превосходныя веревки изъ гумути. Три главные города этихъ двухъ областей суть: Манадо, Горонтало и Кема.

Владѣніе Макассарское раздѣлено на нѣсколько окружныхъ областей: маленькая область Макассаръ съ тремя селеніями, Кампонгъ-Бару, Малайо, и Бугисъ; потомъ южныя области резиденціи Бонтенъ и Маросъ. Область Макасаръ, прежде довольно значительная, ибо именемъ ея былъ названъ проливъ, и по сіе время есть главное мѣстопребываніе Голландской власти на Целебесѣ; она заключаетъ восемь квадратныхъ миль пространства и 15,000 жителей, въ томъ числѣ три острова, лежащіе противъ рейда безопасной и обширной пристани. Въ области Макассаръ нѣтъ города, называемаго этимъ именемъ. Существовавшій прежде городъ, называемый Малайцами Уджонгъ-падангъ, давно уже уничтоженъ; вмѣсто его находится крѣпость Роттердамъ и городъ Флардингенъ, заключающій въ себѣ до восьми сотъ Европейцевъ, служащихъ, или негоціантовъ, и триста или четыреста человѣкъ гарнизона. Гражданскою частью управляетъ губернаторъ, имѣющій подъ властью своею пятерыхъ резидентовъ, или намѣстниковъ, размѣщенныхъ въ северныхъ и южныхъ областяхъ и въ областяхъ Булекомба и Бонтенъ, также на островахъ Самбова и Салайеръ.

Южные округи (*Zuider districten*), занимая пространство въ двѣсти квадратныхъ лигъ, раздѣлены на двѣнадцать намѣстничествъ и содержатъ 75,000 жителей.

Округи Булекомба и Бонтенъ, имѣютъ до двухъ сотъ шестидесяти квадратныхъ лигъ и 25,000 жителей.

Округъ Маросъ, составляющій прекрасную резиденцію этого имени, весь раздѣленъ на намѣстничества, изъ коихъ нѣкоторыя, присоединенныя во время послѣдней войны Голландіи съ Англіею къ владѣніямъ Танетъ и Бони, недавно завоеваны опять Голландцами и присоединены къ ихъ владѣніямъ. Область эта простирается на двѣсти тридцать квадратныхъ лигъ и заключаетъ 100,000 жителей.

Большая часть Целебеса состоитъ изъ непосредственныхъ владѣній Голландцевъ. Ихъ скорѣе можно было бы назвать независимою частью острова; ибо князья, управляющіе ими, почти совсѣмъ не подвластны Голландцамъ; и соблюдаютъ подчиненность только изъ наружныхъ приличій. Эта часть острова раздѣляется на безчисленное множество маленькихъ владѣній, которыя ежедневно клонятся къ большему раздѣленію, отъ того что многія части отдаются въ видѣ удѣльныхъ собственностей. Всѣ эти князьки живутъ довольно согласно, и составляютъ родъ конфедераціи или союза; главнаго члена, они считаютъ первымъ союзникомъ. Важнѣйшія обязанности этого званія состоятъ въ томъ, чтобы служить посредникомъ между князьями въ раздорахъ ихъ. Сверхъ того, хранители владѣній должны присягать на вѣрность, и обязаны подчинять выборъ новоизбранныхъ на ваканціи уполномоченію Европейскаго начальника; наконецъ мореплаваніе островитянъ должно быть подчинено подати, собираемой Голландцами; обязанность болѣе хлопотливая, нежели полезная; отъ нея болѣе издержекъ, нежели выгодъ.

Вотъ посредственныя владѣнія Голландцевъ: Манфаръ, раздѣленный между семью союзными князьями.

Владѣнія Сидерсенгъ.

Королевство Танетъ, на западномъ берегу острова:

Владѣніе Лугу, Ваджо и Сопенгъ, на северѣ отъ залива Бони. Первое, лежащее на восточномъ берегу острова, есть главнѣйшее изъ этихъ государствъ: оно занимаетъ почти четверть пространства всей земли; но число жителей его невозможно опредѣлить. Ваджо и Сопенгъ, на пространствѣ двухъ сотъ квадратныхъ лигъ, имѣютъ до 40,000 жителей. Эта часть острова наилучше обработана. Всѣ владѣнія эти населены *Бугисами*, поколѣніемъ, занимающимся торговлею и промышленостію и снабжающимъ Малайскія суда (про) хорошими моряками; люди этого поколѣнія находятся во всѣхъ частяхъ здѣшнихъ архипелаговъ.

Владѣнія короля Бони весьма многолюдны, но бѣдны; по вѣрнѣйшимъ спискамъ 1824 года, извѣстно, что онъ можетъ вооружить 40,000 человѣкъ; изъ чего можно заключить, что на шести стахъ квадратныхъ лигахъ находится 200,000 жителей. Эта военная сила возбудила недавно въ королѣ Бони желаніе завладѣть частью сосѣдних областей, отъ чего произошли войны, съ трудомъ прекращенныя. Если бы Голландцы не воспрепятствовали, то король Бони привелъ бы вѣрно въ исполненіе предположенія объ

этихъ завоеванiяхъ. Начальники, живущiе на полуостровахъ Балантъ, или восточныхъ, и юго-восточныхъ, принуждены уже были признать его своимъ покровителемъ. Байоа, столица королевства, имѣетъ 8,000 жителей.

Король Макассарскiй значительно утратилъ власть свою, нѣкогда нераздѣльную, въ одномъ изъ могущественнѣйшихъ Малайскихъ государствъ. Всѣ путешественники XVII вѣка говорятъ это о Макассарцахъ и ихъ монархѣ; нынѣ не осталось почти и слѣда ихъ могущественной морской силы. На трехъ стахъ квадратныхъ лигахъ Макассарскаго королевства едва ли находятся 65,000 душъ. Нынѣшнiй король живетъ въ Гоа (Goak), стѣны котораго разрушены въ 1778.

Область Телло управляется королевою, подвластною королю Бони.

Владѣнiя Туранъ, раздѣлены между тремя князьями, давнишними вассалами короля Бони, но прiобрѣтшими независимость во время войны Англичанъ въ 1814 году.

Еще нѣсколько островковъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ по географическому ихъ раздѣленiю, причисляются къ Целебесу. Въ этомъ числѣ надо упомянуть о группѣ островъ Салайеръ, раздѣленной между нѣсколькими князьями этого острова, признавшими власть Голландцевъ; острова Бутонъ, принадлежащiе султану, и гдѣ находится городокъ Калла-сусонгъ, служащiй ему столицею; Сангуръ на с. оконечности полуострова Манадо; *Сiао*, еще меньшiй островокъ, лежащiй къ югу отъ вышеозначеннаго; *Банка*, очень маленькiй островокъ, но весьма плодородный; группа островов Ксулла, изъ коихъ Ксулла-мангала, кажется, есть самой большой, а Ксулла-бесси самый малый. На послѣднемъ Голландцы содержатъ гарнизонъ.

Не смотря на то, что мѣстоположенiе Целебеса большею частью гористое, земля во многихъ мѣстахъ очень плодородна. До тѣхъ поръ, пока корыстный расчетъ Голландскихъ откупщиковъ не уничтожилъ деревьевъ, всѣ берега этого острова были покрыты разнаго рода пряными произрастенiями. Мускатныя и гвоздичныя деревья, снабжали изобильною жатвою прибрежныя части острова. Теперь произведенiя этой страны ограничиваются сборомъ лучшего сорта кофе и добыванiемъ золота, въ довольно значительномъ количествѣ. Въ Макассарѣ есть также мѣдныя и желѣзныя руды. Въ лѣсахъ, покрывающихъ островъ, много строевыхъ деревьевъ, какъ-то: кедровъ, дубовъ, кленовъ, чернаго дерева, желтника, калембака и сандальнаго дерева. Здѣсь замѣчателенъ бамбукъ, который достигаетъ до трехъ фут. ширины и поднимается футовъ на сорокъ въ вышину. Это растенiе усѣяно изрѣдка узлами, которые пускаютъ множество вѣтокъ, покрытыхъ листьями, похожими на тростниковые, и длинными крѣпкими шипами. Молодые отпрыски дерева употребляютъ въ соусы, а изъ стволовъ его дѣлаютъ бревна для построенiя домовъ. Всѣ фруктовыя деревья земель, подъ тропиками лежащихъ: пальмы, хлѣбныя деревья, мангаферы, апельсинныя, банановыя и миндальныя, произрастаютъ здѣсь весьма хорошо. Въ числѣ полезныхъ деревьевъ и растенiй, надо упомянуть о деревѣ, производящемъ хлопчатую бумагу, кофе, сахарномъ тростникѣ, рисѣ, перцѣ, бетелѣ, арекѣ, о рисѣ, произрастающемъ на горахъ, и рисѣ, производимомъ мѣстами, омываемыми моремъ. Патать и ямсъ ростутъ въ огородахъ съ цикорiемъ, портулакомъ, капустою и Европейскою рѣдькой. Эти страны производятъ также Турецкое пшено, манiокъ, соль, сахаръ, добываемый изъ дерева, росной ладанъ и табакъ. Поморье изобилуетъ рыбою и черепахами, которыя составляютъ предметъ весьма значительной торговли.

Целебесъ, покрытый пастьбищами, изобилуетъ множествомъ четвероногихъ животныхъ. Лошади изъ Макассара славятся во всей Индiи своею красотою, огнемъ и крѣпостью. Ихъ вывозятъ въ Яву, Калькутту, Кантонъ, иногда даже и въ Иль-де-Франсъ, и вообще, на какомъ бы онѣ рынкѣ не появились, ихъ всегда охотно раскупаютъ. Губернаторъ Батавiи недавно велѣлъ привести нѣсколько кобылъ съ Целебеса для своихъ конскихъ заводовъ, въ Ганжарѣ. Кажется, что отъ смѣшенiя этой породы съ Явайскими жеребцами, произошли превосходные жеребята. Въ числѣ домашняго скота, здѣсь находятся еще коровы, козы, бараны и свиньи. Въ лѣсахъ и поляхъ водятся во множествѣ олени, кабаны, Индiйскiя свиньи, сапи-утанги и зайцы. Обезьяны весьма многочислены и вредны. Если бы эти животныя не были безпрерывно преслѣдуемы змѣями (боа), то они овладѣли бы страною. Змѣи боа на Целебесѣ удивительной величины: онѣ бываютъ длиною до двадцати пяти футовъ, и до девяти

дюймовъ въ діаметрѣ; но не имѣютъ ни жала, ни зубовъ, ни яда. Языкъ ихъ кривъ и гибокъ; спина черная кольчатая съ золотымъ отливомъ; брюхо серебристобѣлаго цвѣта. Другія змѣи, также всегда въ войнѣ съ обезьянами; наиболѣе же родъ змѣй весьма проворныхъ, подражающихъ крику дрозда; есть удавы величиною съ боа; они истребляютъ крысъ, полевыхъ мышей и кротовъ; змѣи *cobra di capello* здѣсь также страшны, какъ и на Цейланѣ; спина ихъ сѣро коричневая съ черными пятнами, брюхо пепельнаго цвѣта, глаза огненные, голова плоская съ перепончатымъ хохолкомъ, образующимъ родъ шлема, отвратительной наружности. Семейства птицъ чрезвычайно разнородны и замѣчательны яркостію цвѣтовъ. Орлы и ястребы кружатъ надъ горами; черныя стаи Европейскихъ галокъ покрываютъ почти весь островъ; голуби, фазаны, утки, водяныя куры и бѣлыя цапли, доставляютъ прекрасную дичь; голуби и куры водятся также въ большомъ количествѣ. Въ лѣсахъ множество разнаго рода попугаевъ: бѣлые какатоесы съ желтыми хохлами, которые они то распускаютъ, то складываютъ, какъ вѣеръ; краснoперые лоріи, всѣ съ черными и пурпуровыми шейками; наконецъ зеленые попугаи, самые обыкновенные. Другой родъ птицъ, здѣсь весьма уважаемый, есть *теренгулонъ*, величиною съ воробья, но украшенный перьями удивительно яркихъ цвѣтовъ; спина зелено-изумруднаго цвѣта, брюшко золотисто желтое, хвостъ небесноголубаго цвѣта, а носикъ и лапки пунцовые.

Жители этого острова должны принадлежать различнымъ поколѣніямъ, хотя подробности о нихъ и не извѣстны. Два главнѣйшія раздѣленія представляются какъ бы сами собою: прибрежные Малайцы и Гарфуры, обитающіе въ центрѣ острова; первые смуглы и не столь красивы, какъ вторые; они скрытны и не столь спокойны и покорны. Мы замѣтили уже это въ Манадо. Но различіе, о которомъ мы говоримъ, не достаточно: кромѣ не извѣстныхъ, находятся еще два племени, обитающія на берегу, и разительно отличныя въ правахъ, обычаяхъ, законахъ и вѣроисповѣданіи: это Макассарцы и Бугисы. Макассарцы большаго роста, плотнаго сложенія, любятъ работу и легко переносятъ всякую усталость. Черты лица ихъ были бы довольно правильны, если бы они, по общему на Малайскихъ островахъ обыкновенію, не сплющивали носовъ у дѣтей. Магометанскіе священники или *агвіи*, обязаны воспитывать юношество и отправлять богослуженіе. Мужчины нрава веселаго, ревнивы, хотя въ обращеніи пріятны; женщины воздержны и скромны. Макассарцы любятъ военныя упражненія, воинственные танцы подъ звукъ гумъ-гумовъ и тамъ-тамовъ; они отличные наѣздники, очень хорошо стрѣляютъ изъ лука и ловко владѣютъ саблею и крикомъ (кинжаломъ), который почти всегда напитанъ ядомъ.

Пища островитянъ состоитъ изъ вареной и жареной говядины и рыбы, приправленной пряностями; они ѣдятъ два раза въ день: первый разъ въ девять часовъ утра, въ другой, при закатѣ солнца. Между обѣдомъ и ужиномъ, жуютъ бетель и арекъ, курятъ или пьютъ шербетъ, лимонадъ, приправленный гвоздикой и мускатнымъ орѣхомъ. Пальмовое вино употребляется обыкновенно во время пищи. Одежда островитянъ состоитъ изъ длиннаго закрывающаго колѣни камзола и панталонъ изъ легкой ткани. Богатые носятъ платья изъ парчи, средній классъ прикрывается лоскутьями, въ родѣ передника. Иногда набрасываютъ сверхъ камзола маленькій плащъ. На головѣ носятъ то вышитыя шелковыя шапочки, то кусокъ матеріи, въ видѣ чалмы. И знатные и бѣдные брѣются; но не стригутъ волосъ. Эти островитяне, какъ и многіе Малайскія племена, подпиливаютъ и красятъ себѣ зубы. Операція совершается на двѣнадцатомъ году отъ роду. Они весьма чистоплотны, и какъ всѣ Магометане, ходятъ въ бани и втираютъ въ тѣло душистыя мази. Женщины носятъ кисейныя рубахи съ коротенькими узкими рукавами, закрывающимися на боку; шелковыя панталоны, нисходящія до ступни, а сверхъ ихъ еще другія кисейныя панталоны; они весьма искусно завиваютъ и плетутъ волосы. Въ ихъ одеждѣ и роскоши проявляется вкусъ жителей Востока.

Макассарцы женятся на пятнадцатомъ или шестнадцатомъ году. Между богатыми людьми, отецъ жениха обязанъ выстроить домъ для помѣщенія новобрачныхъ. Утромъ, въ день свадьбы, женихъ, надѣвъ лучшее платье, отправляется въ сопровожденіи свидѣтеля въ церковь, откуда онъ посылаетъ подарки невѣстѣ; когда этотъ обрядъ

исполненъ, агвій вводитъ жениха въ храмъ, объясняетъ ему его обязанности, потомъ спрашиваетъ: хочетъ ли онъ имѣть супругою такую то дѣвушку; послѣ утвердительнаго отвѣта онъ беретъ его одной рукою, а другую протягиваетъ свидѣтелю, потомъ обоихъ подводитъ къ невѣстѣ. Ей повторяется вопросъ: «желаете ли вы имѣть такого то супругомъ?» Если она скажетъ да, агвій соединяетъ руки ихъ, и новобрачная даетъ мужу своему золотое кольцо. Послѣ того садятся за столъ; по окончаніи трапезы запираютъ молодыхъ на три дня въ темную комнату, освѣщенную одною лампадою, куда старая прислужница доставляетъ имъ пищу. По истеченіи этого времени испытанія, они могутъ поселиться въ приготовленномъ для нихъ домѣ, гдѣ празднество оканчивается великолѣпнымъ пиромъ.

Прежде Макассарское владѣніе было могущественнѣйшее на Малайскомъ морѣ. Государство это, процвѣтавшее въ шестнадцатомъ столѣтіи, имѣло колоніи на большей части окружающихъ его острововъ; войска, флотъ и сокровища его были многочисленны; нынѣ кажется, все это исчезло. Правда, императоръ Макассарскій еще существуетъ, но имперіи уже нѣтъ. Императоръ просто членъ конфедераціи Целебесской, несчастный подданый Голландцевъ. Нѣкогда корона была наслѣдственна; считали даже, что втеченіе десяти столѣтій сряду, законные наслѣдники занимали престолъ. Армія, состоявшая почти изъ 15,000 человѣкъ, получала плату только въ военное время. Національное знамя бѣлое съ краснымъ, усѣянное разбросанными на немъ листьями, птицами и изображеніями четверти луны, шитыми золотомъ.

Около средины шестнадцатаго столѣтія, Макассарцы поклонялись еще идоламъ. Въ то время Евангелическое исповѣданіе было тамъ водворено купцами, прибывшими изъ Терната; говорятъ, что король и подданные были окрещены Португальцами; но черезъ полстолѣтія, Магометанское исповѣданіе вкралось въ страну, отъ сообщенія Макасарцевъ съ Ахиньями изъ Суматры; съ тѣхъ поръ островитяне сдѣлались истинными фанатиками-Мусульманами.

Буги или бугисы также мусульмане, хотя между ними болѣе терпимости, нежели между ихъ сосѣдями. Вся промышленость мореходная и мануфактурная находится въ рукахъ Бугіевъ, народа трудолюбиваго и занимающагося мореплаваніемъ. Они выдѣлываютъ множество бѣлыхъ и голубыхъ тканей изъ хлопка, также шелковыя матеріи изъ сырцу, передники и другія ткани. Рыбная ловля и каботажное судоходство составляютъ ихъ важнѣйшія занятія. Они обходятъ не только всѣ сосѣдственныя группы, острова Молуккскіе, Суматру, Борнео, Яву, Филиппинскіе, но пристаютъ и къ Индійскимъ странамъ, посѣщаютъ Макао и Кантонъ, Мадрасъ, Калькутту, Суратъ и Бомбей; они направляютъ свои суда даже и въ Чермное море. Буги, искусные и отважные моряки, доходятъ до береговъ Австраліи, въ заливъ Корпентарію для ловли трипанговъ, предмета, составляющаго самую важную отрасль торговли съ Китайцами.

Островъ Целебесъ принадлежалъ сперва Португальцамъ, поселившимся тамъ въ 1525 году, и удержавшимися даже послѣ изгнанія ихъ изъ Молуккскихъ острововъ. Голландцы овладѣли имъ только въ 1660 году, и сохраняли не столько для выгодъ, доставляемыхъ этимъ мѣстомъ, какъ изъ опасенія, чтобы онъ не достался какой либо другой державѣ. Расходы, требуемые занятіемъ, всегда превышали доходы. Надѣются однако, что перемѣны, введенныя барономъ Фанъ-деръ-Капелленомъ, приведутъ дѣла въ лучшій порядокъ. Безразсудныя монополіи могли уничтожить на Целебесѣ всѣ выгоды отъ произведеній богатой его почвы, но свободная торговля и земледѣліе должны возвратить ему богатства, которыми природа его одарила. Впрочемъ, мы обратимся еще къ этому вопросу, когда общимъ и короткимъ взглядомъ обнимемъ всю систему правленія, которая такъ долго тяготѣла надъ такъ называемыми островами Пряностей (*Iles à épices*).

До Голландцевъ, мѣстная исторія мало извѣстна. Жители острововъ, называемые Бугисами, вели лѣтосчисленіе по времени царствованій ихъ государей. По ихъ счисленію, которому они еще и по сіе время слѣдуютъ, царствовали въ Гоа-Макассарѣ тридцать девять королей, отъ начала нынѣ царствующей династіи до 1809 года. Это государство, полагая среднимъ числомъ въ тридцать лѣтъ каждое царствованіе, существуетъ, стало быть, пятьсотъ девять лѣтъ, и началось только въ 1302 году нашей эры. Въ 1610, Макассарцы, принявъ Магометан-

скую вѣру, и возбуждаемые духомъ завоеваній, принудили жителей Бони и Ваджу принять ихъ вѣроисповѣданіе. Въ 1640 году Ламадерама, король Бони, желая обратить въ Христіанство своихъ подданныхъ, началъ ихъ притѣснять; они призвали Макассарцевъ, которые побѣдили короля Бони, и оставили владѣніе его подъ своею властью. Съ того времени, побѣды ихъ продолжались; они покорили еще Сумбаву въ 1650, Ксуллу и Бутомъ въ 1665, и на послѣднемъ истребили Голландскія поселенія. Успѣхи ихъ длились до того времени, пока Адмиралъ Спильманъ, встрѣтивъ флотъ ихъ изъ 700 кораблей съ 20,000 человѣкъ войска, истребилъ его. Съ того времени начинается владычество Голландцевъ. Это было въ 1672 году, въ царствованіе Индійскаго раджи Палака, императора Макассарскаго.

ГЛАВА XXIV.

Малаизія. — Молуккскіе острова.

Сива, которымъ командовалъ капитанъ Нарботъ, было красивое военное судно, одно изъ тѣхъ, которыя Голландцы употребляли для своихъ колоній. Повыходѣ 24 Августа изъ Манадо, наше судно, сопутсвуемое пріятнымъ вѣтеркомъ, обогнуло острова, лежащіе на с. в. концѣ Целебеса; достигнии должной высоты, оно держалось къ югу, т. е. направилось прямо къ Тернату. Этотъ переѣздъ, по гладкимъ водамъ спокойнаго моря, при тихой погодѣ и попутномъ вѣтрѣ, на легкомъ суднѣ, совершился безъ малѣйшаго приключенія. 27, *Сива* стала на рейдъ Тернатскій, передъ островомъ Тидоръ.

Тернатъ и Тидоръ, близнецы, оба весьма маленькіе, но важнѣйшіе изъ группы острововъ Гилоло, извѣстной подъ названіемъ собственно Молукскихъ острововъ. На обоихъ видны весьма схожіе между собою остроконечныя вершины, возвышающіяся на 6,000 футовъ отъ поверхности моря. Нѣсколько маленькихъ островковъ, какъ то: Банжанъ, Мотиръ, называемый однимъ изъ древнихъ путешественниковъ *островомъ Нѣги*, Батчіанъ и Макіанъ, на которомъ находится кратеръ, разверзтый вдоль бока горы, суть принадлежности этихъ двухъ острововъ; султаны ихъ колоніями на большомъ островѣ Гилоло.

Тернатъ, лежащій подъ 0° 52' сѣв. шир. и 125° 12' вос. долг. отъ Парижа, имѣетъ въ окружности десять лиг. Онъ принадлежитъ Магометанскому султану, котораго великолѣпный дворецъ (*далемъ*) выстроенъ между городомъ и Голландскимъ укрѣпленіемъ, называемымъ Оранскимъ. Султанъ, соединенный съ Голландіею политическими и торговыми договорами, покорился, во время монополіи, необходимости вырвать всѣ деревья, приносящія пряности: мѣра разорительная и не сообразная съ здравымъ разсудкомъ, недавно прекращенная барономъ Ванъ-деръ-Капелленомъ. Теперь монополія замѣнена строгимъ тарифомъ. Землепашцамъ Терната и Тидора платятъ десять су за фунтъ гвоздики, двѣнадцать за фунтъ мускатнаго цвѣта и восемь за фунтъ мускатныхъ орѣховъ.

Тернатъ, выстроенный амфитеатромъ на берегу моря, очень красивый городъ, съ 5,000 жителей. Почва острова весьма хороша и плодородна; она производитъ всѣ растенія земель, за тропиками лежащихъ. Жители тихи и кротки; они лѣнивы, потому что ни въ чемъ не нуждаются. Жители острова Мотиръ дѣлаютъ очень хорошую глиняную посуду, которую они продаютъ на всѣхъ окрестныхъ островахъ. Издавна Голландцы почитали Тернатъ мѣстомъ весьма важнымъ, какъ по торговымъ, такъ и по военнымъ отношеніямъ. Онъ служитъ границею Голландской Малаизіи. Осаждаемый во время послѣдней войны нѣсколько разъ, Тернатъ сильно защищался. Какъ мѣсто мѣновой торговли, онъ имѣлъ бы неисчислимое множество выгодъ, если бы умѣли лучше цѣнить ихъ важность. Голландское правительство составлено тамъ изъ резидента, имѣющаго секретаря и двухъ чиновниковъ; есть магистратъ, судъ и сиротскій домъ.

Тидоръ, еще многолюднѣе Терната; на немъ есть городъ того же имени; этотъ островъ управляется тоже султаномъ, подвластнымъ Голландцамъ. Почва и произведенія почти тѣ же.

Оба султана имѣютъ, какъ уже было сказано, пристанище на большемъ островѣ Гилоло, обширнѣйшемъ изъ Молуккскихъ острововъ, и представляющимъ въ уменьшенномъ

видѣ четыре полуострова Целебеса, съ большими заливами, обращенными также къ востоку. Внутренняя часть города управляется независимыми начальниками. Битжоли подвластна султану Тернатскому; Галела султану Тидорскому. На томъ и другомъ находятся нынѣ Голландскіе резиденты.

Въ числѣ другихъ острововъ, принадлежащихъ собственно Молуккамъ, надо упомянуть о Мотсугѣ, Макіанѣ, Батчіанѣ, о которыхъ уже было говорено; потомъ о принадлежностяхъ послѣдняго, Типѣ, Міѣ, Мандолліи, Таваллін и Даммерѣ; наконецъ о Серамлотѣ и Горамѣ, которые составляютъ, какъ кажется, независимое владѣніе. Большой Оби, подвластный Батчіану, Мизоль, подвластный Тидору, Попа съ принадлежащею ему группою острововъ Бо, Мартай, обширнѣйшій островъ этого архипелага, но почти ненаселенный, покоряется власти султана Тернатскаго, Салибабо, группа острововъ, раздѣленная между нѣсколькими начальниками и заключающая въ себѣ острова Толюри, Салибабо и Каброангъ, наконецъ Менжисъ, состоящій изъ трехъ острововъ, Намуза, Каротта и Каркарлангъ, который, по видимому, скорѣе принадлежитъ Филиппинскимъ, нежели Молукскимъ островамъ, ибо они подвластны султану Минданаоскому.

Бригъ *Сива*, останавливался только на нѣсколько часовъ въ Тернатѣ, для полученія тамъ депешей отъ резидента. Мы постепенно обозрѣвали острова Тавалли, Ксулла-Мангола и Ксулла-Бесси. На высотѣ послѣдняго, въ нѣсколькихъ кабельтовахъ отъ нашего судна, прошла байдара или корокоро. Два, три человѣка въ Малайской одеждѣ стояли на палубѣ, и казалось, отдавали приказанія толпѣ нагихъ людей бронзоваго цвѣта, съ всклокоченными волосами, несчастнымъ поденьщикамъ изнуреннымъ усиліями гребецкой должности. Спереди и сзади развѣвались флаги, голубые съ красными трехугольниками, окруженными голубыми фигурами въ видѣ карточныхъ бубенъ. Въ центрѣ трехугольника были еще два или три квадратика. Наконецъ въ срединѣ корокоро развѣвался третій флагъ, бѣлый, гораздо болѣе другихъ; на срединѣ было изображеніе двойнаго ножа, острія котораго были обращены одно къ другому; То былъ вѣроятно гербъ раджи, *двойной парангъ* (такъ называютъ здѣсь большіе, широкіе ножи). Вѣроятно, для развлеченія грусти хозяина, и приданія духа гребцамъ, плаваніе сопровождаемо было звуками тамъ-тамовъ и гумъ-гумовъ.

31-го Августа, *Сива* вошелъ въ проливъ Буру, направился къ оконечности Руба, и положилъ якорь въ заливѣ Кайели, на тридцати брассахъ глубины передъ укрѣпленіемъ, называемымъ Защита (*Défense*); спустили шлюпку въ море, и я поѣхалъ съ капитаномъ Нарботомъ, который полюбилъ меня и былъ уже моимъ пріятелемъ, къ резиденту. Резидентъ, Г. Янсенсъ, принялъ насъ очень ласково. Домъ резидента, одноэтажный, покрытый соломою, имѣлъ наружную галлерею, подъ которою можно было защищаться отъ солнца (Рис. XLVII ф. 1). Къ ней прилежалъ большой и хорошо разведенный садъ. Неподалеку выстроены были пять мечетей, не столь простой архитектуры, съ четырехъ угольными пирамидами и двумя кровлями, одна надъ другою, поверхъ всего былъ родъ фриза; крыльцо, о шести или семи ступеняхъ, служило входомъ въ мечеть. На вершинѣ остроконечнаго конуса было украшеніе въ видѣ оливки (Рис. XLVII ф. 2).

Кайели представляетъ множество пріятныхъ мѣстоположеній. Рейдъ обширенъ и красивъ: онъ можетъ вмѣщать цѣлую эскадру; но здѣсь останавливаются только изрѣдка суда, плавающія около береговъ. Укрѣпленіе командуетъ гаванью, и находится въ довольно хорошемъ состояніи; оно выстроено въ центрѣ острова, по правую и лѣвую сторону его находятся бамбуковые домики, въ которыхъ живутъ Малайцы. Селеніе это, довольно обширное и населенное, составляетъ полукружіе; между жилищами, защищаемыми тѣнью прекрасныхъ арековыхъ деревъ, самыхъ красивыхъ изъ тропическихъ деревьевъ, извиваются ручейки. Горы, покрывающіе Кайели, довольно отдалены отъ береговъ и открываютъ свободный ходъ въ поля. Тропинкою, лежащею по правой сторонѣ крѣпости, можно пройти цѣлую милю, по аллеѣ хлѣбныхъ деревьевъ и другихъ растеній, чрезвычайно высокихъ. Попугаи, самыхъ яркихъ цвѣтовъ, летаютъ въ лѣсахъ многочисленными стаями. Островъ, называемый по Малайски Буру, что значитъ птица, наполненъ множествомъ птицъ разнаго рода и различной величины. Въ особенности замѣчательны тутъ лоріи, краснoперые попугаи, которыми такъ дорожатъ наши любители

Естественной Исторіи, по причинѣ глянцовитаго и разнообразнаго отлива ихъ перьевъ; эти птицы такъ нѣжны, что не могутъ жить въ нашихъ климатахъ. Жители Буру выкармливаютъ ихъ и отправляютъ въ Амбоинъ и Яву. Островъ изобилуетъ всякою птицею; яйца отдаются тамъ почти даромъ. Это происходитъ отъ фальшивыхъ расчетовъ Голландцевъ, которые не позволяютъ иностраннымъ судамъ приставать къ владѣніямъ ихъ на Молуккскихъ островахъ. Во время монополіи, когда опасались, чтобы мысль о возможности вывозить свои произведенія, не возбудила въ туземцахъ желанія воздѣлывать непозволенныя растенія, эта предосторожность, впрочемъ всегда безразсудная, могла еще быть полезною; но нынѣ, когда запрещеніе это уже не существуетъ, и Голландцы, кажется, обратились къ лучшему экономическому устройству въ ихъ колоніяхъ, къ чему служитъ это препятствіе, отъ котораго страна, чрезвычайно плодородная, лишается возможности сбывать богатства своей почвы?

Въ короткое время нашего пребыванія, резидентъ хотѣлъ угостить насъ праздникомъ. Главное увеселеніе состояло изъ военной пляски, произведенной на площади Кайели островитянами съ Амблу, острова, сосѣдняго и принадлежащаго острову Буру. Изъ двухъ дѣйствующихъ лицъ, одинъ былъ совершенно нагой по поясъ, и имѣлъ узкое короткое нижнее платье, а на головѣ простую шапочку; на другомъ былъ передникъ, доходившій отъ пояса ниже колѣна, открытый камзолъ и шапочка съ металлическими украшеніями (Рис. XLVIII. ф. 1). Оба вооружены были щитами и саблями; они наносили и отражали удары, подъ звукъ гумъгума, производимаго музыкантомъ, который, казалось, ободрялъ ихъ и поддерживалъ стройность движеній битвы. Борьба происходила среди общаго смѣха; ибо движенія танцующихъ были сопровождаемы самыми смѣшными и выразительными тѣлодвиженіями. Послѣ этой пляски, слѣдовали національныя пляски Малайцевъ, Папуйцевъ и Гарфуровъ. Дитя Г. Янсенса, отъ Малайской женщины, отличалось въ этомъ упражненіи. Пляски по характеру и подробностямъ напоминали намъ свое двоякое происхожденіе, Азіятское и Полинезійское, какъ и происхожденіе самой страны.

Островъ Буру, крутой и высокій, выходитъ изъ средины Молуккскаго моря, какъ стѣна. Гористый и неровный, онъ населенъ Гарфурами не столь кроткаго и покорнаго нрава, какъ находящіеся въ Манадо. Привыкшіе съ дѣтства къ воинскимъ играмъ, островитяне съ недовѣрчивостью поддавались на предложенія Голландцевъ. Они, конечно, не нападаютъ ни на прибрежные караулы, ни на замокъ, который защищаетъ ихъ; но не одинъ отдаленный караулъ пострадалъ отъ ихъ нападеній. Народонаселеніе берега состоитъ изъ Малайцевъ и Китайцевъ, довольно бѣдныхъ. Малайцы исповѣдуютъ Магометанскую вѣру, ходятъ въ мечети, имѣютъ имамовъ, которые проповѣдуютъ и исполняютъ обрядъ обрѣзанія. Кладбища находятся обыкновенно въ живописныхъ и отдаленныхъ мѣстахъ; тамъ ставятъ деревянные памятники, которые отъ сырости климата скоро сгниваютъ. Въ Буру, какъ и во всѣхъ Магометанскихъ странахъ, женщины скромны и избѣгаютъ мужчинъ. Черты лица ихъ пріятны, волосы черные, шелковистые и длинные, глаза живые, ноги и руки маленькія; ко всему этому онѣ присоединяютъ нѣкоторый вкусъ и кокетство въ одеждѣ. Шелковая юбка и мантія составляютъ главную часть ихъ наряда. Онѣ любятъ украшенія и ожерелья. Если бы онѣ не имѣли отвратительной привычки жевать бетель, который чернитъ имъ зубы и придаетъ багровый цвѣтъ губамъ, то были бы очень красивы.

Между жителями, самые бѣдные занимаются рыбною ловлею; богатые же выкармливаютъ Явайскихъ быковъ мелкой породы, которыхъ потомъ отвозятъ въ Амбуанъ, гдѣ ихъ употребляютъ въ пищу. На островѣ Буру выкармливаютъ еще другихъ быковъ, дикихъ, кабановъ, оленей, буйволовъ и бабирусовъ. Простыя, но ядовитыя змѣи наполняютъ лѣса, гдѣ встрѣчаются прекрасныя деревья эбеновыя, Малайскія каяпутовыя, изъ листьевъ которыхъ добываютъ каяпутъ, также тековое и желѣзное дерево. Вѣроятно, въ мрачной гущи этихъ лѣсовъ растутъ гвоздичныя и мускатныя деревья, не смотря на запрещеніе Голландцевъ. Воздухъ въ Буру весьма сырой; мохъ покрываетъ деревья и составляетъ родъ опушки около ручьевъ и ключей. Природа изобильна, какъ и во всѣхъ странахъ подъ экваторомъ, и чудно украшена золотыми и пурпуровыми отливами солнца.

Сива не долго стоялъ на рейдѣ. По назначенію своему, это судно должно было служить

эстафетою между островами Зондскими и Молукскими, останавливаясь во всякой намѣстнической пристани только нужное время для отдачи и принятія депешей. Исполнивъ эту обязанность въ Кайели, мы вышли въ море 1 Сентября, обогнули мысъ Пелы, и лавировали въ проливѣ противъ вѣтровъ S. S. O. и S. Къ вечеру, достигнувъ высоты островка Амблу, мы придержались къ восточному берегу, правя такъ, чтобы достичь Амбоинскаго рейда. Задерживаемые противнымъ вѣтромъ, мы вошли въ заливъ только 4 Сентября. Въ восемь часовъ утра, мы уже стояли въ полъ кабельтова противу скалъ Ноессанива (Noessa-niva). Послѣ чего капитанъ Нарботъ приказалъ править прямо къ укрѣпленію Витторіа. Въ эту минуту ост. Амбоинъ почти весь развертывался передъ нами; вѣтръ приносилъ намъ благоуханіе его гвоздичныхъ деревъ. На плоскомъ, низкомъ, изумрудномъ берегу толпились домики и хижины, казалось, опираясь о высокую гору, на которой строеніе и плантаціи становились рѣже. (Рис. XLVIII. ф. 2.) Укрѣпленіе, съ флагомъ своимъ на вершинѣ мачты и амбразурами для орудій; рейдъ въ видѣ лошадиной подковы, усѣянный стоящими на якоряхъ судами, челноками и движущимися корокоро; городъ, вставленный въ раму этого пейзажа, и вдалекѣ горы острова Церама, скрывающія горизонтъ: вотъ что представляется при первомъ взглядѣ на островъ съ моря. Его географическое очертаніе придаетъ нѣчно странное наружному виду; не смотря на длину Амбоина, простирающуюся до 20 лигъ, онъ разрѣзанъ на два почти равные полуострова, широкою бухтою, которая образуетъ въ немъ зубристую выемку, и даетъ ему видъ лошадиной подковы. Островъ раздѣленъ такимъ образомъ на двѣ части, столь рѣзко обозначенныя, что Голландцы дали каждой изъ нихъ особенныя названія: Гиту и Лейтиморъ, части, раздѣленныя косою земли, имѣющею едва поллиги въ ширину. Море, проникнувъ въ этотъ полукругъ, образуетъ въ немъ двѣ бухты, могущія служить якорнымъ мѣстомъ для самыхъ большихъ судовъ. Здѣсь-то у большой или южной бухты, Португальцы построили крѣпостцу Витторію, въ которой еще понынѣ помѣщается Голландскій гарнизонъ. Городъ отстоитъ на 100 туазовъ во внутренности острова.

Шлюбка губернатора, подъѣхавъ къ *Сивѣ*, взяла насъ на берегъ. Капитанъ Нарботъ долженъ былъ немедленно отправиться въ Бату-Гаджа, резиденцію губернатора. Офицеры корабля предложили мнѣ осмотрѣть городъ. По окончаніи этой прогулки, мы сами должны были ѣхать въ Бату-Гаджа, куда были отозваны обѣдать.

Нашъ первый отдыхъ былъ въ крѣпости, слабо защищенной, построенной Португальцами и почти развалившейся. Обыкновенный гарнизонъ ея состоитъ приблизительно изъ 700 чел.; большую часть его составляетъ туземная милиція. Чрезъ нѣсколько дней, на площади, находящейся въ самомъ городѣ, мы имѣли случай видѣть часть этого войска въ строю. Въ одномъ углу площади, солдаты лучше другихъ обученные, строились повзводно, дѣлали ружейные пріемы и маневрировали, между тѣмъ какъ на другомъ концѣ, туземные конскрипты учились передъ офицеромъ первымъ началамъ военнаго искусства (Рис. XLIX. ф. 1). Это войско было чисто одѣто и хорошо содержано; но составленное изъ туземныхъ рекрутъ, и имѣя въ рядахъ едва сорокъ Европейцевъ, оно, конечно, разыграло бы самую жалкую роль, если бы пришлось ему когда нибудь мѣряться съ Англійскими или Французскими войсками.

Неподалеку отъ крѣпости, подымаясь на гору, мы могли уже видѣть нѣсколько типовъ Малайскихъ красавицъ. У источника, бьющаго въ скалѣ, стояла молодая дѣвушка, ожидавшая, чтобъ вода наполнила ея сосуды. Безъ шляпы, съ зачесанными кверху волосами, одѣтая въ платье съ рукавами, покрывавшее ее подобно блузѣ, отъ шеи до ступней, въ высокихъ башмакахъ, въ родѣ тѣхъ, какіе носятъ въ Сингапурѣ, состоящихъ изъ простой деревянной подошвы, прикрѣпленной ремнемъ, который проходилъ между пальцами ноги, эта дѣвушка была въ самомъ дѣлѣ хороша, стройна, исполнена прелести. Подлѣ нея стоялъ милиціонный солдатъ, въ полуформѣ, въ фуражкѣ, съ босыми ногами. Молодой Малаецъ, находившійся позади источника, довершалъ группу.(Рис. XLIX. ф. 2).

Мы продолжали путь къ городу вдоль по аллеѣ прекрасныхъ деревъ; параллельно съ ними тянулись хорошенькіе домики, выстроенные по Европейски. Амбоинъ лежитъ въ долинѣ, представляя фигуру полумѣсяца; центръ его занятъ кварталомъ Европейцевъ. Большія зданія, домы, окруженные богатыми и обширными галлереями, прямыя, широкія, сквозныя улицы, сады, изобилующіе прекрас-

ными деревьями: вотъ что представила намъ эта дѣятельная и почетная часть города.

Кварталъ Малайцевъ занимаетъ значительное пространство. Если въ немъ нѣтъ роскоши, замѣчаемой въ Европейскомъ, то въ замѣнъ есть болѣе частей живописныхъ и природныхъ красотъ. На каждомъ шагу вы встрѣчаете прелестныя группы хижинъ изъ бамбука; стѣны изъ саговаго дерева, посреди щеголеватыхъ портиковъ и нависшихъ пальмъ, тѣнью своею охраняютъ красивыя мечети. Этотъ Малайскій кварталъ занятъ бѣднѣйшимъ племенемъ цѣлой конторы, рабочими Европейцевъ и Китайцевъ, ихъ господами по силѣ и уму. Навсемъ этомъ пространствѣ устроены въ нижнихъ частяхъ хижинъ, жалкія лавочки, гдѣ помѣщаются торгующіе мелкой рыбой и плодами. Главное занятіе Малайцевъ составляетъ рыбная ловля. Ихъ байдары, нагруженныя сѣтями и снастями, покрываютъ днемъ рейдъ, и отправляются на промыселъ, при звукѣ тамъ-тама, безъ котораго гребцы, казалось, потеряли бы силы. Вечеромъ рейдъ освѣщенъ огнями рыболовныхъ лодокъ.

Третій и послѣдній кварталъ Амбоина, есть Китайскій. Тамъ эти кочующіе купцы завели колоніи, какъ въ Сингапурѣ, въ Манилѣ и въ Батавіи, какъ будутъ заводить они вездѣ, гдѣ только почуютъ прибыль; Китайцы настоящіе Израильтяне Востока. Тѣ, которыхъ я видѣлъ здѣсь, ничѣмъ не отличались отъ видѣнныхъ мною прежде: та же дѣятельность, тотъ же толкъ въ дѣлахъ, та же чистота въ складкѣ товаровъ, тотъ же порядокъ въ ихъ молчаливыхъ домахъ, изъ которыхъ не выглядываютъ женщины. Но всего болѣе привлекъ мое вниманіе *кампонгъ*, или базаръ. Я видѣлъ его въ тотъ часъ, когда жители Амбоина приходили запасаться на день всѣми потребностями. Здѣсь продаютъ лучшіе фрукты, лучшую рыбу, лучшую бойную говядину. Есть ткани и предметы роскоши Китая и Европы; есть зонтики, лаковыя вещи, чай, трипанги, соленая рыба. Ничто не можетъ дать понятіе о движеніи, царствующемъ внутри рынка, образующаго зданіе, подпертое двадцатью большими столбами и покрытое соломеною кровлей. Голландскіе офицеры встрѣчаются съ Малайскими рыбаками; Китайскіе томоженные, приставленные для надзора губернаторомъ, прилежно исправляютъ свое дѣло, между тѣмъ какъ толпа туземцевъ толкается, мѣняется, говоритъ, споритъ и кружится на площади. (Рис. L. ф. 1). Съ наступленіемъ ночи, базаръ нисколько не теряетъ своей дѣятельности; напротивъ, въ это время купцы преимущественно любятъ собираться и остаются здѣсь до 9 часовъ. Каждая лавка освѣщается однимъ или двумя смоляными факелами, обвернутыми листьями саговаго дерева, что составляетъ освѣщеніе, почти не дающее дыма, и весьма дешевое.

Такимъ образомъ народонаселеніе Амбоина состоитъ изъ Европейцевъ, Малайцевъ и Китайцевъ, трехъ различныхъ племенъ, живущихъ въ одномъ городѣ, не мѣшаясь почти вовсе, если исключить нѣсколько женитьбъ Китайскихъ и Малайскихъ, нѣсколько смѣшеній Европейцевъ съ хорошенькими Малайками. Не смотря на противуположность нравовъ, происхожденій и исповѣданій, Амбоинъ есть городъ тихій и удобноуправляемый. Все здѣсь предусмотрѣно, все заблаговременно расчитано для этого десятка тысячъ жителей; флегматическая попечительность Голландцевъ установила законъ, которому они должны покоряться.

Когда мы вышли изъ компонга, было уже нѣсколько поздно, и мы едва, едва поспѣли къ обѣду губернатора. Дорога изъ Бату-Гаджа, дворца резиденціи, представляетъ восхитительную прогулку: она то проходитъ между купами саговыхъ деревъ, то пролегаетъ подъ роскошными навѣсами кокосовыхъ и арековыхъ купъ, между тѣмъ какъ съ правой и съ лѣвой стороны безпрестанно возникаютъ населенные птицами кущи манговыхъ деревъ, мангустановъ, билимбинговъ, лаюзъ, папай, бананов и т. п. Въ наше распоряженіе были даны носилки и лошади; но я прошелъ всю эту дорогу пѣшкомъ, и ни какой въ мірѣ праздникъ не могъ быть для меня лучше этой прогулки, посреди природы, исполненной красотъ самыхъ изящныхъ и живыхъ. То былъ восточный ландшафтъ во всемъ его великолѣпіи, огромный, очарованный садъ, какъ бы вызванный мановеніемъ жезла Феи. Восхищенный всѣмъ, что видѣлъ, я пришелъ въ Бату-Гаджа, прелестнѣйшее мѣстопребываніе, прислоненное къ горѣ, окруженное прохладными садами и изрѣзанное по всѣмъ направленіямъ бѣгучими прозрачными водами. Бату-Гаджа состоитъ изъ разныхъ строеній, расположенныхъ вокругъ внутренней площадки, на которой возвышается мачта съ флагомъ; здѣсь обширное зданіе съ колоннадами, образующее сквозную и прохладную

галлерею; далѣе главный корпусъ, гдѣ живетъ губернаторъ; наконецъ службы. Когдѣ, для сообщенія, висѣли мостики надъ ручьями, пересѣкающими эту прелестную виллу (Рис. L. ф. 2.)

При входѣ, мы нашли капитана Нарбота, который ожидалъ насъ; онъ представилъ насъ губернатору, вѣжливому и любезному человѣку. Веселый обѣдъ отличался богатствомъ и роскошью, вмѣстѣ Европейскою и колоніяльною. Голландская чистота и изобиліе замѣтны были во всѣхъ подробностяхъ. За десертомъ, мнѣ въ первый разъ случилось ѣсть дюріоны и рамбутаны. Первый изъ этихъ плодовъ, чувствительно отзывавшійся чеснокомъ, показался мнѣ отвратительнымъ; второй понравился: онъ походилъ нѣсколько вкусомъ на плоды литчи. Прислуга состояла изъ Малайцевъ, но гораздо лучше одѣтыхъ, нежели тѣ, которыхъ мы встрѣчали до сихъ поръ; они были обуты, носили не чалмы, а круглыя шляпы, и волосы приглаженные, подвязанные на затылкѣ и висѣвшіе хвостомъ.

Слѣдующіе дни прошли въ ѣздѣ по окрестностямъ. Прежде всего мы посѣтили садъ компаніи, имѣющій въ себѣ мало замѣчательнаго; потомъ гробницу знаменитаго натуралиста Румфіуса, смиренный мавзолей, окруженный хорошенькимъ растеніемъ, называемымъ *panax fruticosum*. Послѣ углубились во внутренность этой страны, одной изъ богатѣйшихъ и прелестнѣйшихъ, какую когда либо можно видѣть. Первое попавшееся намъ дерево, было саговое; отросточки его, бывъ срѣзаны и употреблены въ ту же минуту, даютъ изъ себя пріятный сокъ, который собираютъ посредствомъ кусковъ бамбука. Каждое изъ этихъ деревъ можетъ давать ежедневно и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ отъ 6 до 8 литровъ соку. Чтобъ помѣшать его броженію, жители употребляютъ древесину *sonlonnea*. Кромѣ сока, во время сеченія дерева, образуется еще родъ чернаго сахара, который Малайцы называютъ *гула-итанъ*, и который кристализуется лепешечками. Саговое дерево даетъ также волокны, изъ которыхъ туземцы выдѣлываютъ весьма хорошія веревки. По виду и черному цвѣту волоконъ, ихъ можно легко принять за конскій волосъ. Наконецъ, молодые плоды саговаго дерева, приготовленные съ сахаромъ, составляютъ прекрасное лакомство.

Далѣе мы увидѣли саговое дерево, около котораго трудился туземецъ. Оно было недавно срублено, раскрыто во всю длину и имѣло до половины метра въ толщину. Большая часть саго была изъ него уже выбрана. Эта пальма даетъ почти столько же саго изъ верхней части штамба, сколько при корнѣ. Стволъ наполненъ мучнистымъ веществомъ, черезъ которое проходятъ вдоль всего дерева тонкія волокны. По полученіи саго, его растираютъ, ссыпаютъ въ мѣшки, сдѣланные изъ листовыхъ хвостиковъ кокосоваго дерева; на подобіе канвы; мѣшки по нѣскольку разъ спрыскиваютъ водою, которая увлекаетъ мучной составъ, между тѣмъ какъ канли удерживаютъ волокнистыя части. Воду, съ мучнистымъ веществомъ, переливаютъ изъ одного корыта въ другое, до тѣхъ поръ, пока она вовсе не отдѣлитъ отъ себя постороннихъ частицъ.

Другіе любопытные предметы изъ царства растеній привлекли наше вниманіе. Мы разсматривали попеременно: *eleocarpus monogynus*, покрытый до самыхъ нижнихъ вѣтвей цвѣтами красиваго вида; арелiи, извѣстныя подъ названіемъ *cussonia thyrsiflora*; *begonia*, замѣчательная малыми размѣрами своихъ частей; цѣлые букеты *agave vivipara*; меластомы, *canarium commune*; *cynometra cauliflora*, или *намъ-намъ* Малайцевъ, которое, своимъ вяжущимъ вкусомъ, нѣсколько напоминаетъ сидровые яблоки; пальма *нипа*, листья которой употребляются на покрытіе хижинъ; *scævola lobelia*, растеніе, водящееся преимущественно на песчаныхъ берегахъ моря; *heritiera*; *laurus culilaban*, изъ котораго добывается драгоцѣнное ароматическое масло; борщевикъ съ остроконечными листьями; *erythrina corallodendron*; *pandanus odoratissima*, гнущій вѣтви своими сферическими плодами; *eugenia malanensis*, *averrhoa corambola*, съ вяжущимъ плодомъ; *anona muricata*; *jatropha curcas*, изъ котораго дѣлаютъ прекрасные изгороды; руку; красивое растеніе *abroma angusta*; наконецъ въ нѣкоторыхъ садахъ мы видѣли Китайское дерево, пестрые подсолнечники: всѣ эти растенія замѣчательны по красотѣ своихъ цвѣтовъ и зелени.

Изъ животныхъ замѣтили мы летучую ящерицу, хорошенькое созданіе, которое вытянувъ свои оба члена въ видѣ крыльевъ, держится нѣсколько минутъ на воздухѣ; *lacerta amboinensis*, животное, одѣтое двуличневымъ цвѣтомъ, какъ хамелеонъ, по временамъ оно дѣлается изъ зеленаго темнокоричневымъ;

papilio Agamemnon, съ великолѣпными крыльями; *cancer caminus*, особеннаго рода ракъ, весьма обыкновенный въ рѣкахъ, орошающихъ островъ.

Жители, населяющіе окрестности Амбоина, суть Малайцы, безъ сомнѣнія перемѣшавшіеся съ первобытными обитателями. Мы вошли въ одну ихъ казу, составленную просто изъ бамбуковыхъ тростей, приставленныхъ одна къ другой и накрытыхъ сверху листьями саговаго дерева. Въ этой бѣдной хижинѣ находились три женщины, которыя, увидя насъ, испугались. Мы объявили, что хотимъ купить у нихъ кое какія вещи, но въ отвѣтъ получили одни атказы. *Трада! Трада!* нѣтъ! нѣтъ! говорили онѣ. Безъ сомнѣнія, недовѣрчивость ихъ происходила отъ дурной славы, которую Европейцы заслужили здѣсь. И точно, едва мы только предложили хозяйкѣ дома нѣсколько бездѣлокъ, какъ получили гораздо болѣе, нежели требовали: Намъ подали пататовъ, ямса и вина изъ саго, которое слегка бродило. Изъ трехъ бывшихъ тутъ женщинъ, только одна была пожилая, сама хозяйка: двѣ другія, можетъ быть, ея дочери, были молоды, хороши собой, прекрасно сложены; обнаженныя части тѣла доказывали, что и прочія ихъ формы также совершенны; кромѣ рубахи, спускавшейся до колѣнъ и подпоясанной вокругъ таліи, на нихъ ничего не было. Что же касается до пришедшихъ мужчинъ, родъ нижняго платья, подобнаго лангутти Негровъ, служило имъ для прикрытія наготы. Они тихи, умѣренны въ пищѣ, искусны въ промыслахъ, хотя и безпечны. Ихъ казы, почти совершенно, внутри, какъ и снаружи, сдѣланы изъ саговаго дерева. Крыша и стѣны также убраны листьями этой пальмы. Обѣ стороны крыши наклонены подъ угломъ въ 45°, а часть ея, обращенная ко входу, составляетъ маленькій чердакъ, служащій вмѣсто балкона и назначенный для храненія припасовъ. Внутри, кромѣ рѣшетчатыхъ скамей изъ брусовъ, отставленныхъ на 3 вершка, одинъ отъ другаго, не было ни стульевъ, ни кроватей. Подъ ними лежала часть домашней посуды, состоявшей изъ трехъ глиняныхъ горшковъ собственнаго издѣлія, трехъ бутылокъ, купленныхъ у Европейцевъ, ложекъ, выдѣланныхъ изъ большихъ раковинъ, весьма обыкновенныхъ на Амбоинѣ, заступа и ножа, похожаго на поварской.

Оставивъ казу, чтобъ возвратиться въ Амбоинъ, мы увидѣли у подошвы горы двухъ фалангеровъ, бѣгущихъ съ необыкновенною быстротою. Далѣе проводникъ нашъ указалъ намъ *мате*, одинъ изъ надгробныхъ памятниковъ, воздвигаемыхъ по обѣщанію и священныхъ для туземцевъ. Эти *мате* есть обыкновенно маленькій сарай, съ крышею, вышиною около 2 фут., покрытый листьями нипы и поддерживаемый четырьмя бамбуковыми столбами. Съ середины крыши падалъ бамбуковый сукъ, привязанный къ веревкѣ и накрытый половиной кокосоваго орѣха. Намъ сказали, что въ орѣхъ были спрятаны нѣкоторыя вещи покойника, который здѣсь погребенъ. Кокосъ, бамбукъ, столбы, крыша: все было священно, и всякое прикосновеніе уже почиталось оскверненіемъ.

По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ городу, мускатныя и гвоздичныя плантаціи являлись чаще и становились значительнѣе; самыя большія изъ мускатныхъ деревъ едва ли имѣли 20 ф., но иногда они равняются съ самыми высокими перечными деревьями. Листья ихъ, перемежающіеся и овальные, на короткихъ стебелькахъ, жестки, гладки, самаго яркаго зеленаго цвѣта на поверхности, бѣловатые, мутно-зелены снизу. Это дерево растетъ какъ померанецъ или лавръ, и даетъ плоды, начиная отъ десяти лѣтъ до ста. Гвоздичное дерево доходитъ до 40 ф. вышины и простираетъ далеко свои остроконечные листья. Цвѣточныя почки его, извѣстныя у насъ подъ именемъ гвоздики или гвоздичныхъ головокъ, сбираются отъ Ноября до Февраля мѣсяца. На Амбоинѣ попадается также дикое гвоздичное дерево, которое отличается отъ перваго болѣе длинными листьями и стволомъ болѣе высокимъ. Дикое мускатное дерево растетъ также на островахъ Банда.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ города, въ близъ лежащемъ саду, странная музыка привлекла наше вниманіе. Звуки ея были правильны и не совершенно лишены мелодіи. Мы подошли, чтобъ узнать, какой инструментъ производилъ ихъ. То былъ бамбукъ въ 60 ф. выш., утвержденный туземцами на берегу моря, въ вертикальномъ положеніи. Между каждымъ колѣномъ находилась скважина, имѣвшая безъ малаго вершокъ, и всѣ эти скважины, открывая свободный входъ вѣтру, издавали пріятные и жалобные тоны. Это было Эолова арфа; тихіе звуки ея дрожали въ воздухѣ, какъ звуки гармоники. Отверзтія были догадливо расположены на разныхъ сторонахъ, чтобы вѣтеръ, откуда бы

онъ ни дулъ, могъ во всякое время оживлять этотъ инструментъ своимъ дыханіемъ. Близъ этой чудной флейты, и какъ бы для акомпанимента, туземецъ игралъ на какой то скрыпкѣ со струнами, сдѣланной также изъ бамбука и обтянутой съ одного конца кожею на подобіе барабана. Три нити изъ коры ротанга, натянутыя на кобылку, служили струнами: крайнія составляли октаву, а средняя была квинта первой; звуки извлекались смычкомъ изъ бамбуковыхъ веревочекъ. Этотъ акомпаниментъ, не смотря на однообразіе, казалось, приводилъ въ восторгъ слушателей, окружавшихъ виртуоза. Другой изъ ихъ музыкальныхъ инструментовъ есть родъ флейты съ загнутымъ носкомъ, нижняя часть которой дѣлится на двѣ трубки съ дырьями, просверленными на каждой въ равномъ разстояніи; отъ чего звуки выходятъ тождественные.

Мои прогулки въ окрестностяхъ Амбоина каждый день знакомили меня съ новыми красотами этой безподобной страны. Лежащій въ пріятномъ поясѣ, въ атмосферѣ ровной и здоровой, Амбоинъ есть одно изъ самыхъ благопріятныхъ мѣстопребываній Молуккскихъ острововъ. Его кремнистый грунтъ даетъ жизненный сокъ пряностямъ, составляющимъ его богатство. Скаты горъ надѣлены изобиліемъ, равнины и песчаный берегъ моря производятъ кокосовое и саговое дерево. Рисъ разводится хотя въ маломъ количествѣ, но хорошо родится; опыты, произведенные надъ сахаромъ и индиго, всегда удавались; дерево каю-пути во множествѣ доставляетъ лекарственное масло, извѣстное подъ названіемъ каяпутъ. Но всѣ эти богатства исчезаютъ передъ гвоздичнымъ деревомъ *(caryophyllus aromaticus)*, предъ этимъ сокровищемъ, причинившимъ долгія и кровопролитныя войны. Монопольный споръ о томъ, кому исключительно разводить это растеніе, стоило много крови архипелагу; вся прибыль, полученная производителями, не вознаградила этихъ жестокихъ пожертвованій. Округи Амбоина, Гаруко, Ларикъ, Сапаруа и Гила, были исключительнѣе прочихъ предоставлены этой отрасли; ихъ подраздѣлили на кантоны, управляемые туземными старшинами, которые принимаютъ титулъ *раджа* или *паттисъ*, но еще обыкновеннѣе *орангъ кайе*. Въ этихъ кантонахъ парки или сады, называемые по Малайски *Танагъ-дате*, и имѣющіе нѣкоторое количество гвоздичныхъ деревъ, находятся подъ надзоромъ *орангъ туасовъ* (старшихъ), подвластныхъ чиновниковъ, которые смотрятъ за плантаціями, наблюдаютъ за ихъ содержаніемъ и присутствуютъ при сборѣ, продолжающемся два или три мѣсяца. Увѣряютъ, что среднее произведеніе одного гвоздичнаго дерева простирается до пяти или шести фунтовъ гвоздики, хотя видѣли деревья, которыя давали до 25 ф. Самое дерево, съ своими короткими вѣтвями и продолговатыми листьями темнозеленаго цвѣта, чудесно. Въ пятнадцать лѣтъ, гвоздичное дерево приноситъ плодъ; въ двадцать, оно во всей своей силѣ. Гвоздики, по Малайски *тэжинке*, сначала бываетъ свѣтло-зеленаго, потомъ оранжеваго цвѣта; наконецъ, принимаетъ темный цвѣтъ, который показываетъ, что время приступить къ сбору. Когда хотятъ сохранять гвоздику для посѣва, то оставляютъ ее еще мѣсяцъ на деревѣ: въ это время зерно тучнѣетъ, теряетъ свой ароматическій запахъ, и падаетъ. Сутки спустя, будучи брошено въ землю, оно выходитъ и пускаетъ отпрыски. Гвоздичное дерево разводится также посредствомъ отростковъ и прививки въ обыкновенный годъ; сборъ гвоздики можетъ простираться отъ 250 до 300,000 фунтовъ. Въ извѣстные годы, онъ несравненно превосходитъ это количество, но въ другіе бываетъ гораздо бѣднѣе.

Амбоинъ былъ нѣсколько вѣковъ исключительнымъ мѣстомъ произрастанія гвоздичнаго дерева, и лишь въ послѣдніе годы позволено разводить на немъ мускатный орѣхъ. Изъ этихъ двухъ существенныхъ продуктовъ *Пряныхъ острововъ*, Голландцы, распредѣляя монополію, отдали, одинъ одному острову, другой другому, Амбоину гвоздичное дерево, Бандѣ, мускатное. Гвоздичное дерево, не могло существовать на Бандѣ, на Амбоинѣ не родилось мускатное. Кромѣ того, по всѣмъ окружнымъ островамъ были разосланы агенты съ приказаніемъ истреблять всѣ гвоздичные и мускатные разводки, срыть ихъ до основанія, и жестоко наказывать Малайцевъ и Гарфуровъ, которые осмѣлятся, изподтишка, продолжать непозволенное имъ занятіе. Вооружили войско, затрубили въ походъ, долго и тяжко воевали, посылали дорого стоившія флотиліи противъ растеній. Огонь и мечь опустошили холмы, долины, дабы земля не производила болѣе того, сколько хотѣли монополисты. Въ подкрѣпленіе этого истребительнаго расчета, нужно было

еще строить крѣпости, содержать многочисленные караулы, платить жалованье туземнымъ властямъ. Эти поступки экономическаго вандализма не заключились въ предѣлахъ сихъ отдаленныхъ странъ и не укрылись отъ взоровъ Европы. Когда система мѣстнаго запрещенія оказывалась недостаточною для уменьшенія урожаевъ, до того, чтобы цѣнность пряностей удержалась на высотѣ тарифа компаніи, въ Амстердамѣ и въ Гамбургѣ учреждали большіе отто-дафе для корицы, мускатныхъ орѣховъ и гвоздики, и предавали такимъ образомъ новыя жертвы демону монополіи и спекуляціи.

Можетъ быть, подумаютъ, что эта система, продолжаемая съ осторожностію и неслыханными строгостями, осыпала золотомъ тѣхъ, которые ей ввѣрились. Напротивъ, никогда компанія не могла сбыть въ Европѣ болѣе какъ на 2-м. флориновъ гвоздики, мускатнаго орѣха и масиса, между тѣмъ какъ содержаніе *Пряныхъ острововъ* стоило около 3-м. привилегированнымъ производителямъ. И такъ, монополія (какъ убѣждаетъ насъ въ томъ долгій опытъ) есть оружіе обоюду острое, равно гибельное для тѣхъ, которые имъ дѣйствуютъ, такъ и для тѣхъ, противъ которыхъ оно устремлено. Съ недавнихъ поръ Голландія, кажется, обратилась къ болѣе здравымъ приложеніямъ коммерческой экономіи. Первый шагъ состоялъ въ томъ, что расширили кругъ воздѣланія и уничтожили смѣшныя запрещенія. Можетъ быть, со временемъ, допуститъ она свободный торгъ пряными кореньями; тогда много пріобрѣтется выгодъ. Въ слѣдствіе мудрыхъ представленій барона Фанъ-деръ-Капеллена, Нидерландскій кабинетъ нѣсколько лѣтъ занятъ этимъ вопросомъ и уже обдумываетъ, какъ бы удобнѣе согласить старую систему съ новою, и какими мѣрами съ меньшими издержками произвести переворотъ, сдѣлавшійся необходимымъ.

Амбоинъ можетъ почитаться главнымъ мѣстомъ Молукскихъ острововъ, которые зависятъ отъ генеральнаго правленія, учрежденнаго на Явѣ. Губернаторъ Амбоинскій имѣетъ подъ своимъ начальствомъ нѣсколькихъ резидентовъ и подрезидентовъ: въ Тернатѣ, Бандѣ, въ Сапаруа, въ Гила, въ Ларинѣ, въ Буру, въ Церамѣ, въ Манадо и въ Горонтало. Подъ начальствомъ Молукскаго губернатора находится главноуправляющій *(hoofd administrateur)*, которому поручено общее управленіе колоніею; онъ имѣетъ при себѣ нѣсколькихъ чиновниковъ, на довольно плохомъ жалованьи. Судебныя мѣста существуютъ во всѣхъ резиденціяхъ. Подъ главноуправляющимъ и его чиновникомъ находятся *орангъ-каясы*, туземные старшины, избираемые Голландцами преимущественно изъ среды обращенныхъ въ Христіанство. Каждый *орангъ-каясъ* имѣетъ подъ надзоромъ своимъ сто туземцевъ. Шпага съ серебрянымъ эфесомъ, пожалованная компаніею, черный Европейскій костюмъ, трехугольная шляпа и башмаки, отличаютъ этихъ чиновниковъ отъ ихъ подчиненныхъ. Ихъ мѣсто есть средство къ обогащенію, и они не забываютъ этого. Голландская система управленія, вмѣстѣ отеческая и фискальная, даетъ поводъ къ множеству злоупотребленій, коимъ удивительно умѣютъ пользоваться Малайскіе старшины и Китайскіе сборщики. Изъ этого выходитъ, что стѣсненный со всѣхъ сторонъ Амбоинецъ, зная что, онъ работаетъ на господъ своихъ, теряетъ бодрость духа и становится небреженъ въ дѣлѣ. Туземцы говорятъ Малайскимъ языкомъ, благозвучнымъ и пріятнымъ. День цѣлый они жуютъ бетель, да употребляютъ еще настой изъ горькихъ растеній, извѣстный подъ именемъ *гамберъ*. Они питаются рыбой, мясомъ и овощами. Общее народонаселеніе страны можетъ простираться отъ 45 до 50,000 душъ, изъ числа коихъ около 2,000 Европейцевъ, прочіе Малайцы или Китайцы. Въ томъ же числѣ полагаютъ еще нѣсколько невольниковъ, большею частію изъ Макасара и Церама.

Послѣдній островъ отдѣленъ отъ Амбоина только узкимъ каналомъ. Послѣ Гвилоло, Церамъ самой большой изъ Молукскихъ острововъ, самой большой изъ Амбоинской группы. Значительная часть острова зависитъ отъ султана, данника Голландцевъ. Нынѣшній султанъ, раджа Илолосскій получаетъ даже пенсію изъ Амбоина, за возложенную на него обязанность унимать морской разбой, производимый близь береговъ корокорами туземцевъ. Этому царьку выстроили на сѣверномъ берегу крѣпость, съ помощію которой онъ управляется съ округомъ. Эта мѣра принесла уже хорошіе плоды. Главные порты Церама суть: *Саввай* и *Вару*. Въ послѣднее время Голландцы основали военный постъ въ Атилингѣ, близъ *Саввая*. Главные туземные старшины зависятъ, одни отъ губернатора Амбоинскаго, другіе

отъ резидента Банды. По показаніямъ Форреста, Церамъ имѣетъ 67 лигъ длины, и отъ 13 до 14 шир. Онъ производитъ саго, гвоздику, не смотря на запрещеніе Голландцевъ, и весь покрытъ прекрасными казуаринами. Быстрые потоки пересѣкаютъ во всѣхъ направленіяхъ страну гористую, и если бъ не деревья, которыя наклоненіемъ съ одной вершины на другую образуютъ природные мосты, то внутреннія сообщенія были бы почти невозможны. Высшіе пункты этой системы имѣютъ до 8000 фут. возвышенія отъ уровня моря. Въ ихъ глубокихъ лѣсахъ обитаютъ казоары. На Церамѣ, какъ и на Целебесѣ, существуетъ, во внутренности, племя Гарфуровъ; но если допустить тотъ жестокій характеръ, который приписываютъ имъ прежніе путешественники, то другаго соотношенія, кромѣ одинаковыхъ названій (люди земель) не существуетъ между этими Гарфурами и мирными обитателями береговъ озера Тондано. По словамъ Фалентейна, эти люди ходятъ нагіе, за исключеніемъ скрученнаго пояса вокругъ бедръ, съ цвѣтами и пальмовыми листьями, прикрѣпленными на головѣ, на плечахъ и на колѣняхъ. Ихъ квадратные щиты испещрены вставками изъ слоновой кости, мелкихъ раковинъ и перламутра. Побѣдить сердце дѣвушки, можно у нихъ только цѣною 5 или 6 головъ непріятельскихъ. Для пріобрѣтенія такихъ трофеевъ, они прячутся въ лѣсахъ, покрываются мхомъ, стараются преобразить себя въ деревья или кустарники, дабы вѣрнѣе обмануть неосторожнаго, который отваживается посѣтить эти глубокія чащи. Врасплохъ нападаютъ они сзади на непріятеля, отрубаютъ ему голову, и возвращаются въ селеніе при шумѣ общихъ кликовъ. Голландскій проповѣдникъ, Монтанусъ, разсказываетъ, что одинъ Гарфурскій старшина, желая позабавить его пріятнымъ зрѣлищемъ, приказалъ произвести воинственную пляску, кончившуюся, не на шутку, кровопролитіемъ и трупами, и когда священникъ сталъ умолять короля прекратить это побоище, тотъ отвѣчалъ: «Вѣдь это невольники!»

Кромѣ Амбоина, Буру и Церама, Амбоинская група имѣетъ еще *Горамъ*, одинъ изъ крайнихъ восточныхъ пунктовъ, далѣе которыхъ не простирается Магометанская вѣра; *Гаруко*, *Манипа*, *Сапаруа* и *Нусса-Лаутъ*, состоятъ подъ непосредственнымъ владычествомъ Голландцевъ.

Остается еще група *Банда*, одна изъ самыхъ важныхъ и богатыхъ въ Молукскомъ архипелагѣ, група, которую можно назвать землею мускатныхъ орѣховъ. Главные острова ея суть: *Банда-Нейра*, самый большой изъ групы, и резиденція Голландскаго губернатора; *Розингенъ*, *Лонтуаръ* и *Пуло-Айжъ;* наконецъ *Гунонгъ-Апи*, который замѣчателенъ только своимъ непотухающимъ волканомъ. Изъ сихъ острововъ, Розингенъ населенъ менѣе прочихъ, съ тѣхъ поръ какъ приказано вырывать на немъ мускатныя деревья. Однако, говорятъ, что съ недавняго времени поселились на немъ отпущенные невольники и успѣли придать ему нѣкоторую важность.

Но три существенные пункта суть Банда-Нейра, Лонтуаръ и Пулу-Айжъ; острова образующіе вмѣстѣ съ Гунонгъ-Апи прекрасный и безопасный рейдъ Бандскій, защищаемый крѣпостцами *Бельгика и Нассау*, а съ высотъ Лонтуара крѣпостцами *Голландія*. По донесеніямъ Голландскихъ инженеровъ, эта позиція была неприступна, а между тѣмъ Банда сдался Англичанамъ. Крѣпостца Нассау, основанная Португальцами, упадала въ развалины, когда адмиралъ Петеръ Виллямсъ Фергофе положилъ якорь у Нейра 8 Апрѣля 1609, и перестроилъ ее. Не смотря на это, предпріятіе окончилось бѣдствіемъ: адмиралъ, съ частію экипажа, были убиты. Не прежде какъ въ 1621 г. генералъ-губернаторъ Кунъ, съ помощію вспомогательнаго Амбоинскаго войска, привелъ въ покорность Банду и близлежащіе острова. Въ промежутокъ сего времени, была построена крѣпостца Бельгика. Въ началѣ нынѣшняго, она была выстроена вновь, по плану болѣе обширному, храбрымъ адмираломъ Спеельманомъ.

Банда обязанъ своимъ благосостояніемъ привиллегіи добыванія мускатныхъ орѣховъ, (*boua-pala*) и масиса (*kambong-pala*); добыванія, дорого стоющаго жителямъ, по причинѣ вредности климата и страшныхъ землетрясеній. Въ 1691 г. волканическое извверженіе было столь опустошительно, сопровождалось столь сильнымъ повышеніемъ моря и такими потрясеніями во всемъ составѣ острова, что самая зажиточная часть народонаселенія переселилась на Амбоинъ, Тернатъ и Макасаръ.

Каменистый грунтъ Банды кажется способенъ единственно къ разведенію мускат-

наго орѣха и масиса, хотя и находятъ въ лѣсистыхъ частяхъ канарское дерево, изъ котораго получаютъ масло, предпочитаемое кокосовому, также саговыя, лимонныя, бамбуковыя и кокосовыя деревья. Банда можетъ ежегодно доставлять 500,000 ф. мускатнаго орѣха и 150,000 ф. масиса. Масисъ есть внутренняя оболочка орѣха.

Нигдѣ мускатное дерево не разрасталось въ такомъ прекрасномъ видѣ, какъ на Бандѣ. Правда, что дерево выростаетъ весьма долго, и что опыты, произведенные на прочихъ островахъ, были предприняты недавно. Когда цвѣтъ мускатнаго дерева падаетъ, начинается образованіе орѣха; онъ полнѣетъ медленно, принимая видъ абрикоса. Его скорлупа, желтовато-зеленая, начинаетъ лупится и раскрывается такъ, что можно видѣть мускатъ, прикрытый своимъ масисомъ, превосходнаго краснаго цвѣта. Годовое произведеніе, получаемое съ одного дерева, среднимъ числомъ, простирается отъ 5 до 6 ф. орѣховъ; однако есть деревья, которыя даютъ отъ 15 до 20 ф. Эти орѣхи, будучи отдѣлены отъ ихъ зеленой скорлупы и масиса, раскладываются на плетенки изъ лозъ и ставятся въ дымъ, въ строеніяхъ *(kombaisen)*, нарочно назначенныхъ для того; послѣ нихъ очищаютъ отъ внутренней скорлупы и обмакиваютъ въ известь, распущенную въ морской водѣ. Все это приготовленіе требуетъ безчисленныхъ заботъ. Что же касается до масиса, то и онъ долженъ быть высушенъ, но только на солнцѣ и вѣтрѣ. Если, для ускоренія дѣла, употребляютъ плетенки и дымъ, тогда масисъ принимаетъ дурной цвѣтъ и въ послѣдствіи мокнетъ.

Обработка мускатнаго дерева на Бандѣ и гвоздичнаго на Амбоинѣ, значительно различествуютъ. На Амбоинѣ, этимъ дѣломъ занимаются туземцы, на Бандѣ креолы, рожденные отъ Европейцевъ. Здѣсь трудъ невольный, тамъ свободный. Причина этой противуположности заключается въ одномъ, очень старинномъ, событіи. Въ 1621 г., когда Банда-Нейра и Лонтуаръ были покорены силою, большая часть туземныхъ племенъ погибла отъ оружія или добровольно осудила себя на изгнаніе. Чтобы одушевить эту опустѣлую страну, компанія обратила ее въ колонію, и раздѣлила земли, даромъ, между всѣми Европейцами, изъявлявшими желаніе ее воздѣлывать. Единственнымъ стѣсненіемъ для получителей была исключительная продажа компаніею производимыхъ этимъ мѣстомъ пряностей, и то въ сроки, предписанные постановленнымъ тарифомъ. Въ замѣнъ компанія дала колонистамъ другія выгоды. Раздѣлили землю Пулу-Айжа на тридцать одинъ паркъ, землю Лонтуара на 34 парка, и землю Банда-Нейра на 3 парка, каждый въ 25 *душъ земли*, т. е. образуя пространство, для обработки котораго достаточно было 25 невольниковъ. Въ это время разочли, что одинъ паркъ можетъ принесть владѣльцу отъ 625 до 650 рейхсталеровъ. Когда уступка приведена была къ концу, плантажисты Европейскіе вызвали невольниковъ, и обработываніе муската началось.

Надо сказать, что этотъ опытъ не былъ благопріятенъ для системы заселенія, посредствомъ раздачи земель. Поселившіеся Европейцы, пріобрѣтя собственность, вмѣсто того чтобъ дѣйствовать съ усердіемъ, предоставили хожденіе за работами своимъ невольникамъ, употребляя въ дѣло самыхъ плохихъ, и оставляя самыхъ красивыхъ и сильныхъ для прислуги въ своихъ пышныхъ жилищахъ. Слѣдствіемъ этой праздной и изнѣженной жизни было то, что почти всѣ разводители *(parkeniers)* мало по малу разорились, отягощая свои земли залогами и истрачивая въ шесть мѣсяцевъ пятилѣтнюю сложность своихъ доходовъ. Въ 1796 г. пассивный долгъ этой маленькой колоніи возвышался уже до 300,000 рейхсталеровъ, и тѣ изъ колонистовъ, которые остались богатыми, одной контробандѣ одолжены были своими постыдными богатствами. Одинъ изъ послѣднихъ, сдѣлавшійся милліонщикомъ, будучи призванъ къ суду и осужденъ на каторгу, осмѣлился предложить компаніи 100,000 флориновъ, чтобы получить право носить золотую цѣпь вмѣсто желѣзной!

Для окончательнаго исчисленія острововъ Молукскаго архипелага, должно упомянуть о малыхъ островахъ, въ *юго-западной цѣпи*, управляемыхъ старшинами, данниками Голландцевъ, какъ то: *Летти*, *Моа*, одинъ изъ самыхъ значительныхъ, который доставляетъ барановъ весьма хорошей породы; *Доммаръ*, съ волканомъ; *Бабберъ*, на которомъ Голландцы содержали караулъ; *Сермата*, *Лаккаръ*, *Киссиръ*, гдѣ находится Голландскій военный постъ, посреди необразованнаго народонаселенія; наконецъ *Веттеръ*, большій изъ всѣхъ, но малолюдный, и кото-

рый скорѣе можетъ быть отнесенъ къ системѣ Сумбава-тиморъ.

Въ цѣпи *юго-восточной*, также управляемой старшинами, данниками Голландцевъ, находятся три острова *Кейсъ*, изобилующіе кокосовыми и померанцовыми деревьями, заселенные Малайскимъ племенемъ, нѣкоторые обычаи котораго, какъ напримѣръ, поклоненіе фетишамъ, помазаніе и бальзамированіе мертвыхъ тѣлъ, напоминаютъ о сосѣдствѣ Океаніи; *Лааратъ* и *Тиморлаутъ*, острова менѣе примѣчательные, чѣмъ обширные, обитаемые племенами мирными и лѣнивыми; наконецъ группа *Арру*, которую нѣкоторые географы относятъ къ Меланезіи, и которая состоитъ изъ острововъ обитаемыхъ и плодоносныхъ, гдѣ Голландцы имѣютъ нѣсколько заведеній.

Молукскіе или *Царскіе острова*, отъ Арабскаго слова *Эль-мелекъ* (царь), имѣютъ всѣ несомнѣнные признаки земель волканическихъ. Изрытый видъ острововъ, огромныя вершины, одиноко стоящія въ глубокомъ морѣ, группы утесовъ, въ самыхъ странныхъ положеніяхъ, и высоко выдающихся вверхъ, наконецъ множество волкановъ, потухшихъ и горящихъ, свидѣтельствуютъ, что страна сія была долгое время жертвою физическихъ переворотовъ, и испытала, можетъ быть, потопъ въ эпоху неопредѣлимую.

Исторія этого архипелага, до прибытія Португальцевъ, имѣетъ баснословный характеръ, который внушаетъ недовѣрчивость. Достовѣрно лишь то, что въ 1250 г. одна колонія изъ Гилоло поселилась на Тернатѣ, и основала здѣсь династію, первымъ королемъ которой былъ Хико. За нимъ слѣдовали: въ 1277, король Понтъ; въ 1298, Калабата; въ 1304, Комала, который былъ и завоевателемъ; въ 1317, Панфаранга-Маламо; въ 1322, Сида-Аарифъ-Маламо; потомъ, сряду, Пажи-Маламо, убитый въ 1332, Шагъ-Алемъ и нѣкоторые другіе, до Моломатъ-Хая, который покорилъ острова Кеулла. Въ 1372 г. Комала-Пулу возстановилъ прямое наслѣдство, до него похищенное, и сдѣлался самымъ могущественнымъ королемъ Молукковъ: потомъ слѣдовалъ въ 1432 г, Гази-Бугуна II, и въ 1465 Маргунъ, сдѣлавшійся Магометаниномъ. Съ этого времени Китайцы, Малайцы, Явайцы посѣщали Тернатъ, и производили на немъ торговлю пряностями. Зайналельдинъ, въ 1486 г. овладѣлъ Буру, Амбоиномъ и Церамомъ.

Около этого времени, исторія Молукскихъ острововъ сливается съ исторіею Альбукерка и Португальскихъ мореплавателей. Альфонсъ Суза объѣзжаетъ весь архипелагъ; Гарсіа Генрикесъ, Бритто-Галванъ пристаютъ къ нему въ свою очередь. Королева правительница Тернаты и король Тидорскій оспариваютъ другъ у друга почесть имѣть въ своихъ владѣніяхъ крѣпость, которую бы защищали Португальцы. Королевѣ отдается предпочтеніе; но въ 1527 г., въ награду за ея приверженность, Бритто, командиръ Португальской эскадры, лишаетъ ее престола.

Въ послѣдствіи, обвиненный въ колдовствѣ своимъ дядею, юный царь Тернатскій бѣжалъ въ цитадель, гдѣ и погибъ въ то самое время, какъ собирался броситься изъ окна. Но тогда его народъ отказался снабжать крѣпость провіантомъ, что произвело съ обѣихъ сторонъ вражду. Командиръ Португальской эскадры, Менезесъ, завладѣлъ тремя старшинами, изъ коихъ двумъ велѣлъ отрѣзать правыя руки, а третьяго отдалъ на съѣденіе двумъ огромнымъ псамъ, которые растерзали его. Выведенные изъ терпѣнія такими жестокостями, туземцы осадили крѣпость и довели гарнизонъ до голода. Португальская лѣтопись сказываетъ, что дабы выпутаться изъ этой крайности, нужно было побѣдить 30,000 туземцевъ, и что вслѣдъ за симъ чудеснымъ избавленіемъ, короля Тернатскаго послали въ Индію для обращенія въ Христіанство. Эти успѣхи были не продолжительны: Ауро, король Тернатскій, по возвращеніи изъ своего путешествія, былъ убитъ генералъ-губернаторомъ Лопецъ-де-Мергито; послѣ чего, сынъ убитаго, Баберъ, удалился въ горы со всѣми туземцами, а въ 1580, Бабъ-Уллахъ, король Тернатскій, изгналъ Португальцевъ, которые были принуждены бѣжать на Амбоинъ, гдѣ уже 50 лѣтъ, какъ Св. Францискъ Ксавье проповѣдывалъ Христіанскую вѣру.

Около этого времени появились Голландцы въ Индіи, подъ предводительствомъ Петербота, перваго генералъ-губернатора Батавіи. Побѣждая то Португальцевъ, то Англичанъ, около 1620 г. они поселились на Молукскихъ островахъ и учредили здѣсь колоніяльную систему, которая, не смотря на свои недостатки, устояла столѣтія и едва ли будетъ ограничена въ наше время. Король Тернатскій долженъ былъ отправиться въ

Батавію, для подписанія трактата, коимъ онъ дозволялъ вырывать на своемъ островѣ мускатныя и гвоздичныя деревья. Съ короля Тидорскаго взяли такую же подписку. Цѣною этого пожертвованія, былъ пріобрѣтенъ первымъ пенсіонъ въ 70,000 ливровъ, а другимъ пенсіонъ въ 13,000 ливровъ.

И такъ, съ того времени, какъ Стефанъ Фергейе и вицъ-адмиралъ Яковъ Геемскеркъ, заключили первый трактатъ съ орангъ-кайясами, т. е. около первыхъ годовъ 17 столѣтія до конца 18, Голландцы сохраняли подъ своимъ неоспоримымъ патронствомъ *Пряные острова*, и соразмѣрно съ своими купеческими выгодами, надѣляли ихъ произведеніями Европу, которая имѣла къ нимъ тогда сильную страсть. Это владѣніе продолжалось два столѣтія спокойно, если исключить нѣсколько мѣстныхъ возмущеній, которыя благодаря распорядительности генералъ-губернаторовъ Бота, Рейнста, Кёна и Фанъ-Димена были остановляемы силой или убѣжденіемъ. Въ 1796 г. явились непріятели важнѣйшіе: Англичане, отъ имени штатгудера, завладѣли всѣми Молукскими островами, Амбонномъ, Бандой, Буру. динъ Тернатъ сдался только въ 1801 г. Въ промежутокъ времени, пока продолжалось это завладѣніе, оплотъ, воздвигнутый съ такими усиліями Голландскою монополіею, рушился. Понимая свою привиллегію въ обратномъ смыслѣ, Англійская Восточно-Индійская компанія вывезла съ 1776 по 1798 г. 817,312 фунтовъ гвоздики, 93,742 фунт. мускатнаго орѣха и 46,730 фунт. масиса, не считая въ томъ числѣ частныхъ вывозовъ. Трактаты 1514 и 1815 г. возвратили Голландцамъ, вмѣстѣ съ ихъ Малайскими владѣніями, всѣ конторы на Молукскихъ островахъ. Каковъ бы ни былъ духъ предпріимчивой колонизаціи, который показали Англичане, но они не имѣютъ той осторожности, той попечительности, флегматической и строгой, той мѣстной опытности, тѣхъ привычекъ мудрой бережливости, которыя облегчали Нидерландцовъ въ отдаленномъ владѣніи группами, лежащими внѣ пути кораблей. Молукскіе острова были въ тягость Англіи; они будутъ выгодны Голландіи, если она не отклонится отъ пути преобразованій, которые впервые ввелъ искусный Фанъ-деръ-Капелленъ.

ГЛАВА XXV.

Малаизія. — Островъ Тиморъ.

Сива оставилъ Амбоинскій рейдъ 10 Сентября. Замѣтивъ нѣкоторые изъ подводныхъ камней и низменныхъ островковъ, коими это море усѣяно, 15-го мы прошли вдоль острова Тимора, и на другой день стали на якорь въ главной его бухтѣ, Купангѣ, извѣстной также подъ именемъ Бабао. Это обширная проточина или врѣзка, которая, по виду, должна имѣть не менѣе 5 или 6 лигъ въ углубленіи на 3 или 4 въ ширину; открытая съ в., она бываетъ безопасна только съ начала Мая до конца Октября. По мѣрѣ того, какъ подаешься во внутренность этого бассейна, виды ростутъ и воздвигаются амфитеатромъ. Мало по малу взоръ открываетъ рядъ зеленѣющихъ холмовъ, покрытыхъ кустарникомъ; изъ средины ихъ всходятъ великолѣпныя кущи кокосовыхъ деревъ. Голландская крѣпостца Конкордія съ своей каменною оградой, и влѣво, маленькое Малайское селеніе, раздѣленное рѣкою, дополняютъ эту картину, въ подробностяхъ и въ цѣломъ увеселяющую зрѣніе (Рис. LI. ф. 1.). Посреди бухты лежитъ низменный островъ, называемый Кеа; онъ окруженъ рифомъ; два другіе острова также необитаемы какъ первый, Тикуръ и Буру, находятся на в. отъ мыса Пакула. Въ ю. в. части бухты есть широкая коралловая отмель, извѣстная у Малайцевъ подъ названіемъ *Меники*.

Черезъ полчаса послѣ нашего прибытія, гичка брига была уже у крѣпостной пристани. Со стороны моря эта крѣпость естественно защищена утесами, и со стороны земли имѣетъ ограду, которая обороняетъ ее отъ нападеній туземцевъ. Но свойство мѣстности предало бы ее въ руки дессанта войскъ хорошо обученныхъ. При возвышеніи воды можно бы сдѣлать высадку въ виду самой крѣпости, въ лукѣ, находящейся при входѣ въ рѣку. При низкой водѣ лодки садятся на прибрежныя отмели. Раздѣленная на двѣ части рѣкой, которая протекаетъ черезъ нее, Малайская деревня имѣетъ для сообщенія одного берега съ другимъ деревянный мостъ, довольно прочно выстроенный. Голландская крѣпостца находится на з., Китайскій кварталъ на в.

деревня состоитъ изъ двухъ сотъ домовъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ, безъ всякаго основнаго плана. Всѣ они почти выстроены изъ дерева или изъ расколотыхъ бамбуковъ и состоятъ изъ одного этажа, двумя ступенями возвышеннаго надъ землею. Внутренность деревни также блеститъ зеленью, какъ и окрестности. Манговыя, и огромныя смоковныя деревья изъ породы баньяновъ, образуютъ надъ каждою улицею непроницаемые своды зелени. Домы ограждены и пользуются самою упоительною свѣжестію: драгоцѣнное благодѣяніе въ подэкваторномъ поясѣ.

Мы имѣли два свободные дня для осмотрѣнія Тимора. Нашъ эстафетъ-бригъ давалъ едва время своимъ пассажирамъ подышать береговымъ воздухомъ. Оставалось ограничиться осмотромъ того, что находилось любопытнаго въ Купангѣ и его окрестностяхъ, а затѣмъ довольствоваться описаніями Перона, Гоохендорпа и Фрейсине. Съ первой нашей прогулки по острову, мы стали сожалѣть, что не имѣемъ болѣе времени для обозрѣнія этой страны, украшенной чудеснымъ прозябеніемъ. Величественныя пальмы, арековыя съ ихъ красными султанами, только рѣдкими просѣками открывали взорамъ окружные виды; но и то, что видно было, состояло изъ восхитительныхъ и разнообразныхъ мѣстоположеній. Въ окрестностяхъ самой деревни, и въ долинѣ болѣе открытой, мы увидѣли Малайское кладбище, усѣянное небольшими надгробными памятниками изъ камня, на подобіе Римскихъ тумуловъ *(tumulus)*. Наружный видъ ихъ, казалось, измѣнялся, смотря по значительности покойнаго. Здѣсь была четыреугольная пирамида, усѣченая сверху, съ внутреннимъ сводомъ и четырьмя малыми пирамидками по угламъ; тамъ, одинъ камень съ вдѣланнымъ по серединѣ желѣзнымъ кольцомъ, далѣе родъ платъ-формы, составленной изъ двухъ цоколей, и увѣнчанной чѣмъ-то въ родѣ украшенія, закругленнаго по угламъ; въ другомъ мѣстѣ, простая будочка, съ дверью въ центрѣ, выставляла свои покатыя кровельки, между тѣмъ какъ уединенный на холмѣ, и занимая широкое пространство, массивный четыреугольникъ, тщательно отдѣланный изъ камня, являлся поддерживаемый множествомъ контрфорсовъ, для доставленія ему большей прочности (Рис. LI. ф. 2.

Всѣ окрестности Купанга украшены виноградниками и садами, лежащими, большею частію, по берегамъ рѣки. Сюда то богатые граждане Купангскіе удаляются отъ знойныхъ жаровъ берега. Принятые въ одно изъ этихъ жилищъ, мы долго удивлялись его природнымъ красотамъ и пышно удовлетворяемымъ удобствамъ. Оно лежало въ прелестномъ мѣстѣ, въ лигѣ разстоянія отъ города. Множество деревъ, осыпанныхъ цвѣтами и плодами, благоуханіе воздуха, журчаніе воды, скользившей по слоямъ гранитныхъ утесовъ, шопотъ зефира въ листьяхъ, воркованіе горлицъ, крикъ попугайчика и плѣшиваго калао: все содѣйствовало къ очарованію въ этомъ плѣнительномъ мѣстѣ. Рѣка, спокойно текущая подъ навѣсами возвышенныхъ бамбуковъ, казалась купальною залою, куда сосѣдніе владѣльцы приходили коротать продолжительное время каникулъ. Послѣ купанья, со всѣмъ семействомъ, они ложились на плетенки, подъ тѣнію померанцовыхъ и тамариндовыхъ рощъ. Тамъ, съ щепоткой бетеля во рту, эти сибариты засыпали, потираемые по тѣлу молодыми невольниками, которые въ то же время стерегли ихъ сонъ отъ несносныхъ насѣкомыхъ, употребляя на это опахало изъ латановыхъ листьевъ.

Домъ, въ который мы должны были войти, представился намъ послѣ долгой дороги, идущей параллельно направленію рѣки; середняя аллея была пространна и усыпана пескомъ; она вела къ большому квадратному бассейну, въ которомъ водились прекрасныя рыбы. По ту сторону находился широкій перистиль, подпираемый колоннами; верхняя часть его составляла родъ Китайскаго кіоска, легкаго и живописнаго. Засимъ слѣдовалъ дворъ, а наконецъ и домъ, опоясанный двумя рядами внѣшнихъ галлерей, съ паркетомъ, меблированныхъ хорошенькими креслами изъ тростника. Это мѣсто принадлежало одной Малайкѣ, женщинѣ пожилой, нѣсколько дородной, но не безъ благородства, и не безъ достоинства. Одѣтая въ богатые передники, она вышла къ намъ въ сопровожденіи толпы молодыхъ дѣвушекъ, покрытыхъ бѣлыми тканями, и съ заплетеными волосами на верхней части головы. Нѣсколько невольниковъ, въ жилетахъ и бѣлыхъ шароварахъ, казалось, ожидали приказаній. Едва мы успѣли расположиться подъ галлереей, посреди этихъ лѣсовъ, цвѣтовъ, водъ бѣгущихъ или ниспадающихъ, какъ вся эта толпа молодыхъ дѣвушекъ и мальчиковъ пришла въ движеніе, для приготовленія намъ завтрака. Завтракъ былъ поданъ съ быстротой, которая походила на

волшебство. Сахарные конфекты, на Китайскихъ судочкахъ, чай, варенья, пирожныя, плоды, эссенціи, были въ ту же минуту обнесены, между тѣмъ какъ царица мѣста, владѣтельница этой резиденціи, истинно царской, присутствовала при угощеніи, соблюдая самую благосклонную внимательность.

Послѣ завтрака, мы сдѣлалися предметомъ праздника. Молодыя дѣвушки возвратились въ нарядномъ костюмѣ, съ волосами намазанными масломъ, и черными какъ смоль, собранными по Гречески и прикрѣпленными золотою булавкою, въ легкихъ передничкахъ, которые ниспадали только до полъ-колѣна; онѣ были милы и воздушны какъ сильфиды. Молодые невольники, всѣ стройные и хорошаго вида, вмѣшались въ группы женщинъ, и праздникъ начался пѣніемъ и танцами. Пѣніе, протяжное и однозвучное, исполнено дикой потрясающей душу гармоніи; пляска женщинъ состоитъ изъ положеній, въ которыхъ тѣло ихъ обнаруживало всю прелесть и соразмѣрность формъ. Танецъ мужчинъ состоялъ изъ военныхъ пантомимъ, изъ театральныхъ сраженій, которыя часто принимали суровый характеръ. Засимъ слѣдовалъ конный турниръ, въ которомъ противники скакали другъ на друга, въ галопъ, копье на перевѣсъ, осаживая коней и уклоняясь отъ ударовъ, не прежде, какъ когда дыханіе ихъ лошадей уже смѣшивалось вмѣстѣ. Я не знаю ничего страннѣе, смѣлѣе этихъ Тиморскихъ всадниковъ, сидящихъ на коняхъ, которые своими членами и размѣрами напоминаютъ лучшія Арабскія породы; наѣздники въ бѣлыхъ курткахъ, развѣвающихся по вѣтру, съ платкомъ вкругъ головы, изъ подъ котораго падаютъ длинные ряды волосъ, съ рукой, обхваченной кольцами, со щитомъ и мечемъ, понукая пяткою коней, то ищутъ, то убѣгаютъ другъ друга, сталкиваются и ускользаютъ, съ странною и чудною ловкостью (Рис. LII. ф. 1). За всадниками явились островитяне Омбайскіе, съ сосѣдняго острова, доставляющаго часто невольниковъ Тимору. Эти люди были въ одеждѣ своей земли. Ихъ волосы, зачесанные кверху пучками, какъ мы видѣли у нѣкоторыхъ Океанійцевъ, были у иныхъ убраны вѣтвями папоротника въ видѣ султанчика. Грудь и бедра были обложены двойнымъ желѣзнымъ щитомъ или кирасою, между тѣмъ какъ на лѣвой рукѣ они носили третій щитъ. Передній щитъ оканчивался вырѣзкою для шеи; задній имѣлъ прибавленіе, поднятое вровень съ головою и предохраняющее ее отъ непредвидѣнныхъ ударовъ; ручной щитъ имѣлъ на верху вырѣзку, такъ, что защищая лице сражающагося, онъ не препятствовалъ глазамъ видѣть противника (Рис. LII. ф. 2). Нѣкоторые изъ этихъ людей имѣли криссъ или книжалъ, другіе зубчатую пику; они угрожали ими другу другу, иногда дѣйствительно задѣвая по груди. Иногда эти военныя игры, изъ простыхъ поединковъ, измѣнялись въ маленькую войну, въ стычку. Построенные въ два ряда, Малайцы, изображали людей, которые пробираются на цыпочкахъ для открытія непріятеля, и послѣ, вдругъ, какъ бы отыскавъ его, бросались съ смутнымъ и продолжительнымъ крикомъ.

Когда наступилъ вечеръ, праздникъ продолжался при огнѣ ста зажженныхъ факеловъ, несомыхъ невольниками, которые, какъ канделабры, стояли вокругъ ограды бала. Усиленная музыка состояла изъ 50 или 60 гумъ-гумовъ и тамъ-томовъ, которые далеко распространяли свою страшно дикую гармонію. Танцоры появились снова, въ очень коротенькихъ передникахъ, безъ оружія, безъ щитовъ, украшенные по рукамъ и по ногамъ листьями латана и цвѣтами малати, вплетенными въ ихъ волосы. Они протанцовали при шумѣ оркестра и подъ пѣсни присутствовавшихъ; балетмейстеръ дирижировалъ фигурами, и то ускорялъ, то замедлялъ мѣру. Эти новыя пляски изображали охоту и гимнастическія упражненія. Движеніе ихъ было медленно, но сопряжено съ такими кривляньями, что вскорѣ танцоры запыхались и покрылись потомъ. Въ междудѣйствіяхъ, молодые невольники, одѣтые въ синіе и красные передники, подносили намъ, на подносахъ, плоды, пирожное, чай, ликеры; все это было съ большимъ вкусомъ размѣщено въ корзинкахъ.

Приглашенные на праздникъ, окрестные раджи прибыли довольно поздно, съ своими подругами, между которыми были восхитительныя лица. Всѣ раджи были красивые мужчины; съ большою важностію выступали въ своихъ платьяхъ изъ ситца съ цвѣтами и разводами. Сидя на тростниковыхъ креслахъ, каждый изъ нихъ имѣлъ передъ собой маленькій столикъ, на который была поставлена коробка съ бетелемъ и арекомъ; позади ихъ стояли слуги, хорошо одѣтые, вооруженные длинными пиками и предводимые старши-

пою или дворецкимъ, котораго легко было узнать по трости съ серебрянымъ набалдашникомъ — аттрибуту господской власти; наконецъ, по сторонамъ, на низенькихъ сидѣлкахъ, находились ихъ жены, вполовину покрытыя вуалями, и только по этому случаю вышедшія изъ гарема. Эти знатныя женщины были гораздо болѣе закрыты, нежели простыя невольницы. Передникъ, спускавшійся до икры, былъ прикрытъ еще длиннымъ платьемъ, которое не доходило до колѣна, и застегивалось на груди золотыми булавками. Всѣ были надушены эссенціями и благовонными маслами. Ихъ одежды издавали запахъ роснаго ладона и сандальнаго дерева. Онѣ даже жевали *какіудель*, который придаетъ пахучесть дыханію. Эта страсть къ благовоніямъ простирается между ними до того, что онѣ посыпаютъ душистыми цвѣтами свои постели; изъ цвѣтовъ дѣлаютъ гирланды, ожерелья и браслеты. Для этихъ Малаекъ цвѣты составляютъ не одно украшеніе, а служатъ также языкомъ. Какой нибудь цвѣтокъ или листы бетеля, сложенные особеннымъ образомъ, имѣютъ извѣстное значеніе на языкѣ любовниковъ.

Мы оставили это очарованное мѣсто уже поздно ночью. Когда пришло время откланяться вдовѣ раджа, тридцать изъ ея служителей отдѣлились отъ толпы, чтобы пронести новые смолистые факелы, и составивъ двѣ свѣтящія черты по сторонамъ дороги, проводили насъ до самаго Купанга.

Вотъ единственное событіе нашего пребыванія въ этой бухтѣ. Мы не могли, какъ бы хотѣлось, слѣдовать дорожнику Перона во внутренности Тимора и повѣрить точность его наблюденій, имѣющихъ нѣсколько романическій характеръ. Заимствуемъ изъ самыхъ положительныхъ частей его описанія краткое извлеченіе.

На с. з. отъ Тимора находится Португальское заведеніе Делли, гавань, лежащая на ю. отъ острова Камби, и фарватеры которой довольно опасны. Манатати, въ двадцати четырехъ миляхъ отъ Делли, есть Португальскій же постъ, и вѣроятно тотъ самый, который у Дампира названъ былъ Купангомъ. Гавань Сикакольская, есть также стоянка на этомъ берегу; но она подвержена сѣвернымъ вѣтрамъ и въ нее входить трудно.

На милю къ в. отъ Купанга, и въ окружности ея обширной бухты, встрѣчается Оба, хорошенькое селеніе, по ту сторону котораго находится песчаная равнина, весьма пространная, называемая *Passer Panguian*, и тянущаяся до устья рѣки Озапа. За ними идутъ Калапра, Лима; потомъ Озапа-Киткилъ, важное селеніе, въ виду котораго разстилаются два низменные острова, покрытые мангиферами. Послѣ сего дорога идетъ посреди прекрасныхъ кокосовыхъ деревьевъ, перевитыхъ плющами, до Осопа-Безасъ, мѣстечка, населеннаго 400 ж., въ числѣ коихъ полагаютъ нѣсколько Китайцевъ. За мѣстечкомъ, дорога становится ровнѣе. Тогда встрѣчаешь Понзунсъ, гдѣ водятся самыя лучшія и быстрыя лошади этой страны. Пасясь на свободѣ, эти животныя возвращаются вечеромъ въ конюшни, по одному голосу ихъ проводниковъ, настоящихъ кентавровъ, которые ѣздятъ на нихъ, не зная ни удилъ, ни уздечки. Далѣе Меники съ 300 жит. и ручьи Тарусъ и Паннефоной; послѣдній считается священнымъ по крокодиламъ, которые въ немъ водятся; Нобаки, Панамутти, маленькія деревушки; Цебелло, гдѣ начинается обширная равнина, которая пролегаетъ до горъ Амфоа, составляющихъ сѣверную цѣпь бухты Купангской; наконецъ Бабао, за которымъ начинаются болоты, оканчивающіяся не прежде какъ у городка Олипамы. Олипама есть собраніе хижинъ, просторныхъ, прелестныхъ, съ сквозными прорѣзами и отѣняемыхъ большими деревьями. Тамъ жили семейства, подъ властію нѣсколькихъ старцевъ, сохраняя нравы совершенно патріархальные: женщины пряли бумагу; мужчины занимались дѣланіемъ корзинокъ; дѣти, уже сильныя, рѣзвились на зелени, между тѣмъ какъ младшихъ качали на бамбуковыхъ веревкахъ, въ тѣни деревъ.

Здѣсь-то, въ Олипамѣ, Перонъ и его спутники убили крокодила, кожа котораго хранится въ музеумѣ Парижскаго Батаническаго сада. Крокодилъ, на Тиморѣ, какъ въ Египтѣ, есть священное животное. Короли Тиморскіе ведутъ свое происхожденіе отъ крокодила; всѣ знатные люди острова, болѣе или менѣе сродни крокодилу. Вступая на престолъ, государь дѣлаетъ свое приношеніе этой амфибіи. Въ извѣстное мѣсто складываютъ припасы, до которыхъ крокодилъ очень лакомъ, и животное, по извѣстному звуку, является въ избранное мѣсто за своею пищей. Тогда говорятъ, что онъ послушенъ зову и что онъ является народу. До сихъ поръ это увеселеніе весьма невинно; но что

менѣе забавно, это принесеніе въ жертву молодой дѣвственницы, которую, въ этотъ день, отдаютъ на съѣденіе прибрежнымъ крокодиламъ. Убранную цвѣтами, и наряженную въ лучшія платья, насильно или съ согласія, ее оставляютъ на *каибль*, роковомъ мѣстѣ, куда приползаютъ за нею амфибіи и увлекаютъ въ подводную глубь. Полагаютъ, что дѣвственность есть необходимое условіе для жертвы, потому что однажды крокодилы принесли назадъ въ цѣлости дѣвушку, которая не была дѣвицей. Во время праздника, приносятъ въ жертву борова съ красною щетиной.

При такомъ благоговѣніи къ крокодиламъ, туземцамъ было противно смотрѣть на смѣлыхъ охотниковъ, которые приходили убивать этихъ животныхъ, даже въ ихъ болотныхъ убѣжищахъ. Перонъ разсказываетъ, что послѣ его экспедиціи всѣ жители бѣгали отъ нихъ, какъ отъ поганыхъ. «Король насъ ожидалъ,» говоритъ онъ, «и едва лишь завидѣлъ издали, какъ послалъ чиновника сказать намъ, чтобы мы сложили подъ дерево, подалѣе отъ его жительства, *святотатственную* жертву, которую несли за нами. Насъ удивило, что окружавшія насъ въ оба первые дня толпы любопытныхъ, теперь съ поспѣшностью бѣжали отъ насъ прочь; самъ раджа, хотя и принялъ насъ съ обыкновеннымъ добродушіемъ, но не хотѣлъ къ намъ приблизиться, пока мы предварительно не очистились: онъ далъ намъ это уразумѣть, указавъ пальцемъ на корыто, выдолбленное въ пнѣ дерева, куда мы должны были войти для совершенія потребныхъ омовеній. Эта церемонія не такъ-то полюбилась намъ; но не было средства отдѣлаться. Всѣ Малайцы, мужчины, женщины и дѣти, стояли въ кружку около насъ, и не смотря на правила предписываемыя Европейскими приличіями, мы должны были раздѣться до-нага. Такъ какъ корыто не могло вмѣщать болѣе одного человѣка, то Г. Лесюеръ и я, очередовались: два невольника принесли большіе сосуды, наполненные водою, и вылили ихъ намъ на голову; такимъ образомъ каждый изъ насъ подвергся двадцати омовеніямъ. Между тѣмъ какъ все это происходило, одинъ Малаецъ съ помощію длиннаго бамбука приподнималъ наши платья, и не прикасаясь къ нимъ иначе, снесъ ихъ въ струи сосѣдняго ручья. Когда мы были достаточно очищены, раджа велѣлъ подать намъ большіе передники, употребляемые въ томъ краю, мы должны были надѣть ихъ. Съ этой минуты всѣ стали подходить къ намъ безъ страха, и каждый, шутя надъ нашимъ новымъ нарядомъ, считалъ особеннымъ удовольствіемъ называть насъ *оранъ малайо* (Малайскіе люди).

Послѣ краткаго пребыванія въ Олинамо и Бабао, Перонъ и его спутники возвратились въ Купангъ. Съ тѣхъ поръ, документы, болѣе достовѣрные и многочисленные, наполнили все, что было сбивчиво и невѣрно въ этомъ обозрѣніи.

Лежащій между 8° и 11° южн. шир., и между 121° и 124° вост. долг., центральною своею частію Тиморъ имѣетъ семьдесять пять миль въ длину и отъ 16 до 17 въ ширину. Крутой и возвышенный, онъ представляетъ мало якорныхъ стоянокъ; воды глубоки вплоть до самаго берега. Западный берегъ, наиболѣе извѣстный, имѣетъ нѣсколько рейдовъ, каковы въ Купангѣ, Лифао или Деллѣ; на южномъ берегѣ находится гавань Амакари, откуда Голландцы добываютъ строевой лѣсъ. Въ противность прочимъ островамъ, которые тянутся къ с. з. на ю. в., онъ обращенъ къ ю. з. и с. в. всею длиною своего протяженія. Его земля есть сцѣпленіе высокихъ лѣсистыхъ горъ, перерѣзанныхъ удобными и правильными ущеліями. Въ южной части, эта цѣпь, носящая названіе Анфоа и Фателсу,[1] кажется совершенно известковою и мадрепорическою. По скатамъ горъ бѣгутъ золотоносные потоки. Почва, почти вездѣ плодородная, представляетъ мѣстами плоскости мѣловыя и бѣловатыя, пополамъ съ глиною, какъ *каррусы*, на мысѣ Доброй Надежды.

Подобно всѣмъ странамъ, лежащимъ между тропиками, Тиморъ имѣетъ два времени года, которыя измѣняются сообразно съ муссонами: сухое отъ Мая до Ноября, дождливое отъ Ноября до Мая. Отъ времени до времени чувствуемо бываетъ нѣсколько землетрясеній, хотя безопасныхъ для жителей. Приводятъ даже въ примѣръ какъ какого нибудь страннаго феномена, высокую гору въ королевствѣ Амопубангскомъ, у подошвы которой есть отверстіе, отъ 10 до 12 ф. въ окружности; изъ него исходитъ столь сильный вѣтеръ, что нельзя было бы подойти къ нему безъ опасности. Посреди этого непостоянства засухъ и дождей, климатъ, можетъ быть, здоровый во внутренности, нездоровъ на берегахъ. Кровавый поносъ свирѣпствуетъ съ убійственнымъ упорствомъ, даже между туземца-

ми; сила его такова, что въ извѣстномъ періодѣ болѣзни, она почти неизлечима.

Природныя богатства страны, многочисленны и разнообразны. Изъ царства ископаемыхъ должно упомянуть о весьма изобильныхъ золотыхъ и мѣдныхъ рудникахъ, находящихся близъ Делли, Ада и Мантото; но вѣроятно добываніе этого металла изъ земли здѣсь не извѣстно, и получаемое количество достается отъ промывки рѣчныхъ песковъ. Мѣдь Тиморская, смѣшанная съ золотомъ, даетъ родъ амальгамы, столь же хорошей, какъ и та, которая была составлена изъ Японской мѣди.

Изъ царства прозябаемаго, первое мѣсто занимаетъ сандальное дерево,—главная статья вывоза. Потомъ бамбуковое, растущее въ такомъ изобиліи, что образуетъ непроницаемые лѣса; латановое, листья котораго употребляются на паруса прой; бананъ, съ плодомъ сладкимъ и мучнистымъ; кокосовое дерево, самое всеобщее изъ прозябаемыхъ, между тропиками; Китайскій померанецъ; манга, съ своими плодами, отзывающимися терпентиномъ; пампельмусъ, папая, гранатъ, аттъ, жака, карамбола, жамбозія, билимбингъ, еугенія, замѣчательный по красотѣ своей зелени; саговое, финиковое, арековое и тамариновое дерева; текъ, розы, акаціи, миммозы, смоковницы; наконецъ казуарины и хлѣбное дерево, которыя напоминаютъ еще Океанійскія группы. Это прозябеніе, богатое, изобильное, плодородное, принадлежитъ уже центральной Малезіи, и содержитъ въ себѣ всѣ виды растеній, свойственные сему поясу. Земледѣльческія произведенія также многочисленны. Рисъ, маисъ, пататы, хлопчатая бумага, табакъ, сахарный тростникъ, кофейное и кокосовое дерево покрываютъ долины. Индиго обыкновененъ на Тамарѣ, но образъ его приготовленія весьма несовершенъ; еще воздѣлываютъ на немъ гирамонъ, ямсъ, ананасъ, дыню простую и мускатную. Растенія огородныя, лекарственныя, ядовитыя безчисленны.

Царство животныхъ не менѣе изобильно. Нигдѣ нѣтъ такого множества обезьянъ; туземцы охотятся, убиваютъ и ѣдятъ ихъ мясо, до котораго они весьма лакомы. Восточный филандръ, также очень обыкновенный, ведетъ дѣятельную войну съ птицами. Его ѣдятъ, хотя мясо его и менѣе уважается, нежели мясо обезьянъ. Въ лѣсахъ встрѣчаются буйволы и бабирусы или кривозубыя свиньи, конгуру, вампиры огромной толщины, истинные бичи виноградниковъ; олени, козы, между которыми Сирійская коза даетъ отличное молоко; бараны, безъ сомнѣнія, Индійскаго происхожденія, покрытые волосомъ, а не шерстью; быки довольно рѣдкіе; очень простыя лошади, малорослыя, быстрыя и плотныя. Внутри лѣсовъ находятся также дикія кошки, наводящія ужасъ на птицъ. Птицы бываютъ тысячи родовъ: морскіе орлы, ястребы, дятлы, дикія утки, хохлатые бѣлые попугаи, лоріи, миловидные попугайчики, покрытые блестящими отливами. Кромѣ крокодила, до такой степени уважаемаго, здѣсь существуетъ множество опасныхъ пресмыкающихся, змѣй съ ядовитымъ жаломъ, скорпіоновъ, тысяченожекъ, тѣмъ болѣе опасныхъ, что онѣ непримѣтно подкрадываются. Черепаха изобилуетъ на этихъ берегахъ: исполинъ-черепаха и черепковая черепаха, весьма уважаются Малайцами: первая за ея мясо, которые считаютъ очень здоровымъ; другая, за ея черепъ. Изъ числа насѣкомыхъ замѣчательны бѣлыя мушки и стрекозы, которыя прилетаютъ съ ю. тучами и опустошаютъ все на своемъ пути; бабочки, блистающія великолѣпными цвѣтами, дикія пчелы, которыя складываютъ свой медъ въ дуплы большихъ деревъ: это произведеніе составляетъ одну изъ самыхъ выгодныхъ статей вывоза. Въ рѣкахъ и въ морѣ, ловятъ рыбу самаго нѣжнаго вкуса и добываютъ нѣсколько незначительныхъ жемчужинъ, устерсъ и прекрасныя раковины. Ракообразныя и черепокожныя также представляются во множествѣ; но всего занимательнѣе на этомъ мадрепорическомъ берегѣ живые зоофиты, миріады микроскопическихъ животныхъ, которыя наконецъ постепенно превращаются въ окаменѣлости. Скалы, кажется, оживаютъ подъ чистыми и нѣжными цвѣтами этихъ зоофитовъ, посреди которыхъ *tubiposa musica* выставляетъ свои зеленыя, косматыя щупальцы, и образуетъ надъ волнами эти большія выпуклыя массы, которыя имѣютъ видъ зеленыхъ луговинъ, разстилающихся по коралловому дну.

Тиморъ имѣетъ обитателей четырехъ племенъ: собственно называемые Тиморійцы, родъ Папуевъ или Гарфуровъ; Малайцы, которые занимаютъ берегъ, и вѣроятно дали острову его нынѣшнее прозваніе *Тиморъ* (востокъ); Китайцы, поселившіяся на всѣхъ

конторахъ, Жиды Индіи; наконецъ Европейцы—Португальцы или Голландцы.

Португалія и Голландія встрѣтились на Тиморѣ въ началѣ XVII вѣка, также какъ онѣ встрѣчались на всѣхъ Молукскихъ островахъ. Спокойные владѣтели до 1612 г., Португальцы были въ этомъ году изгнаны изъ Купанга Голландскою эскадрой. Но это завоеваніе еще не очистило вполнѣ острова. Португальцы, потерявшіе Купангъ, основали заведеніе въ Лифао, и перенесли его въ Делли, строя, кромѣ того вспомогательныя заведенія въ Бату-Годи и Манатути. Съ этого времени Португальское мореплаваніе склонялось день ото дня болѣе къ упадку. Португальцы не посылали людей на смѣну старымъ, почему и образовалось смѣшенное племя, болѣе Малайское, нежели Португальское. Делли, за исключеніемъ губернатора и двухъ или трехъ агентовъ, населенъ людьми смѣшеннаго племени. Голландская кровь, хотя чаще возобновляемая постоянными экспедиціями метрополіи, также производитъ смѣшенное племя, но гораздо болѣе, и имѣетъ черты лица, болѣе правильныя; вообще нынѣ смѣшанное племя преобладаетъ на Тиморѣ Въ 1801 г., когда Англичане похитили эту контору у Голландцевъ, это самое народонаселеніе истребило Британскій гарнизонъ. Въ 1811 г., получивъ снова обладаніе колоніей, Англичане сохраняли ее до исполненія договоровъ 1814 и 1815 г.

Тиморійцы хорошо сложены и обнаруживаютъ силу: они чернаго или мѣдянаго цвѣта, имѣютъ волнистые волосы, которые окрашены въ рыжій или черный цвѣтъ. Всѣ жители, какъ мужчины, такъ и женщины, имѣютъ приплющенный носъ, въ слѣдствіе обряда, производимаго надъ дѣтьми, съ самаго рожденія; этотъ обычай повторяется также между разными Океанійскими племенами, и это еще не единственное сходство, замѣчаемое на этомъ островѣ, смежномъ съ Австраліею. Привѣтствіе посредствомъ прикосновенія къ носу, разрисовка кожи посредствомъ нарѣзанія, нажиманіе рукою на тѣло, считаемое лечебнымъ способомъ, обмѣнъ именъ въ отношеніи къ незнакомому человѣку, съ которымъ желаютъ подружиться, всѣ эти обычаи, усмотрѣнные и описанные въ Полинезійскихъ группахъ, снова встрѣчаются на Тиморѣ, измѣненные, но легко могущіе быть узнаны. Одежда Тиморійцевъ состоитъ изъ двухъ полотнищъ бѣлой холстины, съ красною каймою, имѣющихъ отъ 4 до 5 ф. длины на 2 ширины; у богатыхъ, они вышиваются по краямъ, и дополняются иногда, (что служитъ доказательствомъ большой роскоши), кусками разрисованной холстины и двумя платками вкругъ головы. Въ военное время, воины надѣваютъ султаны изъ перьевъ отборнѣйшихъ птицъ острова; величайшее убранство состоитъ въ золотыхъ и серебряныхъ бляхахъ, и въ браслетахъ изъ раковины, которая цвѣтомъ очень близко подходитъ къ слоновой кости. Въ торжественные дни, короли и вельможи, ставятъ на голову кусокъ золота, въ видѣ полумѣсяца. Непосредственные вассалы Голландцевъ носятъ длинные сюртуки Европейскаго покроя. Жены знатныхъ, которыя показываются изрѣдка, отличаются золотыми и серебряными браслетами, коралловыми ожерельями и мѣдной проволокой, которою онѣ себѣ обвиваютъ руки и ноги. Почти всѣ части ихъ тѣла означены или разрисованы маленькими черными точками, въ видѣ цвѣтка, сдѣланными посредствомъ остраго инструмента, обмокнутаго въ индиго. Въ домахъ, женщины сидятъ закутанныя въ широкій кусокъ бумажной матеріи, которымъ они опаясываются вокругъ бедеръ; тогда онѣ оставляютъ грудь открытою и закрываются лишь, когда выходятъ. Мужчины, изъ простаго народа, повязываютъ голову платкомъ и носятъ передники, обыкновенно оставляя открытымъ туловище. Когда идетъ дождь, то они набрасываютъ себѣ на плечи другой передникъ.

Многоженство позволено на Тиморѣ. Дочери служатъ здѣсь обогащеніемъ семействъ: ихъ продаютъ, также какъ въ Магометанскихъ странахъ, на золото, или мѣняютъ на скотъ. Если условленныя статьи не выполнены зятемъ, то отецъ имѣетъ право взять назадъ свою дочь, и даже дѣтей, рожденныхъ отъ сего брака. Впрочемъ свадьбы совершаются безъ лишнихъ наружныхъ обрядовъ: дѣлаютъ предложеніе, условливаются въ цѣнѣ, и потомъ убиваютъ какое нибудь животное для совѣщанія съ его внутренностями: если знаки благопріятны, то и бракъ готовъ. Въ рукахъ мужа, женщинѣ представляется мало случаевъ къ совершенію проступковъ; но будучи дѣвушкою и независимою, она вполнѣ управляетъ собою, и на ея слабости не обращаютъ вниманія.

Хронологія Тиморійцевъ состоитъ изъ

именъ разныхъ губернаторовъ, которые управляли ихъ страною. Для обозначенія временъ года, они приводятъ жатвы, имъ соотвѣтственныя, засѣваніе риса и маиса, зрѣлость плодовъ, цвѣтеніе тамариндовъ. Иногда также для опредѣленія прошедшаго времени, они начинаютъ считать съ возраста возмужалости. Если кто имъ долженъ деньги, то они навязываютъ на снурокъ столько зеренъ маиса, сколько нужно для того, чтобы выходила вся сумма. Умѣренные въ пищѣ и терпѣливые, Тиморійцы, въ дальнѣйшихъ своихъ путешествіяхъ ничѣмъ болѣе не питаются, какъ жаренымъ и толченымъ маисомъ. Нѣсколько зеренъ этой кашицы уже достаточны для ихъ стола. Напротивъ того, путешественникамъ они подаютъ все, что имѣютъ лучшаго: теплое буйволовое молоко въ большихъ бамбуковыхъ цилиндрахъ, цѣлаго барана, варенаго съ рисомъ. Обыкновенная пища береговыхъ Малайцевъ состоитъ изъ дичи, рыбъ, свинины, вареной въ кокосовомъ маслѣ, всегда съ приправой перца и другихъ пряностей.

Трудно опредѣлить образъ Тиморійскаго правленія. То, что называютъ здѣсь королями, суть не что иное, какъ старшины или раджи, власть которыхъ, кажется, довольно ограничена. Всѣ они называютъ себя близкими родственниками крокодила, ихъ священнаго бога. Тѣ изъ нихъ, которые зависятъ отъ Европейскаго правительства, подчинены въ своихъ дѣйствіяхъ извѣстнымъ формамъ, предписаннымъ Голландцами. При малѣйшемъ отступленіи, резидентъ приказываетъ схватить виновныхъ, и отсылаетъ плѣнниками на Батавію. Ежегодная подать, собираемая торжественно, служитъ всенароднымъ означеніемъ подданства. Исполнивъ эту обязанность, они могутъ составлять свой собственный доходъ, облагая предварительно сборомъ изъ урожая своихъ подданныхъ извѣстнаго количества риса, маиса, воска и сандальнаго дерева. Не смотря на то, Малайскіе раджи кажутся не столько господами своихъ подвластныхъ, сколько ихъ сотоварищами. Въ ихъ образованіи есть нѣсколько республиканскаго равенства. Кромѣ нѣкоторыхъ маловажныхъ украшеній, платья изъ ситца съ цвѣтами и казы, получше выстроенной, ничто не отличаетъ ихъ отъ народа. Раджи изъ внутреннихъ частей острова, суть самовластнѣйшіе изъ всѣхъ. Они могутъ требовать къ себѣ своихъ подданныхъ, всякій разъ, какъ случится въ томъ надобность. Они сами чинятъ судъ, не имѣя нужды прибѣгать къ посредничеству резидента; наказываютъ виновнаго иногда рабствомъ, иногда пенями, иногда смертію, что впрочемъ рѣдко. Въ иныхъ владѣніяхъ, старшина не можетъ произносить такихъ сентенцій безъ разрѣшенія вельможъ.

Въ нѣкоторыхъ королевствахъ, женщины по пресѣченіи наслѣдниковъ мужескаго пола, могутъ вступать на престолъ. Большая часть вельможъ принадлежатъ царской крови. Въ обыкновенномъ порядкѣ, сынъ наслѣдуетъ послѣ отца; но рѣдко случается, чтобы перемѣны государей обходились безъ смутъ. Каждое королевство имѣетъ свои сокровища, заключающіяся въ серебрѣ или въ драгоцѣнныхъ камняхъ, которые выставляются въ большіе праздничные дни для почитанія народнаго. Подданные думаютъ, что если бы случилось пропасть одной вещи изъ этого сокровища, то государство потерпѣло бы великія бѣдствія. Потому-то эти богатства никогда не запираются: они лежатъ въ большихъ открытыхъ шкафахъ, посреди королевскаго жилища.

Погребеніе короля совершается не такъ просто и скоро, какъ погребеніе частнаго человѣка. При первомъ извѣстіи о кончинѣ государя, всѣ его подданные брѣютъ себѣ головы. Его жены и наложницы расточаютъ знаки внѣшняго траура, ломаютъ руки, рвутъ волосы, ударяютъ себя въ грудь. Всенародно приносятъ жертвы, убиваютъ буйволовъ и свиней. Потомъ наряжаютъ трупъ, лежащій на столѣ посреди дома, облекаютъ его въ лучшія платья, покрываютъ золотыми бляхами, цѣпями, ожерельями, и оставляютъ въ этомъ положеніи два дня, которые проводятъ въ плачѣ и рыданіи. Между тѣмъ въ сосѣднемъ лѣсу срубаютъ огромное дерево, въ которомъ выдалбливаютъ пространство, достаточное для вмѣщенія тѣла, со всѣми его драгоцѣнностями. Когда тѣло помѣщено, то отверстіе закупориваютъ смолой и вносятъ эту мумію въ сосѣдній домъ, гдѣ она должна оставаться до тѣхъ поръ, пока не соберутъ суммы денегъ, потребной для совершенія дорогаго погребенія. Сумма эта такъ значительна, что нерѣдко видали государей, которые лежали три, четыре и пять лѣтъ засмоленные въ своихъ пняхъ. Наконецъ когда складчина готова, начинается церемонія. Сосѣдніе короли посылаютъ

своихъ женъ, чтобъ плакать и сидѣть съ женами покойника у гроба. Погребеніе начинается споромъ между женщинами и носильщиками; однѣ хотятъ удержать тѣло, другіе силятся поднять его на плечи. Послѣ краткаго сопротивленія, женщины уступаютъ, и тогда опускаютъ тѣло въ гробъ ницъ лицемъ къ востоку, иногда лежмя, иногда стоймя, потому что гробница имѣетъ форму колодца. Возлѣ этого мѣста ставятъ рисъ и пинангъ; послѣ чего убиваютъ лошадей, собакъ и буйволовъ. Погребеніе оканчивается подарками присутствующимъ; народу раздаютъ маисъ и рисъ, старшинамъ—золотыя бляхи.—Агенты Голландской компаніи упускаютъ рѣдко этотъ случай.

Когда Тиморійцы предпринимаютъ войну, они приносятъ въ жертву нѣсколько животныхъ и совѣщаются съ ихъ внутренностями, прежде нежели вступать въ борьбу. Послѣ этого они выступаютъ въ походъ, съ ужаснымъ крикомъ и трубя въ буйволовые рога. Ихъ аванъ-гардъ состоитъ изъ воиновъ, закутанныхъ въ козлиныя кожи съ длинною черною шерстью, изъ воиновъ или *орангъ-браани*, которыхъ легко узнать по ихъ бубенчикамъ, число коихъ соразмѣрно числу убитыхъ непріятелей. Война начинается грабежемъ, опустошеніемъ и убійствомъ. Отрубивъ извѣстное число головъ, сражающіеся пляшутъ вокругъ ихъ съ пѣснями, пріостанавливаясь только для того, чтобъ вопрошать ихъ, зачѣмъ они были имъ врагами. Многіе писатели полагали даже, что пиры, бывшіе по сему случаю, сопровождались каннибальскими сценами. Послѣ этихъ оргій, они приносятъ въ жертву буйволовъ и свиней, останкамъ тѣхъ, которыхъ они погубили, и высушиваютъ ихъ черепы, служащіе украшеніемъ ихъ общему дому, — большому крытому жилищу, стоящему рядомъ съ хижиной короля, и обнесенному въ военное время стѣною изъ терновника, которая защищаетъ ихъ отъ нападеній со стороны непріятеля.

Метисы, изъ коихъ состоитъ смѣшенное племя Тимора, составляютъ самую богатую и самую образованную его часть. При встрѣчѣ, они сначала робки, но тихи, добры, гостепріимны, имѣютъ характеръ ровный и сердце, расположенное къ пріязни. Происходя отъ смѣшенія Европейцевъ съ туземцами, они различествуютъ въ цвѣтѣ кожи, смотря по степени смѣшенія. Такъ какъ ихъ довольно рано ввѣряютъ присмотру Малайскихъ невольниковъ, то рѣдко выдаются изъ нихъ образованные люди. Воспитаніе большинства ограничивается умѣніемъ читать, писать и вести счетъ своихъ капиталовъ. Жилища этихъ богатыхъ креоловъ просты, но удобны, чисты, безъ роскоши, окружены деревьями, размножены на нѣсколько комнатъ, и иногда снабжены проточною водою. Здѣсь то хозяинъ дома, поджавъ колѣни на рогожкахъ, проводитъ большую часть дня въ куреніи или въ жеваніи бетеля. Его жена и дѣти, расположась вокругъ него, работаютъ небольшія вещи изъ соломы, изъ риса, или изъ листьевъ латанаваго дерева.

Промышленость жителей Тимора почти вся состоитъ въ постройкѣ судовъ. Они дѣлаютъ *шампаны* или *сампаны*, которые могутъ поднять до ста тоннъ, — легкія суда, плавающія иногда подъ парусами. Якори ихъ деревянные, бакены бамбуковые, канаты изъ расщипленнаго тростника или изъ волоса, веревки изъ волоса или изъ кокосовыхъ волоконъ. Ихъ проя не очень велики, за то весьма прочны. Онѣ бываютъ съ палубами и безъ палубы. Къ мачтѣ изъ бамбука, привѣшивается парусъ, имѣющій видъ трапеціи и сдѣланный изъ листьевъ латановаго дерева. Весла, изъ длинныхъ бамбуковъ, образуютъ на концѣ круги, имѣющіе въ діаметрѣ около фута; эти весла служатъ пособіемъ въ тихую погоду и когда проя придерживается къ вѣтру. Пироги бываютъ разныя, съ рычагомъ для равновѣсія, или безъ него; но всѣ состоятъ изъ выдолбленнаго пня, унитаннаго непроницаемой мастикой изъ мха и извести. Пироги съ рычагомъ, походятъ на тѣ, которыя существуютъ на нѣкоторыхъ Полинезійскихъ группахъ. Онѣ такъ быстры, что Европейцы ихъ прозвали *летучими*.

Для производства этихъ предметовъ, Тиморійцы имѣютъ топоры и ножи Европейскаго издѣлія. У нихъ есть также сабли, пики и порохъ. Они плавятъ золото и выдѣлываютъ изъ него большія кольца для своихъ женъ. Кромѣ того, они выдѣлываютъ грубыя ткани на одежды, плетенки или рогожки, сосуды глиняные и подушки, набитыя хлопчатой бумагой или ватой.

Вокругъ Тимора, и въ разстояніи нѣсколькихъ миль, находится нѣсколько островковъ и островковъ, которые суть какъ бы части большаго острова. Самые большіе изъ нихъ

суть Симао и Роттія. *Симао*, отдѣленный отъ Тимора небольшимъ проливомъ, имѣетъ около 17 миль длины и 6 шир. Онъ низменнѣе Тимора, лѣсистъ и неплодороденъ; кромѣ маиса, на немъ едвали что нибудь сѣютъ. Жители повиновались раджѣ Купангскому, который нѣкогда имѣлъ здѣсь свою резиденцію. Разсказываютъ, что на этомъ островѣ есть ключь, желѣзистой и купоросоватой воды, имѣющей свойство мыла: она очищаетъ въ минуту бѣлье, которое въ него опускаютъ. Берега источника чернаго цвѣта и издаютъ смрадный запахъ. Неподалеку стоитъ дерево столь обширное, что тысяча человѣкъ могли бы помѣститься подъ его вѣтвями. Пуло-Симао имѣетъ впадины, въ которыхъ находятъ на небольшой глубинѣ сѣрноватые пласты. Посреди пролива, между Симао и Тиморомъ, есть небольшой волканическій островокъ, называемый Пуло-Камбингъ (островъ оленей), островокъ съ милю въ окружности, похожій на усѣченный конусъ, который подымается въ правильномъ направленіи на 24 футахъ. Сѣрнистыя и грязнистыя воды вытекаютъ изъ конуса. Какое-то растеніе, изобилующіе на этихъ берегахъ, кажется, одарено цѣлебнымъ свойствомъ.

На ю. з. отъ Купанга лежитъ *Роттія*, имѣющій 9 миль длины и $2^1/_2$ шир. На немъ считаютъ пятнадцать мелкихъ княжествъ, изъ коихъ Термано, бывшее нѣкогда мѣстопребываніемъ одного Голландскаго повѣреннаго, есть самое значительное. Роттійскіе туземцы краснвѣе Тиморійцевъ. Ихъ жены, Черкешенки Малазіи, посылаются даже въ Батавію и продаются тамъ владѣтелямъ гаремовъ. Будучи развращеннѣе Тиморскихъ острововъ, они за то храбрѣе и предпріимчивѣе ихъ. Они не одинъ разъ сопротивлялись вторженіямъ Голландцевъ. Пальмовый сокъ составляетъ ихъ обыкновенное питье, часто даже ихъ пищу, за неимѣніемъ другой. Они дѣлаютъ изъ него родъ арака, извѣстнаго подъ именемъ *ларо*, который по видимому служитъ сильнымъ возбудительнымъ средствомъ. За то и любовь у этихъ народовъ составляетъ важнѣйшее дѣло. Къ свиному и буйволовому мясу, они примѣшиваютъ кровь этихъ животныхъ, вмѣсто питья. На з. отъ Роттіи находится *Дао*, замѣчательный промышленостію своихъ жителей, которые всѣ почти золотыхъ дѣлъ мастера и брилліянтщики сосѣднихъ острововъ.

Тиморъ и принадлежащіе къ нему острова, составляютъ часть одного архипелага, недавно названнаго *Сумбава-Тиморъ* и заключающаго въ себѣ еще слѣдующіе острова:

Сумбава, имѣетъ сто восемьдесятъ миль въ длину и сто сорокъ въ ширину; она раздѣляется на двѣ половины глубокимъ заливомъ, врѣзывающимся въ средину острова. При устьѣ залива находится островокъ Пуло-Майо, въ двадцать миль длины и отъ десяти до одиннадцати ширины; къ восточной его оконечности прилежитъ островъ Ситуда, а къ западной островъ Платъ. Сумбава раздѣлена на второстепенныя владѣнія, какъ то: Бима, Домпо, Томборо, Сангаръ, Пекатъ и Сумбава; они управляются разными начальниками, которые, исключая послѣдняго, находятся подъ властью компаніи Голландскихъ владѣній въ Индіи. Округъ Бима, лежащій на восточной оконечности острова, гораздо сильнѣе другихъ; онъ не только первенствуетъ надъ ними, но даже владычествуетъ надъ островомъ Мангарей и западною частью Флореса. Столица этого округа, Бима, маленькій городокъ съ прелестною гаванью, служитъ мѣстомъ пребыванія султана, который покоряется покровительству Голландіи. Въ округѣ Томборо находится волканъ того же имени, пріобрѣвшій печальную извѣстность изверженіемъ 1815 года, погубившимъ пятую часть жителей этого округа. Во время этого ужаснаго изверженія, пепелъ доносило въ большомъ количествѣ даже до юго-восточной части острова Явы, находящагося въ ста лигахъ отъ кратера; подземный трескъ слышенъ былъ даже въ Суматрѣ, въ двухъ стахъ тридцати лигахъ. Ужасный трескъ волкана походилъ на пушечные залпы; послѣ чего кратеръ извергъ три огненные столба, и обильные потоки лавы излились на скаты горы. Тогда поднялся вѣтеръ, который вырывалъ съ корнями самыя большія деревья, и превращая въ щепы, разносилъ въ воздухѣ; люди, животныя, хижины, крутились сорванные съ земли; море, вышедшее изъ предѣловъ, залило поля и смыло жилища! Послѣ сего злополучнаго событія, островъ покрытъ былъ ужаснымъ мракомъ въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ. Волканъ былъ окруженъ дымомъ и пепломъ, и съ неумалявшеюся силою извергалъ каменья. Небо было помра-

чено даже и на Целебесѣ. Сумбава подверглась чрезвычайному опустошенію. Кровля резидента Бимы была расплющена каменьями. Санджиръ былъ поглощенъ какъ Геркуланумъ; Томбаро и Пекатъ были также поглощены съ жилищами и жителями. Въ Сумбавѣ спаслось только двадцать шесть человѣкъ. Всѣ растенія были уничтожены; мѣсто ихъ замѣнили лава и каменья. Близъ Томборо, только на одномъ клочкѣ земли, уцѣлѣли нѣкоторыя деревья, свидѣтельствующія о плодородіи страны до сего опустошительнаго происшествія. Голодъ былъ слѣдствіемъ этого несчастія. Дочь раджи этого округа умерла съ голоду, и его самого постигло бы то же бѣдствіе, если бы резидентъ не послалъ ему нѣсколько коянговъ риса. Городъ Сумбава, худо еще поправившійся послѣ изверженія, представляетъ теперь пустыню, усѣянную развалинами.

Островъ *Ломбокъ*, независимый отъ Голландцевъ, также причисляется скорѣе къ группѣ острововъ Сумбава-Тиморъ, нежели къ группѣ Явы. Эта страна прелестна; высокія горы ея украшены вѣчною зеленью; самая возвышенная изъ нихъ имѣетъ около восьми тысячъ Англійскихъ футовъ. Народъ многочисленъ, привыкъ къ военнымъ упражненіямъ, но по сіе время еще не колонизованъ настоящимъ образомъ. Туземцы свободно владѣютъ своею землею, и въ обработываніи ея кажутся довольно свѣдущими; они орошаютъ землю, какъ Индусы, посредствомъ большихъ резервуаровъ и прудовъ. Другія сходства, какъ то: сутти или сожиганіе вдовъ, сближаютъ еще болѣе соотношеніе этихъ островитянъ съ жителями Карната. Два главные города на Ломбокѣ суть Аппирамъ и Бали.

Флоресъ также принадлежитъ къ группѣ Сумбава — Тиморской. Этотъ островъ до двухъ сотъ миль длины и сорока или пятидесяти ширины; внутренность его мало извѣстна. Западная часть подвластна Бимскому султану; остальная раздѣлена на нѣсколько независимыхъ владѣній. Въѣзжая въ Флоресъ, проливомъ того же имени, находящимся между берегами этого острова и острова Солоръ или Адинара, видѣнъ высокій волканъ *Ловотиво*, который поставленъ тамъ природою, будто блестящій маякъ. Болѣе къ сѣверу находится селеніе Ларентука, мѣсто самое извѣстное на этомъ островѣ; жители его почти всѣ исповѣдуютъ Христіанскую вѣру. Ларентука, подвластный раджѣ, свободенъ для мореплавателей и представляетъ имъ множество пособій всякаго рода. Зерновой хлѣбъ, буйволы, свиньи, козы, птицы, вымѣниваются здѣсь на каменья, пули, порохъ, стаканы, рюмки и простые кожаные товары. Прежде получали здѣсь сандальное дерево. На югѣ Флорєса, куда Голландцы никогда не могли проникнуть, поселены Бугійцы.

Солоръ, лежащій возлѣ Флореса, имѣетъ сорокъ миль длины. На немъ извѣстенъ только округъ Лавайжангъ, въ которомъ Голландцы имѣютъ укрѣпленіе Фридерихъ-Гейнрихъ. Бамбукъ составляетъ часть богатства этого острова. На берегахъ его ловится *сѣверный каперъ*, родъ кита, изъ жиру котораго дѣлаютъ масло, а въ пузырѣ находятъ янтарь. Прибрежные жители, всѣ Магометане, искусные купцы и ловкіе мореходы. Они мѣняютъ птичьи гнѣзда, рыбу, масло, янтарь и другіе произведенія, на слоновые клыки, шелковыя матеріи и желѣзо. На островѣ находятся нѣсколько кангару.

Между Флоресомъ и Тиморомъ лежатъ нѣсколько островковъ, кажется, составляющихъ часть группы Малайскихъ острововъ, начиная отъ Суматры до Тимора. Въ числѣ ихъ находятся *Сабрао*, управляемый султаномъ, имѣющимъ пребываніе въ Адинарѣ; *Ломблемъ*, управляемый независимымъ раджею; *Пантеръ* и *Омбай*, населенные воинственными, жестокими и даже людоѣдными племенами.

На югѣ отъ Флореса, находится островъ *Сумба*, называемый также Сандельбошъ или Сандель-вудъ (сандальный лѣсъ), названіе, заимствованное, вѣроятно, отъ Малайцевъ, которые называютъ его Чиндана. Южный берегъ крутъ, утесистъ и кажется вовсе необитаемъ. Сѣверную часть составляетъ степь, лишенная всякаго произрастанія. На западномъ берегу находились ловли трипанговъ, пользовавшіяся извѣстностію до тѣхъ поръ, какъ въ заливѣ Карпентари нашли въ большемъ количествѣ голотурій. Самое сандальное дерево, отъ котораго этотъ островъ получилъ свое названіе, не такъ хорошо, какъ на островѣ Тиморѣ, потому его и не разводятъ болѣе. Въ замѣнъ сего, хлопчатая бумага составляетъ весьма выгодную отрасль торговли. На островѣ находятся лошади, свиньи, буйволы, фазаны и птица съ большимъ носомъ, которую Голландцы называютъ *яръфогель* (годовая птица), потому что годы ее

легко можно узнать по числу наростовъ, дѣлающихся на носу ея. Жители этого острова нрава печальнаго, меланхолическаго; они довольно рослы, но нестройны. Оружіе ихъ состоитъ изъ копій, щитовъ и саблей, которыми они весьма ловко владѣютъ.

Маленькіе острова *Савву* болѣе извѣстны, нежели Сумба. Ихъ три: Савву, Бенжоаръ и Новый-Савву; они лежатъ въ двадцати лигахъ отъ Ротти на О. N. О. Полагаютъ, что Новый Савву необитаемъ; впрочемъ островокъ этотъ, на которомъ возвышается пиконъ, весьма веселой наружности. Болѣе къ востоку лежитъ *Бенжоаръ*, островъ высокій и лѣсистый, имѣющій пять лигъ въ діаметрѣ; наконецъ *Савву*, главнѣйшій изъ группы, покрытый домиками и кокосовыми лѣсами, омываемыми моремъ. Лучшая бухта въ Саву есть бухта Тимо, на юго-восточной оконечности. Кукъ приставалъ къ Себа, на с. з. части острова.

Савву, находившійся сперва подъ властью Португальцевъ, принадлежитъ теперь Голландцамъ. Онъ раздѣленъ на пять владѣній: Лаан, Себа, Редгюйя, Тимо и Массара; соединенными силами они могутъ выставить отъ пяти до семи тысячъ войска. Растительность въ Савву и другія произведенія, почти тѣже, какъ и въ Тиморѣ. Въ чертахъ лица природныхъ жителей острова видно смѣшеніе типовъ Малайскаго съ Океанійскимъ; ими управляютъ раджи, которые съ давнихъ уже временъ живутъ мирно. Рабство владычествуетъ здѣсь, какъ въ Тиморѣ и вовсѣхъ Малайскихъ островахъ; вѣроисповѣданіе ихъ состоитъ изъ нѣкоторато рода многобожія, которое объяснить трудно. Пищу жителей составляютъ свиньи, буйволы, птицы, рыба, пататы, ямсъ и овощи. Тодди, крѣпкая перебродившая жидкость, извлекаемая изъ пальмовыхъ деревьевъ, составляетъ любимый напитокъ; сиропъ, называемый *гула*, походитъ на патоку. Употребленіе бетеля и татуированіе доказываетъ что жители подражаютъ то Индѣйцамъ, то островитянамъ Океаніи. Одежда, нравы, уборы изъ золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ, нарѣчіе, гражданское правленіе и вѣроисповѣданіе, тѣ же, что на Малайскихъ островахъ, о которыхъ мы уже писали, или будемъ еще писать.

ГЛАВА XXVI.

Малаизія. — Борнео.

Послѣ двухдневнаго отдыха въ Купангѣ, Сива вышелъ 18 Сентября, направился къ сѣверу, перешелъ проливъ между Омбайемъ и Солоромъ, потомъ прошелъ мимо южной стороны острова Маду, и далѣе, вдоль западной части группы островов Салайеръ, и 23-го, посѣтивъ южную оконечность Целебеса, поднялся нѣсколько въ ширину, чтобы обойти группу низкихъ острововъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Пуло-Лотъ; обогнулъ мысъ Салатанъ, и 26 Сентября бросилъ якорь у устья рѣки Банжермасингъ, передъ главнымъ мѣстомъ, занимаемымъ Голландцами на островѣ Борнео. Капитанъ Норботъ почелъ опаснымъ итти по рѣкѣ; онъ дожидался прибытія агента резиденціи на корабль для переговоровъ. Борнео опасенъ для Европейцевъ: несчастное происшествіе, недавно случившееся съ маіоромъ Мюллеромъ, служитъ ужаснымъ примѣромъ пріема, который готовятъ имъ островитяне. Я только издали и стоя на якорѣ могъ осмотрѣть эту землю.

Борнео, есть самый большой изъ острововъ Земнаго Шара послѣ Мадагаскара и Новой Голландіи, если только послѣдняя можетъ быть названа островомъ; Борнео, который туземцы и многіе писатели называютъ *Бриней*, Г. Гамильтонъ *Варуни*, а Г. Ріензи *Клематаномъ*, простирается на триста лигъ отъ юга къ сѣверу, а въ ширину имѣетъ мѣстами пятьдесятъ, а мѣстами даже до двухъ сотъ пятидесяти лигъ. Онъ лежитъ между 4° 20' юж. шир. и 7° сѣв. шир и между 106° 40' и 116° 45' вост. долг.; чрезмѣрная ширина острова не дозволила Европейцамъ проникнуть въ эту обширную страну. Нѣсколько разъ покушались завести тамъ колоніи, но тщетно. Первый опытъ былъ сдѣланъ Англичанами въ 1774 году на островѣ Баламбанганѣ, лежащемъ въ с. в. части острова и смежномъ съ собственно называемымъ Борнео; но заведеніе это, находившееся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ архипелага Сулу, откуда наѣзжаютъ самые смѣлые пираты Малайскихъ морей, вскорѣ было опустошено и уничтожено. Колонисты съ трудомъ успѣли скрыться на Кохинхинскомъ островѣ Пуло-Кондорѣ; другая такого же рода попытка въ 1803 году была совершена не удачнѣе.

Голландцы также не упустили случая устроить себѣ пристанища на этомъ берегу. Первый опытъ ихъ окончился одними дипломатическими переговорами. По договору, сдѣланному съ султаномъ Бантами (Явайскаго округа), какъ съ главнымъ властителемъ Ландапака и Суккадана въ Борнео, они успѣли поселиться въ Понтіанакѣ и сдѣлались главными его повелителями. Послѣ того, по оказаннымъ Султану Банжермасинга услугамъ, они получили позволеніе учредить родъ конторы въ области того же имени. Князь, изъ признательности за оказанную ему помощь, обязался въ 1787 году покориться покровительству Голландіи, и получить отъ нее владѣнія свои, какъ наслѣдственныя помѣстья, исключая нѣкоторыхъ, лежащихъ на берегу, и половины области Дузунъ, которыя компанія оставила за собою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она сама управляла таможнею и рудниками; доходы раздѣлялись съ султаномъ, исключая доходовъ съ рудниковъ Дуку-канангъ, и Дукукири, которыми султанъ пользовался исключительно. Договоръ казался бы непостижимымъ, если бы не припомнили, что Банжермасингъ съ давнихъ временъ былъ владѣніемъ подвѣдомственнымъ Явайскому царству, и что въ цвѣтущія времена государства Маджапахитскаго; владѣтелями Борнео были Явайцы, платившіе дань могущественному императору.

И такъ съ одной стороны, Понтіанакъ на с. з., съ другой Банжермасингъ на югѣ, были мѣста, въ которыхъ Голландцы старались утвердить и поддержать власть свою. Говорятъ, что позже они хотѣли сдѣлать тоже самое и въ восточной части Борнео, въ государствѣ Коти, зависимомъ отъ Сулу; но послѣдствія были неуспѣшны.

Съ давнихъ временъ и во всѣхъ частяхъ этой страны, Европейская власть никогда не могла безопасно утвердиться; успѣвали иногда учредиться на нѣсколько времени во владѣніяхъ Борнео, удерживались тамъ по дружескому расположенію властителей, весьма непрочному и измѣнчивому по обстоятельствамъ, спокойно торговали, и на короткое время внушали даже нѣкоторое уваженіе; но нерѣдко несчастные случаи уничтожали совершенно права на власть, которою Европейцы полагали всегда пользоваться; хитрость туземцевъ всегда разрушала планы колоніяльныхъ владѣльцевъ и агентовъ, дѣйствовавшихъ для ихъ выгодъ. Капитанъ Педлеръ, былъ убитъ въ 1679 году; Англичане были выгнаны въ 1774 году изъ Баламбангана; въ 1788, Голландскій капитанъ былъ лишенъ жизни со всѣмъ экипажемъ своимъ, на рейдѣ Борнео, во время обѣда; капитанъ Павенъ въ 1800 попалъ въ подобную западню; корабль *Рубинъ*, избѣгнулъ этой участи какимъ то счастливымъ случаемъ. Подобныя явленія неожиданно возобновлялись въ 1803, 1806, 1810 и 1811 годахъ; наконецъ недавно капитанъ Мюллеръ, подобно Клаппертону, пожертвовалъ собою для осмотрѣнія внутренности острова Борнео. Все это доказываетъ, сколь непрочны надежды людей, желающихъ твердо поселиться на этихъ обширныхъ и плодородныхъ берегахъ, и въ пылу умозрительныхъ теорій надѣющихся пользоваться золотыми рудами, находящимися въ здѣшнихъ горахъ, и богатыми лѣсами, которыми онѣ окружены. Если бъ не эти великія и видимыя опасности, то непростительно бы было географамъ, что въ такое время, когда самыя ничтожныя части Земнаго Шара въ подробности уже изслѣдованы, земля, имѣющая тысячу лигъ въ окружности, почти на границахъ Азіи, посреди архипелага многолюднаго и просвѣщеннаго, менѣе извѣстна, нежели части земли самыя дикія и отдаленныя. Ясно видно, что берега Борнео образовались отъ земли, которую постепенно наносили большія и тинистыя рѣки, текущія изъ внутренности острова. Думаютъ даже, что эта обширная земля составлена изъ нѣсколькихъ земель, которыя въ продолженіе времени соединились. По нѣкоторымъ Малайскимъ преданіемъ, гора Гунонгъ-канданъ, находящаяся на Борнео въ округѣ Ландапакъ и отстоящая теперь на девять лигъ отъ берега, въ началѣ XV вѣка была на островѣ Пуло-канданъ. Эти постепенные намывы все еще продолжаются, въ особенности на западной сторонѣ острова, гдѣ жители строятъ домы свои на столбахъ, вбиваемыхъ въ приморскій илъ и грязь.

На островѣ текутъ во всѣ стороны рѣки, между которыми должно упомянуть о Банжермасингѣ и Понтіанакѣ. Банжермасингъ вытекаетъ, какъ думаютъ, изъ озера Кенейбаллу, лежащаго въ с. в. части острова; это обширное озеро называется туземцами моремъ; одинъ только Г. Ріензи успѣлъ обозрѣть его. Потоки составляютъ изъ прибрежной части обширное болото. Но далѣе, на нѣкоторомъ разстояніи, во внутренности, начи-

нается цѣпь горъ; самая высокая вершина называется *Хрустальною* горою. Кажется, что всѣ эти внутреннія скалы давно уже образованы. Между ими не видать ни одной изъ каменистыхъ грудъ, столь обыкновенныхъ на островахъ, лежащихъ на югѣ, называемыхъ географами цѣпью Сондскихъ горъ. Изъ этого заключили, что на Борнео никогда не бывало землетрясеній. Горы изобилуютъ, по видимому, минералами; въ нихъ находили золото, сурьму, цинкъ, жесть и желѣзо. Здѣсь добываютъ самые лучшіе алмазы на Земномъ Шарѣ. Находимые въ Ланданакѣ и Банжермасингѣ наиболѣе извѣстны. Изъ звѣрей, водятся слоны, носороги, родъ леопардовъ, медвѣди, лошади, свиньи, козы, кошки, собаки и всѣ вообще дворовыя птицы. Слоны, носороги и леопарды видны только въ сѣверныхъ областяхъ; ихъ уже не встрѣчаютъ ни на одномъ изъ острововъ, лежащихъ восточнѣе этой долготы. Буйволъ, также уроженецъ Борнео, который есть настоящее отечество орангъ-утанговъ. Они вѣроятно отсюда переселились на островъ Суматру, гдѣ мы уже замѣтили ихъ странные и любопытные обычаи. Въ окрестныхъ моряхъ добываютъ жемчужины, черепаху и трипанги. Растительное царство производитъ рисъ, саго, черный перецъ, камфорныя, лимонныя деревья, ямсъ, бетель и пр. Пальмовая капуста составляетъ главную пищу туземцевъ. Въ лѣсахъ находятся деревья удивительной вышины; одни употребляются для строенія, другія для красокъ; нѣкоторыя даютъ лучшую камфору и росной ладонъ. Ротангъ изобилуетъ на всѣхъ частяхъ острова, и составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ торговли. Хлопчатая бумага, инбирь, мускатные орѣхи и гвоздика, возрастаютъ успѣшно.

Чтобъ перейти отъ этого общаго обозрѣнія къ подробностямъ, надобно раздѣлить страну на слѣдующія части: 1. Владѣнія собственно Борнео; 2. страна Дайяковъ, или резиденція Понтіанакъ на с. з. сторонѣ; 3. владѣнія Банжермасингъ, лежащія на южномъ и восточномъ берегахъ, включая и владѣнія Котти. Вотъ три главныя раздѣленія, подлежащія еще многимъ другимъ раздробленіямъ, не включая раздѣленій, которымъ островитяне, въ свою очередь, подвергаютъ всѣ внутреннія страны.

Собственно называемый Борнео прилежитъ съ одной стороны къ Дайякамъ, а съ другой къ Гузунамъ и Татаамъ; ему подвластны острова Малавелли, Банги, и Баламбангань, гдѣ Англичане два раза, въ 1774 и 1803, годахъ старались завести конторы. Въ этомъ то государствѣ знаменитый Александръ Далримпль предполагалъ основать столицу воображаемаго Полинезійскаго государства.

Природные жители Борнео суть смѣшеніе Кайяновъ, Суліеновъ, Идаановъ, Малайцевъ Жегорскихъ, Біаджусовъ, Тидуновъ, Марутовъ, Дузуновъ и множества другихъ народовъ. Между ними, числомъ и образованностью, Малайцы берутъ верхъ. Другія поколѣнія дикихъ, которыхъ можно, согласно съ Г. Ріензи, назвать Гарфурами Борнео, ходятъ нагіе и обвертываютъ вокругъ поясницы кусокъ бумажнаго холста или древесной коры. Нѣкоторые изъ Кайянскихъ воиновъ надѣваютъ платье и шапку изъ леопардовой шкуры. Оружія ихъ суть сарбаканъ, чрез который они пускаютъ отравленныя стрѣлы, шпаги, копья и длинные щиты; упоминали даже о пушкахъ, находящихся въ столицѣ Кайяновъ; но это можно приписать только одной игрѣ воображенія путешественниковъ. Эти многоразличныя поколѣнія чрезвычайно жестоки и кровожадны; они отрѣзываютъ головы шутя, и украшаютъ ими свои жилища въ видѣ трофеевъ; живутъ или въ большихъ домахъ, выстроенныхъ на сваяхъ, или въ деревянныхъ избахъ, крытыхъ листьями. Въ большихъ домахъ вмѣщаются цѣлыя селенія до ста и двухъ сотъ человѣкъ.

Понынѣ не извѣстно, какого роду исповѣданія придерживаются жители Борнео, и до какой степени они набожны въ дикомъ образѣ жизни. По видимому, у нихъ нѣтъ ни священниковъ, ни храмовъ, ни идоловъ. Они однако вѣрятъ злымъ и добрымъ духамъ. Не имѣютъ ни какой азбуки, что и заставляетъ почитать ихъ ниже другихъ островитянъ, сосѣдей ихъ, которые имѣютъ свои азбуки.

Все, что извѣстно объ образѣ ихъ правленія, относится только къ странамъ, гдѣ господствуютъ Малайскія поколѣнія. Вотъ почему устройство тамъ большею частью почти тоже, какъ и въ Суматрѣ. Король, султанъ, раджа или *жандги-рерь-тоаанъ* (тотъ, котораго признаютъ за господина) не встрѣчаетъ почти ни какого противурѣчія своей неограниченной власти, кромѣ отрицательнаго вліянія *панджеранъ*, или мѣстныхъ князей, родъ мѣстной аристократіи, находящейся и въ другихъ архипелагахъ. Эти панджераны раздѣляютъ между собою главнѣйшія

должности государства. Одинъ имѣетъ обязанности исполнительныя, и называется: *бандахара*; *дегадонгъ*, есть главный управитель султанскаго дома; *домогангъ*, камандуетъ арміею; *паманша*, есть судья. Доходы государя состоятъ изъ добровольныхъ податей, сбираемыхъ почти всегда натурою.

Часть острова, извѣстная подъ именемъ собственно Борнео, нынѣ безплодная и не приносящая почти ничего, могла бы подвергнуться многимъ улучшеніямъ, какъ по землепашеству, такъ и по торговлѣ. Столица Борнео, мѣсто пребываніе султана, лежитъ въ пятнадцати миляхъ отъ устья судоходной рѣки; это городъ важный и вмѣщающій 10,000 жителей. Онъ выстроенъ на сваяхъ, пересѣкается множествомъ каналовъ, и походитъ, по мнѣнію Г. Ріензи, на маленькую Венецію. Также какъ и въ землѣ Папуйцевъ, домы сообщаются здѣсь одинъ съ другимъ посредствомъ мостиковъ, состоящихъ изъ одной доски. Только крѣпость этого острова выстроена на твердой землѣ.

Находясь на рѣкѣ, удобной для плаванія судовъ, поднимающихъ до 300 тонновъ; пользуясь удобствомъ сообщенія съ Китаемъ, Филиппинскими островами, съ архипелагомъ Сулу и государствомъ Сіямскимъ, Борнео производилъ прежде обширную торговлю; но недавныя междоусобныя войны, значительно уменьшили ее. Въ цвѣтущія для его торговли времена ежегодно приставали къ нему два Китайскіе корабля изъ Сіангъ-Фе (провинція въ Нанкинѣ), два изъ Лю-По (провинція Ханъ-Си), и наконецъ одинъ изъ Кантона. Изъ Макао также высылались туда Португальскіе корабли. Непосредственными повѣренными въ этихъ торгахъ были Китайскіе колонисты, изъ собственныхъ выгодъ установившіе и увеличившіе торговлю. Сообщенія Борнео съ Сулу, прежде столь дѣятельныя, почти совершенно прекратились; сообщенія съ Маниліею тоже весьма уменьшились. Нынѣ Борнео имѣетъ дѣятельныя сношенія только съ Сингапуромъ и полуостровомъ Малакою. Съ тѣхъ поръ, какъ ужасное безначаліе опустошаетъ эту страну, Европейцы не смѣютъ болѣе допускать туда своихъ судовъ, хотя никогда не имѣли причины жаловаться на жителей Борнео. Въ то время, какъ жители Сулу выгнали Англичанъ изъ Баламбангана, островитяне Борнео приняли съ доброжелательствомъ искавшихъ убѣжища, и даже предложили имъ уступить островъ Балуанъ, дабы они могли устроить тамъ новое заведеніе. Можетъ быть, не худо бы было попробовать завести колонію посреди этого народа, имѣющаго уже понятіе о коммерческихъ дѣлахъ, мореплаваніи и географіи. Въ Борнео былъ выстроенъ корабль, въ пять сотъ тонновъ, изъ лучшаго лѣса этой страны.

Главнѣйшіе округи отъ с. къ ю. суть: 1º Владѣнія султана Самба; сѣверная часть ихъ до Танжонгъ-дати (мысъ Дати) занята нѣсколькими независимыми князьями и пиратами. Во внутренности находятся Семини и Лара, имѣющіе рудники. Столица этого округа есть Самба, въ пятнадцати лигахъ отъ берега, при рѣкѣ того же имени. Тутъ находится Голландское укрѣпленіе.

2е Владѣнія Мумпава простираются далеко во внутренность, и заключаютъ Мандаръ и Монтрадо, съ золотыми ихъ рудниками, богатѣйшими во всей Океаніи. Округъ Монтрадо или Монтрадокъ, у подошвы горы Традокъ, населенъ Китайцами, которые не позволяютъ даже Малайцамъ приставать и поселяться здѣсь. Эта Китайская колонія была заведена, назадъ тому два столѣтія, мореплавателями, заброшенными бурею на эти берега. Не многочисленные, они жили сперва въ неволѣ и нищетѣ; умножившись мало по малу, разными бродягами, пристававшими къ этой части, они усилились и успѣли хитростью и искусствомъ пріобрѣсти нѣкоторую свободу. Теперь они совершенно свободны, и эта страна принадлежитъ уже Китайцамъ. Главное богатство ее составляютъ золотыя руды; металлъ добывается средствами, извѣстными въ Южной Америкѣ. Они перегораживаютъ ручьи въ нѣсколькихъ мѣстахъ; сперва работаютъ мужчины, потомъ женщины, послѣ старшія изъ дѣтей, наконецъ младшія подбираютъ, чего не доглядѣли старшія. Работы въ рудахъ почти облагороживаютъ тѣхъ, кто ими занимается. Рудокопы составляютъ въ Китайской колоніи высшій кругъ. Новоприбывшіе не вдругъ бываютъ приняты: они сперва должны быть солдатами или мелочными продавцами. Главныя гавани, гдѣ сбываются здѣшніе продукты, суть Силлака и Сунги-райясъ. Желающіе достичь Монтрадока, пристаютъ обыкновенно къ одной изъ нихъ. Дорогою, проложенною среди прелестной деревни, и усѣянною редутами, служащими защитою и вмѣстѣ складочными мѣстами для металловъ, достигаютъ до города Монтрадока,

лежащаго среди долины въ прекраснѣйшемъ мѣстоположеніи. Домы выстроены въ Китайскомъ вкусѣ. Городъ, раздѣленный на базары, или кварталы, имѣетъ три мили длины и полмили ширины; жители кротки, трудолюбивы и спокойны. Это маленькое государство, которому столицею служитъ Монтрадокъ, вѣроятно увеличится, и весьма возможно, что весь Борнео будетъ со временемъ во власти здѣшнихъ Китайскихъ креоловъ.

На с. з. части находятся еще:

3) Государство Понтіанакъ, основанное въ 1770 году Арабомъ Абдулъ-Рахманомъ, который въ то время былъ въ переговорахъ съ Голландскою компаніею, и съ помощію ея увеличилъ владѣнія свои съ ущербомъ для сосѣдей. Онъ похитилъ землю султана Матанскаго, разорилъ городъ Сукадана, и отдалъ его во владѣніе сыну своему Касиму Цумпаву. Касимъ, сдѣлавшись въ свою очередь королемъ, въ 1808 году, долженъ былъ защищаться отъ нападеній Китайцевъ, которые составивъ конгъ-си (общество), стали до того опасны, что онъ принужденъ былъ опять прибѣгнуть къ Голландцамъ и просить ихъ содѣйствія. Понтіанакъ, столица этого государства, лежитъ при рѣкѣ того же имени и имѣетъ 3,000 жителей.

4) Ланданакъ и Сангу лежатъ на востокъ отъ вышеозначеннаго государства. Ландавакъ извѣстенъ своими алмазами; султанъ Матанскій обладаетъ однимъ, который въ неочищенномъ видѣ вѣситъ 367 кратовъ, а выдѣланный можетъ вѣсить 183 крата.

5) Симпангъ, принадлежащій *Панумъ-хабану*, или князю, подвластному Матану.

6) Владѣнія Матанъ, или древнее государство Сукадана, бывшее долго во власти Явайскихъ князей; всѣ подвластны королямъ Бантама. Древняя Сукадана, столица этого государства, лежитъ во внутренности на берегахъ Катапана, и извѣстна обширною своею торговлей и сообщеніями съ Голландскою компаніею въ первоначальныя времена ея основанія.

7) Земли князя Кандавагана, подвластнаго также Матанскому султану.

Всѣ эти мѣста, географически описанныя нами, прилежатъ къ землѣ Дайяковъ; народы или независимы, или находятся подъ властью князей, о которыхъ мы упомянули. Они составляютъ такъ называемую сѣверо-западную резиденцію, простирающуюся отъ Айеръ-хитама, который считается южною границею земель Матанскихъ, до Пало, сѣверной границы владѣній Самба. Судя по картѣ этой страны, начертанной несчастнымъ маіоромъ Мюллеромъ, она вообще весьма низменна. Данао-малайя течетъ вверхъ не болѣе какъ на сто футовъ отъ поверхности моря, даже въ сорока пяти лигахъ отъ устья. Здѣсь не видать цѣпей горъ. Исключая нѣкоторыхъ остроконечныхъ возвышеній и уединенныхъ холмовъ, вся страна есть плоскость наносенной водою земли, пересѣченной потоками, которые всѣ имѣютъ при устьѣ своемъ барры. Тамъ находится одно только озеро Данао-малайя, лежащее подъ 1° 5' с. шир. и 114° 20' в. долго., посѣщенное въ первый разъ Европейцами въ Сентябрѣ 1823 года. Она имѣетъ восемь лигъ длины и четыре ширины; глубина въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до восемнадцати футовъ. На немъ находятся нѣсколько островковъ, изъ коихъ одинъ называется Фанъ-деръ-Капелленъ.

Руды округа Ландавака, составляютъ, какъ уже было сказано, главное богатство этой страны. Аренгъ или конгломератъ, есть родъ желтой каменистой земли, смѣшанной съ кремнистыми обломками. Его встрѣчаютъ на различныхъ глубинахъ; самая большая простирается до 60 футовъ. Для этой работы рудокопы выкапываютъ колодцы въ одинъ или два фута въ діаметрѣ. Достигши до пласта конгломерата, имѣющаго два или три фута толщины, они дѣлаютъ въ немъ углубленіе на семь или восемь футовъ, и вынимаютъ его посредствомъ небольшихъ бамбуковыхъ корзинъ. Отыскиваніе алмазовъ производится способомъ также весьма простымъ. Маленькіе круглые черпаки, наклонно сходящіеся къ одной точкѣ, почти совершенно наполняются аренгомъ. Работникъ, садясь возлѣ ручья, погружаетъ черпакъ и помѣшиваетъ конгломератъ рукою на поверхности воды, сообщая ей такимъ образомъ круговращательное движеніе, до тѣхъ поръ, пока вода не насытится совершенно распустившимся въ ней землистымъ веществомъ. Когда на днѣ сосуда, отъ такой промывки, останутся только одни кремнистые обломки, ихъ растираютъ и разсматриваютъ. Китайцы, болѣе Дайковъ смѣтливые, дѣлаютъ загородки въ рѣкѣ, и посредствомъ шлюзовъ отдѣляютъ землю отъ воды. Самые лучшіе алмазы, добытые этимъ средствомъ, вѣсятъ тридцать шесть кратъ. Маленькіе каменья продаютъ въ Пон-

тіанакѣ; большіе, которые труднѣе сбывать, отправляютъ въ Батавію. Кажется, что въ послѣдніе годы найдено мало алмазовъ. Золото находится и по сіе время въ изобиліи. Его находятъ и въ конгломератѣ. Золото, добытое въ Симпангѣ, Сангу и Ландакѣ, есть самое чистое; за нимъ слѣдуетъ находимое въ Ментехари и Мандорѣ, а потомъ уже Монтрадокское. Желѣзо добывается въ Джеле; оно тамъ лучшей доброты. Другіе предметы торговли на с. з. части Борнео суть воскъ, безоаръ, сушеное оленье мясо, оленьи рога, и птичьи гнѣзда, въ маломъ количествѣ.

Дайяки составляютъ большую часть этого народа; ихъ можно считать до 200,000. Одежда та же, какъ и у жителей Борнео. Стеклянныя бусы и кусочки желтой мѣди служатъ имъ украшеніями. Соль считается у нихъ изысканнѣйшимъ кушаньемъ; они страстно любятъ табакъ. Дайяки, почти всегда миролюбивые, имѣютъ однако, по видимому, нравъ жестокій; это происходитъ отъ существующаго между ними тщеславія, состоящаго въ томъ, чтобы имѣть какъ можно болѣе человѣческихъ череповъ, для украшенія своихъ жилищъ. Они добываютъ ихъ, убивая людей другихъ племенъ. Черепы дѣтскіе и женскіе доставляютъ большую славу, ибо для защиты ихъ мужчины употребляютъ болѣе усилій. Эта страсть и жадность къ человѣческимъ черепамъ составляетъ почти единственное занятіе Дайяковъ. Они только и думаютъ о нападеніи на какое нибудь селеніе, или о засадѣ въ лѣсу. Когда подобныя средства бываютъ неуспѣшны, то они присоединяются къ Малайскимъ морскимъ разбойникамъ, выговаривая на свою часть всѣ добытые черепы. Тотъ кто болѣе отрубилъ головъ, пріобрѣтаетъ большее уваженіе и почтеніе; молодой человѣкъ не можетъ жениться, доколѣ не отрѣзалъ хотя одну непріятельскую голову; тѣло важной особы погребается всегда съ недавно отрубленною головою. Радостныя восклицанія встрѣчаютъ удачную экспедицію. Женщины хватаютъ окровавленныя головы, бросаются съ ними въ воду и натираются кровью, изъ нихъ истекающею. Домъ, украшенный пятьюдесятью черепами, есть вѣрнѣйшее доказательство благородства.

Весьма понятно, что будучи въ безпрерывной осторожности, селенія укрѣплены по возможности. Для защиты ихъ, Дайяки дѣлаютъ окопы или бейтниги. На фасадѣ дома строится веранда или галлерея, служащая сообщеніемъ одного дома съ другимъ. Выстроенные на сваяхъ домики не имѣютъ другаго хода, какъ открытую дверь, къ которой приставляютъ лѣстницу; къ вечеру же ее снимаютъ. Эти жилья построены кучками, по шести или семи вмѣстѣ; домъ старшаго стоитъ по срединѣ.

Когда два племя, находившіеся давно во враждѣ, заключаютъ миръ, то каждый изъ нихъ жертвуетъ однимъ невольниковъ, котораго другое племя должно убить. Начальникъ самъ наноситъ жертвѣ первый ударъ въ грудь, и цѣлое племя слѣдуетъ его примѣру; кромѣ этой жертвы, происходятъ еще между ними обмѣны съѣстныхъ припасовъ, золотаго песку и Сіямскихъ чашъ, которыя они дорого цѣнятъ, и которыя служатъ оракулами ихъ предсказателямъ.

Главное колѣно Дайяковъ, суть Кайяны, мѣстопребываніе которыхъ находится въ Сегао, въ двадцати пяти дняхъ разстоянія отъ Понтіанака. Дайяки этого города говорятъ на семи различныхъ языкахъ. Они не имѣютъ другой вѣры, кромѣ какого то почитанія оленей.

Послѣ Дайяковъ, племя Борнейскихъ Китайцевъ есть самое многолюдное; ихъ считаютъ до 100,000 душъ. Племя это, происшедшее отъ Дайяковъ и Китайцевъ, извѣстно въ проливѣ подъ именемъ Орангъ-кхе. Мы уже видѣли, каковы они въ резиденціи ихъ, Монтрадокѣ. Надобно прибавить, что одежда ихъ совершенно въ Китайскомъ вкусѣ, и дѣлается изъ толстой голубой и бѣлой холстины.

Малайцевъ считаютъ до 60,000 душъ; они всѣ дровосѣки, рудокопы или моряки, Буговъ до 5,000; эти люди почти всѣ купцы или мореплаватели. Есть еще нѣсколько Арабовъ и Индусовъ.

Послѣ Понтіанака, самаго важнаго мѣста для Голландской торговли, остается познакомиться съ Банжермассингомъ, государствомъ южныхъ и западныхъ береговъ, состоящимъ изъ владѣній султана того же имени, и изъ округовъ, уступленныхъ Голландцамъ. Земли, составляющія этотъ округъ, суть Комаай, лежащій на рѣкѣ того же имени, Памбуанъ, Мандава, Большой и Малый Дайякъ и полуостровъ Танахъ-лотъ, на ю. в. части отъ Борнео. Во внутренности находятся еще округи: Танасъ, Марта-Пура, Карангъ-интангъ, Дуку-канангъ, Дуку ки-

ри, также какъ Дугунъ, названіе, какъ кажется, принятое для внутреннихъ земель.

Государство Котте, возлѣ Банжермасинга, подвластно Малайскому султану, который сдѣлалъ изъ столицы своей притонъ разбойниковъ, столь же ужасный для Малайскихъ морей, какъ прежде былъ Алжиръ для Средиземнаго моря. Онъ подражаетъ въ этомъ сосѣду своему султану Сулуйскому, имѣющему подъ властью своею пиратовъ чрезвычайно опасныхъ. Султанъ Сулуйскій владѣетъ въ Борнео нѣкоторыми прибрежными городами, какъ то Маллуду, Абай и Талапанъ. Новѣйшія свѣдѣнія доказываютъ, что вся западная часть земли принадлежитъ султану Борнеоскому.

Вотъ полныя, хотя весьма неясныя, свѣдѣнія о Борнео. Какъ въ географическомъ отношеніи, такъ и въ описаніи нравовъ и обычаевъ они недостаточны. Многія племена мало извѣстны; другіе, какъ Дайяки, имѣютъ двоякія занятія. Вотъ впрочемъ какъ описываетъ это этнографическое раздѣленіе одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ: «Природные жители внутренней части;» говоритъ Г. Ріензи, »получили многія названія: Дайяками называютъ жителей на ю. и з.; Идаканами на с., и Тидунами, на восточной сторонѣ обитающихъ; но всѣ они происходятъ отъ природныхъ Алфорезовъ (Гарфуровъ). Островитяне эти большею частью съ островов Малезіи и Австраліи; иные изъ нихъ родомъ изъ Папу, или Негры Океаніи. Но Алфорезы не такъ черны, сильнѣе, живѣе и способнѣе Папуйцевъ. Дайяки суть земледѣльцы, рудокопы и продавцы; наружностью они красивѣе Малайцевъ. Они поклоняются *Деуату* (сотворившему міръ) и праху своихъ предковъ; у нихъ, какъ у большей части жителей Полинезіи, въ большомъ уваженіи нѣкоторыя птицы, служащія имъ предвѣстниками. Послѣ нихъ слѣдуетъ замѣтить Біаджусовъ, а наиболѣе обитающихъ на с. з., и наконецъ Тидуновъ, народъ совершенно дикій. Въ с. в. части острова, жители неустрашимые моряки; они занимаются пиратствомъ и нѣкоторые изъ нихъ антропофаги. На югѣ отъ султанства Борнео находятся еще дикія поколѣнія Кайяновъ, Дузуновъ и Маруговъ. Однимъ словомъ, эта обширная страна есть сборище разныхъ поколѣній; здѣсь множество Біаджуговъ, посѣщающихъ Целебесъ, Борнео и Филиппинскіе острова; они происходятъ отъ смѣшенія разныхъ народовъ, какъ то: Китайцевъ съ длинными гладкими волосами и косвенно лежащими глазами, безбородыхъ Японцевъ и Макасарцевъ съ черными глянцовитыми зубами.» Вотъ какъ неполны свѣдѣнія, дошедшія до насъ объ ос. Борнео. Ихъ должно излагать съ осторожностью, свойственною всякому труду, въ который входятъ предположенія, и дождаться, пока Географія не откроетъ намъ о внутренности этой обширной страны болѣе, нежели, что могутъ указать гипотезы.

ГЛАВА XXVII.

Малайзія. — Ява.

Странствующее судно наше скоро оставило за собою Борнео и устье Банжермасинга. 2 Октября, при свѣжемъ ю. з. вѣтрѣ, оно распустило паруса, и пустилось по спокойному бассейну, называемому Явайскимъ моремъ; это настоящій фарватеръ, окруженный высокими землями. Въ теченіе двухъ дней, вѣтеръ постепенно утихалъ, и вскорѣ, подъ защитою высокихъ земель, насъ застигло безвѣтріе. Мы принуждены были провести нѣсколько дней въ этомъ застойномъ озерѣ, и только 10 и 12 увидѣли Каримонъ-Яву. Обогнувъ оконечность Каравана, мы положили якорь въ обширной гавани Батавіи. *Сива* стала сперва въ морѣ и послала къ генералъ-губернатору депеши, собранныя ею по дорогѣ; потомъ, получивъ приказаніе занять мѣсто на рейдѣ, приблизилась къ мачтовому лѣсу судовъ, видимыхъ ею издали.

Видъ Батавіи съ рейда представлялъ вдали цѣпь горъ, на которую она опиралась, цѣпь низкую, но покрытую прекрасными растеніями, не требующими ни ухода, ни содѣйствія; потомъ, ближе, на второмъ планѣ, видны были по правую и лѣвую сторону города, нѣсколько увеселительныхъ домиковъ, прелестныя жилища, окруженныя рощами и огородами; наконецъ на первомъ планѣ самый городъ, почти утопшій въ этомъ плоскомъ берегѣ, выказывающій только тысячи своихъ кровель и высокія деревья садовъ. Еще ближе къ *Сивѣ*, которая только что стала на якорь, видны были нѣсколько островковъ, какъ зеленые кусточки; между тѣмъ на рейдѣ показывались корабли, и безчисленное множество барокъ плавали въ об-

широмъ полукружіи, переходя отъ одной пристани къ другой.

Въ числѣ этихъ островковъ, теперь многіе необитаемы; но прежнею Индійскою компаніею, они почти всѣ были употреблены въ пользу. На нихъ находились верфи, магазины, госпитали и разныя мастерскія. Главная изъ нихъ есть Онрастъ, или по Малайски Пуло-каппаль, лежащій на с. з., въ трехъ миляхъ отъ города. Онъ былъ весьма важенъ до занятія этого мѣста Англичанами, которые уничтожили всѣ работы острова; они срыли эту голову, казалось съ высока смотрѣвшую на рейдъ. Богатыя верфи, удобныя для починки кораблей, обширные магазины, запасные сараи, въ коихъ можно было помѣстить до 2,000 каянговъ рису, прелестные домы для житья, двѣ мельницы, церковь, все это было разрушено, приведено въ невозможность быть полезнымъ. Однако въ 1823 году, Онрастъ началъ возобновляться; но приведеніе его въ совершенно прежнее положеніе будетъ трудно, обойдется дорого и потребуетъ много времени.

Послѣ острова Орнаста слѣдуетъ Эдамъ или Пуло-даммеръ, получившій Малайское названіе отъ находившагося на немъ маяка безъ огня. Далѣе виденъ островъ Пармерендъ или Пуло-сакитъ, который былъ обращенъ въ больницу для Прокаженныхъ; наконецъ нѣсколько далѣе къ югу, островъ Кииперъ или Пуло-буронгъ, гдѣ находятся понынѣ развалины огромныхъ магазиновъ. Другіе не столь большіе острова суть: Пуло-келморъ, Пуло-рамбу, Пуло-утонгъ-Ява, Пуло-оби, Пуло-айеръ, Пуло-ніамокъ, Пуло-потрижъ, или островъ Вадеръ-шмитъ, почти уничтожившійся и нынѣ состоящій изъ отмели, покрываемой водою при приливѣ. Многочисленные острова, показывающіеся въ отдаленности, называются *Duizend-Elanden*. Многіе изъ нихъ населены Малайскими семействами, промышляющими ловлею рыбы, агаръ-агаровъ, трипанговъ и коралловыхъ (которые употребляютъ для изготовленія извести). Пуло-пангангъ, самый большой изъ этихъ острововъ, населенъ тридцатью семействами туземцевъ подъ начальствомъ Малайскаго старшины.

На другой день прибытія *Сивы*, 13 Октября, съ разсвѣтомъ, я сѣлъ въ яликъ и направился къ пристани. Мы вышли на берегъ въ Бумѣ (*Boom*), гавани, находящейся передъ старымъ городомъ. Это самый опасный, самый вредный участокъ города, уже извѣстнаго во всей Индіи нездоровостію своего климата. Кромѣ четырехъ или пяти улицъ, посѣщаемыхъ только по утрамъ, эти кварталы города почти пусты; ихъ покинули съ тѣмъ, чтобы переселиться толпою къ Вельтевреду и Конингсъ-плейну *(Konings-Plein)*, гдѣ разстилается новый городъ. Новыя улицы начинаются у прежняго предмѣстья или *(Buiten Nieun Poort-straat)*; эти прелестныя улицы украшены по обѣимъ сторонамъ деревами и красивыми домиками съ хорошенькими садами. Рис. LIII. ф. 1.). Движеніе народа напоминаетъ большіе Европейскіе города. Безчисленное множество каретъ, прекрасныхъ колясокъ, заложенныхъ парами лошадей, молодыхъ людей верхами укрывающихся отъ солнечныхъ лучей, подъ широкими зонтиками, все оживляетъ и украшаетъ эти прелестныя мѣста; узнаешь Батавію, изящную столицу Малазіи, городъ роскоши, шума, удовольствій и торговыхъ оборотовъ. Милыя жилища, осѣненныя тѣнію деревъ, тянутся вдоль канала Мооленфлитъ и Рижсвижкъ на пространствѣ почти въ три четверти мили. Далѣе открывается большая квадратная равнина, обширный лугъ съ рядами Европейскихъ домовъ: это Вельтевреденъ, или военный кварталъ, отъ котораго новый городъ получилъ свое наименованіе; еще далѣе, болѣе къ правой сторонѣ, является другая квадратная равнина Канингсъ-плейнъ, окруженная также безподобными строеніями и хорошо содержимыми садами. Большая Буйтензоорская дорога, идущая за Вельтевреденъ, есть гладкій и ровный шоссе, обстроенный по сторонамъ дачами и домиками, и продолжающійся почти на двѣ лиги за крѣпостцу *Meesies-Cornelis*. Если прибавить къ сему еще нѣсколько боковыхъ аллей, составляющихъ какъ бы радіусы, идущіе отъ этихъ точекъ: *Принзенъ-панъ*, дорогу *Гонпангъ-сакари* и *Танаабонъ*, тогда можно имѣть нѣкоторое понятіе о наружномъ видѣ Батавіи. Между этихъ кварталовъ и позади ихъ находятся многіе другіе, занятые Азіятскими колоніями, поселившимися въ Малайской столицѣ. Китайскій станъ, или кварталъ, расположенъ за оградою, на западѣ отъ стараго города, котораго онъ прежде составлялъ обширное предмѣстье; впрочемъ нынѣ, этотъ, дѣятельный и хлопотливый на-

родъ, распространился не только по всему городу, но и по всему острову.

Батавія лежитъ подъ 6° 12' юж. шир. и 104° 33' вост. долг.; она основана въ 1616 году, на мѣстѣ, которое занимаетъ Индійскій городъ Жаккатра. Настоящее свое названіе она получила 11 Марта 1619 г., въ то время, когда было окончено укрѣпленіе, которое командуетъ городомъ. Въ 1629 году сооруженъ губернаторскій замокъ, у въѣзда въ городъ со стороны гавани; генералъ-губернаторы жили въ немъ болѣе 150 лѣтъ. Къ замку пристроили зданіе для собраній Индійскато совѣта, для канцелярій и магазейновъ компаніи. Всѣ эти строенія еще цѣлы, и могутъ дать понятіе объ обширности и великолѣпіи колоніяльныхъ архитектурныхъ произведеній, выполненныхъ Европейскими рабочими, изъ матеріяловъ, привезенныхъ изъ метрополіи.

Въ то время городъ составлялъ параллелограмъ, почти въ шесть сотъ саженей длины на четырехъ стахъ ширины, пересѣкаемый на двѣ почти равныя части большою рѣкою, называемою Тжиливонгъ. Обнесенный бастіонами и стѣнами, съ пятью большими воротами, онъ заключалъ четыре церкви и нѣсколько регулярныхъ строеній.

Въ теченіе всего XVII столѣтія чиновники компаніи и негоціанты, жили во внутренней части города; но около начала XVIII, когда войны съ Бантамами были прекращены и когда возраставшее благосостояніе города потребовало новыхъ жилищъ, начали строить за валомъ и сооружать предмѣстіе, понынѣ еще называемое южнымъ. Около этого времени, жители, имѣвшіе состояніе, построили себѣ дачи, вдоль наружнаго канала и по дорогѣ Жаккатрской, между городомъ и наружными укрѣпленіями, составлявшими первую линію; потомъ, ободренные миролюбивымъ расположеніемъ туземцевъ, они продолжали строиться до подошвы второй линіи укрѣплеcій, частію по дорогѣ Бантомской и Шерибонской, частью же по дорогѣ Преангерской. Эти присвоенія были производимы понемногу, одно за другимъ. Въ началѣ XVII вѣка укрѣпленіе Меестръ-корнелисъ было Геркулесовыми столбами Голландскихъ креоловъ; перейти за нихъ, считалось опасною экспедиціею, и еще не болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, въ народныхъ церквахъ совершали молитвы всякій разъ, когда генералъ-губернаторъ уѣзжалъ въ увеселительный домъ своей въ Буитензоргѣ; переѣздъ совершался тогда въ три дня; нынѣ онъ совершается въ три часа.

При генералъ-губернаторѣ Дендельсѣ начали только выѣзжать изъ стараго города и оставлять его. Въ политическомъ отношеніи Ява показалась этому правителю довольно независимою; онъ не счелъ нужнымъ укрѣплять городъ стѣнами, для предохраненія его отъ внутреннихъ нападеній. Вниманіе его было вполнѣ обращено на наружную оборону. «Оттуда», говорилъ генералъ-губернаторъ, «оттуда только грозитъ намъ непріятель. Изъ внутренности же намъ нечего опасаться». Это было въ то время, когда Батавія дѣлалась могилою почти всѣхъ новопріѣзжавшихъ Европейцевъ. Злотворные міязмы по временамъ, казалось, заражали атмосферу, и ужасная смертность господствовала даже между тѣми изъ жителей, которые уже свыклись съ климатомъ. Эпидемія причиняла гораздо болѣе опустошеній, нежели сколько могла бы сдѣлать война. Дендельсъ обратилъ особенное вниманіе на этотъ предметъ. Первоначально онъ намѣревался совершенно покинуть Батавію, и перенести столицу Голландскихъ владѣній въ Сурабаю; но встрѣтивъ многія препятствія, онъ былъ принужденъ прибѣгнуть къ мѣрамъ не столь рѣшительнымъ; за городомъ и не далеко во внутренности страны были выстроены казармы и удобныя жилища для гарнизонныхъ офицеровъ. Постройка губернаторскаго дворца была начата въ то же время; но это зданіе окончено не прежде 1827 года.

Лишь только это было сдѣлано, какъ всѣ Европейскіе жители, имѣвшіе состояніе, покинули старый городъ и переселились въ новыя красивыя жилища, не столь вредныя для здоровья, расположенныя вдоль Мооленфлита, Рижсвижскаго канала, и въ Вельтевреденѣ, а наконецъ, позже, вдоль обширнаго Конингсъ-плейна и по дорогѣ Меестръ-корнелисъ. Архитекторамъ былъ данъ правильный планъ; но междоцарствіе, послѣдовавшее отъ занятія города Англичанами, было причиною столь большаго безпорядка между строеніями, что нынѣ невозможно бы было устроить для Батавіи оборонительную систему, не покрывъ развалинами всю окружную равнину.

Пристрастіе и мода вмѣшались въ дѣло переселенія, и вскорѣ старый городъ, Батавія, былъ совершенно покинутъ. Упадокъ и

разрушеніе поразили его совершенно. Въ теченіе двадцати лѣтъ, лучшіе кварталы были сломаны по частямъ, домъ за домомъ. Въ 1816, когда Европейскіе договоры возвратили Голландіи лучшую изъ ея колоній, прежній городъ едва считалъ жителями своими нѣсколько устарѣвшихъ въ немъ Европейцевъ и Китайцевъ. Присутственныя мѣста, конторы и магазины хотя все еще оставались тамъ, по причинѣ близости рейда, но съ наступленіемъ вечера, ихъ оставляли, чтобы возвращаться къ новымъ частямъ города, гдѣ все дышитъ беззаботностію о дѣлахъ

Что генералъ-губернаторъ Дендельсъ предвидѣлъ, совершилось. Батавія былъ вредный городъ; только въ первобытномъ положеніи своемъ, городъ былъ совершенно Голландскій, построенный на сыромъ и низкомъ мѣстѣ, съ узкими улицами, подъ знойнымъ небомъ тропиковъ; домы были взгромождены, какъ въ Амстердамѣ, какъ въ Роттердамѣ, вдоль каналовъ, наполненныхъ стоячею, гнилою водою. Къ этимъ важнымъ причинамъ смертности присоединились еще другія, т. н. пр. снисхожденіе къ Малайцамъ и Китайцамъ, кладбища которыхъ были расположены возлѣ самыхъ городскихъ воротъ и заражали воздухъ. Наконецъ на берегу рѣки оставляли кучи всякой нечистоты и грязи; согрѣваемыя солнцемъ, онѣ наполняли воздухъ заразительными и зловонными испареніями.

Перенеся резиденцію свою за черту прежняго города, генералъ-губернаторъ старался уничтожить всѣ эти вредныя для здоровья жителей вліянія; въ послѣдствіи губернаторъ Фанъ-деръ-Капелленъ привелъ въ исполненіе улучшенія, предположенныя Дендельсомъ.

Во время правленія Фанъ-деръ-Капеллена проложены были новыя улицы въ Конингсъ-плейнѣ, самомъ здоровомъ изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ города. Пожалованіе земли подъ строенія, удобность самыхъ построекъ, ускорили развитіе этой красивѣйшей части города. Владѣльцамъ и архитекторамъ предписаны были правила, въ которыхъ были соображены выгоды частныя, съ приличіемъ и пользою общею. Китайцамъ отведено было мѣсто для ихъ кладбища въ отдаленности отъ города. Нѣкоторые изъ каналовъ стараго города, признанные безполезными, были засыпаны съ намѣреніемъ уничтожить ихъ вредное для здоровья вліянія, а тѣ изъ нихъ, которые были оставлены, получили черезъ то большее количество воды чистой, не столь наполненной гнилыми веществами. Бойни перенесены были на оконечность города; берега рѣки обдѣлали для того, чтобы вода теченіемъ своимъ наполняла все русло, и не оставляла бы разливовъ и застоевъ воды, которая портилась отъ вліянія солнечныхъ лучей. Красивая и вмѣстѣ удобная для складки товаровъ дамба въ гавани, довершила эти важныя и полезныя учрежденія. Съ тѣхъ поръ, какъ они существуютъ, Батавія не болѣе другихъ пунктовъ Малайскаго архипелага и Индѣйскаго материка, вредна для здоровья. Народонаселеніе Батавіи, чрезвычайно измѣнчивое, было предметомъ многихъ, большею частію невѣрныхъ, смѣтъ и показаній. Въ 1824 году сдѣлано исчисленіе болѣе точное: изъ него явствуетъ, что въ Батавіи считается 3,025 Европейцевъ, или людей, происходящихъ отъ Европейцевъ, 23,108 Явайцевъ, или Малайцевъ, 14,708 Китайцевъ, 601 Негръ 12,412 невольниковъ; всего въ городѣ и окрестностяхъ 53,861 душа, не считая гарнизона. Народонаселеніе цѣлой провинціи раздѣлено на четыре части.

Европейцы или креолы составляютъ часть народонаселенія служащаго; сюда входятъ также негоціанты, отставные офицеры на пенсіи, или помѣщики, наконецъ Португальцы, которые въ Батавіи, какъ и во всей Индіи, составляютъ поколѣніе мулатовъ, гораздо болѣе смуглое, нежели Малайцы, и употребляющее нарѣчіе почти непонятное.

Батавія въ нынѣшнемъ состояніи заключаетъ множество замѣчательныхъ общественныхъ зданій. Въ прежнемъ городѣ уцѣлѣли также нѣсколько строеній, доказывающихъ первоначальное его великолѣпіе. Таковы между прочимъ, таможня, морскіе магазины, прекрасныя и хорошо сохранившіеся двухъэтажныя строенія; далѣе за воротами превосходные ломбонги (деревянные амбары) для складки кофе послѣ сбора.

Отъ стараго замка, сломаннаго при генералѣ Дендельсѣ, осталась одна дверь со стороны города. По архитектурѣ городской думы, хотя красивой и благородной, можно узнать эпоху, въ которую это зданіе было выстроено. Центральное зданіе состоитъ изъ двухъ залъ, которыя были занимаемы уголовнымъ и гражданскимъ судомъ, сиротскимъ домомъ и казначействомъ. Нынѣ различныя

управленія переведены въ Вельтевреденъ. Оба флигеля этого зданія до 1827 года служили вмѣсто тюрьмы; но съ тѣхъ поръ, надо полагать, они также заняты были присутственными мѣстами.

Во внутренности старой Батавіи осталась одна только церковь, между городскою думою и дверьми стараго замка. Этотъ Лютеранскій храмъ обширенъ и хорошо выстроенъ; онъ не обезобразилъ бы и Европейскаго города. Единственная реформатская церковь, есть прежняя церковь Буйтенкергскаго предмѣстья; зданіе старое и непрочное, но во внутренности простое и весьма красивое; Католическая же церковь, напротивъ того, мала и бѣдна.

Нынѣ въ Батавіи есть одинъ только военный гошпиталь для Европейцевъ въ Вельтевреденѣ, очень хорошо устроенный; городскіе больные пользуются здѣсь вмѣстѣ съ гарнизонными. Для бѣдныхъ Китайцевъ и Малайцевъ есть другой гошпиталь за Утрехтскими воротами. Кромѣ палатъ для обыкновенныхъ больныхъ, находится отдѣленіе для прокаженныхъ, и другое для сумасшедшихъ. Это обширное заведеніе можетъ содержать отъ 200 до 300 человѣкъ. *Стандъ-Вербандъ* есть второкласный гошпиталь, куда принимаютъ раненыхъ, только на время. Ихъ перевязываютъ и отсылаютъ въ семейства. Это учрежденіе, исполненіемъ коего обязаны барону Фанъ-деръ-Капеллену, вынуждено было важными происшествіями, почти ежедневными въ улицахъ Батавіи, и потому основаніе обширнаго мѣста, назначеннаго для непредвидимыхъ несчастій, сдѣлалось выполненіемъ потребности существенно важной. Одно изъ прекрасныхъ зданій города есть домъ, занимаемый обществомъ Нидерландской торговли; онъ возвышается въ прежней городской чертѣ набережной рѣки. Недалеко находится биржа, небольшое строеніе съ открытою колоннадою, простое и безъ всякихъ украшеній, хотя недавно построенное. Но всѣ эти строенія превосходитъ обширное и великолѣпное зданіе, сооруженное генераломъ Дендельсомъ на изгибѣ Рижзвижкскаго и Моолепфлитскаго каналовъ. Это истинно царское зданіе называется Гармонія. Это храмъ удовольствій частной жизни, назначенный для концертовъ, которые даются по подпискѣ и для губернаторскихъ баловъ; здѣшнія залы служатъ также мѣстомъ соединенія гражданъ и зажиточныхъ военныхъ, которые собираются разговаривать, играть на биліардѣ или читать газеты. Строеніе состоитъ изъ четырехъ большихъ смежныхъ залъ; въ каждой можетъ помѣститься до 400 особъ. Въ торжественные дни, когда Европейское общество Батавіи собирается при блескѣ тысячи свѣчей, залы представляютъ очаровательный видъ. Подлѣ Гармоніи находится зданіе, опредѣленное наукамъ и художествамъ. Этимъ Батавія также обязана генералу Дендельсу. Общество наукъ и художествъ въ Батавіи оказало уже нѣкоторую пользу ученому свѣту. Поощряемое въ занятіяхъ своихъ губернаторами, которые сами были членами этого общества, оно рѣшило много задачъ, и къ общей суммѣ человѣческихъ познаній присоединило свою лепту. Библіотека общества богата драгоцѣнными и рѣдкими твореніями.

Въ Батавіи есть также театръ, мало замѣчательный какъ строеніе; любители отъ времени до времени даютъ здѣсь представленія для отдохновенія публики, составленной изъ пріятелей и короткихъ знакомыхъ.

Генералъ-губернаторы во время пребыванія въ Батавіи, занимаютъ большой, красивый, частный домъ, въ Рижзвижкѣ, въ самой здоровой и любимой части Батавіи. Жилище это, слишкомъ маленькое и скромное, будетъ замѣнено новымъ дворцомъ въ Вельтевреденѣ. Дворецъ, начатый постройкою при генералѣ Дендельсѣ, и прерванный нѣсколько разъ за недостаткомъ денегъ, недавно только что оконченъ. Въ него перевели всѣ гражданскія и военныя присутственныя мѣста Батавіи, уступивъ частнымъ людямъ дома, которые прежде были заняты различными служебными мѣстами.

Многочисленные базары или рынки въ положенные дни, учреждены въ Батавіи и ея окрестностяхъ. Многіе изъ нихъ бывъ первоначально открыты въ извѣстное время, мало по малу превратились во всседневные рынки, благодаря Китайцамъ, которые въ званіи купцевъ неимовѣрно дѣятельны и настойчивы. Между базарами замѣчательны рыбный рядъ, у входа въ городъ; базаръ Лимъ-тонганъ въ Китайской части; базаръ Борунгъ, изъ котораго правительство хотѣло сдѣлать проходной рынокъ, какъ въ Европѣ, куда бы жители Бантама могли приносить свои холсты, глиняную посуду, цыновки и известь, добываемую въ этой области; базаръ Танабонъ, старый и новый Вельтевреденскіе ба-

зары; наконецъ здѣсь есть еще тринадцать другихъ базаровъ, или ярмарокъ, учрежденные на нѣсколькихъ лигахъ разстоянія около столицы, и нѣкоторые другіе въ Буйтензоогрской резиденціи.

Торговля Батавіи двоякая: одна сосредоточенна въ рукахъ общества Нидерландской торговли, другая раздѣлена между множествомъ первоклассныхъ и второклассныхъ Голландскихъ, Англійскихъ и Американскихъ домовъ. Общество Нидерландской торговли состоитъ изъ скопленія частныхъ капиталовъ, которымъ правительство дало родъ привиллегіи, по видимому, не слишкомъ тягостной. Первоначальныя послѣдствія этого учрежденія были счастливы; они будутъ еще успѣшнѣе, если господствующая мысль не клонилась бы къ несправедливому исключенію для выгодъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Весьма понятно, что соединеніе капиталовъ должно быть полезно, когда оно умѣряется дѣятельною конкуренціею. Тогда это уже не монополія, но просто соединеніе средствъ, экономія времени, трудовъ и издержекъ; это сосредоточеніе силъ, которыя расточились бы порознь. Благодаря вспоможеніямъ членовъ общества, открыты были новые источники и пути для торговыхъ сношеній, и торговля раздвинула кругъ своей дѣятельности. Торговые домы Батавіи не только не пострадали отъ первенства компаніи, но еще пріобрѣли вѣрнѣйшіе и выгоднѣйшіе способы для сбыта товаровъ, увеличеніе на нихъ таксы и распространеніе оборотовъ. Не смотря на это сильное соперничество, въ Батавіи считали въ 1827 году шестнадцать Голландскихъ торговыхъ домовъ, шесть Англійскихъ и одинъ Американскій. Изъ этого числа десять домовъ занимаются торговлею изъ вторыхъ только рукъ.

Купеческій флотъ Батавіи состоитъ изъ сорока трехъ судовъ и одного парохода; изъ этихъ кораблей семь подымаютъ болѣе нежели по сту тонновъ. Привозные товары состоятъ изъ предметовъ Европейскихъ мануфактуръ, изъ тканей, роскошныхъ и самыхъ необходимымъ для употребленія, изъ дорогихъ оружій, суконъ, щепетильныхъ и желѣзныхъ товаровъ, шелковыхъ издѣлій Европейской, Китайской, Индійской и Малайской торговли; матерій различнаго рода и всякихъ цѣнъ; также изъ съѣстныхъ припасовъ и произведеній, несвойственныхъ грунту земли Явы, какъ то, вино и водки Французскія и Испанскія, Китайскій чай, Индѣйскій и Малайскій рисъ. Въ замѣнъ этихъ предметовъ, Ява снабжаетъ Азію и Европу сахаромъ, кофе, рисомъ, табакомъ, катжангомъ, Турецкимъ пшеномъ, хлопчатою бумагой; она отправляетъ даже индиго; наконецъ множествомъ произведеній мѣстной промышлености, довольно усовершенствованной.

Между промышлеными заведеніями должно упомянуть о заводахъ, на которыхъ изготовляютъ аракъ, о заводахъ кирпичныхъ, и для обжиганія извести, о кожевенныхъ фабрикахъ. Заводовъ, гдѣ гонятъ аракъ, не болѣе осьми; они изготовляютъ ежегодно 1200 боченковъ этой водки, которой Китайцы употребляютъ весьма много, хотя съ умѣренностью. Для выдѣлыванія этого спиртуознаго напитка употребляютъ рисъ, сахарный сиропъ, туакъ и смѣсь называемую пека, изъ корицы, анису, чесноку и рису. Кирпичныхъ заводовъ тоже восемь; они наиболѣе процвѣтали въ то время, какъ воздвигали новый городъ по планамъ генералъ-губернатора Дендельса. Китайскіе работники занимаются въ четырехъ кожевняхъ. Красильни также въ рукахъ неважныхъ туземныхъ фабрикантовъ, которые ткутъ и красятъ матеріи въ деревняхъ. Женщины обыкновенно занимаются этою работой. Вещества, употребляемыя ими для крашенья, состоятъ большею частью изъ индиго, манкудуваго корня, изъ сѣменъ Bixa orellana, изъ сѣменъ хлопчатника, изъ корней желтняка или куркума, изъ инбиря и катжанговаго масла. Чтобы окрасить матерію, ее погружаютъ и окунаютъ нѣсколько разъ въ кубы, наполненные растворомъ. Для тканей съ узорами покрываютъ растопленнымъ воскомъ тѣ мѣста матеріи, которые должны остаться неокрашенными или свѣтлыми, и погружаютъ потомъ куски въ жидкую краску. Выдѣлываютъ также платки, и саронги, (Индійскіе передники, весьма тонко тканые и окрашенные въ яркіе и разнообразные цвѣта).

Другія промышлености, какъ то салотопни и фабрики глиняныхъ издѣлій находятся въ довольно цвѣтущемъ состояніи; карточныя фабрики, также занимаютъ много рукъ; игры картъ этихъ, какъ у Китайцевъ составлены всегда изъ двухъ десятковъ. Другія рукодѣлія производятся, какъ въ Европѣ, мастерами, которые подъ распоряженіемъ своимъ имѣютъ подмастерьевъ и работниковъ. Въ Батавіи находятся плот-

ники, столяры, каменьщики, кузнецы, слесари, мѣдники, жестяники, маляры, каретники, сѣдельники, башмашники, булочники, и проч. Почти всѣми ремеслами занимаются съ особеннымъ искусствомъ Китайцы или Малайцы. Весьма немногіе изъ Европейцевъ захотѣли бы и могли бы оспорить у нихъ первенство. Знойность климата, чрезвычайная разница въ задѣльной платѣ, все удаляетъ ремесленниковъ нашихъ изъ Азіятскихъ колоній. Они никакъ не могли бы поддержать соперничество цѣны своихъ съ туземными рукодѣліями; такимъ образомъ во всѣхъ этихъ отдаленныхъ владѣніяхъ вѣчно будетъ не доставать того *средняго* класса людей, который усиливаетъ и упрочиваетъ связь общества. Нѣсколько Европейцевъ, поселенныхъ съ тысячами Китайцевъ и Малайцевъ, никогда не создадутъ въ Явѣ народа Европейскаго, между тѣмъ какъ колоніи Новой Голландіи, гдѣ находится разрядъ людей работящій, дѣятельный, почти богатый, занимающійся всѣми возможными оборотами, и пользующійся покровительствомъ, можетъ еще осуществиться, и разрѣшится задача переселенія просвѣщенія.

Жизнь въ Батавіи есть жизнь довольства и роскоши. Европейцы первые подали примѣръ; у нихъ съ самаго начала завоеванія явились пышная мебель, богато убранные домы, многочисленная прислуга, золотая и серебряная посуда, экипажи, лошади и стаи собакъ. Увлеченные примѣромъ, Явайцы и Малайцы въ свою очередь захотѣли имѣть богатыя одежды, драгоцѣнные уборы и дорогія ткани; они стали проводить жизнь на балахъ и праздиествахъ, какъ будто бы каждый изъ нихъ владѣлъ сокровищами Индійскаго раджи. Китайцы также, хотя и гораздо умѣреннѣе, предалась пышности своего рода: они ввели у себя роскошь во внутреннемъ устройствѣ, великолѣпіе въ годовыхъ праздиествахъ, при свадьбахъ и похоронахъ. Обыкновенно бережливые и экономные, они въ эти дни расточаютъ огромныя суммы, особливо когда наступаетъ новый годъ и сопровождающій его обрядъ гапъбоме. Что касается до Аравитянъ и Мавровъ, они предпочитаютъ всему прочныя и дѣйствительныя богатства; роскошь ихъ состоитъ въ обладаніи драгоцѣнными каменьями, золотыми и серебряными сосудами и въ брилліантахъ, которыми украшаются ихъ жены.

Генералъ-губернаторы всегда болѣе способствовали, нежели препятствовали развитію роскоши, которая въ то же время есть легкій и мирный способъ къ просвѣщенію; посреди образованности, такъ сказать, матеріяльной, начальникъ не забывалъ, что умъ требуетъ также образованія, чтобы поддержаться на одной степени съ жизнію физическою, въ этомъ отношеніи весьма пріятною; нѣсколько первоначальныхъ училищъ учреждены были въ Батавіи. Главное изъ нихъ, куда Европейцы посылаютъ дѣтей своихъ, основано въ 1817 году въ Вельтевреденѣ, въ самой здоровой части города; это заведеніе можетъ равняться съ лучшими нашими учебными учрежденіями. Въ послѣдствіи основана была вспомогательная школа, куда ходятъ дѣти сословія, называемаго Португальскимъ, къ которымъ присоединяются нѣсколько молодыхъ Малайцевъ и Китайцевъ. Вспомогательная школа есть разсадникъ чиновниковъ Голландскихъ канцелярій. Тамъ образуются писцы и служаки, отправляющіе главную работу. Къ этимъ двумъ заведеніямъ, которыя уже принесли очевидную пользу, прибавили еще, въ 1824, пансіонъ молодыхъ дѣвицъ, управляемый наставницами, выписанными изъ Европы на счетъ Батавской казны. Но около 1826 года, пансіонъ былъ уничтоженъ, потому ли что число воспитанницъ не было достаточно для поддержанія его, или, можетъ быть, отъ того, что наставницы, еще въ цвѣтѣ лѣтъ и во всемъ блескѣ красоты, предпочли выгодное замужество удовольствію образовывать воспитанницъ.

Воспитаніе туземнаго юношества ввѣрено большею частію Магометанскимъ священникамъ, отправляющимъ богослуженіе въ различныхъ мечетяхъ. Мы увидимъ позже, что такое эти священники, и какое вліяніе имѣютъ они на народъ. Они раздѣлены на нѣсколько разрядовъ, различаемыхъ названіями имамовъ, катиховъ и хиталовъ. Начальникъ имамовъ носитъ титулъ пангулу. Получая плату отъ правительства, онъ исполняетъ всенародно обязанности при *ландъраадѣ* и въ другихъ судебныхъ мѣстахъ, гдѣ въ присутствіи его присягаютъ Магометанскіе свидѣтели. Мечетей, гдѣ отправляютъ эти священники службу, семнадцать; каждая изъ нихъ находится подъ начальствомъ особы, соотвѣтствующей ея важности. Доходы духовенства не слишкомъ значитель-

ны; они состоятъ изъ произведеній земель, приписанныхъ къ мечетямъ, изъ пожертвованій, приносимыхъ во время жатвы, или при наступленіи большихъ праздниковъ, наконецъ изъ случайной прибыли отъ свадебъ, погребеній и другихъ торжественныхъ духовныхъ обрядовъ.

Вотъ поверхностное описаніе Батавіи, города, въ которомъ меня ожидало самое радушное гостепріимство. Въ числѣ писемъ, давно мною забытыхъ въ бумажникѣ, нашлось одно отъ Вильмота изъ Калькутты, адресованное одному изъ лучшихъ домовъ Явайской столицы. Рекомендательныя письма, столь обыкновенныя въ Европѣ, доставляющія едва ли какое вниманіе или приглашеніе на обѣдъ, имѣютъ здѣсь истинную цѣну. Лишь только я вручилъ эти нѣсколько строкъ, какъ сдѣлался уже жильцомъ Г. Перкуса; волею или неволею, надо было принять предложенную мнѣ квартиру. Не буду описывать вниманія, заботъ и попеченій, оказанныхъ мнѣ въ кругу этого семейства. Въ продолженіе немногихъ дней, проведенныхъ мною въ Батавіи, я жилъ какъ богатый тамошній гражданинъ; меня возили съ праздника на праздникъ, съ балу на балъ, съ одного пира на другой. Въ распоряженіе мое дали четырехъ прислужниковъ, паланкинъ, карету, двѣ упряжныя и двѣ верховыя лошади. Со всѣхъ сторонъ меня осыпали приглашеніями главнѣйшія лица правительства и зажиточные арматоры. Въ собраніяхъ царствовала Азіятская роскошь; ароматы, изысканныя кушанья, тысяча различнаго рода прохладительныхъ яствъ и напитки, составляли угощенія, сопровождаемыя царскимъ изобиліемъ и расточительностію. Всѣ старались превзойти другъ друга въ роскоши; никто не хотѣлъ отстать отъ сосѣдей своихъ.

Послѣ цѣлаго года, проведеннаго въ тягостной крейсировкѣ, среди морей Океаніи; находясь еще подъ впечатлѣніемъ ужасныхъ явленій каннибализма, и помня живо дѣйствующія лица, которыхъ я самъ видѣлъ, можно представить, былъ ли я изумленъ этою Азіятскою пышностію, этими Европейскими нравами? Въ продолженіе цѣлой недѣли я предавался имъ съ увлеченіемъ, которое не трудно постигнуть. Мнѣ казалось, что я опять нашелъ Францію, съ ея вѣжливыми и кроткими обычаями, съ ея веселымъ и остроумнымъ обществомъ; я терялся въ забвеніи и былъ уже неспособенъ къ наблюденіямъ.

Протративъ нѣсколькихъ дней въ нѣгѣ, я вспомнилъ наконецъ, что находился въ Малайской странѣ, куда прибылъ вовсе не для того, чтобы видѣть богатыхъ, благородныхъ арматоровъ и молодыхъ красавицъ креолокъ. Тогда я старался удалиться отъ Европейскаго общества Батавіи, чтобы наблюдать туземцевъ. Мысль мою поняли и способствовали приведенію ея въ исполненіе, устроивъ нѣсколько поѣздокъ въ окрестности города и въ смежные округи.

Первая поѣздка имѣла цѣлію посѣщеніе одного изъ могущественнѣйшихъ окрестныхъ старшинъ. Онъ жилъ въ великолѣпной резиденціи, на берегу ручейка, къ жилищу вела открытая колоннада, составлявшая галлерею, свободно освѣжаемую дуновеніемъ вѣтра. Старшина былъ человѣкъ еще молодой, знатной фамиліи, весьма уважаемой въ странѣ. Одежда его состояла изъ жарита изъ Индійской матеріи, гораздо полнѣе саронга, или обыкновенной юбки. Сверхъ жарита онъ носилъ шелковый сабукъ, довольно похожій на камзолъ. Отправляясь съ нами гулять, онъ надѣлъ бархатный тикопанъ, обшитый кружевами и похожій на полукафтанья, которыя носили лѣтъ сто тому назадъ. Изъ подъ тикопана былъ виденъ бѣлый жилетъ, застегнутый до воротника и замѣняющій рубаху Европейцевъ. Головной уборъ состоялъ изъ широкаго куска сукна или бархата, обвернутаго вкругъ головы въ родѣ жокейскихъ каскетокъ. (Рис. LIII. ф. 2).

Этотъ старшина, съ которымъ домъ Перкуса былъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ, принялъ насъ какъ нельзя лучше. Гостепріимство его имѣло нѣкоторую важность и достоинство, которыя придавали ему еще болѣе цѣны. Онъ показалъ намъ со всѣми подробностями богатое свое жилище, прекрасныя пашни, плантаціи кофе, содержимыя какъ сады, поля сахарнаго тростника и для опыта разсаженный индиго. Владѣніе нашего новаго пріятеля, раджи оцѣняли не менѣе какъ въ 200,000 піастровъ.

Вторая поѣздка моя имѣла цѣлію посѣщеніе Буйтензоорга. Губернаторъ въ то время объѣзжалъ сосѣдніе уѣзды; но другіе военные начальники приняли насъ въ резиденціи. Дорога отъ Батавіи къ Буйтензоргу, нѣкогда пролегавшая чрезъ пустынныя поля, нынѣ составляетъ длинную аллею, обстроенную по обѣимъ сторонамъ домами; се можно принять за предмѣстье большаго

города. Дорога оканчивается замкомъ, украшеннымъ великолѣпнымъ фасадомъ; до него не болѣе двухъ часовъ ѣзды. Строеніе состоитъ изъ главнаго корпуса и двухъ флигелей. Центральное зданіе покрыто остроконечнымъ куполомъ и обнесено кругомъ галлереею съ колоннами. (Рис. LIV. ф. 1). Многія другія строенія присоединены къ главному зданію. Однѣ служатъ казармами, другія квартирами прислуги губернатора, который живетъ какъ принцъ. Новый дворецъ существуетъ только съ 1816 года, въ которомъ перестроили многія части его и расположили ихъ съ большимъ порядкомъ и симметріею. Старые и некрасивые сады превращены въ Англійскіе; воспользовавшись изобиліемъ водъ въ долинѣ, ихъ обратили въ водометы и каскады. Къ этимъ наружнымъ улучшеніямъ Фанъ-деръ Капелленъ присоединилъ вскорѣ полезнѣйшія нововведенія. Онъ учредилъ въ Буйтензоргѣ ботаническій садъ и вручилъ управленіе имъ ученому Рейнварту (Reinwardt, мѣсто котораго заступилъ въ послѣдствіи докторъ Блумъ. Здѣсь, съ большими издержками соединены не только растенія обильной Явайской почвы, но и множество растеній Молуккскихъ, Бенгальскихъ, изъ Бразиліи, Китая, Японіи и Австраліи.

Мы разсмотрѣли одинъ за другимъ эти удивительные предметы, дворецъ съ великолѣпными его пріемными залами, ботаническій садъ, пруды, водометы, паркъ, рощи, сады съ апельсинными деревьями, и долины, пересѣкаемыя тысячами ручейковъ. Это зрѣлище посреди Явайскихъ земель было поистинѣ разительно; противоположности казались еще ярче, отъ характера Азіятскаго мѣстоположенія, отъ неровностей грунта и маленькихъ Малайскихъ домиковъ, разсыпанныхъ въ окрестностяхъ большаго зданія (Рис. LIV. ф. 1).

Прежде присоединенія Буйтензоргской резиденціи вмѣстѣ съ Кравангскою къ Батавской, она составляла пять округовъ: собственно Буйтензоргскій и четыре другихъ, именно: Паронгъ, Яссинга, Тжи-бинонгъ, и Тжибарусса. Каждый изъ округовъ повиновался туземному начальнику; они завѣдывали полиціею и носили названія, въ первомъ, Андипатта, а въ трехъ другихъ Деманговъ. Это самые богатые изъ округовъ острова Явы; но доходовъ ихъ едва было бы достаточно для издержекъ по управленію, если бы правительство не прибѣгнуло къ налогу значительной цѣны на кофейный откупъ, который приноситъ значительныя выгоды. Резиденція ежедневно уменьшается, и нынѣ, въ слѣдствіе безпрестанныхъ уступокъ земель въ собственность, состоитъ только изъ замка и нѣсколькихъ незначащихъ мѣстъ, между рѣками Тжиливонгъ и Тжидани, на разстояніи не болѣе полумили одна отъ другой.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ мѣста, подвластныя Голландіи, я горѣлъ желаніемъ видѣть земли чисто Малайскія, гдѣ бы древніе туземные нравы и обычаи не были еще измѣнены. Благопріятный для меня случай представился: прикащикъ одного изъ Голландскихъ домовъ, молодой человѣкъ, Питеръ, долженъ былъ ѣхать въ Бантамъ, для надзора за большою закупкою риса, который надо было отправить въ Анжеръ, одинъ изъ сосѣднихъ портовъ. Я сдѣлался сопутникомъ Питера.

Мы выѣхали изъ Батавіи 19 Октября, въ прекрасной коляскѣ; и на другой день, переѣхавъ рѣку Тжиканди, обогащенную восхитительнымъ мѣстоположеніемъ окрестностей, мы въѣхали въ Церамъ, нынѣшнюю столицу государства Бантамскаго. Владѣнія Бантамскія раздѣлены на два регентства, сѣверное и южное; въ нихъ считаютъ до 983 *десса*, или селенія. Это одно изъ любопытнѣйшихъ частей Явы. Долгое время Бантамъ былъ независимъ отъ Батавской власти; но съ тѣхъ поръ, какъ генералъ-губернаторъ Дендельсъ оружіемъ покорилъ одного изъ тамошнихъ султановъ, безпокоившихъ нападеніями сосѣдніе округи, Бантамъ былъ почти присоединенъ къ округамъ Батавіи. Церамъ, лежащій во внутренности земель, есть красивый городъ, довольно населенный и хорошо выстроенный. Домъ резидента, у котораго мы остановились, расположенъ противъ Далама, туземнаго правителя. Это жилище красиво и удобно; возлѣ него находится домъ секретаря резиденціи, нѣсколько другихъ Европейскихъ строеній, гаубтъ-вахта и казармы для гарнизона.

Въ Церамѣ я видѣлъ Малайцевъ въ ихъ одѣяніяхъ, съ ихъ народными нравами и обычаями. Въ окрестныхъ селеніяхъ я замѣтилъ множество мужчинъ и женщинъ простаго народа, совершенно различно одѣтыхъ. Самая обыкновенная одежда состояла, у мужчинъ изъ большаго саронга, родъ юбки изъ матеріи съ цвѣтами; сверху надѣваютъ коламби, платье съ короткими рукавами; одежда женщинъ состоитъ изъ клѣтчатой юбки и спенсера, который стягиваетъ верхнюю часть тѣ-

ла. На головѣ мужчины носятъ платокъ, свернутый въ видѣ чалмы; у всѣхъ за поясомъ воткнутъ кинжалъ. У женщинъ волосы подняты на макушку головы, а въ уши продѣты длинныя подвѣски; и женщины и мужчины ходятъ босые (Рис. LIV. ф. 2).

Въ высшихъ классахъ одежда измѣняется, смотря по обстоятельствамъ, времени, мѣсту и обязанностямъ каждаго. Сановники, окружающіе султановъ, употребляютъ нарядъ придворный и военный. Придворное одѣяніе требуетъ, чтобы плеча, руки и все туловище были открыты; при немъ позволяется носить только одинъ кинжалъ, на правой сторонѣ, и другое острое оружіе на лѣвой; это послѣднее, называемое *ведунгъ*, имѣетъ видъ ножа и составляетъ оружіе почти символическое, означающее, что тотъ, кто носитъ его, готовъ рѣзать траву и деревья по приказанію своего государя. Необходимый уборъ головы при одеждѣ придворной есть кулукъ (kuluk), бѣлая шелковая или бархатная шапка, шитая золотомъ, въ подражаніе Арабамъ, введенная въ Явѣ султаномъ Палангомъ. Всѣ открытыя части тѣла натерты пудрою, бѣловатою или блестящаго желтаго цвѣта. Самъ султанъ обязанъ строго держаться этого форменнаго наряда (Рис. LV. ф. 1. и 2). Военный нарядъ еще многосложнѣе. Онъ требуетъ непремѣнно три кинжала: первый долженъ быть пріобрѣтенъ тѣмъ, кто его носитъ; другой оставленъ предками; третій есть даръ отъ женииныхъ родителей. Два изъ нихъ заткнуты по обѣимъ сторонамъ кушака; третій носится сзади. На лѣвомъ боку виситъ на поясѣ шпага. Остальное одѣяніе состоитъ изъ панталонъ, называемыхъ шелана, изъ полосатаго камзола въ обтяжку, изъ бѣлаго жилета, застегнутой до горла, и наконецъ изъ большой бархатной шляпы, которая во время битвы, кажется, не должна приносить большой пользы. (Рис. LV. ф. 1. и 2). Между прочими заслуживаетъ вниманіе нарядъ жениховъ и невѣстъ, когда они идутъ въ храмъ, гдѣ имамъ долженъ благословить бракъ ихъ. Въ этомъ случаѣ выискиваютъ все самое утонченнѣйшее въ Явайскомъ нарядѣ. Покрытый отъ пояса до пятокъ великолѣпнымъ передникомъ, съ грудью и руками обнаженными, но обвѣшанными браслетами и золотыми бляхами, съ головою, украшенною діадемою, изъ подъ которой падаютъ въ нѣсколько рядовъ бусы, женихъ идетъ впереди, тихо, спокойно и съ нѣкоторою важностью; за нимъ слѣдуетъ невѣста, одѣтая, какъ и онъ, въ лучшіе наряды, съ полуоткрытою грудью и голыми руками, съ длиннымъ передникомъ, въ кафтанѣ начинающимся подъ мышками и поддерживаемымъ поясомъ; на головѣ ея, какъ и у жениха, діадема; на рукахъ золотыя бляхи и браслеты (Рис. LV. ф. 3. и 4).

Я видѣлъ эти одежды только мимоходомъ и какъ бы въ торопяхъ. Въ Церамѣ мы должны были остаться нѣсколько часовъ; но возвратясь въ Батавію, я имѣлъ по крайней мѣрѣ довольно точное и вѣрное понятіе о внутреннихъ странахъ; я выведенъ былъ изъ сферы идей, порожденныхъ зрѣлищемъ этого обширнаго города, болѣе Европейскаго, нежели Малайскаго. Мое продолжительное странствіе не было еще окончено, и потому я долженъ былъ остерегаться пышной и изнѣженной жизни креоловъ. Суровыя моря, дикія страны, ожидали меня еще съ тысячами различныхъ испытаній! На другой же день по возвращеніи въ Церамъ, представился случай ѣхать въ Австралію; я простился съ моимъ хозяиномъ, который почти со слезами на глазахъ умолялъ меня снова не подвергать себя добровольно опасностямъ и довольствоваться первымъ путешествіемъ, столь уже разнообразнымъ и обширнымъ. Не внимая дружескимъ убѣжденіямъ, я рѣшился ѣхать съ капитаномъ Новелемъ на *Кангуроо*, который долженъ былъ отплыть 23 Октября, прибыть въ Сурабайю съ восточной стороны Явы и запастись тамъ жизненными припасами, чтобъ отправиться въ Новую Голландію.

Планъ этотъ ничѣмъ не былъ разстроенъ. 23 Октября съ разсвѣтомъ мы вышли съ большаго рейда, и съ помощію попутнаго берегового вѣтра плыли вдоль сѣверной части Явайскаго берега. При хорошей погодѣ, благопріятномъ вѣтрѣ и придерживаясь берега, намъ достаточно было трехъ дней для этого переѣзда, которому обыкновенно противятся восточные вѣтры. Мы обогнули, въ близкомъ разстояніи, мысы Бантаманъ и Бонангъ, образующіе оконечности полуострова Жапара; потомъ на вышинѣ мыса Панка, вошли въ проливъ, отдѣляющій островъ Мадюре́ отъ материка. Всѣ возвышенности этого острова, покрытаго чрезвычайно изобильною растительностью, открылись намъ въ одно время. Мы могли различить плантаціи Херибонскаго и Жепарскаго кофе, стелющіяся у подошвы внутренней цѣпи. На всемъ берегу выказывались изъ-за зелени деревъ множество се-

леній, съ домиками, выстроенными изъ бамбука и Индійскаго тростника. За полуостровомъ Жапара воздѣлываніе земли, казалось, измѣнялось. Видно было менѣе кофе, но болѣе рисовыхъ полей. Кофейныя поля появлялись потомъ въ Сурабайскомъ округѣ, тогда какъ на островѣ Мадюрé болѣе встрѣчались рисовыя.

Кангуроо, обогнувъ оконечность Папка, вошла въ проливъ шириною, тогда, въ пять лигъ; множество Явайскихъ лодокъ, спертыхъ въ томъ мѣстѣ, играли вокругъ нашего судна своими веслами и трехъугольными парусами. Мы обогнули мысъ Орангскій, самое узкое мѣсто во всемъ проѣздѣ; здѣсь на берегу выстроено главное укрѣпленіе. По обѣимъ сторонамъ лежатъ прелестныя деревушки, отъ которыхъ отдѣлились нѣсколько челноковъ. Нашъ *Кангуроо*, судно небольшаго размѣра и легкое на ходу, скользнуло среди этихъ тинистыхъ проходовъ, и тотчасъ передъ нимъ открылся рейдъ Гриссе, одна изъ знаменитѣйшихъ гаваней на Явѣ, для починки караблей; мы положили якорь 26 Октября передъ резиденціею Сурабайскою.

Сурабайя, послѣ Батавіи наиболѣе обязана генералъ-губернатору Дендельсу. Здѣсь находятся: морской арсеналъ, широкія прочныя набережныя по берегамъ рѣки Кедири, которая протекаетъ черезъ городъ, длинныя плотины, предохраняющія устье ея отъ скопленія тины, монетный дворъ, карабельныя верфи, литейная, и наконецъ губернаторскій дворецъ.

Эти зданія, выстроенныя за городомъ, соединены съ нимъ широкими и длинными улицами, застроенными по сторонамъ каменными домами съ наружными галлереями. Береговыя части, не столь красивыя и здоровыя, большую часть года бываютъ затоплены. Сурабайя обязана генералу Дендельсу превосходною дорогою, проведенною до Самаранга чрезъ болота и горы, и соединяющеюся въ Батавіи съ прежнею Самарангскою дорогой.

Кангуроо, не могло долго оставаться въ Сурабайѣ, и потому я долженъ былъ наскоро собрать свѣдѣнія, которыя могли бы по крайней мѣрѣ руководить въ послѣдствіи для обсужденія точнѣйшихъ наблюденій. Сойдя съ капитаномъ на одну изъ дамбъ, выступающихъ при входѣ въ гавань, мы были осмотрѣны таможенными приставами, единственными владѣльцами этого мѣста, по ту сторону котораго начинаются Европейскіе домы. Городъ, при первомъ на него взглядѣ представляетъ бѣлыя стѣны, крыши съ террасами и красивыя крытыя галлереи, съ колоннами на противуположной сторонѣ таможни; надъ рѣкою находится баттарея; ею заключается предмѣстье. Далѣе слѣдуютъ верфи и кварталы, занимаемые Китайцами, чистые, шумные, одушевленные, какъ во всѣхъ городахъ, гдѣ эти кочующіе промышленники учреждаютъ свои торговыя палатки; еще далѣе, жилища креоловъ, красиво выстроенныя и хорошо населенныя; наконецъ двухъэтажный домъ резидента, обозначенный флагомъ, и отражающійся въ рѣкѣ. (Рис. LVI. фиг. 1 и 2). Въ домѣ резидента собирается самое лучшее общество города, состоящее изъ небольшаго числа креольскихъ и Европейскихъ семействъ. Здѣсь весьма мало женщинъ, говорящихъ на какомъ либо другомъ языкѣ, кромѣ Малайскаго. Многія изъ нихъ красивы; лица ихъ не лишены выразительности, а обращеніе исполнено особенной пріятности и доброжелательности. При наступленіи вечера, все это общество собирается въ обширныхъ и красивыхъ залахъ, освѣщенныхъ лампами съ стеклянными калпаками; залы со всѣхъ сторонъ открыты, такъ, что прохожій можетъ нѣкоторымъ образомъ участвовать въ обществѣ, въ его забавахъ, почти въ его разговорахъ.

Народонаселеніе Сурабаи состоитъ, какъ и въ Батавіи, изъ Малайцевъ и Китайцевъ. Жители сосѣдняго острова Мадюре, которые составляютъ между Явайцами особый типъ, также посѣщаютъ Сурабай. *Кангуроо* не могъ оставаться болѣе сутокъ, и потому я не успѣлъ побывать на этомъ островѣ, часть котораго видна съ рейды Сурабайской. Тамъ, я бы могъ ознакомиться съ обычаями, нравами, политическимъ устройствомъ народа, который находится въ весьма слабой зависимости отъ Голландцевъ, я могъ бы, подобно офицерамъ *Фавориты*, находившейся подъ начальствомъ капитана Лапласа, участвовать въ празднествахъ, садиться на пирахъ маленькихъ владыкъ того края и наблюдать ихъ въ ихъ странной и пышной жизни.

Простоявъ на якорѣ, нѣсколько дней на рейдѣ въ Сурабай, *Фаворита* получила отъ султана Банкалангскаго, одного изъ трехъ султановъ Мадюрескихъ, приглашеніе столь убѣдительное, что командиръ почелъ нужнымъ не отказаться отъ него для себя и нѣсколькихъ офицеровъ корабля. Мы прибыли

къ берегу, гдѣ сынъ султана ожидалъ Французовъ. Послѣ чаю и Китайскихъ лакомствъ, сѣли въ двѣ коляски, долженствовавшія везти путешественниковъ въ Банкалангъ, столицу властителя. Сынъ этого государя, путеводитель иностранцевъ; высокій молодой человѣкъ, бронзоваго цвѣта, командовалъ Мадюрейскими войсками въ службѣ Голландцевъ; въ знакъ отличія своего достоинства, онъ носилъ офицерскій мундиръ начальника Голландской кавалеріи. Одежда была бы даже къ лицу этому Мадюрейскому воину, если бы онъ не вздумалъ оставить на головѣ турбанъ изъ красной и бѣлой ткани, подъ форменной шляпою.

Первый представившійся намъ видъ не могъ дать слишкомъ выгоднаго понятія о землѣ, которую мы посѣщали. Здѣсь не было уже свѣжей и блестящей растительности Сурабайскихъ равнинъ; напротивъ, повсюду являлись поля, разсѣвшіяся отъ солнечнаго зноя, деревья недоросшія, жатвы скудныя и невѣрныя; въ Мадюре нѣтъ воды, а вода подъ тропиками, есть благотвореніе, котораго ничѣмъ нельзя замѣнить: отъ того то доходы султана состоятъ менѣе въ сборѣ произведеній земли, нежели въ сборѣ соли, довольно впрочемъ прибыльномъ, не смотря на Голландскую монополію; главную же статью богатства составляетъ чрезвычайное изобиліи гнѣздъ Китайскихъ ласточекъ (салангановъ), устилающихъ крутые и изгибистые утесы сѣвернаго берега.

По дорогѣ, мѣстами, расположены Мадюреская селенія; каждое жилище обнесено заборомъ изъ плетенаго тростнику и походитъ на небольшой островъ.

Въ три часа, не болѣе, коляски прибыли въ Банкалангъ, ко дворцу султана, который принялъ иностранцевъ ласково и съ достоинствомъ; при немъ находился Голландскій резидентъ, служившій переводчикомъ командиру *Фавориты*. Дворецъ Султана занимаетъ цѣлую сторону самой обширной площади въ Банкалангѣ. Онъ имѣетъ выходъ на обширный дворъ, на которомъ выстроены казармы для Мадюрейской гвардіи, и по серединѣ котораго находятся два прекрасныя дерева, живыя доказательства древности титла нынѣшняго властителя; они посажены рукою его предка съ большою церемоніею, въ тотъ самый день, когда его наименовали *бангъ-гора́момъ*. На оконечности двора, находится дворецъ, пріятное на видъ, щегольское зданіе, украшенное небольшими колоннами, за которыми расположена главная часть дома, составляющая обширную прямоугольную галлерею, со всѣхъ сторонъ открытую. Этотъ огромный кіоскъ раздѣленъ на четыре прямыя части, двумя другими рядами колоннъ. Двѣ изъ этихъ залъ болѣе похожи на магазины, нежели на комнаты; такъ онѣ загромождены канделябрами, люстрами, часами и другими дрогоцѣнностями; двѣ другія служатъ столовыми залами. Вокругъ зданія, довольно страннаго архитектурою, было множество принадлежностей; зала для купанья, кухни, комнаты для женщинъ или прислуги, наконецъ зала съ музыкальными инструментами. Тамъ мы замѣтили инструменты однострунные, довольно похожіе на нашу скрипку; они состоятъ изъ кишки, натянутой на половинѣ большаго кокосоваго орѣха, впадина котораго покрыта очень тонкою кожей. На немъ играютъ смычкомъ съ слабо натянутыми волосами; близъ этихъ инструментовъ находились другіе, издававшіе еще ужаснѣйшіе звуки. Такъ на пр. гонгъ или дженде́ръ, составленный изъ восьми металлическихъ неравныхъ бляхъ, которыя подъ искусною палочкою музыканта издавали звуки, соразмѣрные ихъ величинѣ; далѣе мы видѣли пустой деревянный ящикъ, въ которомъ висѣли одна возлѣ другой шесть мѣдныхъ вазъ различной величины. Музыкантъ, ударяя каждую изъ нихъ, извлекалъ звуки, подобные гулу отъ ударенія въ мѣдный тазъ. Тамъ были также, музыкальный инструментъ съ побрякушками, большой барабанъ, гумъ-гумы и тамъ-тамы разнаго рода, подражающіе въ совершенствѣ грохоту громовыхъ ударовъ (Рис. LVII. ф. 1).

Лишь только Французы пріѣхали, султанъ поспѣшилъ устроить для нихъ нѣсколько увеселительныхъ зрѣлищъ. Первое состояло изъ воинской пантомины, представленной красивыми мужчинами, богато одѣтыми и вооруженными пиками и *кинжалами*; они храбро приближались въ двѣ линіи; каждая состояла подъ предводительствомъ начальника. Красныя, золотомъ шитыя, повязки, бѣлый шарфъ, обвивавшій шею и упадавшій на обнаженныя плеча, разноцвѣтный запанъ, за поясомъ котораго находились нѣсколько кинжаловъ, все это придавало особенно красивый видъ представленію. Пантомина изображала воиновъ, идущихъ на встрѣчу непріятелю; движенія тѣла такъ естественно выражали намѣренія, что самые искусные актеры

могли бы у нихъ поучиться. За представленіемъ послѣдовалъ обѣдъ менѣе національный. Прислуга, столъ, вина, все было Европейское; большая часть гостей были въ Голландскихъ мундирахъ. Одинъ только султанъ былъ въ нарядѣ полу-Малайскомъ и полу-Батавскомъ. На немъ былъ камзолъ съ генеральскими эполетами, надѣтый сверхъ форменнаго жилета; грудь и шея были обнажены; вмѣсто панталонъ на немъ былъ запанъ, едва прекрывавшій его голыя и худыя ноги. Султанъ, мужчина лѣтъ 50; цвѣтъ лица его смуглый; носъ плоскій, огромный; ротъ вымараный бетелемъ; зубы черные, испорченные; лобъ маленькой и выпуклой; скулы рѣзко выдающіяся; глаза маленькіе; желтые: но въ замѣнъ этихъ недостатковъ, онъ имѣлъ въ лицѣ нѣчто умное, веселое, даже привлекательное.

Властитель былъ въ особенности обходителенъ съ Французами. Онъ, казалось, придумывалъ всѣ возможныя средства, чтобъ ихъ занять, стараясь однако же не пропустить ничего, чтобы могло дать имъ выгодное понятіе о его величіи и великолѣпіи. Послѣ обѣда началась безконечная и звонкая музыка и раздался несогласный, пронзительный хоръ женщинъ. Хористки, по большей части старыя и некрасивыя, были изъ числа обитательницъ гарема сладострастнаго султана. За концертомъ слѣдовали игры. Всѣ сѣли вокругъ стола и начали играть въ *Vingt-et-un*. Голландскіе агенты и Китайскіе колекторы оказались мастерами въ этой игрѣ. Наконецъ пышный ужинъ заключилъ празднества этого дня.

Слѣдующій день былъ также пріятно проведенъ. Съ восходомъ солнца, иностранцы пошли на небольшой пригорокъ, на вершинѣ котораго были гробницы владыкъ Банколанга, родъ ограды, гдѣ находились нѣсколько навѣсовъ, а подъ ними саркофаги. По виду этихъ памятниковъ, легко можно было угадать время ихъ основанія: такъ велика была разница между ними; одни отличались архитектурою, другіе матеріялами. Самые древніе были изъ кирпича, другіе, новѣйшіе, изъ грубо выработаннаго камня, другіе изъ бѣлаго мрамора или жилистаго гранита. Подъ однимъ изъ этихъ навѣсовъ находились гробницы древнихъ султановъ Мадюре, окруженныя множествомъ другихъ, отъ которыхъ онѣ отличались вышиною; почти всѣ имѣютъ форму четырехсторонной усѣченной пирамиды; тѣ, которыя ниже, суть гробницы женъ и родственниковъ покойнаго султана

Послѣ полудня, празднества усилились. Поощренный нѣсколькими подарками, довольно дрогоцѣнными, султанъ старался превзойти самаго себя. Велѣвъ заложить великолѣпный ландо, шестью лошадьми, въ Европейской збруѣ, онъ хотѣлъ торжественно прокататься съ офицерами *Фавориты*. Экипажи выѣхали со двора при звукахъ разногласной музыки и дорогой встрѣчались съ толпою мужчинъ, дѣтей и женщинъ, съ распростертыми руками, въ почтеніи падавшихъ на колѣна (Рис. LVIII. ф. 3.); далѣе стояли Мадюрескіе полки, вновь сформированные; старый султанъ смотрѣлъ на нихъ съ удовольствіемъ.

Мадюрейцы не только набожные мусульмане, но фанатики; ежегодно миссіонеры, прибывающіе изъ Аравіи, возбуждаютъ усердіе этихъ поклонниковъ исламисма. Отъ различія ли характера самыхъ племенъ, или отъ образа богослуженія, они гораздо неустрашимѣе Явайцевъ, которые боятся и избѣгаютъ ихъ. Они худощавы и рѣдко высокаго росту; члены ихъ тощи, носъ плоскій, широкій, волосы жесткіе и курчавые, глаза черные, но не ясные, ротъ всегда вымаранъ бетелемъ, а зубы выкрашены чѣмъ то чернымъ. Они одѣты почти также, какъ и Явайцы; нарядъ ихъ состоитъ изъ пестраго запана, камзола съ рукавами, довольно широкаго турбана; каждый носитъ при бедрѣ кинжалъ. Они ходятъ босые. Мадюреецъ впрочемъ трезвъ, праводушенъ, неустрашимъ, вѣренъ своему слову; онъ набоженъ, постояненъ, любитъ пышность и вѣритъ въ преданія. (рис. LVII., ф. 2).

Ввечеру, офицеры *Фавориты* были приглашены на праздникъ къ сыну султана. Тамъ не было придворнаго этикета, и Мадюрескіе сановники явились въ простой одеждѣ. Жилище наслѣдника престола выстроено по Европейски; галлереи съ колоннами, большія открытыя комнаты, дворъ, окруженный строеніями для женщинъ, музыка такая же адская, какъ и у султана, хористки, такія же дурныя и такія же крикуньи. За ужиномъ всѣ были веселы, провозглашали нѣсколько тостовъ, которые разгорячили головы собесѣдниковъ, и когда встали изъ-за стола, офицеры корветы и Мадюрескіе начальники пустились танцовать съ баядерками гарема, которымъ поручено было увеселять гостей.

Вскорѣ явились танцоры въ Европейскихъ мундирахъ; молодые офицеры присоединились къ женщинамъ, и танцуя, составляли очень красивыя группы, держа въ рукахъ длинный шарфъ. Увлеченый ихъ примѣромъ и немного разгоряченный виномъ, добрый султанъ самъ началъ съ ними танцовать. Смѣшно было видѣть, когда этотъ маленькій старичекъ, некрасивый, худой, сгорбленный, съ цвѣтнымъ платкомъ на головѣ, безъ галстука и жилета, въ желтомъ запанѣ и кушакѣ, съ любовію обнималъ двухъ изъ своихъ одалыкъ, покачивая съ ловкостью тѣломъ и головою; когда онъ принималъ рукоплесканія зрителей, сердился, если они утихали, и билъ своею рукою тѣхъ, кто не довольно усердно восхищался. Лишь только султанъ присоединился къ танцамъ, восторгъ сдѣлался общимъ. Всѣ танцовали, Мадюрейцы, Голландцы, даже Китайскіе сборщики, которые съ комическимъ отвращеніемъ поддавались заманчивымъ зазывамъ разгоряченныхъ весельемъ и пляскою танцорокъ.

Наконецъ праздникъ кончился великолѣпнымъ театральнымъ представленіемъ; то было дѣтство искусства; зрителей тѣшили Китайскими тѣнями на натянутомъ полотнѣ. На другой день офицеры *Фавориты* возвратились на корветъ, гдѣ имѣли честь въ свою очередь угостить Мадюрескаго монарха.

Фаворита, передъ тѣмъ, чтобъ вступить въ предназначенный ей для кругсвѣтнаго плаванія путь, останавливалась у многихъ мѣстъ этого берега. Она бросала якорь въ Пасаруангѣ, главномъ мѣстѣ резиденціи того же имени, находящемся въ открытомъ заливѣ на берегу Гумпангъ, маленькой рѣчки, по которой могутъ ходить однѣ только лодки. Пасаруангъ торгуетъ рисомъ, солью и Европейскими овощами, растущими на сосѣднихъ высотахъ. Потомъ *Фаворита* заходила въ Безуки въ 14 лигахъ отъ Пасаруанга, мѣсто, лежащее также при устьѣ небольшаго потока Безуки, маленькой городокъ съ красивыми жилищами, между коими примѣчательны домы резидента Голландскаго, и туземнаго начальника. Населенная 400,000 жителей, Безуки есть самая большая резиденція острова Явы; однако однѣ только прибрежныя части обитаемы; нагорная часть служитъ убѣжищемъ чернымъ медвѣдямъ, кабанамъ и тиграмъ. Берега усѣяны красивыми селеніями; главный предметъ производительности состоитъ изъ плантацій кофе и рису.

Въ мѣстечкѣ Панарукапъ въ нѣсколькихъ лигахъ къ югу отъ Безуки, находятся самые значительные посѣвы. Мѣстоположеніе прелестное; къ Безуки ведетъ красивая аллея, окруженная деревянными домами, покрытыми соломою. Офицеры *Фавориты* посѣтили другое мѣстечко Бадиканъ, находящееся во внутренности въ 10 миляхъ отъ Безуки и въ направленіи къ горамъ. Здѣсь много тигровъ. Въ части болѣе дикой находятся красивыя четвероногія; въ числѣ ихъ замѣчательны быки, которыхъ разводятъ стадами. Тамъ воспитываютъ дикихъ воловъ для цирка; одинъ изъ старшинъ Бодиканскихъ устроилъ для Французовъ такого роду представленіе.

Изъ Безуки, *Фаворита* направилась въ Суманапу, второе султанство въ Мадюре, лежащее на восточной оконечности острова. Заливъ Суманапа труденъ для доступа, по причинѣ подводныхъ камней. Близъ берега Мадюре такая тина, что корветъ долженъ былъ остановиться на мѣстѣ глубиною въ 4 брасса, почти въ двухъ миляхъ отъ предмѣстья.

Султанъ Суманапы встрѣтилъ Французскаго начальника не такъ радушно, какъ султанъ Банколанга, но не менѣе гостепріимно. Дворецъ этого властителя ничѣмъ не отличается отъ дворца сосѣда его; но музыка его Европейская, а не Мадюрейская. Этотъ султанъ избранъ Голландцами, которымъ его храбрость была часто полезна. Во время послѣдней войны онъ привелъ изъ Явы самыхъ отважныхъ союзниковъ. Онъ высокъ, тученъ, силенъ и смѣлъ; выраженіе его лица важное, но непріятное; глаза черные, живые; вообще онъ наружностію походитъ на Азіятскаго начальника. Суманапа, мѣстечко весьма незначущее, состоитъ изъ одного ряда каменныхъ и деревянныхъ домовъ, одна сторона которыхъ обращена къ морю, а другая въ сады. Во внутренности острова почва довольно неблагодарна; она только послѣ большихъ усилій, производитъ рисъ, маисъ и сахарный тростникъ. Суманапа можетъ быть скорѣе почтена военнымъ пунктомъ, нежели мѣстомъ доходнымъ и производительнымъ. Голландцы въ особенности поручили султану, начальствовавшему этимъ округомъ, наблюдать за безопастностью сосѣднихъ водъ и постоянно и дѣятельно истреблять прои морскихъ разбойниковъ, безпокоившихъ округи Бали и Ломбоки. Иногда пираты собирались значительными флотиліями, и вмѣсто того, чтобъ ожидать нападенія, смѣло приближались къ

острову и выходили на берегъ. Для защиты отъ подобныхъ покушеній, въ Суманапѣ выстроенно укрѣпленіе, несчастное произведеніе военной архитектуры; валы, прикрытые дерномъ, едва вмѣщаютъ 6 пушекъ 8 ф. калибра и 100 человѣкъ гарнизона.

Пребываніе въ Суманапѣ не было лишено увеселеній и празднествъ; офицеровъ угощали парадами Мадюрескаго войска, большими пирами, на которыхъ султанъ выказывалъ неимовѣрное щегольство въ серебрѣ и хрусталѣ, баломъ съ разительными противуположностями, гдѣ Европейскіе наряды креолокъ смѣшивались съ одеждою Малайскою, сіяющею дрогоцѣнными камнями, и съ одеждою Мадюреской, еще болѣе легкою и почти дикою. Султанъ принималъ гостей съ ловкостью и вмѣстѣ съ достоинствомъ.

Изъ Суманапа, *Фоварита* направилась къ проливу Бали, миновавъ мысъ Сандана, мѣсто, извѣстное всѣмъ мореплавателямъ, посѣщавшимъ эти воды. Вскорѣ показался передъ корветомъ проливъ, ознаменованный несчастіемъ многихъ судовъ, мѣсто, обращенное сосѣдними островитянами въ вертепъ убійствъ и грабежа. Бали, есть одинъ изъ тысячи притоновъ разбойничихъ прой, разорлющихъ Малайскія моря. Каждая бухта скрываетъ обманъ; при каждомъ мысѣ подвергаешься опасности.

Сказываютъ, что Бали населена колоніею островитянъ Сулу, дурнымъ обхожденіемъ ихъ начальства изгнанныхъ изъ отечества. Они укрылись на этомъ островѣ и основали Бали-балунъ, резиденцію одного изъ трехъ султановъ, раздѣлившихъ между собою островъ. Въ Бали-балу, лежащій при небольшомъ заливцѣ, едва найдешь нѣсколько хижинъ, населенныхъ полудиками. Они всѣ почти морскіе разбойники; весьма немногіе занимаются земледѣліемъ. Они ежегодно отправляютъ въ Синкапуръ хлопчатую бумагу, кокосовые орѣхи, и множество прекрасныхъ плодовъ, растущихъ въ лѣсахъ. Въ замѣнъ получаютъ разные Китайскіе товары, простыя матеріи, желѣзныя вещи и другія Европейскія издѣлья. Быки здѣшніе колоссальны и весьма красивы; эта порода отличается бѣлымъ пятномъ на крупѣ и ляшкахъ. Эти сильныя животныя дорого цѣнятся для обработыванія земли, но мясо ихъ не вкусно. Жители Бали состоятъ изъ людей одичалаго, лютаго, но сильнаго племени; они какъ рабы заняты ручною работой. Ужасные предразсудки тяготѣютъ надъ страною, гдѣ самыя фанатическія жестокости Индійцевъ властвуютъ еще во всей своей силѣ. По видимому, здѣсь первоначальное богослуженіе Явы сохранилось со всею точностію. Религія была прежде Будійская, но 300 или 400 лѣтъ тому назадъ Браминская взяла верхъ. Нравы священниковъ Бали тѣ же; постоянность ихъ та же, какъ и у священниковъ Индійскихъ; они ведутъ ту же таинственную жизнь, состоящую изъ созерцанія и моленія. (Рис. LIX. ф. 1.)

Последнее мѣсто, гдѣ останавливалась *Фаворита* на Явайскомъ берегу, было Баніуванги, юго-восточный округъ острова. Мѣсто это, нѣкогда заброшенное и опустошенное, нынѣ засажено кофейными плантаціями. Баніу-ванги состояло прежде изъ скопища скудныхъ жилищъ, выстроенныхъ около укрѣпленія, защищавшаго берегъ. Тигры разоряли окрестности, а сосѣдніе кратеры заливали берега лавою. Не смотря на то, среди этихъ ужасныхъ пустынь правительство вздумало развести плодоносныя и приботычныя плантаціи. Надо было расчистить лѣса, учредить сообщенія среди земли почти непроходимой. Для этой страшной работы назначили туземцевъ, сосланныхъ за убійства и грабежи. Спачала несчастные принимались за дѣло съ отвращеніемъ, соглашаясь скорѣе умереть съ голоду въ лѣсахъ, нежели влачить въ томительномъ трудѣ бѣдственное свое существованіе. Тогда увидѣли, что предпріятіе могло окончиться побѣгомъ людей, и заведеніе колоніи сдѣлалось бы невозможно; приняли предосторожности. Осужденнымъ позволили, вызвавъ свои семейства, завестись хозяйствомъ. Средство это было также удачно въ Баніу-ванги, какъ и вездѣ. Плантаціи распространились, селенія основались, у тигровъ отняли земли, и выстроили жилища на внутреннихъ равнинахъ. Домъ резидента находится недалеко отъ берега; онъ красивъ, съ колоннами, и окруженъ жилищами туземцевъ. (Рис. LIX. ф. 2.) Длинная аллея, обсаженная кокосовыми деревьями, ведетъ въ селеніе и къ заливу. По лѣвую сторону находится крѣпость обнесенная глубокимъ рвомъ, а изъ амбразуръ вала, покрытаго дерномъ, видны десять орудій. Каменные магазины, казармы и пороховой заводъ довершаютъ оборонительную систему мѣста. Постоянный гарнизонъ состоитъ изъ 50 человѣкъ. Во внутренности находятся огромныя рощи

кофе, какъ бы заглушенныя высокими дѣвственными лѣсами. Поселенцы окружены огромными тиграми и живутъ съ ними безопасно; нѣкоторые ходятъ иногда даже около домовъ, что вовсе не пугаетъ женщинъ и дѣтей. Доставъ что нибудь поѣсть, страшные сосѣди возвращаются спокойно въ свои лѣса, гдѣ гоняютъ ланей и оленей. Однако тигры не всегда такъ ласковы: случается, что лошади, собаки и быки исчезаютъ; когда подобныя похищенія становятся часты, устраиваютъ норы, выкапываютъ ямы, становятъ капканы, прикрывая ихъ листьями, и тигры попадаютъ въ руки непріятелей.

Единорогій носорогъ, извѣстный натуралистамъ подъ названіемъ носорога съ Явы, часто встрѣчается въ этихъ лѣсахъ, наиболѣе въ мѣстахъ болотистыхъ. Рѣдко случается, чтобъ животное это нападало на человѣка. Одаренный неимовѣрною силою, носорогъ употребляетъ ее только для защиты, когда его стараются удержать. Дювосель, лучше всѣхъ описавшій этого звѣря, говорить, что изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ породъ эта меньше другихъ ростомъ. Рогъ животнаго, растущій съ лѣтами, кажется полирується и округляется отъ тренія. Кожа его сморщена подъ шеей, подъ ляшками, за плечами и на лядвеяхъ. Складка за плечами обхватываетъ все тѣло, а складки на лядвеяхъ опоясываютъ всю толщину ихъ. Другія складки незамѣтнымъ образомъ оканчиваются, не доходя до конца тѣла, куда они стрѣмятся; но самое примѣчательное отличіе кожи носорога состоитъ въ образованныхъ на ней наростахъ, почти всегда пятистороннихъ. Она, какъ бы покрыта чешуею, хотя эти наросты, суть только возвышенія накожной оболочки, оставляющія слѣдъ свой на верхнемъ слоѣ кожи. Шерсть, прикрывающая тѣло носорога, выростаетъ только въ углубленіяхъ, находящихся среди наростовъ; она чернаго цвѣта, въ двухъ только мѣстахъ густая, на краяхъ ушей и сверху и снизу хвоста. Носорогъ Явы, какъ всѣ однородныя съ нимъ животныя, питается травою, кореньями и молодыми отростками деревьевъ. Онъ предпочитаетъ мѣста сырыя, тѣнистыя и валяется съ наслажденіемъ въ грязи болотъ. (Рис. LX. ф. 1.).

Простоявъ нѣсколько дней въ Баніу-ванги, *Фаворита* оставила заливъ и направилась къ Гобартъ-тоуну. Она такимъ образомъ обошла, заливъ за заливомъ, мѣсто за мѣстомъ, почти весь восточный берегъ Явы, рѣдко посѣщаемый и малоизвѣстный.

Кангуроо, стоялъ тогда также недалеко отъ берега. Онъ оставилъ рейдъ Сурабайскій и вступилъ 30 Октября въ проливъ Бали, чтобъ пройти оттуда въ большія южныя моря.—Но прежде нежели разстанемся съ Явайскими владѣніями, предметомъ трудныхъ изысканій, почитаемъ не безполезнымъ вкратцѣ разсказать все, что исторіею, географіею и археологіею пріобрѣтено объ этомъ островѣ любопытнаго, новаго, и правдоподобнаго.

ГЛАВА XXVIII.

Ява. — Внутреннія резиденціи.

Резиденція Батавія, есть самая значительная во всей колоніи; не смотря на то, она одна изъ менѣе пространныхъ. Въ 1818 году, во время введенія Голландцевъ въ потерянныя ими владѣнія, она простиралась къ з. до рѣки Тжикандн, образующей въ 13 лигахъ отъ столицы границы провинціи Бантамской къ в. до рѣки Тжи-жирумъ, которая отдѣляла ее отъ резиденціи Кравангъ, находящейся въ разстояніи тоже около 13 лигъ; наконецъ къ ю. до границъ резиденціи Буйтензоргской. Считая такимъ образомъ, поверхность ее состояла изъ 180 квад. миль; жителей считалось до 180,000 чел. Съ тѣхъ поръ, въ 1826 году, соединили резиденціи Буйтензоргъ и Кравангъ съ Батавіей, что почти вдвое увеличило обширность послѣдней. Буйтензоргъ, одинъ изъ самыхъ изобильныхъ и болѣе населенныхъ округовъ острова; онъ заключаетъ 12 кантоновъ, изъ коихъ прежде было образовано нѣсколько регентствъ. Округъ Кравангъ, граничитъ на с. съ моремъ, на з. съ округомъ Шерибонъ, на ю. Преанжеромъ. Прекрасныя плантаціи сахарнаго тростника и пильныя мельницы свидѣтельствуютъ о земледѣльческой и мануфактурной промышлености этой резиденціи

Намъ извѣстно уже, что была резиденція Бантамская съ ея 983 дессами или селеніями. Доходы этого владѣнія возвышаются почти до 200,000 флориновъ. Тамъ фабрикуютъ простыя гингамы, глиняную посуду, тростниковыя и бамбуковыя цыновки, также родъ мелкой извести, употребляемой для смазки

стѣнъ Европейскихъ домовъ и *для* приправы бетеля.

Возлѣ резиденціи Бантамской находится резиденція Преанжерская, самая обширная, богатая и примѣчательная. Изъ Батавіи въ Преанжеры четыре буйвола съ трудомъ могутъ тащить коляску по крутымъ скатамъ. Съ возвышенныхъ мѣстъ дороги, видны по правую сторону гора Геде, и понынѣ извергающая изъ вершины столбъ дыма, по лѣвую тянется длиная волнистая цѣпь, простирающаяся за горизонтъ. Тамъ находятся Преанжеры, провинція, по статистической картѣ сира Стамфорда Рафля, занимающая двѣ девятыя части всей поверхности Явы, или 10,000 квадратныхъ Англійскихъ миль.

Резиденція Преанжеры раздѣлена на 4 округа или регенства, Сумадангъ, Бандонгъ, Тжанжоръ и Лимбадангъ. Нынѣшніе регенты или туземные начальники, суть еще наслѣдники, и прямые потомки найденыхъ тамъ въ началѣ XVII вѣка Голландскою компаніею, также нисходившихъ въ прямой линіи отъ короля Панджажорама, владѣвшаго восточною частью острова Явы, до возмущеній, возникшихъ при распространеніи Магометанской вѣры.

Тжаржоръ большое предмѣстье въ 6 лигахъ отъ Буйтензорга, есть резиденція Преанжерская, и самый красивый изъ собственно Явайскихъ городовъ. Тамъ вмѣсто улицъ тянутся широкія аллеи, выравненныя по шнурку, обсаженныя палисадникомъ изъ грабины или окруженныя бамбуковыми изгородами; изъ-за этихъ оградъ видны фруктовыя деревья, кустарники благовонныхъ цвѣтовъ, которые какъ зонтикъ разстилаясь надъ низкими жилищами, прикрываютъ ихъ отъ солнечнаго зноя. Боковые переулки чисты, тѣнисты и правильны. Домы сами по себѣ не имѣютъ разительной красоты, но во всѣхъ видѣнъ порядокъ, симметрія и удобство. Среди города находится прекрасный базаръ, на который не допускаютъ Китайцевъ. До 1825 года Тжанжоръ было предмѣстье, не весьма значущее, но сосѣдство Буйтензорга и попеченія барона Фанъ-дер-Капеллена, образовали изъ него красивый промышленый городокъ, снабжающій работниками всю провинцію. Другія столицы резиденціи Бандонгской и Сумадангской, ни мало не уступаютъ Тжанжору, ни мѣстоположеніемъ, ни народонаселеніемъ. Послѣдній регентъ Сумаданги, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, носилъ титло Панджерама; дворецъ его или *даламъ* отличался необыкновеннымъ великолѣпіемъ; властитель принималъ Европейцевъ дѣйствительно по царски. Въ южной части округа Бондага находится Гунонгъ-гунгуръ, ужасная огнедышащая гора, о недавнихъ изверженіяхъ которой остаются живыя и бѣдственныя воспоминанія.

На владѣніи Преанжерскомъ, по колоніяльнымъ законамъ, и нынѣ еще лежитъ монополія, тягостная для поселенцевъ. Тогда какъ всѣ прочія резиденціи свободно занимались земледѣліемъ, избирая мѣста для сбыта своихъ товаровъ, частный законъ лишалъ Преанжеры общаго права и образовалъ изъ него родъ откупнаго мѣста подъ покровительствомъ генералъ-губернатора и его агентовъ. Собираемый въ Преанжерѣ кофе не позволено продавать прямо купечеству, но должно прежде передать его коммиссіонерамъ за 9 флориновъ, 12 копѣекъ никль, какова бы впрочемъ ни была пошлина на товаръ, и недостатокъ или изобиліе его на рынкѣ. Эта цѣна, установленная между производителемъ и правительствомъ, единственнымъ покупателемъ, цѣна невыгодная, но доставляющая Голландскому начальству всегда отъ 30 до 40 на 100. И такъ 100,000 никлей, собираемые въ Преанжерѣ, не могутъ быть проданы свободно купечеству; ихъ забираютъ въ складочныя мѣста правительства.

Всѣ усилія для защищенія этого уничтоженія общаго права, были не только дѣяніями несправедливыми, но еще не политическими, разорительными и для обиженныхъ, и *для* тѣхъ, кто находилъ въ немъ пользу. Если плодовитость земли Преанжерской доведетъ жителей до цвѣтущаго состоянія, не смотря на препятствія монополіи, то нужно будетъ еще болѣе сожалѣть, что столь дѣятельныя начальныя основанія при ихъ развитіи такъ подавлены; нужно забыть настоящее положеніе страны и только подумать, чтобы она могла быть при другой системѣ управленія.

Резиденція Шерибонъ, находится къ с. отъ Преанжеры; она раздѣлена на пять регентствъ или округовъ: Шерибонъ, Маджа, Гало, Бенгаванъ-ветанъ и Кунинганъ, къ коимъ были присоединены округи Индромаіо и Кандангъ-увіе. Въ этихъ низменныхъ мѣстахъ собирается рисъ, кофе и аренговый сахаръ. Тамъ находятся также обшир-

ные тековые лѣса. Почти во всѣхъ округахъ, поземельная областная система нынѣ усилилась. Шерибонъ не вмѣшивался въ туземную борьбу, столь долго изнурявшую внутренія части Явы. Въ этой провинціи считають 658 дессасовъ или селеній, въ округахъ, принадлежащихъ правительству. Поземельная подать съ рисовыхъ полей принесла, въ 1822 году, 302,144 флориновъ доходу; столица провинціи Шерибонъ или по Малайски Тжи-рибунъ, по имени рѣки въ ней протекающей, прежде была значительнѣе. Тамъ находится древняя крѣпость, вовсе незначущая, а въ окрестностяхъ гробница знаменитаго шаха Муланы, который былъ первымъ Магометанскимъ учителемъ на островѣ Явѣ. Нѣсколько Европейскихъ семействъ, Китайскихъ и Арабскихъ негоціантовъ, составляютъ вольную часть народонаселенія Шерибонскаго; остальные всѣ Малайцы. На границахъ этой провинціи разстилается обширный лѣсъ Даіу-лугуръ; длину его опредѣляютъ не менѣе 50 Англійс. миль. Лѣса тамъ не цѣльные, но раздѣлены группами, между коими степи безъ растеній. Лѣсъ расположенъ перемежающимися купами, между которыми находятся невоздѣланныя и вовсе не производящія лысины; лѣсистыя мѣста состоятъ изъ деревьевъ, которыя такъ сплетаютъ листья и сучья, что образуютъ родъ куполовъ, или навѣсовъ, до того непроницаемыхъ, что подъ этими сводами, даже среди дня, нужно ходить съ зажеными факлами.

Слѣдующая засимъ резиденція, есть Тагалъ, раздѣленная на три регентства: Тагалъ, Бребъ и Пamалангъ; она изобилуетъ рисомъ, кофе, табакомъ и каджангомъ. Жители занимаютъ 1141 селеніе. Тогалъ, маленькій городокъ, съ крѣпостью, ведетъ со внутренними городами значительную торговлю, почти нераздѣльно находящуюся въ рукахъ Китайцевъ. Климатъ тамъ не совсѣмъ здоровый.

Резиденція Пекалонгангъ, раздѣленная на два регентства: Пекалонгангъ и Батангъ, съ резидентомъ въ Карангъ-кобарѣ, считаетъ 1,656 деревень, хорошо населенныхъ и изобилующихъ рисомъ, кофе, табакомъ, масломъ, индиго и скотомъ. Небольшое предмѣстье, одного имени съ резиденціею, служитъ ей главнымъ мѣстомъ; оно занято купцами Китайскими и туземными, которые посредствомъ береговаго плаванія ведутъ торговлю съ Батавіей.

Резиденція Самарангъ раздѣлена на три регентства: Самарангъ, Кендаль и Дамакъ; она значительнѣе предшествовавшей. Въ ней находятся 1951 селеніе. Городъ Самарангъ, будучи главнымъ мѣстомъ провинціи, выстроенъ по Европейски, при рѣкѣ, образующей грязную топь при устьѣ.

Въ городѣ вмѣстѣ съ Китайскими или Азіятскими кварталами, считается до 38,000 жителей. Тамъ гораздо жарче, нежели въ столицѣ. Термометръ, никогда почти не опускается ниже 80 градусовъ Фаренг., даже ночью. Климатъ въ Самарангѣ очень вреденъ для здоровья.—По мнѣнію одного изъ новѣйшихъ географовъ, хотя и сомнительному, этотъ городъ былъ колыбелью Азіятской холеры.

Изъ Самаранга, лежащаго на сѣверномъ берегу острова, спускаясь къ югу въ округи, слѣдующіе за Преанжерами, подъѣзжаешь къ классической части Явы, гдѣ сохраняются тайны первоначальнаго состоянія страны. Тамъ находятся храмы, остатки коихъ ни сколько не уступаютъ въ великолѣпіи ни одному существующему на Индійскомъ материкѣ. Буддизмъ произвелъ чудеса архитектуры, прежде нежели Магометанская пропаганда вовсе не уничтожила этого поклоненія, въ странѣ, которая принадлежала ему нераздѣльно. Тамъ были храмы Боро-боды, Брамбананы, дворцы Куласаны; тысячи нишей въ стѣнахъ съ статуями Будды спокойными, согбенными, объ этихъ монументальныхъ преданіяхъ, мы будемъ говорить подробнѣе; тамъ находятся тѣ три регенства, въ коихъ отважный Явaецъ Дипо Нигоро велъ такъ долго портизанскую войну, которая напугала верховную власть Голландцевъ, войну, слѣды коей и понынѣ еще ясно видны въ резиденціяхъ Каду, Суракантѣ и Джокжокарта.

Резиденція Каду, раздѣленная на два регентства: Магеланъ и Минореть, заключаетъ не менѣе 4,205 селеній, платящихъ ежегодно около 600,000 флориновъ подати. Главное мѣсто резиденціи, Магеланъ, есть красивое предмѣстье, окруженное пахатными землями. Рисъ, кофе, масло и табакъ здѣсь въ большомъ изобиліи; на кормныхъ паствахъ бродятъ вмѣстѣ съ прекраснымъ скотомъ самыя лучшія лошади всего острова. На границахъ резиденціи Каду, но уже во владѣніяхъ сул-

тана Джакжокарскаго, находятся развалины знаменитаго храма Боро-бодо.

Резиденціи Джакжокарта и Суракарта, состоятъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Явайскихъ князей, потомковъ императоровъ Матарамы, которые были столь могущественны въ концѣ XV вѣка. Послѣ войны 1755 года Голландская компанія раздѣлила между двухъ князей это великолѣпное владѣніе. По какому то искусному расчету, каждому назначили довольно значительныя собственности съ титломъ панджерана. Наслѣдники этихъ князей, осажденные Голландцами, не обманули довѣренности владѣтелей острова. Въ послѣднихъ возмущеніяхъ Дипо-Негоро, они сильно возстали противъ бунтующихъ. По статистическимъ исчисленіямъ Рафля, площадь обѣихъ владѣній вмѣстѣ составляетъ около 11,300 квад. Англ. миль, а народонаселеніе доходитъ до 1,656,934 душъ, изъ коихъ 973,727 подданые императора Суракарты, а 685,207 повинуются султану Джакжокартскому. И такъ, по видимому, страна эта самая населенная изъ всѣхъ Явайскихъ владѣній. Красивыя и плодородныя равнины, обширные и древніе города, археологическія драгоцѣнности, собственный характеръ жителей этихъ резиденцій, все достойно быть предметомъ изслѣдованій, важныхъ, специяльныхъ. Столица Суракарта, есть городъ довольно хорошо обстроенный, во вкусѣ Явайскихъ архитекторовъ. Дворецъ или *кратанъ* султана очень великъ; его составляетъ множество строеній; каждое имѣетъ особенное назначеніе. Въ Суракартѣ есть также Европейскій кварталъ, защищенный крѣпостью, гдѣ постоянно находится Голландское войско. Городъ этотъ, или лучше сказать, соединеніе множества селеній, на одной и той же лощинѣ, содержитъ, какъ говорятъ, 100,000 душъ. Народонаселеніе Джакжарты, по мнѣнію Г. Гамильтона, простирается также до 100,000 душъ. Она лежитъ въ трехъ лигахъ отъ океана, на ю. з. отъ Суракарты.

Развалины древнихъ зданій встрѣчаются по всей этой странѣ. Въ Брабананѣ, въ Кобандаламѣ, видны разрушенные храмы; далѣе *чанды* или храмы Джонгранъ и Сиву, въ округахъ Маддіонъ, Киртазанъ, Кетири и Шенгатъ; потомъ еще остатки древняго города Дара, о коемъ часто упоминается въ лѣтописяхъ Явайскихъ; храмъ въ лѣсу Сантальскомъ; жилища, изсѣченныя въ утесѣ Клотокскомъ, развалины Гидахскія, древности въ Пенатаранѣ, наконецъ красивыя и знаменитыя руины Сукунъ, и подошвы горы Лаву. Гора-Гунунгъ-діенгъ, лежащая на с. з. отъ горы Синдаръ, на границѣ резиденціи Пекалонгангъ, есть еще мѣстность, примѣчательная развалинами, находящимися въ окрестностяхъ его, на площадкѣ лежащей во 1000 футахъ надъ поверхностію моря. Тамъ, говорятъ, открыли остатки 400 храмовъ, которые по расположенію своему составляли прямоугольныя улицы. Четыреста храмовъ! примѣра подобной роскоши въ священныхъ зданіяхъ не представляетъ намъ понынѣ исторія какого бы то ни было народа. Не сстественнѣе ли предположить въ огромномъ скопищѣ этихъ разрушенныхъ зданій развалины цѣлаго города. Но чтобы то ни было, Гунунгъ-діенгъ, по древнимъ Явайскихъ преданіямъ, было пребываніе боговъ Арджуна, Бима и Гатукатша. Это олимпъ Малайскихъ миѳологовъ.

Оставляя мѣстопребываніе князей, первыхъ жителей земли, чтобъ вступить на непосредственныя владѣнія Голландскія, пріѣзжаешь въ резиденцію Жапара и Жоана, главное мѣсто коей названо первымъ изъ этихъ именъ. Жапара находится на оконечности полуострова и лежитъ внѣ дороги, идущей вдоль всего сѣв. берега Явы изъ Батавіи въ Сурабаю. Резиденція Жапара состоитъ изъ 947 селеній; она подраздѣляется на 4 регентства: Жапара, Куду, Патти и Жоанна. Вся страна покрыта прекрасными тековыми лѣсами. Жапара, лежащая на приморьѣ, почти противъ острова Манделика, есть мѣсто свиданія Малайскихъ морскихъ разбойниковъ и довольно значительный городъ. Здѣсь находится прекрасная пильная мельница.

Резиденція Рембангъ, прилежащая къ Жапарѣ, состоитъ изъ четырехъ регентствъ: Рембангъ, Тубанъ, Раджаквеси и Блора. На земляхъ ся находятся самые лучшіе тековые лѣса. Тамъ сперва было учреждено общее управленіе лѣсовъ. Въ этомъ вѣдомствѣ считаютъ до 1,200 селеній. Главное мѣсто резиденціи есть Рембангъ, имѣющій наилучшій рейдъ. Береговая навигація довольно значительна; нѣсколько корабельныхъ верфей были учреждены въ этой резиденціи, какъ и въ Рембангѣ, Тубанѣ и Бантгарѣ, гдѣ построено уже нѣсколько бриговъ, шхунъ и военныхъ кораблей, для колоніяльнаго флота; между прочими, фрегатъ *Ява*, поступившій нынѣ въ королевскій флотъ.

Грисе, составлявшій сперва изъ 1318 селеній частную резиденцію, образуетъ нынѣ часть Сурабаи. Грисе есть красивый и здоровый городъ; въ немъ обитаютъ, обыкновенно, оставившіе торговлю Европейцы, удаленные отъ столицы слишкомъ сильною роскошью. Съѣстные припасы здѣсь дешевы и квартиры удобны.

Сурабая, главный городъ Сурабайской резиденціи, заключаетъ 5 регентствъ: Сурабая, Джапанъ, Грисе, Сидаіо и Ламонгангъ. Смежная съ нею резиденція Пасаруангъ, также раздѣленная на три регентства, Пасаруангъ, Бангиль, Малангъ, имѣетъ 1688 селеній. Въ Гратѣ, одномъ изъ этихъ округовъ, находится достопримѣчательное озеро, именуемое Рану-Клиндонганъ. Если вѣрить словамъ туземцевъ, крокодилы, находящіеся въ этомъ озерѣ, живутъ въ совершенномъ согласіи съ людьми, обитающими въ сосѣдствѣ, и нападаютъ на однихъ только чужеземцевъ. Явайцы, кидая въ воду достаточное количество съѣстныхъ припасовъ, казалось, сдѣлали этихъ ужасныхъ амфибій совершенно ручными. Хогендорпъ говоритъ, что онѣ доставляютъ Европейцамъ, посѣщающимъ озеро, весьма странное зрѣлище. Завтракъ, приготовленный для крокодиловъ, кладется на паромъ; 20 или 30 Явайцевъ спускаются въ воду, подвигая передъ собою плотъ съ добычею, жертвуемою владыкамъ озера, которые тотчасъ показываются на поверхности воды, хватаютъ и уносятъ назначенныя имъ дичь и мяса, не трогая людей.

Двѣ послѣднія резиденціи этого восточнаго берега суть: Безуки и Баніу-ванги; главные города ихъ уже описаны выше; въ первой считается 899 селеній; земли второй еще распахиваются.

Два главнѣйшіе острова, зависящіе отъ Явы, суть Мадюре и Бали; Мадюре принадлежатъ 1100 селеній и 200,000 жителей, раздѣленные по султанствамъ Банкалангъ и Суманапъ. Островъ Бали принадлежитъ Голландцамъ только по имени. Земля эта раздѣлена на восемь независимыхъ владѣній, устройство коихъ весьма мало извѣстно. Стамфордъ Рефль считаетъ здѣсь до 800,000 душъ, а Тернъ только 100,000. Островъ довольно гористъ; длина его до около 70 миль, а ширина около 35. Грунтъ земли постепенно возвышается отъ берегу до самой вершины горъ, находящихся во внутренности. У подошвы самой большой изъ нихъ лежитъ селеніе Карангъ-Асемъ, которое считаютъ въ той странѣ самымъ богатымъ; далѣе слѣдуетъ городъ Блилингъ.

Разность религіи всего болѣе отличаетъ Бали отъ Явы. Бали не приняла Магометанскаго вѣроисповѣданія. Въ цѣлой странѣ едва встрѣтишь сотню послѣдователей Магомета; жители большею частью брамисты и будисты. Вѣроисповѣданіе Индусовъ принято въ Бали со всѣми его кровавыми обрядами и многосложною категоріею. Тутъ встрѣчаются четыре разныя между собою касты: каста Брамовъ, каста Кеатріевъ, Вескіевъ и Судровъ. Жители острова Бали несравненно выше ростомъ, сильнѣе и крѣпче Явайцевъ; они также болѣе горды, дики и не такъ общежительны. Многоженство у нихъ въ большой силѣ. Желающій жениться на молодой дѣвушкѣ, платитъ отцу ея извѣстную сумму, которую можно считать какъ бы платою за покупку. Самая обыкновенная такса состоитъ изъ 300 піастровъ. Если женихъ не въ состояніи выплатить всей суммы, то онъ входитъ въ услуженіе къ тестю и продаетъ ему работу свою до полной уплаты долга. У жителей острова Бали есть собраніе гражданскихъ законовъ, называемое *дигамо*, и уголовныхъ, *агамо*; законы эти всегда читаются судьями. Воровство наказывается смертію: виновнаго закалываютъ кинжаломъ. За смертоубійство или измѣну подвергаются казни, подобной колесованію: члены несчастнаго раздробляютъ и рубятъ топоромъ. Имущества приговореннаго отдаются старшинамъ или судьямъ. Приговоры суда должны быть конфирмованы раджами.

Жилища на островѣ Бали нисколько не похожи на домы въ селеніяхъ Явайскихъ. Они, подобно жилищамъ Индійцевъ, выстроены изъ земли и обложены сырыми или обожженными кирпичами. Механическія искусства весьма мало извѣстны въ Бали. Но тамъ вырабатываютъ шерстяныя матеріи и оружія. Кинжалы пользуются нѣкоторою славою въ Малайскомъ архипелагѣ.

ГЛАВА XXIX.

Ява. — Общая географія. — Нравы, вѣроисповѣданіе. — Древности — Исторія.

Ява, если вѣрить этимологамъ, получилъ названіе свое отъ *(Ява-вутъ)*, *panicum itali-*

сит, которое составляло главную пищу туземцевъ, называющихъ также этотъ островъ Тапа.

Онъ лежитъ между 103° и 112° восто. долготы, и 5° 52' и 8° 46' юж. широты. Протяженіе его отъ мыса Явы до самой восточной оконечности заключаетъ 192 морс. лиги; а ширина между ю. з. оконечностью залива Паджитанъ и мыса Жапара до 66 лигъ; а между устьями рѣкъ Сераіу и Сурабая мѣняется отъ 16 до 19 лигъ. Островъ имѣетъ видъ прямоугольника; бока его такъ параллельны, что можно бы было раздѣливъ его на 5 или 6 частей, образовать столько же параллелограмовъ. Западные и сѣверные берега чрезвычайно извилистые, имѣютъ нѣсколько хорошихъ гаваней и весьма надежныхъ бухтъ.

Островъ очень узокъ; на всемъ протяженіи его только двѣ рѣки достойны быть здѣсь упомянутыми, Соло и Кидери; первая, протекая по центральной части Явы, впадаетъ въ Явайское море; а вторая, стекая съ вершинъ Святыхъ горъ, впадаетъ въ Сурабаѣ въ заливъ того же имени. Прочія рѣки едва заслуживаютъ быть названы; онѣ суть: Чиманокъ, Чи-тандони, величайшая изъ всѣхъ текущихъ на югъ, Чи-канджонганъ и Читорунгъ. Въ каждомъ округѣ есть своя главная рѣка, судоходная для однихъ только береговыхъ судовъ. На островѣ Явѣ нѣтъ тоже достопримѣчательныхъ озеръ. Вода образуетъ большія логовища въ дождливыя времена года; но эти лужи, называемыя равасъ, тотчасъ высыхаютъ при перемѣнѣ мусона и открываютъ поля, которыя обработываютъ. Самая пространная изъ этихъ равасъ, есть Бюйтензе (внутреннее море). Въ провинціи Багаланъ на ю. острова есть небольшое, но богатое рыбою, озеро.

Почва единообразно неровная. Весь сѣверный берегъ унизанъ маленькими островками, образуемыми землею, наносимою рѣками: это страна плоская, песчаная и тинистая. Южный берегъ, напротивъ того, гористъ и покрытъ базальтовыми утесами. Такимъ образомъ весь островъ съ ю. къ с. представляетъ видъ амфитеатра, исключая нѣкоторыхъ провинцій, которыя пересѣкаются цѣпями небольшихъ горъ, тянущимися по внутренней части острова. Первобытный грунтъ земли кажется волканическій. По крутизнамъ огнедышущихъ горъ, оканчивающихся острыми шпицами, прорѣзываются глубокіе овраги и трещины, по которымъ въ дождливое время вода стремится быстрыми потоками. Мѣстами небольшія цѣпи пригорковъ выставляютъ въ воздухъ базальтовые утесы чуднаго вида; мѣстами известковыя скалы представляя возвышенныя плоскости; или цѣпи полувулканическихъ, полуизвестковыхъ горъ, чрезвычайно разнообразныхъ, тянутся вдоль береговъ по всѣмъ направленіямъ. Здѣсь встрѣчаются сѣрные и минеральные ключи, колодцы, наполненные нефтью и горною смолою, грязевыя или огненныя изверженія, однимъ словомъ, всѣ явленія, сопутствующія волканическому образованію земли.

Геологія этого острова носитъ совершенно особенную печать; по крайней мѣрѣ, она, по видимому, нисколько не согласуется съ гористою системою полуострова Малакки и острова Суматры. Горы Явы не составляютъ уже одну непрерывную цѣпь, но образуютъ совершенно отдѣльныя группы, тянущіяся всегда по длинѣ земли. Впрочемъ это не единственное различіе, существующее между Суматрой и Явой. Тековое дерево, въ изобиліи растущее на Явѣ, нигдѣ не встрѣчается на Суматрѣ; послѣдній изобилуетъ драгоцѣнными минералами, а въ Явѣ ихъ совершенно нѣтъ; наконецъ, хотя почва острова Явы несравненно плодороднѣе, но она не производитъ камфорнаго дерева, составляющаго главное богатство Суматры.

Высота первостепенныхъ Явайскихъ горъ простирается отъ 4500 до 10,000 футовъ надъ поверхностію воды. Первая цѣпь начинается въ Бантамѣ; примѣчательнѣйшій пикъ ея называется Гунонгъ-карангъ. Вторая цѣпь называется Салакъ и извѣстна у моряковъ подъ именемъ голубыхъ или синихъ горъ; наконецъ третья цѣпь есть Геде или Пангоранго, заключающая нѣсколько волкановъ. Далѣе къ востоку находится большая цѣпь волканическихъ горъ съ ихъ огнедышущими жерлами, Унгарангъ, Мербабу, Мерапа, а еще далѣе къ востоку вершина Жапара. Всѣ эти цѣпи составляютъ 38 довольно явственно обозначающихся горъ, носящихъ на себѣ признаки угаснихъ кратеровъ; всѣ онѣ покрыты безподобною растительностью. Въ различныя времена онѣ извергли на Яву потоки лавы и дождь пепла. Странное явленіе случилось здѣсь въ 1772 году, во время непродолжительнаго, но ужаснаго изверженія. На западной сторонѣ округа Шерибонъ, на-

ходилась въ то время самая большая огнедышущая гора, называемая Пападаіангъ. Въ ночи съ 11 на 12 Августа, какое то необыкновенное свѣтлое облако окружило гору; вслѣдъ засимъ, чрезъ нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ испуганные жители успѣли разбѣжаться, вся гора съ ужаснымъ трескомъ мгновенно провалилась. Шумъ можно было уподобить продолжительнымъ залпамъ артиллеріи, сопровождаемымъ волканическимъ изверженіемъ камней, брошенныхъ за нѣсколько миль. Съ разсвѣтомъ, горы уже не существовало. Земля на пространствѣ 15 Анг. миль въ длину и 6 въ ширину вся была переворочена; обработанныя поля исчезли и 2957 жителей погибли. Гора эта, возвышавшаяся прежде на нѣсколько тысячъ миль и имѣвшая въ діаметрѣ основанія своего до пятнадцати миль, была такъ разрушена, что теперь едва можно отличить мѣсто отъ окружающей его равнины, надъ коей оно подымается только на одинъ метръ.

Подземный огонь, бушуя въ нѣдрахъ этого огромнаго острова, терзаетъ и точитъ его постоянно. Грунтъ земли большею частію покрытъ базальтовыми утесами, на которыхъ возвышаются известковыя массы, весьма легко отличаемыя по ихъ плоскимъ вершинамъ. Базальтовые обломки встрѣчаются также на днѣ всѣхъ почти рѣкъ. Изъ чего надо заключить, что архипелагъ этотъ не состоитъ изъ раздѣлившихся частей материка, но, напротивъ того, изъ островковъ, которые сами собою образовались и присоединялись постепенно одинъ къ другому.

Не взирая на то, что пребываніе въ Явѣ считаютъ вреднымъ, климатъ здоровъ почти на всѣхъ частяхъ острова. Температура мѣняется только съ мусонами: она сыра, когда мусонъ дуетъ съ юго-запада, тепла, когда съ с. в.—Ю. з. мусонъ продолжается отъ Октября до Апрѣля, а с. в. отъ Апрѣля до Сентября. Дожди сопровождаются всегда грозою; гулъ грома съ ужаснымъ трескомъ перекатывается въ горахъ, и всѣ потоки выступаютъ тогда изъ береговъ. Теплота мѣняется по мѣрѣ возвышенія земли. Въ Геде въ 6 часовъ утра стоградусный термометръ показываетъ 14°, и въ самое знойное время дня рѣдко превышаетъ 22°. Въ долинѣ Самарангъ на 1000 ф. высоты отъ поверхности моря, онъ показываетъ 7 и нѣсколько болѣе градусовъ. На одной изъ вершинъ горы Сундаро, термометръ опустился до трехъ градусовъ, и ледъ былъ толщиною въ 5 франковую монету.

Та же самая разница замѣчается въ растительности. Отъ берега до самой вершины горъ считаютъ шесть различныхъ температуръ, и шесть различныхъ между собой видовъ растительности; тутъ является постепенно цѣлая лѣствица растеній, отъ болотныхъ до горныхъ. Всѣ части этого острова покрыты прозябеніемъ, то злаками и папоротникомъ, разстилающимся по землѣ; то кустарниками или необыкновенно высокими деревьями. Въ первомъ разрядѣ считаются растенія и деревья полезныя, какъ то рисъ, котораго здѣсь до ста различныхъ сортовъ, маисъ, бобы или каожангъ, сахарный тростникъ, орѣхи, кокосовыя деревья и множество другихъ, принадлежащихъ къ семейству пальмъ; здѣсь находятся также хлѣбное дерево, возращаемое въ нѣкоторыхъ областяхъ; равенала, Мадагаскарское дерево-странника, разведенное въ Явѣ Г. д'Антркасто; раракъ, или мыльное дерево *(sapindus saponaria)*; хлопчато-бумажникъ, разныхъ родовъ; бендудъ, изъ которого вытекаетъ каучукъ; папоротникъ, вышиною иногда въ 90 футовъ. Тековое дерево, называемое по Малайски *погонъ-жаттиръ*, въ большомъ употребленіи для строенія и растетъ въ Явѣ цѣлыми лѣсами; бамбукъ, достигающій до 35 ф. вышины и имѣющій въ діаметрѣ отъ одной линіи до полуфута; драгоцѣнное растеніе, изъ коего выдѣлываютъ колонны для поддерживанія зданій, доски для перегородокъ въ домахъ, и которое употребляютъ на разныя плотничныя и столярныя работы. Между растеніями должно упомянуть еще о тамариндѣ *(tamarindus indica)*, по Малайски *погонъ ассамъ*, фруктъ котораго весьма вкусенъ въ вареньи; *ficus benjamina*, святое дерево Явайцевъ; сверхъ того множество строеваго лѣсу, розамала *(liguindomar rosamala)*, *кибама (pinus damara)*, изъ котораго истекаетъ ароматическая и душистая резина; *гуру*, *laurus geminiflora*; *laurus mangliet* разнаго рода; *палагларъ-микужакъ*, *dicterocarpus retusus et trinervis* Блума, достигающій иногда 150 футовъ вышины; *погонъ-канари (canarium comune)*, изъ плодовъ котораго получаютъ масло; *пинангъ (areca catechu)*; *погонъ-арengъ (arenga saccharifera)*, изъ котораго добываютъ сахаръ; лавровыя деревья разныхъ родовъ; *погонъ-миенгангъ (styrax benzoe)*, точащій смолу, которая имѣетъ лекарственное

свойство; *погонъ-дассапъ (erythrina indica); джаракъ (palma christi)*, выростающая только на 12 футовъ и производящая плодъ, похожій на трехугольный орѣхъ, изъ котораго добываютъ масло, извѣстное въ аптекахъ подъ названіемъ кастороваго; *джаракъ маира*, или краснолистый джаракъ, служащій Явайцамъ лекарствомъ отъ глухоты. Списокъ всѣхъ лекарственныхъ растеній былъ бы слишкомъ великъ; въ числѣ фруктовыхъ деревъ находятся: мангустаны, мангловыя деревья, аттовыя, апельсинныя, лимонныя, жамбозіи, гранатовыя, рамбутанъ, пампамъ, гоявы, папая, ананасы, райскія смоковницы и пр. Всѣ Европейскіе фрукты, исключая клубники, не принялись на этомъ островѣ. Цвѣтистыя растенія рѣдки, за неимѣніемъ искусныхъ садовниковъ; но въ вознагражденіе за то природа щедро надѣлила страну цвѣтущими деревьями и кустарниками; къ первымъ принадлежатъ: *погонъ-тжампака (michelia tjampaka); погонъ-кананга (uvaria odorata), малати-каста (gynopachis acuminata)* и пр. къ другимъ относятся: *катжа-пирингъ (gardenia florida)*, обыкновенный *малати (jasminum sambac), кампангъ-сапату (hibiscus rosa sinensis), кабангъ-мантега (tabernoemontana coronaria), таписъ-кулітъ (mytus longifolia), гага-мирра (rhododendron).* Наконецъ между растеніями, находятся: *камбангъ-маланъ (polyanthes tuberosa;) пуkиль-ампатъ (mirabilis jalappa), патжаръ-тжина (impatiens balsamina), камбангъ-соре (mirabilis dichtoma), комбангъ-сахари (vinca rosea.)* Что касается до огородныхъ овощей, то Китайцы имѣютъ въ нихъ монополію. Въ огородахъ ихъ растутъ всѣ извѣстныя въ ихъ отечествѣ овощи, морковь, бобы, капуста, горохъ, огурцы, рѣпа, спаржа, шпинатъ, портулакъ, лукъ, латукъ и пр.

Въ числѣ этихъ растеній находится одно, послужившее поводомъ ко многимъ страннымъ и невѣроятнымъ разсказамъ; его называютъ *пагонъ-упасъ*, или ядовитое дерево. Путешественники XVII и XVIII столѣтій безпрестанно разсказывали о его ужасныхъ и быстрыхъ дѣйствіяхъ. Если вѣрить ихъ словамъ, то дерево это растетъ всегда одиноко, въ пустынѣ, уничтожая все растущее около себя. Птица, пролетѣвшая надъ нимъ, немедленно околѣваетъ; человѣкъ, проходящій подъ его тѣнью, падаетъ въ обморокъ, или въ совершенное онѣмѣніе. Говорятъ, будто бы ядовитый сокъ этого дерева добывался преступниками, приговоренными къ казни, и эти несчастные всегда почти умирали, въ слѣдствіе своей опасной работы.

Нынѣшніе естествоиспытатели смѣются надъ этими сказками. Кажется, что *погонъ-упасъ*, или ядовитое дерево, есть ничто иное, какъ родъ *strychnos* или *antiaris*, ядовитое свойство которыхъ извѣстно и опредѣлено. Два сорта деревъ, кажется, наиболѣе относятся къ этому ядовитому семейству. Одно изъ нихъ есть *arbor toxicaria* Румфіуса, названное *антіаръ*, въ Явѣ, гдѣ оно растетъ въ восточныхъ областяхъ. Цвѣтокъ его, мужескаго роду, имѣетъ чешуйчатую черепицеобразную чашечку безъ вѣнчика; коротенькія жиловатыя тычинки, покрытыя кожицею ложа, коническую продолговатую форму, немного скругленную на оконечностяхъ. Цвѣтокъ, женскаго роду, не имѣетъ вѣнчика, а одинъ только ростокъ яйцеобразнаго вида съ продолговатыми стеблями и остроконечнымъ рыльцемъ. Продолговатые листья его растутъ въ нѣкоторомъ отдаленіи другъ отъ друга. *Arbor toxicaria* есть самое большое растеніе острова Явы. Прямой цилиндрическій и совершенно голый стержень его, вышиною въ 80 ф.; кора въ нижней части своей бываетъ толщиною въ полтора дюйма; стоитъ только проткнуть или надрѣзать, чтобъ тотчасъ же выступила желтая жидкость, которая есть ядъ; жидкость гораздо опаснѣйшая, нежели сокъ Европейскаго *rhus radicans*. Внутренняя оболочка коры такъ волокниста, что могла бы замѣнить *morus papyrifera*.

Другое ядовитое дерево (*tieté* Лешено) скорѣе можно принять за растеніе, нежели за дерево. Стебель его въ $1^1/_2$ дюй. въ діаметрѣ обвивается вокругъ ближайшихъ деревъ, омачивая коричнево-красноватую кору свою горькою и вонючею жидкостью: эта жидкость ядъ. Верхнія вѣтви, противуположныя одна другой, перисты и сидятъ кучками по двѣ или по три пары; онѣ цѣлы, овальны и оканчиваются остріемъ; сверху совершенно гладки, но имѣютъ снизу нѣсколько параллельныхъ жилокъ; черешекъ ихъ коротенькой и бываетъ иногда выгнутъ. *Tieute* стелется только въ тѣни, а *antiar* заглушаетъ собою все вокругъ него растущее. Ядовитыми соками, добываемыми изъ этихъ деревъ, отравляютъ кинжалы, болѣе же тоненькія бамбуковыя стрѣлы, бросаемыя посредствомъ сарбакановъ. Нѣсколько опытовъ

было сдѣлано этими отравленными оружіями. Собака околѣла черезъ часъ послѣ раны, мышь черезъ двѣ минуты, обезьяна черезъ 7, а курица черезъ 10, а огромный буйволъ черезъ два часа и 10 минутъ.

Зоологія острова Явы доставляетъ обширный и богатѣйшій списокъ. Главою полезныхъ животныхъ въ этой странѣ надо поставить буйвола (называемаго по Малайски *карбовъ* (а на горномъ нарѣчіи *мандингъ.*) Буйволъ въ Индійскомъ архипелагѣ можетъ быть сравненъ съ Европейскимъ быкомъ. Мясо его доставляетъ самую здоровую и лучшую пищу; онъ употребляется для обработки полей, перевозитъ плоды жатвы, и иногда изъ нужды закладывается въ экипажъ при опасныхъ переѣздахъ.—Порода буйволовъ въ Явѣ очень великорослая, коротко-шерстная съ длинными горизонтальными рогами; эти животныя бываютъ бѣлыя и черно-синія; послѣднія предпочитаются, потому что сильнѣе и что мясо ихъ лучше. Мясо бѣлыхъ буйволовъ не такъ здорово.—Буйволы чрезвычайно любятъ воду; они, кажется, всю жизнь провели бы лежа въ рѣкѣ; они любятъ, чтобъ ихъ мыли нѣсколько разъ въ день, и вечеромъ, лишь только ихъ освободятъ изъ упряжи, они бѣгутъ уже къ ближайшей лужѣ и съ нѣгою погружаются въ нее, выставляя изъ воды одну только морду, чтобъ вдыхать чистый воздухъ. Размноженіемъ этихъ животныхъ, столь полезныхъ острову, стоило бы внимательнѣе заняться. Быковъ и коровъ, туземцы весьма мало цѣнятъ; они только въ нѣкоторыхъ внутреннихъ округахъ причисляются къ числу сельскаго хозяйства. Въ Мадюре и въ восточныхъ резиденціяхъ они болѣе въ чести. Однако въ Батавіи и Бюйтенцоргѣ пасутъ отъ шести до восьми сотъ головъ рогатаго скота, для снабженія мясныхъ рядовъ столицы. Коровы на островѣ Явѣ весьма малы и тощи; тщетно желали улучшить породу, выписывая быковъ изъ Бенгаліи, съ мыса Доброй Надежды изъ Новой Голландіи, и даже изъ Европы. Успѣхи помѣси этихъ животныхъ еще весьма незначительны.

Лошади малорослы, но сильны и горячи. Не взирая на неусыпныя старанія улучшить ихъ породу, донынѣ принуждены прибѣгать къ лошадямъ острововъ Целебесскихъ и Тиморскихъ, которыя несравненно лучше. Пегуанскія, Бирманскія и Макасарскія лошади высоко цѣнятся въ Батавіи. Непремѣнно каждый держитъ здѣсь упряжныхъ и верховыхъ лошадей. Любители имѣютъ даже свой Ипсомъ и Нью-Мерктъ. Въ Тжанжорѣ, въ Преанжерѣ, правительство содержитъ конскій заводъ, учрежденный Барономъ Фандеръ-Капелленомъ, съ большими издержками выписавшимъ для него Англійскихъ и Персидскихъ жеребцовъ.

Явайцы почти всѣ Магометанскаго вѣроисповѣданія, и потому не пасутъ свиней, мясо которыхъ не употребляется ими въ пищу; напротивъ того, Китайцы содержутъ ихъ во множествѣ. Свинина въ Явѣ вкуснѣе и нѣжнѣе нежели въ Европѣ; говорятъ, что въ Индіи она здоровѣе говядины и баранины для пищи. Камбингъ-волланда (Голландская коза), есть туземное названіе овецъ, что уже доказываетъ, что это животное родомъ не съ острова Явы. Овцы большею частію тощи, малы, съ щетинистою шерстью и весьма рѣдки на островѣ. Напротивъ того, козъ весьма много. Явайцы пасутъ ихъ огромными стадами, и питаются ихъ мясомъ, которое несравненно вкуснѣе и сочнѣе, нежели въ Европѣ.

Живность на островѣ Явѣ въ изобиліи; она во множествѣ потребляется Европейцами и Явайцами. Куры и утки снабжаютъ кухню богатыхъ и бѣдныхъ; соленыя утиныя яйца вывозятся оттуда жителями округа Дави, которые одни содержатъ болѣе 10 тысячъ штукъ этой птицы. Утиныя яйца, какъ кажется, имѣютъ совершенно особый и пріятный вкусъ.

Въ Явѣ чрезвычайно много разной дичи. Тамъ встрѣчаютъ кабановъ, оленей, кидданговъ, родъ маленькихъ дикихъ козлятъ, весьма вкусныхъ зайцевъ, павлиновъ, глухарей, перепелокъ, которыя несравненно больше Европейскихъ, и бекасовъ въ нѣкоторыя времена года.

Хищные и дикіе звѣри рыщутъ во всѣхъ лѣсахъ. Царемъ ихъ считаютъ королевскаго тигра и Леопарда, отъ коихъ, кажется, происходитъ черный тигръ, потому что въ одномъ гнѣздѣ найдены были и обыкновенные крапчатые и черные тигры съ пестрыми пятнами; эти звѣри дѣлаютъ ужасныя опустошенія въ той странѣ. Они съѣдаютъ въ обыкновенный годъ отъ 200 до 300 жителей. За то Явайцы имѣютъ къ тигру родъ какого то суевѣрнаго почтенія. Въ одной деревнѣ, дѣлаютъ даже сборъ для удовлетворенія ярости этого плотояднаго звѣря; сборъ

состоитъ изъ говядины, разнаго рода падали и остатковъ съ боень; пожертвованія приносятся ежедневно, въ надеждѣ, что эта подать смягчитъ царей лѣсовъ, и сохранитъ людей и ихъ стада отъ ярости ихъ. Разумѣется, что это мало приноситъ пользы. Колоніальное правительство, желая способствовать постепенному уничтоженію опасныхъ животныхъ, назначило награду за каждую принесенную голову этого звѣря; съ того времени въ годъ убиваютъ отъ 350 до 400 тигровъ. Для охоты на тигра обыкновенно сажаютъ козу въ широкій и глубокій ровъ, сверхъ котораго ставятъ западню. Лишь только звѣрь попадетъ въ ловушку, его закалываютъ копьями, или запираютъ въ плотную деревянную клѣтку, которую послѣ выносятъ на травлю буйволовъ.

Травля буйвола и тигра, составляющая любимый предметъ забавы сановниковъ и главнѣйшихъ лицъ той страны, представляетъ довольно занимательное зрѣлище. — Благодаря старанію, съ которымъ подтачиваютъ рога буйвола, онъ всегда почти остается побѣдителемъ. Тигръ всегда боится противника, явно на него наступающаго; онъ смѣлый зачинщикъ только тогда, когда нападаетъ на непріятеля сзади и неожиданно; весьма часто, вмѣсто того, чтобъ выскочить изъ клѣтки на буйвола, онъ со страхомъ сжимается клубкомъ въ уголъ и принуждаетъ выгнать себя оттуда насильно, рогатинами, зажженными головнями, или горячею водою. Иногда владѣльцы тѣшутся зрѣлищемъ, называемымъ у нихъ *ракмакъ-матжанъ*. Это травля, въ которой вмѣсто того, чтобъ выпустить тигра на буйвола, его выпускаютъ среди четырехъугольнаго пространства, окруженнаго двумя или тремя тысячами вооруженныхъ копьями людей, составляющихъ какъ бы щетинистую желѣзную стѣну. Сперва тигръ кружится среди этого пространства; потомъ, возбуждаемый криками толпы, старается, перескочить черезъ воиновъ, и всегда почти наткнется на непріятельское оружіе.

Носорогъ въ Явѣ не такъ опасенъ, какъ тигръ; онъ нападаетъ на человѣка только тогда, когда тотъ хочетъ заслонить ему дорогу. Шакалъ и тигръ-кошка, встрѣчаются во множествѣ въ этихъ лѣсахъ, какъ обезьяны и разнаго рода олени. Слоновъ вовсе не замѣчено.

Изъ птицъ въ Явѣ водятся всѣ называемыя въ Европѣ домашними. Семейство попугаевъ изобилуетъ породами совершенно не извѣстными въ прочихъ странахъ жаркаго пояса. Въ числѣ ихъ бѣлые катакуа съ желтымъ хохолкомъ, и красный лори съ радужно — фіолетовыми крылышками, наиболѣе отличаются своею красотою и понятливостію. Лори, покрытый черными и голубыми перьями, знаменитъ по одной изъ сказокъ *Тысячи одной ночи*. Казуаръ, курообразная птица, безъ пуху на перьяхъ своихъ крыльевъ, имѣетъ наружный видъ строуса, перья похожія на шерсть кабана и козлиную голову; и во множествѣ встрѣчается на Явѣ. Но самая достопримѣчательная птица въ этой странѣ есть конечно салanганъ, Индійская ласточка *(hirundo esculenta)*, о которой мы уже нѣсколько разъ упоминали. Это маленькія голубыя птички, многотысячными стаями обитающія въ глубокихъ и мрачныхъ ущеліяхъ южныхъ береговъ. Всѣ знаютъ, какъ дорого цѣнятъ Китайскіе Лукуллы гнѣзда этихъ ласточекъ, видомъ похожія на апельсинную корку. Вымоченныя въ водѣ, до того, чтобъ онѣ отдѣлялись слизистыми жилками, гнѣзда эти употребляются въ приправу къ соусамъ, супамъ и пирогамъ. Ихъ возбудительное свойство, какъ полагаютъ, во многомъ способствуетъ къ возвышенію въ глазахъ Китайцевъ ихъ цѣны и достоинства.

Бѣлая масса, изъ которой составлены эти гнѣзда, не была еще подробно разсмотрѣна. Одни считаютъ ее за морскую пѣну, другіе, мнѣніе которыхъ наиболѣе принято, за остатки различныхъ насѣкомыхъ, которыми питается птица. Г. Хогендорпъ тщательно разсматривалъ одно изъ богатѣйшихъ, населенныхъ салanганами, ущелій въ Клампа-пунгалѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Бюйтенцорга. Ласточки, вылетая изъ жилищъ своихъ безчисленными толпами, какъ пчелы изъ ульевъ, никогда не отлетаютъ отъ нихъ на дальное разстояніе; потому то, кажется невозможнымъ, чтобъ эта птица летала къ морю за матеріялами, изъ которыхъ составляетъ гнѣзда, находящіяся въ ущельяхъ, лежащихъ весьма далеко отъ прибрежій.

Гнѣзда ласточекъ, въ такомъ множествѣ потребляемыя и добываемыя безъ труда, послужили многимъ владѣльцамъ острова средствомъ быстраго обогащенія. Ущелья и земля Клaппа-пунгало, о которой мы говорили, приносятъ ежегодно отъ 70 до 80,000 піа-

стровъ дохода (отъ 350 до 400,000 фран.). Сорокъ лѣтъ тому назадъ, это богатство было вовсе не извѣстно. Какой то бѣдный Португальскій купецъ нечаянно замѣтилъ отверзтіе ущелья, вкругъ котораго вились милліоны ласточекъ. Постигнувъ все достоинство открытой имъ драгоцѣнности, онъ купилъ у правительства нѣсколько пустырей, лежавшихъ у подошвы горы, включивъ въ свое владѣніе драгоцѣнное ущеліе. Нынѣ сынъ этого Португальскаго купца есть богатѣйшій изъ набабовъ острова, и платитъ огромнѣйшую подать, ибо ему принадлежатъ три округа острова.

Для добыванія гнѣздъ, туземцы употребляютъ длинныя бамбуковыя лѣстницы, посредствомъ коихъ они пробираются къ самымъ крутымъ утесамъ, перелѣзая изъ одного ущелія въ другое, изъ одного грота въ другой. Иногда въ утесѣ бываетъ одно только подземелье, а иногда нѣсколько, расположенныхъ одно надъ другимъ. Изъ предосторожности, чтобъ туземцы, на которыхъ возложенъ сборъ гнѣздъ, не похищали ихъ, этихъ людей пускаютъ въ ущелья совершенно нагими. Магометанскій священникъ благословляетъ ихъ при вступленіи на лѣстницу и по возвращеніи: обычай, подъ предлогомъ набожности служащій просто надзоромъ; священники, которымъ впрочемъ платятъ за это чрезвычайно дорого, дѣлаются просто надсмотрщиками сбора гнѣздъ.

Явасцъ, получивъ благословеніе, спускается въ подземелье, держа въ рукѣ каучуковый факелъ *(ficus elastica)* съ колпачкомъ. Дотрогиваясь до гнѣзда, онъ быстро подымаетъ колпачекъ; пламя отъ скорой загараемости резины сейчасъ показывается и позволяетъ такимъ образомъ удобно и скоро сбирать гнѣзда, не пугая многочисленныхъ обитательницъ ущелій. Для сбора нужно только замѣчать время, въ которое ласточки несутъ яйца и когда молодыя птички покидаютъ гнѣзда. Въ продолженіе этого времени ихъ обыкновенно оставляютъ въ совершенномъ покоѣ; но эта часть гнѣздъ бываетъ сбираема прежде, нежели ласточки положатъ яйцы, потому что они тогда чище: эти гнѣзды называются гнѣздами *перваго разбора*. Втораго, третьяго и четвертаго разбора гнѣзда суть тѣ, которыя бываютъ сдѣланы во второй разъ, и въ которыхъ ласточки воспитываютъ своихъ птенцовъ. Онѣ не столь чисты и красивы какъ первыя, и всегда покрыты маленькими перышками, отстающими отъ нихъ съ большимъ трудомъ, даже съ помощію воды. Обыкновенная цѣна гнѣздамъ, перваго разбора 3000 піастровъ за пикль, въ 125 ф.; фунтъ въ 16 унцій вмѣщаетъ отъ 50 до 60 гнѣздъ. Гнѣзды втораго разряда продаются отъ 1,400 до 1,500 піастровъ; третьяго отъ 700 до 800 піастровъ за пикль. Въ резиденціяхъ Джокжокарта и Суракарта, гнѣзда изъ нѣкоторыхъ ущелій добываются на счетъ правительства.

Райскія птицы, введены въ Яву, нынѣ ихъ считаютъ отъ 10 до 12 разныхъ сортовъ.

Пресмыкающіяся встрѣчаются во множествѣ; рѣки наполнены кайманами, а лѣса змѣями. Послѣднія такъ же многочислены, какъ разнообразны; здѣсь находятся всѣ виды, начиная съ боа до билудака, змѣйки отъ 8 до 10 дюймовъ длины, но столь ядовитой, что отъ укушенія ее чрезвычайно скоро умираютъ. Лекарствомъ противъ нанесенной раны служитъ пріемъ въ извѣстномъ количествѣ спирта изъ оленьихъ роговъ и летучей щелочи, или прижиганіе каленымъ желѣзомъ и адскимъ камнемъ. Въ числѣ ядовитыхъ насѣкомыхъ, надо считать скорпіоновъ и тысяченожекъ, наполняющихъ здѣсь почти всѣ домы. Противъ боли, чувствуемой отъ ужаленья этихъ насѣкомыхъ, Явайцы употребляютъ катапласмы изъ лука, или мелкой извести, которую они кладутъ въ составъ бетеля.

Валентинъ насчиталъ въ Явѣ 538 сортовъ различныхъ рыбъ. Нынѣшніе естествоиспытатели, Гг. Темминкъ, Рейнвардъ и Блумъ, еще увеличили этотъ списокъ. Науки обязаны этимъ терпѣливымъ и добросовѣстнымъ ученымъ многими отдѣльными трудами, въ которыхъ естественная исторія Явы представлена подъ всѣми видами и со всѣми подробностями.

Этнологія этого острова чрезвычайно занимательна для изученія. Обитающее здѣсь племя есть измѣненіе Малайскаго, которое распространено по всей длинной цѣпи островов, простирающихся отъ оконечности Суматры до южной оконечности Тимора. Люди эти загорѣлаго цвѣта, плотны и хорошо сложены; ротъ у нихъ широкій, носъ короткій, острый и мало выдающійся, глаза маленькіе, темные, быстрые, и длинные, но твердые черные волосы. Женщины двумя дюймами ниже мужчинъ; кожа ихъ желтоваго-золотистаго цвѣта, воспѣваемаго въ Явай-

ской поэзіи, какъ румянецъ нашихъ дамъ въ нашихъ мадригалахъ и романсахъ. Для Яванокъ изобрѣтены разныя притиранія желтаго цвѣта, какъ для Европеекъ румяна и бѣлила.

Почти всѣ люди этой породы трудолюбивы, искусны, проворны, хитры, иногда даже злопамятливы; ихъ считаютъ или первобытными тамъ, или уроженцами Бирманскаго полуострова. Послѣднее мнѣніе принадлежитъ доктору Буханану; но Кравфурдъ не раздѣляетъ его.

Жители Явы одарены чрезвычайно сильнымъ и здоровымъ сложеніемъ. Долголѣтіе ихъ почти тоже, что и у Европейцевъ; нерѣдко встрѣчаются люди столѣтніе. Воспалительныя болѣзни не столь опасны и часты, какъ въ Европѣ. Но за то лихорадкою умираютъ десять человѣкъ изо ста. Оспа, до введенія прививной, также во множествѣ истребляла жителей. Чума же и водобоязнь вовсе не извѣстны; однако полагаютъ, что Самарангъ, одна изъ пристаней острова Явы, была колыбелью холеры.

Въ странѣ, столь жаркой и находящейся подъ властію Магометанскаго закона, купанье есть необходимость, привычка, даже обязанность, и потому Явайцы купаются во всякое время дня, то въ рѣчныхъ, то въ ключевыхъ водахъ. Солнце въ нѣкоторое время года бываетъ такъ знойно, что одинъ ударъ его луча можетъ лишить жизни. Затѣмъ то мужчины весьма рѣдко ходятъ безъ платка на головѣ. Женщины же достаточно защищены длинными сплетенными волосами. Въ слѣдствіе какого то чуднаго предразсудка, лунный свѣтъ считаютъ здѣсь опаснымъ, до того, что Европейскіе матросы, убѣжденные въ вредномъ его дѣйствіи на здоровье, со всевозможнымъ тщаніемъ укрываются отъ него.

Явайцы кротки, безпечны и сговорчивы. Господинъ повелѣваетъ рабами своими добродушно, и наказываетъ ихъ безъ излишней строгости. Сверхъ того, они угрюмы, терпѣливы, довольствуются малымъ, покорны начальникамъ, гостепріимны съ чужеземцами, привержены къ преданіямъ ихъ рода и къ семейственнымъ узамъ, и любятъ землю, на которой родились. Въ противуположность этихъ хорошихъ качествъ, надо прибавить, что они ревнивы, злопамятны, лукавы, часто злы, имѣютъ разные предразсудки, и вмѣстѣ съ тѣмъ легковѣрны. Послѣдній недостатокъ укоренился въ нихъ съ непостижимою силою. Почти всѣ Явайцы, исключая тѣхъ, которые частыми сношеніями съ Европейцами поставлены выше всѣхъ суевѣрій, вѣрятъ снамъ, колдовству, волшебству и разнымъ предзнаменованіямъ. Они увѣрены, что геніи обитаютъ въ лѣсахъ и на горахъ. Когда воры обокрадутъ какой нибудь домъ, то они бросаютъ на него немного земли изъ свѣжевырытой ямы, полагая погрузить въ летаргическій сонъ всѣхъ обитающихъ въ домѣ. Бросивъ же землю на постель, они считаютъ чары еще болѣе дѣйствительными. Вѣрованія этого рода сводятъ иногда съ ума цѣлое народонаселеніе. Старой волшебницѣ приснилось однажды, что небесная сила низойдетъ съ Сумбинга, самой высокой горы, на святой землѣ; въ ту же минуту пять или шесть тысячъ работниковъ принялись за дѣло, и неусыпно работали въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, чтобъ ожидаемому божеству удобнѣе было сойти въ долину.

Близъ Явайцевъ на томъ же островѣ обитаютъ еще многія другія поколѣнія, всѣ уже извѣстныя и описанныя нами, какъ то: Китайцы, эти кочующіе промышленники, Мавры, пришедшіе съ полуострова Деккана, Малайцы и Буги полу-негоціанты, полу-пираты, и наконецъ сословіе людей, рожденныхъ отъ Европейцевъ и Индійцевъ, Метисы, названные Португальцами.

Почти всѣ Явайцы Магометанскаго вѣроисповѣданія. Исламизмъ введенъ въ этомъ архипелагѣ уже около трехъ сотъ лѣтъ, и съ такою ревностію, что въ Явѣ считаютъ теперь только два селенія, въ которыхъ устояло прежнее будическое вѣроисповѣданіе. Одно изъ этихъ племенъ, именуемое Бедуи, находится въ отдаленной странѣ Бантамской резиденціи; другое въ восточной части острова.

Явайцы, строгіе Магометане только для внѣшнихъ обязанностей. Они въ точности соблюдаютъ обрѣзаніе, омовеніе, рамазанъ; не ѣдятъ многихъ запрещенныхъ имъ мясъ, но не имѣютъ ни какого понятія ни о нравственности, ни о догматахъ вѣры, и не всегда воздерживаются отъ крѣпкихъ напитковъ, какъ то предписано всякому истинному послѣдователю Магомета. Почти всѣ они невѣжды и не имѣютъ даже ученыхъ священниковъ; рѣдко кто изъ нихъ умѣетъ читать Коранъ, а еще рѣже встрѣчаются лю-

ди, которые трудными и долговременными путешествіями въ Мекку, пріобрѣли наименованіе *хаджи*. Эти имамы едва умѣютъ читать, писать, бормотать нѣкоторые стихи священной книги, и дѣлать всякаго рода тѣлодвиженія, которымъ придаютъ видъ обряда. Отъ того то они сами, и правовѣрные, ими руководимые, всѣ почти люди совершенно безнравственные. Религія въ Явѣ чрезвычайно снисходительна и легко соблюдается; она принимаетъ разныя средства къ примиренію, смягчаетъ устами имамовъ строжайшія свои правила, приводя все къ нравственности весьма мало назидательной. Иногда здѣсь исламизмъ съ видимыми признаками древнихъ преданій первобытнаго вѣроисповѣданія, превращается въ магометанизмъ съ примѣсью буддизма. Отъ того то, кромѣ двухъ большихъ праздниковъ, предписанныхъ Кораномъ, здѣсь имѣютъ еще третій, въ честь предковъ; это древнее празднество, соединено въ церковныхъ ихъ книгахъ со днемъ рождества Магомета, главнѣйшимъ ихъ праздникомъ. Во время служенія поклонники налагаютъ на себя раззолоченныя изображенія змѣя, животнаго, похожаго на птицу и другаго звѣря въ родѣ лани. Всѣ фигуры, по видимому, имѣютъ браманическія аллегорическія значенія, и составляютъ какъ бы противорѣчіе нынѣ царствующему вѣроисповѣданію.

Многожество господствуетъ въ Явѣ, какъ во всѣхъ странахъ магометанизма; оно большею частію введено между людьми богатыми, имѣющими возможность, цѣною золота, покупать себѣ женъ, и содержать гаремы. Принцы крови, и главнѣйшіе начальники имѣютъ обыкновенно, исключая наложницъ, четыре законныя жены; низшіе начальники двѣ, и не болѣе трехъ, всѣ прочіе жители должны довольствоваться только одною женою. Правда, что законъ ихъ, на этотъ счетъ весьма снисходительный, позволяетъ частые разводы. Но всегда жена, или потому что имѣетъ дѣтей, или умѣя взять первенство въ семействѣ, овладѣваетъ этимъ правомъ, и наконецъ совершенно уничтожаетъ его въ свою пользу. Принцы и регенты никогда не разводятся съ первыми своими женами, потому что званіе и семейство жены обыкновенно бываютъ равны съ званіемъ мужа. Въ этомъ случаѣ супружескіе договоры бываютъ облечены такою силою, что только самыя важнѣйшія причины могутъ оправдать разводъ. Впрочемъ женщина высшаго сословія пользуется большими преимуществами. Она равна своему мужу; сама принимаетъ гостей въ *даламѣ*, и владычествуя надъ прочими женами, сама ограничиваетъ ихъ права и преимущества.

И такъ женщины въ Малайскомъ архипелагѣ не доведены до того униженія, въ которомъ находятся въ прочихъ Магометанскихъ земляхъ. Конечно мужъ платитъ за жену свою; но покупая ее, онъ не покупаетъ права пренебрегать ею; она обѣдаетъ съ нимъ за однимъ столомъ, раздѣляетъ его богатство и бѣдность; можетъ безъ стыда и препятствій показываться въ обществѣ, ибо она изъ него не исключена, и участвуетъ въ совѣтахъ и пиршествахъ. Нѣсколько женщинъ даже царствовали въ Малайскихъ странахъ.

Женщины въ Явѣ весьма искусны: онѣ занимаются разными мастерствами, и чтобъ промышлять ими, ходятъ по улицамъ. Однѣ только знатнаго рода женщины живутъ затворницами, и къ тѣмъ однакоже нѣкоторые Европейцы были впущены въ гаремы.

Яваянки выходятъ замужъ въ весьма молодыхъ лѣтахъ. Въ 20 лѣтъ дѣвушка считается уже старушкою. Когда отецъ молодаго Явайца полагаетъ, что сынъ нашелъ подругу, которая ему нравится, онъ предварительно сговаривается съ отцемъ дѣвицы; послѣ чего женщины продолжаютъ негоціяцію, обыкновенно оканчивающуюся бракомъ. Тогда женихъ посылаетъ свой подарокъ, состоящій въ перстнѣ, или въ кускѣ матеріи; это сопровождается посылкою арековыхъ орѣховъ, называемыхъ *пінангъ*, откуда произошелъ и глаголъ *манпінангъ* (обручать). Послѣ этого перваго обряда, семейство и друзья жениха являются съ подарками *ламарамъ*, что дѣлается для обнародованія женитьбы. Затѣмъ родственники уговариваются между собою о цѣнѣ, которая будетъ заплачена за невѣсту, деньгами, драгоцѣнностями, полотнами, рисомъ, буйволами и пр.

Когда все это кончится, женихъ идетъ въ мечеть, гдѣ *пангулу* спрашиваетъ его, заплатитъ ли онъ условленную цѣну, и получивъ утвердительный отвѣтъ, произноситъ заповѣдную формулу: «Соединяю тебя (имя жениха) узами супружества съ (такою-то), которая будетъ женою твоею на семь

свѣтѣ. Ты долженъ исполнить условныя обязательства, или останешься должникомъ. Ты отвѣчаешь за поступки твоей жены. Если ты будешь внѣ дома твоего болѣе семи мѣсяцевъ на землѣ, и болѣе года на морѣ, и не доставишь женѣ средствъ существованія, то бракъ твой будетъ уничтоженъ при первомъ требованіи со стороны твоей жены, безъ всякаго суда, и ты подвергнешься наказанію, предписанному Магометанскимъ закономъ.» Послѣ этого духовнаго обряда, требуемаго исламисмомъ, слѣдуютъ собственно Малайскіе обряды. Они состоятъ въ томъ, что супруговъ, наряженныхъ въ драгоцѣнныя одежды и богато украшенныхъ, водятъ на лошадяхъ, или въ носилкахъ, по самымъ многолюднымъ мѣстамъ деревни, или города, въ которомъ они живутъ. На свадьбахъ знатныхъ особъ, человѣкъ, наряженный шутомъ, идетъ впереди процессіи, кривляясь и дѣлая различныя гримасы. Процессія такимъ образомъ входитъ въ домъ отца невѣсты, гдѣ молодые садятся рядомъ, ѣдятъ рисъ изъ одного блюда, и жуютъ бетель изъ одной коробки; этотъ обрядъ точно тотъ же, который соблюдался у древнихъ Римлянъ при бракосочетаніяхъ. Иногда молодая должна омыть ноги мужу. Въ нѣкоторыхъ округахъ введено въ обыкновеніе нести горящую головню предъ невѣстою и тушить ее потомъ въ водѣ. На слѣдующій день супругъ беретъ жену въ свое жилище, гдѣ ихъ ожидаютъ другіе, окончательные, обряды бракосочетанія.

Многоженство въ этомъ архипелагѣ не уменьшило, кажется, народонаселенія. По статистическимъ изслѣдованіямъ видно даже, что народонаселеніе Явы увеличилось. Нѣкоторые вожди имѣютъ множество дѣтей, такъ напримѣръ, у Тубанскаго регента, ихъ было шестьдесятъ восемь. Родины празднуются съ большимъ торжествомъ. Когда женщина беременна въ первый разъ, то въ домѣ учреждается праздникъ, послѣ седьмаго мѣсяца другой, и наконецъ, при родинахъ, третій; тутъ дается новорожденному имя, какое вздумаютъ, потому что именъ семейныхъ нѣтъ. Благочестивыя особы даютъ своимъ дѣтямъ имена Арабскія; другія какой нибудь Малайскій эпитетъ: *добрый*, *любезный*, *великодушный*, и пр. При этомъ соблюдается только, здѣсь, какъ и въ Аравіи, чтобы отецъ прибавлялъ къ своему имени имя, данное перворожденному его сыну. Обрядъ обрѣзанія исполняется надъ мальчиками, отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ.

Похороны совершаются скромно, безъ крика и шуму: умершаго въ ночь хоронятъ на другой день; если же кто умретъ днемъ, то похороны совершаются до захожденія солнца. Ограда или плетень и земляная насыпь, означаютъ мѣсто, гдѣ погребено тѣло; рѣдко ставится надгробный камень и надпись. Вокругъ кладбища сажаютъ самбан *(plumieria obtusa)*; зелень ихъ располагаетъ къ задумчивости. Впрочемъ при похоронахъ знатнаго или богатаго человѣка, соблюдается болѣе торжественности въ церемоніалѣ. Всѣ родные собираются въ домъ покойника, гдѣ имъ раздаютъ серебряныя монеты. Каждому имаму дается по піастру, по куску полотна и по небольшой цыновкѣ. Покойника омываютъ, обертываютъ бѣлымъ полотномъ, и кладутъ въ гробъ, покрытый крашенымъ холстомъ и цвѣточными гирляндами. Чѣмъ великолѣпнѣе похороны, тѣмъ болѣе видно дорогихъ копій, и зонтиковъ. Друзья и родственники слѣдуютъ за гробомъ до могилы, и не прежде расходятся, какъ по произнесеніи имамомъ окончательной молитвы. Затѣмъ въ продолженіе цѣлой недѣли, имамы приходятъ ежедневно въ домъ покойнаго молить Бога о спасеніи его души. На третій, на седьмой, на четырнадцатый, на сотый и на тысячный день, совершаются такъ называемые *сидика*, родъ поминанья. Разумѣется, все это дѣлается только послѣ покойниковъ, которые оставляютъ большое состояніе. Похороны Китайцевъ, согласно съ народнымъ ихъ обычаемъ, бываютъ столько же пышныя и гораздо болѣе шумныя. Каланги обыкновенно разбиваютъ кокосовый орѣхъ и выливаютъ изъ него молоко на гробъ, а куски кладутъ у головы и у ногъ покойника.

Явайцы соблюдаютъ особенно простоту за своимъ столомъ. Сидя на землѣ, на цыновкахъ, они ѣдятъ рыбу, рисъ или мясо, пальцами, и моютъ руки прежде и послѣ обѣда. Главное ихъ питье состоитъ изъ отваренной воды, которую иногда настаиваютъ кореньями. Два или три раза въ день они пьютъ чай. Впрочемъ на народныхъ обѣдахъ подается множество блюдъ. Ѣдятъ обыкновенно два раза въ день: предъ полуднемъ и въ осьмомъ часу вечера. Поутру пьютъ чашку кофе съ пирожкомъ изъ риса.

Сири, приготовляемый изъ бетеля, во всеоб-

щемъ употребленіи въ Явѣ, какъ во всѣхъ земляхъ, населенныхъ Индійскимъ и Малайскимъ племенами. На листъ сири натираютъ ложкою небольшое количество *terra japonica*, вещества пріятно-горькаго, и нѣсколько негашеной извести. Къ этому прибавляютъ арековаго орѣха, имѣющаго наркотическое свойство, и дѣлаютъ изъ этой смѣси шарикъ для жеванія. Употребленіе *сири*, какъ извѣстно, портитъ ротъ, чернитъ зубы, и производитъ на губахъ кровавую слюну; но Явайцы никакъ не хотятъ отъ него отказаться. Всѣ безъ исключенія, мужчины и женщины, носятъ при себѣ всегда коробку съ *сири*. Нюхательный табакъ здѣсь извѣстенъ съ 1600 года, и называется *табако*. Сигары Явайскіе превосходны.

Хмѣльные напитки здѣсь двухъ родовъ, *бадекъ* и *бромъ*. Бадекъ дѣлаютъ изъ клейкаго риса, называемаго *кетангъ*, варя его вмѣстѣ съ дрожжами, называемыми *ражи*, и составленными изъ лука, чернаго перца и *capsicum*. Смѣсь обращаютъ въ шарики, которые испускаютъ изъ себя жидкость, она-то и есть *бадекъ*; остатки, или выжимки, имѣющія тоже хмѣльной вкусъ, продаютъ на рынкѣ, какъ лакомство. Для полученія *брома*, также варятъ *кетангъ* и *ражи*, и даютъ имъ просочиться; но получаемая изъ смѣси жидкость зарывается въ землю на нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы сдѣлаться болѣе спиртуозною; иногда даже ее вывариваютъ. Бромъ бываетъ темнаго цвѣта, желтаго или краснаго, судя по качеству употребленнаго риса; если онъ простоитъ нѣсколько лѣтъ, то легко можно опьянѣть отъ небольшаго количества. Въ Суракартѣ дѣлается также родъ пива изъ листьевъ *пари*, съ сахаромъ и пряностями; но нельзя его держать болѣе пяти или шести дней.

Весьма немногіе изъ Явайцевъ имѣютъ страсть къ этимъ хмѣльнымъ напиткамъ. Къ тому же религія запрещаетъ ихъ употребленіе. Что касается до опіума, то употребленіе его доводитъ этихъ людей до лихорадочнаго и восторженнаго состоянія. Хотя на Малайскомъ языкѣ и говорятъ: *пить опіумъ*, но его не пьютъ, а курятъ; для чего употребляютъ трубки изъ дерева или изъ тростника *(падуданъ)*, толщиною и длиною съ обыкновенную флейту. Одинъ изъ концевъ берется въ ротъ; въ другомъ сдѣлана дыра, въ которую вставляется маленькая мѣдная воронка съ табакомъ, мелко искрошеннымъ и смѣшаннымъ съ опіумомъ, но приготовленнымъ нарочно для этого употребленія. Дымомъ затягиваются или выпускаютъ его изъ ноздрей; нѣсколькихъ глотковъ достаточно для опьянѣнія и возбужденія сопровождающихъ его ощущеній. Говоря о Китайцахъ, мы видѣли, какія дѣйствія производитъ это наркотическое куреніе; однажды привыкнувъ къ этимъ неописываемымъ наслажденіямъ, нельзя отъ нихъ отказаться: легче отстать отъ пищи. Каждый день надо прибѣгать къ опіуму, и съ каждымъ днемъ надобно увеличивать пріемъ; за то чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ обнаруживаются послѣдствія этой несчастной страсти. Аппетитъ теряется; глаза становятся красные, опьянѣлые; умственныя способности притупляются; тѣло вянетъ, худѣетъ и томится изнурительною чахоточною болѣзнію.

Во всѣхъ повѣствованіяхъ объ Индіи говорятъ о курителяхъ опіума, которые въ болѣзненномъ изступленіи бѣгаютъ по улицамъ съ кинжаломъ въ рукахъ и нападаютъ на прохожихъ; мѣстныя власти должны были объявить ихъ лишенными покровительства законовъ, и позволять жителямъ убивать ихъ, какъ бѣшеныхъ собакъ. Г. Хогендорпъ, долго управлявшій Батавскою колоніею, доставилъ намъ достовѣрныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ; онъ въ повѣствованіи своемъ замѣнилъ истинными фактами всѣ сказки объ *амокъ-амокъ* (убивай, убивай), сочиненныя путешественниками-романтиками.

«Путешественники,» говоритъ этотъ разумный наблюдатель, «съ преувеличеніемъ разсказывали о преступленіяхъ, которыя совершаютъ въ опьяненіи курители опіума. Долголѣтнее пребываніе между Явайцами, и непрерывныя сношенія мои съ тамошнею полиціею убѣдили меня въ томъ, что подобныхъ примѣровъ не было, или было очень мало. Весьма рѣдко нарушается спокойствіе въ *амфеоэнкиттенахъ* (лавкахъ, гдѣ продается опіумъ приготовленный, и гдѣ собираются курители подъ надзоромъ полиціи); напротивъ того, эти лавки нерѣдко служили къ важнымъ открытіямъ и навели на слѣды преступленій, долго скрывавшихся въ тайнѣ. Въ старинныхъ повѣствованіяхъ часто упоминается объ *амокспуэрахъ*, которые въ слѣпомъ изступленіи бѣгали по улицамъ, нападали на прохожихъ, убивали ихъ, доколѣ не удавалось кому нибудь убить ихъ самихъ. Подобныя явленія стали гораздо рѣже со вре-

мени прекращенія торга невольниками. Неистовствамъ, о которыхъ мы говоримъ, предавались обыкновенно Бугійцы или Балійцы, только что привезенные и проданные; между ними весьма многіе, отъ грусти по родинѣ и родныхъ, по невѣстѣ, по женѣ, или отъ того что не могли исполнить приказаній, которыхъ не понимали и за то страшились наказаній, чувствовали столь сильное отвращеніе къ жизни, что проходили въ совершенное неистовство, и съ первымъ попавшимся имъ оружіемъ слѣпо нападали на всякаго, зная, что ихъ вскорѣ убьютъ, и тѣмъ прекратятъ ихъ страданія. Бываютъ также случаи *амокъ* между Явайцами и во внутренней части острова; впрочемъ я никогда не видѣлъ, чтобы они были слѣдствіемъ опіума; напротивъ того, къ подобнымъ дѣйствіямъ вынуждаютъ ревность, мщеніе, весьма часто отчаяніе преступника, попавшагося въ руки правосудія, сдѣлавшагося, по выраженію Малайцевъ, *мата-глабъ* (слѣпымъ, ищущимъ смерти), и стремящагося убить всякаго, кто ему попадается.

«Выраженіе: *мата-глабъ*, собственно значитъ *потемнѣлые глаза*: оно въ большомъ употребленіи между жителями острововъ Индійскаго архипелага; нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что бывъ надѣлены умственными способностями весьма ограниченными, эти люди легко впадаютъ въ безуміе при каждомъ чрезвычайномъ обстоятельствѣ или большой опасности; но, съ другой стороны, они нерѣдко употребляютъ во зло этотъ предлогъ, почитая его законнымъ извиненіемъ всѣхъ дурныхъ поступковъ. Приведутъ ли въ судъ вора, зажигателя, убійцу, на вопросъ о томъ, что побудило къ преступленію, можно считать смѣло, что изъ десяти человѣкъ, девять станутъ отвѣчать: *мата-глабъ*, увѣряя, что они были ослѣплены, потеряли разсудокъ.

У Явайцевъ множество игръ и увеселеній. Они выдумываютъ тысячу способовъ убивать время и развлекать себя. Самыя дѣтскія забавы нравятся ихъ беззаботному характеру. Развлеченія женщинъ состоятъ въ взаимнымъ посѣщеніяхъ, въ продолженіе которыхъ онѣ жуютъ *сири*, разсказываютъ исторіи, или поютъ съ акомпаниментомъ тамбурина. Мужчины, страстные охотники, какъ и всѣ Малайцы, до драки пѣтуховъ. Бой перепелокъ, или *буру-гука*, составляетъ также одно изъ народныхъ увеселеній; дѣти, слѣдуя этому примѣру, заставляютъ драться кузнечиковъ. Даже взрослые не пропускаютъ случая заставить драться сверчковъ. Они закладываютъ значительныя суммы за каждое изъ сражающихся насѣкомыхъ, и понуждаютъ ихъ, щекотя имъ члены сухою травою.

Бываютъ однако же драки болѣе важныя. Явайцы отъ природы не забіяки, но дерутся въ урочное время, послѣ предварительныхъ условій о всѣхъ обстоятельствахъ боя, который у нихъ называется *актонъ*. Эта игра состоитъ въ томъ, что поединщики бьютъ другъ друга палкою въ такту, пока одинъ изъ двухъ не объявитъ себя побѣжденнымъ. Можно наносить удары по всѣмъ частямъ тѣла, но должно предохранять голову отъ ранъ, окутывая ее кускомъ полотна, такъ, что только глаза остаются открытыми. Каждый разъ можно наносить одинъ ударъ, потомъ слѣдуетъ отступить и получить ударъ въ свою очередь. Поединокъ иногда продолжается при звукахъ музыки цѣлый часъ; воители выходятъ съ широкими кровавыми ранами. Зрители, какъ судіи на турнирѣ, разнимаютъ ихъ, если замѣтятъ, что не соблюдаются постановленныя правила.

Таковы народныя игры; знатные люди имѣютъ также свои забавы, болѣе благородныя. Драки буйвола и тигра, смерть тигра среди густаго каре копейщиковъ, зрѣлища, о которыхъ мы уже говорили, принадлежатъ къ этому разряду. Прежде устроивали также борьбы тигра съ преступникомъ. Это вывелось; но въ 1812 г. было возобновлено по поводу двухъ преступниковъ, о которыхъ упоминаетъ Кравфурдъ. Каждому изъ нихъ дали кинжалъ, съ притупленнымъ концемъ; потомъ открыли клѣтку, откуда вышелъ тигръ, и тотчасъ же раздѣлался съ однимъ преступникомъ; но другой послѣ двухъ часоваго боя убилъ звѣря, нанеся ему множество ударовъ по головѣ, подъ глазами и за ушами. Побѣдитель не только былъ прощенъ, но произведенъ въ чинъ *монтри*. Бои буйволовъ весьма обыкновенны въ Мадюре; устроены даже бои барановъ съ свиньями. Охота въ Явѣ не представляетъ ни того удовольствія, ни того изобилія, какъ на Целебесѣ. Дичь скрывается въ неприступныхъ убѣжищахъ, среди безконечныхъ равнинъ центральной части острова, и когда ее безпокоятъ, прячется въ горы, гдѣ нельзя ее преслѣдовать.

Въ числѣ увеселеній Явайцевъ мы должны упомянуть также и о театральныхъ представленіяхъ. Театръ построенъ въ видѣ открыта-

го сарая, кругомъ котораго садятся зрители. Посрединѣ стоитъ чтецъ, или суфлёръ *(далангъ)* съ палкою въ рукѣ. Онъ открываетъ представленіе прологомъ, поименовываетъ дѣйствующія лица, и даетъ каждому изъ нихъ знакъ выступить на сцену, ударяя палкою по полу. Должно бы было ожидать, что каждый актеръ, выйдя на сцену, станетъ говорить свою роль. Ничего не бывало. Самъ далангъ за нихъ продолжаетъ говорить, а актеры дѣлаютъ только приличные своей ролѣ пантомимы; драма идетъ такимъ образомъ до конца: одинъ читаетъ, другіе продолжаютъ пантомиму. Актеры богато одѣты въ свои народные костюмы. Женскія роли играются молодыми людьми, которые надѣваютъ бѣлыя маски, довольно хорошо сдѣланныя, однѣ правильныя, натуральнаго вида, другія самой странной и уродливой формы (Рис. LX. ф. 2.) Первыя употребляются обыкновенными актерами, вторыя шутами. Замѣчательно, что у Явайцевъ мы находимъ сценическія маски Грековъ и Римлянъ. Впрочемъ драматическое искусство здѣсь еще въ младенчествѣ. Вотъ содержаніе одной драмы, о которой упоминаютъ путешественники. Дочь одного Явайскаго царя вышла за князя Балійскаго, который потомъ развелся съ нею, чтобы жить съ одною изъ своихъ наложницъ. Отецъ обиженной принцессы хочетъ отомстить своему зятю оружіемъ. Онъ является къ нему и застаетъ вѣроломнаго въ объятіяхъ любовницы. За этимъ слѣдуетъ общая драка между Явайцами и Балійцами. Оба супруга, предводительствуя войсками, встрѣчаются. Принцесса неуязвима, потому что богъ хранитъ ее; она щадитъ преступнаго супруга, но побѣжденная числомъ, попадаетъ въ плѣнъ. Тогда стараются обольстить ее множествомъ предложеній, которыя склонили бы сердце не столь ревнивое; мужъ хочетъ ей уступить все, кромѣ своей наложницы; онъ отдаетъ ей половину своихъ сокровищъ, полцарства.... гордая Явайка отвергаетъ его предложенія, наконецъ, чтобъ отдѣлаться отъ столь упорной привязанности, Явайку сажаютъ въ байдару и предаютъ волнамъ. Спасенная чудомъ, принцесса входитъ съ свѣжимъ войскомъ въ земли своего супруга, побѣждаетъ его, и овладѣвъ его столицею, еще разъ предлагаетъ ему свое сердце и руку, но невѣрный мужъ предпочитаетъ смерть: онъ убиваетъ себя кинжаломъ, и дьяволъ, по обыкновенію являясь, уноситъ его, и кончаетъ драму.

Этого рода спектакли называютъ *топенгъ*; сюжеты почерпаются изъ Явайскихъ хроникъ; элементы состоятъ изъ войны и любви. Когда царь присутствуетъ на представленіи, актеры не носятъ масокъ, и декламируютъ сами свои роли; иначе *далангъ* или главный чтецъ декламируетъ за всѣхъ. Звуки *гамелана* сопровождаютъ актеровъ и придаютъ болѣе выраженія ихъ декламаціи. *Топангъ* состоитъ обыкновенно изъ десяти человѣкъ, кромѣ даланга.

Топангъ есть удовольствіе высшаго общества; простой народъ, въ замѣнъ его, имѣетъ свой *валингъ*, нѣчто въ родѣ Китайскихъ тѣней. Это маріонеты, ростомъ отъ шестнадцати до двадцати дюймовъ, изъ буйволовой кожи, вырѣзанные съ большимъ тщаніемъ; они каррикатурнаго вида съ большими носами. Руки, черты лица, остроконечныя ходули, странные головные уборы, все въ этихъ валигахъ имѣетъ форму фантастическую. Нѣтъ сомнѣнія, что Явайцы приписываютъ имъ аллегорическій смыслъ (Рис. LX. ф. 2.) Различныя части этихъ фигуръ прикрѣплены одна къ другой небольшими роговыми гвоздями, и приводятся въ движеніе посредствомъ ниточекъ, привязанныхъ къ концу каждой руки. Бѣлое полотно, въ родѣ занавѣси, натянуто передъ зрителями. Отъ привѣшенной позади лампы занавѣсь сквозитъ. Считаютъ три рода *валинговъ*: *валинъ-пура*, есть древнѣйшій изъ всѣхъ, лица взяты изъ Явайской миѳологіи, до эпохи царствованія Паракизита, здѣсь боги и полубоги являются на сцену согласно съ поэмами Рама и Минтараго; *валингъ-гедодъ*, изображаетъ періодъ времени отъ Паракизита до злополучнаго Панжи; наконецъ третій разрядъ, *валингъ-клитикъ*, болѣе маріонеты, нежели Китайскія тѣни, съ фигурами изъ дерева, до десяти дюймовъ величиною, окрашенными и золочеными съ большимъ тщаніемъ. Для этого послѣдняго рода не употребляютъ прозрачной занавѣси. Предметы представленія заимствуются изъ исторіи Панжажарамской имперіи до конца царствованія Маджапагита. Далангъ завѣдываетъ всѣми этими представленіями: роль даланга, весьма почетная здѣсь, соотвѣтствуетъ роли древнихъ бардовъ. Даланги даютъ благословеніе первородному сыну каждаго семейства, читая надъ нимъ мѣста изъ древнихъ хроникъ.

Кромѣ *валинговъ* есть еще другія шутовскія представленія для народа: сцены между обезь-

яною, собакою и шукомъ, или пантомина, именуемая *барунганъ*, въ которой дѣйствующія лица наряжены дикими звѣрями; въ заключеніе списка увеселеній Явайскихъ, должно упомянуть о пляскѣ, называемой *тендакъ*. При наступленіи ночи играетъ музыка и народъ изъ домовъ выходитъ на публичныя площади, гдѣ танцовщицы должны дать свое хореграфическое представленіе. Зрители садятся подъ палатку, наскоро разбитую и освѣщенную лампами. Выходятъ танцовщицы; волоса ихъ собраны на темени; руки, грудь и плечи обнажены; одежда ихъ не скрываетъ отъ взора зрителей ни одной изъ ихъ формъ. Онѣ поютъ и пляшутъ при звукѣ инструментовъ (Рис. LXI. ф. 1.) Узорчатый передникъ, шарфъ, который онѣ держутъ за оба конца и развѣваютъ по воздуху или легко окидываютъ вокругъ стана, гармоническія и гибкія движенія, нѣжные голоса, сладострастныя положенія тѣла: вотъ средства, которыми эти женщины, именуемыя *ронгуэнъ*, стараются прельщать Явайцевъ. Заохоченные пляскою, мужчины силятся подражать танцовщицамъ, и возбуждаютъ только смѣхъ.

Ронгуэны, твари презрительныя; но султаны имѣютъ у себя другихъ танцовщицъ, называемыхъ *бедойо* или *срампи*, соперницъ Индійскихъ баядерокъ. Онѣ составляютъ правильные балеты, которые могутъ правиться Европейцу болѣе кривлянія *ронгуэнъ*. До сего времени зрѣлище этихъ плясокъ остается заключеннымъ въ султанскихъ даламахъ. Пажи Явайскихъ государей идутъ предъ ними, когда они показываются всенародно, особеннымъ маршемъ, который можетъ тоже назваться *пляскою*. Кромѣ этой, мужчины не имѣютъ другихъ военныхъ плясокъ, подобно ихъ сосѣдямъ, жителямъ Целебеса, Молукскихъ острововъ и Тимора.

Обыкновенныя жилища Явайскихъ поселянъ обходятся не дорого. За четыре рупіи (менѣе 12 франковъ) поселянинъ можетъ имѣть казу съ перегородками изъ плетенаго тростника, и съ кровлею изъ листьевъ нипа или изъ бамбука. Мѣсто, которое служитъ кроватью, нѣсколько выше пола. Отецъ и мать живутъ на одной сторонѣ казы, дѣти на другой. Свѣтъ входитъ въ двери. Вдоль фасада устроена галлерейка (Рис. LXII. ф. 1). Домы знатныхъ людей обширнѣе и строятся лучше. Они состоятъ изъ пяти или шести комнатъ и имѣютъ деревянный помостъ (Рис. LXII. ф. 2). Домы эти отличаются отъ Малайскихъ общимъ своимъ расположеніемъ, и тѣмъ, что имѣютъ окна. (Рис. LXII. ф. 3).

Жители полей почти всегда строятся деревнями. Каждая деревня расположена въ тѣни деревъ; каждая имѣетъ своихъ сановниковъ и жрецевъ. Здѣсь можно видѣть патріархальное правленіе во всей его простотѣ. Самые города Явайскіе суть не что иное, какъ нѣсколько деревень вмѣстѣ. Въ главномъ городѣ каждаго округа находится *кадатонъ*, или царскій домъ, внутренняя часть котораго составляетъ даламъ. Кадатонъ почти всегда укрѣпленъ стѣнами, рвомъ, пушками.

Въ древнемъ правленіи этой страны не было іерархіи слишкомъ сложной. Политическимъ главою общества былъ *сусунамъ* или султанъ; званіе это было наслѣдственное по праву первородства. Сусунамъ имѣлъ власть деспотическую, неограниченную: собственная воля была исключительнымъ для него закономъ. Онъ жаловалъ и разжалывалъ сановниковъ, дарилъ и отнималъ имущества, словомъ, былъ полнымъ властелиномъ лицъ и государства. Подъ нимъ правилъ государствомъ визирь или *раденъ-адипати*, которому были предоставлены всѣ заботы правленія, а всѣ удовольствія принадлежали султану. За *раденъ-адипати* слѣдовали *бапати*, или правители областей, имѣвшіе подъ своимъ начальствомъ *панджерановъ*, *тумунгонговъ*, *анджебайевъ* и *монтріевъ*, правителей разныхъ округовъ. При каждомъ *адипати* или *пати* былъ намѣстникъ, занимавшій его мѣсто въ случаѣ нужды. Всѣ эти сановники, назначаемые волею сусунама, или его министровъ, получали часть той неограниченной власти, которая принадлежала главѣ правительства. Всѣ они были маленькіе деспоты. Только власть деревенскихъ старшинъ проистекала нѣкоторымъ образомъ отъ народа. *Петинджи*, или старшина, былъ ежегодно избираемъ жителями. Онъ имѣлъ при себѣ совѣтъ изъ почтеннѣйшихъ лицъ того мѣста и долженъ былъ также совѣтоваться съ *мудиномъ*, или жрецомъ, о мѣрахъ, какія считалъ нужными предпринимать.

Правосудіе было ввѣрено великимъ жрецамъ, *пугулу*, и судіямъ, *джасакъ*. Первые судили преступленія противъ духовнаго закона; вторые преступленія противъ гражданскаго. Всѣ эти должности давались отъ султана, также какъ и военные чины. Выс-

шимъ военнымъ чинамъ было еще присвоено званіе *синапати*, или *господина войны*. Войска почти исключительно состоятъ изъ пѣхоты. Прежде введенія дисциплины Голландцами, главнымъ оружіемъ были кинжалы, или *кризы*, *ведунги*, длинные охотничьи ножи, копья, стрѣлы, пращи и продолговатые щиты. (Рис. LXI. ф. 2).

Чины отличались ношеніемъ кинжала или цвѣтомъ зонтика. Только царь могъ имѣть золоченый *пайонгъ* или зонтикъ; царица и наложницы носили пайонги желтые; родственники царицы и царскія дѣти бѣлые; *банати* или *тумугонги*, зеленые съ золочеными краями и оправою; *анджибаи*, *монтри*, *руггаи* и офицеры низшихъ чиновъ—голубые.

Казы поселянъ не имѣютъ другой мебели, кромѣ тонкихъ цыновокъ и подушекъ, покрытыхъ крашеными цыновками. Нѣсколько небольшихъ мѣдныхъ и фарфоровыхъ сосудовъ составляютъ всю ихъ домашнюю утварь. Ложки употребляютъ только для веществъ совершенно жидкихъ; ножи и вилки рѣдко употребляются. Въ богатыхъ домахъ мебель несравненно многочисленнѣе: вездѣ цыновки, ковры, ряды подушекъ и кровати. У знатныхъ Явайцевъ, которые сблизились съ Европейцами, находятся всѣ предметы Европейской роскоши: зеркала, стулья, столы, диваны, бронзы, стѣнные часы и пр.

Мы говорили уже, какъ одѣвались прежде Явайцы. Теперь у нихъ въ употребленіи большая часть нашихъ Европейскихъ матерій; они знаютъ сукно, бархатъ, кисеи, холстинки, и до невѣроятности утончили свой вкусъ въ туалетѣ. Они имѣютъ разнаго рода одежды; ихъ *саронгъ*, родъ передника, похожъ на мѣшокъ снизу открытый; *коламби*, верхнее платье съ короткими рукавами; *джарить*, есть юбка, шире саронга; *сабукъ*, куртка холстинная или шелковая; *сикабангъ*, платье изъ шелковой матеріи или изъ бархата съ кружевами; наконецъ *самбонгъ*, родъ пояса, изъ шелковой желтой матеріи, съ красными краями.

Должно думать, что искони Явайцы и Явайнки особенно занимались своимъ туалетомъ. Вотъ описаніе одежды, извлеченное изъ поэмы, писанной прежде введенія сюда магометанства. Оно можетъ служить свидѣтельствомъ образованности этого народа, въ ту эпоху, и вмѣстѣ представляетъ намъ образецъ Явайской поэзіи, которая имѣетъ свои геніальныя произведенія. Поэтъ описываетъ свою любовницу:

«Ея лице сіяетъ какъ луна; блескъ солнца затмѣвается ею; она похитила лучи небеснаго свѣтила. Она такъ хороша, что прелесть ея не можетъ быть описана. Станъ ея—образецъ совершенства; волосы, когда они распущены, волнуются черными кудрями до самихъ ногъ. Брови подобны двумъ листамъ дерева *имбо*; глаза—звѣзды; носъ орлиный; черные ея зубы лоснятся правильнымъ строемъ; губки какъ свѣжая корка мангустана; груди—цвѣта слоновой кости, совершенно круглы и клонятся одна къ другой. Ея руки подобны луку; пальцы длинны и гибки какъ тернъ лѣсной; ногти—жемчугъ; кожа ослѣпительно желта; нога плоско лежитъ на землѣ; походка величественна, какъ поступь слона.

«Красавица одѣта въ зеленое *шинди-патола*, съ золотымъ поясомъ; на пальцѣ у нея кольцо, произведеніе моря; ея серьги изъ алмазовъ съ изумрудами; ея волосы скрѣплены золотою иглой, и на вершинѣ ихъ рубинъ, оправленный въ золото и въ изумруды; ожерелье ея сдѣлано изъ семи драгоцѣнныхъ камней. Она вся такъ благоухаетъ, что нельзя различить запаха какого либо аромата.»

Вотъ какъ любовникъ и поэтъ, со всѣмъ восточнымъ преувеличеніемъ, описываетъ красавицу. Посмотримъ теперь въ *Джая-Лангкара*, каковы отличительныя свойства истиннаго фешіонебля.

«Молодой человѣкъ благороднаго происхожденія соединяетъ въ себѣ семь необходимыхъ условій. Должно: во 1, чтобы онъ былъ изъ хорошаго семейства; во 2, чтобы имѣлъ умъ понятливый; въ 3, чтобы онъ могъ самъ собою управляться; въ 4, чтобы онъ не забывалъ наставленій састраса; въ 5, чтобы его взгляды были обширны; въ 6, чтобы онъ соблюдалъ свою религію; въ 7, чтобы онъ былъ твердъ въ хорошихъ качествахъ.

«Его духъ и сердце должны быть спокойны; онъ будетъ умѣть укрощать свои страсти, и молчать, когда должно; никогда не скажетъ лжи; не будетъ страшиться смерти; не будетъ гордъ въ своемъ благочестіи, и будетъ помогать несчастнымъ. Его наружность и станъ не должны имѣть ни какихъ недостатковъ; видъ его долженъ быть кротокъ, подобно *Баттара-Асмара*, богу любви, когда онъ нисходитъ на землю. Всякій, глядя на него, скажетъ: «онъ долженъ быть великъ на

войнѣ!» Всѣ части его тѣла должны быть соразмѣрны; кожа его должна походить на самородное золото, прежде нежели его расплавятъ. Голова его будетъ велика; волосы длинны и гладки; глаза легко должны наполняться слезами; брови будутъ подобны листу имбо; носъ великъ; небольшой усъ долженъ покрывать верхнюю губу; губы должны быть подобны свѣжей корѣ мангустана; зубы будутъ вычернены; грудь широка.

«Все, что онъ скажетъ, произведетъ впечатлѣніе въ слушателяхъ; его голосъ будетъ пріятенъ. Онъ будетъ носить *шелана-шинди*, съ темнозеленымъ *бодотъ* и съ золотымъ поясомъ. Клинокъ его кинжала будетъ изъ *сатріанъ*, а рукоять изъ *тунгъ-гаксми. Сумпингъ* (родъ искусственнаго цвѣтка, привѣшеннаго къ уху) будетъ изъ золота, и на манеръ *суренгъ-пети* (храбръ до смерти), онъ долженъ носить золотое кольцо на большомъ пальцѣ правой руки.»

Безъ сомнѣнія эта поэзія можетъ показаться нѣсколько странною: но ея нравственная цѣль, важный цвѣтистый тонъ, доказываютъ высокую степень образованности древнихъ Явайскихъ народовъ.

Неоспоримымъ тому доказательствомъ служитъ также великолѣпіе развалинъ, которыми усѣянъ островъ. Нѣтъ страны болѣе богатой археологическими сокровищами. Древняя Явайская религія, почти совершенно истребленная магометанствомъ, сохранила обломки своихъ храмовъ, какъ будто для того чтобы торжествовать этими великими останками надъ ничтожными зданіями счастливой соперницы. Развалины находятся во всей восточной части острова, въ округѣ Бранбананѣ, въ Боро-бодо, въ Кулассанѣ, въ Синга-сори, въ Бранбананѣ и въ Малангѣ. Здѣсь повсюду видны группы каменныхъ храмовъ, съ статуею посреди каждаго; также развалины кирпичныхъ храмовъ; наконецъ храмы не столь совершенной постройки, относящіеся къ позднѣйшимъ эпохамъ.

Чанди или храмы Бранбана, совершенно заросли кустарникомъ, сквозь который съ трудомъ можно проникнуть въ нихъ. Предъ ними поставлены огромные *реша*, статуи духовъ хранителей храмовъ; ваятели изображали ихъ сидящими сложа ноги, и съ кинжаломъ или *ведунгъ* въ рукѣ. Маленькій храмъ Брамбанана имѣетъ решаи колоссальной величины. Они похожи на Индійскихъ факировъ, съ широкими въ ушахъ серьгами, наподобіе тѣхъ, какія носятъ Явайки, съ браслетами и съ ожерельями; огромный поясъ виситъ до колѣнъ; къ нему привязана съ правой стороны небольшая шпага; въ лѣвой рукѣ решаи держитъ свернутую змѣю, которая смотритъ на его грудь. Эти стражи поставлены предъ массивнымъ каменнымъ памятникомъ, поросшимъ зеленью папоротниковъ. Зданіе въ основаніи своемъ представляетъ четвероугольникъ, и оканчивается четырехстороннею пирамидою, (Рис. LXIII. ф. 1). Стѣны внутри изъ бѣловатаго кремнистаго камня. Извнѣ архитектура чрезвычайно проста, внутри все плоско. Въ Брабананѣ два храма, одинъ большой, другой малый; оба одинакаго стиля. Недалеко отъ Брабанана находится *Чанда-сиву*, или тысяча храмовъ; онъ есть одно изъ лучшихъ собраній древностей, покрывающее собою пространство въ шесть сотъ футовъ въ длину и въ пять сотъ тридцать футовъ въ ширину. Эти храмы группированы по четыре вмѣстѣ, крестообразно; всѣ имѣютъ пирамидальную форму; всѣ покрыты изваяніями, съ четырьмя большими входами, противу четырехъ странъ свѣта.

Вся эта полоса полна такихъ развалинъ. Можно еще видѣть такія же въ Рандонъ-гонтингѣ, на Джококартайской дорогѣ; еще далѣе въ Кали-бенингѣ; наконецъ въ Кулассанѣ, деревнѣ, не далеко отъ Бранбанана. Кулассанскія развалины представляютъ массивное каменное зданіе съ множествомъ оконъ и дверей по фасаду (Рис. LXIII. ф. 2). Оно отличается изваянными нишами, красивыми крыльцами и нѣкоторою гармоніею въ линіяхъ. Но эти красоты ничто въ сравненіи съ чудесами Боро-бодосскаго храма. Строеніе его относится къ VI и VIII вѣкамъ нашей эры. На вершинѣ коническаго храма, построено огромное четырехъугольное зданіе съ семью рядами стѣнъ, изъ коихъ каждая выше стоящей предъ нею. Должно думать, что вершина холма была сровнена для этого зданія. Оно покрыто куполомъ, имѣющимъ до пятидесяти футовъ въ діаметрѣ, и окруженнымъ тройнымъ рядомъ башенъ, которыхъ 72, и въ которыхъ поставлены статуи, обращенныя спиною къ храму, (Рис. LXIV. ф. 1.) Все это зданіе покрыто весьма хорошими изваяніями. Во внѣшней стѣнѣ около шестидесяти нишей, и въ каждой изъ нихъ поставлена статуя Буд-

ды, сидящаго, съ опущенными глазами, съ вытянутою головою, съ обнаженнымъ торсомъ, съ длинными ушами, и съ Фригійскою шапкою на головѣ, (Рис. LXIV. ф. 2.); словомъ, это Будда, какимъ его изображаютъ въ большей части Индійскихъ храмовъ. Внутренность храма имѣетъ объемъ около шести сотъ квадратныхъ футовъ. Зданіе кажется правильнымъ, но если посмотрѣть издалека, то можно видѣть, что оно искривлено, потому что строитель хотѣлъ дать ему форму, сообразную неправильному очертанію вершины холма: всякая терраса соотвѣтствуетъ этому. Общая высота около ста футовъ. Боро-бодо лежитъ поблизости Гунонгъ-діэнга, мѣстопребыванія боговъ. Послѣ этихъ великолѣпныхъ развалинъ, безполезно упоминатъ о другихъ менѣе примѣчательныхъ, какъ то о развалинахъ Кедири, Синга-сери и Маланга. Вездѣ находятся изваянія, напоминающія религіозные предметы, изображенные на стѣнахъ пагодъ Бенареса, священнаго города Индійцевъ, вездѣ Будда и его эмблемы; Ганеса съ слоновымъ хоботомъ; фантастическіе фигуры, получеловѣковъ и полуживотныхъ; химеры; рисунки, которыхъ значеніе также темно, какъ Египетскіе гіероглифы. Таковы любопытные предметы, собранные въ этихъ священныхъ мѣстахъ неутомимыми археологами; впрочемъ донынѣ только незначительная часть срисована путешественниками. (Рис. LXV).

Эти памятники и священныя зданія свидѣтельствуютъ о древнихъ любопытныхъ судьбахъ сихъ странъ. Туземцы имѣютъ три исторіи, о которыхъ упоминаетъ Г. Рeффлъ, и изъ которыхъ каждая безъ сомнѣнія заключаетъ свое баснословіе. Англійскій писатель полагаетъ, что первые обитатели Явы были Египетскіе выходцы. Миддлекопъ съ большею достовѣрностію почитаетъ ихъ Индійцами. Древнѣйшая эпоха, о которой упоминаютъ ихъ книги, не восходитъ далѣе 72 года до нашей эры. Древнѣе этой эпохи все основывается на ипотезахъ. Хронологическая таблица, полнѣйшая изъ всѣхъ, именуетъ тридцать восемь царей отъ 1 года Явайскаго лѣтосчисленія, до 1200, т. е. до XII вѣка нашей эры. Къ этому времени принадлежитъ императоръ Панжи, прославленный въ Явайской поэзіи своими похожденіями съ принцессою, на которой онъ женился въ Индіи; затѣмъ слѣдуютъ Кунда, Лаліанъ, Мундингъ, Ванжи и Баніакъ; Веди, основатель столицы обширнаго государства на томъ мѣстѣ, гдѣ произошла священная война Брата-юдая. «Построимъ здѣсь столицу этого государства», сказалъ онъ своимъ воинамъ, «и назовемъ ее *Маджа-пагитъ* (т. е. *горечь*).» Такимъ образомъ было основано Маджапагитское царство, около 1221 года Явайскаго лѣтосленія. Оно вскорѣ распространилось по всему острову, и даже существовало послѣ введенія магометанства, въ началѣ XV вѣка по Р. Х. Въ половинѣ этого столѣтія оно достигло высшей степени силы; всѣ ближніе архипелаги, Бали, Флоресъ, Сумбава, Тиморъ, были его данниками; но пятьдесятъ лѣтъ спустя открылась религіозная война, и древняя династія Маджапагитскихъ царей пала подъ ударами послѣдователей Корана. Капища были замѣнены мечетями, цари султанами, огромное Маджапагитское царство царствомъ Матарамскимъ.

Новое царство существовало до появленія Европейскихъ мореплавателей. Альбукеркъ завоевалъ Малакку въ 1511 и 1521 г. Антоніо-де-Бритто на пути къ Моллукскимъ островамъ открылъ островъ Мадуре. Первый Голландецъ, посѣтившій эти моря, былъ нѣкто Гоутманъ, который случайно въ Лиссабонскихъ тюрьмахъ узналъ отъ другаго узника о торговлѣ Португальцевъ на островахъ Сондскихъ. Гоутманъ основалъ въ Бантамѣ, въ 1596 г., первую Голландскую контору; но не прежде 1610 г., Петръ Ботъ, первый генералъ-губернаторъ Голландскій, основалъ контору на самой Явѣ, на берегу небольшой рѣки Якатры: это нынѣшняя Батавія. Послѣ этой эпохи Голландцы должны были бороться то съ Португальцами, то съ Англичанами, то съ туземцами, для утвержденія своей власти въ Индіи. Адмиралъ Спильманъ покорилъ Макассаръ; Де-Вильдъ заключилъ съ разными мелкими князьями Явы трактаты, по коимъ они признали надъ собою Голландское владычество; непокорный вождь Монгкуралъ явился съ повинною головою къ генералъ-губернатору Фанъ-Гоофу; баронъ Фанъ-Имгофъ усмирилъ бунтъ Китайцевъ, едва не распространившійся по всему острову, и даже его преемники только долгими и тяжкими трудами искоренили сѣмена этого бунта. Наконецъ въ 1749 г. Явайскій императоръ, или *сусунамъ*, предъ смертію своею завѣщалъ царство Голландской Остъ-Индійской компаніи, предоставляя ей

назначить ему преемника. Голландцы должны были выдержать еще несколько войнъ по случаю этого политическаго завѣщанія; но ихъ устойчивость превозмогла всѣ преграды, и Ява сдѣлалась наконецъ тѣмъ, что она теперь—данницею Голландіи. Въ 1811 г., когда на мѣсто генерала Дандельса былъ назначенъ генералъ Янсенсъ, Англичане заняли Батавію и всѣ Голландскія колоніи, и возвратили ихъ не прежде 1814 года.

Должно отдать справедливость Голландцамъ, въ томъ, что хотя ихъ правленіе строго, но они лучше другихъ постигли какъ управлять колоніею, такимъ образомъ, чтобы она могла приносить пользу отдаленному государству, которому принадлежитъ, и чтобъ туземцы въ ней не столько терпѣли. Въ этомъ Голландія была умнѣе и умѣреннѣе Англіи. Она не срубила дерева, чтобы снять съ него плодъ; она не истощила земли, чтобы получить съ нее лучшую жатву; она не дѣйствовала подобно расточителю, который спѣшитъ насладиться жизнію, предвидя, что она кратковременна. Голландія уважила, сколько то согласовалось съ ея выгодами, нравы, обычаи, законы туземцевъ; она оставила имъ ихъ князей и судей, предоставляя себѣ только судить этихъ судей и князей; она почтила древнее раздѣленіе собственностей, и когда рѣшилась ввести монополію, то сдѣлала это такъ осторожно, что жители почти не почувствовали того.

Надо впрочемъ сказать, что самый характеръ жителей Голландскихъ колоній болѣе благопріятствовалъ Голландцамъ, нежели Англичанамъ. Нравъ ихъ колонистовъ въ Явѣ не имѣетъ того фанатисма и нетерпимости, которыя въ Индіи заставляютъ народъ избѣгать всякаго сближенія съ побѣдителемъ. Явайцы добры, съ ними не трудно сладить; ихъ нравы какъ будто сохраняютъ отпечатокъ языка, пріятнаго, поэтическаго и сладкозвучнаго. Онъ принадлежитъ, кажется, къ языкамъ Санскритскаго корня; въ немъ считается двадцать согласныхъ и шесть гласныхъ буквъ. Явайская литература и поэзія имѣютъ правила, и обнаруживаютъ понятія весьма развитыя. Народныя пѣсни благородны, величественны и исполнены силы и смѣлости. Науки также не чужды Явайскому народу: онъ знаетъ счисленіе и первыя начала математики; Арабскій календарь замѣнилъ здѣсь календарь браманическій. Въ прежнее время Ява вела свое лѣтосчисленіе по гражданскому году или саливана. Это продолжалось еще 150 лѣтъ послѣ введенія магометанства. Въ царствованіе великаго султана Агунга (1633) было введено Магометанское лѣтосчисленіе. Явайцы кромѣ счисленія годичнаго, имѣютъ также много другихъ періодическихъ счисленій, и между прочимъ семигодовое, которое существуетъ въ Сіамѣ и въ Тибетѣ. Названіе семи годовъ, составляющихъ этотъ кругъ времени, суть слѣдующія: *мангкара*, морской конекъ (рыба); *менда*, коза; *калабангъ*, тысяченожка; *вишитръ*, червь; *минтона*, рыба; *васъ*, скорпіонъ; *маиша*, буйволъ; всѣ эти имена заимствованы отъ Санскритскаго языка.

Явайцы имѣли также познанія въ мореплаваніи и географіи. Они раздѣляли горизонтъ на восемь частей. Земледѣльцы различали только четыре страны свѣта. Старики и старухи занимаются медициною. Нѣкоторые рецепты достались имъ отъ Аравитянъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

ПУТЕШЕСТВІЯ ВОКРУГЪ СВѢТА.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ОСЬМАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

КОНЕЦЪ ОГЛАВЛЕНІЯ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

РИСУНКИ

КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

ПУТЕШЕСТВІЯ ВОКРУГЪ СВѢТА.

(*) Эта картинка тиснута ошибкою на одномъ листѣ съ рисункомъ XII.

(**) Тоже тиснута на одномъ листѣ съ рис. XII.

КОНЕЦЪ ОГЛАВЛЕНІЯ РИСУНКОВЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

1. Житель острова Мауи

2. Покинутый морай [illegible]

ОС. ГАФУЛУ-ГУ
ВАВАО
Пангаи моду
Таонга
Лека Лека
Лашап
ОСТР. ГАПАЙСКІЕ
Фаланга
Гаано
Нуку-нам
Лефуга
Вига
Каo
Тофуа
Волканъ
Пиписа
Лофанга
Кака вала
Гафева
Намука
Ос Манго
Фалафеа
Гунга Гапаи
Гунга-Тонга
ТОНГА-ТАБУ
Тау
Лагун
ЕОА
Катао
КАРТА
ОСТРОВОВЪ ТОНГА
Долгота къ Западу отъ Парижск. меридіана.
Южная широта

1 — Тагофа старшина въ Лей 2 — Пау старшина въ Муа

1. Kava

2. Four de gazon

1. Маи-мока въ Муа Тонга

2. Офицеры съ Астролябіи посѣщаютъ Тонгу

1. – Гигантское дерево въ Мауи

2. Кулачный бой женщинъ въ Тонга-Табу

Туи Маза Нуиа

Игры и празднества въ Мауна Маке

1. Марианкр и Бабие

2. [illegible]

1. Остролябія между подводныхъ Кораловыхъ мѣлей

2. Нападеніе на остр. [illegible]

1. Маркизская женщина

2. Оружие и [illegible]

1. Игра в мячики [illegible]

2. Внутренній видъ жилища въ Тонга

1. Les Tapabanis de Vavao foububa

2. Tonga-Tabou, Lepesa

1. Вершина острова — Кайдабона

2. Жители — Вити-Леву

Mawaka et [illegible]

1. Armes et ornemens de l'archipel [illegible]

[illegible]

[illegible]

1. Winnuuna et comp_Tanna.

2. Hapounna et comp. Tanna

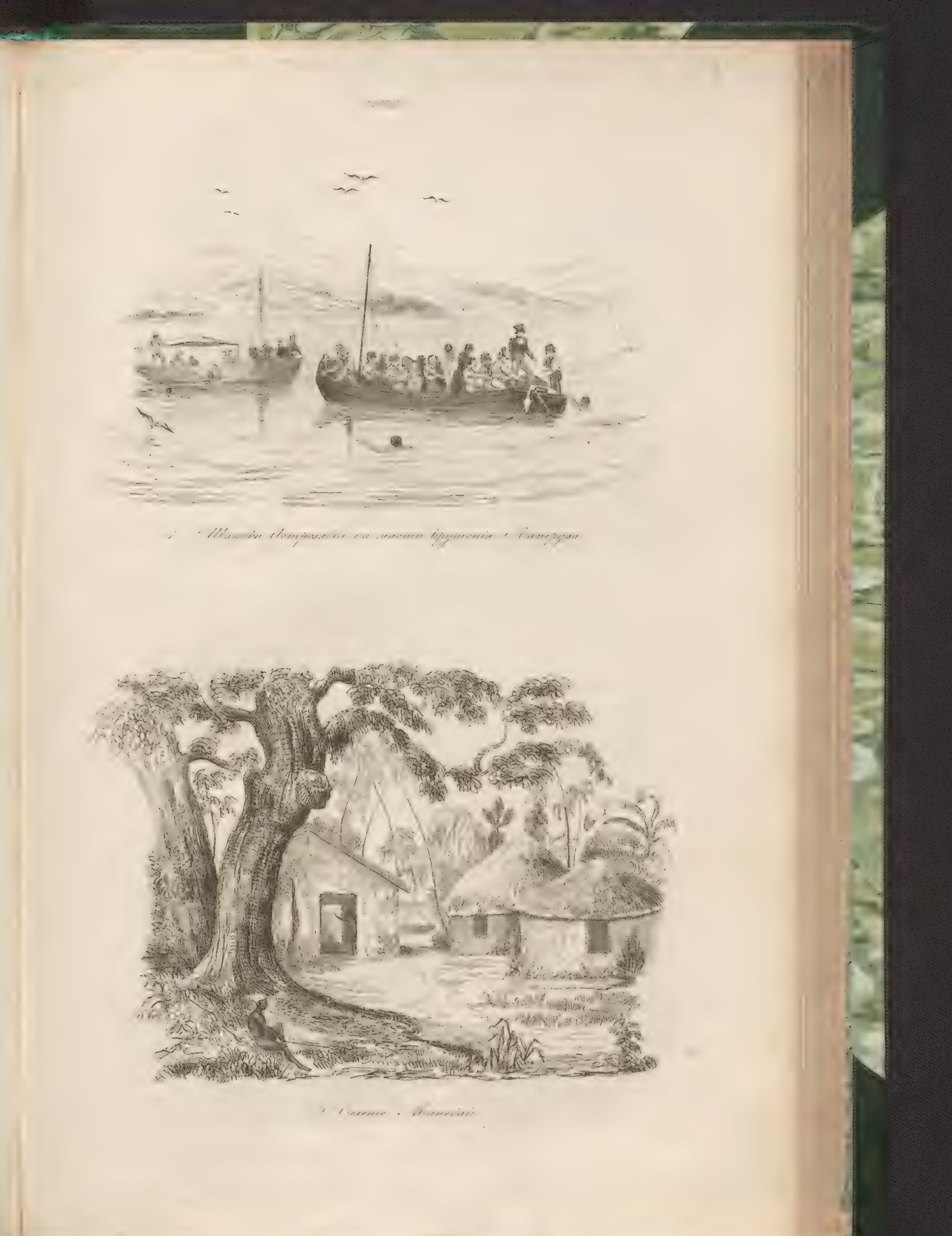
1. — Pic — [illegible].

2. — [illegible] — [illegible]

1. Крушение [illegible] на [illegible].

2. [illegible]

3. [illegible]

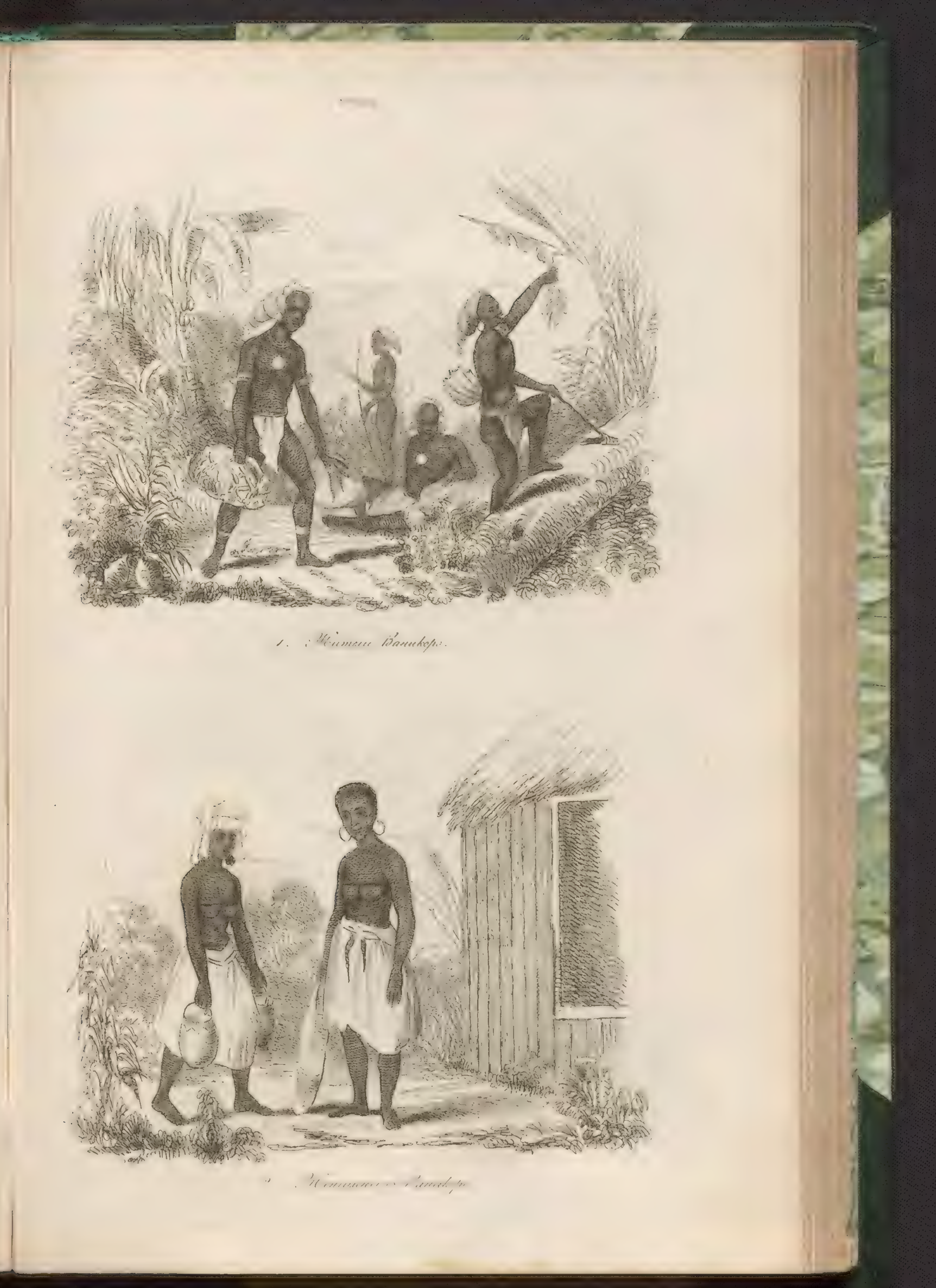


1. [illegible]

2. [illegible]

1. Памятникъ Лаперузу въ Камчаткѣ

2. Гора Ваникоро



1. *Жители Ваникоро.*

2. *Женщины Ваникоро.*

1. Canot indigène Map.

2. Dans Amga de Banalope.

1. — Pirogue Pomotouane.

2. Pirogue complètement d'Ysabel

1. [illegible]

2. [illegible]

1. Homme, Femme Patagons

2. Pirogue des [illegible]

1. Жители остр. Новогвинейцы.

2. Райская птица самецъ и самка

1. Селеніе Дорей

2. Гробница [illegible]

1. [illegible]

2. [illegible]

1. Papouas — [illegible]

2. [illegible]

1. [illegible]

2. [illegible] 3. [illegible]

[illegible]

1. Cascade près Menado

2. Menado.

1. Домъ резидента въ Менадо.

2. Прогулка на озерѣ Тондано.

2. [illegible]

1. [illegible]

1. Улица въ Батавіи.

2. Старшина [illegible]

1. Витензоргскій дворецъ

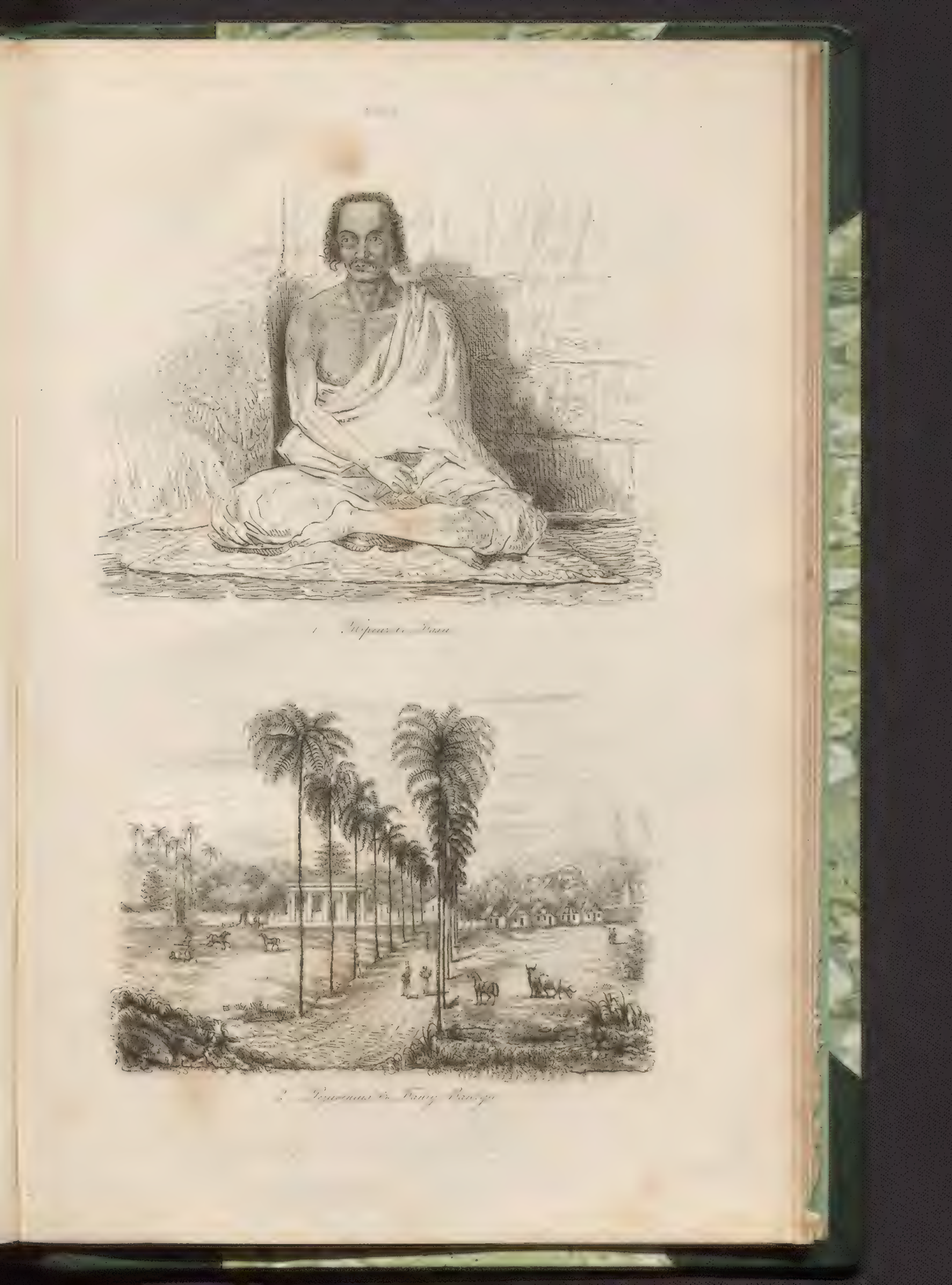
2. Женщина и мужчина изъ Явы

1. L'Océan, panorama de Cayenne

2. Rue à Cayenne

1. Homme Bougui.

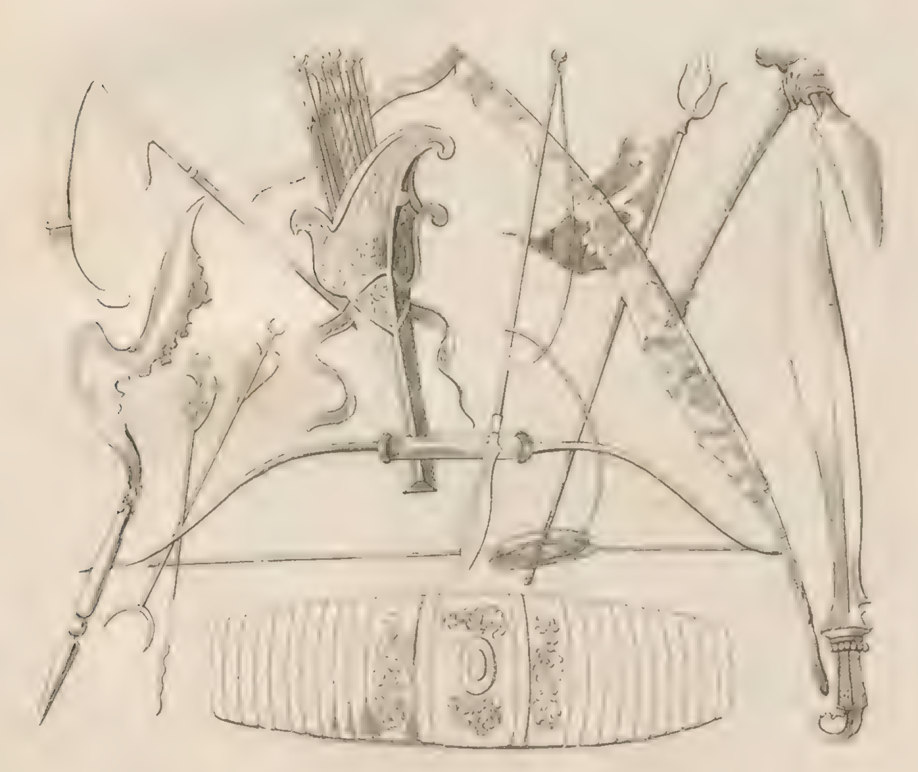
2. [illegible]



1. [illegible]

2. Gouvernement de Poulo Pinang

1. Жрица. Явани



2. Оружие и Знамена. Явани